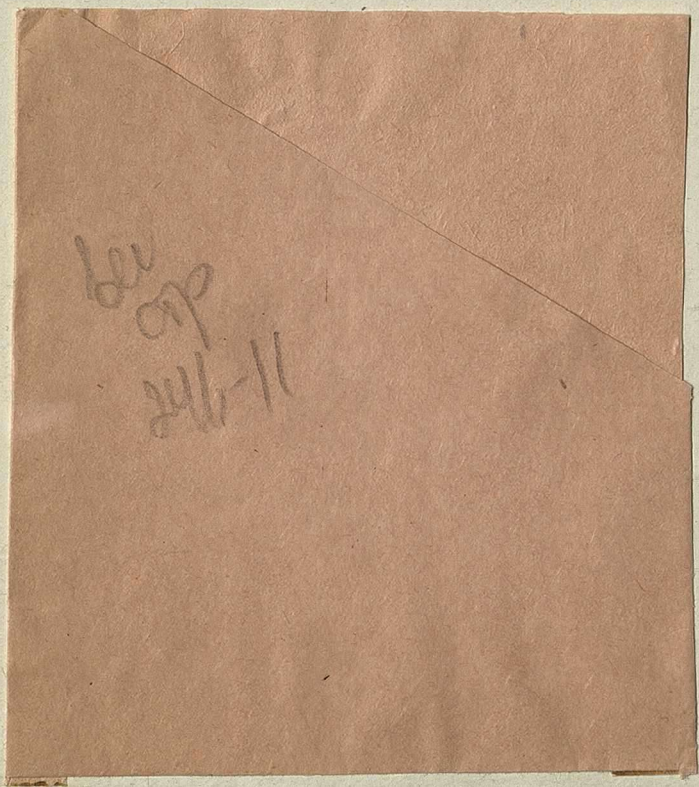
M 51/67
T. 1 1871

М 51/69



ЭБ

801-87
8801-5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XIX-го СТОЛѢТІЯ.

801-20
1899

ИСТОРІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX-го СТОЛѢТІЯ

Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1871

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

130226-0

2014150102

Печатано въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская, № 7—14).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

ВВЕДЕНІЕ.

Глава I. Предметъ настоящаго сочиненія 1

Глава II. Основныя направленія въ исторіи политической литературы: схоластическое, метафизическое и положительное, и ихъ зависимость отъ философскаго метода 6

Глава III. Развитіе схоластическаго и метафизическаго направленія въ связи съ исторической жизнью Европы 22

Глава IV. Руссо и метафизическое направленіе въ XVIII вѣкѣ. 42

Глава V. Первыя начала положительнаго направленія въ связи съ исторической жизнью Европы .. 76

Глава VI. Ло и его система. 98

Глава VII. Адамъ Смитъ 131

Глава VIII. Развитіе положительнаго направленія въ философской литературѣ. Бэконъ, Локкъ и Кантъ. 202

Глава IX. Бентамъ и примѣненіе этого направленія къ нравственно-политической философіи . . . 238

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ЭКОНОМИСТЫ.

Глава I. Общій характеръ политической литературы XIX-го вѣка; ея раздѣлы и порядокъ изложенія. 271

Глава II. Экономисты. — Вопросъ о соотвѣтственности между потребностями и средствами удовлетворенія, какъ онъ поставленъ экономистами. — Мальтусъ 280

Глава III. Естественный законъ въ виду общественныхъ учрежденій и разборъ средствъ, предложенныхъ къ его устраненію 291

Глава IV. Рикардо и его теорія цѣнности. 307

Глава V. Продолженіе теоріи цѣнности Рикардо; отличіе текущей или мѣновой цѣны отъ натуральной; вліяніе на цѣнность спроса и предложенія . 349

Глава VI. Продолженіе. Вліяніе на цѣнность налога . 363

Глава VII. Окончаніе теоріи Рикардо. — Денежное обращеніе. — Общія замѣчанія относительно системы и ея изложенія. 383

Глава VIII. Жанъ-Батистъ Сэ. 390

Глава IX. Общее значеніе школы экономистовъ. — Внѣшнее развитіе экономическихъ началъ въ Англіи. 415

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ разсуждать о вопросахъ, касающихся своего существованія, онъ могъ ихъ разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Онъ могъ ихъ разсматривать, во первыхъ, съ своей чисто личной точки зрѣнія, независимо отъ окружающихъ его условій, и, во вторыхъ, онъ могъ ихъ разсматривать въ связи съ окружающими его условіями. Окончательныя его рѣшенія въ томъ и въ другомъ случаѣ должны были быть весьма различны, и между этими-то двумя способами отношенія къ нравственнымъ явленіямъ вращалось все разнорѣчіе нравственно-философскихъ системъ, которыя были когда-либо построены. Человѣкъ съ одной стороны стремился жить и наслаждаться, съ другой внѣшнія условія постоянно полагали преграды такому стремленію, и онъ приходилъ то къ признанію своего полнаго подчиненія условіямъ, отъ него независящимъ, то считалъ себя хозяиномъ и господиномъ своей жизни и положенія. Согласно этому уже въ древнемъ мірѣ образовалось два рода системъ: однѣ фаталистическія, отрицавшія за человѣкомъ возможность устроивать свою собственную жизнь, другія соціалистическія, признававшія эту возможность въ полномъ размѣрѣ. Эти два основные вида нравственно-философскихъ системъ повторились и въ новѣйшей литературѣ со всей своей опредѣленной исключительностью. Обѣ имѣли свою роль и назначеніе въ жизни, обѣ выполняли извѣстныя функціи и потому обѣ имѣютъ право на серьезное историческое къ

себѣ отношеніе. Однѣ представляли элементъ порядка и дисциплины, элементъ статическій, другія — элементъ прогресса и движенія, элементъ динамическій, и потому понятно, что обѣ развивались и процвѣтали въ свои времена. Развитіе однихъ совпадало съ развитіемъ дисциплинарныхъ началъ въ самомъ обществѣ, съ закрѣпленіемъ въ жизни выработавшихся формъ; развитіе другихъ сопровождало обновленіе и усовершенствованіе отжившихъ формъ.

Никто не можетъ спорить противъ того, что дисциплинарное начало имѣло первостепенное значеніе не только для начальной исторіи человѣческихъ обществъ, но и сохраняетъ такое значеніе постоянно. Но дисциплина и порядокъ сами по себѣ не могутъ быть цѣлью общежитія, а представляютъ только средство, дающее возможность осуществиться болѣе существеннымъ стремленіямъ жизни. Точно такъе не мыслимо никакое развитіе и усовершенствованіе жизни помимо дисциплины. Поэтому ни тѣ, ни другія системы въ ихъ исключительности не въ состояніи удовлетворить практическимъ цѣлямъ, которыхъ общество можетъ ожидать отъ нравственно-философской системы. Независимо отъ того, оба вида системъ столь же мало удовлетворительны и въ теоретическомъ смыслѣ. Человѣкъ не есть произвольный хозяинъ своей собственной жизни, а поставленъ въ зависимость отъ условій внѣшней природы, которыя родились раньше его. Но въ тоже время онъ не есть слѣпое орудіе природы, а индивидуальное бытіе, имѣющее возможность защищать свою индивидуальность, воздѣйствовать на природу и подчинять ее себѣ, а слѣдовательно устроивать свою жизнь самостоятельно въ извѣстныхъ предѣлахъ. Эта возможность не есть однако разъ данная отъ природы въ опредѣленныхъ размѣрахъ, а есть также выработанная и вырабатываемая постоянно, путемъ труда и борьбы съ окружающей природой. Ничтожная въ первобытномъ состояніи, она возникаетъ только съ цивилизаціей. Возможность устроивать свою жизнь самостоятельно растетъ только пропорціонально пріобрѣтенной, завоеванной человѣкомъ власти надъ природой и, слѣдовательно, вырабатывается столь же медленно, какъ возрастаетъ эта власть. Нравственный человѣкъ вырабатывается такъ же медленно, какъ выработался человѣкъ физическій въ свое время. Но кромѣ того самая борьба человѣка съ

природой и его пріобрѣтенія на данномъ пути подчинены извѣстнымъ общимъ законамъ природы, которые не только обусловливаютъ медленность этой борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ предѣлъ самому подчиненію себѣ человѣкомъ природы. Ни тѣ, ни другія системы, ни системы, слѣдовательно, фаталистическія, ни соціалистическія, не могутъ въ своемъ исключительномъ видѣ удовлетворять требованіямъ теоретической системы, согласной съ уровнемъ современнаго знанія природы.

Только разсматривая экономію человѣческихъ обществъ какъ часть общей экономіи природы, подчиненную тѣмъ же основнымъ и неизмѣннымъ началамъ, а жизнь человѣка какъ подчиненную въ своемъ развитіи общимъ естественно-историческимъ законамъ, которымъ подчинены всѣ вообще явленія въ природѣ, можно, какъ намъ кажется, придти къ теоріи вполнѣ удовлетворительной.

Мы не можемъ разсматривать человѣка какъ существо совершенно самостоятельное среди природы, не можемъ его разсматривать и какъ существо совершенно безличное среди этой природы, а должны его разсматривать какъ существо, самостоятельность котораго постепенно признается, хотя въ концѣ концовъ должна все-таки имѣть свои предѣлы.

Такова точка зрѣнія, которой должна удовлетворить, по мысли автора, вполнѣ современная теорія общественныхъ явленій и которой онъ держался при оцѣнкѣ отдѣльныхъ политическихъ системъ въ настоящемъ сочиненіи.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Политическая литература въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова обнимаетъ собою всѣ отдѣлы нравственнаго знанія, т. е. литературу не только въ тѣсномъ смыслѣ политическую, но и литературу экономическую и юридическую, нравственно-философскую и историческую. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ подъ нею разумѣютъ часто литературу, касающуюся исключительно искусства политики. Въ настоящемъ сочиненіи я не придавалъ этому выраженію ни того, ни другаго исключительнаго значенія.

Въ томъ и другомъ смыслѣ литература представляетъ рядъ чисто спеціальныхъ и частныхъ вопросовъ и массу сочиненій по этимъ вопросамъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ войти въ общую исторію политической литературы. Но каждый изъ спеціальныхъ отдѣловъ литературы представляетъ собою рядъ вопросовъ болѣе общихъ, которымъ онъ соприкасается съ общимъ вопросомъ общежитія. Сумма этихъ вопросовъ составляетъ общую или философскую часть политической или государственной науки, въ самомъ обширномъ ея смыслѣ.

Общая исторія политической литературы, не имѣя ни особенной нужды, ни возможности становиться исторіей спеціально тѣхъ или другихъ отдѣловъ, должна по неволѣ заниматься общей философской стороной всѣхъ отдѣловъ государственной науки и преимущественно тѣхъ отдѣловъ ея, которые касаются существеннѣйшихъ вопросовъ общежитія, т. е. быть исторіей литературы государственно-философской. Въ этомъ смыслѣ я понималъ предметъ настоящаго сочиненія и считалъ его интереснымъ не только для спеціалистовъ, но и для большинства образованныхъ читателей.

Я имѣлъ въ виду поэтому написать исторію воззрѣній на существеннѣйшіе вопросы общежитія, господствовавшихъ въ государственно-философской литературѣ текущаго столѣтія. Такая цѣль, по моему мнѣнію, оправдывалась, кромѣ любопытства самаго предмета и совершеннаго отсутствія сочиненій подобнаго рода въ нашей литературѣ, при крайней бѣдности и неудовлетворительности того, что представляетъ въ этомъ отношеніи литература иностранная,—серьезной пользой, которую можетъ оказывать появленіе подобныхъ трудовъ общему уровню общественнаго знанія.

При неоспоримомъ отсутствіи подлиннаго знакомства въ обществѣ съ разнообразными трудами писателей и при затруднительности знакомства съ ними въ подлинникѣ, мы не можемъ въ тоже время отрицать того факта, крайне прискорбнаго, что въ обществѣ весьма легко устанавливаются опредѣленныя мнѣнія и представленія о тѣхъ или другихъ направленіяхъ и писателяхъ, представленія, основаніемъ для которыхъ служатъ слухи или чужіе отзывы печатные или устные, въ свою очередь лишенные всякаго дѣйствительнаго знакомства съ предметомъ. Зная, что Адамъ Смитъ защищалъ свободу торговли, мы полагаемъ, что знаемъ Адама Смита; зная, что Ло выпускалъ бумажныя деньги, мы полагаемъ, что знаемъ Ло. Всякій, запомнившій на лету по одной фразѣ, относящейся къ каждому писателю, считаетъ себя знающимъ исторію литературы и знающимъ все, что нужно для того, чтобы судить и писателей и направленія и считать себя приверженцемъ или противникомъ того или другаго направленія. Такой путь распространенія опредѣленныхъ приговоровъ тѣмъ болѣе легокъ, что общее отсутствіе знакомства съ дѣломъ, помогая возникновенію ложныхъ представленій, въ тоже время затрудняетъ ихъ разоблаченіе и слѣдовательно ложныя и превратныя представленія могутъ высказываться и обращаться тѣмъ безопаснѣе и смѣлѣе. Въ результатѣ выходитъ, что общество знакомится не съ писателями и литературой, а съ собственными личными измышленіями и фантазіями, вымышленными на счетъ того или другаго писателя и направленія, и по нимъ не только судитъ литературу, но и руководится само въ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ.

Отъ общественнаго міросозерцанія, слагающагося такимъ путемъ, нельзя ожидать много добра. Оно съ одной стороны позволяетъ всякому носиться съ своими личными выдумками, какъ съ мнѣніями, заимствованными у громкихъ авторитетовъ, и искажать эти авторитеты въ ту или другую сторону, смотря по личнымъ вкусамъ и настроенію. Отсюда выходитъ, что ни одинъ писатель, ни одна теорія, становясь достояніемъ общественнаго мнѣнія или толковъ, не избѣгаетъ перерожденія въ абсурдъ, а почти всякая опошляется и приводитъ къ нелѣпымъ поступкамъ и дѣйствіямъ, если успѣваетъ выразиться въ дѣйствіи. На такіе результаты нельзя смотрѣть уже ни небрежно, ни хладнокровно. Все равно каковъ бы ни былъ характеръ абсурднаго дѣйствія, въ какую бы сторону оно ни было направлено, въ ретроградную или передовую, оно во всякомъ случаѣ приноситъ вредъ, выражается ущербомъ для общаго благополучія.

Человѣкъ, желающій держаться строгой истины, живетъ постоянно между двумя огнями и давленіями: онъ презирается одними и преслѣдуется другими часто потому только, что онъ свѣдущѣе другихъ, и вразумляющій голосъ его ничего не вызываетъ кромѣ негодованія, потому только, что онъ видитъ произвольность сужденій той и другой стороны и не хочетъ имъ подчиниться. Такую судьбу испытываютъ писатели болѣе или менѣе въ каждомъ обществѣ и можно сказать даже, что чѣмъ популярнѣе становится имя писателя, тѣмъ болѣе имъ

злоупотребляется, тѣмъ болѣе рискуетъ онъ производить на общество вовсе не то вліяніе, на которое разсчитывалъ. Такое обстоятельство научило самихъ писателей быть осторожнѣе; оно охладило въ нихъ охоту точно и ярко формулировать свои воззрѣнія, поражать оригинальностью и смѣлостью теорій и воспитало иной способъ, болѣе осторожный, при которомъ, примѣняясь къ умственному уровню общества, имѣется болѣе въ виду постепенное развитіе понятій, чѣмъ утвержденіе законченныхъ опредѣленныхъ воззрѣній. Писатели съ громкимъ языкомъ, съ смѣлыми теоріями вышли изъ моды не потому только, что смѣлыя теоріи бываютъ большей частью лишены должной основательности, но потому также, что способъ ихъ вліянія на общество оказывался далеко не столь благотворенъ и основателенъ. Общество привыкло въ каждой теоріи видѣть не то, что она въ сущности есть, не научную гипотезу, подлежащую повѣркѣ и обсужденію, а слово закона, исходящее изъ частной среды и подлежащее или безусловному презрѣнію или слѣпому восторгу, и если этотъ законодательный кодексъ, преломляясь сквозь личныя толкованія общества, подвергается неминуемому извращенію, то можно себѣ представить, каково должно быть его конечное дѣйствіе. Писатели, рисковавшіе построеніемъ теорій, рано или поздно видѣли неминуемо, что ихъ вліянію приписываются такіе результаты, такіе поступки, о которыхъ они никогда не помышляли. Это заставило ихъ быть осторожнѣе; но и принятый ими новый способъ не устраняетъ неудобствъ стараго.

Любители конечныхъ выводовъ упрекаютъ ихъ въ отсутствіи даровитости и оригинальности, въ недостаткѣ творчества и геніальности, которой обладали старые писатели, даже въ отсутствіи опредѣленныхъ взглядовъ и убѣжденій. Но тѣмъ не менѣе и такой цѣной они не удерживаютъ общества отъ конечныхъ обобщеній. Послѣднее ищетъ во что бы то ни стало конечныхъ обобщеній, и находитъ во всякомъ случаѣ матерьялъ для такихъ обобщеній, Общество ищетъ во что бы то ни стало конечныхъ отвѣтовъ на конечные вопросы, ищетъ ихъ и въ политической литературѣ.

Между тѣмъ сама точка зрѣнія современной науки противится построенію такой теоріи, которая давала бы готовые отвѣты на всѣ частные вопросы. Это не значитъ, чтобы научная точка зрѣнія въ тоже время противилась вообще опредѣленности воззрѣній на бытовой вопросъ, изгоняла всякое руководящее начало. Это значитъ только, что сами руководящія начала и основныя положенія современнаго знанія отрицаютъ возможность такой системы, въ которой, какъ въ древнихъ книгахъ Сивиллы, былъ бы заключенъ весь кодексъ правилъ, искомыхъ человѣчествомъ для своего благополучія. А именно такого кодекса ищетъ общество въ каждой системѣ. Такимъ образомъ оказывается, что общество большей частью не понимаетъ литературы ни въ прошлыхъ, ни въ настоящихъ писателяхъ.

Здѣсь нѣтъ мѣста продолжать дальнѣйшее развитіе этой темы; достаточно было указать на фактъ существенный и неоспоримый. Все мною сказанное приведено съ цѣлью объяснить необходимость въ литературѣ сочиненій собственно экзегетическихъ, такихъ сочиненій, ко-

торыя бы знакомили съ писателями и направленіями на основаніи знакомства съ ними въ подлинникѣ въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Въ ряду такихъ сочиненій исторія литературы, описывающая эти направленія совокупно, интегрирующая такъ сказать эти направленія въ одно послѣдовательное изложеніе, можетъ представить чтеніе настолько же полезное, насколько занимательное.

Я намѣренъ поэтому описать тѣ направленія, которыя представляетъ политическая литература текущаго столѣтія.

Что касается самаго способа изложенія, который встрѣтитъ у меня читатель, то въ этомъ отношеніи я замѣчу, что полнота изслѣдованія въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее, вообще зависитъ не отъ количества фактовъ и разнообразія источниковъ, которымъ дано мѣсто, сколько отъ выбора самихъ фактовъ и источниковъ. Стараться обнять въ исторіи литературы по возможности наибольшую часть написаннаго, знакомить читателя съ писателями, не возбуждавшими никогда его вниманія и не стоющими этого вниманія, ради одной полноты, было бы во всякомъ случаѣ скорѣе задачей справочной книги для спеціалистовъ, чѣмъ задачей сочиненія, предназначаемаго если не для популярнаго чтенія, то для болѣе или менѣе разнообразнаго круга образованныхъ людей. Сжатость изложенія и немноготомность въ такомъ сочиненіи есть наиболѣе вѣрное ручательство за то, что книга будетъ прочтена; а болѣе обстоятельное и подробное ознакомленіе съ главнѣйшими источниками на счетъ второстепенныхъ — лучшее ручательство за большее богатство внутренняго содержанія, которое встрѣтитъ читатель въ книгѣ. Но есть и еще одна причина, которая заставляетъ меня ограничить свой выборъ между писателями. Я сказалъ, что единственное ручательство за превосходство такого сочиненія передъ суммой ходячихъ мнѣній о различныхъ писателяхъ можетъ основываться только на знакомствѣ съ этими писателями не иначе какъ въ подлинникѣ. А такое знакомство, при значительной массѣ источниковъ, которые захочетъ обнять сочиненіе, требуетъ такой учености, такой суммы труда и времени, которыми я вовсе не располагаю, и такихъ ученыхъ средствъ, которыми у насъ врядъ ли располагаетъ самый счастливый писатель. Я долженъ сказать поэтому заранѣе, что библіографъ не найдетъ въ моемъ сочиненіи для себя ровно ничего и что по суммѣ вложенныхъ въ него свѣдѣній оно можетъ быть прочитано съ пользой и занимательностью и удовлетворить потребности такого лишь общества, общій образовательный уровень котораго заставляетъ много желать какъ въ своихъ читателяхъ, такъ и въ журналистахъ и наставникахъ.

Но независимо отъ богатства или бѣдности матерьяла, изложеніе исторіи литературы можетъ имѣть двѣ различныя формы.

Литература каждаго времени можетъ быть изучаема во первыхъ со стороны внѣшней или описательной, въ непосредственной связи съ исторіей самого общества, и во вторыхъ со стороны ея внутренняго содержанія, какъ рядъ системъ, теорій и тѣхъ пріобрѣтеній, которыя дѣлаетъ политическая мысль путемъ этихъ теорій въ раскрытіи настоящихъ основаній общественнаго благополучія.

Нужно сознаться, что изображеніе умственной дѣятельности въ

связи съ ходомъ внѣшнихъ историческихъ событій имѣетъ многія преимущества; оно представляетъ воображенію читателя все занимательное разнообразіе живаго, жизненнаго повѣствованія, весь драматизмъ науки, какъ явленія дѣйствующаго или активнаго. Читатель видитъ, что было поводомъ къ возникновенію извѣстныхъ идей и направленій въ наукѣ; что ихъ поддерживало, питало; какъ вліяли онѣ на общество и пр.; онъ присутствуетъ, такъ сказать, при самомъ зарожденіи этихъ идей и направленій и затѣмъ видитъ весь процессъ ихъ развитія и упадка въ постоянной связи съ жизненнымъ теченіемъ. Въ этихъ идеяхъ онъ слѣдитъ за борьбою живаго человѣка за благосостояніе; въ его страданіяхъ онъ чувствуетъ себя самого, часть своего собственнаго существа, и потому живѣй проникается историческими интересами. Какъ, наблюдая частныя явленія окружающей его жизни, онъ становится богатъ опытомъ, такъ и здѣсь онъ обогащается историческимъ опытомъ и научается поэтому болѣе вѣрной оцѣнкѣ литературныхъ явленій.

Несмотря на то, я долженъ прямо сказать, что главнымъ предметомъ настоящаго сочиненія будетъ все-таки собственно изложеніе системъ и теорій, а не исторія общества, на сколько она соприкасается съ литературой. Многія причины заставляютъ меня принять такое рѣшеніе, и въ числѣ ихъ опасеніе—принять на себя слишкомъ сложную задачу и расширить слишкомъ рамку труда, и безъ того значительнаго по своему предмету, составляетъ главную.

Второе замѣчаніе будетъ касаться чисто внѣшней стороны моей программы.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію литературныхъ направленій XIX вѣка, я считаю нужнымъ остановиться на направленіяхъ, имъ предшествовавшихъ, и дать точное понятіе о главныхъ перемѣнахъ въ судьбѣ политическихъ воззрѣній предшествовавшаго времени. Это нужно прежде всего для объясненія ближайшей фактической связи между тѣми направленіями, которыя мы встрѣтимъ у писателей нашего времени, и имъ предшествовавшими, для того, чтобы мы могли объяснить себѣ образовательный процессъ этихъ направленій со стороны фактической. Въ этомъ отношеніи, чѣмъ ближе къ намъ предшествовавшая эпоха, тѣмъ она важнѣе и любопытнѣе для нашего изученія и тѣмъ больше мы и должны будемъ посвятить ей вниманія. Въ этомъ отношеніи предварительное знакомство съ литературой XVIII вѣка имѣетъ такое значеніе и важность, которая понимается сама собою. Но независимо отъ того, прежде чѣмъ изучать литературныя воззрѣнія какой-либо эпохи, важно объяснить себѣ нѣсколько общихъ вопросовъ, составить себѣ по крайней мѣрѣ опредѣленное понятіе о томъ, что такое научное направленіе въ дѣлѣ нравственнаго знанія въ особенности, и направленіе вообще, какая связь существуетъ между нимъ и жизнью, и какъ выражалась эта связь въ дѣйствительности; только въ такомъ случаѣ наше изученіе не будетъ дѣломъ одного фактическаго любопытства. Знакомство въ общихъ чертахъ съ литературой прошлаго времени, съ главными фазисами политическаго знанія составляетъ и здѣсь тотъ естественный опытный путь, которымъ легче всего вырабатываются опредѣленныя воззрѣнія на указанные вопросы, и въ этомъ отно-

шеніи болѣе подробное знакомство съ литературой XVIII вѣка, какъ мы увидимъ, можетъ быть для насъ всего плодотворнѣе.

Поэтому прежде чѣмъ приступать къ разбору системъ и воззрѣній XIX вѣка, я укажу въ общихъ чертахъ по крайней мѣрѣ главныя воззрѣнія, господствовавшія въ исторіи политической литературы, и затѣмъ посвящу значительную часть этого перваго тома литературѣ XVIII столѣтія.

Пространность такого вступленія для меня оправдывается еще тѣмъ соображеніемъ, что, вообще говоря, мы тѣмъ менѣе знаемъ литературу, чѣмъ она отъ насъ отдаленнѣе. Я знаю, что такого рода предварительныя вступленія, обращающія читателя къ старому, встрѣчаются всегда недружелюбно, что читатель всегда жаждетъ съ первой строки узнать сущность вещей, узнать конецъ ранѣе начала. Но такимъ образомъ мы по крайней мѣрѣ достигаемъ того, что направленія XIX вѣка не явятся передъ нами невзначай, не пройдутъ передъ нами какъ загадочныя театральныя привидѣнія и, что еще хуже, не перетолкуются нами въ превратномъ смыслѣ, а станутъ для насъ явленіями совершенно понятными и осмысленными.

ГЛАВА II.

Главныя направленія, которыми характеризуется исторія политической литературы, весьма немногочисленны. Разсматривая литературу каждой эпохи, конечно не трудно открыть въ ней нѣсколько разнообразныхъ направленій; но всѣ эти направленія, большею частью, сводятся по внимательномъ изученіи къ весьма немногимъ общимъ началамъ, изъ которыхъ одно является обыкновенно господствующимъ надъ цѣлымъ рядомъ столѣтій. Сказанное по крайней мѣрѣ совершенно вѣрно относительно Европейской литературы. Въ отношеніи ея, несмотря на пространство столькихъ вѣковъ, ею обнимаемыхъ, этихъ господствующихъ направленій можетъ быть указано не болѣе трехъ.

Прежде однако, чѣмъ указать эти самыя начала въ частности, я хочу объяснить, что это за начала вообще и какимъ образомъ они возникаютъ и обращаются въ то, что называется научнымъ направленіемъ. Эти вопросы разъясняются сами собою изъ разсмотрѣнія того метода или способа, которымъ слагаются политическія воззрѣнія.

Два міра явленій составляли издавна предметъ изслѣдованія науки: явленія физическія и явленія нравственныя, и между этими двумя отдѣлами проводилась обыкновенно довольно опредѣленная черта. Къ первому роду относятся такія явленія, въ которыхъ не участвовало человѣческое творчество, которыя существуютъ какъ непосредственныя данныя, безъ участія его ума и воли; а къ явленіямъ нравственнаго порядка

относятъ обыкновенно такія, которыя составляютъ результатъ человѣческой жизни, человѣческаго труда. Въ этомъ смыслѣ подъ физическимъ человѣкомъ разумѣютъ человѣка въ томъ видѣ, какъ онъ является непосредственно изъ рукъ природы, а человѣкомъ нравственнымъ называютъ человѣка въ томъ видѣ, какимъ его дѣлаетъ воспитаніе и цивилизація. Въ этомъ же смыслѣ къ нравственнымъ явленіямъ относятъ все, что составляетъ результатъ человѣческаго общежитія и цивилизаціи, не исключая тѣхъ приспособленій, которыя сдѣлалъ человѣкъ изъ внѣшнихъ матерьяльныхъ силъ и явленій на свою пользу, и въ этомъ смыслѣ разсматриваются, какъ нравственныя явленія, всѣ результаты человѣческой техники, хозяйства и экономіи.

Это различіе между явленіями служило издавна основаніемъ къ образованію въ самой наукѣ двухъ спеціальныхъ отдѣловъ, двухъ наукъ, изъ которыхъ одна спеціально занималась явленіями физическими, другая явленіями нравственными.

Тамъ и здѣсь человѣкъ начиналъ собственно съ того, что наблюдалъ факты или собиралъ свои внѣшнія впечатлѣнія; тамъ и здѣсь онъ спѣшилъ группировать эти впечатлѣнія и стремился обобщить и привести ихъ въ стройную отвлеченную простую систему, подвести подъ общій законъ, управляющій этими явленіями. Но тамъ и здѣсь онъ приходилъ къ тому сознанію, что его обобщенія были обыкновенно слишкомъ преждевременны, что обобщеніе, къ которому онъ стремился, можетъ быть результатомъ только совершеннаго предварительно наблюденія или опыта, а что наблюденіе фактовъ вовсе не такая простая и легкая вещь и совершенствуется столь же медленно, какъ самъ человѣкъ. Онъ приходилъ вслѣдствіе этого къ тому окончательному сознанію, что то конечное обобщеніе, къ которому устремился очень рано, такъ далеко еще отъ него, такъ недоступно при тѣхъ несовершенныхъ средствахъ опытнаго знанія, которыми онъ владѣетъ, что едвали можно предугадать то время, когда наука въ состояніи будетъ серьезно вступить на путь такого обобщенія, и что пока дѣятельность науки должна ограничиваться анализомъ и наблюденіемъ. Такимъ образомъ, оба отдѣла наукъ пришли къ сознанію невозможности представить каждая по своей части общей философской системы; и вопросъ о конечной системѣ былъ отложенъ науками въ дальній ящикъ, а сама философія, столь интересовавшая прежде, потеряла кредитъ и была забыта.

Но въ тоже время, въ томъ отдѣлѣ знанія, гдѣ опытъ болѣе удобенъ и доступенъ, были сдѣланы извѣстные успѣхи и открытія чисто опытнымъ путемъ и, когда опытъ и точное изслѣдованіе получили значительный перевѣсъ, хотя и не исключительное господство въ естествознаніи, тогда вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ способовъ и числа наблюденій открылось, что если наука и должна отказаться въ настоящее время отъ построенія общей философской системы и окончательныхъ обобщеній, то, съ другой стороны, она можетъ, идя опытнымъ путемъ, приходить къ обобщеніямъ частнымъ, касающимся отдѣльныхъ группъ явленій, обобщеніямъ, которыя конечно не столь смѣлы и не даютъ такой пищи ни воображенію, ни самолюбію, но зато построены на болѣе или менѣе точныхъ и добросовѣстныхъ основаніяхъ.

Это точное направленіе въ естествознаніи увлекло и нравственныя науки. Съ упадкомъ философскаго періода, который здѣсь длился однако гораздо дольше, и здѣсь за послѣднее время было не мало толковъ о примѣненіи опытнаго метода изслѣдованія къ этому отдѣлу знанія и не мало произнесено похвалъ этому методу. Несмотря на то, самое понятіе о томъ, чѣмъ долженъ быть опытный способъ изслѣдованія въ примѣненіи къ этому отдѣлу, остается по сіе время сбивчивымъ и неопредѣленнымъ. Въ какихъ предѣлахъ и въ какой формѣ долженъ быть примѣненъ здѣсь этотъ способъ? Вотъ вопросъ, который представляется прежде всего и который менѣе всего остается рѣшеннымъ.

Мы можемъ по произволу наблюдать физическія тѣла и съ быстротой пополнять наблюденія въ этомъ отношеніи, почти не выходя изъ своей комнаты: на столько ли же это доступно относительно явленій нравственныхъ? Еслибы это было такъ, то примѣненіе этого способа само по себѣ было бы незатруднительно. Но повтореніе нравственныхъ явленій не въ нашей власти, мы въ этомъ отношеніи по неволѣ должны довольствоваться свѣдѣніями и извѣстіями другихъ лицъ, довольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ исторія, статистика и пр. Поэтому, самое понятіе о точномъ способѣ изслѣдованія здѣсь подвергалось различнымъ толкованіямъ. Одни предлагали болѣе близкое знакомство съ исторіей, другіе предлагали пользоваться обобщеніями, заимствованными изъ естествознанія, идти путемъ параллелей между явленіями физическими и нравственными — сравнивать государство съ организмомъ, правительство съ головой и прочее. Но не говоря уже о томъ, что попытки эти не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и мало чѣмъ обогатили наше знаніе, на нихъ врядъ-ли можно смотрѣть даже какъ на нѣчто серьезное.

Все, что было сдѣлано здѣсь болѣе серьезнаго, это нѣсколько статистическихъ трудовъ, нѣсколько попытокъ примѣненія математическаго анализа къ отдѣльнымъ вопросамъ, которыя остались отрывками и остановились именно за недостаткомъ опытнаго матерьяла — данныхъ, относящихся къ наблюденію, статическихъ данныхъ. Итакъ, недостатокъ и неточность данныхъ, затруднительность наблюденія, которое здѣсь не во власти изслѣдователя и можетъ быть выполнено только общими усиліями и требуетъ продолжительнаго времени, были одной причиной, одной особенностью нравственныхъ наукъ, затруднявшей здѣсь примѣненіе точнаго метода. Эта одна причина сама по себѣ показывала, что нравственное знаніе силою обстоятельствъ вынуждено дѣйствовать въ большинствѣ случаевъ нѣсколько отличнымъ способомъ отъ наукъ точныхъ, искать способа обходить точное и подробное наблюденіе, во что бы то ни стало начинать съ общихъ разсужденій, опирающихся на общую сумму готовыхъ свѣдѣній чаще, чѣмъ это приходится дѣлать естествознанію, и приходить не къ точнымъ частнымъ законамъ, а только къ гипотезамъ и предположеніямъ болѣе общимъ, которыя затѣмъ должны повѣряться, подтверждаться или опровергаться послѣдующими фактами.

Такимъ образомъ, сама сила обстоятельствъ заставляла въ наукахъ

нравственныхъ давать перевѣсъ элементу дедуктивному или гипотетическому надъ точной индукціей и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла считать выводы и положенія этой части знанія за выводы, высказываемые лишь условно, подлежащіе повѣркѣ и болѣе гадательные, чѣмъ выводы наукъ точныхъ.

Правда, съ увеличеніемъ числа положительныхъ данныхъ, съ увеличеніемъ данныхъ, которыми нравственное знаніе можетъ пользоваться изъ наукъ естественныхъ, самыя гипотезы нравственнаго знанія должны становиться точнѣе. Но думать, при настоящемъ положеніи этихъ данныхъ, о совершенномъ сравненіи способовъ изслѣдованія въ этихъ двухъ отдѣлахъ наукъ, наукахъ нравственныхъ и физическихъ, былобы ошибочно, и нравственное знаніе вынуждено, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ двигаться впередъ путемъ гипотезъ — способомъ гипотетическимъ.

Несмотря на то, большинство людей считаетъ до сихъ поръ неизбѣжной принадлежностью современности высказывать свои симпатіи индуктивному методу и требовать безусловнаго его примѣненія въ наукахъ общественныхъ. Слово индукція остается модньмъ словомъ, въ которомъ скрывается для большинства людей весь признакъ, вся сущность современности.

Въ утѣшеніе имъ мы можемъ сказать, однако, что если они не понимаютъ того особеннаго положенія, въ которомъ находятся нравственныя науки, то столь же мало знакомы въ дѣйствительности и съ тѣмъ путемъ, которому слѣдуютъ науки естественныя и который указывается какъ примѣръ истиннаго метода. Дѣло въ томъ, что и въ наукахъ естественныхъ индукція примѣняется лишь настолько, насколько она возможнѣе и легче, чѣмъ въ сферѣ вопросовъ нравственныхъ, и вовсе не составляетъ исключительнаго метода, такъ что и здѣсь господство индукціи есть только относительное и гипотетическій методъ примѣняется здѣсь рядомъ съ опытнымъ не менѣе дѣятельно, чѣмъ въ наукахъ нравственныхъ. На самомъ же дѣлѣ, трудно рѣшить, которому изъ двухъ способовъ преимущественно естествознаніе обязано тѣми успѣхами, которыми такъ восхищаются въ немъ, зная или не зная, на самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключаются эти успѣхи.

И здѣсь также въ настоящее время точкой опоры важнѣйшимъ успѣхамъ, которые были сдѣланы и которые продолжаютъ совершаться, послужили и служатъ до сихъ поръ такія же гипотезы, на какія осуждено опираться и нравственное знаніе. Этимъ только путемъ гипотезы, совершенно гадательной первоначально, былъ разработанъ вопросъ свѣта и объяснены сложныя явленія, съ нимъ связанныя. Теорія свѣтовыхъ волненій была первоначально такимъ же совершенно гадательнымъ предположеніемъ и несмотря на всѣ услуги, которыми ей обязано знаніе, остается до сихъ поръ все-таки недоказанной гипотезой. Такимъ же точно образомъ въ основаніе изслѣдованій о теплотѣ была положена подобная гипотеза молекулярнаго движенія, и, опираясь на эту гипотезу, наука обогатилась за послѣднее время такими серьезными изслѣдованіями и пришла къ уясненію связи между теплотой и механическимъ дѣйствіемъ. Нужно припомнить наконецъ, что самые быстрые успѣхи

астрономіи начались, можно сказать, съ того только времени, когда она успѣла напасть на гипотезу, оказавшуюся согласной съ фактами. Такъ что вообще можно сказать, что только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ естествознаніе успѣло отыскать гипотезу, которая могла бы служить точкой опоры ея наблюденіямъ, тамъ его успѣхи и были всего замѣтнѣе. Напротивъ того, въ тѣхъ отдѣлахъ, которые были менѣе счастливы и должны были по неволѣ ограничиваться одной индукціей, тамъ это положеніе привело къ накопленію фактовъ, между которыми до сихъ поръ наука ищетъ настоящей связи. Въ такомъ положеніи находились долго химія и вопросъ электричества. И здѣсь поэтому всѣ усилія ученыхъ направлены въ послѣднее время къ тому, чтобы отыскать свою гипотезу, которая связала бы факты прошлые и могла руководить дальнѣйшими изслѣдованіями, и хотя ни химія, ни электрознаніе еще не достигли въ этомъ отношеніи желаннаго результата, тѣмъ не менѣе и здѣсь распространеніе атомистической теоріи и теоріи атомистическихъ волненій на всѣ видоизмѣненія силъ въ природѣ составляетъ ту чисто дедуктивную работу, которою сильно заняты современные естествоиспытатели.

Такимъ образомъ, въ то время, когда у массы людей вошло въ моду ссылаться на естественныя науки въ защиту индукціи, какъ единственнаго разумнаго метода, послѣднія ищутъ въ гипотезахъ несомнѣнной опоры и своимъ наблюденіямъ и своему развитію.

Слѣдуетъ думать поэтому, что люди, толкующіе объ индукціи, едвали точно понимаютъ настоящій смыслъ слова, ставшаго для нихъ модными выраженіемъ. Говоря объ индукціи, врядъ-ли они разумѣютъ подъ этимъ словомъ то, что подъ нимъ разумѣетъ наука, и едвали не смѣшиваютъ индукціи вообще съ *положительностью*. Требуя индукціи отъ нравственнаго знанія, едвали они не хотятъ требовать отъ него просто положительности, что вовсе не одно и тоже. Положительность не исключаетъ вовсе гипотезъ и гипотетическаго способа, она противится только построенію гипотезъ, лишенныхъ достаточнаго фактическаго основанія, противныхъ законамъ природы и не оправдываемыхъ фактами. Науки естественныя остаются положительными, несмотря на то, что онѣ постоянно имѣютъ дѣло съ гипотезами; точно также можетъ стать положительнымъ и нравственное знаніе не избѣгая гипотезъ.

Въ суммѣ мы можемъ сказать поэтому, что оба отдѣла наукъ принуждены одинаково пользоваться какъ гипотетическимъ методомъ, такъ и наблюденіемъ, и все различіе въ этомъ отношеніи между науками заключается лишь въ степени пользованія тѣмъ или другимъ способомъ, которая зависитъ отъ свойства тѣхъ фактовъ, съ которыми имѣетъ дѣло тотъ или другой отдѣлъ знанія.

Въ наукахъ нравственныхъ затруднительнѣе наблюденіе. Оно затруднительнѣе потому, что самые факты, подлежащіе наблюденію, являются здѣсь разбросанными въ пространствѣ и времени. Но это не составляло бы еще столь существеннаго отличія, ибо науки естественныя, какъ-то: астрономія, ботаника, зоологія, метеорологія, имѣютъ дѣло со столь же разбросанными фактами. Болѣе существенное разли-

чіе заключается въ томъ, что здѣсь затрудняется другое важнѣйшее орудіе индукціи, это—опытъ, и средства обществознанія въ этомъ отношеніи слишкомъ часто сводятся на одно наблюденіе. Это-то вотъ и заставляетъ насъ говорить о сравнительной затрудненности здѣсь фактическаго изслѣдованія. Да не подумаютъ впрочемъ, что сказаннымъ мы желаемъ противодѣйствовать расположенію къ точному изслѣдованію и замкнуть нравственное знаніе въ кругъ общихъ мѣстъ, въ которыхъ оно до сихъ поръ и безъ того достаточно вращалось. Сколько бы ни было затруднено фактическое изученіе, оно тѣмъ не менѣе не невозможно и потому обязательно. Мы опасаемся только, чтобы это стремленіе, само по себѣ совершенно похвальное, не обратилось въ пустое слово, и съ этою цѣлью желали бы придать ему болѣе отчетливости и содержательности. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ нужнымъ теперь обратить вниманіе на главное различіе, которое существовало до сихъ поръ въ способахъ изслѣдованія наукъ точныхъ и неточныхъ и которое было вовсе упущено изъ виду при всѣхъ призывахъ нравственнаго знанія къ подражанію наукамъ естественнымъ. Различіе это заключалось не въ различіи методовъ,—методы были въ существѣ, какъ мы видѣли, тамъ и здѣсь одни и тѣ же, —а въ способахъ пониманія и примѣненія методовъ. Тамъ и здѣсь въ концѣ концовъ все знаніе построено на наблюденіи и фактахъ, но существенное различіе состояло въ томъ, что, наблюдая факты, устанавливая связь между ними, естествознаніе старалось вводить въ изученіе этихъ фактовъ нѣчто большее простаго наблюденія или опыта, это—*измѣреніе* наблюдаемаго. Устанавливая связь между фактами, естествознаніе не довольствовалось однимъ отысканіемъ качественной связи между всѣми явленіями, но всегда стремилось къ уясненію этой связи со стороны количества.

Наблюдая притяженіе между тѣлами, оно не довольствовалось признаніемъ этого притяженія и случаевъ его проявленія, но измѣрило самую величину притяженія. Наблюдая химическія соединенія и разложенія, оно не довольствовалось опредѣленіемъ частныхъ случаевъ разложенія и соединенія, но искало самыхъ количественныхъ пропорцій, въ которыхъ тѣла соединяются. Этотъ-то элементъ измѣренія, постоянно входившій въ его отношеніе къ фактамъ, и былъ главной причиной и основаніемъ его положительности,—а не просто наблюденіе. Онъ далъ этому знанію ту положительную силу, которая должна была составить предметъ зависти другихъ наукъ, и этого-то элемента измѣренія не доставало наблюденіямъ, совершавшимся въ нравственной области. Отнимите этотъ элементъ измѣренія отъ наукъ точныхъ и вы со всей ихъ наблюдательностью и опытомъ низведете ихъ на общія мѣста наукъ нравственныхъ. Живымъ примѣромъ этому могутъ служить до сихъ поръ тѣ изъ наукъ, неоспоримо наблюдательныхъ, какъ напр. медицина и въ значительныхъ отдѣлахъ растительная и животная физіологія, гдѣ измѣреніе получило до сихъ поръ мало примѣненія.

Упущеніе изъ виду этого-то именно различія и заставило меня сомнѣваться въ томъ, довольно ли ясно понимается та положительность, которой требуютъ отъ нравственнаго знанія люди, пишущіе и толкующіе о ней. У насъ напр. вошло въ обыкновеніе указывать, какъ на провоз-

вѣстника точнаго метода, на французскаго философа Огюста Конта; но у него-то именно прежде всего упущенъ былъ изъ виду указываемый нами недостатокъ нравственнаго знанія, отсутствіе измѣренія, составлявшаго главную точку опоры всей положительности точнаго знанія. Контъ именно полагаетъ всю точность знанія въ одной наблюдательности, не видя ничего дальше нея, не подозрѣвая, что въ этихъ предѣлахъ всѣ знанія были всегда положительными.

Нужно думать, однако, что математика составляетъ дѣйствительно логику нѣсколько болѣе глубокаго свойства и большей зоркости, чѣмъ обыкновенная, логику вооруженную, которая точно такъ же относится къ логикѣ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какъ всякое оптическое орудіе—къ простому глазу; а измѣреніе—тоже вооруженное наблюденіе, которое даетъ возможность проявиться этому логическому орудію во всей его силѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ измѣренія, невозможно конечно и приложеніе математики, какъ логическаго орудія. И потому-то не было ея приложенія въ тѣхъ или другихъ частяхъ знанія, что въ нихъ наблюденіе было лишено измѣренія. Если мы усвоимъ себѣ это, то поймемъ настоящее значеніе, какое должны имѣть наши стремленія къ положительности въ нравственномъ знаніи. Мы должны въ немъ искать не просто наблюденій, а измѣреній, и въ этомъ состоитъ настоящій путь къ уравненію его относительно точности съ другими знаніями.

Иными словами, вопросъ положительности не въ непремѣнной возможности примѣнить наблюденіе, что часто невозможно, а въ точности самаго наблюденія тамъ, гдѣ оно возможно. Эта-то точность требуетъ много труда и кропотливости, на которые рѣдко согласны люди, привыкшіе заниматься высшими взглядами. Но нигдѣ, можетъ быть, такъ не важно измѣреніе, какъ въ нравственной области, именно потому, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ сложными явленіями, для которыхъ наблюденіе одного частнаго факта не имѣетъ ровно никакого значенія и доказательной силы, и гдѣ только средній выводъ изъ суммы наблюденій имѣетъ значеніе, гдѣ, слѣдовательно, главной опорой выводовъ служитъ теорія вѣроятностей.

Какъ бы то ни было, то, что мы понимаемъ теперь совершенно ясно, то отношеніе человѣка къ явленіямъ, какъ теоретика и научнаго дѣятеля, которое теперь укладывается для насъ въ спокойный ясный взглядъ, само было плодомъ опыта долговременнаго, и этому понятію предшествовалъ рядъ иныхъ понятій объ этомъ отношеніи, ошибочность которыхъ разъясняло только время. Человѣкъ не всегда былъ убѣжденъ, что онъ беретъ все свое содержаніе, какъ физическое, такъ и нравственное, изъ окружающаго его осязательнаго міра, и вопросъ объ источникѣ для него этого содержанія, рѣшаемый различно, предопредѣлялъ рѣшеніе другихъ, болѣе подчиненныхъ и частныхъ вопросовъ, входившихъ въ кругъ его дальнѣйшихъ разсужденій о вещахъ. Вопросъ о методѣ знанія составлялъ, словомъ, основной вопросъ, рѣшеніе котораго въ томъ или другомъ смыслѣ давало различное направленіе всему міросозерцанію, и такимъ-то образомъ вопросъ о методѣ служитъ основаніемъ отдѣльнымъ теоретическимъ направленіямъ или воззрѣніямъ на міръ.

Но нравственное міросозерцаніе или воззрѣніе на нравственный порядокъ составляло всегда только часть общаго міросозерцанія; тотъ способъ разсужденія, который примѣнялъ человѣкъ къ философскому изслѣдованію вещей вообще, примѣнялъ онъ къ философскому изслѣдованію нравственнаго порядка; основныя положенія, отъ которыхъ онъ отправлялся тамъ, служили и здѣсь основными точками опоры. Общія основанія его міросозерцанія предопредѣляли тѣ направленія, въ которыхъ человѣкъ искалъ рѣшенія отдѣльныхъ нравственныхъ вопросовъ, предопредѣляли и здѣсь направленіе его теоретической дѣятельности, давали ей свой особый складъ. Поэтому мы должны искать опредѣленія этихъ направленій въ общей исторіи развитія философскихъ воззрѣній, или по крайней мѣрѣ должны встрѣтить извѣстное совпаденіе между направленіями общей и нравственной философіи. Мы убѣдимся, что оно дѣйствительно такъ и есть, и что основныя направленія, которыми отмѣчена исторія нравственно-философскаго изслѣдованія, вытекаютъ изъ общихъ началъ господствовавшаго міросозерцанія.

Но если нравственныя ученія опираются такимъ образомъ въ своихъ конечныхъ основаніяхъ на общія философскія основанія данной эпохи, то въ тоже время на ихъ спеціальной обязанности лежитъ уже выработать себѣ ближайшее содержаніе; и съ этой стороны въ данномъ философскомъ направленіи можетъ образоваться нѣсколько отдѣльныхъ системъ и ученій. Какимъ же путемъ данныя направленія вырабатывали свое ближайшее содержаніе; было ли оно ближайшимъ слѣдствіемъ разъ принятыхъ началъ, или обобщеніемъ опыта и соглашеніемъ его съ основными началами?

Такой выводъ былъ бы во всякомъ случаѣ едвали справедливъ. Для того, чтобы допустить его, нужно по крайней мѣрѣ допустить въ тоже время, что развитіе этихъ системъ было совершенно самостоятельное, независимое ни отъ какихъ постороннихъ вліяній, что нравственныя ученія могли развиваться какъ системы чисто научныя, не возмущаемыя никакими посторонними вліяніями.

И въ этомъ случаѣ даже естественно было ожидать извѣстнаго подчиненія нравственныхъ ученій ближайшему практическому содержанію окружающей жизни. Бѣдное знаніе можетъ быть знаніемъ своего времени, можетъ отражать свое время и не руководить имъ. Но мы не можемъ сказать, чтобы истины нравственныя могли развиваться столь же независимо, какъ напр. истины математическія. Если допустить только, что въ жизни должно быть извѣстное соотвѣтствіе между строемъ понятій и строемъ поступковъ, то значеніе даже общихъ философскихъ воззрѣній не можетъ быть просто теоретическимъ, тѣмъ менѣе можетъ быть чисто теоретическимъ значеніе ученій нравственныхъ, а это обстоятельство должно было имѣть весьма серьезное значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ.

Если несомнѣнно, что человѣкъ съ самаго начала стремился къ обобщеніямъ и создавалъ себѣ ихъ не смотря на всю бѣдность своего знанія фактовъ и анализа, то столь же несомнѣнно, что эти обобщенія не оставались при одномъ удовлетвореніи его любознательности. Въ

этомъ отношеніи стремленіе человѣка къ обобщенію имѣло непосредственной цѣлью и назначеніемъ установить общія начала, которыя бы направляли его дѣятельность, имѣли для него всѣ аттрибуты практической или политической религіи. Отъ этого въ исторіи общества мы находимъ прямую связь между основными гипотезами, опредѣляющими нравственное міросозерцаніе эпохи, и самымъ направленіемъ и характеромъ событій; отъ этого самое изученіе научныхъ направленій для насъ столь важно и любопытно.

Такимъ образомъ въ гипотезахъ науки и научныхъ направленіяхъ мы имѣемъ дѣло не только съ матерьяломъ теоретическимъ, а съ живымъ практическимъ орудіемъ, управляющимъ самыми сокровенными помыслами и самыми лучшими стремленіями человѣческими. Нравственныя воззрѣнія участвуютъ въ построеніи человѣческаго блага и человѣческой исторіи.

Но этого мало. Видя въ строѣ понятій извѣстную практическую силу, жизнь естественно стремится дать этой силѣ направленіе согласное съ господствующими въ ней стремленіями, сдѣлать изъ нея послушное орудіе этихъ стремленій, слѣдовательно вліять на самое ближайшее содержаніе общественныхъ ученій и въ тоже время предупредить всякое развитіе нравственныхъ ученій, несогласное съ насущнымъ содержаніемъ жизни, и подчиненіе, естественное сначала, нерѣдко переходитъ въ насильственное. Изъ этихъ двухъ подчиненій первое не столь важно, какъ послѣднее. Бѣдному знанію естественно, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ давленій, искать себѣ ближайшаго содержанія въ готовыхъ бытовыхъ стремленіяхъ, быть философіей готоваго и даннаго содержанія. Что для него гораздо важнѣе, это—возможность свободно развиваться далѣе, т. е. возможность всегда отрѣшиться отъ разъ принятаго содержанія въ случаѣ его неудовлетворительности и искать другаго, словомъ не встрѣчать никакихъ другихъ препятствій кромѣ трудностей, вытекающихъ изъ самаго существа представляющихся вопросовъ, — чтобы это развитіе было вполнѣ свободно отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій. Въ дѣйствительности мы этого не замѣчаемъ, и лучшее доказательство не только теоретическаго, но и практическаго значенія философскихъ воззрѣній заключается именно въ исторіи тѣхъ стѣсненій, которыя полагались такому развитію извнѣ.

Еслибы не было этихъ стѣсненій, то нѣтъ сомнѣнія, что самое развитіе человѣчества, не только теоретическое, но и практическое, совершалось бы быстрѣе, и періоды жалкаго уровня мысли въ исторіи человѣчества были бы вѣроятно короче.

Но въ дѣйствительности исторія представляетъ рядъ подобныхъ стѣсненій и рядъ крупныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что силой такихъ внѣшнихъ стѣсненій развитіе мысли можетъ пріостанавливаться безъ срока и само по себѣ не въ силахъ бороться съ подобными стѣсненіями, и что только въ случаѣ смягченія этихъ внѣшнихъ стѣсненій это развитіе идетъ быстро и прогрессивно впередъ. Въ европейской исторіи по крайней мѣрѣ такое развитіе совпадаетъ именно съ ослабленіемъ этихъ внѣшнихъ стѣсненій, и оба явленія идутъ параллельно другъ съ другомъ.

При такомъ относительно невыгодномъ положеніи знанія, есть однако одно условіе, направленное несомнѣнно въ его пользу. Это—то условіе, что сила знанія есть въ тоже время функція, возрастающая съ степенью развитія этого знанія. Слабое знаніе на первыхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ слишкомъ мало практической цѣны. Но его практическое значеніе возрастаетъ съ его развитіемъ; изъ празднаго занятія бездѣльныхъ людей, какимъ оно представляется въ эпохи невѣжества, оно становится источникомъ матеріальной власти человѣка надъ природой, источникомъ матеріальнаго богатства слишкомъ осязательнымъ для того, чтобы можно было имъ пренебрегать. Въ этомъ видѣ оно получаетъ уже всеобщій почетъ и цѣну. А разъ извѣстный строй понятій успѣетъ установиться въ какомъ-либо изъ его отдѣловъ, онъ неминуемо рано или поздно долженъ разлиться по всему пространству науки и покрыть собою несовершенныя теоріи, сохранившіяся до времени въ тѣхъ или другихъ ея отдѣлахъ. Такимъ образомъ безсильное сначала, знаніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы со временемъ, для борьбы со стѣсняющими его условіями. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ политическое знаніе не можетъ похвастать въ прошедшемъ ни полной свободой развитія, ни полной самостоятельностью своего содержанія. Самый характеръ его системъ отмѣченъ направленіемъ внѣшнихъ событій и самое развитіе слишкомъ поставлено въ зависимость отъ внѣшняго положенія дѣлъ. Поэтому мы должны будемъ не только познакомиться теперь съ отдѣльными направленіями нравственнаго знанія, но просмотрѣть развитіе этихъ направленій въ связи съ развитіемъ внѣшняго строя европейскихъ обществъ.

Если мы обратимся теперь къ самому содержанію этихъ гипотезъ, то мы увидимъ, что, каково бы ни было разнообразіе ихъ въ частности, всѣ онѣ могутъ быть приведены къ тремъ основнымъ ученіямъ. Различіе между этими ученіями опредѣлялось почти исключительно воззрѣніями этихъ ученій на одинъ основной вопросъ о критеріумѣ или началѣ, управляющемъ нравственнымъ порядкомъ.

Вопросъ о томъ, что должно быть принято за критеріумъ нравственнаго порядка вообще,—гдѣ то начало, на основаніи котораго человѣческіе поступки вообще могутъ быть различаемы на доброкачественные и злокачественные, начало, которымъ долженъ руководиться законъ въ своихъ опредѣленіяхъ и согласно съ которымъ должны быть устроены общественныя отношенія,—составлялъ первоначально исключительный вопросъ, которымъ занялось знаніе.

Можетъ ли быть представлено такое начало, и если можетъ, то одно ли оно для законодательства, нравственности и всѣхъ человѣческихъ дѣйствій вообще или различно для отдѣльныхъ родовъ дѣяній? Человѣчество имѣло извѣстныя правила нравственности, извѣстныя правила законодательныя; но какимъ путемъ оно пришло къ нимъ, какимъ руководящимъ началомъ были созданы они? Всѣ эти вопросы соединены были въ одинъ вопросъ и разрѣшены были тремя различными способами.

Источники этихъ правилъ морали и самого законодательства въ рели-

гіозныхъ вѣрованіяхъ первобытныхъ народовъ имѣли характеръ миѳологическій; т. е. начало нравственности и законодательства терялось въ мракѣ первобытнаго баснословія; здѣсь эти первыя начала законодательства представлялись данными извнѣ, а не созданными самими народами. Человѣкъ могъ являться съ формальной стороны дѣйствующимъ на этотъ порядокъ, но это участіе его было именно только внѣшнее, формальное; онъ дѣйствовалъ какъ слѣпое орудіе судьбы или природы, которая одна знала, что нужно для человѣка: онъ же самъ не зналъ вовсе, что ему нужно, и потому долженъ былъ только покоряться. Общество могло имѣть своихъ законодателей, но они не были творцами этого законодательства, а получали его готовымъ, какъ тайну, открытую во вниманіе къ избранному народу силами сокровенными. Когда свѣтская наука приступила къ разъясненію этого вопроса сама по себѣ, то она отбросила это чуждое происхожденіе закона и старалась объяснить это происхожденіе закона проще, найти источникъ его въ самомъ человѣчествѣ и его природѣ.

Съ этою цѣлью она построила гипотезу о прирожденныхъ человѣчеству правилахъ добра и естественныхъ началахъ общежитія, орудіемъ которыхъ называла то совѣсть, то разумъ, то чувство правды. Съ этими объясненіями долго мирилось знаніе; но, принимая ихъ, оно не могло примириться съ тѣмъ фактомъ, что дѣйствительныя отношенія людей не соотвѣтствовали врожденнымъ началамъ; ни умозаключить, что это-то противорѣчіе дѣйствительности и этихъ началъ доказывало, что эти начала не были врожденными и руководившими дѣйствительностью, а что они были вѣроятно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ дѣйствительность; что человѣчество прежде жило и потомъ пришло къ этимъ правиламъ, а не прежде имѣло готовыя правила, чѣмъ начало жить.

То, что философы называли врожденными правилами, представлялось съ этой точки зрѣнія уже результатомъ человѣческой жизни и опыта, болѣе позднимъ результатомъ, чѣмъ сама дѣйствительность, и потому столь трудно осуществимымъ результатомъ. Эти соображенія привели наконецъ къ тому третьему и послѣднему воззрѣнію, въ силу котораго всѣ объясненія, основанныя на гипотезѣ врожденныхъ правилъ, были отброшены и всѣ правила названы простыми выводами человѣческаго опыта и опытъ признанъ за единственный, настоящій и общій критеріумъ законодательства и морали.

Такимъ образомъ три различныя воззрѣнія на происхожденіе и начала законодательства дѣйствовали до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ. Первое, въ силу котораго человѣкъ признавался неспособнымъ самъ собою различать доброе отъ злаго и законодательство считалось даннымъ ему извнѣ. Второе, въ силу котораго законодательство считалось выраженіемъ врожденныхъ человѣку отъ самой природы основныхъ правилъ нравственности; и—Третье, въ силу котораго законодательство и рѣшенія человѣка о добромъ или зломъ признавались результатомъ человѣческаго опыта о полезномъ и вредномъ. Каждое изъ этихъ воззрѣній имѣло свое время и свой періодъ, когда оно было господствующимъ. Первыя два воззрѣнія принадлежатъ прошлому времени;

послѣднія принадлежатъ текущему столѣтію. Хотя и ни одно время, какъ кажется, не имѣетъ права выражать притязательности на исключительную принадлежность ему того или другаго воззрѣнія, каждое изъ этихъ воззрѣній дѣйствовало своимъ особымъ образомъ на общее настроеніе умовъ и направленіе историческихъ событій въ данный періодъ. Первое изъ этихъ воззрѣній имѣло въ новой европейской исторіи свою литературу и свой періодъ, называвшійся схоластическимъ. Опираясь на признанную a prіori неспособность человѣка рѣшать между добромъ и зломъ, средневѣковая литература создала извѣстную систему воззрѣнія на общественныя отношенія въ быту частномъ и политическомъ, въ силу которой всѣ отношенія признавались тѣмъ даннымъ порядкомъ, которому человѣку оставалось только безпрекословно подчиняться. Такимъ способомъ права королевской власти, власти князей и бароновъ, безпомощное положеніе земства на языкѣ схоластической литературы находили свое удовлетворявшее объясненіе. Человѣкъ, встрѣчавшій въ чемъ-либо сомнѣніе, зналъ, куда обратиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Ему стоило раскрыть схоластическія книги или, еще проще, обратиться къ духовнику-схоластику и онъ могъ быть увѣренъ, что его сомнѣнія будутъ разъяснены, что онъ получитъ отвѣтъ на языкѣ для него совершенно понятномъ и убѣдительномъ. Вліяніе такого воззрѣнія было очевидно крайне успокоивающее, оптимистическое; оно устраняло всякое сознаніе, всякую самодѣятельность въ обществѣ и предупреждало всякую критику, всякій протестъ или сомнѣніе на счетъ совершенства существующаго.

Въ этомъ смыслѣ, устраняя всякій вопросъ объ улучшаемости отношеній потому уже, что все данное считалось разумнымъ, это—воззрѣніе открывало широкій просторъ законодателю и власти, и было крайне дисциплинирующимъ. Въ жертву дисциплинѣ и порядку оно приносило всѣ остальныя цѣли, которыхъ требуетъ благо общества, и прежде всего стремилось къ спокойствію и подчиненію. Поставивъ выше всего дисциплину и порядокъ, оно поэтому имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе сильно дисциплинированныхъ организмовъ, проникнутыхъ преобладаніемъ государственной и дисциплинарной идей надъ идеей общественной.

Но по своему существу такое направленіе очень хорошо выполнило только одну сторону задачи, задачу дисциплины, и потому могло соотвѣтствовать развѣ періоду въ жизни народовъ, не только бѣдному по степени умственнаго развитія, но грубому по нравамъ и скудному по матерьяльнымъ средствамъ существованія.

Въ этотъ періодъ человѣкъ нуждался вообще въ избыткѣ личной

власти какъ для поддержанія порядка въ грубомъ обществѣ, не привыкшемъ повиноваться, такъ и для своего достатка, потому что, не умѣя владѣть силами природы, долженъ былъ количествомъ труда вознаграждать его низкое качество и непроизводительность. Поэтому, подъ исключительнымъ вліяніемъ этого направленія могли образовываться сильныя военныя государства, или государства съ рабской или крѣпостной системой производительности всегда ограниченной и бѣдной; но не могли развиться общества счастливыя и богатыя въ своей внутренней жизни. Отъ этого это воззрѣніе само собой падало вездѣ съ началомъ умственной культуры, съ окончаніемъ военнаго или вообще рабовладѣльческаго періода въ экономической системѣ народовъ. Такова была по крайней мѣрѣ приблизительно судьба этого воззрѣнія въ новой европейской исторіи; подробности этой судьбы мы увидимъ ниже.

Механизмъ неприкосновенныхъ средневѣковыхъ отношеній оказался самъ собой непрочнымъ; въ немъ возникли прежде всего недоразумѣнія между утвердившимися властями и началась вражда и броженіе въ высшихъ слояхъ общества, броженіе, въ которое стали втягиваться и слои общества болѣе подчиненные. Среди такого броженія одни права за другими стали спорными, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали и предметомъ обсужденія. Права римской церкви, права князей и бароновъ прежде всего были сокрушены при помощи королевской власти; но вскорѣ столь же спорнымъ стало положеніе и королевской власти. Падающая власть и право бароновъ повлекли за собой возвышеніе средняго сословія и городскаго права, и это среднее сословіе, сокрушивъ при помощи королевской власти право бароновъ, первое обратилось противъ королевской власти. Эта послѣдняя въ свою очередь стала предметомъ спора и должна была доказывать свои права свѣтскими аргументами передъ свѣтской наукой, пока права средняго сословія въ свою очередь не стали предметомъ того же спора и критики. Полъ-тысячелѣтія проходило въ такомъ взаимномъ сокрушеніи властей. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ ослабѣли сами собою твердыя прежде убѣжденія и общество должно было искать въ своихъ собственныхъ средствахъ, въ собственномъ сознаніи основаній, для объясненія свѣтскаго порядка и общественныхъ отношеній. Послѣ паденія каноническаго права, послѣ того, какъ реформація отняла у схоластической литературы даже право вмѣшиваться въ объясненія свѣтскихъ отношеній, формальная независимость свѣтской литературы вынуждала ее выставить свое воззрѣніе на смѣну устарѣвшаго. Это-то воззрѣніе, — соотвѣтствующее истинѣ и интересамъ человѣчества, — свѣтская наука и думала найти во взглядѣ на человѣческую природу какъ на живую книгу, въ которой отъ са-

мого рожденія написаны тѣ истины, которыя должны руководить отношеніями людей и общее имя которымъ — справедливость.

Такое воззрѣніе по своему вліянію на направленіе умовъ и настроеніе общества было уже совершенно иного характера, чѣмъ воззрѣніе схоластическое. Если одно было крайне успокоивающее, заглушающее всякія сомнѣнія и всякій споръ, то другое было крайне критическое.

Признавая всякій недостатокъ, всякое зло слѣдствіемъ уклоненія отъ врожденныхъ началъ справедливости, оно считало эти начала данными человѣку отъ самой природы, а потому признавало и самый возвратъ къ этимъ началамъ одинаково легкимъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Мало того, всякій носилъ въ себѣ эти начала врожденными, а потому всякій могъ быть законодателемъ, могъ знать все, что нужно для устройства конечныхъ отношеній. Таково было это воззрѣніе въ его крайнемъ чистомъ выраженіи.

Одна власть, одинъ порядокъ за другимъ могли быть призываемы на судъ такого воззрѣнія и не выдерживали передъ нимъ критики, потому что такое воззрѣніе, требующее отъ быта осуществленія формальнаго понятія отвлеченной справедливости, противилось всякому неравенству положеній въ обществѣ. Передъ судомъ такого воззрѣнія должна была быть осуждена не только власть феодальная и крѣпостныя отношенія, не только право на лица, но и право на вещи, насколько они вели къ различію положеній и властей въ обществѣ. Словомъ, съ точки зрѣнія такого формальнаго воззрѣнія политическая литература могла прійти и дѣйствительно пришла къ осужденію всего, что создала цивилизація, и къ предположенію возможности создать непосредственно раціональныя отношенія.

Несмотря на всѣ очевидные недостатки такой системы, не трудно видѣть однако, къ какимъ различнымъ результатамъ она стремилась въ сравненіи съ первою не только со стороны одной формы. Если рѣзкимъ отличіемъ фаталистической системы было преобладаніе государственной идеи надъ идеей общественной, то послѣднее воззрѣніе отличалось столь же рѣзкимъ преобладаніемъ идеи общественной надъ государственной. Оно слѣпо стремилось къ развитію этой идеи; но опытъ показалъ, что человѣческая природа не терпитъ такого слѣпаго стремленія, что если для нея цѣнно свое благо, то она не менѣе цѣнитъ спокойствіе и не выноситъ долгаго пренебреженія къ нему. Новое воззрѣніе не привело къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремилось, не устроило конечныхъ отношеній, и если исторія будетъ ему вѣчно обязана за что нибудь, то это за первую постановку и возвышеніе общественной идеи изъ того уничиженія, въ которомъ она до того находилась.

*

Наконецъ послѣднее, опытное, воззрѣніе развивало болѣе терпѣливый взглядъ на существующее, хотя и признавало всѣ его недостатки. Признавая самыя правила законодательствъ и нравственности плодомъ опыта, оно ставило вмѣстѣ съ тѣмъ и весь нравственный порядокъ, а слѣдовательно и исправленіе его недостатковъ, въ зависимость отъ опыта. Въ этомъ отношеніи оно первое обратило вниманіе на ту зависимость, которая существуетъ между стремленіями и желаніями человѣка и внѣшними условными явленіями, между совершенствомъ нравственной стороны быта и матерьяльными условіями, между нравственными и физическими явленіями. Оно указало на необходимость изученія этой связи и этихъ внѣшнихъ условій, не зависящихъ отъ человѣка, но отъ которыхъ прямо зависитъ его счастіе и съ которыми имѣетъ дѣло законъ. Знаніе этой внѣшней природы вещей, настолько, насколько оно касается нравственнаго быта, оно считало поэтому необходимымъ для того, чтобы управлять поступками людей. Отрицая, чтобы такимъ знаніемъ человѣчество владѣло непосредственно, чтобы голое метафизическое начало справедливости много помогло знанію внѣшней природы, это новѣйшее воззрѣніе впервые обратило вниманіе на необходимость точно опредѣлить и изучить ту часть во внѣшнихъ явленіяхъ, тотъ матерьялъ, съ которыми имѣетъ дѣло законодательство.

Отправляясь отъ того общаго положенія, что главной цѣлью всѣхъ поступковъ безразлично, и самаго законодательства, служитъ польза или благо, оно само собою должно было прійти къ тому убѣжденію, что польза или вредъ значительной части дѣяній не могли быть опредѣлены при помощи какого бы то ни было метафизическаго критеріума, потому что множество поступковъ относилось совершенно безразлично къ метафизическимъ критеріумамъ, между тѣмъ какъ они неизбѣжно имѣли доброе или злое значеніе въ смыслѣ общественномъ. Чѣмъ ближе дѣянія соприкасались съ явленіями и условіями внѣшними и независящими отъ человѣческаго произвола, тѣмъ больше для оцѣнки ихъ требовалось ближайшаго знакомства съ природой этихъ внѣшнихъ условій и, слѣдовательно, спеціальнаго знанія и тѣмъ менѣе помогали при этомъ метафизическія указанія. Такимъ образомъ прежде всего оказалось нужнымъ опредѣлить точнѣе вопросъ объ искомомъ порядкѣ въ зависимости отъ знанія законовъ экономическихъ, отъ степени развитія экономическихъ средствъ народа, отъ власти цивилизаціи надъ силами природы, отъ степени производительности труда и пр., словомъ, отъ условій экономическихъ, и далѣе точно также въ зависимости отъ условій чисто физическихъ.

Такимъ образомъ это направленіе приведено было само собою къ признанію и къ ближайшему изученію зависимости, существующей меж-

ду стремленіями человѣка и внѣшними условіями и данными природы, между совершенствомъ нравственной стороны быта и матерьяльными условіями, между нравственнымъ міромъ и міромъ физическимъ. Уже одно такое изученіе было дѣломъ не слишкомъ легкимъ; но еще болѣе труднымъ дѣломъ становилось достигнуть при этомъ конечной гармоніи и отношеній, и настолько болѣе труднымъ, насколько самый характеръ экономическихъ отношеній зависитъ не отъ одного совершенствованія воззрѣній на нихъ, а также отъ суммы матерьяльной власти, пріобрѣтенной людьми надъ силами природы, отъ степени производительности, приданной цивилизаціей человѣческому труду, и пр. Такимъ образомъ послѣднее направленіе не учило болѣе переворотамъ, а учило развитію знанія и матерьяльныхъ средствъ культуры, въ которыхъ видѣло единственный путь для общества къ побѣдѣ надъ всѣми недостатками, его гнетущими. Наученное неудачными законодательными опытами предъидущаго направленія, высоко цѣня въ тоже время общественную идею, имъ завѣщанную, оно не пренебрегало, какъ прошлое, идеей дисциплинарной. Пропагандируя критическое отношеніе къ закону, оно въ тоже время ставило въ первый законъ и въ первое условіе прочнаго развитія повиновеніе закону существующему. Ставя выше всего опытъ и знаніе, оно вѣрило, что если человѣчество можетъ прійти къ искомому порядку, то не иначе, какъ путемъ опыта и слѣдовательно путемъ ошибокъ; а потому съ такимъ же недовѣріемъ и строгостью относилось къ своимъ собственнымъ трудамъ, какъ снисходительно смотрѣло на прошедшее.

Съ этой точки зрѣнія сама исторія съ ея недостатками не была ни фаталистической фантасмагоріей, ни уклоненіемъ отъ предвѣчнаго пути справедливости, а рядомъ ошибокъ и недостатковъ, вызванныхъ отчасти человѣческой неопытностью и незнаніемъ, отчасти вынужденныхъ бѣдностью матерьяльной власти человѣка надъ природой.

Съ этой точки зрѣнія сами воззрѣнія на нравственный порядокъ представлялись рядомъ ошибокъ, вызванныхъ тѣми же причинами.

Въ этомъ смыслѣ фаталистическія воззрѣнія составляли одну ошибку, которая по своему характеру болѣе всего соотвѣтствовала младенческому состоянію сознанія и вообще періоду, бѣдному властью человѣка надъ природой и матерьяльными средствами существованія.

Въ томъ же смыслѣ метафизическое воззрѣніе составляло другую ошибку, понятную и простительную по тому юношескому увлеченію, съ какимъ должна была быть встрѣчена общественная идея въ то время, когда эта идея стала новостію дня и общество въ первый разъ получило право подумать о своемъ благѣ, не сознавая тѣхъ трудно-

стей, которыя связаны съ его достиженіемъ. XVI-е столѣтіе видѣло рожденіе этой общественной идеи въ европейской исторіи; къ нему относится начало преобладающаго воззрѣнія на нравственный порядокъ какъ на функцію врожденной намъ справедливости. XVIII-й вѣкъ былъ тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ это воззрѣніе достигло послѣдняго и крайняго своего цвѣта и выраженія.

ГЛАВА III.

Мы должны теперь разсмотрѣть тѣ историческія условія, въ связи съ которыми возникли въ наукѣ перечисленныя направленія, и преимущественно тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ образовалось направленіе, которое мы видимъ завершающимся въ XVIII вѣкѣ.

Въ этомъ отношеніи мы считаемъ нужнымъ представить общій очеркъ если не чисто внѣшнихъ событій, то тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли во внутренней жизни Европы одновременно съ возникновеніемъ общественной идеи, и въ связи съ которыми развились такъ называемыя системы общественнаго договора, служившія ея главнымъ выраженіемъ. Изъ самаго предъидущаго опредѣленія первыхъ двухъ направленій видно уже, какимъ внутреннимъ содержаніемъ характеризовалась мысль европейскаго общества въ періодъ времени, начинающійся съ XVI-го вѣка. Борьба идеи общественной съ идеей государственной, борьба общества съ феодальнымъ государствомъ составляла это содержаніе.

Поэтому, намъ нужно знать прежде всего, чѣмъ было это феодальное государство, какими ближайшими условіями и переворотами въ его судьбѣ былъ вызванъ на сцену общественный вопросъ и достигъ своего послѣдняго выраженія.

При изученіи историческихъ фактовъ самое лучшее, чего можно желать, это—уясненія общечеловѣческой стороны этихъ фактовъ и, вслѣдствіе этого, объясненія этихъ фактовъ общими условіями, свойственными человѣческой жизни вообще, а не какими-либо случайными причинами, которыя дѣйствовали въ данный моментъ и могутъ никогда больше не-

повториться. Съ этой общечеловѣческой стороны намъ только и можетъ быть интересна, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, феодальная монархическая власть. А что эта власть имѣетъ такое общечеловѣческое значеніе, это достаточно доказывается постояннымъ присутствіемъ ея въ исторіи народовъ и даже господствомъ. Какъ ни темны и баснословны первоначальные историческіе памятники всѣхъ народовъ, тѣмъ не менѣе всѣ они свидѣтельствуютъ о присутствіи монархической власти въ весьма ранній періодъ народной жизни, у самаго такъ сказать корня историческаго періода. Это начало монархической власти именно почти вездѣ совпадаетъ съ началомъ осѣдлости въ жизни общества и эти два явленія, осѣдлость и монархическая власть, дотого близки между собою, что мы съ трудомъ можемъ рѣшить, какое изъ двухъ явленій вызываетъ собою другое. А такъ какъ прочная, сколько-нибудь опредѣленная историческая жизнь начинается только съ осѣдлаго періода, то неудивительно, что въ учебникахъ начало исторіи народа относится обыкновенно къ началу монархической власти, и открывается основаніемъ государства.

Конечно, точка зрѣнія учебниковъ не совсѣмъ вѣрна, осѣдлость не возникаетъ по капризу монархической власти и въ дѣйствительности едва-ли не послѣдняя получаетъ возможность утвердиться только при готовности, стремленіи народа къ осѣдлости и вызывается ими. Періоду монархической власти предшествуетъ весьма долгій періодъ броженія, смутъ и образованія мелкихъ властей, періодъ по всей вѣроятности болѣе продолжительный, чѣмъ слѣдующіе за нимъ періоды государственной жизни въ исторіи народовъ закончившихъ свое существованіе, и потому монархическая власть не возникаетъ внезапно, а образуется медленно, параллельно съ осѣдлостью, столь же медленно, какъ и послѣдняя. Благодаря большей близости къ европейской жизни, чѣмъ къ жизни какихъ-нибудь Грековъ или Римлянъ, мы знаемъ болѣе или менѣе подробно періодъ феодальнаго броженія, предшествовавшій образованію монархической власти въ новой Европѣ, и потому можемъ по аналогіи судить о медленности образованія осѣдлости и вообще продолжительности до-государственнаго періода въ жизни народовъ.

Но какова бы ни была зависимость между обоими явленіями, насколько бы государственная власть ни вызывала осѣдлости или была сама только результатомъ извѣстной степени осѣдлости въ жизни народа, тѣмъ не менѣе то значеніе, которое она имѣла, очевидно. Она служила тѣмъ орудіемъ, при посредствѣ котораго сама осѣдлость становилась прочною; она опредѣляла отношенія между людьми и на мѣсто частнаго произвола водворяла извѣстный порядокъ, прекращала частныя

войны и объединяла людей въ кругу извѣстной территоріи, замыкая ихъ дѣятельность въ однообразныя условія болѣе или менѣе совершенныя или несовершенныя. Такимъ образомъ она служила началомъ дисциплинирующимъ, приносившимъ миръ, защиту и спокойствіе; она была популярна и народна потому именно, что отвѣчала извѣстнымъ потребностямъ жизни, потребностямъ, болѣе всего важнымъ и настоятельнымъ во времена ея возникновенія. Общество, живущее войной, всегда готово само къ защитѣ; общество кочующее снимаетъ свои пожитки и угоняетъ стада съ приближеніемъ непріятеля. Но общество, привязанное условіями пропитанія къ землѣ, которую оно воздѣлываетъ, не имѣетъ куда уйти и не можетъ унести за собою своего достоянія. Защита на мѣстѣ этого достоянія и источника жизни составляетъ его главную цѣль, его поле есть его первая необходимость, а между тѣмъ, вслѣдствіе самыхъ условій земледѣльческаго промысла, такое общество разсѣяно и тѣмъ труднѣе можетъ защищаться. Для такого общества вмѣстѣ съ привязанностью къ почвѣ, вмѣстѣ съ любовью къ обработываемой десятинѣ, дающей начало понятію объ отечествѣ, всего драгоцѣннѣе посторонняя защита отъ внѣшнихъ грабителей и притѣсненій, и потому такое общество болѣе всего и цѣнитъ и нуждается во власти, приносящей съ собою эту защиту и спокойствіе.

Миръ внѣшній и внутренній, вотъ стало-быть то знамя, подъ которымъ монархическая власть утверждалась въ обществѣ, и такое значеніе имѣло ея образованіе въ новой европейской исторіи съ точки зрѣнія этого общества и его интересовъ.

Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выгодахъ двухъ сторонъ, тамъ интересы ихъ рѣдко бываютъ совершенно солидарны и еще рѣже понимаются одинаково; каждая изъ сторонъ заботится прежде всего о своемъ интересѣ и каждая приэтомъ лучше всего видитъ не только пользу, извлекаемую противной стороной изъ своего положенія, но и способъ дѣйствія согласный съ ея выгодами. Поэтому, каждая склонна упрекать другую въ упущеніи своей собственной выгоды вслѣдствіе нарушенія ея выгодъ, упрекать въ непониманіи солидарности ихъ интересовъ. До извѣстной степени это бываетъ и справедливо, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно и то, что воззрѣнія расходятся, вслѣдствіе ли ложнаго пониманія или ихъ противорѣчія въ существѣ, и въ то время какъ общество видитъ во власти свой интересъ, послѣдняя ищетъ въ своемъ положеніи своихъ выгодъ. Никакая сторона не уступаетъ своихъ услугъ другой даромъ и сторона, наиболѣе нуждающаяся въ услугахъ, должна и дороже платить за эти услуги. Таково общее условіе и общій законъ. Все зависитъ отъ степени развитія и способности общества къ самозащитѣ;

въ обществахъ съ болѣе развитой жизнью, вступившихъ въ коммерческій фазисъ жизни, обладающихъ коммерческимъ флотомъ, капиталами и привычкой къ веденію общихъ дѣлъ, вслѣдствіе болѣе тѣсной и скученной городской жизни, мы встрѣтимъ поэтому и болѣе готовности къ самостоятельной защитѣ и болѣе склонности къ аристократической формѣ, чѣмъ въ обществѣ болѣе первобытномъ. Поэтому, стремленіе къ замѣнѣ монархической власти своею собственной, или къ ограниченію этой власти, мы всего чаще встрѣтимъ въ обществахъ торговыхъ, или достигшихъ подъ защитой монархическаго начала извѣстной степени матеріальнаго и гражданскаго развитія. Такимъ образомъ между сторонами существуетъ съ самаго начала хотя не гласный, но несомнѣнный договоръ, въ силу котораго каждая ждетъ отъ другой своихъ выгодъ и уступаетъ другой часть своихъ лишь настолько, насколько она въ ней нуждается. Сколь велика первоначальная потребность общества во власти, его защищающей и поддерживающей внутренній миръ, столь же велика сумма его уступокъ и самопожертвованія. Но чѣмъ болѣе общество пріобрѣтаетъ то, въ чемъ оно нуждалось первоначально, чѣмъ прочнѣе становится его внѣшнее и внутреннее положеніе, тѣмъ болѣе и скупо становится оно въ своихъ пожертвованіяхъ и болѣе щекотливо ко всѣмъ притязаніямъ противной стороны; тѣмъ болѣе развивается въ немъ стремленіе къ ограниченію этихъ пожертвованій и къ облеченію первоначально несложнаго условія въ категорическую форму договора, которая бы ограничивала противную сторону отъ чрезмѣрной притязательности и сдерживала ее въ границахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ новаго времени.

Но лишь заколеблется порядокъ и общество усумнится въ своей способности поддерживать порядокъ безъ помощи посторонней, значеніе власти возвышается снова, уступки ей снова растутъ и она быстро расширяется снова до абсолютныхъ размѣровъ. Эти возвраты отъ автономіи къ абсолютизму весьма обыкновенны въ самыя позднія времена цивилизаціи и только на первый взглядъ кажутся загадочными, между тѣмъ какъ въ сущности нѣтъ ничего проще. Казалось бы, что съ развитіемъ цивилизаціи слѣдовало ожидать отъ общества болѣе способности къ самоуправленію. Для того, чтобы понять, однако, совершенную естественность противоположнаго явленія, слѣдуетъ немного вникнуть въ тѣ условія, которыя даютъ обществу средство стремиться въ болѣе раннее время къ ограниченію абсолютизма и къ самоуправленію. Эти средства заключаются, обыкновенно, въ той дисциплинѣ, которая успѣваетъ уже развиться и утвердиться при посредствѣ монархическаго начала, а эта дисциплина и этотъ порядокъ большею частью основы-

ваются на созданіи, при посредствѣ монархической власти, внѣшняго подчиненія между сословіями и наслоеніями общества, т. е. въ созданіи внутри общества власти одной его части надъ другою. Эта-то власть, созданная монархіей, власть аристократическая или власть средняго сословія и составляетъ обыкновенно небольшую долю общества,— которая считаетъ себя достаточно сильною для того, чтобы управлять обществомъ независимо отъ монархической помощи; изъ которой выходятъ первыя стремленія къ ограниченію монархіи въ ея правахъ, и которая представляетъ такъ называемое общественное начало въ конституціонныхъ договорахъ.

Но эти стремленія, эта бодрость и самоувѣренность аристократической власти длятся только до тѣхъ поръ, пока дисциплина, подчиняющая ей низшіе классы, остается сколько-нибудь прочной. Но какъ скоро развитіе проникаетъ въ низшіе классы,—а это является болѣе или менѣе поздно, — тогда начинаетъ колебаться зависимость низшихъ классовъ отъ высшихъ, и тогда или аристократическая власть снова прибѣгаетъ къ помощи внѣшней власти для поддержанія выгодной ей дисциплины, или оба борющіяся сословія наперерывъ ищутъ опоры въ посторонней власти, и результатомъ такого соискательства снова является само собою торжество монархическаго начала, за услуги котораго общество принуждено бываетъ платить болѣе или менѣе крупными пожертвованіями прежнихъ политическихъ правъ.

Такимъ образомъ, сущность монархическаго начала чрезъ всю исторію народа остается одна и та же; это—поддержаніе дисциплины, порядка или извѣстныхъ правильныхъ отношеній между членами общества. Законная причина этой власти слишкомъ очевидна, и самымъ возвышеніемъ или паденіемъ ея измѣряется весьма отчетливо прочность дисциплинарнаго начала въ обществѣ, составляющаго первую и наибольшую величину, главнѣйшую гарантію общежитія. Власть эта возвышается съ каждымъ колебаніемъ дисциплины и ослабѣваетъ съ ея прочностью,—таковъ коренной законъ. Общество, желающее чувствовать меньше стѣсненій и пользоваться большей свободой, должно учиться жить мирнѣе, избѣгать волненій, всегда влекущихъ за собою гнетущія мѣры и тягость военнаго положенія.

Такія колебанія монархическаго начала, хотя и списанныя съ историческихъ фактовъ, не разъ повторявшихся въ исторіи народовъ, не представляютъ однако ничего безусловнаго. Они почти неизбѣжны только тамъ, гдѣ дисциплинарное начало развивается какъ нѣчто исключительное, само для себя, а не въ связи съ прочими интересами общества, ради которыхъ оно только и необходимо съ точки зрѣнія общественной.

Гдѣ сторона, представляющая это начало, видитъ свое положеніе и свой интересъ въ одномъ исключительномъ формальномъ развитіи этого начала, не обращая вниманія на самое содержаніе дисциплинарныхъ формъ и на тѣ границы и условія, въ предѣлахъ которыхъ общество только и можетъ нуждаться въ данное время въ ея услугахъ: тамъ эта сторона невольно переступаетъ за тѣ предѣлы, которые указываются ему прочими интересами общества, и вызываетъ невольное стремленіе къ ея ограниченію. Но популярное съ самаго начала дисциплинарное начало можетъ оставаться такимъ до конца, если оно приметъ во вниманіе, что его собственная прочность и собственный интересъ требуютъ постояннаго соглашенія своихъ дѣйствій съ остальными интересами общества, и не выдѣленія себя изъ общаго круга общественныхъ интересовъ, не исключительнаго преслѣдованія одной дисциплинарной или государственной идеи поверхъ всѣхъ остальныхъ стремленій общества, а подчиненія этой идеи этимъ остальнымъ интересамъ общества,—какъ неизбѣжно подчиняетъ имъ эту идею само общество съ своей точки зрѣнія. Этого соглашенія государственное начало достигаетъ ничѣмъ инымъ, какъ усовершенствованіемъ самаго содержанія дисциплинарныхъ формъ. Если первобытное общество настолько нуждается въ дисциплинѣ, настолько страдаетъ отъ частнаго произвола, что для него можетъ быть признанъ за благодѣяніе всякій порядокъ, всякій строй отношеній независимо отъ его содержанія, то тогоже нельзя распространить на все послѣдующее время въ жизни народа. Если первоначальная власть могла утвердить порядокъ по рабовладѣльческимъ и крѣпостнымъ отношеніямъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы она могла оставаться навсегда популярною, остановившись на такихъ дисциплинарныхъ формахъ, признавать свое дѣло совершенно оконченнымъ относительно устройства внутреннихъ отношеній общества и считать себя вправѣ заботиться только лишь о расширеніи внѣшнихъ предѣловъ и внѣшняго государственнаго могущества. Есть въ политической сферѣ вопросъ, вовсе неизслѣдованный теоретически, это—вопросъ о внѣшнихъ территоріальныхъ границахъ политической централизаціи. Между тѣмъ постоянно повторяющіеся въ исторіи факты, постоянныя поползновенія къ чрезмѣрному расширенію этихъ границъ, вмѣстѣ съ постоянными неудачами и тяжелыми расплатами за такія поползновенія, неизбѣжно указываютъ на существованіе такихъ границъ, на отсутствіе возможности и выгодности безграничной внѣшней политической централизаціи; а болѣе внимательное наблюденіе указываетъ на тѣсную связь между этими границами и характеромъ внутренняго дисциплинарнаго строя расширяющагося общества. Экстенсивное хозяйство живетъ постоянно насчетъ интенсивнаго, и наоборотъ, по-

слѣднее на счетъ перваго — количество живетъ на счетъ качества: таковъ общій хозяйственный законъ, который съ удивительной тожественностью повторяется и въ политическихъ фактахъ. Доходъ отъ интенсивнаго хозяйства превосходитъ все, что можетъ дать хозяйство экстенсивное; но есть времена и условія, при которыхъ экстенсивное хозяйство бываетъ выгоднѣе: эти времена и условія совпадаютъ съ періодами рѣдкаго населенія, скудныхъ знаній и несовершенной техники; поэтому исторія хозяйства и начинается съ экстенсивной формы. Все это повторяется съ величайшей послѣдовательностью и въ исторіи политическихъ фактовъ. Политическое могущество, извлекаемое небольшимъ государствомъ изъ внутренняго развитія, превосходитъ собою все то, о чемъ могли помышлять самыя безпредѣльныя имперіи когда-либо существовавшія. Но были условія и періоды, въ которыхъ, можетъ быть не безъ основанія, экстенсивное развитіе границъ признавалось за лучшій путь къ политическому могуществу. И эти условія точно также совпадаютъ по времени съ рѣдкимъ заселеніемъ и низкой ступенью развитія цивилизаціи. Пренебреженіе политической власти къ строю внутреннихъ отношеній, ея постоянныя войны и заботы о расширеніи границъ могли такимъ образомъ находить свое естественное основаніе въ положительныхъ практическихъ условіяхъ. Но возрастаніе населенія и развитіе цивилизаціи измѣняли этотъ порядокъ и переносили центръ тяжести политическаго могущества внутрь общества. Сила обстоятельствъ возвращала такимъ образомъ власть отъ внѣшнихъ войнъ къ гражданскому строю, къ заботамъ объ усовершенствованіи внутреннихъ отношеній. Старая система становилась въ такомъ случаѣ не только тягостной для общества, которое оплачивало трудомъ и кровью эти войны, но обращалось противъ самыхъ интересовъ политическаго могущества. Власть, продолжавшая держаться по преданію старой системы, не только дѣйствовала съ невыгодой для общества, но и съ невыгодой для себя, терпѣла все бо́льшія военныя неудачи и дискредитировалась.

Только въ одномъ исключительномъ случаѣ, сколько мнѣ кажется, она могла еще конкуррировать съ сосѣдними державами и вознаграждать числомъ и пространствомъ подвластныхъ земель ихъ качество, это—въ случаѣ присутствія вокругъ нея малозаселенныхъ пространствъ, несмотря на скученное заселеніе и болѣе совершенное состояніе цивилизаціи сосѣднихъ державъ; и только въ одномъ случаѣ, несмотря на тѣсное заселеніе и старую цивилизацію, она могла безбоязненно покорять значительныя пространства, поддерживать первобытный несовершенный строй отношеній вмѣстѣ съ низкимъ уровнемъ цивилизаціи, это—въ случаѣ

совершеннаго уединенія ея отъ прочаго міра незаселенными пустынями, ограждавшими ее отъ напора чуждой цивилизаціи, какъ это было въ Китаѣ. Такимъ образомъ, сила вещей должна сама собою возвращать вниманіе власти къ интересамъ общественнымъ ради собственной ея пользы, отожествлять интересъ государственный и внѣшній политическій съ интересомъ общественнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигать на первый планъ идею общественную не только въ силу значенія ея для внутренняго блага общества, но въ силу того значенія, которое она получаетъ современемъ для внѣшняго государственнаго могущества. Поощряемая двумя такими стимулами, эта идея должна въ такомъ случаѣ рано или поздно, но неизбѣжно, получить первостепенное значеніе и до извѣстной степени освѣтить своимъ свѣтомъ весь строй историческихъ событій. Но тамъ, гдѣ эта власть привыкла искать своего могущества исключительно въ одномъ направленіи, вѣрномъ для условій одного времени, но ошибочномъ для другаго, тамъ она весьма часто продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи несмотря на измѣнившіяся обстоятельства и черезъ то даетъ лишнее и могущественное оружіе противъ себя. Неудачныя ея войны, какъ показываетъ исторія Франціи въ XVII вѣкѣ, разоряютъ народъ и роняютъ ея популярность, но эти неудачи часто только раздражаютъ ее еще болѣе и она слѣпо идетъ въ такомъ случаѣ къ упадку, пока новыя обстоятельства не сдѣлаютъ ее снова необходимой и снова не возвысятъ ея значенія.

Приведенныя разсужденія списаны съ фактовъ, принадлежащихъ европейской исторіи и болѣе или менѣе повсемѣстно отразившихъ описанныя колебанія монархической власти съ ея ошибками. Но нигдѣ эти ошибки не шли такъ далеко, какъ во Франціи, и нигдѣ поэтому онѣ не сопровождались такими несчастіями; и самое отрицаніе, самый протестъ противъ нихъ въ защиту общественной идеи, достигшей своего апогея въ XVIII в., нигдѣ не пошли такъ далеко и не уклонились въ такія глубокія заблужденія. Сущность той дисциплины и той задачи, выполненія которой ждетъ общество отъ политической власти, выражается двумя словами, это — защита и гарантія личности и труда или его результатовъ, т. е. собственности. Въ этихъ словахъ заключается весь вопросъ дисциплины, все, въ чемъ нуждается общество отъ власти и законодательства; но замѣтимъ, вопросъ двусторонній. Если государственная власть приноситъ съ собой эти гарантіи противъ частнаго произвола, т. е. въ частномъ быту, то интересъ общества требуетъ еще тѣхъ же гарантій противъ самой власти, противъ административнаго произвола, т. е. въ быту государственномъ. Монархическая власть принесла съ собою европейскому обществу, съ одной стороны, римское

право и крѣпостной порядокъ, съ другой — удержало для себя неограниченное право взимать налоги. Она прекратила частныя насилія и войны, но взамѣнъ того удержала за собою неограниченную свободу веденія войнъ и завоеваній. На этихъ первоначальныхъ условіяхъ она обязалась, подразумѣваемымъ договоромъ, творить судъ и расправу и охранять внутренній миръ. Общество приняло римское право за то, чѣмъ оно было дѣйствительно для своего времени, за писанный разумъ; оно съ нетерпѣніемъ ждало прекращенія частныхъ войнъ и безропотно приняло первоначально всѣ остальныя условія и, пока частныя войны были еще въ ходу и порядокъ непроченъ, оно на континентѣ Европы продолжало мирно покоряться этимъ условіямъ. Но съ подавленіемъ феодальнаго произвола, съ утвердившейся защитой собственности и возвышеніемъ, благодаря такой защитѣ, средняго сословія, а въ Англіи и того ранѣе, общество все болѣе и болѣе останавливалось на той мысли, что защита собственности противъ одного феодальнаго или частнаго произвола не составляетъ еще всего, чего оно вправѣ желать, что это составляетъ только часть устроенія его интересовъ, что собственность, защищенная въ частномъ быту, должна быть еще столь же защищена въ быту государственномъ, а это послѣднее невозможно безъ категорическаго уясненія и ограниченія правъ властей по статьѣ налоговъ и связаннаго съ нею неограниченнаго права веденія войнъ. Въ Англіи, гдѣ феодальный произволъ не имѣлъ, вообще говоря, того развитія и прекратился раннимъ подчиненіемъ всѣхъ сословій монархической власти, этотъ голосъ общества въ защиту собственности противъ фиска высказался весьма рано и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ категорическій договоръ власти съ сословіями. На континентѣ Европы, гдѣ феодалы враждовали съ властью весьма долго, гдѣ власть долго жила раздробленной и не могла сложиться, обществу, страдавшему болѣе всего отъ такого раздробленія, естественно было долго помышлять о защитѣ личности и собственности противъ частнаго феодальнаго произвола и помогать образованію центральной власти, прежде чѣмъ думать о гарантіяхъ болѣе отдаленныхъ. Но тамъ и здѣсь статья налоговъ и вопросъ о государственныхъ войнахъ наряду съ гарантіей личности, защита личности и собственности въ быту государственномъ послужили началомъ процесса между европейскимъ обществомъ и государствомъ и первымъ поводомъ къ заявленію мысли о государственномъ договорѣ,—лишь только личность почувствовала себя сколько-нибудь обезпеченной въ частномъ быту.

Вопросъ, ставшій достояніемъ событій дня и стремленій общества, долженъ былъ стать достояніемъ и его литературы, разъ она появилась; и такимъ образомъ политическая литература Европы примкнула по сво-

ему началу къ тому общему и первому соціальному вопросу, который самъ собой прежде всего долженъ былъ рѣшиться въ жизни, стремящейся къ порядку, и у этого же начала незамѣтно отдѣлилось два научныхъ направленія для того, чтобы чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе расходиться между собою и изъ которыхъ одно, собственно говоря, умерло съ XVIII вѣкомъ, другое же перешло въ наше столѣтіе. Общій вопросъ, отъ котораго отправилась историческая жизнь, а вмѣстѣ съ нею и литература, очевидно былъ въ сущности вопросомъ экономическимъ; но онъ могъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: во первыхъ со стороны формальной, какъ вопросъ договора между властью и обществомъ касательно собственности; во вторыхъ со стороны самаго его внутренняго содержанія, какъ вопросъ о гарантіи собственности, какъ вопросъ экономическій. Одно направленіе увлеклось формальной стороной вопроса и приняло характеръ отвлеченный, другое направленіе, которое мы назовемъ камеральнымъ, остановилось на самомъ его содержаніи и приняло съ самаго начала характеръ экономическій.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ довольно простому объясненію факта, съ указанія котораго начинались всѣ учебники исторіи юридической литературы, но который въ нихъ являлся совершенно загадочнымъ и необъясненнымъ. Я разумѣю начало философской юридической литературы съ построенія системъ договора. Это начало, какъ мы видимъ, непосредственно вяжется съ естественнымъ историческимъ фактомъ, съ первой вещью, о которой должно заботиться всякое общество; это огражденіе личной и имущественной безопасности сперва въ быту частномъ, ради котораго всякое общество и создаетъ внутри себя власть, и затѣмъ неминуемо въ отношеніи этой власти. Эту именно заботу объ обезпеченности лица и собственности первоначально только и выражала собою вообще литература, независимо отъ всякаго различія направленій.

И эту заботу наука приняла на себя при первомъ своемъ появленіи на европейской почвѣ среди еще полнаго царства среднихъ вѣковъ. Римское право представляло готовый разработанный кодексъ понятій о собственности; а потому на изученіи, распространеніи и разработкѣ римскаго права и его имущественныхъ понятій сосредоточились труды средневѣковыхъ ученыхъ, бывшихъ прежде всего юристами и извѣстныхъ подъ именемъ легистовъ. Ихъ усиліями начала собственности, выработанныя римскимъ правомъ, вошли въ гражданское законодательство. Право на недвижимую собственность перестало быть аристократическою прерогативою. И наконецъ утвердилось понятіе о томъ, что подать должна быть вотирована. Объ этомъ-то послѣднемъ условіи, объ ограниченіи королевскаго права на частную собственность, особенно заботи-

лись первые публицисты, слѣдовавшіе за легистами, Филиппъ де-Коминъ, Мишель Лопиталь и др.

Труды послѣднихъ переполнены жалобами на злоупотребленія королевскихъ фискальныхъ агентовъ, подъ-часъ выражаютъ прямую сатиру надъ самымъ экономическимъ принципомъ, по которому война считается источникомъ богатства, и всѣ заботы и усилія этихъ публицистовъ направлены къ тому, чтобы ограничить по возможности подать и поставить частный доходъ и частное достояніе въ лучшее положеніе. Въ XV и XVI вѣкахъ эти понятія, клонящіяся къ защитѣ частной собственности отъ произвола администраціи, высказывались со всей свободой.

И это стремленіе всего ярче и поучительнѣе выступаетъ въ трудахъ такихъ писателей, которые были повидимому самыми ревностными приверженцами абсолютизма и государственнаго полновластія. Несмотря на то, что въ писателяхъ этого рода не было вовсе недостатка, трудно кажется указать между ними хотя одного, который бы при всей своей преданности абсолютизму не стремился указать ему предѣлъ въ неприкосновенности лица и частной собственности.

Пока литература строго держалась такой исторической почвы, она прямо заботилась о сущности вопроса, она была строго реальна и въ ней не могло идти рѣчи объ увлеченіи какой-либо исключительной стороной вопроса, а слѣдовательно и о различіи направленій.

Но обратное стремленіе общества гарантировать за собою личную и имущественную безопасность въ отношеніи къ власти, пришло на фактѣ къ утвержденію такой безопасности формальнымъ договоромъ сословій съ властью.

Слѣдуя такому указанію событій, литература совершенно опытнымъ путемъ была приведена къ понятію о государственномъ договорѣ и отсюда, по наведенію, къ понятію о договорѣ какъ основаніи общежитія вообще.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторыми англійскими публицистами и едвали не прежде всего Букананомъ была высказана та мысль, что всѣ отношенія между государствомъ и подданными основываются на такомъ же договорѣ. Эта мысль, историческую вѣрность которой много оспаривали впослѣдствіи времени, была однако въ сущности совершенно справедлива въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ смыслѣ, въ которыхъ она была первоначально высказана, въ которыхъ ее только и можно принимать. Она совершенно вѣрно передавала и доказывала пониманіе исторической связи между властью и подданными, связи, основанной и на одной силѣ и завоеваніяхъ и на взаимной выгодѣ, дѣлавшей власть необходимою для самихъ подданныхъ.

Если исторически невѣрно, что частныя и государственныя отношенія возникали въ Европѣ на основаніи формальнаго договора, то совершенно вѣрно исторически, что, независимо отъ случайнаго факта завоеванія, первобытное общество безусловно нуждалось въ созданіи власти, которая прекратила бы частныя самоуправства и гарантировала внутреннюю безопасность, и слѣдовательно, въ основаніи всякаго возникновенія власти—въ обществѣ заключались всѣ условія, всѣ элементы договора или взаимнаго условія, хотя бы договоръ этотъ и не былъ формальный.

Странно было бы впрочемъ и требовать такого формальнаго опредѣленія отношеній отъ общества грубаго, едва знающаго письменность, въ то время, когда самая власть возникала и вступала въ свои права только постепенно, и слѣдовательно странно искать формальнаго договора у самаго начала общежитія, несмотря на всѣ остальныя данныя для договора.

Но зато уже совершенно неоспоримо, что отношенія между государствомъ и подданными въ концѣ XVI-го вѣка, въ то время, когда мысль о государственномъ договорѣ была высказана въ литературѣ, основывались уже на чисто формальномъ договорѣ въ Англіи, и къ той же формѣ замѣтно стремленіе, и въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ огражденіе собственности, начатое въ частномъ быту, завершалось огражденіемъ ея конституціоннымъ государственнымъ договоромъ между военной властью и имущими сословіями — завершилось широкой формой договора: первоначальная форма отношеній, основанная на произволѣ и завоеваніяхъ, преобразилась совершенно и вступила на путь соглашенія, феодальное государство пересоздавалось въ государство конституціонное.

Отправляясь отъ этого-то факта, не было ничего противоестественнаго и неразумнаго, восходя ко времени болѣе отдаленному, по аналогіи предположить, что такіе же условія и элементы договора составляли основанія и первоначальныхъ отношеній общества къ власти, — что конституціонный договоръ составлялъ поэтому лишь послѣднее формальное выраженіе договора болѣе ранняго, начало котораго одновременно съ возникновеніемъ всякой власти,—что такимъ образомъ понятіе о договорѣ лежало въ основаніи всѣхъ отношеній власти къ обществу во всемъ ихъ объемѣ.

Поэтому, останавливаясь на такомъ понятіи договора, литература очевидно еще не слишкомъ уклонялась отъ вѣрности существующимъ историческимъ фактамъ. Мало того, она могла распространять эти понятія далѣе и считать все общежитіе основаннымъ въ послѣднемъ счетѣ на договорѣ между людьми, какъ это впрочемъ она и дѣлала. И здѣсь не

было, собственно говоря, кореннаго заблужденія, ибо неоспоримо, что всѣ наши отношенія къ другимъ людямъ, въ сколько-нибудь развитомъ обществѣ, представляютъ собой съ внѣшней стороны нескончаемый рядъ соглашеній и условій формальныхъ, гласныхъ или негласныхъ.

Договоръ или взаимное соглашеніе составляетъ по крайней мѣрѣ ту форму, къ которой тяготѣютъ всѣ наши связи съ людьми. Но если такое воззрѣніе само по себѣ не составляетъ еще ошибки, то ошибка весьма не далека отъ него. И вотъ гдѣ она начиналась.

Начнемъ съ уясненія этого самаго понятія *договора*, на которомъ теперь остановилась литература, и посмотримъ, какія она могла извлечь изъ него средства для построенія общественной философіи. Понятіе, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло и съ которымъ предстояло имѣть дѣло первоначальной литературѣ, есть очевидно, прежде всего, понятіе, совершенно лишенное всякаго содержанія.

Договоръ самъ по себѣ есть только форма, въ которую облекаются или въ которую вступаютъ отношенія отдѣльныхъ лицъ, сословій и обществъ послѣ ряда столкновеній и во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній. Но само понятіе о договорѣ не обусловливаетъ еще самаго содержанія договора, и это содержаніе можетъ быть крайне разнообразно. Если мы возьмемъ для примѣра отвлеченное понятіе о математической величинѣ, то это понятіе наглядным образомъ выразить нашу мысль.

Какъ въ понятіе о величинѣ могутъ быть вставлены всевозможныя величины отъ 0 до ∞, точно также разнообразно можетъ быть самое содержаніе договора; и какъ величина, рѣшающая тотъ или другой данный вопросъ, выводится не изъ отвлеченныхъ понятій о величинѣ, а изъ частныхъ условій самого вопроса, такъ и это содержаніе договора опредѣляется стало-быть независимо отъ самаго договора совершенно посторонними условіями.

Если рѣчь идетъ объ общественномъ договорѣ, то самое содержаніе договора опредѣляется естественно: 1) тѣмъ, что̀ считаетъ для себя наиболѣе выгоднымъ каждая сторона и что̀ она себѣ выговариваетъ, и 2) если каждая изъ сторонъ представляетъ собой извѣстную силу и самый договоръ является результатомъ предварительныхъ столкновеній между этими силами, то содержаніе договора зависитъ еще отъ взаимнаго отношенія этихъ силъ, и склоняется въ пользу стороны болѣе сильной.

Но что̀ считать наиболѣе выгоднымъ въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ общежитія, какія нормы отношеній должны соотвѣтствовать этой выгодности, какой порядокъ должны скрѣпить люди или члены общества взаимнымъ договоромъ для того, чтобы этотъ порядокъ отвѣчалъ общей

выгодѣ? Отвѣчать на этотъ вопросъ значитъ рѣшить хотя теоретически вопросъ о самомъ содержаніи договора, а рѣшить этотъ вопросъ можно очевидно только черезъ изученіе самого содержанія жизни и тѣхъ ея положительныхъ сторонъ, которыя слѣдуетъ опредѣлить посредствомъ договора. Недостаточно имѣть въ виду одну возможность установить данный порядокъ путемъ договора. Нужно знать, какой порядокъ есть искомый и наиболѣе выгодный и отвѣта на этотъ-то существенный вопросъ нельзя еще найти въ понятіи о договорѣ. Гдѣ же искать отвѣта на этотъ вопросъ и указанія этого содержанія?

Источникъ очевиденъ, это—человѣческое знаніе и интеллигенція. Но здѣсь же вступаютъ между собою въ противорѣчіе два различные взгляда на нравственную природу человѣка, выработанные общей философіей. Рѣшеніе вопроса политическаго становится въ зависимость отъ указаній общей философіи. Какъ мы видѣли выше, въ этомъ отношеніи выяснены и выработаны два воззрѣнія. Одно — въ силу котораго и человѣческая интеллигенція вообще и всякое знаніе и всякая истина, а слѣдовательно и знаніе нравственной истины признается результатомъ человѣческаго опыта и предварительныхъ заблужденій: то—воззрѣніе весьма позднее и не имѣвшее извѣстности и авторитета въ то время, когда политическая литература занялась въ первый разъ вопросомъ государственнаго договора. И другое—въ силу котораго всякая истина есть результатъ готовыхъ, врожденныхъ человѣку понятій, а слѣдовательно и нравственная истина есть такой же результатъ врожденныхъ и готовыхъ отъ самой природы понятій, врожденнаго человѣку знанія правды.

Именно это послѣднее воззрѣніе, какъ болѣе раннее, и было тѣмъ воззрѣніемъ, на которомъ остановилась прежде всего политическая литература и которое въ силу своей ложности въ основаніи сообщило ложное направленіе и увлекшейся имъ политической литературѣ.

Останавливаясь на мысли о зависимости знанія нравственной истины отъ опыта и времени, неизбѣжно было считать самое содержаніе общественнаго договора уясняющимся только постепенно по мѣрѣ успѣховъ человѣческаго опыта и недоступнымъ человѣчеству непосредственно. Иначе рѣшался вопросъ съ точки зрѣнія врожденныхъ человѣческой природѣ истинъ нравственнаго порядка. Каждый носилъ въ себѣ эти истины врожденными, а вмѣстѣ съ ними и самое содержаніе договора. Этого содержанія неслѣдовало искать, на немъ нечего было останавливаться, ибо оно было даровано человѣчеству при самомъ рожденіи. Оставалось только облечь этотъ даръ, это готовое отъ природы знаніе нравственной истины въ форму договора, и этимъ рѣшался вполнѣ и разъ навсегда соціальный вопросъ. Самой трудной частью политической задачи съ этой

*

точки зрѣнія становилась формальная сторона ея: достигнуть установленія договора, а какое придать содержаніе этому договору, это казалось извѣстнымъ само собою.

А разъ самая форма договора становилась доступною и реальною, имѣя за себя уже готовые согласные примѣры въ дѣйствительности — разъ стало-быть началось устраненіе главнаго затрудненія и рѣшеніе самой трудной части задачи, дѣло общественнаго идеала должно было представляться крайне легко осуществимымъ дѣломъ.

Литературѣ оставалось только изложить, выразить на письмѣ врожденное человѣчеству содержаніе общественнаго договора, а обществу склонить власть къ принятію этого идеальнаго содержанія. Съ этой-то точки зрѣнія, въ то время какъ одна часть литературы продолжала стремиться къ обезпеченію собственности, другая приступала къ построенію общественныхъ идеаловъ или къ начертанію идеальнаго содержанія для общественнаго договора.

Почти два вѣка сряду считалось аксіомой, что тотъ, кто хочетъ заниматься государственною наукой въ модномъ и современномъ направленіи, долженъ сочинять проекты общественныхъ отношеній, выражающіе врожденный внутренній голосъ справедливости. Такъ какъ рамка договора была крайне широка и терпѣла всякое содержаніе, то и проекты выходили крайне разнообразные, и писатели, исходившіе повидимому изъ одного и того же начала, приходили каждый къ крайне противоположнымъ между собою и совершенно произвольнымъ результатамъ.

А такъ какъ внутренній врожденный голосъ нравственной истины оказывался вовсе не такъ ясенъ, какъ то предполагалось, то каждый изъ нихъ пріурочивалъ къ понятію о договорѣ тотъ порядокъ отношеній, то содержаніе, на которое указывала ему собственная опытность, если не личный интересъ, или тотъ порядокъ, который онъ встрѣчалъ готовымъ въ практической жизни.

Такимъ-то образомъ Гоббзъ приходилъ къ деспотизму; Руссо измечтался о неиспорченной первобытной свободѣ; а другіе просто строили сколки съ готовыхъ, болѣе или менѣе несовершенныхъ и подозрительныхъ конституцій.

Почти всѣ передовыя имена науки XVII и XVIII вѣковъ, Гуго Гроцій, Гоббзъ, Фильмеръ и наконецъ Руссо оставили по себѣ такіе проекты. Самые солидные и благоразумные люди относились всего осторожнѣе къ внутреннему врожденному голосу и старались по возможности выдавать дѣйствительность и существующій порядокъ, тамъ, гдѣ онъ казался имъ полезенъ, за выраженіе этого внутренняго голоса. На этомъ основаніи напримѣръ *Римское Право*, польза котораго казалась неоспо-

римою, было названо писаннымъ разумомъ, и такимъ же образомъ возводилось въ санъ писаннаго разума всякое другое установленіе, хотя бы польза его была временная, условная и преходящая.

Но сколь бы ни были осторожны сами составители проектовъ общественныхъ идеаловъ, тѣмъ не менѣе основная точка зрѣнія, на которую былъ ими поставленъ политическій вопросъ, въ литературѣ была крайне скользкою. Не трудно видѣть, что съ этой точки зрѣнія, несмотря на всю осторожность писателей, представленія о лучшемъ общественномъ порядкѣ или нормальныхъ отношеніяхъ между людьми лишены были всякой твердой точки опоры и зависѣли отъ личнаго усмотрѣнія, личной проницательности и личныхъ симпатій и антипатій. Поэтому Бентамъ совершенно справедливо назвалъ всѣ эти системы, основанныя на теоріи врожденной справедливости, системами произвола и самый принципъ справедливости принципомъ произвола. Въ существѣ своемъ эта точка никого не обязывала держаться мнѣній того или другаго писателя, а напротивъ давала полное право сообразоваться каждому съ своимъ внутреннимъ врожденнымъ голосомъ.

Всякій могъ носиться съ своими личными фантазіями и мечтами и основательно предполагать, что онъ остается вѣренъ научной точкѣ зрѣнія и правамъ, даннымъ ему наукою. Насколько неопредѣленна была рамка договора, настолько несбыточно и нелѣпо могло быть ея содержаніе. А между тѣмъ то же воззрѣніе вело съ другой стороны еще къ другому результату: оно распространяло мысль, что осуществленіе общественнаго идеала преимущественно зависитъ отъ возможности скрѣпить этотъ идеалъ договоромъ съ властью, и должно было открывать съ одной стороны широкій просторъ мечтаніямъ и съ другой прямо направлять всѣ усилія къ подрыву авторитета власти.

Разъ общество поставлено было на такую точку зрѣнія, которая съ одной стороны направляла его усилія къ подрыву власти, а съ другой санкціонировала за каждымъ законность требованій его личной фантазіи,— это общество стояло на скользкой и ложной дорогѣ, несмотря на всю осторожность его писателей въ ихъ требованіяхъ. Несмотря на всю мнимую пользу, которой дисциплина и государственная власть всегда склонна была ожидать для себя отъ объясненія своихъ учрежденій какъ выраженія голоса высшей справедливости, несмотря на кажущуюся для нея заманчивость такихъ объясненій со стороны литературы, можно положительно сказать, что такія объясненія носили въ себѣ для нея смертельный ядъ и не приносили ей никогда ничего кромѣ рѣшительнаго вреда.

Дѣло въ томъ, что разъ начавъ съ того убѣжденья, что Римское Право, при посредствѣ котораго утверждались первые зачатки порядка и внут-

ренняго мира, вводилось не какъ простое средство гарантировать сколько-нибудь имущественную и личную безопасность и спокойствіе, не существовавшія въ феодальное время, а какъ выраженіе высшей справедливости, какъ писанный разумъ,—разъ допустивъ въ самомъ началѣ взглядъ на законодательство не какъ на рядъ мѣръ, указываемыхъ ближайшей практической необходимостью, а какъ на выраженіе безусловной правды, нельзя было рано или поздно не придти къ отрицанію (отъ имени этого принципа) высшей справедливости и пользы всѣхъ установленій, созданныхъ предъидущей цивилизаціей; — а если я говорю, что защищаемый мною порядокъ служитъ выраженіемъ высшей справедливости и въ тоже время утверждаю, что критеріумъ этой справедливости врожденъ каждому, то вмѣстѣ съ тѣмъ я даю полную возможность каждому отрицать этотъ порядокъ.

Но разсматриваемая и независимо отъ такого вліянія, сама по себѣ литература этого направленія могла согласоваться съ существующимъ порядкомъ очевидно только оставаясь непослѣдовательною самой себѣ, непослѣдовательной тому внутреннему голосу справедливости, на который она опиралась. Если мы разсмотримъ ближе то содержаніе, которое могло скрываться подъ крайне неопредѣленнымъ терминомъ справедливости, то этотъ терминъ получитъ для насъ опредѣленное значеніе только въ одномъ исключительномъ случаѣ: если мы будемъ разумѣть подъ нимъ безусловное равенство людей во всѣхъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ условій общежитія, т. е. равенство политическое и имущественное. Писатели разсматриваемаго направленія должны были очень рано почувствовать это и вслѣдствіе этого имъ оставалось избирать одно изъ двухъ: или отрицаніе всего существующаго порядка или непослѣдовательность. Такъ какъ послѣднее было вообще легче, то они и предпочли непослѣдовательность. Руссо былъ единственнымъ писателемъ, который хотѣлъ остаться вѣренъ сущности основнаго возрѣнія той школы идеалистовъ, къ которой онъ принадлежалъ: отъ этого въ его трудахъ это направленіе и разрѣшилось болѣе полнымъ отрицаніемъ. Вслѣдствіе этого онъ остался послѣднимъ и почти единственнымъ представителемъ этого направленія, которое въ его лицѣ сказало свое послѣднее слово и не могло ничего сказать больше. Многія причины помогли этой его послѣдовательности.

Но прежде всего помогло этой послѣдовательности съ его стороны то положеніе, въ которое поставила себя королевская власть во Франціи своей политикой.

Если прежніе писатели этого направленія были непослѣдовательны, это было прежде всего потому, что они, разсматривая существующее, на-

ходили въ немъ многое, сохраненіемъ чего считали нужнымъ дорожить для блага общества. Хотя отъ этого установленія, считавшіяся ими за нужныя, не приносили съ собою обществу всесторонняго равенства положеній согласнаго съ идеаломъ формальной справедливости, но эти установленія были все-таки настолько полезны въ ихъ глазахъ, что польза, ими приносимая, превышала вредъ совершенной анархіи и безпорядка. Въ этомъ смыслѣ они становились на стражѣ существовавшей дисциплины, а въ томъ числѣ и правъ государственной власти. Политика французскихъ королей XVII и XVIII столѣтій была прямо направлена къ уничтоженію этого благаго убѣжденія. Французская королевская власть не только уклонялась до послѣдняго дня отъ дарованія сословіямъ формальной гарантіи противъ административнаго произвола надъ личностью и имуществомъ гражданъ, гарантіи, съ незапамятныхъ временъ дарованной англійскими королями, но какъ будто съ умысломъ старалась обратить свое существованіе въ тягость невыносимую для общества. Что касается гарантіи личности, то вмѣсто того, чтобы усиливаться по крайней мѣрѣ съ теченіемъ времени, она находилась въ XVIII вѣкѣ на столь низкой степени, что не говоря уже о простомъ классѣ, передовыя имена науки и литературы подвергались уголовнымъ наказаніямъ и заключеніямъ въ Бастилію безъ всякаго суда, по одному капризу какого-нибудь грансеньора, за то только, что они имѣли несчастіе оскорбить чѣмъ либо его самолюбіе. Что же касается имущества, то въ этомъ отношенія произволъ и причуды двора довели какъ извѣстно страну до совершеннаго разоренія. Такая политика болѣе всего способна была развить въ обществѣ убѣжденіе, что власть составляетъ исключительно тягость для общества, и если не затмить совершенно всякое признаніе необходимости власти для общества вообще, то по крайней мѣрѣ воспитать крайнее недовѣріе, скопить громадные запасы личной ненависти къ династіи, которая такъ настойчиво и съ такимъ крайнимъ легкомысліемъ относилась къ интересамъ народа, которымъ призвана была управлять. Въ такомъ положеніи люди весьма легко теряютъ хладнокровіе, страстность раздраженнаго общества переходитъ въ литературу и подъ вліяніемъ ея литература весьма легко переступаетъ предѣлы той неизбѣжной осторожности, съ которою обязана относиться къ вопросамъ серьезнымъ, и идетъ обыкновенно далѣе, чѣмъ этого требуетъ спокойный анализъ.—Если же при этомъ сама точка зрѣнія науки такова, что она позволяетъ свободно и безъ особенныхъ натяжекъ находить въ ней оправданіе образу мыслей, внушенному страстнымъ настроеніемъ, то литература эта не замедлитъ воспользоваться этой выгодой и извлечетъ отсюда все, что можно, для удовлетворенія накипѣвшему чувству негодованія.

Руссо писалъ именно въ тотъ періодъ времени, когда разореніе народа и произволъ достигли послѣдней степени утонченности, когда Вольтера колотили на улицѣ Парижа и сажали въ тюрьму по капризу оскорбленнаго имъ зажиточнаго гуляки. Въ то время въ европейской наукѣ готовы уже были философскія воззрѣнія на человѣческую природу, болѣе вѣрныя дѣйствительности и болѣе основательныя чѣмъ тѣ, на которыхъ опиралась до сихъ поръ общественная философія, готовы были, слѣдовательно, и основанія для иного, болѣе скромнаго и осторожнаго направленія въ самой политической литературѣ. Въ Англіи развивалась философія *Локка*, учившаго смотрѣть на нравственнаго человѣка, какъ на продуктъ живаго опыта. Но французская политика и тутъ, заботясь повидимому только о силѣ монархическаго начала, въ сущности сдѣлала этому началу весь вредъ, какой только могла. Въ теченіе всего XVII столѣтія она вела къ упадку знаніе, распространяла обскурантизмъ и поощряла невѣжество. Она достигла своей цѣли, достигла того, что Людовикъ XV получилъ въ управленіе общество, не только разоренное и озлобленное, но и невѣжественное, и слѣдовательно настолько же легковѣрное, насколько невѣжественное, ибо эти два условія неразрывны между собою. Правда, при немъ началась реакція и это общество принялось учиться, и прежде всего учиться естествознанію и англійской литературѣ. —Но тутъ произошло то, что неизбѣжно происходитъ съ человѣкомъ, прогулявшимъ свое время, который захочетъ научиться всему сразу. Онъ будетъ торопиться и изловитъ только призраки науки, и только лучшіе и настойчивые умы на самомъ лѣлѣ овладѣютъ знаніемъ.—Поэтому, если между передовыми людьми XVIII в. мы встрѣчаемъ много именъ достойныхъ и замѣчательныхъ, то въ массѣ общества мы находимъ только недоучившуюся самонадѣянность, которая подчасъ хуже полнаго невѣжества. И во всякомъ случаѣ ознакомленіе французскаго общества съ современной наукой было слишкомъ ново для того, чтобы можно было ожидать, что французская литература извлечетъ изъ нея все что слѣдовало.

Такимъ образомъ новое воззрѣніе на природу, развивавшееся въ англійской литературѣ, было перенято и усвоено французами и популяризовано ими относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ оно примѣнялось прямо и непосредственно, но осталось пока безъ вліянія на вопросы болѣе отдаленные—вопросы политическіе, и Руссо остался вѣренъ господствовавшему прежде направленію, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ согласовалось съ его душевнымъ настроеніемъ. Онъ принялся изучать политическую философію по трудамъ Гоббза, Гроція и Пуффендорфа и остался до конца въ полной увѣренности, что задачу политическаго философа составляетъ начертаніе общественнаго идеала, слѣпо вѣря въ неизмѣнность внут-

ренняго голоса справедливости, какъ готоваго средства для указанія такого идеала. Онъ удивился непослѣдовательности этихъ писателей собственнымъ началамъ и счелъ тѣмъ болѣе нужнымъ исправить заблужденія предшественниковъ, а недоученое общество, созданное по винѣ французской обскуратной политики, представляло ему готовую аудиторію самаго легковѣрнаго свойства.

Такимъ образомъ новое направленіе общей философіи подѣйствовало на французскіе умы прежде всего той своей стороной, которой оно всего болѣе расходилось съ консервативными вѣрованіями въ отношеніи вопросовъ естественныхъ; а та сторона его, которая должна была дѣйствовать сдерживающимъ образомъ на страсти и останавливать готовое въ обществѣ стремленіе къ политическому отрицанію, осталась безъ всякаго вліянія.

Что касается основнаго начала или внутренняго голоса справедливости, который долженъ былъ служить критеріумомъ для построенія общественнаго идеала, то и Руссо, какъ онъ ни желалъ быть послѣдовательнымъ, какъ ни стремился держаться начала справедливости въ томъ единственно опредѣленномъ смыслѣ, какой возможенъ для этого понятія, въ смыслѣ *безусловнаго равенства* людей между собою, онъ все-таки оставался вѣренъ такой точкѣ зрѣнія лишь до тѣхъ поръ, пока анализировалъ и критиковалъ существующее. Съ этой точки зрѣнія онъ могъ свободно казнить существовавшій порядокъ, хотя этотъ порядокъ, помимо случайныхъ злоупотребленій, все-таки хранилъ въ своихъ нѣдрахъ цивилизацію, стоившую не мало труда и времени человѣческому обществу. Но тамъ, гдѣ задача его переходила къ сознанію собственнаго идеала на мѣсто осужденной имъ дѣйствительности, тамъ положенія вещей измѣнялись и Руссо прямо отказывался отъ возможности провести принятое имъ начало до конца. Начавъ съ анализа, онъ принялъ начало справедливости за исходный критеріумъ для такого анализа со всей прямотой и откровенностью. Онъ прямо началъ свои изслѣдованія съ вопроса о причинахъ неравенства между людьми въ обществѣ. Можно было думать, что рѣшивъ этотъ вопросъ такъ или иначе, и переходя къ созданію общественнаго идеала, онъ представитъ основы общества, удовлетворяющія тому началу, которое онъ принималъ за основаніе для осужденія существующаго. Но чѣмъ далѣе шелъ Руссо въ своихъ собственныхъ построеніяхъ, тѣмъ менѣе это начало оказывалось въ нихъ выдержаннымъ, тѣмъ болѣе онъ убѣждался самъ въ невозможности выдержать его, и наконецъ пришолъ къ тому, что долженъ былъ признать осуществленіе подобнаго начала за вещь безусловно невозможную для человѣческаго общества. Такого рода

скептицизмъ могъ, казалось бы, дѣйствовать успокоивающимъ образомъ на общество, но онъ былъ въ тоже время дотого безотраденъ, что скорѣе раздражалъ и возбуждалъ къ протесту, вызывалъ уснувшую энергію, чѣмъ успокоивалъ.

ГЛАВА IV.

Для того, чтобъ познакомиться теперь ближе съ мыслями Руссо, мы разсмотримъ три главные его труда, касающіеся политики: *О причинахъ неравенства между людьми*, *О вліяніи наукъ и искусствъ на нравы* и *Трактатъ объ общественномъ договорѣ*. Первые два посвящены анализу и критикѣ существующаго, послѣдній трудъ есть трудъ синтетическій; первые два заключаютъ въ себѣ постановку вопросовъ, послѣдній — отвѣтъ на нихъ. Въ трактатѣ о происхожденіи неравенства Руссо доказывалъ, что это неравенство происхожденія чисто искусственнаго, что оно было исключительно результатомъ общежитія. Съ этою цѣлью онъ старался по возможности наглядно представить положеніе человѣка въ первобытномъ состояніи и затѣмъ прослѣдить тотъ путь, какимъ онъ прошелъ отъ этого первобытнаго состоянія къ позднѣйшему своему положенію въ обществѣ.

Я не буду вдаваться — говоритъ Руссо — ни въ какія предположенія о томъ, насколько различна отъ настоящаго могла быть физическая организація первобытнаго человѣка, имѣлъ ли онъ когти, ходилъ ли на четверенькахъ и былъ покрытъ шерстью, какъ думаетъ Аристотель. Все это — предположенія, совершенно излишнія для той цѣли, которую я имѣю въ виду, для доказательства превосходства его первобытнаго положенія. Я беру его устроеннымъ физически такъ же, какъ онъ устроенъ теперь, и нахожу его уже въ этомъ видѣ обладающимъ всѣмъ, что нужно для того, чтобы его положеніе не могло казаться жалкимъ въ сравненіи съ прочими тварями. Я нахожу въ немъ животное менѣе сильное, чѣмъ нѣкоторыя, болѣе сильное, чѣмъ другія, но въ послѣднемъ счетѣ устроенное выгоднѣе, чѣмъ всѣ остальныя. Я вижу его питающимся плодами перваго попавшагося дерева, утоляющимъ жажду у перваго источника и находящимъ готовый ночлегъ гдѣ попало. Земля въ то время была покрыта безконечными лѣсами, представлявшими готовую пищу и прочимъ всевозможнымъ животнымъ. Каждое находило въ нихъ тотъ родъ пищи, который ему нуженъ, а человѣкъ, имѣя возможность употреблять пищу самую разнообразную, находилъ ее по

преимуществу. Слѣдовательно съ этой стороны онъ былъ лучше обезпеченъ чѣмъ всѣ остальные. Но тоже должно сказать и о другихъ отношеніяхъ. Лишенный всякихъ искусственныхъ орудій, привыкшій къ вліяніямъ непогоды, человѣкъ по неволѣ долженъ былъ быть здоровъ, крѣпко сложенъ и силенъ и богатъ привычкой съ-молоду къ физическимъ упражненіямъ.

Мы можемъ поставить человѣка въ этомъ состояніи, вооруженнаго палкой или первымъ попавшимся камнемъ, сильнаго и быстраго въ движеніяхъ, рядомъ съ медвѣдемъ, и трудно будетъ сказать, который изъ двухъ въ случаѣ столкновенія долженъ быть опаснѣе для другаго. Что же касается животныхъ положительно болѣе сильныхъ, то передъ ними онъ имѣетъ преимущества другаго рода — большую подвижность, быстроту бѣга и способность лазить по деревьямъ, дающую ему возможность избѣгать всегда опасной встрѣчи.

Гораздо опаснѣе для него враги другаго рода: болѣзнь, старость и дѣтство. Но и тутъ мать, которая имѣетъ возможность носить всюду съ собою ребенка, имѣетъ преимущества передъ прочими животными, обязанными ходить постоянно взадъ и впередъ за пищей оставляя дѣтей. Что касается болѣзней, то онѣ растутъ какъ извѣстно съ цивилизаціей. Не вдаваясь въ обыденныя декламаціи противъ медицины, все-таки остается спросить: есть ли хотя одно доказательство, чтобы средняя продолжительность жизни была короче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это искусство находится въ пренебреженіи. Мы создаемъ себѣ больше болѣзней, чѣмъ медицина успѣваетъ создавать средствъ врачеванія.

Таковъ, по мнѣнію Руссо, первобытный человѣкъ въ чисто физическомъ отношеніи. Что касается человѣка нравственнаго, то Руссо находитъ двѣ особенности, отличающія въ этомъ отношеніи человѣка отъ прочихъ животныхъ. Я разсматриваю животное, — пишетъ онъ, — ни болѣе ни менѣе какъ довольно искусную машину, и таковъ же собственно говоря человѣкъ, съ тѣмъ однако отличіемъ прежде всего, что животное руководится въ своихъ дѣйствіяхъ инстинктомъ или голосомъ природы, отъ котораго оно не можетъ отступить даже тамъ, гдѣ это клонится къ его вреду, тогда какъ человѣкъ руководствуется своимъ собственнымъ выборомъ и имѣетъ волю для того, чтобы весьма часто избирать именно то, что ему вредно. Всякое животное имѣетъ мысли потому уже, что оно имѣетъ ощущенія, и наука до извѣстной степени объясняетъ возможность образованія мыслей и понятій механическимъ путемъ, но воля составляетъ актъ чисто психическій; поэтому-то я и полагаю, — говоритъ Руссо, — что мыслительная способность не составляетъ такого существеннаго отличія, какъ воля.

Но даже, продолжаетъ онъ, еслибы и можно было спорить противъ дѣйствительности этого перваго отличія, то есть еще одно совершенно неоспоримое, это—усовершимость. Въ то время какъ животное въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ достигаетъ того, чѣмъ оно остается всю жизнь и черезъ всѣ поколѣнія, человѣкъ имѣетъ цивилизацію. И тяжелѣе всего думать, что именно эта особенность человѣка и составляетъ источникъ всѣхъ золъ, которыя онъ испытываетъ, что она извлекаетъ его изъ положенія, въ которомъ онъ влачилъ дни спокойные и невинные, порождаетъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ пороки и заблужденія, при посредствѣ которыхъ онъ становится въ концѣ концовъ своимъ собственнымъ мучителемъ и мучителемъ своей природы.

Первобытный человѣкъ живетъ первоначально чисто животными отправленіями. Что бы ни говорили моралисты, развитіе его умственной способности много обязано страстямъ, точно также какъ самыя страсти бываютъ тѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ богаче и разнообразнѣе понятія. Мы желаемъ знать потому только, что желаемъ наслаждаться, точно также какъ желанія разнообразится только по мѣрѣ развитія потребностей, а потребности по мѣрѣ развитія представленій. Поэтому, дикій человѣкъ, лишенный знанія, имѣлъ меньше желаній и меньше страстей: пища, самка и покой наполняли всю его жизнь. Его воображеніе не рисуетъ ему болѣе ничего и его сердце ничего больше не требуетъ, его душа ничѣмъ не волнуется и онъ вовсе не думаетъ о будущемъ.

Это-то положеніе человѣка называютъ обыкновенно несчастнымъ, говоритъ Руссо, но я желаю, чтобы мнѣ объяснили, — продолжаетъ онъ,—въ чемъ можетъ состоять несчастіе человѣка свободнаго, котораго тѣло и совѣсть спокойны. Пусть мнѣ скажутъ: слыханная ли вещь самоубійство — вещь обыденная у насъ — въ дикомъ животномъ состояніи, и тогда само собой будетъ ясно, въ которомъ изъ двухъ положеній, дикомъ или цивилизованномъ, жизнь можетъ становиться по временамъ невыносимѣе. Слѣдуетъ также предполагать, что люди въ дикомъ состояніи, живя разрозненно, безъ всякихъ связей и обязанностей другъ къ другу, не могли быть ни злы, ни добры, ни добродѣтельны, ни порочны. Прежде всего остережемся считать человѣка злымъ отъ природы, вмѣстѣ съ Гоббзомъ: все заблужденіе этого писателя состояло въ томъ, что онъ ввелъ въ кругъ потребностей дикаго человѣка такія, которыя могли быть только плодомъ цивилизаціи, и заставилъ человѣка быть злымъ ради огражденія этихъ потребностей или самосохраненія, и вслѣдствіе этого представилъ первобытное состояніе войною всѣхъ со всѣми. Разсуждая правильно, онъ долженъ былъ

бы сказать совершенно противное, сказать, что дикое состояніе, будучи такимъ, гдѣ самосохраненіе и удовлетвореніе всѣхъ потребностей по самой ихъ ограниченности въ этомъ состояніи выполняются съ наименьшей невыгодой и вредомъ для другихъ, есть состояніе мира по преимуществу.

Одну врожденную добродѣтель Руссо рѣшается однако признать за первобытнымъ человѣкомъ, это — чувство *состраданія* Изъ всѣхъ чувствъ это чувство кажется ему болѣе всего близкимъ и свойственнымъ животному состоянію. Не говоря уже о примѣрахъ состраданія между животными, нужно сознаться, говоритъ онъ, что чувство противное состраданію, плодъ разсчета и рефлексіи, чаще всего встрѣчается между людьми менѣе близкимъ къ природному состоянію. Если что замыкаетъ человѣка въ себѣ самомъ, уединяетъ отъ всего, что только можетъ ему казаться непріятнымъ, то это именно разсужденіе. Оно заставляетъ его втайнѣ говорить самому себѣ при видѣ страждущаго: погибай, лишь бы я былъ покоенъ. Нѣтъ того общественнаго несчастія, которое подняло бы съ постели философа. Подъ его окномъ можно спокойно совершать убійства и онъ будетъ глухъ. Не таковъ человѣкъ, болѣе близкій къ природѣ. На публичные безпорядки, на уличныя ссоры сбѣгается чернь, торговки разнимаютъ дерущихся и останавливаютъ людей отъ взаимной рѣзни; человѣкъ разсудительный удаляется. Съ столь мало развитыми страстями, при столь ограниченныхъ сношеніяхъ между собой, не имѣя ни зависти, ни честолюбія, не зная ни уваженія, ни презрѣнія, не имѣя понятія о моемъ и твоемъ, люди мало имѣли поводовъ къ враждебнымъ столкновеніямъ.

Есть однако между страстями, волнующими весьма сильно сердце современнаго человѣка, одна, — страсть порывистая и необузданная, значеніе которой въ первобытномъ состояніи подлежитъ особому разсмотрѣнію. Руссо разумѣетъ половое влеченіе. Что сталось бы съ современнымъ человѣкомъ при этой страсти безъ законовъ и наказаній, безъ воздержанія, которое находитъ она въ цѣломудріи и приличіи? Но и тутъ оставимъ въ сторонѣ ту узду, которую налагаетъ на эту страсть законъ. Остается разсмотрѣть, не есть ли въ свою очередь она сама въ ея опасномъ видѣ созданіе цивилизаціи и закона.

Начнемъ съ того, что будемъ различать физическую сторону этой страсти отъ нравственной. Физическая сторона ограничивается однимъ матеріальнымъ и временнымъ влеченіемъ одного пола къ другому полу вообще, безъ различія въ немъ индивидуальностей. Моральная сторона состоитъ именно въ преданности одного индивидуума другому. Она именно приковываетъ наше вниманіе, сосредоточиваетъ это влеченіе на

одномъ исключительно опредѣленномъ лицѣ и черезъ это самое сообщаетъ страсти ея напряженность и силу. Не трудно видѣть однако, что эта нравственная сторона любви составляетъ искусственное чувство, создаваемое общежитіемъ. Основанная на извѣстныхъ представленіяхъ о красотѣ и достоинствахъ, о пропорціональности формъ, словомъ — на представленіяхъ совершенно неизвѣстныхъ дикарю, она усиливается воображеніемъ, также ограниченнымъ у дикаря. Эта сторона любви поэтому совершенно ему недоступна, а слѣдовательно и самая половая страсть въ его положеніи дѣйствуетъ несравненно слабѣе и не ведетъ къ тѣмъ враждебнымъ столкновеніямъ, къ какимъ ведетъ у насъ. Сверхъ того, человѣкъ имѣетъ и въ этомъ отношеніи еще то преимущество предъ прочими животными, что послѣднія связаны опредѣленнымъ періодомъ течки самокъ, вслѣдствіе чего всѣ самцы вдругъ входятъ къ извѣстному времени въ страстное состояніе и ищутъ наперерывъ удовлетворенія: здѣсь гораздо возможнѣе враждебныя столкновенія, чѣмъ въ положеніи человѣка, способнаго производить во всякое время.

Замѣтимъ поэтому, говоритъ Руссо, что человѣкъ въ первобытномъ положеніи, блуждая въ лѣсахъ безъ языка, цивилизаціи, индустріи, безъ связей и войны, былъ удовлетворенъ гораздо болѣе, когда имѣлъ потребности и понятія только свойственныя своему положенію, гораздо болѣе былъ уравненъ въ отношеніи къ другимъ, себѣ подобнымъ, и что даже тѣ природныя неравенства въ индивидуальныхъ силахъ и способностяхъ, составляющія собственно продуктъ цивилизаціи, на которыя любятъ часто ссылаться писатели, если даже и допустить ихъ существованіе въ это время, не могли имѣть ощутительнаго вліянія на судьбу человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ служить красота въ обществѣ, не понимающемъ ея; къ чему умъ — людямъ, не имѣющимъ рѣчи и языка?

Утверждаютъ постоянно, что болѣе сильные должны угнетать слабыхъ; такъ оно и случается въ цивилизованномъ обществѣ. Но какимъ образомъ это можетъ случиться въ первобытномъ? Самое большее, это то, что у меня могутъ отнять готовую пищу, но это угнетеніе случайное и преходящее. Но какимъ образомъ, спрашивается, возможно здѣсь подчиненіе, сколько-нибудь систематическое и постоянное? Если меня сгонятъ съ одного дерева, я уйду на другое. Если найдется человѣкъ, достаточно сильный и лѣнивый для того, чтобы желать заставить меня трудиться вмѣсто себя, спрашивается, какъ достигнетъ онъ этого? Онъ долженъ будетъ всюду смотрѣть за мной и сторожить меня даже во время сна, изъ боязни, чтобы я не скрылся или не убилъ его, и создать себѣ мученія и заботы большія, чѣмъ тѣ, отъ

которыхъ можетъ его избавить мое рабство. Мнѣ достаточно сдѣлать двадцать шаговъ въ лѣсу, чтобы разорвать мои цѣпи, и онъ не увидитъ меня болѣе во всю жизнь. — Не останавливаясь далѣе на этомъ предметѣ, кажется очевидно, что систематическая зависимость и рабство могли быть результатомъ только устроившагося общества.

Показавъ, такимъ образомъ, какъ ничтожно и неощутительно должно было быть неравенство людей въ первобытномъ состояніи, мнѣ предстоитъ теперь показать, — продолжаетъ Руссо, — какимъ образомъ оно возникло вмѣстѣ съ цивилизаціей.

Тотъ, кто первый ограничилъ поле, назвавъ его своимъ,—говоритъ онъ,—былъ настоящимъ основателемъ гражданскаго общества. Но между этимъ временемъ и первобытнымъ состояніемъ должно было пройти множество вѣковъ и человѣку суждено было пройти нѣсколько промежуточныхъ положеній, безъ которыхъ переходъ отъ дикаго состоянія къ собственности становится совершенно непонятенъ. — Укажемъ нѣкоторые факты, которыми Руссо старается обозначить этотъ переходъ.

Первыя связи между людьми должны были имѣть характеръ случайный. Люди могли случайно соединиться, преслѣдуя какую-либо добычу вмѣстѣ, и затѣмъ расходились.

При недостаткѣ растительной пищи они должны были учиться ловить животныхъ, ловить рыбу и звѣрей, и сдѣлались рыболовами или звѣроловами, смотря по мѣстности, въ которой обитали. Въ тоже время они могли научиться строить себѣ шалаши или хижины и здѣсь могли начаться первые слѣды семейнаго сожитія и образоваться первыя начала языка Но общежитіе не шло пока далѣе разрозненныхъ хижинъ. Первое, что могло помочь болѣе тѣсному сближенію, это — внѣшніе перевороты. Наводненія и землетрясенія превратили окрестность въ острова, ограничили небольшія пространства крѣпостями, охраняемые которыми люди должны были чаще сходиться между собою и придти къ положенію тѣхъ дикихъ племенъ, о которыхъ говоритъ исторія.

Это положеніе было, по мнѣнію Руссо, крайнимъ пунктомъ счастія, которое доступно было человѣческой расѣ, крайней степенью развитія, которымъ могъ пользоваться человѣкъ, оставаясь *свободнымъ*. Какъ только онъ пошелъ далѣе, какъ только онъ убѣдился въ пользѣ для него чужихъ услугъ, чужаго труда, какъ только онъ понялъ, что можетъ быть полезно одному имѣть запасовъ на двухъ,—равенство исчезло, обширные лѣса превратились въ селенія и нивы, которыя нужно было орошать человѣческимъ потомъ и на которыхъ рабство и нищета выростали пропорціонально обилію жатвъ.

Металлургія и земледѣліе были тѣми двумя изобрѣтеніями, которыя произвели этотъ переворотъ.

Вопросъ о томъ, какимъ путемъ человѣчество пришло къ этимъ изобрѣтеніямъ, вопросъ посторонній. Но разъ появились кузнецы и литейщики, нужны были другіе люди для того, чтобы питать ихъ, и слѣдовательно должно было начаться раздѣленіе труда и обмѣнъ услугъ. Изъ обработки полей долженъ былъ возникнуть ихъ передѣлъ, и слѣдовательно собственность. Разъ вещи пришли къ этому положенію, остальное становится понятнымъ само собою, и поэтому Руссо не считаетъ нужнымъ останавливаться надъ историческимъ порядкомъ возникновенія прочихъ изобрѣтеній и сторонъ цивилизаціи, а прямо переходитъ къ указанію послѣдствій.

Допустимъ, стало-быть, — говоритъ Руссо, — что всѣ наши способности, воображеніе и память, умъ и самолюбіе, пришли этимъ путемъ къ развитію, что положеніе всякаго человѣка опредѣлялось не только его богатствомъ, но и способностями и другими достоинствами, какъ-то: красотой, умомъ и проч. Стало нужнымъ прежде всего или имѣть дѣйствительно эти достоинства, или заставить думать, что мы ихъ имѣемъ; стало нужнымъ: *казаться* не тѣмъ, что̀ мы есть. Изъ свободнаго человѣкъ сталъ рабомъ тѣхъ условій, какія самъ создалъ. Если онъ былъ богатъ, онъ нуждался въ людяхъ ради ихъ услугъ, если онъ былъ бѣденъ — ради ихъ помощи. Онъ былъ поставленъ въ необходимость постоянно заинтересовывать другихъ въ свою пользу и заставлять ихъ видѣть свою выгоду въ томъ, чтобы служить ему. Это дѣлало его хитрымъ и лицемѣрнымъ съ одними, грубымъ съ другими. Наконецъ, раздирающее честолюбіе поставить свое положеніе выше другихъ открываетъ просторъ мрачной враждѣ и зависти, тѣмъ болѣе опасной, что она прикрывается личиной благорасположенія и услужливости. Словомъ, соревнованіе, противорѣчіе интересовъ и вѣчное стремленіе обдѣлать свои дѣла насчетъ другихъ—всѣ эти злыя вещи на-ряду съ неравенствомъ были первымъ послѣдствіемъ первыхъ изобрѣтеній и успѣховъ цивилизаціи. Нужно полагать, что все это повело и къ первымъ враждебнымъ столкновеніямъ между сосѣдями, что затѣмъ богатые поняли прежде всего ту пользу, которую они могутъ извлечь для себя, если предложатъ обществу, соединившись между собой общими силами, принявъ извѣстныя рѣшенія, условиться въ признаніи обязательности извѣстныхъ правилъ для прекращенія безпорядковъ и огражденія за каждымъ пользованія пріобрѣтеннымъ. Таково должно было быть, по мнѣнію Руссо, первое начало власти и законодательства — общее соглашеніе, взаимный договоръ жителей, иниціатива котораго должна была при-

надлежать богатымъ. Только шаткость и несовершенство дисциплины въ этой формѣ могли мало по малу заставить общество рѣшиться создать самостоятельную власть и магистратуру, отдавая въ ея руки свои естественныя права и свободу. Философы, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ, обыкновенно слишкомъ легко смотрѣли на вещи. По легкости, съ какой отдаетъ свою свободу человѣкъ цивилизованный, привыкшій подчиняться, они судятъ о первобытныхъ людяхъ. Но когда я вижу,— пишетъ Руссо — что дикари предпочитаютъ свою свободу со всѣми ея лишеніями наслажденіямъ, которыя находитъ человѣкъ въ нашемъ рабствѣ; когда я вижу, что животныя, заключенныя въ клѣтки, разбиваютъ себѣ головы объ рѣшетки своей темницы, я понимаю, что не людямъ, привыкшимъ повиноваться, принадлежитъ право разсуждать о свободѣ. Руссо полагаетъ поэтому, что первобытный человѣкъ могъ уступить свою свободу только мало по малу и слѣдовательно, первоначальная форма его общественныхъ отношеній должна быть во всякомъ случаѣ автономическая.

Что же касается весьма обыкновеннаго пріема производить начало всѣхъ властей отъ родительской власти, то нѣтъ ничего ошибочнѣе такого пріема и нѣтъ ничего менѣе похожаго другъ на друга, какъ эти двѣ власти. Власть родительская продолжается до тѣхъ лишь поръ, пока она нужна ребенку, и сама собою прекращается впослѣдствіи; она основана на любви и чувствѣ совершенно иного рода, чѣмъ власть политическая. Отецъ опекаетъ ребенка изъ прямой привязанности къ нему; эта власть, эта опека во все время воспитанія ребенка ничего не приноситъ отцу, и только требуетъ постоянныхъ жертвъ. Если такимъ образомъ— полагаетъ Руссо—потеря человѣкомъ свободы совершилась только постепенно, если, притомъ, мы вправѣ считать свободу за благороднѣйшую изъ принадлежностей человѣка, то само собой разумѣется, что на такую потерю человѣкомъ свободы мы можемъ смотрѣть только какъ на слѣдствіе его нравственнаго паденія и униженія его природы. Пуффендорфъ говоритъ, что эта свобода можетъ быть отчуждаема, какъ всякое имущество, но я утверждаю, — говоритъ Руссо, — что между двумя вещами, здѣсь сравниваемыми, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Вещь, которую я отчуждаю, становится для меня совершенно посторонней, я не имѣю къ ней болѣе никакого отношенія, я къ ней становлюсь равнодушенъ; но, мнѣ кажется, вовсе не все равно, что̀ дѣлается съ моей свободой послѣ ея отчужденія. Она все-таки считается связанною неразрывно съ моимъ существомъ, я чувствую всѣ послѣдствія неправильнаго обращенія съ нею; словомъ, она собственно неразрывна со мною. Если такимъ образомъ потеря человѣкомъ свободы могла совершиться только постепенно,

то сама власть усиливалась только съ той же постепенностью. Поэтому, — говоритъ Руссо, — начало правительства и политическаго организма должно было быть таково, какимъ оно разсматривается и предполагается обыкновенно философами: оно должно быть основано на взаимномъ общественномъ договорѣ, сперва—общества вообще насчетъ извѣстныхъ общихъ правилъ и обязательнаго подчиненія имъ всѣхъ для общей тишины; потомъ, когда этого оказалось недостаточно, то—на договорѣ объ учрежденіи особыхъ публичныхъ блюстителей порядка и этихъ правилъ, которымъ передавалась для этого необходимая власть на опредѣленныхъ условіяхъ между ними и обществомъ. Самая форма, въ которой утверждалась магистратура, зависѣла много отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находилось общество. Если общимъ кредитомъ, довѣріемъ и силой пользовалось при этомъ какое-либо исключительное лицо, то этому лицу подчинялись всѣ остальные члены магистратуры. Если такихъ лицъ было много, то управленіе принимало форму аристократическую и т. д. Но непрочность власти въ этой формѣ, безпорядки, повторявшіеся при каждыхъ новыхъ выборахъ, могли сами собою дать почувствовать неудобство избирательнаго начала, или наконецъ повторенное избраніе тѣхъ же лицъ, или лицъ изъ тѣхъ же семействъ, обратить магистратуру въ наслѣдственную форму, отъ которой уже понятны дальнѣйшіе переходы ея, кончавшіеся весьма часто совершенной потерей автономіи. Конечно, эти переходы совершались постепенно, но если что ускоряло ихъ и обусловливало ихъ неизбѣжность, то это не столько стремленіе къ единовластію самихъ лицъ, которымъ была ввѣрена власть, сколько общее стремленіе во всемъ обществѣ къ господству другъ надъ другомъ, къ индивидуальному преимуществу, порожденное первыми началами неравенства. Это качество общества, въ его отдѣльныхъ членахъ, служило главной опорой деспотизма, во время его, потому что никто такъ легко не подчинится самъ, какъ тотъ, кто хочетъ самъ господствовать въ свою очередь. И это чувство становилось столь общимъ, что имъ легко было заинтересовывать наконецъ весь народъ и согласить его на безусловное подчиненіе, обѣщая ему за то господство надъ остальными народами.

Это-то чувство общаго соревнованія и общей страсти къ преимуществу, главнымъ образомъ, давало опору развитію безусловнаго стѣсненія свободы; и если мы бросимъ общій взглядъ на его исторію развитія, то мы увидимъ, — говоритъ Руссо, — что первымъ терминомъ было установленіе собственности и закона, установленіе магистратуры — вторымъ, и преобразованіе власти договорной или законной, какъ называетъ ее Руссо, въ произвольную — послѣднимъ. Послѣдствіемъ пер-

ваго была власть богатыхъ надъ бѣдными, послѣдствіемъ втораго — власть сильнаго вообще надъ слабымъ, послѣдствіемъ третьяго — власть господина съ одной стороны и рабство — съ другой.

Тутъ оказывается послѣдній терминъ того круга, отъ начала котораго мы отправились. Вмѣстѣ съ рабствомъ человѣчество приходитъ къ новому виду естественнаго состоянія, но отличному отъ того, отъ котораго отправилось,—къ новому уравненію всѣхъ передъ господиномъ. На этой ступени общественный договоръ совершенно разрушенъ и власть держится на правѣ силы, она не имѣетъ подъ собою другаго законнаго основанія, а потому продолжаетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока остается сильнѣе всѣхъ окружающихъ.

Такимъ-то путемъ первобытный человѣкъ перерождается мало по малу въ цивилизованнаго и наконецъ дотого расходится съ нимъ, что между ними не оказывается ничего общаго и то, что̀ составляетъ счастье одного, оказывается несчастьемъ другаго.

Только первый живетъ спокойствіемъ и свободой; напротивъ того, человѣкъ цивилизованный, вѣчно занятой, постоянно мечется и терзается, напрашиваясь на большій трудъ и большія муки, онъ трудится до смерти и убивается для безсмертія, онъ ухаживаетъ за сильными, которыхъ ненавидитъ, богатыми, которыхъ презираетъ и ничего не щадитъ для чести имъ услуживать,—онъ гордится своимъ униженіемъ и ихъ покровительствомъ и презираетъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ съ нимъ этой чести. Но для того, чтобы это было такъ,—необходимо, чтобы чужое мнѣніе было для него дороже всего остальнаго, чтобы онъ былъ счастливъ этимъ чужимъ мнѣніемъ о своемъ положеніи и не искалъ счастія въ самой сущности своего положенія. Въ этомъ-то и заключается его главное отличіе отъ первобытнаго человѣка. Онъ постоянно живетъ внѣ себя, онъ умѣетъ жить только чужими мнѣніями о себѣ и эти мнѣнія составляютъ для него существенный признакъ его собственнаго существованія. Не мое дѣло рѣшать,—заключаетъ Руссо,—какимъ образомъ отсюда возникаетъ столько равнодушія къ добру; какимъ образомъ, постоянно спрашивая у другихъ о томъ, что̀ мы такое, и никогда не спрашивая объ этомъ себя, богатые, повидимому, приличіями, гуманностью и безподобными правилами, мы обладаемъ только поддѣльными призраками ума, добродѣтели и чести. Съ моей стороны было достаточно доказать, что не таково было первобытное состояніе человѣка и что всѣ эти свойства обязаны своимъ возникновеніемъ и развитіемъ только обществу.

Таково содержаніе «*Изслѣдованія о причинахъ неравенства*». Съ нимъ непосредственно вяжется по своему содержанію другое изслѣдова-

*

ніе, сущность котораго я считаю нужнымъ изложить прежде, чѣмъ перейти къ общимъ разсужденіямъ.

Дижонская академія въ 1749 г. объявила конкурсъ на слѣдующую тему: Способствовали ли науки и искусства очищенію нравовъ? Руссо представилъ разсужденіе, которое получило премію и которое, хотя и было написано ранѣе только-что нами разсмотрѣннаго, но по содержанію составляетъ какъ-бы его продолженіе. До сихъ поръ Руссо трактовалъ о вліяніи общежитія вообще на нравственнаго человѣка; здѣсь онъ разсматриваетъ вліяніе главныхъ пріобрѣтеній общежитія, произведеній ума и искусствъ, на ту же нравственную сторону человѣка. Взглядъ его въ этомъ отношеніи опредѣляется съ первыхъ строкъ. Между тѣмъ, какъ общежитіе создаетъ цѣпи и дѣлаетъ человѣка рабомъ, науки и искусства, говоритъ онъ, покрываютъ эти цѣпи цвѣтами, заглушаютъ въ людяхъ чувство первобытной свободы, заставляютъ ихъ любить эти цѣпи и заглушаютъ въ человѣкѣ желаніе изъ нихъ выдти. Нужда создала власть, науки и искусства утвердили ее. Поэтому сильные міра, прибавляетъ онъ, любятъ таланты и покровительствуютъ имъ.

Послѣдствія такого вліянія наукъ и искусствъ для нравственнаго характера человѣка не подлежатъ никакому сомнѣнію. Нравственный человѣкъ портился прямо пропорціонально развитію знанія и искусствъ. Человѣкъ выучился походить одинъ на другаго и подъ лицемѣрной личиной однообразной нравственной внѣшности скрывать самого себя.

Мысль свою Руссо доказываетъ историческими примѣрами, изъ которыхъ должно быть видно, что всѣ періоды крайняго развитія наукъ и искусствъ граничили съ періодами полнѣйшей безнравственности и потерей обществами своей самостоятельности. Египетъ первый достигаетъ совершенства въ наукахъ и искусствахъ и вскорѣ затѣмъ дѣлается послѣдовательно жертвой персовъ, грековъ, римлянъ и т. д. Грецію безъ наукъ и искусствъ два раза покоряетъ Азію. Но въ той же Греціи непосредственно за развитіемъ наукъ слѣдуетъ иго македонянъ. Нравственное и политическое паденіе Рима начинается непосредственно съ вѣкомъ Августа, Овидія, Катулла и пр.

Это должно быть такъ, и не можетъ быть иначе, ибо знаніе — говоритъ Руссо—есть результатъ праздности; потеря времени составляетъ поэтому первое неизбѣжное его послѣдствіе, роскошь второе, а то и другое вмѣстѣ, праздность и роскошь, могутъ только разслаблять духъ и уничтожать энергію. Вмѣстѣ съ знаніемъ общество получаетъ философовъ, астрономовъ, химиковъ, поэтовъ и т. д., но лишается гражданъ; оно какъ-бы опасается ощутить недостатокъ въ ученыхъ и воспитываетъ ихъ наперерывъ и какъ-бы чувствуетъ избытокъ въ земледѣльцахъ и другихъ

полезныхъ людяхъ. Оно строитъ заведенія, въ которыхъ учитъ юношество древнимъ языкамъ и разнымъ вещамъ, совершенно безполезнымъ — и не учитъ тому, что необходимо въ жизни; словомъ, учитъ тому, что впослѣдствіи приходится забывать, т. е. учитъ самой праздности.

Оно строитъ академіи и содержитъ на общій счетъ философовъ и пр. Спрашивается: да что же такого драгоцѣннаго заключаютъ труды этихъ философовъ? Слушая ихъ, ихъ можно было бы принять за труппу шарлатановъ, наперерывъ зазывающихъ къ себѣ публику. Одинъ увѣряетъ, что нѣтъ вовсе тѣла и что все есть одно только мнимое представленіе, другой — что ничего нѣтъ кромѣ матеріи и пр. И вотъ, тѣ люди, которыхъ мы окружаемъ славой и безсмертіемъ, вотъ тѣ драгоцѣнныя истины, которыя мы передаемъ съ ихъ словъ изъ рода въ родъ. Но что сказать послѣ этого о тѣхъ второстепенныхъ комментаторахъ и подражателяхъ, которыхъ общеество производитъ массами? Нѣтъ сомнѣнія, что имъ лучше было бы оставаться земледѣльцами, ремесленниками и пр. Если наука столь суетна въ своемъ существѣ, столь скупа на истинно полезныя вещи и столь богата пустыми и праздными знаніями, развращающими нравы, то нечего стало-быть и заботиться о томъ, чтобы воспитывать общество ученыхъ и философовъ. Знаніемъ и исключительно полезнымъ знаніемъ пусть сохранятъ право заниматься лишь тѣ исключительные индивидуумы, которые могутъ совершать свое дѣло безъ книжекъ, учителей и наставниковъ, т. е. истинно геніальные люди. Такіе люди, по мнѣнію Руссо, вовсе не нуждаются въ наставникахъ; ихъ учитъ сама природа. Баконъ, Декартъ, Ньютонъ не имѣли учителей. Обыкновенные учителя могли бы только убить ихъ способности. Но если общество не хочетъ лишиться ихъ пользы, нужно, чтобы дарованія ихъ не встрѣчали въ своемъ развитіи напрасныхъ преградъ и чтобъ имъ была открыта возможность дѣятельности соразмѣрной съ ихъ дарованіями. Величайшій изъ философовъ былъ канцлеромъ Англіи. Думаютъ ли, что еслибъ онъ остался свой вѣкъ скромнымъ академистомъ, онъ сдѣлалъ бы тоже самое, что сдѣлалъ на своемъ мѣстѣ?

Пусть правители не опасаются призывать въ свои совѣты мужей, наиболѣе способныхъ дать добрый совѣтъ, пусть оставятъ старый предразсудокъ, созданный надменностью приближенныхъ, что управлять народомъ труднѣе, чѣмъ просвѣщать его. Но пока власть будетъ на одной сторонѣ, знаніе на другой, ученые рѣдко будутъ открывать великія истины, а правители рѣдко будутъ имѣть возможность знать ихъ и примѣнять къ дѣлу. Что же касается насъ, простыхъ смертныхъ, то удовольствуемся нашимъ скромнымъ положеніемъ и будемъ больше заботить-

ся о своемъ характерѣ, о своей нравственности и обязанностяхъ, чѣмъ о своей славѣ. — «О добродѣтель, — заключаетъ Руссо, — будто такъ трудно узнать тебя, развѣ ты не начертана природой во всѣхъ сердцахъ, и развѣ мало только углубиться въ себя для того, чтобы узнать тебя? Вотъ настоящая философія, удовольствуемся ею и проведемъ то различіе между нами и исключительными людьми, которое существовало, одно время, между двумя великими народами, изъ которыхъ одинъ умѣлъ хорошо говорить, другой хорошо дѣлать.»

За парадоксальной формой, какою поражаетъ трактатъ о происхожденіи неравенства, скрываются несомнѣнная доля истины и вѣрность фактамъ, и въ этомъ кроется причина вліянія мыслей Руссо на общество. Но истина эта остается недосказанной: только одна половина выдвинута наружу, ярко освѣщена и поставлена на первый планъ, между тѣмъ какъ другая, если не умышленно скрыта, то не досказана. Справедливо то, что съ развитіемъ человѣчества его природныя свойства измѣнились, что его природныя несовершенства стали ярче, физическій организмъ его слабѣе и проч. Если бы все дѣло ограничилось этимъ, то конечно ему не было разсчета мѣнять первобытное состояніе на цивилизованное; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для него развился цѣлый міръ новой, невѣдомой прежде жизни, который принесъ съ собою не одну физическую слабость и нравственные пороки—зависть, зависимость и малодушіе: онъ принесъ также кое-какія выгоды и пріобрѣтенія, незнакомыя естественному состоянію; и вопросъ не въ томъ, увеличилась ли безусловная сумма темныхъ сторонъ человѣческаго существованія, а увеличилась ли эта относительная ихъ сумма. Ничто не мѣшаетъ цивилизованному человѣку въ отдѣльности возвратиться въ необитаемые лѣса и предпочесть жизнь американскихъ дикарей, и однако мы знаемъ, что даже простое переселеніе изъ страны цивилизованной въ страну глухую и незаселенную при возможности унесть съ собою туда средства цивилизаціи, чтобы пользоваться ими тамъ на свободѣ, вызываетъ мало охотниковъ. Что касается личныхъ пороковъ, то бывали въ каждомъ обществѣ люди, стоявшіе выше малодушія и изнѣженности, и вотъ эти-то люди, понимающіе недостатки (и Руссо первый), не выселялись къ дикарямъ, а искали средствъ противъ этихъ недостатковъ оставаясь, въ томъ самомъ обществѣ, въ которомъ они жили и, слѣдовательно, они вѣроятно цѣнили при этомъ довольно дорого то, что давала имъ вмѣстѣ съ своими недостатками цивилизованная жизнь. Если разсматривать физическаго человѣка какъ одну вещь, а нравственнаго какъ другую, то, конечно, современный физическій человѣкъ слабѣе первобытнаго. Но въ связи съ тѣмъ, что дала ему цивилизація, онъ несомнѣнно

во сто разъ сильнѣе первобытнаго человѣка даже въ чисто матеріальномъ отношеніи. Власть надъ природой, которой онъ пользуется, теперь не имѣетъ никакого сравненія съ тѣми жалкими средствами, какими онъ пользовался прежде. Что касается чисто нравственной и моральной стороны, какъ напр. ума, то конечно первобытный человѣкъ, котораго нравственность равнялась совершенному нулю, не могъ представлять въ этомъ отношеніи ни хорошихъ, ни дурныхъ сторонъ, не могъ представлять ничего ровно; ему предстояло создать самому все, чѣмъ онъ обладаетъ и можетъ вообще обладать въ этомъ отношеніи. Создать все это онъ могъ естественно только путемъ ошибокъ, заблужденій и опыта. Требовать отъ него, чтобы онъ создалъ сразу совершенный нравственный порядокъ, образовалъ и развилъ въ себѣ такія свойства характера, которыя могли быть признаны только похвальными, было бы по крайней мѣрѣ столь же странно, какъ требовать отъ него, чтобы съ первыхъ дней общежитія онъ обладалъ тѣмъ умомъ и знаніемъ, какимъ будетъ обладать въ позднѣйшія эпохи цивилизаціи. Общество, какъ одно изъ первыхъ выраженій жизни нравственной, было вполнѣ собственнымъ созданіемъ человѣка. Какъ первое созданіе, какъ первый опытъ, это общество естественно могло быть и должно было быть несовершенное и, слѣдовательно, столь же полное слабостей и первыхъ послѣдствій общежитія. Можно было поэтому указывать на эти слабости, но приписывать ихъ можно было только несовершенству первыхъ формъ общежитія, а не общежитію вообще и безусловно.

Нельзя было сказать, что человѣчество обязано ими общежитію вообще; слѣдовало сказать, что оно обязано ими первымъ несовершеннымъ попыткамъ общежитія. Слѣдовало идти далѣе и спросить, почему эти попытки были несовершенными? и тогда истинный взглядъ вышелъ бы наружу самъ собою. Если эти попытки общежитія были несовершенны, то потому, что физическій или первобытный человѣкъ не получилъ отъ природы ни готоваго знанія, ни готовыхъ качествъ для болѣе совершеннаго общежитія, а долженъ былъ выучиваться всему этому самъ. Вина тѣхъ слабостей, за которыя Руссо казнилъ современное ему общество, заключалась стало-быть вовсе не въ общежитіи, а именно въ несовершенствѣ того физическаго человѣка, которому училъ завидовать Руссо. Еслибы этотъ физическій человѣкъ былъ совершеннѣе, еслибы онъ такъ же хорошо зналъ отъ природы истинныя условія счастливаго и совершеннаго общежитія, какъ хорошо умѣлъ ихъ искать, то Руссо не нашелъ бы въ чемъ упрекать его и за что преслѣдовать. Такимъ образомъ все обвиненіе было основано на невѣрной оцѣнкѣ и сравненіи двухъ явленій, различныхъ по своему характеру и не подчиняющихся

одному и тому же мѣрилу—животнаго состоянія и цивилизованнаго. Винить человѣка за несовершенство его перваго общежитія было тоже, что винить человѣка, не умѣющаго писать, за то, что онъ ставитъ каракули. Только ложный взглядъ, допускавшій въ человѣкѣ врожденными всѣ законы современнаго нравственнаго порядка, могъ вести къ такому обвиненію, и такимъ-то взглядомъ долженъ былъ руководствоваться Руссо. Но что касается фактовъ, то, повторяемъ, они были приведены вѣрно за нѣкоторыми лишь изъятіями. Одна невѣрность состояла въ упущеніи фактовъ, указывающихъ на свѣтлыя стороны и драгоцѣнныя пріобрѣтенія цивилизаціи. Вторая заключалась въ упущеніи изъ виду, что тотъ крайній предѣлъ деспотизма, о которомъ говоритъ Руссо какъ конечномъ терминѣ цивилизаціи, былъ столь раннимъ явленіемъ въ исторіи общества, что мы съ своей стороны можемъ считать его за явленіе почти начальное. Исторія общества, среди котораго мы живемъ, состоитъ именно въ реакціи, въ возвратѣ отъ тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришли первыя попытки общежитія, къ условіямъ болѣе совершеннымъ, и деспотизмъ, властолюбіе, соревнованіе ихъ и жизнь внѣ себя составляютъ явленія весьма старыя, противъ которыхъ борется современное общество и противъ которыхъ оно стало бороться серьезно съ тѣхъ лишь поръ, какъ цивилизація его стала дѣлать дальнѣйшіе успѣхи.

Руссо упускаетъ изъ виду, что если нужно было извѣстное время для образованія тѣхъ общественныхъ перемѣнъ въ судьбѣ человѣка, которыя онъ называетъ перемѣнами къ худшему, то нужно также время и для перемѣнъ къ лучшему; что человѣкъ, не имѣвшій, какъ онъ самъ выражается, понятія о добрѣ и злѣ, для котораго всѣ поступки представлялись безразличными, не могъ имѣть первоначально и понятія о безнравственности, обманѣ, хитрости и лицемѣріи, и потому долженъ былъ совершенно спокойно и принимать ихъ и предаваться имъ; что нужно было время даже для того, чтобы понять безнравственность тѣхъ вещей, которыя представляются Руссо обвинительными актами противъ цивилизаціи. Кто далъ силу ему самому понять безнравственность этихъ вещей, какъ не цивилизація и развитіе? А разъ мы допустимъ такое вліяніе цивилизаціи, мы должны будемъ допустить, что эта жизнь внѣ себя, жизнь чужимъ мнѣніемъ, —пустоту которой Руссо и самъ хорошо понимаетъ только вслѣдствіе своей цивилизаціи,—составляетъ принадлежность недоразвитаго состоянія и полуневѣжественнаго ума; что оно, какъ впрочемъ это и есть на самомъ дѣлѣ, въ настоящее время составляетъ удѣлъ людей пошлыхъ и полуневѣжественныхъ, а если и относится къ значительной части такъ-на-

зываемаго образованнаго общества, то только потому, что общій уровень общественнаго развитія пока еще довольно низокъ.

Руссо опять только относительно вѣрно указываетъ начало неравенства въ вопросѣ имущественномъ. Не имущество само по себѣ было виновато, точно также какъ и не общество виновато въ рабствѣ и крѣпостномъ правѣ, а только первоначальное несовершенство человѣческихъ понятій о вещахъ. Вмѣсто того, чтобы ополчаться на исторію, не вѣрнѣе ли было бы обратить свои нападки противъ природы, не научившей человѣка непосредственно истиннымъ экономическимъ воззрѣніямъ?

Очевидно, что для того, чтобы понимать вещи въ настоящемъ свѣтѣ, нужно было имѣть воззрѣніе на природу, діаметрально противоположное тому, котораго придерживался Руссо. Онъ считалъ природу совершенной, давшей непосредственно человѣку все, нужное для его благополучія, тогда какъ на дѣлѣ природа дала ему только средства узнать путемъ опыта и времени то, что ему нужно. Въ этомъ заключается корень ошибки. Въ силу этого заблужденія, Руссо долженъ былъ искать спасенія отъ открытыхъ имъ общественныхъ золъ, и указывать истинныя основы благополучія и нравственности въ томъ же естественномъ человѣкѣ, во имя первобытной его природы. Исправить общественные недостатки и доставить человѣку утраченное счастіе казалось Руссо возможнымъ только обратившись за указаніями къ этому естественному голосу первобытной природы, которая и послужила для него оракуломъ той системы естественныхъ отношеній, которая изложена имъ въ «Contrat Social». Сочиненіе это служитъ поэтому какъ-бы отвѣтомъ на вопросы, поднятые имъ въ изложенныхъ нами статьяхъ.

Руссо уже разсказалъ намъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ власть результатомъ общежитія и считаетъ первоначальную форму, которая возникаетъ въ обществѣ, за форму, основанную на взаимномъ соглашеніи, а не на правѣ силы. Повтореніемъ этой мысли онъ начинаетъ свою теорію общественнаго договора.

Какъ бы велико ни было число лицъ,—говоритъ онъ,—которое можетъ подчинить себѣ одно лицо по праву силы, я не могу назвать такого союза политическимъ обществомъ, а могу назвать его только скопищемъ частныхъ лицъ. Властитель, право котораго основывается на правѣ силы, остается для меня частнымъ человѣкомъ, его интересъ отдѣльный и различный отъ интереса лицъ, ему подвластныхъ, остается частнымъ интересомъ и власть его и самый союзъ погибаетъ вмѣстѣ съ потерей имъ силы или его смертью. Вслѣдствіе этого, Руссо считаетъ возможнымъ назвать обществомъ только такой союзъ людей, который основанъ на взаимномъ согла-

шеніи или договорѣ. Такой союзъ возникаетъ самъ собой естественнымъ образомъ, когда непосредственныя средства существованія, встрѣчаемыя отъ природы первобытнымъ человѣкомъ, оскудѣютъ дотого, что борьба за существованіе становится не по силамъ отдѣльному человѣку. Тогда въ сочетаніи или соединеніи своихъ силъ люди находятъ единственное средство выйти изъ затруднительнаго положенія, которое въ противномъ случаѣ должно было бы кончиться погибелью человѣческаго рода. Соединяя свои силы, они становятся сильнѣе, чѣмъ были въ отдѣльности и потому могутъ продолжать бороться съ природой. Но при этомъ самъ собой возникаетъ слѣдующій вопросъ: Такъ какъ личная свобода и личная сила человѣка составляютъ главныя орудія его самосохраненія, то можетъ ли онъ связывать ихъ какими-либо условіями, безъ ущерба этимъ своимъ природнымъ благамъ?

Для того, чтобы такой ущербъ не имѣлъ мѣста, должна быть отыскана такая ассоціація, которая своей коллективной силой гарантировала бы каждому пользованіе его личной силой и свободою, и среди которой человѣкъ, повинуясь обществу, повиновался бы по прежнему въ сущности только самъ себѣ.

Въ опредѣленіи основъ такого общества и заключается задача, которую Руссо предлагаетъ себѣ рѣшить.

Основанія такого общества, думаетъ Руссо, дотого точно опредѣляются самой сущностью договора или взаимнаго соглашенія, на которомъ оно основывается, что нельзя измѣнить ихъ ни въ чемъ, не разрушивъ при этомъ самого общества. Эти основанія въ сущности приводятся къ одному. Всякій отдается обществу лично, вполнѣ и безъ всякаго ограниченія въ равной степени съ другими, признавая для себя обязательною общую волю, въ которой онъ участвуетъ наравнѣ съ другими. При этомъ, думаетъ Руссо, всѣ остаются равноправны и каждый получаетъ столько же власти надъ другими, сколько отдаетъ самъ, а потому ничего ровно не теряетъ. Какъ только такое соглашеніе является тамъ, гдѣ существовали прежде только частные индивидуумы,—то возникаютъ моральное лицо, и рядомъ съ частнымъ благомъ—благо общественное. Въ самомъ человѣкѣ происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенная перемѣна. До сихъ поръ его дѣятельность руководилась инстинктомъ, отнынѣ она должна руководиться справедливостью и чувствомъ долга. Съ внѣшней стороны, съ такой перемѣной человѣкъ теряетъ, правда, нѣкоторую часть своихъ первобытныхъ удобствъ, но зато тѣ, которыя онъ пріобрѣтаетъ взамѣнъ, гораздо значительнѣе. Его мысли расширяются, его чувства облагораживаются, изъ ограниченнаго и глупаго животнаго онъ становится человѣкомъ и долженъ былъ бы

благословлять судьбу за такую перемѣну, еслибы только злоупотребленія, возникающія въ такомъ новомъ порядкѣ вещей, затѣмъ снова не роняли его ниже того состоянія, отъ котораго онъ отправился.

Въ этомъ видѣ общественный договоръ не только не нарушаетъ первобытнаго равенства людей, но дѣлаетъ больше, онъ сглаживаетъ тѣ случайныя неравенства, которыя могли существовать между людьми отъ природы и дѣлаетъ людей, различныхъ до извѣстной степени по своимъ природнымъ дарованіямъ, совершенно равноправными.

Изъ самаго предъидущаго опредѣленія такого общества явствуетъ, что оно должно, по мнѣнію Руссо, управляться общей волей. При этомъ, первымъ и главнымъ слѣдствіемъ такого договора является, по мнѣнію Руссо, неотъемлемость и неотчуждаемость общей воли. Общество, основанное на такомъ договорѣ, можетъ управляться только общею волей и воля эта не можетъ быть передана имъ никому въ распоряженіе, не переставъ быть въ тоже время общей волей и не имѣя своимъ послѣдствіемъ разрушеніе самаго соціальнаго договора. Отправленіе власти можетъ передаваться и поручаться отдѣльнымъ лицамъ, но отправленіе общей воли не можетъ быть никому передано, ибо нѣтъ такого лица, которое могло бы всегда знать общую волю и ни въ чемъ ни разу не нарушать ея.

Поэтому верховная власть, представляющая эту волю, можетъ быть въ такомъ обществѣ только коллективной властью. Всякая другая форма ея будетъ равносильна допущенію безпрестаннаго нарушенія общей воли и слѣдовательно нарушенію самаго договора, на которомъ основывается общество. Но даже и въ этомъ коллективномъ видѣ общая воля, допускаетъ Руссо, не всегда отвѣчаетъ своимъ требованіямъ. Прежде всего, общая воля, думаетъ Руссо, конечно не изъята вообще отъ возможности заблуждаться, и потому собственно слѣдуетъ различать общую волю въ строгомъ смыслѣ, какъ то, что дѣйствительно клонится ко благу общества, отъ воли всѣхъ, которая можетъ часто желать и вреднаго. Далѣе, общая воля, несмотря на свою коллективную форму, вѣрна сама себѣ только до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не существуетъ партій и стачекъ между отдѣльными частями его для приданія перевѣса въ общихъ рѣшеніяхъ интересамъ какой-либо стороны. Въ послѣднемъ случаѣ общая воля перестаетъ существовать, и мы имѣемъ дѣло только съ волей партій. Затѣмъ власть этой общей воли во всѣхъ вопросахъ, касающихся общаго интереса всѣхъ гражданъ, должна быть безгранична. Руссо задается вопросомъ: какъ велика можетъ быть власть, предоставленная такой общей волѣ, можетъ ли ей, напримѣръ, быть предоставлено право жизни и смерти надъ согражданами,—и приходитъ къ тому

заключенію, что эта власть можетъ быть ей предоставлена, на слѣдующемъ основаніи. Цѣль общества, говоритъ онъ, есть охраненіе безопасности согражданъ; кто хочетъ цѣли, хочетъ и средствъ. Если поэтому чья-либо жизнь нужна государству для охраненія общаго спокойствія, то государство имѣетъ право на эту жизнь. Тотъ, прибавляетъ онъ, кто сохраняетъ свою жизнь насчетъ другихъ, долженъ быть готовъ жертвовать ею тамъ, гдѣ она нужна другимъ.

Общая воля выражается и дѣйствуетъ посредствомъ закона; поэтому, она составляетъ въ обществѣ законодательную власть, отличную отъ власти исполнительной, которую (какъ мы увидимъ ниже) по мнѣнію Руссо, должно представлять правительство. Дѣйствіе закона и законодательной власти выражается только въ такихъ постановленіяхъ, которыя касаются всего общества какъ цѣлаго; она не имѣетъ дѣла съ частными мѣрами и распоряженіями, которыя касаются отдѣльныхъ лицъ, или частей общества, и предпринимаются только въ силу закона властями подчиненными. Законодательная власть, принадлежа всему обществу, будучи всегда выраженіемъ только общей воли, не можетъ желать вещей, противныхъ благу общества. Но представляя волю лицъ, невсегда достаточно просвѣщенныхъ насчетъ того, что ведетъ или не ведетъ къ настоящему благу, законодательная власть можетъ легко заблуждаться.

Тѣмъ не менѣе предупредить эти заблужденія, представляется повидимому, невозможнымъ, и счастливъ, по мнѣнію Руссо, народъ, умѣющій найти себѣ законодателя, который укажетъ добрыя основанія его законодательству. Онъ счастливъ потому,—говоритъ Руссо,—что даръ законодательства составляетъ такое рѣдкое природное явленіе, которое народъ не всегда можетъ встрѣтить между людьми своего времени. Притомъ, самъ народъ не во всякое время готовъ и способенъ подчиниться истиннымъ и добрымъ началамъ законодательства. Слишкомъ молодой народъ не понялъ бы ихъ, слишкомъ старый не захочетъ отказаться отъ своихъ застарѣлыхъ заблужденій. Труднѣе всего исправляются вообще люди пожилые, точно также трудно исправляется и поживши народъ. Къ несчастью, законодателю чаще всего приходится имѣть дѣло уже съ установившимися понятіями, привычками и заблужденіями, и потому искусство и особенный трудъ законодателя заключается не столько въ созданіи новыхъ нравовъ, сколько въ исправленіи старыхъ. Есть народы неисправимые: на этомъ основаніи Платонъ отказался дать законы аркадянамъ.

Но если Руссо приписываетъ такое значеніе законодателю, то голосъ его, по мнѣнію Руссо, въ то же время долженъ быть чисто совѣщательный.

Законодатель остается частнымъ человѣкомъ, неимѣющимъ вовсе законодательной власти и лицемъ ей совершенно постороннимъ. Его дѣло состоитъ только въ начертаніи законоположеній; принятіе ихъ, ихъ утвержденіе и обращеніе въ законъ дѣйствующій, принадлежитъ исключительно общей волѣ. Такова функція общей воли: эта функція заключается въ установленіи общества и закона, далѣе она не простирается. Общая воля не можетъ сама блюсти за исполненіемъ созданнаго ею закона. Это наблюденіе она поручаетъ отдѣльнымъ лицамъ, которыя представляютъ собою исполнительную власть и составляютъ то, что называется обыкновенно правительствомъ. Въ какой бы формѣ ни существовали лица исполнительной власти, они только повѣренные общества, пользующіеся властью только до тѣхъ поръ, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ этого пожелаетъ общество. Поэтому тѣ, которые говорили о безразсудствѣ договоровъ между правительствомъ и обществомъ, были совершенно правы.

Правительство или административная власть допускаетъ нѣсколько различныхъ формъ. Общество можетъ не создавать почти вовсе отдѣльнаго правительственнаго института, отдѣльныхъ правительственныхъ лицъ, или иначе, число лицъ, принимающихъ участіе въ общественномъ управленіи, можетъ быть почти столь же велико, какъ и самый составъ общества: въ такомъ случаѣ образъ управленія въ этомъ обществѣ будетъ демократическій. Оно можетъ поручить исполнительную власть какой-либо группѣ лицъ, и образъ правленія будетъ аристократическій. Оно наконецъ можетъ также отдать всю исполнительную власть въ руки одного, и въ такомъ случаѣ оно учредитъ образъ правленія монархическій. Какой изъ этихъ видовъ управленія лучше, рѣшить трудно, — говоритъ Руссо, — уже потому, что не всѣ формы одинаково подходятъ къ обществамъ различнаго размѣра. Для правильнаго взгляда на этотъ вопросъ, Руссо считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на сосредоточеніе въ каждомъ административномъ лицѣ трехъ отдѣльныхъ интересовъ, и вслѣдствіе этого различить три отдѣльныя власти. Это — личный интересъ, интересъ корпораціи, къ которой принадлежитъ администраторъ, и наконецъ интересъ общества.

Для общаго блага эти интересы должны бы были собственно дѣйствовать съ напряженностью обратно пропорціональной порядку, въ которомъ онѣ здѣсь поставлены, т. е. общій интересъ долженъ былъ бы преобладать, за нимъ слѣдовать интересъ корпораціи и наконецъ интересъ частный. На дѣлѣ однако бываетъ совершенно противное, т. е. сильнѣе всего дѣйствуетъ интересъ частный, слабѣе интересъ корпораціи и еще слабѣе интересъ общественный. Поэтому на самомъ дѣлѣ менѣе всего

дѣятельна будетъ административная власть, раздѣленная на большую группу лицъ, т. е. демократическая, ибо интересъ общій менѣе всего дѣятеленъ вообще; болѣе дѣятельно будетъ правительство, сосредоточенное въ кругу извѣстной корпораціи, т. е. аристократическое, и всего дѣятельнѣе правительство монархическое.

Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что дѣятельность демократической формы можетъ быть достаточна только для общества болѣе ограниченнаго; дѣятельность аристократической—можетъ быть достаточна для управленія страной болѣе пространной, и наконецъ управленіе обширнымъ обществомъ требуетъ монархической формы. Словомъ, по мнѣнію Руссо, способъ управленія страной или обществомъ долженъ удаляться отъ демократической формы прямо пропорціонально увеличенію внѣшняго объема общества.

Независимо отъ этого, самой несовершенной формой управленія Руссо признаетъ *демократическую*. Правда, съ одной стороны,—говоритъ онъ,—кажется, будто тотъ, кто издаетъ законы, лучше всего долженъ умѣть примѣнять ихъ. Но съ другой стороны нѣтъ ничего опаснѣе, какъ отдавать примѣненіе закона въ руки самого же общества, потому что частный интересъ, если онъ неустранимъ совершенно даже и въ рѣшеніи общихъ вопросовъ, особенно сильно говоритъ въ частныхъ случаяхъ. Народъ, который умѣлъ бы хорошо управляться самъ, не нуждался бы вовсе въ правительствѣ. Привлекая его къ рѣшенію частныхъ случаевъ, мы тѣмъ самымъ пріучили бы его руководиться мелкими интересами въ общихъ вопросахъ законодательства, мы бы развращали законодателя. Зло, которое вышло бы отсюда, было бы во всѣхъ случаяхъ хуже того, которое проистекаетъ отъ злоупотребленій административныхъ лицъ.

Да и вообще противно смыслу, чтобы большинство управляло меньшинствомъ. Весь народъ не можетъ физически все время оставаться собраннымъ для отправленія публичныхъ дѣлъ. Отъ этого,—думаетъ Руссо,—истинно демократическая форма никогда не существовала, да и не будетъ существовать.

Въ аристократической формѣ нужно различать три вида: патріархальный видъ аристократическаго управленія или управленія старѣйшими, какое существовало въ первобытныхъ обществахъ, выборную форму и наконецъ наслѣдственную. Эта послѣдняя несомнѣнно худшая изъ всѣхъ, а лучшая изъ всѣхъ есть выборная. Но и эта не лишена своихъ неудобствъ.

Что касается монархической формы, то несмотря на свое преимущество со стороны силы и бдительности, она имѣетъ свои существен-

ныя недостатки, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстные. Руссо описываетъ эти недостатки, но мы не будемъ повторять его словъ, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи не говоритъ ничего новаго.

Продолжая сравнивать между собою три формы правленія, Руссо считаетъ нужнымъ замѣтить еще, что матерьяльная стоимость каждой формы для народа не одинакова. Демократическое управленіе обходится всего дешевле, монархическое всего дороже; поэтому, есть вѣроятность встрѣтить демократическую форму скорѣе всего въ странѣ скудной производительными средствами, аристократическую—въ менѣе скудной, и монархическую—въ странѣ, больше всего богатой природными средствами. Но рѣшить, которая изъ трехъ формъ безусловно выгоднѣе, Руссо не находитъ возможности.

Все что возможно, это—указать признакъ, по которому можно вѣрно опредѣлить, пользуется ли народъ хорошимъ или дурнымъ правительствомъ. Признакъ этотъ весьма простъ. Нужно смотрѣть, увеличивается ли народонаселеніе страны, или оно остается неподвижно, или наконецъ убываетъ. Приращеніе народонаселенія и даетъ, по мнѣнію Руссо, вѣрное понятіе объ относительномъ достоинствѣ правительства, которымъ пользуется народъ.

Всякое правительство портится, и потому всякое общество подвержено постепенному упадку и разрушенію подобно организму физическому; дни всякаго общества сочтены, и всякое общество какъ всякій организмъ умираетъ всю жизнь съ самаго дня своего рожденія. Таковъ общій законъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы не нужно было заботиться о поддержаніи его существованія, и это существованіе, подобно жизни всякаго организма, поддерживается борьбой противъ смерти. Причина такой недолговѣчности общества заключается въ постоянномъ противорѣчіи и борьбѣ двухъ интересовъ другъ другу противоположныхъ, которые постоянно работаютъ въ немъ другъ противъ друга,—интересовъ частнаго и общественнаго. Частный интересъ постоянно работаетъ противъ общественнаго, и вслѣдствіе этого интересъ правительственной корпораціи постоянно стремится развиться на счетъ интереса общественнаго. Чѣмъ дальше идутъ такія усилія перваго, тѣмъ болѣе слабѣетъ послѣдній и наконецъ онъ окончательно подавляется первымъ: въ этомъ состоитъ коренная причина общественной недолговѣчности и, слѣдовательно, только постоянная поддержка общественнаго начала противъ началъ, ему враждебныхъ, поддерживаетъ существованіе общества. Общественное начало составляетъ сердце общества: пока оно живетъ, до тѣхъ поръ только живо и общество.

Какимъ же средствомъ поддерживать его въ силѣ? Это средство

заключается единственно въ постоянной его дѣятельности. Дѣятельность эта, какъ извѣстно, выражается въ народныхъ собраніяхъ: чѣмъ постояннѣе будутъ эти собранія, тѣмъ болѣе дѣятельное участіе будетъ принимать и народъ въ судьбѣ общества. Нужно прибавить, что Руссо разумѣетъ при этомъ собранія самаго народа, а не черезъ представителей. Эта послѣдняя форма, придуманная въ новое время, по его мнѣнію совершенно противорѣчитъ сущности общей воли, выраженіе которой никому не можетъ быть поручено. Общество, которое прибѣгаетъ къ представительству, перестаетъ, по его мнѣнію, жить и пользоваться своей свободой; оно только само себя обманываетъ. Оно нанимаетъ представителей для выраженія общей воли, но общей воли нанять нельзя, итакъ эти представители вовсе не служатъ ея выраженіемъ и выраженіемъ жизни общества, а только выраженіемъ его упадка.

Но тутъ является новое затрудненіе. Если общая воля можетъ выражаться только личнымъ участіемъ всѣхъ гражданъ въ собраніи, то внѣшній объемъ общества стѣсняется этимъ до весьма тѣсныхъ размѣровъ. Руссо объясняетъ, что онъ еще не видитъ ничего дурнаго въ такомъ стѣсненіи; противъ него можно возразить только то, что общество ограниченное не будетъ безопасно отъ внѣшнихъ враговъ и не найдетъ въ себѣ достаточно силы для защиты отъ болѣе крупныхъ сосѣдей.

На это возраженіе Руссо отвѣчаетъ примѣромъ греческихъ городскихъ республикъ, которыя боролись съ обширными государствами; а болѣе категорическій отвѣтъ обѣщаетъ представить ниже.

Другой гарантіей противъ узурпаціи, Руссо считаетъ повторенное рѣшеніе въ каждомъ періодическомъ собраніи основныхъ вопросовъ, касающихся устройства исполнительной власти, какъ то: Хочетъ ли общество удержать существующую форму управленія;—хочетъ ли оно оставить управленіе въ рукахъ тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ оно до тѣхъ поръ находилось?

Что касается дальнѣйшихъ подробностей организаціи народныхъ собраній, то Руссо не говоритъ въ этомъ отношеніи ничего своего, и предпочитаетъ напомнить читателю порядокъ, существовавшій въ Римѣ, и вкратцѣ описываетъ этотъ порядокъ,—повторять здѣсь это описаніе было бы излишне.

Кончимъ это изложеніе содержанія «Contrat social», замѣтивъ, что Руссо считаетъ необходимымъ сверхъ всего сказаннаго тѣснѣйшую связь государства съ религіей: онъ признаетъ необходимой даже оффиціальную религію, правда, какъ онъ говоритъ, несложную, но къ которой бы всѣ члены обязаны были клятвой. Основанія этой религіи должны быть: вѣра въ Бога всемогущаго, благого и всевидящаго; вѣра въ бу-

дущую жизнь, счастіе праведниковъ и кару злыхъ, святость закона и общественнаго договора.

Первыми законодателями народовъ, говоритъ онъ, были боги и первыя государства были теократическими. Въ языческомъ мірѣ существовала непосредственная связь между политической жизнью и религіей: послѣдняя служила опорой, на которой строилось государство; отъ этого языческія государства были лучше устроены. Въ западной Европѣ, между властью политической и церковной не было такой солидарности, и въ каждомъ государствѣ образовались двѣ самостоятельныя власти и два государства, изъ которыхъ одно представлялось свѣтскими властями, другое — римской церковью. Оттого въ этихъ государствахъ и не могло утвердиться прочнаго правительства. Свѣтская власть никогда не успѣвала подчинить себѣ вполнѣ церковную и, напротивъ, весьма часто сама дѣлалась рабою римской церкви.

Таково содержаніе «Contrat social», разсматриваемое въ смыслѣ того отвѣта на вопросъ о совершеннѣйшей формѣ общежитія, какимъ должно было служить все сочиненіе, по словамъ автора. Въ двухъ первыхъ своихъ трудахъ Руссо выставилъ тѣ недостатки, которые пріобрѣло человѣчество съ своимъ общежитіемъ; здѣсь онъ долженъ былъ показать, суть ли эти недостатки неизбѣжныя послѣдствія общежитія или есть формы общежитія, ихъ устраняющія? Отвѣтъ Руссо, вытекающій изъ общаго смысла изложеннаго плана общественнаго устройства, тотъ, что формы общежитія, совершенно устраняющей эти недостатки, не существуетъ и не можетъ существовать, что самая совершенная форма общежитія, какая можетъ быть придумана и выполнена, неизбѣжно вырождается съ теченіемъ времени въ худшую форму и слѣдовательно ведетъ къ тѣмъ же общественнымъ порокамъ, противъ которыхъ Руссо возсталъ въ современномъ ему обществѣ. Это вырожденіе становится неизбѣжнымъ, дѣйствуетъ какъ непреложный законъ вслѣдствіе постоянной, неустранимой борьбы между личнымъ интересомъ и интересомъ общественнымъ, которая начинается съ началомъ общества и присутствіе которой заставляетъ Руссо сказать, что всякое общество постепенно умираетъ отъ самаго своего рожденія. Общественное начало или стимулъ дѣйствуетъ слишкомъ слабо въ сравненіи съ началомъ личнымъ, и потому послѣднее съ теченіемъ времени должно неминуемо одержать верхъ надъ первымъ. Въ человѣческой власти только поддержать до времени эту борьбу на равной ногѣ, подобно тому, какъ эта борьба между смерью и жизнью поддерживается въ организмахъ физическихъ. Потому, весь вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобы возвести общественное начало на воз-

можную высоту и придать ему наибольшую степень энергіи и дѣятельности; для этого нужно прежде всего въ самомъ политическомъ устройствѣ поставить его выше всѣхъ прочихъ началъ и властей. Въ такомъ положеніи оно находилось у начала почти каждаго общества, и слѣдовательно, въ этомъ и заключается совѣтъ Руссо обществу возвратиться къ естественному состоянію. Что касается возможности самаго возврата, то, по мнѣнію Руссо, онъ весьма труденъ, если не вполнѣ невозможенъ. Но во всякомъ случаѣ общество можетъ держаться противъ неизбѣжныхъ пороковъ и полнаго паденія только этимъ началомъ, и потому воззваніе къ этому началу составляло для Руссо долгъ гражданина, который онъ исполнялъ сочиняя свое произведеніе. Въ этомъ-то воззваніи къ общественному началу заключался весь практическій смыслъ и сила трактата объ «Общественномъ Договорѣ», и вся причина его возбуждающаго вліянія на умы. Въ первыхъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненіяхъ, Руссо стремился унизить современное ему общество въ его собственныхъ глазахъ; для большаго успѣха и сильнѣйшаго впечатлѣнія онъ употребилъ пріемъ довольно ловкій, когда онъ стремился доказать этому обществу, что оно пало ниже животнаго состоянія. Черезъ это, пороки общества должны были тѣмъ ярче выступить на видъ, и тѣмъ больше должно было родиться въ каждомъ желаніе выйти изъ этого положенія. Трактатъ объ «Общественномъ Договорѣ» указываетъ путь, состоявшій въ подавленіи произвола исполнительной власти, который тогда не зналъ себѣ никакихъ границъ во Франціи. Вотъ почему проповѣдь Руссо пришлась какъ нельзя болѣе ко времени и почему она имѣла такое вліяніе. Имѣя въ виду эту, уже не касающуюся науки, сторону сочиненій Руссо, конечно можно судить ихъ такъ или иначе; но прежде чѣмъ касаться этой ихъ стороны, мы все-таки должны заняться разсмотрѣніемъ ихъ со стороны чисто научной: мы должны разсмотрѣть Руссо, во первыхъ, какъ представителя извѣстной школы и направленія, въ его общихъ теоретическихъ основаніяхъ и въ способѣ относиться къ изслѣдуемымъ явленіямъ, и во вторыхъ, въ его ближайшихъ отношеніяхъ къ фактамъ, вытекающихъ изъ общаго способа воззрѣнія,—словомъ, мы должны разсмотрѣть его какъ со стороны метода, такъ и со стороны того ближайшаго пониманія фактовъ, которое прямо вытекаетъ изъ этого метода, для того, чтобы въ его лицѣ точнѣе охарактеризовать все направленіе.

Если разсматривать содержаніе трактата объ «Общественномъ Договорѣ» со стороны основныхъ воззрѣній той школы, къ которой онъ принадлежалъ, то не трудно видѣть, что въ самомъ этомъ трактатѣ эта школа претерпѣвала въ послѣдній разъ послѣднее свое осужденіе.

Легко видѣть, что внутренній голосъ справедливости, который долженъ былъ служить оракуломъ общественнаго идеала, оказался совершенно мертвъ и отказался даже вовсе отъ возможности создать идеалъ; а тѣ практическія истины, между которыми всякій читатель найдетъ несомнѣнно много здраваго, явились плодомъ соображеній, основанныхъ на простомъ старинномъ опытѣ, какими являлись подобныя истины и у другихъ предшественниковъ школы.

Весь свой выводъ о неосуществимости свободы Руссо взялъ очевидно изъ чисто практическихъ данныхъ, — чистое созерцаніе врожденныхъ началъ ровно ничего не подсказало ему при этомъ, и онъ на первыхъ шагахъ построенія встрѣтилъ такія препятствія, которыя оказались непреодолимы, встрѣтилъ ихъ сію же минуту, какъ только практическія данныя оставили его своею помощью. Но откуда взялось самое это требованіе *свободы*, самое понятіе объ этой свободѣ, которое должно было всѣмъ руководить въ изысканіяхъ Руссо? Не было ли оно указано тѣмъ же эмпирическимъ путемъ? Не связанныя ли съ нимъ внѣшнія преимущества дали вѣсъ этому понятію, а отсутствіе ихъ на самомъ дѣлѣ дало ему особую интенсивность?—Не смотря на то, Руссо не переставалъ доказывать, что эта свобода, составляющая для него весь центръ тяжести раціональнаго общежитія, была, по самому своему понятію, не результатомъ и пріобрѣтеніемъ цивилизаціи, а чѣмъ-то предсуществующимъ цивилизаціи, врожденнымъ, что только утрачивалось и сознаніе о чемъ даже терялось въ обществѣ подъ вліяніемъ опыта и причинъ внѣшнихъ.

Въ такомъ представленіи жизнь двоилась на двѣ непримиримыя части: все, что принадлежало въ ней природѣ, было хорошо и идеально; отъ природы человѣкъ получилъ чистую душу, но онъ загрязнилъ даръ природы по мѣрѣ своихъ столкновеній съ дѣйствительностью. Идеальная чистота жизни утрачена имъ навсегда и безвозвратно; но для того, чтобы не падать по крайней мѣрѣ еще ниже, онъ долженъ вернуться мыслью къ лучшимъ временамъ, къ самому началу своей исторіи: здѣсь, въ своемъ непосредственномъ состояніи, онъ можетъ найти только указаніе на то совершенство, котораго ему недостаетъ, и выучиться настоящимъ понятіямъ о дѣйствительно нравственномъ и идеальномъ. Своего совершенствованія онъ долженъ искать не въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ по тому же пути, по которому онъ шелъ до сихъ поръ, а въ возстановленіи и возвращеніи къ тому, что ему было врождено отъ природы.

Такимъ образомъ идеальныхъ началъ порядка слѣдовало искать въ голосѣ природы. И Руссо не задумываясь относитъ свое начало сво-

боды къ голосу природы, относитъ даже съ такою увѣренностью, что совершеннаго практическаго ея выраженія онъ искалъ въ самомъ дикомъ природномъ состояніи. Въ такомъ видѣ его апологія дикаго быта была только прямымъ выводомъ изъ того убѣжденія, что идеальныя, непогрѣшимыя начала являются не выводомъ опыта, а предсуществуютъ опыту, и что слѣдовательно ихъ чистѣйшаго выраженія слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ опытъ еще не начинался и гдѣ жизнь должна была управляться однѣми врожденностями. Этимъ убѣжденіемъ объясняется тотъ парадоксальный оборотъ, который приняла у Руссо вся обработка общественнаго вопроса.

Въ силу этого самаго Руссо и счелъ нужнымъ говорить о свободѣ не какъ о созданіи человѣческаго опыта, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, а о свободѣ какъ врожденномъ предвѣчномъ законѣ.—Свобода, какъ созданіе бренныхъ усилій человѣческихъ средствъ, могла выясняться и развиваться только мало по малу, начиная съ крайнихъ недостатковъ и несовершенствъ. Свобода, какъ законъ предвѣчнаго разума, могла только пачкаться отъ прикосновенія бренныхъ рукъ человѣка. Тотъ, кто принималъ одно изъ двухъ положеній, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выводъ, изъ него слѣдовавшій.

Руссо принялъ послѣднее положеніе, — онъ принялъ и выводъ.

Въ этомъ его выборѣ и заключалась его прямая связь съ философіей той длинной эпохи, въ концѣ которой онъ становится.

Съ другой стороны конечно несомнѣнно, что на самомъ дѣлѣ это самое начало свободы было у того же Руссо только внушеніемъ времени и обстоятельствъ. Никогда ни одинъ дикарь не сознавалъ его такъ ясно, никогда оно не говорило въ человѣкѣ съ такой отчетливостью и интенсивностью. Этотъ именно голосъ времени и опыта Руссо и принималъ за врожденный голосъ природы. Вопросъ о томъ, почему онъ дѣлалъ такую ошибку, касался уже не его лично. Такая ошибка была общей въ его время, и въ ней-то именно заключались основныя характеристическія черты всего направленія политической литературы, которое мы назвали умозрительнымъ. Дѣло въ томъ, что въ ту продолжительную эпоху, къ которой по своимъ понятіямъ принадлежалъ Руссо, существовалъ извѣстный гвоздь въ общихъ воззрѣніяхъ, въ силу котораго все, проистекавшее изъ опыта, подвергалось вообще пренебреженію, а разумнымъ считалось только то, что опиралось на врожденныя посылки ума, — то, словомъ, что считалось созданіемъ не слабыхъ силъ человѣка, а даромъ болѣе его мощной природы. Если Руссо выдавалъ данныя опыта за врожденныя, то въ этомъ отношеніи онъ дѣлалъ только то, что дѣлали всѣ писатели одного съ нимъ направле-

нія. Все оно строилось съ самаго начала на указанныхъ противорѣчіяхъ. Труды всѣхъ писателей этого направленія представляютъ тѣ же двѣ стороны, какія замѣчаются у Руссо, и которыя довольно плохо и насильственно связываются между собою: одну сторону—философскую, и другую — практическую, или публицистическую. Каждый писатель этого направленія считаетъ нужнымъ быть съ одной стороны публицистомъ, съ другой — философомъ въ смыслѣ своего времени. Какъ публицистъ, каждый пишетъ и дѣйствуетъ сообразно съ практическимъ опытомъ и требованіями минуты, но въ тоже время каждый считаетъ требованія минуты и опытъ вовсе не аргументомъ въ пользу вещи, каждый предполагаетъ, что опытъ еще не доказываетъ и не освящаетъ истины, что истина можетъ считаться истиной только тогда, когда она опирается на какое-либо высшее, неизмѣнное, безусловное положеніе, изъ котораго выводится какъ подчиненный частный результатъ. Никто изъ нихъ не хочетъ смотрѣть на свои истины какъ на выводы изъ опыта, потому что никто не уважаетъ истины въ этомъ видѣ, а всякій стоитъ на томъ, чтобы доказать ея происхожденіе по прямой линіи отъ началъ безусловныхъ, созданныхъ самой природой. Построить такую генеалогію для своихъ положеній и значило утвердить ихъ на философскихъ основаніяхъ.

Наука объ этихъ безусловныхъ началахъ и называлась вообще философіей, и вся задача частныхъ философій, и въ томъ числѣ философіи права, состояла въ томъ, чтобы начертать родословную частныхъ опытныхъ истинъ отъ началъ безусловныхъ и черезъ это заставить видѣть въ своихъ частныхъ положеніяхъ не истины заимствованныя изъ опыта, а истины рожденныя отъ безусловныхъ положеній, и потому столь же безусловныя въ свою очередь.

Люди, смотрѣвшіе на вещи проще, прямо излагали свои выводы какъ выводы чисто опытные и не заботились о произведеніи ихъ отъ безусловныхъ положеній. Но зато и въ общихъ понятіяхъ, а можетъ быть даже и въ ихъ собственныхъ глазахъ, значеніе этихъ истинъ было далеко не столь вѣское, а только преходящее, условное. Словомъ, въ общемъ строѣ понятій существовало предубѣжденіе противъ истинъ опытныхъ, господствовалъ взглядъ на нихъ какъ на истины низшаго порядка, и такое воззрѣніе не было исключительной особенностью практической и политической философіи. Пристрастіе къ безусловной истинѣ, проявившееся въ умозрительномъ направленіи политической литературы, было только данью, которую несла политическая литература наравнѣ съ другими науками общему строю схоластическихъ воззрѣній на порядокъ нашихъ умственныхъ операцій. Пренебреженіе къ опытнымъ истинамъ въ бытовыхъ вопросахъ возникло не изъ анализа этихъ во-

просовъ; корень этого пренебреженія лежалъ глубже, онъ находился въ общихъ воззрѣніяхъ, которыя подавляющимъ образомъ дѣйствовали на всѣ отдѣлы науки.

Согласно этому общепринятому воззрѣнію, которое утвердила схоластическая средневѣковая литература, человѣческій умъ могъ дѣлать безошибочныя умозаключенія только отъ цѣлаго къ части, т. е. отъ общаго положенія къ частному. Въ этомъ заключалось то фундаментальное положеніе, которое, будучи разъ допущено, порождало всю умозрительную философію со всѣми ея развѣтвленіями. Предполагалось, напримѣръ, что не смертность Ивана, Петра и т. д. привела человѣка къ заключенію о смертности людей вообще, но обратно, общее положеніе, т. е. смертность рода человѣческаго доказывала смертность Ивана, Петра, Павла и т. д. Поэтому истинность всякаго положенія доказывалась только зависимостью его отъ положенія болѣе общаго, истинность этого послѣдняго — зависимостью отъ положенія, еще болѣе общаго и т. д.

Опытныя истины, какъ истины наиболѣе частныя, и пользовались поэтому наименьшимъ авторитетомъ сами по себѣ и пріобрѣтали вѣскость только какъ выводы изъ болѣе общихъ положеній; эти въ свою очередь имѣли значеніе только какъ выводы изъ положеній еще болѣе общихъ и т. д. Умъ для строго научныхъ разсужденій долженъ былъ постоянно искать положеній все болѣе и болѣе общихъ, и наука утверждала, что, поступая такимъ образомъ, онъ приходитъ наконецъ къ положеніямъ столь общимъ, что для нихъ нельзя уже отыскать бо́льшихъ посылокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эти наибольшія положенія представляются каждому аксіомами, не требующими никакого доказательства. Эти-то наибольшія аксіомы считались врожденными положеніями или формами мысли, которымъ умъ долженъ былъ безусловно слѣдовать въ своихъ разсужденіяхъ, а потому только тѣ истины, которыя возведены были къ истинамъ прирожденнымъ, аксіомамъ или наибольшимъ кореннымъ посылкамъ, могли считаться доказанными.

Идеаломъ доказательства считалось производство частныхъ положеній отъ какой-нибудь такой общей, врожденной посылки. Но такъ какъ по этому правилу только то истинно, что̀ произведено отъ общихъ посылокъ, то слѣдовательно, разсуждали схоластики, всѣ частныя положенія заключаются въ этихъ врожденныхъ общихъ посылкахъ помимо опыта, и дѣло раціональнаго знанія состоитъ только въ чисто умозрительномъ выводѣ всѣхъ дальнѣйшихъ положеній изъ общихъ врожденныхъ истинъ. Опытъ вовсе не нуженъ для открытія частныхъ истинъ, вполнѣ справедливыхъ; онъ даже вреденъ, потому что можетъ навязать намъ истины, не оправдываемыя общими посылками. Какого бы предмета ни

касался вопросъ, во всякомъ случаѣ, все, что относится до сущности этого предмета, можетъ быть выведено только изъ общей посылки, ему соотвѣтствующей, помимо опыта. На этомъ основаніи все, что касается сущности нравственнаго или бытоваго вопроса, можетъ быть выведено изъ общихъ врожденныхъ посылокъ, которыя, по мнѣнію философовъ, и составляли тѣ врожденныя начала добра и нравственности, которыя природа поселила въ сердцѣ человѣка. Таковъ былъ общій способъ разсужденія, изъ котораго возникло умозрительное направленіе въ политической литературѣ. Допустивъ разъ, что всѣ наши истины опираются на врожденныя положенія, необходимо было принять и всѣ послѣдствія этого взгляда, и потому писатель, желавшій придать своимъ положеніямъ авторитетъ въ наукѣ, долженъ былъ неизбѣжно подчиняться общему порядку научной аргументаціи и, такъ или иначе, представлять свои положенія какъ-бы выведенными a priori изъ наибольшихъ врожденныхъ посылокъ. Поставленная въ такое положеніе, политическая философія и строила свои системы какъ выводы изъ началъ безусловныхъ. Въ сущности это былъ конечно обманъ,—но нужно сказать правду — обманъ весьма мало или и даже весьма часто вовсе несознанный. Политическіе писатели въ родѣ Руссо руководствовались въ послѣднемъ счетѣ конечно только чисто практическими данными опыта и требованіями своего времени, но нельзя отнять у нихъ въ тоже время искренняго убѣжденія въ томъ, что они руководятся врожденными началами и дѣйствительно строятъ свои выводы изъ наибольшихъ посылокъ, какъ изъ чисто непосредственнаго матерьяла. Трудность послѣдовательныхъ выводовъ априористическимъ путемъ конечно могъ ощущать каждый, но въ тоже время силлогистика была не случайнымъ капризомъ науки, она была заблужденіемъ, имѣвшимъ свои основанія въ ежедневномъ опытѣ каждаго, только дурно понятомъ. Каждый чувствовалъ себя обладателемъ извѣстнаго числа истинъ, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться, которыя въ его глазахъ не зависѣли ни отъ чего другаго, имѣли ясность аксіомъ, потому только, что они никогда не оказывались на дѣлѣ ошибочными. Каждый съ другой стороны могъ слѣдить за ежедневнымъ образованіемъ истинъ и положеній чисто опытныхъ, которыя притомъ весьма часто оказывались ошибочными.

Поэтому каждый имѣлъ двѣ ближайшія причины не смѣшивать однихъ положеній съ другими и не распространять опытнаго порядка происхожденія понятій на истины безспорныя. Первой причиной было то обстоятельство, что къ тому времени, когда каждый начиналъ сознавать себя, онъ владѣлъ уже рядомъ аксіомъ; конечно, этимъ аксіомамъ научилъ его въ сущности тотъ же личный опытъ, или научили другіе

люди, и онъ только повѣрялъ ихъ опытомъ, но такое предположеніе могло быть только плодомъ болѣе глубокаго анализа, а непосредственное чувство у каждаго было то, что эти истины оказывались у него готовыми. Итакъ, онъ естественно склоненъ былъ не мѣшать ихъ съ тѣми истинами, которыя пріобрѣталъ впослѣдствіи. Другая причина не смѣшивать ихъ была та, что положенія, имъ пріобрѣтаемыя, оказывались часто ложными, тогда какъ рядомъ существовали положенія, никогда не измѣнявшія себѣ. Эти-то двѣ причины сами собою склоняли каждаго раздѣлять всѣ понятія на врожденныя и пріобрѣтаемыя, признавать первыя за единственныя безусловно-вѣрныя, и производить всѣ остальныя истины отъ этихъ безусловно-вѣрныхъ понятій.

Такимъ образомъ схоластическая школа въ своихъ заблужденіяхъ имѣла свою положительную опору въ ходячихъ понятіяхъ, опору, хотя и ложную въ существѣ, но легко объяснимую.

Сообразно этому, всѣми одинаково принятому, раздѣлу міра мыслей на мысли врожденныя и эмпирическія, все знаніе раздѣлялось на два: знаніе врожденное и безусловное, и знаніе эмпирическое. Первое называлось знаніемъ раціональнымъ, или философскимъ. Этимъ самымъ названіемъ оно получало патентъ на высшую пробу и высшее качество, — въ амомъ названіи другаго заключалось указаніе на его низшее значеніе. Такимъ образомъ схоластическая точка зрѣнія не отрицала совершенно опыта и индукціи на ряду съ умозрѣніемъ, она не могла только понять настоящей связи между тѣмъ и другимъ, и не могла примирить ихъ. Но такъ какъ и эмпиризмъ, и умозрѣніе были только двумя способами разсужденія о тѣхъ же самыхъ предметахъ, то отсюда вышло само собой, что для каждаго предмета образовалось двѣ науки: одна умозрительная, другая эмпирическая, — два знанія объ одной и той же вещи. Впрочемъ этотъ раздѣлъ, надо сказать правду, былъ доведенъ до своей крайности только спеціально нѣмецкой философіей послѣдующаго времени. Лейбницъ, Вольфъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель были настоящими образователями этой чисто философской науки, а до тѣхъ поръ умозрительная метода смѣшивалась, по крайней мѣрѣ у публицистовъ, съ чисто опытнымъ содержаніемъ. Публицисты по природѣ и началу, философы по манерѣ и школѣ, писатели той серіи, къ которой принадлежалъ Руссо, опирались въ послѣднемъ счетѣ все-таки на чисто опытныя данныя, отвѣчали на вопросы, вызванные ихъ временемъ, и отвѣчали въ томъ духѣ, какой указывало не умозрѣніе, а текущее положеніе вещей.

А отсюда выходило само собой то, что сочиненія ихъ представляли

собой часто такую смѣсь умозрѣнія и эмпиризма, которая требовала тщательнаго аналитическаго труда для ея распутыванія. Тратя слишкомъ много труда на обработку своихъ общихъ посылокъ, они тѣмъ самымъ мало способствовали дѣйствительной разработкѣ тѣхъ чисто практическихъ сторонъ предмета, въ которыхъ и заключалась по настоящему вся его важность. — Придерживаясь въ основаніи метода воззрѣнія на вещи, совершенно обратнаго естественному, они изъ своихъ ближайшихъ объясненій фактовъ черезъ это самое приходили къ выводамъ, совершенно обратнымъ настоящимъ.

Эти особенности какъ нельзя яснѣе и обнаруживаются у Руссо. Разсуждая порядкомъ, свойственнымъ своей школѣ, онъ и увидѣлъ въ исторіи не процессъ развитія, а процессъ паденія; онъ осудилъ на повалъ всю эту исторію, и силился доказать ея неестественность.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, не трудно понять теперь, что именно то, что составляло слабую сторону этого направленія въ теоретическомъ отношеніи, въ другомъ отношеніи придавало Руссо особенный авторитетъ въ глазахъ его современниковъ и составляло сильную сторону его трудовъ, и было причиной его особеннаго вліянія на умы. Вѣра въ силлогизмъ и врожденныя аксіомы, какъ мы видимъ, не были только вѣрованіемъ науки, а были общимъ догматомъ, общимъ предразсудкомъ, который всасывался такъ или иначе, можно сказать, съ молокомъ матери. Каждый согласенъ былъ вѣрить только въ то, что опиралось на такія доказательства, какъ дважды два четыре. Перенося тотъ же способъ воззрѣнія и тѣ же требованія въ міръ нравственный, каждый искалъ и здѣсь такихъ же идеальныхъ началъ, т. е. общихъ, неопровержимыхъ и не требующихъ доказательства началъ. Каждый въ глубинѣ совѣсти согласенъ былъ вѣрить, уважать и увлекаться только тѣмъ, что ему казалось *идеальнымъ*. Каждый искалъ идеала какъ противовѣса окружающимъ несовершенствамъ и слабостямъ дѣйствительности и находилъ идеальнымъ то, что согласовалось съ врожденными, по его понятіямъ, общими началами и посылками ума. Нужды нѣтъ, что эти идеалы, по своему происхожденію, и здѣсь въ сущности были только тѣми же частными ощущеніями или ихъ обобщеніями: каждый носилъ въ себѣ рядъ такихъ идеальныхъ аксіомъ, которыя казались ему аксіомами счастія и осуществленія которыхъ онъ не находилъ въ дѣйствительности,—этого было довольно для того, чтобы можно было волновать его, затрогивая эти такъ-называемые идеалы.

Далѣе, какъ бы ни были несовершенны средства, которыми каждый пріобрѣталъ означенныя обобщенія и идеалы, не всѣ эти обобщенія были ложны; многія изъ нихъ, именно тѣ, которыя опирались на бли-

жайшій личный опытъ каждаго, должны были быть чаще всего справедливы, и составлять дѣйствительныя аксіомы счастія. Всякій понималъ очень хорошо чувство *свободы*, онъ зналъ наслажденія, съ ней связанныя, хотя не опредѣлялъ ясно, изъ какихъ элементовъ оно слагается, и еще менѣе зналъ, какими средствами обусловливается ея осуществленіе; всякій хоть разъ въ жизни испыталъ рядъ ощущеній, которыя и заставили его сказать: тутъ счастіе. Для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ этомъ счастіи, опредѣлить его, онъ долженъ былъ бы, собственно говоря, перечислить всѣ отдѣльныя ощущенія, вошедшія въ его составъ. Но перечислить всѣ отдѣльныя ощущенія, входящія въ ощущеніе счастія, столь же трудно, какъ исчерпать всѣ отдѣльныя свойства, принадлежащія данному предмету; и такъ какъ для опредѣленія какого бы то ни было предмета человѣкъ считалъ достаточнымъ, не перечисляя его свойствъ, удержать какое-либо одно, болѣе всего его поразившее и потому напоминающее этотъ предметъ, то и для опредѣленія общаго чувства довольства своимъ положеніемъ въ средѣ другихъ людей, каждый удерживалъ какое-либо отдѣльное ощущеніе, рѣзче всего въ немъ оказавшееся и ближе напоминающее всю сумму соотвѣтствующихъ ощущеній. Одинъ могъ принимать одно, другой другое, но во всякомъ случаѣ одинъ частный терминъ долженъ былъ означать въ языкѣ не только одну сторону предмета, ему спеціально соотвѣтствующую, а служить генерическимъ названіемъ для всѣхъ. Еслибы человѣкъ постоянно помнилъ, что онъ въ сущности мыслилъ ощущеніями, а не словами, еслибы самые термины сохраняли постоянно больше разнообразія, тогда онъ не могъ бы забывать ни самаго процесса образованія общихъ терминовъ, ни того, что, употребляя терминъ «свобода», онъ собственно разумѣетъ подъ нимъ всю сумму реальныхъ ощущеній, которымъ терминъ «свобода» служитъ только случайной помѣтой вслѣдствіе несовершенства языка. Но сознаніе самаго процесса образованія такихъ общихъ понятій утрачивалось въ языкѣ; одни термины вытѣсняли другіе и становились преобладающими. Общее ощущеніе разбивалось на рядъ отвлеченныхъ частей, которыя, будучи взяты сами по себѣ, не имѣютъ смысла; но, утративъ сознаніе ихъ образованія, человѣкъ пріучился мыслить эти части какъ самостоятельныя или, вѣрнѣе, думать, что онъ мыслитъ ихъ какъ самостоятельныя. Онъ приходилъ къ тому убѣжденію, что получилъ эти раздѣльныя понятія врожденными отъ природы, и притомъ даже съ врожденными для нихъ терминами. Такимъ образомъ, хотя идеалы были въ сущности ничѣмъ инымъ какъ представленіями о полныхъ наслажденіяхъ, и авторитетъ этихъ идеаловъ опирался для человѣка на его ощущенія, но онъ производилъ ихъ изъ дру-

таго начала, и ему льстило даже то ученіе, которое называло врожденными посылками ума его личные инстинкты и тѣ ощущенія, какія ему нравились.

Ему долженъ былъ нравиться самый предразсудокъ и самое заблужденіе даже въ такомъ случаѣ, еслибы онъ вполнѣ понималъ эти заблужденія. Словомъ, философія, говорившая о врожденныхъ началахъ, находила весьма много точекъ опоры своему вліянію — и въ личныхъ слабостяхъ людей, и въ ихъ неразвитости. Она прямо опиралась на предразсудокъ, утвержденный на довольно разнообразныхъ основаніяхъ. А само собою разумѣется, что всего легче распространяются и получаютъ авторитетъ тѣ мысли и ученія, которыя опираются на утвердившіяся понятія и заблужденія, которыя сходятся въ своихъ основаніяхъ съ коренными и въѣвшимися въ умы предразсудками, и разсуждаютъ такъ, какъ болѣе или менѣе склоненъ разсуждать всякій. Какую хотите истину преподавайте людямъ, но если эта истина доказывается не тѣми аргументами, которые имѣютъ силу доказательства въ глазахъ аудиторіи, она не получитъ успѣха; но все, что угодно, встрѣтитъ послѣдователей, если оно только будетъ обставлено доказательствами изъ ходячей логики.

Мы въ наше время значительно утратили вѣру въ теорію врожденныхъ понятій, а между тѣмъ мы продолжаемъ постоянно думать и дѣйствовать такъ, какъ будто этой перемѣны вовсе не было. Эта теорія дотого успѣла войти въ союзъ съ различными сторонами нашего нравственнаго существованія, съ языкомъ, привычками и обычаями, что воззваніе къ врожденнымъ посылкамъ и въ наше время составляетъ едва ли не самое дѣйствительное средство убѣжденія.

Вліяніе этихъ отвлеченныхъ терминовъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ томъ именно, что меньше всего сознаетъ человѣкъ, увлекающійся ими какъ идеалами. Человѣкъ по своей природѣ безусловно не можетъ мыслить этихъ понятій какъ отдѣльныхъ и отрѣшенныхъ отъ всего остальнаго, а непремѣнно въ тоже время мыслитъ, самъ того не замѣчая, и всю сумму остальныхъ ощущеній, съ ними вяжущихся и съ ними неразрывныхъ. Словомъ, онъ мыслитъ все то полное ощущеніе, въ которомъ данное отвлеченіе составляетъ только одинъ неразрывный съ другими членъ и для котораго оно служитъ только случайной помѣтой. И въ этой-то закулисной, такъ сказать, части психическаго акта и заключается вся возбуждающая сила отвлеченныхъ началъ. Человѣкъ вмѣстѣ съ ними мыслитъ о своемъ счастіи въ самыхъ разнородныхъ формахъ, мыслитъ извѣстный видъ наслажденія, знакомый ему изъ опыта; а самъ отвлеченный терминъ, самая постановка во-

проса, не простая, а непремѣнно отвлеченная и діалектическая, служитъ ему только открытымъ листомъ на право думать при этомъ о своемъ личномъ счастіи. Люди, воспитанные въ томъ убѣжденіи, что наслажденіе есть порокъ и низость, и вмѣстѣ съ тѣмъ силой своей природы вынужденные въ тоже время искать наслажденія, не могли обойтись безъ такого открытаго листа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ діалектики и софистики, которыя давали бы выходъ непреоборимому природному стремленію. Руссо своей діалектикой свободы только открывалъ связанному средневѣковыми путами обществу право думать о своемъ счастіи и вмѣстѣ съ тѣмъ опасался, что общество дотого привыкло къ лишеніямъ, что не съумѣетъ желать противнаго. Въ этомъ онъ впрочемъ ошибся.

За всѣмъ этимъ метафизическимъ основаніемъ, читая Руссо, вы чувствуете все-таки, что сколько бы оно ни выдвигалось на первый планъ, сколько бы ни служило средствомъ аргументаціи, оно тутъ играетъ роль не болѣе какъ такого средства, а что основная нота, существенное содержаніе дается здѣсь точно также внѣшнимъ ходомъ событій. Поступая такъ, Руссо стоялъ однако уже на старой почвѣ и рядомъ съ нимъ развивался рядъ писателей чуждыхъ всякаго метафизическаго содержанія. Такъ какъ это были тѣ писатели, которыми издавна вырабатывалось болѣе опытное направленіе и которые должны были вслѣдствіе измѣненія самаго направленія въ общихъ философскихъ воззрѣніяхъ выдвинуться на первый планъ и служить начинателями въ XVIII в. того направленія, которое въ наше время должно было стать господствующимъ, то я на нихъ и долженъ остановиться со всей подробностью.

ГЛАВА V.

Направленіе, о которомъ мы должны теперь говорить, ограничивалось съ самаго начала болѣе практической стороной вопроса. Тѣ писатели, которые не смущались скромной ролью эмпириковъ и не искали титула философовъ, давно обособлялись въ особую группу публицистовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ философскими претензіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заблужденіями своего времени. Ихъ труды сосредоточивались около тѣхъ же главнѣйшихъ вопросовъ политики и общежитія, около которыхъ вращались и измышленія философовъ. Но въ

ихъ трудахъ тѣ же вопросы подверглись болѣе реальной и разносторонней разработкѣ.

Я упомянулъ съ самаго начала, что борьба противъ феодальной власти, въ частномъ и политическомъ быту, составляла господствующее историческое явленіе въ новѣйшей политической европейской исторіи и что эта борьба къ XVI в. сосредоточилась преимущественно въ государственной сферѣ, въ сферѣ права публичнаго. Среди этой борьбы возникъ конституціонный вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ между властью и подданными, и поглотилъ собою всѣ остальные. Этимъ вопросомъ занялась практическая жизнь, и къ нему же прежде всего обратилось поэтому и политическое знаніе. Мы показали теперь, какъ поняло этотъ вопросъ о чисто дисциплинарныхъ правахъ власти одно направленіе въ политической литературѣ.

Иного отвѣта мы не найдемъ на эту сторону вопроса и у публицистовъ чисто практическихъ. Мы знаемъ отчасти, какія условія и причины дали опору власти, какъ учрежденію дисциплинарному, это — прекращеніе частныхъ войнъ, защита лица и собственности;—знаемъ, какія причины обратили тѣ же самыя требованія противъ нея, знаемъ далѣе, что литература начала развиваться въ ту эпоху, когда эта власть выполнила главную часть задачи, когда частныя войны приходили къ концу и начинала чувствоваться потребность возрожденія лица и собственности не предъ частными лицами, а предъ государствомъ. Нечего удивляться поэтому, если въ массѣ публицистовъ мы встрѣчаемъ писателей, болѣе склонныхъ въ этомъ вопросѣ на сторону общества. Въ XVIII вѣкѣ никто почти не спорилъ болѣе о необходимости формальныхъ гарантій лица и собственности передъ властью въ отношеніи ея дисциплинарныхъ правъ.

Вопросъ о власти, какъ объ институтѣ исключительно дисциплинарномъ, былъ такимъ образомъ почти единодушно рѣшенъ, по крайней мѣрѣ теоретически, въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Но вопросъ публицистики, вопросъ общежитія вообще не ограничивается однимъ вопросомъ дисциплины; и сами обстоятельства, какъ мы сейчасъ увидимъ, вели литературу сперва къ изученію вопроса власти, не только какъ учрежденія исключительно дисциплинарнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ изученію самаго общежитія въ его болѣе глубокихъ основаніяхъ.

Направленіе, о которомъ мы должны говорить, съ самаго начала дѣйствительно допускало, что эта власть можетъ имѣть дѣятельное и прямое участіе въ обществѣ не только ограждая неприкосновенность и безопасность его членовъ, которые затѣмъ сами безъ его участія работаютъ, производятъ и создаютъ культуру и цивилизацію,—но и прямо участвуя

въ направленіи экономическаго и умственнаго развитія общества. Въ силу этого, задача власти шла далѣе полицейской и исполнительной роли и власть эта, подъ условіемъ неприкосновенности лица и собственности, становилась кормиломъ внутренняго процесса цивилизаціи: она получала широкое право вмѣшательства въ развитіе умственнаго и экономическаго отношеній, и все дѣло заключалось въ томъ, чтобы эта власть умѣла понять истинные интересы общества въ данную минуту въ этомъ отношеніи и оказаться достойной своей задачи, а для этого требовалась только ближайшая связь власти съ знаніемъ и наукой.

Направленіе, о которомъ я намѣренъ говорить теперь, въ своихъ изслѣдованіяхъ не шло далѣе ближайшихъ фактовъ. Оно не задавалось вопросомъ общественнаго идеала и не сокрушало существующаго, а, принимая его какъ онъ есть, занято было больше опредѣленіемъ того содержанія, которымъ должна была выражаться дѣятельность законодательной власти для общаго блага, независимо отъ того, кому принадлежала бы эта власть, правительству или обществу.

Что касается того положенія, что вопросъ власти самъ по себѣ не ограничивается чисто формальными предѣлами и что онъ самъ по себѣ могъ не ограничиться этими предѣлами въ европейской исторіи, то это очень хорошо понималъ и Руссо; онъ требовалъ только, чтобы эта недисциплинарная роль власти не была предоставлена въ тѣ же самыя руки, а была удержана самимъ обществомъ, въ формѣ власти законодательной или хозяйственной.

На самомъ дѣлѣ вещи происходили обратно. Руссо на это жаловался, но не трудно показать, что вещи имѣли нѣкоторое основаніе происходить такъ, какъ происходили, и вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно объяснить, что съ одной стороны роль власти вообще не бываетъ только чисто дисциплинарной, а съ другой, что эта, законодательная или хозяйственная, задача невольно должна была достаться въ однѣ и тѣ же руки.

Для того, чтобы вѣрнѣе понимать вещи, какъ онѣ должны были выйти въ дѣйствительности, нужно только разсмотрѣть подробнѣе тѣ два факта, на которые опиралъ при этомъ свои разсужденія и Руссо; это — неизбѣжное тяготѣніе общества къ деспотизму, и вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ общественнаго начала. Первое явленіе обусловливалось, по мнѣнію Руссо, слабостью въ человѣкѣ стимула общественнаго передъ личнымъ. Но въ тоже время Руссо допускалъ и другое явленіе, о которомъ здѣсь мѣсто упомянуть. Это — возможность ошибокъ и невѣдѣнія общества относительно всего, что нужно обществу въ данное время для общаго блага, т. е. соотвѣтствующаго этому благу содержанія законодательства. Остается спросить затѣмъ, съ точки зрѣ-

нія дѣйствительности, въ чемъ преимущественно заключалась слабость общественнаго начала: въ одномъ ли врожденномъ перевѣсѣ личнаго стимула надъ общественнымъ, или также въ томъ, что̀ общая воля, предоставленная сама себѣ, не знала, собственно говоря, что установлять, что она была слаба не только со стороны внѣшней, формальной, но и слаба по своему внутреннему содержанію, и не обусловливалась ли эта ея внѣшняя слабость совершенною неразвитостью внутренней, совершенной неопытностью и невѣжествомъ въ томъ дѣлѣ, которымъ она призывалась распоряжаться, словомъ, не потому ли она была слаба, что не годилась вовсе въ законодатели? Если это справедливо, то несомнѣнно, что самый временный періодъ ея независимости, въ которомъ Руссо видитъ преходящій идеалъ общества, былъ идеаломъ только со стороны формы; а со стороны содержанія общество, законодательствуемое общей волей, не готовой и не умѣющей законодательствовать, было весьма жалкимъ идеаломъ. Во вторыхъ, слѣдовало обратить вниманіе съ той же стороны на указываемый врожденный перевѣсъ стимула личнаго надъ общественнымъ и спросить: есть ли этотъ перевѣсъ безусловный, разъ и навсегда данный природою, или не обусловливается ли онъ также въ первобытное время неразвитостью, и слѣдовательно не подлежитъ ли это отношеніе между двумя стимулами измѣненію съ теченіемъ времени въ пользу общественнаго стимула? Къ этому слѣдуетъ прибавить еще такую же слабость общей воли санкціонировать свои постановленія, безсиліе ея дисциплинировать первобытное общество, не привыкшее къ дисциплинѣ и не умѣющее повиноваться ради своей собственной пользы. Эти-то самые недостатки,—отсутствіе понятія объ общественномъ интересѣ, неумѣнье повиноваться и незнаніе, что приказывать,—и были повидимому тѣми недостатками, которые обусловливали слабость общей воли и общественнаго стимула въ первобытномъ обществѣ, въ силу которой эта воля должна была неизбѣжно становиться жертвой извѣстной корпораціи. При такихъ условіяхъ, мнѣніе Руссо о неестественности управленія меньшинства большинствомъ было совершенно справедливо. И обѣ власти, законодательная и исполнительная, естественно сосредоточивались въ рукахъ избранной корпораціи не въ силу оскудѣнія гражданскаго мужества и нравственной порчи, а въ силу неразвитости и несостоятельности общей воли въ томъ дѣлѣ, къ которому она призывалась, и безусловно большей доступности этой задачи для одной исключительной корпораціи. То, что Руссо называлъ мимолетнымъ царствомъ первобытной идеальной свободы, было поэтому только наивной, неудавшейся, пробой свободы. И что касается нравственной порчи, то эта порча, которую Руссо напрас-

но приписываетъ деспотизму, вездѣ получала свое начало среди царства первобытной свободы, вслѣдствіе безсилія общей воли устроить управленіе на лучшихъ началахъ, и только продолжалась впослѣдствіи.

На этомъ основаніи исторія почти нигдѣ не заставала первобытнаго господства общей воли, и то, что выставляется обыкновенно за нѣчто подобное, было именно только подобіемъ такого господства. Что касается слѣдовавшаго за тѣмъ правительственнаго періода, или періода упадка общей воли, то само собою разумѣется, что и избранная корпорація, хотя и болѣе способная къ управленію, тѣмъ не менѣе не могла слишкомъ превосходить ни своимъ развитіемъ, ни своей проницательностью остальнаго общества и потому во всякомъ случаѣ могла создавать только несовершенное законодательство. При этомъ, ожидать отъ нея гражданскаго мужества больше, чѣмъ отъ остальнаго общества, не было конечно никакого основанія.

Итакъ, нечего особенно удивляться тому, что послѣдствія ея дѣятельности выходили не тѣ, какихъ бы мы могли желать въ видахъ общества. Первобытное общество, при своемъ невѣжествѣ, неразвитости и эгоизмѣ, не могло ожидать ничего особенно хорошаго отъ своихъ правителей. Слѣдуетъ предположить скорѣе, что самое понятіе объ общественномъ интересѣ могло быть только плодомъ болѣе поздняго времени и извѣстнаго уровня развитія, явившагося съ теченіемъ времени въ обществѣ, а деспотизмъ, вынесенный обществомъ,—тѣмъ возбудителемъ, который помогъ болѣе живому сознанію этого интереса.

Лишь только извѣстные слои общества достигали извѣстнаго уровня развитія, среди котораго чувство общаго интереса не удовлетворялось тѣмъ, что это общество получало въ данное время отъ своего правительства, лишь только, слѣдовательно, общество превышало уровнемъ своего развитія нравственный уровень своего правительства, въ немъ возникало стремленіе поставить общественный интересъ выше того положенія, въ которомъ онъ находился, и вмѣстѣ возникалъ протестъ противъ деспотизма. Эти протесты были уже гораздо болѣе позднимъ явленіемъ, чѣмъ та первобытная свобода, о которой трактуетъ Руссо, и «порча», слѣдовавшая за этой свободой, была, можно думать, не безусловной порчей и даже вовсе не порчей, а естественнымъ періодомъ грубой дисциплины, соотвѣтствовавшимъ грубому обществу и находившимъ свой предѣлъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ болѣе высокомъ уровнѣ развитія того же общества. Этотъ-то болѣе поздній голосъ общественнаго интереса и свободы мы только и можемъ принять за дѣйствительное начало заявляющаго себя общественнаго интереса. Такимъ первымъ протестомъ европейскаго общества противъ сокрушающаго

Руссо деспотизма и было стремленіе къ обезпеченію политической неприкосновенности лица и собственности, стремленіе къ конституціонному договору. И вотъ почему это стремленіе выразилось не договоромъ общества съ самимъ собою, а договоромъ его съ властью;—потому что власть, кромѣ этихъ двухъ исключительныхъ гарантій, сохраняла за собою всѣ остальныя функціи какъ законодательной, такъ и исполнительной власти. Если этотъ протестъ не былъ явленіемъ случайнымъ, а основывался на неизбѣжной связи между уровнемъ общественнаго развитія и правительствомъ, которымъ пользуется общество, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ то соображеніе, что правительство полновластное, которое такъ сокрушаетъ Руссо, или должно неизбѣжно подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ требованіямъ даннаго уровня общественнаго развитія, или оно будетъ ограничено въ своихъ формальныхъ правахъ. Вопросъ свободы, вопросъ преобладанія общей воли заключается, поэтому, не въ формальной независимости этой воли, а въ степени развитія общества: онъ останавливается не за безусловной слабостью общественнаго стимула, а просто за неразвитіемъ общественныхъ понятій первобытнаго общества и его неопытностью. Сила обстоятельствъ принуждаетъ правительства, желающія быть прочными, по крайней мѣрѣ приглядываться къ уровню общественнаго развитія; а правительства, желающія быть не только прочными, но и прогрессивными, не нуждаются въ этой силѣ обстоятельствъ для того, чтобы быть благодѣтельными. Что же касается общества и общей воли, то историческій процессъ, который Руссо называетъ упадкомъ общей воли, учитъ только, что для этого общества доступно не всякое ограниченіе правительственной власти и не всегда, а только въ той мѣрѣ, въ какой это общество способно перенять эту власть, смотря по уровню своего развитія. Онъ учитъ слѣдовательно, что то уединеніе правительственной корпораціи на одну исполнительную функцію и сосредоточеніе остальной власти въ рукахъ общей воли, словомъ, самоуправленіе въ серьезномъ, а не фиктивномъ смыслѣ,—можетъ быть поставлено только въ концѣ культуры, а не въ началѣ ея, какъ это дѣлаетъ Руссо.

Двѣ небольшія гарантіи, неприкосновенность лица и собственности, казались европейскому обществу неизбѣжными условіями для того, чтобы обезпечить для него возможность внутренняго развитія даже при совершенномъ равнодушіи къ этому развитію власти. Затѣмъ остальная функція какъ законодательной, такъ и исполнительной власти оставалась въ рукахъ правительства по прежнему, и въ силу этого правительства продолжали играть роль руководителей общественнаго развитія. Таково было положеніе фактовъ, оправдываемое, какъ видимъ,

отчасти и сущностью дѣла. При такомъ положеніи вещей въ дѣйствительности нѣтъ ничего удивительнаго, если положительная власть въ Европѣ вышла изъ чисто дисциплинарныхъ границъ даже тамъ, гдѣ существовали конституціонныя учрежденія. До тѣхъ поръ, пока эта власть сохраняла свой первоначальный, чисто военный характеръ, до тѣхъ поръ о такомъ ближайшемъ отношеніи ея къ обществу не могло быть рѣчи, до тѣхъ поръ она не представляла для общества ничего кромѣ дисциплины, и самый вопросъ о ней былъ вопросомъ одной дисциплины. Но съ теченіемъ времени въ жизни Европы произошли извѣстныя перемѣны, которыя значительно измѣнили и положеніе власти.

На самомъ дѣлѣ, пока наука спорила о границахъ власти какъ учрежденія дисциплинарнаго, самая власть въ Европѣ перестала мало по малу быть учрежденіемъ чисто дисциплинарнымъ; она вмѣшалась въ самый процессъ хозяйственной экономіи, взялась руководить имъ, стала и учрежденіемъ хозяйственнымъ. Вслѣдствіе этого и вопросъ о ея положеніи и границахъ самъ собой пересталъ быть тѣмъ чисто формальнымъ вопросомъ, какимъ онъ былъ съ самаго начала, и усложнился. Рядомъ съ вопросомъ о тѣхъ правахъ, которыя должны быть удержаны въ интересахъ такой дисциплины, которая бы не переходила въ своеволіе, возникъ вопросъ о границахъ ея вмѣшательства въ хозяйственный процессъ, и о той направляющей роли, которая ей можетъ быть предоставлена въ этомъ отношеніи. Эта-то сторона вопроса сдѣлалась ближайшимъ предметомъ изслѣдованія чисто практическихъ публицистовъ.

Но такъ какъ прежде, чѣмъ возникла литература этого направленія, правительства Европы пользовались уже властью и руководили общественной жизнью, то мы и должны разсмотрѣть предварительно, какія условія вывели на самомъ дѣлѣ власть изъ чисто военной, полицейской роли и придали ей характеръ хозяйственный:—какой характеръ носила дѣятельность правительственной власти въ Европѣ въ этомъ отношеніи, чѣмъ была эта власть для общества не со стороны дисциплины (какъ мы это разсматривали выше), а со стороны того содержанія, которое она приносила направленію общественной жизни.

Мы должны разсмотрѣть ея дѣятельность въ этомъ смыслѣ до вліянія на нее науки и литературы. До сихъ поръ, имѣя дѣло съ формальнымъ направленіемъ литературы, мы поневолѣ видѣли только причины, въ силу которыхъ какъ законодательная, такъ и исполнительная власть сосредоточиваетъ роль въ обществѣ въ рукахъ исключительной корпораціи. Теперь мы увидимъ ближайшія матеріальныя причины какъ такого факта вообще, такъ и сосредоточенія власти въ рукахъ той, а

не другой корпораціи; мы увидимъ естественный путь возникновенія власти въ его естественной матерьяльной простотѣ, независимо отъ отвлеченныхъ соображеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ объясненіе того, почему правительственная дѣятельность направлялась въ ту, а не въ другую сторону.

Феодальная власть была властью военной профессіи въ государствѣ; кромѣ этой профессіи существовали рядомъ еще три главныхъ профессіи: церковная, торговая и земледѣльческая. Читатель сколько-нибудь знакомый съ исторіей знаетъ, что это тѣ самыя профессіи, на которыя раздѣляется дѣятельность людей въ каждомъ развивающемся обществѣ уже вскорѣ послѣ его возникновенія; что цѣль этихъ профессій какъ профессій есть матерьяльное благо. Та изъ этихъ профессій, которая выгоднѣе, которая даетъ больше средствъ къ пріобрѣтенію и болѣе сближаетъ интересы ея членовъ, та естественно получаетъ съ самаго начала и естественный перевѣсъ въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи, конечно въ самое невыгодное положеніе поставлена профессія земледѣльческая. Земледѣльческое сословіе, независимо отъ тяжелаго труда, съ которымъ добываетъ свой хлѣбъ въ силу самой земледѣльческой техники, принуждено жить разрозненными поселеніями; самыя условія земледѣлія мало сближаютъ между собою отдѣльныхъ его членовъ, въ большой жатвѣ сосѣда другой сосѣдъ не видитъ еще для себя непосредственной выгоды. Какъ сословіе, разрозненное и по самому поселенію своему и мало связанное общими интересами, мало способное къ корпоративной иниціативѣ и корпоративному отпору, это сословіе оказывается легче всего покоряемымъ, порабощаемымъ и потому во всѣхъ обществахъ становится съ самаго начала на самой послѣдней ступени сословной іерархіи. Торговая и промышленная профессія допускаетъ уже скученное поселеніе, — жизнь городскую; даетъ возможность сосредоточиваться на томъ же пространствѣ земли большимъ массамъ людей, и, при извѣстныхъ условіяхъ, трудъ въ этой профессіи оплачивается несравненно щедрѣе и лучше, чѣмъ въ земледѣльческой. Что же касается профессіи военной, то въ первыя времена эта профессія меча естественно должна господствовать надъ остальными по слѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ, ничто не служитъ такимъ быстрымъ средствомъ пріобрѣтенія, какъ военная добыча; во вторыхъ, если земледѣліе есть частное дѣло всякаго отдѣльнаго хозяйства, военная добыча или грабежъ есть общее дѣло, въ которомъ одинаково заинтересованы всѣ члены военной профессіи. Въ силу этого условія, нигдѣ нѣтъ, съ самаго начала, такого тѣснаго сближенія между членами, какъ въ военной про-

фессіи. Тутъ съ самаго начала является нужда въ своего рода дисциплинѣ и взаимномъ подчиненіи,—словомъ, въ организаціи самаго сословія. Эту-то дисциплину и организацію мы дѣйствительно видимъ готовою среди военныхъ дружинъ, полагавшихъ основаніе государства въ новой Европѣ, и эта-то чисто военная организація служила основаніемъ феодальному государству послѣ того, какъ дружина садилась на чужія поля и становилась осѣдлою. Средніе вѣка были именно такимъ спеціальнымъ царствомъ военной профессіи. Средневѣковое феодальное государство представляло такую разселенную военную дружину, для которой территорія служила только военной стоянкой и лагеремъ, или крѣпостью, изъ которой одно государство вело набѣги или войны на другія, и для которой остальныя сословія, ему закрѣпощенныя, служили источникомъ поборовъ и повинностей, gens taillable et corvéable à volonté. То положеніе, что война составляетъ настоящій источникъ богатства, составляло основной экономическій принципъ того времени. Внутреннее же производство, представлявшееся другими сословіями, разсматривалось только какъ подспорье для веденія войны, а вовсе не какъ настоящій источникъ богатствъ. Самое отношеніе военной феодальной монархіи къ прочему территорьяльному заселенію, ему подвластному, трудно назвать хозяйственнымъ или административнымъ,—оно было полицейскимъ и имѣло въ виду двѣ вещи: съ одной стороны удержать это населеніе въ должномъ безотчетномъ повиновеніи, и съ другой — имѣть возможность взыскать съ него нужный налогъ и повинность.

Эта-то субординація достигалась какъ нельзя лучше съ одной стороны крѣпостнымъ правомъ, съ другой—закрѣпощеніемъ самыхъ понятій при посредствѣ схоластики.

Но основной принципъ, на которомъ строилось такое государство, тотъ принципъ, по которому нормальнымъ источникомъ силы и богатства считалась война, можетъ оказываться практически вѣрнымъ, очевидно, только въ предѣлахъ извѣстнаго времени.

Мы полагаемъ, что есть дѣйствительно свое время и свои условія, при которыхъ этотъ принципъ повидимому отвѣчаетъ интересамъ тѣхъ, которые ему слѣдуютъ, что это время бываетъ довольно продолжительно, и что вообще вліяніе этого принципа въ исторіи имѣло весьма важное значеніе.

Въ памятникахъ, близко примыкающихъ къ средневѣковой эпохѣ, мы находимъ много прямыхъ указаній на то, что война разсматривалась государствами не какъ путь къ славѣ только и мнимому величію, а какъ путь къ матерьяльному величію и какъ средство обогащенія; что военная контрибуція, денежный налогъ и пріобрѣтеніе чужой казны

считались государствами наивыгоднѣйшимъ средствомъ производства. Такое экономическое значеніе имѣла война по крайней мѣрѣ по своему происхожденію. Феодальное государство было властью военныхъ людей, а потому оно и могло продолжаться только до тѣхъ поръ, пока самый принципъ военный, лежавшій въ его основаніи, казался состоятельнымъ.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ продолжительно можетъ быть дѣйствіе этого принципа въ исторіи цивилизаціи, нужно найти и опредѣлить его естественныя границы. Итакъ, если смотрѣть на этотъ принципъ, какъ мы смотримъ на него въ настоящемъ случаѣ, какъ на принципъ экономическій, то эти предѣлы отъищутся при посредствѣ простыхъ соображеній.

Военный принципъ узнаетъ всего скорѣе свою ограниченность внутри общества или государства, ибо мѣра того, что̀ можетъ взять военное сословіе съ мѣстнаго производства, опредѣляется мѣрой мѣстнаго производства. Усиленные поборы отражаются упадкомъ самыхъ мѣстныхъ источниковъ поборовъ, обѣднѣніемъ населенія, съ котораго берутся поборы, и это-то ограниченіе, встрѣчаемое военной профессіей, заставляетъ его искать этихъ новыхъ источниковъ поборовъ и обогащенія внѣ страны, направляться къ внѣшнимъ завоеваніямъ. Понятно, что государство, разъ вступивши на этотъ путь, труднѣе всего находитъ предѣлъ своимъ притязаніямъ. Этотъ предѣлъ можетъ оказаться впервые тогда, когда государство, покоривъ все возможное, обратится во всемірную монархію,—примѣровъ стремленія къ такой всемірной монархіи не мало представляетъ исторія;—но вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ обратное стремленіе провинцій къ отпаденію, новая пища къ войнѣ, ведущей къ распаденію вновь всемірной монархіи или къ образованію новыхъ государствъ, и затѣмъ безконечное повтореніе того же процесса. Или же государство найдетъ такой предѣлъ въ отпорѣ сильныхъ сосѣдей, что̀ остановитъ его отъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ замысловъ.

Но равновѣсіе въ силахъ рядомъ существующихъ государствъ есть вещь, вообще на практикѣ рѣдко случающаяся и болѣе случайная и преходящая. Во всякомъ случаѣ, если и допустить образованіе политическаго баланса подобнаго тому, какой историки указываютъ между государствами Европы въ послѣдніе вѣка, то 1) этотъ балансъ можно себѣ представить лишь какъ результатъ продолжительнаго предшествовавшаго періода непрерывныхъ кровопролитныхъ войнъ и посягательствъ одного государства на независимость другаго; 2) этотъ балансъ не уничтожаетъ, а только лишь сдерживаетъ на время порывы отдѣльныхъ государствъ къ его нарушенію и готовъ рушиться каждую минуту, какъ только къ тому представится возможность.

Гораздо болѣе существенный и серьезный предѣлъ принципъ войны находитъ совершенно съ другой стороны: какъ принципъ экономическій. Онъ находитъ его именно въ открытіи пути обогащенія независимаго отъ войны, пути обогащенія, который открывается образованіемъ капитала и который мало по малу упраздняетъ военный принципъ.

Употребляя здѣсь слово капиталъ, мы должны разумѣть подъ капиталомъ не только не то, что разумѣется подъ капиталомъ въ обыденномъ смыслѣ, т. е. просто сумму денегъ, но даже не то, что разумѣютъ подъ капиталомъ экономическіе писатели, т. е. орудія или средства труда. Мы должны понимать это слово въ смыслѣ еще болѣе обширномъ и вполнѣ соотвѣтствующемъ его экономическому значенію. Дѣйствительное значеніе капитала, его сила по отношенію къ производству богатства, не заключается еще ни въ накопленіи денегъ, ни въ сбереженіи труда, ни даже въ производствѣ орудій, облегчающихъ производство—всѣ эти условія, какъ-то сбереженіе, производство орудій, называемыхъ капиталомъ, составляютъ только средства, служащія къ тому, чтобы творческая сила капитала могла проявиться на практикѣ, и оказать свое благотворное вліяніе на производство матерьяльнаго богатства. Та же сила, которая научаетъ сбереженію и главное примѣненію этого сбереженія, или употребленію его на производство вещей, именуемыхъ экономистами капиталомъ, на производство орудій труда,—та сила, которая дѣлаетъ возможными эти орудія труда, слѣдовательно сила, дающая имъ начало и бытіе, сила, ихъ изобрѣтающая, заключается очевидно внѣ этихъ вещей, служащихъ ей только выраженіемъ: она заключается въ человѣческомъ сознаніи, въ нашей интеллигенціи и ея развитіи, въ умственной культурѣ человѣка, въ нашемъ познаніи природы и общеполезныхъ способовъ употребленія ея силъ и ихъ примѣненія.

Мы настаиваемъ на этомъ болѣе широкомъ объясненіи капитала, потому что при такомъ только взглядѣ на капиталъ становится вполнѣ понятно его позднее историческое вступленіе въ свою роль и права, и продолжительное, предварительное господство военнаго принципа. Изобрѣтеніе первыхъ орудій производства, правда, является довольно рано и самое земледѣліе уже есть результатъ умственной культуры; но для того, чтобы значеніе капитала, о которомъ идетъ рѣчь, могло сдѣлаться преобладающимъ и дотого замѣтнымъ, чтобы получить перевѣсъ надъ болѣе первобытными средствами обогащенія, для этого умственная культура должна подняться до извѣстной и притомъ значительной высоты. Только тогда, когда умственная культура успѣла подвинуться на эту относительную высоту, вліяніе капитала можетъ оказаться дотого зна-

чительнымъ, чтобы дѣйствовать на направленіе и характеръ политическихъ учрежденій; а для этого требуется болѣе или менѣе продолжительное время. Во всякомъ начинаніи первые шаги бываютъ обыкновенно особенно трудны, и эта трудность въ дѣлѣ умственной культуры усложняется еще особыми обстоятельствами.

Три условія дѣйствуютъ особенно невыгодно въ этомъ отношеніи: 1) то пренебреженіе, которымъ отличается вообще первобытное, военное, время къ культурѣ умственной. 2) Военное время употребляетъ на военное дѣло слишкомъ большое число рукъ въ государствѣ и потому мало ихъ оставляетъ на всѣ другія занятія. 3) Оно употребляетъ на то же военное дѣло и слишкомъ значительную часть матерьяльныхъ средствъ страны и мало оставляетъ средствъ на другія, не военныя предпріятія.

Поэтому, для того, чтобы вліяніе капитала могло стать замѣтнымъ и преобладающимъ въ государствѣ, нужно предварительно, чтобы невыгодное для умственной культуры вліяніе военнаго начала умѣрилось сколько-нибудь въ трехъ указанныхъ отношеніяхъ.

Опытъ свидѣтельствуетъ, что это послѣднее совершается также не случайно, а при посредствѣ развивающейся силы того же умственнаго вліянія. Какъ бы враждебно и недовѣрчиво ни относилось военное государство къ умственной культурѣ, но — чего оно не можетъ не признать, чѣмъ оно не можетъ пренебречь безъ ущерба самому себѣ это—развитіемъ и усовершенствованіемъ военной техники. Усовершенствованія этого рода усугубляютъ военную силу, и разъ они являются, государство не можетъ отказаться отъ ихъ нововведенія, ибо этого требуетъ его собственный военный интересъ. А эти техническія усовершествованія и производства военныхъ средствъ и орудій бываютъ неразрывно связаны съ извѣстнымъ развитіемъ естествознанія. Такъ что государство въ силу этого одного условія уже вынуждено бываетъ дать извѣстное мѣсто точнымъ знаніямъ и даже оказывать имъ свое содѣйствіе.

Этимъ путемъ наука получаетъ свое законное признаніе среди политическаго порядка, вообще къ ней недовѣрчиваго; наука получаетъ право на свободное существованіе не смотря на суевѣріе, ее исключающее, и ограждается, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, отъ отожествленія ея съ колдовствомъ, избавляется отъ безусловнаго гоненія какъ занятія уголовнаго. Но не трудно видѣть, какое вліяніе оказываетъ то же техническое развитіе прямо на самый общественный строй. Это вліяніе будетъ еще понятнѣе, если мы припомнимъ, какое дѣйствіе оказывали на политическій строй даже незначительныя пови-

димому измѣненія въ военномъ дѣлѣ, и притомъ не только въ европейскихъ государствахъ, но вообще во всѣ времена.

Намъ извѣстно, напримѣръ, что военное государство являлось и въ древней исторіи европейскихъ государствъ болѣе или менѣе въ двухъ формахъ, изъ которыхъ одна преемственно слѣдовала за другой— въ формѣ аристократической и въ формѣ абсолютизма. Извѣстно, что и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ аристократическая форма предшествовала абсолютизму; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно и то, что этотъ переходъ аристократическаго военнаго государства въ абсолютное сопровождался одновременнымъ упадкомъ въ военномъ дѣлѣ значенія конницы, составлявшейся изъ аристократическаго слоя, и перевѣсомъ пѣхоты, составлявшейся изъ болѣе низшихъ слоевъ общества. Въ силу этого одного условія, въ силу перевѣса, который получалъ въ военномъ дѣлѣ одинъ родъ войска надъ другимъ, военное государство должно было искать союза и расположенія въ тѣхъ классахъ общества, которые поставляли этотъ контингентъ войска, и неизбѣжнымъ результатомъ этого былъ упадокъ значенія одного класса и возвышеніе значенія другаго.

«Въ тѣ времена, — пишетъ Гервинусъ во Введеніи въ Исторію XIX в.,—когда народонаселеніе было невелико, когда образованіе и богатство, право ношенія и пользованія оружіемъ было правомъ немногихъ, въ Греціи господствовали цари-патріархи, единственные владѣтели колесницъ, вожди войска, жрецы и судьи. Когда съ теченіемъ времени число богатыхъ и способныхъ носить оружіе людей возросло и конница сдѣлалась рѣшительницею перевѣса на войнѣ, тогда господство въ государствѣ пріобрѣли всадники, аристократія, а царская власть была ограничена или совсѣмъ уничтожена. Когда, затѣмъ, при возрастающемъ благосостояніи средняго класса, аристократія начала впадать въ своекорыстіе, когда пѣхота съ успѣхомъ военнаго искусства пріобрѣла большее значеніе, и въ морскихъ битвахъ стала необходима служба низшихъ классовъ народа, тогда аристократическую форму правленія смѣнила демократическая или же смѣшанная; но при этомъ народу и тутъ необходимъ былъ мощный искусный предводитель, который помогалъ ему въ низверженіи аристократіи, даже цѣною захвата потомъ власти въ свои руки и для своего рода. Отъ этого въ теченіе почти двухъ столѣтій видимъ въ греческихъ государствахъ распространеніе господства тирановъ, которое проложило путь настоящей демократіи, ибо хотя тираннія и препятствовала въ Греціи господству народа, однако въ сущности она подготовила его побѣдою надъ опаснѣйшимъ его врагомъ. аристократіею.

«Точно такому же ходу слѣдовало развитіе европейскихъ государствъ въ новое время, только при болѣе значительныхъ пропорціяхъ массъ и пространства, а потому и съ бо́льшимъ затрудненіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ образованіе стало болѣе распространяться,—когда частныя владѣнія увеличились и лошади получили большее значеніе въ военномъ искусствѣ, и здѣсь, какъ въ древности, рыцарство и ленное дворянство достигло всеобщаго господства, а королевская власть была ограничена.

«Абсолютизмъ новаго времени и тираннія древности представляютъ во всѣхъ чертахъ явленія аналогическія. Большая часть государей, создавшихъ эту враждебную аристократіи монархію, какъ Генрихъ VII, Фердинандъ Католикъ, Максимиліанъ австрійскій, также какъ и въ древности принадлежали къ домамъ, только-что возвысившимся или пріобрѣвшимъ могущество путемъ брачныхъ связей и наслѣдства. Постоянное войско, которымъ они себя окружили, соотвѣтствовало тѣлохранителямъ мелкихъ царей; общность ихъ политики соотвѣтствуетъ родственнымъ отношеніямъ древнихъ тирановъ между собою и связямъ ихъ съ деспотами чужихъ земель. Сходство этихъ связей несомнѣнно изъ того, что абсолютизмъ новаго времени, также какъ тираннія въ древности, составляютъ въ переходѣ отъ аристократическаго устройства къ демократическому — промежуточную ступень.»

Но если очевидно можно съ значительной вѣроятностью приписывать такія серьезныя и существенныя измѣненія въ политическомъ строѣ государства такимъ незначительнымъ повидимому измѣненіямъ въ военномъ искусствѣ, какъ перевѣсъ войска, поставляемаго одной средой, передъ родами войска, поставляемаго другою, то тѣмъ понятнѣе вліяніе, которое должно было оказать на политическій строй такое явленіе въ военной техникѣ, какъ изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія.

Это-то изобрѣтеніе не только дало рѣшительный перевѣсъ въ военномъ дѣлѣ пѣхотѣ и упразднило латы и панцыри, но дало развитіе артиллеріи, инженерному искусству,—словомъ, такимъ сторонамъ военнаго дѣла, которыя требовали серьезнаго научнаго образованія и такимъ образомъ обратили войну въ научное дѣло, почти недоступное феодальному аристократическому сословію, вообще мало склонному къ умственному труду; но что еще важнѣе—сократило значительно личный составъ войска и слѣдовательно упразднило значительное число гражданъ отъ военнаго дѣла.

Съ усложненіемъ военнаго искусства, потребовались войска, спеціально пріученныя къ этому дѣлу, знакомыя съ военными эволюціями, словомъ, войска постоянныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это значительно сократило число лицъ, обязанныхъ военной службой и отвлекаемыхъ по-

стоянно этой службой отъ прочихъ занятій, и слѣдовательно упразднило значительное число гражданъ на другія болѣе производительныя занятія.

Этими-то двумя вліяніями изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія послужило къ рѣшительному возвышенію личнаго положенія средняго класса въ служебной правительственной іерархіи,—ибо королевская власть поневолѣ должна была вручить извѣстныя должности лицамъ болѣе знающимъ и спеціально образованнымъ, которыя и выходили изъ средняго класса; а изобрѣтеніе пороха еще болѣе послужило къ возвышенію матерьяльнаго положенія средняго класса,—такъ какъ теперь значительная часть его могла совершенно спокойно предаться болѣе мирнымъ профессіямъ.

Такимъ-то образомъ военная королевская власть, возвышаясь на счетъ аристократической, способствовала вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенію въ государствѣ власти и вліянію класса, совершенно уже чуждаго въ сущности, и по своимъ преданіямъ и по своей профессіи, военнаго принципа и военныхъ стремленій,—класса торговаго и промышленнаго. Она способствовала, стало-быть, къ образованію въ государствѣ силы и вліянія капитала, который въ свою очередь долженъ былъ переродить самое государство въ его принципѣ, и изъ государства военнаго создать государство торговое, для котораго источникомъ богатства и развитія служитъ уже не война, а капиталъ.

Наконецъ, третью и необходимѣйшую опору для своего развитія государство капитала нашло въ огражденіи частнаго имущества и частнаго пріобрѣтенія отъ поглощенія военными расходами и военной властью. Первымъ условіемъ развитія капитала въ странѣ было развитіе частныхъ сбереженій, а эти сбереженія были затруднительны и почти невозможны среди разгара военной феодальной системы, пока частная собственность не находила никакихъ огражденій отъ притязаній на нее короны въ виду военныхъ цѣлей, и отъ стяжанія феодальной аристократіей и баронами среди полнаго господства кулачнаго права. Поэтому-то мы весьма рано встрѣчаемся въ исторіи новыхъ европейскихъ государствъ съ домогательствами общества къ ограниченію съ этой стороны притязаній военной власти. Оставляя всѣ прерогативы короны неприкосновенными, сословія стремятся получить со стороны короны признаніе неприкосновенности одного только частнаго права личной неприкосновенности и неприкосновенности собственности, права платить коронѣ только тѣ подати, которыя были предварительно вотированы собраніемъ представителей имущаго класса. Пріобрѣтеніе этого права считается сословіями дотого важнымъ, что они не только начинаютъ съ него исторію своего возвышенія, но оно ни разу не сходитъ

съ передоваго плана всей борьбы между военнымъ и торговымъ государствомъ. Поэтому, оно составляетъ первый камень, закладываемый въ основаніи конституціоннаго начала, и тотъ краеугольный камень, на которомъ выстраивается конституціонная система государственныхъ отношеній, основанная на договорѣ короля съ сословіями; на этихъ отношеніяхъ и выростаетъ государство капитала.

Такимъ-то образомъ начинается эта борьба между короной и подданными, принимающая иногда въ литературѣ ложное представленіе борьбы изъ-за политическаго идеала и естественнаго права. Эта борьба начинается изъ-за мотива чисто-экономическаго и съ такой же чисто-имущественной цѣлью.

Въ Англіи королевская власть съ самаго начала поставила себя въ положеніе совершенно независимое огъ сословій; а феодальная аристократія заняла положеніе, ей подчиненное. Поэтому, феодализмъ вообще не имѣлъ здѣсь того крайняго развитія, какъ на континентѣ, и имущія сословія, одинаково подчиненныя королю, были тѣмъ самымъ солидарны между собою по своему положенію въ отношеніи къ коронѣ. Поэтому здѣсь это стремленіе къ огражденію неприкосновенности частной собственности выразилось всего ранѣе формальнымъ договоромъ короля съ сословіями. Этимъ договоромъ и была Великая Хартія Іоанна Безземельнаго, 1213 года.

Во Франціи, гдѣ аристократія такъ-сказать раздѣляла съ короною права королевской власти, а прочія сословія были окончательно подавлены этой властью, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ столь-раннюю пору; но и здѣсь тѣже стремленія поставить собственность въ тоже неприкосновенное положеніе обнаружились, какъ только среднее сословіе успѣло почувствовать себя въ нѣсколько облегченномъ положеніи.

И во Франціи это стремленіе къ защитѣ собственности заявляло себя съ ранняго времени, хотя не столь рѣшительно. Въ XIII-мъ столѣтіи города составляли уже военныя единицы, извѣстныя подъ именемъ *общинъ* (communes): эта организація городовъ въ общины имѣла цѣлью защиту городами собственности и промысловъ противъ грабежа отъ феодаловъ среди полнаго царства частной войны. Такъ какъ въ это смутное время единственная возможность защиты состояла въ открытой силѣ, то первыя огражденія права собственности состояли въ возмущеніи городовъ противъ феодаловъ, и въ организаціи ихъ въ военныя единицы. Правда, до этого времени города составляли единицы также самостоятельныя въ отношеніи административномъ: они издавна пользовались муниципальными правами, то есть самостоятельностью своего внутренняго управленія; но въ военномъ отношеніи они были приписаны къ феода-

ламъ. Даже и послѣ возникновенія общинъ, города, не составлявшіе общинъ, во время войны поставляли войско, которое должно было входить въ составъ войска того феодальнаго владѣльца, къ которому городъ былъ приписанъ. Города, составлявшіе общину, имѣли свое самостоятельное войско, подчиненное непосредственно королю, какъ и войско феодаловъ, пріобрѣвшихъ право частной войны и мира. Такъ какъ въ это время вся самостоятельность заключалась въ военной самостоятельности, то понятно, что дѣйствительная самостоятельность городовъ, а слѣдовательно и жизнь средняго сословія, начинается съ возмущенія противъ военной зависимости отъ феодаловъ и съ обращенія въ самостоятельныя военныя единицы. Какъ только феодальные союзы вообще стали терять свою военную самостоятельность, какъ только исчезаетъ необходимость для городовъ въ военной самозащитѣ и они могутъ предаться своимъ мирнымъ занятіямъ: такъ исчезаютъ и военныя корпораціи городовъ или городскія общины, и самостоятельность городскаго сословія начинаетъ опираться на иную силу,—силу капитала.

Филиппъ Красивый положилъ начало запрещенію частныхъ войнъ, запретивъ въ 1290 году частныя войны на все время, пока будетъ продолжаться война короля. Въ 1313 году это запрещеніе было возобновлено, а въ 1353 запрещены безусловно всѣ частныя войны подъ строгимъ наказаніемъ. Вмѣстѣ съ этими запрещеніями, которыми наносился рѣшительный ударъ феодальному грабежу въ защиту и огражденіе частной собственности, стали сами собою упраздняться, какъ ненужныя, и военныя организаціи городовъ, и власть городовъ стала выростать, опираясь прямо на силу капитала, и вотъ какимъ ближайшимъ путемъ.

«Если разсматривать (говоритъ одинъ изъ современныхъ историковъ) мѣры, которыми знаменуется царствованіе того же Филиппа Краснваго, боровшагося прямо противъ феодализма, то на днѣ всѣхъ этихъ мѣръ увидимъ одно: нужду въ деньгахъ.

«Если Филиппъ Красивый поощряетъ королей къ неповиновенію, папѣ, то потому только, что папа Бонифацій VIII противится обложенію податями духовенства.

«Если онъ запрещаетъ частныя войны, то потому только, что частныя войны представляли всеобщій грабежъ, затруднявшій взиманіе податей.

«Если Филиппъ Красивый стремится къ административной централизаціи, то потому, что эта система облегчала взиманіе податей.

«Если онъ уничтожаетъ орденъ тампліеровъ, то для того только, чтобы его ограбить.

«Онъ то покровительствуетъ евреямъ, предоставляя имъ грабить

бѣдныхъ; то выгоняетъ ихъ для того, чтобы ограбить ихъ въ свою очередь.

«При такихъ условіяхъ, когда всѣми управляетъ жажда денегъ, буржуазія не могла не усиливаться. Посмотрите же, кто теперь окружаетъ короля—не дворянство болѣе, а банкиры и адвокаты. Наконецъ, тотъ же Филиппъ Красивый полагаетъ начало Генеральнымъ Штатамъ и слѣдовательно политической роли буржуазіи.»

Разъ вступивши на почву централизаціи, усиленіе правительства и буржуазіи идетъ рука объ руку, и послѣдняя выигрываетъ даже въ такое правленіе, какъ правленіе Ришелье. Ришелье—личный врагъ ея, приверженецъ того убѣжденія, что благородство инстинктовъ есть результатъ благородства крови. Ришелье, деспотическій устроитель административной централизаціи и порядка, въ сущности дѣлаетъ, самъ того не замѣчая, то, что̀ всего нужнѣе буржуазіи, и охраняя тишину и порядокъ, охраняетъ спокойное пользованіе каждой копѣйкой.

Поэтому нечего удивляться, если послѣ его смерти поднимается парламентъ съ тѣмъ, чтобы требовать наконецъ конституціоннаго договора съ властью. Парламентъ требуетъ, чтобы и подать и налогъ не взимались иначе, какъ съ его согласія; чтобы всякій, будучи арестованъ, не позже 24 часовъ былъ представленъ къ законному суду. Онъ пошелъ еще далѣе и требовалъ облегченія на $^1/_4$ повинности, лежавшей на простомъ народѣ.

Чѣмъ далѣе мы идемъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что центръ тяжести богатства оказывается перемѣстившимся изъ высшаго сословія въ промышленное, и что сами правительства перестали считать войну орудіемъ богатства. Вслѣдствіе этого, сама военная или королевская власть, на сколько бы она ни хотѣла быть аристократической, становится буржуазной фатальнымъ образомъ.

Если Филиппъ Красивый запрещаетъ частныя войны потому, что безъ этого трудно было взимать налоги; если Ришелье централизовалъ администрацію въ тѣхъ же фискальныхъ видахъ, и если все это только косвенно укрѣпляло буржуазію, то Кольберъ уже прямо устроиваетъ и поощряетъ промышленность, какъ источникъ богатства и налоговъ.

Онъ отдаетъ приказаніе своимъ чиновникамъ d'être plus tôt un peu dupes des marchands que de gener le commerce, и въ этомъ отношеніи лучше заботится о буржуазіи, чѣмъ она сама. Вслѣдствіе того, самое надменное, самое аристократическое по своимъ притязаніямъ, царствованіе Людовика XIV на самомъ дѣлѣ становится самымъ буржуазнымъ. Его войны составляютъ самую неблестящую его сторону, между тѣмъ какъ возникаютъ фабрики и литература, и самъ король, по понятіямъ

котораго въ его лицѣ воплощалось все государство, унижается передъ жидомъ, банкиромъ Бернаромъ. Вся французская исторія съ того времени, какъ начинаетъ падать феодализмъ, движется между нуждою въ деньгахъ и покровительствомъ буржуазіи или капиталу. Короли раззоряютъ казну войсками и роскошью, а министры изобрѣтаютъ средства для поправленія финансовъ.

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что вопросъ богатства прежде, чѣмъ стать предметомъ науки, рѣшался, и притомъ въ направленіи довольно опредѣленномъ, самой жизнью. Если сила обстоятельствъ его рѣшавшихъ была такова, что она подчиняла себѣ дѣятельность политической власти и давала этой дѣятельности свое направленіе; если она видимо перерождала военное государство въ торговое, то естественно, что тому же вліянію должна была подчиниться и возникшая среди этихъ обстоятельствъ камеральная и экономическая наука, и—только еще болѣе поддерживать власть въ направленіи, указываемомъ обстоятельствами. Наука эта, полагавшая своей задачей руководить правителями и ихъ политикой въ отношеніи интересовъ общества, могла только поощрять это перерожденіе политики изъ военной въ торговую.

По своему содержанію самый взглядъ науки на вопросъ богатства долженъ былъ быть торговый и промышленный; и первая научная теорія, теорія, дававшая перевѣсъ, въ вопросѣ богатства, торговому и промышленному источнику надъ всѣми остальными, именно и была теорія, извѣстная подъ именемъ *меркантильной* теоріи, или теоріи денежнаго богатства,—хотя тутъ же слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее названіе не совсѣмъ вѣрно, и что оно подало поводъ къ различнымъ неправильнымъ смѣшеніямъ и ложнымъ толкованіямъ.

Теорія денежнаго богатства въ чистомъ смыслѣ этого слова едва-ли существовала когда нибудь въ наукѣ; такъ называемая же меркантильная система воззрѣнія видѣла въ промышленномъ и торговомъ развитіи преобладающій источникъ богатства, и въ этомъ видѣ воззрѣніе это дано было непосредственно историческими обстоятельствами.

Плодомъ такого воззрѣнія, вмѣстѣ съ направленіемъ въ томъ же смыслѣ государственной политики, было повсемѣстное развитіе въ Европѣ правительственнаго вмѣшательства съ цѣлью поощренія промышленнаго и торговаго производства на счетъ остальныхъ. Наука учила видѣть въ такомъ покровительствѣ лучшій путь къ богатству, и правительства слѣдовали этому ученію. Учрежденія цѣховъ и стремленіе къ всесторонней регламентаціи промышленности, а слѣдовательно и экономической жизни вообще, были прямымъ послѣдствіемъ такого направленія. И хотя правительства нигдѣ не успѣли овладѣть вполнѣ инду-

стріальнымъ движеніемъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ нити экономическаго процесса, но они стремились къ тому болѣе или менѣе вездѣ, и всюду способствовали перевѣсу промышленнаго сословія и городской жизни надъ остальными сословіями и производствами. Но такой перевѣсъ экономическаго развитія въ одномъ исключительномъ направленіи имѣлъ свои послѣдствія, невсегда утѣшительныя для положенія сословій и производствъ, стѣсняемыхъ на счетъ промышленности, и вслѣдствіе этого мнѣнія на счетъ выгодности безусловнаго покровительства промышленности стали раздѣляться. Вникая глубже въ вопросъ богатства и въ тѣ стѣсненія, къ которымъ вело покровительство, писатели стали осмѣивать не только обыденную склонность общества видѣть богатство въ однихъ деньгахъ, но и сомнѣваться въ основательности предпочтенія одного производства другому, какъ источнику богатства, и—въ необходимости покровительства тому или другому производству, а наконецъ и вообще въ пользѣ правительственнаго вмѣшательства.

Такія сомнѣнія вмѣстѣ съ болѣе глубокими взглядами на сущность богатства появились довольно рано, хотя долго проходили безъ всякаго вліянія и существовали какъ отдѣльныя мнѣнія, не успѣвая ни въ чемъ измѣнить общаго направленія.

Не только чисто условное значеніе денегъ въ дѣлѣ богатства, но даже такія открытія и гипотезы, какъ принципъ раздѣленія труда, признаніе въ трудѣ главнаго и основнаго источника богатства, составившія славу Адама Смита, или законъ народонаселенія, давшій извѣстность Мальтусу — все это было высказано экономической литературой ранѣе, все это составляло не новыя мысли, а мысли, болѣе или менѣе уже знакомыя обществу въ то время, когда они были высказаны и Смитомъ и Мальтусомъ.

Томасъ Моръ высказывалъ въ началѣ XVI вѣка экономическія понятія, не имѣвшія ничего общаго съ теоріей денежнаго богатства, и совершенно осмѣивалъ эту теорію. Точно также далекъ отъ меркантильнаго взгляда Гоббзъ (писавшій въ половинѣ XVII вѣка во время Іакова I и революціи), который высказываетъ, что основаніемъ богатства служатъ бережливость и трудъ, и цѣна вещей измѣряется количествомъ потраченнаго на нихъ труда. Еще рѣзче эта мысль о значеніи труда и второстепенной роли денегъ высказывается въ XVII столѣтіи Вильямомъ Петти (Quantulumcunque or a tract concerning Money, 1682; A treatise of Taxes and Contributions, 1679; Political Anatomy of Ireland, 1691; Essays in political Arithmetik», 1682): «Labor is the father and active principle of wealth, lands are the mother», «Трудъ есть отецъ и активное начало богатства, почва или земля — мать богатства».

Исходя изъ этой мысли, Петти указываетъ на выгоды раздѣленія труда, на различіе производительныхъ тратъ отъ непроизводительныхъ. Онъ стремится открыть общій законъ цѣнъ и, полагая, какъ и Гоббзъ, что цѣна вещей измѣряется работой, предлагаетъ принять за общую мѣру цѣнностей или единицу—среднюю стоимость прокормленія человѣка втеченіе одного дня. Относительно денегъ Петти полагаетъ, что всякая страна нуждается въ извѣстномъ количествѣ ихъ, какъ средствѣ обмѣновъ, и не придаетъ имъ другаго значенія.

Основаніемъ богатства служитъ для него производство, увеличеніе котораго влечетъ за собой увеличеніе потребленія. Въ этомъ отношеніи Петти касается весьма важнаго вопроса: что̀ лучше, ограничивать ли средства высшихъ классовъ, или стараться прямо объ обогащеніи низшихъ? и склоняется въ пользу послѣдняго.

Наконецъ онъ является противникомъ излишняго правительственнаго вмѣшательства.

Его послѣдователь и современникъ Додли Нортъ (Discourses upon trade, 1691) является первымъ систематическимъ защитникомъ свободы торговли. Слѣдуетъ вспомнить о Локкѣ и около десятка второстепенныхъ писателей, перечисляемыхъ Кауцемъ въ его «Geschichtliche Entwickelung der Nation. Ökonomie», которые продолжали разсматривать экономическіе вопросы въ томъ же анти-меркантильномъ направленіи. Слѣдуетъ упомянуть наконецъ о Беркли, отнимавшемъ у денегъ даже значеніе товара, считавшемъ ихъ просто средствомъ счета и приписывавшемъ особенную производительность труда его раздѣленію; и наконецъ объ итальянцѣ Ботеро, разсмотрѣвшемъ вопросъ народонаселенія ранѣе Мальтуса съ чисто мальтусовской точки зрѣнія.

Тоже самое противорѣчіе между взглядами разсудительныхъ писателей и меркантильной теоріей мы найдемъ и во Французской литературѣ. Здѣсь уже Сюлли, не увлекаясь меркантильными теоріями, полагалъ, что настоящія перуанскія розсыпи заключаются въ земледѣліи и бережливости. Буагильберъ († 1714) признавалъ за деньгами значеніе національнаго имущества только для той страны, которая добываетъ ихъ изъ розсыпей; относительно же другихъ странъ онъ приписываетъ имъ значеніе только средства обмѣновъ, и вообще доводитъ свое нерасположеніе къ нимъ до того, что называетъ деньги вообще argent crimine1. Маршалъ Вобанъ (Projet d'une Dîme royale, 1707) идетъ еще далѣе и признаетъ человѣческій трудъ за основаніе всего богатства: онъ ратуетъ противъ роскоши и увеличенія непроизводительныхъ тратъ.

Вслѣдствіе такого разнообразія мнѣній о сущности богатства измѣ-

нился наконецъ самъ собою и взглядъ на значеніе правительственнаго вмѣшательства.

Взглядъ на особенную пользу промышленнаго покровительства встрѣчалъ съ теченіемъ времени все большее число противниковъ; и изъ разнорѣчивыхъ заключеній, къ которымъ приходили писатели относительно правительственнаго вмѣшательства, дѣйствовавшаго до сихъ поръ почти въ этомъ исключительномъ направленіи, къ концу XVIII вѣка успѣли развиться два отдѣльныя воззрѣнія на этотъ предметъ, находившіяся въ связи съ своими особенными взглядами на сущность богатства.

По мнѣнію однихъ, всѣ возраженія противъ пользы промышленной системы не только не говорили противъ пользы правительственнаго вмѣшательства въ его существѣ, а доказывали только, что правительства сдѣлали слишкомъ мало и не всегда поступали правильно. Они не успѣли нигдѣ овладѣть вполнѣ экономическимъ движеніемъ и занимались частностями, между тѣмъ какъ это движеніе таково, что оно по своей сущности не можетъ обойтись безъ прямаго участія въ немъ общей власти.

Оно заключаетъ въ себѣ функціи, недоступныя частнымъ лицамъ и до сихъ поръ вовсе не замѣченныя, но функціи, безъ выполненія которыхъ невозможно дальнѣйшее движеніе экономической жизни и выполненіе которыхъ становится необходимо на той ступени развитія, которой достигла промышленная жизнь Европы. Въ выполненіи этихъ функцій заключается прямая роль правительствъ въ экономической жизни и настоящая ихъ задача. А выполненіе этихъ функцій невольно должно поставить правительство еще болѣе, чѣмъ прежде, во главѣ индустріальнаго и экономическаго развитія. Поэтому, если можно спорить противъ цѣховъ и правительственной постройки фабрикъ, то нельзя спорить противъ того, напримѣръ, что экономическое движеніе пришло къ созданію новой экономической силы, отъ управленія которою должно зависѣть отнынѣ все экономическое положеніе общества и правленіе которою не можетъ быть предоставлено въ частныя руки. Сила эта — кредитъ. Поэтому, роль правительственнаго вмѣшательства не можетъ считаться оконченной, она должна получить только новое направленіе, сообразное съ новыми обстоятельствами.

Въ противоположность этому, другое направленіе, опираясь на историческомъ фактѣ, приходило къ тому убѣжденію, что промышленное вмѣшательство не принесло экономическому быту ничего кромѣ вреда, и потому, безусловно отрицая пользу правительственнаго вмѣшательства, требовало съ одной стороны совершеннаго невмѣшательства и сво-

боды производства и экономической жизни отъ правительственнаго вліянія, а съ другой, тѣмъ самымъ ограничивало роль правительства гарантіей обществу двухъ тезисовъ: неприкосновенности лица и собственности. Представителемъ перваго направленія былъ Ло, представителемъ послѣдняго Адамъ Смитъ. Разсмотрѣніемъ этихъ писателей мы и займемся теперь.

ГЛАВА VI.

Два вопроса исчерпываютъ область общественной экономіи: вопросъ о производствѣ и вопросъ о распредѣленіи. Изъ этихъ двухъ вопросовъ первый развивался ранѣе, и на счетъ втораго. Внутренная связь между ними мало обращала на себя вниманіе. Въ древнихъ обществахъ вопросъ о распредѣленіи былъ въ полномъ пренебреженіи; въ феодальномъ, также,—въ основаніи его строя лежало рабство, или крѣпостное право, и военный произволъ. Какъ самый экономическій переворотъ, который вызвалъ конституціонный вопросъ въ новое время, былъ, по своему началу, результатомъ измѣнившихся условій производства; такъ поэтому, въ послѣдніе вѣка, слѣдовавшіе за реформаціей, производство было первымъ и главнымъ экономическимъ вопросомъ, съ разработки котораго начало свое дѣло новѣйшее экономическое знаніе. Открытія въ технической области были такого свойства, что они измѣнили прежнія основанія, прежнія условія производства; и соображеніемъ этихъ-то условій прежде всего и занялось знаніе. Условія эти были такого рода, что они въ тоже время вызывали перемѣну въ положеніи лицъ и классовъ, нарушали прежній порядокъ богатства, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сферахъ. Когда наука начала свое дѣло, эта перемѣна въ положеніи успѣла уже обозначиться довольно опредѣленно для аристократіи, и аристократія была подавлена возвысившеюся королевской властью; но слѣдомъ за этимъ шло возвышеніе буржуазіи, и, несмотря на свой абсолютизмъ, королевская власть не могла не ощущать на себѣ самой вліянія того экономическаго переворота, который сокрушилъ феодальную

аристократію. Положеніе фискальной власти становилось ложнымъ и затруднительнымъ, ненормальнымъ, исполненнымъ предчувствій, неуспокоительнымъ. Устроить ея положеніе среди новыхъ экономическихъ условій, дать ей прочную роль и мѣсто въ новомъ царствѣ капитала и промышленности, стало вопросомъ, разрѣшенія котораго требовало собственное дѣло фискальной власти. Въ этомъ смыслѣ первая экономическая система, система меркантилистовъ, была въ то же время первымъ ученіемъ, первой теоріей, которая стремилась ознакомить фискъ съ новыми условіями, пріучить его къ нимъ и заставить, оставивъ въ сторонѣ свои военныя преданія, принять прямое участіе въ промышленномъ и торговомъ движеніи, рѣшиться смотрѣть на себя болѣе какъ на силу хозяйственную, чѣмъ военную. Эти безуспѣшныя стремленія, появившіяся очень рано въ хозяйственной литературѣ, воздержать фискъ отъ разоренія страны поборами, образовали тѣмъ не менѣе личность Генриха IV, желавшаго, чтобы послѣдній изъ его подданныхъ могъ имѣть курицу въ супѣ. Въ XVIII вѣкѣ эти стремленія привели къ мѣрамъ Кольбера, который хотѣлъ поставить фискъ во главѣ народной промышленности и создать послѣднюю при его содѣйствіи. Онъ, какъ извѣстно, не имѣлъ успѣха; но въ послѣдній разъ до революціи и съ особенною убѣдительностью это стремленіе выразилось въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка, въ системѣ Ло.

Если всѣ предъидущія изобрѣтенія и открытія болѣе всего содѣйствовали развитію частной предпріимчивости; если они служили болѣе прямо развитію средняго состоянія и болѣе прочному возвышенію этого состоянія, чѣмъ возвышенію самой власти; если та чисто хозяйственная дѣятельность, черезъ которую возвысился средній классъ, могла казаться, въ ея прямой формѣ, несоотвѣтствующею роли фиска, то было одно открытіе, къ которому привело торговое движеніе и относительно котораго невозможны были подобныя сомнѣнія. Это—открытіе *кредита*. Это-то открытіе было впервые поставлено на видъ со всѣми его громадными послѣдствіями Ло. Разсматривая природу и значеніе этого открытія, Ло доказывалъ, что оно, по самому своему существу, не должно быть частнымъ достояніемъ, а представляетъ собой силу, которая должна быть общимъ достояніемъ, и потому должна быть вручена центральной власти. Въ кредитѣ онъ видѣлъ ключъ отъ громаднаго переворота промышленности и средство для громаднаго возвышенія уровня производства и уровня богатствъ; а потому въ организаціи этого кредита и въ управленіи имъ онъ видѣлъ настоящую роль и функцію власти, которая должна упрочить и указать настоящее положеніе и назначеніе власти среди новыхъ условій. Но если и попытки Ло въ этомъ отношеніи

были безуспѣшны, то, раскрывая условія кредита, эта система положила между прочимъ основаніе тому взгляду на условія производства, которымъ воспользовалось наше время, указала тѣ формы его, осуществленію которыхъ промышленная жизнь Европы отчасти обязана своимъ развитіемъ. Съ этой-то системы, одинаково важной и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи, мы и начнемъ наше изложеніе.

Ло (Law), шотландецъ родомъ, сынъ эдинбургскаго ювелира, родился въ 1671 году и получилъ послѣ отца значительное состояніе, которое дало ему возможность поселиться въ Лондонѣ и начать жизнь на широкую ногу. Вынужденный бѣжать вслѣдствіе дуэли, онъ отправился на континентъ, гдѣ велъ жизнь туриста. Ученая его дѣятельность начинается съ проекта шотландскаго банка, который онъ послалъ парламенту въ 1700 году; въ немъ-то онъ впервые изложилъ свой взглядъ на производство.

Сущность мыслей, изложенныхъ Ло въ его сочиненіи «*Соображенія о Монетѣ*», заключается въ слѣдующемъ:

Первоначально торговля производилась обмѣномъ товара на товаръ. Но такого рода сдѣлки были затруднительны по слѣдующимъ причинамъ: 1) ни одинъ товаръ не имѣетъ общей и постоянной цѣны; поэтому, цѣнность товаровъ измѣняется смотря по мѣсту и времени; 2) товаръ не бываетъ общаго однообразнаго качества; а потому цѣнность товаровъ измѣняется по качеству товара; 3) перевозка и храненіе каждаго товара сопряжены съ неудобствами и издержками, а потому товаръ, говоря вообще, не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для того, чтобы тотъ или другой товаръ могъ служить прямой мѣрой цѣнности всѣхъ остальныхъ товаровъ. Между тѣмъ отысканіе товара, который бы служилъ мѣрой цѣнности всѣхъ остальныхъ, существенно необходимо въ видахъ удобства и скорости торговыхъ сдѣлокъ.

Если такой выборъ былъ необходимъ, то естественно было остановиться на такомъ товарѣ, который имѣетъ въ себѣ вышеизложенныя неудобства въ меньшей степени, чѣмъ другіе. Такимъ товаромъ представляются драгоцѣнные металы и по преимуществу серебро. Они при самомъ маломъ объемѣ соединяютъ значительную цѣнность, не подлежатъ порчѣ отъ времени, ихъ качество однообразно и способы добыванія также, а ихъ количество достаточно постоянно для того, чтобы цѣна ихъ не могла подлежать значительному и частому колебанію.

Изъ этихъ металловъ предпочитается другимъ серебро, потому что, при всѣхъ остальныхъ качествахъ, оно не настолько рѣдко, чтобы въ количествѣ его могъ оказаться недостатокъ для торговыхъ сдѣлокъ.

По этимъ-то причинамъ металлы вообще, и серебро по преимуществу, стало мѣрою цѣнности и средствомъ обмѣна.

Но разъ серебро стало средствомъ обмѣна, оно пріобрѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новую цѣнность, которой не имѣло прежде какъ матеріалъ для производства вещей. Поэтому, цѣнность металла есть цѣнность сложная. Онъ имѣетъ одну цѣну—какъ матеріалъ для производства вещей, и прибавочную цѣну—какъ матеріалъ для производства торговли, или какъ орудіе обмѣна. Если бы, поэтому, металлъ не имѣлъ никакой цѣны какъ матеріалъ для производства вещей, то онъ получилъ бы цѣнность какъ орудіе обмѣна, ставъ такимъ орудіемъ. И такъ, металлъ, какъ орудіе обмѣна, имѣетъ самостоятельную цѣнность независимо отъ его цѣны, какъ матеріала для производства вещей. Представимъ же себѣ, что металла или монеты было бы недостаточно для того, чтобы удовлетворять всѣмъ торговымъ сдѣлкамъ; тогда часть торговли могла бы производиться въ кредитъ, но въ такомъ случаѣ самые кредитные знаки исполняли бы значеніе монеты, какъ орудіе обмѣна, и слѣдовательно имѣли бы точно такую же цѣнность, какъ и металлъ, или монета.

Въ этомъ состоитъ первый афоризмъ Ло.

Посредствомъ ограниченнаго количества денегъ можно заставить работать только соотвѣтствующее этому количеству число рукъ. Поэтому, чѣмъ больше будетъ въ странѣ монеты, тѣмъ больше будетъ въ ней занятыхъ рукъ, и слѣдовательно, тѣмъ больше будетъ производство. Ибо, пока деньги приносятъ доходъ, онѣ употребляются на предпріятіе и производство, и слѣдовательно приносятъ выгоду странѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предприниматель получаетъ убытокъ. Количество шерсти, стоющее 10 шиллинговъ, будучи обращено въ сукно, стоитъ 2 ф. стерл.; его цѣна учетверилась. Если предположить, что работникъ потребитъ $^1/_2$ этой стоимости, то ровно 1 ф. стерл. прибавится къ богатству страны. Но чѣмъ больше производство въ странѣ, тѣмъ больше она можетъ вывозить, а слѣдовательно, увеличеніе монеты въ странѣ устанавливаетъ внѣшній торговый балансъ въ пользу этой страны.

Далѣе, изъ только-что приведеннаго примѣра очевидно, что этотъ балансъ устанавливается всего выгоднѣе, когда страна имѣетъ возможность или вывозить свое сырье только въ обработанномъ видѣ, или ввозить чужое сырье для вывоза его послѣ въ обработанномъ видѣ. Но если страна не имѣетъ достаточно монеты для того, чтобы занять число рукъ, необходимое на обработку этого сырья, то она поневолѣ принуждена отказаться отъ обработки не только чужаго, но и своего собственнаго сырья. Для уменьшенія зла, въ этомъ случаѣ предлагается обыкновенно запрещеніе вывоза сырья; но этой мѣрой ничего не дости-

гается; ибо, если страна производитъ, положимъ, количество сырья, требующее для его обработки 50,000 рабочихъ, а монеты ея достаточно для того, чтобы занять всего 25,000 рабочихъ, то запрещая вывозъ остальной половины сырья, мы только сдѣлаемъ невозможной внутреннюю обработку и одной половины сырья. Что касается вопроса о ввозѣ чужихъ мануфактуръ, то въ этомъ отношеніи обыкновенный взглядъ вообще не совсѣмъ вѣренъ. Что тутъ невыгодно, это—не ввозъ чужихъ мануфактуръ, самъ по себѣ, а слишкомъ большое потребленіе въ странѣ мануфактуръ какъ привозныхъ, такъ и своихъ собственныхъ, въ сравненіи съ вывозомъ, и особенно—потребленіе предметовъ роскоши. Въ этомъ отношеніи страна можетъ обѣднѣть отъ чрезмѣрнаго потребленія своихъ собственныхъ издѣлій точно также, какъ обѣднѣть отъ такого же потребленія вещей издѣлій иностранныхъ.

Поэтому-то Ло и полагаетъ, что запретительная система вывоза сырья не достигаетъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣются при ней въ виду. Совершенно иначе дѣйствовало бы, по его мнѣнію, запрещеніе ввоза или ограниченіе его высокими пошлинами въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ ввозъ могъ бы нарушить равновѣсіе торговаго баланса.

Между тѣмъ,—говоритъ Ло,—и тутъ принято обыкновенно дѣйствовать совершенно иначе и поправлять дѣло запрещеніемъ вывоза монеты, слѣдующей на пополненіе баланса. Этой послѣдней мѣрой достигается только то, что страна принуждена бываетъ покупать деньги для уплаты баланса на мѣстѣ его уплаты дороже, чѣмъ это было бы въ случаѣ свободнаго вывоза этихъ денегъ, и слѣдовательно еще болѣе теряетъ на курсѣ, чѣмъ теряла бы иначе.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, какое вліяніе имѣетъ обращеніе торговаго баланса противъ страны, Ло разсматриваетъ происхожденіе и условія упадка курса въ связи съ измѣненіемъ торговаго баланса.

Нарушеніе равновѣсія въ торговомъ балансѣ между двумя государствами есть та причина, которая вызываетъ различіе курса.

Если ввозъ одной страны превышаетъ ея вывозъ, то весь излишекъ она должна уплатить наличной монетой, но вмѣсто того чтобы пересылать эту монету, ей можетъ быть выгоднѣе пріобрѣсть нужное количество этой монеты на мѣстѣ уплаты. Это требованіе на монету въ извѣстной мѣстности само собой возвышаетъ ея цѣну или курсъ.

Но разъ монета повысится въ курсѣ, это значитъ не только то, что страна заплатитъ лажъ на ту сумму, которая потребуется для покрытія баланса; но это значитъ также, что всѣ товары привозимые въ эту страну будутъ стоить теперь меньше денегъ, чѣмъ прежде.

Такимъ образомъ замѣшательство въ торговлѣ государства, получивъ свое начало въ недостаткѣ монеты, усиливается запрещеніемъ вывоза сырья и довершается, по мнѣнію Ло, запрещеніемъ вывоза монеты.

Между тѣмъ,—говоритъ Ло,—между государствами совершается непрерывное соревнованіе, среди котораго всякая страна старается обратить торговый балансъ въ свою сторону и во вредъ другой странѣ; и если положеніе торговаго баланса страны зависитъ отъ количества ея вывоза и производства, а самое производство зависитъ отъ количества монеты, служащей для найма рабочихъ рукъ, то ясно, что все зависитъ отъ изысканія средствъ увеличить количество свободной монеты въ странѣ.

Эти разсужденія сами собой приводятъ Ло къ разсмотрѣнію средствъ увеличить въ странѣ колнчество монеты.

Государства,—говоритъ Ло,—прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ для увеличенія количества монеты: одни повышали номинальную цѣну монеты и даже обязывали купцовъ взамѣнъ вывозимыхъ товаровъ ввозить соотвѣтствующее количество металла въ слиткахъ; другія напротивъ прибѣгали къ мѣрамъ діаметрально противоположнымъ:—тѣмъ не менѣе остается недоказаннымъ, чтобы какая-либо изъ этихъ мѣръ достигала своей цѣли. Лучшее, что въ этомъ отношеніи было придумано, это—устройство банковъ.

Банки избавляютъ купцовъ отъ обязанности хранить у себя значительныя суммы звонкой монеты и отъ всѣхъ рисковъ, связанныхъ съ этимъ храненіемъ, какъ-то покражъ, поддѣлокъ и искаженія монеты. Они избавляютъ отъ излишнихъ тратъ на кассировъ, помѣщеніе и перевозку и пересылку монеты. Это одно ставитъ пользу учрежденій подобнаго рода внѣ всякаго сомнѣнія. Но банки приносятъ и другаго рода выгоду. Они положительно увеличиваютъ количество монеты, обращающейся въ странѣ, имѣя возможность выпускать число кредитныхъ билетовъ на сумму, превышающую размѣръ металлическаго фонда. Такъ уже Амстердамскій банкъ, по статутамъ котораго весь выпускъ билетовъ долженъ былъ быть обезпеченъ звонкой монетой, открывалъ кредитъ подъ залогъ цѣнныхъ вещей. Лондонскій банкъ *) выпускалъ билетовъ на сумму, значительно превышавшую его металлическое обезпеченіе, а сумма билетовъ Шотландскаго банка, учрежденнаго въ 1695 году, превышала отъ 4 до 5 разъ размѣръ металлическаго обезпеченія, хранившагося въ банкѣ. Это значитъ,—замѣчаетъ Ло,—что количество

*) Банкъ этотъ учрежденъ по проекту шотландца Петерсона въ 1694 г.

монеты, обращающейся въ странѣ, и слѣдовательно ея производительныя средства были увеличены этимъ способомъ въ четыре и пять разъ. Если Шотландскій банкъ,—прибавляетъ онъ,—и долженъ былъ пріостановить платежи, то это произошло оттого, что торговый балансъ Шотландіи былъ слишкомъ невыгоденъ. Шотландія потребляла слишкомъ много иностранныхъ товаровъ въ сравненіи съ тѣмъ, что вывозила сама, банкъ долженъ былъ доплачивать значительную разницу въ балансѣ монетой, и эти уплаты, истощая металлическій фондъ банка, подрывали его кредитъ. Потому что, — прибавляетъ Ло, — кредитъ есть вещь, которой нельзя приказывать, которая не можетъ быть пріобрѣтена насильственно, а зависитъ отъ количества металлической монеты, существующей въ странѣ, и возвышается и падаетъ соразмѣрно этому количеству.

Это замѣчаніе показываетъ уже, что Ло вовсе не думалъ смотрѣть на фабрикацію кредитныхъ знаковъ какъ на фабрикацію денегъ; что онъ признавалъ необходимость обезпеченія кредитныхъ знаковъ для ихъ курса, и если говорилъ объ увеличеніи количества монеты при посредствѣ кредитныхъ знаковъ, то только условно, относительно, и, выражаясь вѣрнѣе, говорилъ собственно не объ увеличеніи монеты, а объ увеличеніи суммы обращающихся кредитовъ. Мы знаемъ теперь, что производительныя средства страны измѣряются количествомъ вещей или средствъ производства, которыя могутъ быть предоставлены ихъ обладателями въ распоряженіе предпринимателей впредь до уплаты за эти вещи продуктомъ, который произведутъ предприниматели. Сумма этихъ средствъ и составляетъ крайнюю потенціальную границу или *maximum* кредитовъ въ странѣ, а слѣдовательно и границу кредитныхъ знаковъ. Но отъ этой потенціальной суммы кредитовъ отличается сумма кредитовъ, дѣйствительно обращающихся въ странѣ. Эта послѣдняя обыкновенно ниже первой. Эта разница зависитъ отъ недостаточнаго обезпеченія, которое представляютъ кредитные знаки, и приближается къ первой пропорціонально этому обезпеченію.

Maximum такого обезпеченія представляютъ такіе кредитные знаки, которые сами по себѣ имѣютъ цѣну на всемірномъ рынкѣ, соотвѣтствующую ихъ кредитному значенію, обезпеченіе которыхъ заключается въ нихъ самихъ, въ томъ матеріалѣ, изъ котораго они сдѣланы: эти кредитные знаки—звонкая монета.

Но если ограничить сумму обращающагося кредита только суммой звонкой монеты, то въ странѣ будетъ обращаться *minimum* возможныхъ кредитовъ и, слѣдовательно, ея производительныя средства будутъ сокращены до возможнаго *minimum*'а. Поэтому даже тамъ, гдѣ не

существовало кредитныхъ знаковъ, количество кредитовъ дополнялось частными кредитными обязательствами.

Если же образовать такіе кредитные знаки, которые бы представляли большее обезпеченіе и вѣрность, чѣмъ частные, то этимъ способомъ количество обращающихся кредитовъ могло бы быть значительно увеличено и приближено къ maximum'у кредитовъ, могущихъ обращаться въ странѣ. Такова, переведенная на болѣе точный языкъ, сущность основаній, изъ которыхъ выходилъ Ло.

Во всякомъ случаѣ, покупаются ли предпринимателями производительныя средства на звонкую монету, или на кредитные знаки, они покупаются въ кредитъ на извѣстный срокъ или до востребованія, и звонкая монета есть такой же кредитный знакъ какъ и всякій, только знакъ металлическій. Во время Ло, количество монетныхъ знаковъ было ниже суммы кредитовъ, которые могли открывать собственники предпринимателямъ, вслѣдствіе чего входили въ обращеніе частныя кредитныя сдѣлки и кредитные знаки, выпускаемые ювелирами и мѣнялами. На это только обстоятельство въ сущности обращаетъ вниманіе Ло и находитъ, что по удобству общихъ бумажныхъ знаковъ, болѣе гарантированныхъ чѣмъ частные, можно замѣнить ими въ обращеніи не только звонкую монету, не только частные кредитные знаки, но и увеличить сумму обращающихся кредитовъ. Это-то въ сущности онъ и называлъ увеличеніемъ количества монеты для увеличенія производства. Все это могло быть выполнено, по его мнѣнію, посредствомъ выпуска, въ замѣнъ металлическихъ и другихъ знаковъ, однообразныхъ кредитныхъ знаковъ центральнымъ кредитнымъ учрежденіемъ. При этомъ количество обращающихся кредитовъ увеличилось бы само собою пропорціонально большей обезпеченности, которую представляло такое центральное учрежденіе для этихъ кредитовъ въ сравненіи съ частными ручательствами и обезпеченіями; ибо и въ настоящее время могло бы обращаться гораздо большее количество кредитовъ, чѣмъ обращается, еслибы кредиторы могли разсчитывать на вѣрность уплатъ. Банкъ представитъ такое обезпеченіе уплаты, ибо въ него будетъ стекаться значительная доля звонкой монеты, и такъ какъ трудно предположить, чтобы общество испытало когда-нибудь необходимость потребить всю звонкую монету, въ немъ находящуюся, то этой монеты будетъ всегда достаточно для того, чтобы банкъ могъ исправно платить ею по всѣмъ кредитнымъ знакамъ, которые будутъ представляться къ обмѣну. Того положенія, чтобы количество обращающихся кредитовъ могло быть увеличиваемо по произволу и до безконечности посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, Ло никогда не высказывалъ, и оно было ему приписано совершенно

напрасно. Онъ имѣлъ въ виду только то обстоятельство, что количество обращающихся кредитовъ находится въ стѣсненномъ положеніи вслѣдствіе несовершенной организаціи кредитной системы, что производительныя средства общества шире и значительнѣе тѣхъ, которыя приводятся дѣйствительно въ дѣйствіе, и видѣлъ въ организаціи кредита и выпуска общихъ кредитныхъ знаковъ средство не создавать по произволу новыя производительныя средства, а только пустить въ обращеніе средства, уже существующія въ формѣ возможности. Затѣмъ онъ очень хорошо сознавалъ естественные данные предѣлы этихъ средствъ и не думалъ вовсе, чтобы при посредствѣ бумажныхъ денегъ можно было перешагнуть за предѣлы этихъ средствъ.

Независимо отъ того, употребленіе звонкой монеты имѣетъ само по себѣ, если ее разсмотрѣть ближе, существенныя неудобства.

Когда я говорю,—пишетъ Ло,—о произвольномъ возвышеніи цѣны монеты, я разумѣю только номинальное ея возвышеніе,—возвысить же дѣйствительную ея цѣну нѣтъ никакой возможности. Еслибъ это было иначе, тогда, очевидно, ни одно государство не чувствовало бы никогда недостатка въ деньгахъ. Но цѣна металлическихъ денегъ возвышается и падаетъ независимо отъ нашего произвола; она падаетъ и возвышается въ зависимости отъ отношеній между количествомъ металла и требованіемъ его. Разсматривая металлическую монету съ этой стороны и сравнивая цѣну однородныхъ товаровъ въ прежнія времена сравнительно съ своимъ временемъ, Ло находитъ, что цѣнность металлической монеты въ его время составляетъ $^1/_5$ или $^1/_{10}$ того, что она стоила прежде; что цѣнность металлической монеты, не оставаясь постоянной, подвергается паденію. Этотъ упадокъ объясняется несоразмѣрнымъ увеличеніемъ количества металла въ сравненіи съ увеличеніемъ спроса на него.—Это приводитъ его къ тому заключенію, что и металлическія деньги все-таки не заключаютъ въ себѣ главнаго качества, которое требуется отъ измѣрителя цѣнностей, т. е. совершеннаго постоянства его собственной цѣнности или оборотной цѣны. Къ этому присоединяются два существенныя неудобства, соединенныя съ металлической монетой: 1) она подвергается перечеканкамъ съ пониженіемъ пробы, и 2) какъ онъ указалъ уже выше, она имѣетъ цѣнность сложную, т. е. во первыхъ, цѣну какъ металлъ, и во вторыхъ, цѣну какъ орудіе обмѣна. Это-то послѣднее обстоятельство обращаетъ повсемѣстное употребленіе металлической монеты въ особую статью дохода для тѣхъ странъ и государствъ, которыя снабжаютъ другія страны этимъ металломъ, — статью дохода выгодную конечно для первыхъ, но невыгодную для всѣхъ, пріобрѣтающихъ этотъ металлъ.

Этимъ металломъ Европу снабжаетъ Испанія. Если допустить, что Европа могла бы обойтись безъ металлической монеты, то металлъ потерялъ бы всю свою цѣнность, зависящую отъ требованія на него какъ на монету; онъ сохранилъ бы цѣну только какъ матеріалъ для производства вещей, и потому имѣлъ бы цѣну несравненно болѣе низкую, чѣмъ теперь. Отсюда очевидно, что, употребляя металлическую монету и будучи вынуждены пріобрѣтать ее отъ Испаніи, мы отдаемъ ей извѣстную часть нашего производства за то только, что не умѣемъ обойтись безъ металлической монеты.

Такимъ образомъ, наша собственная выгода заставляетъ сама собою искать средствъ замѣнить металлическую монету другою. И если взвѣсить всѣ приведенныя неудобства отъ металлической монеты, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что одно только неумѣнье обсудить предметъ мѣшало до сихъ поръ замѣненію металлической монеты другою.

Монета, которою Ло предлагаетъ замѣнить металлическую, находится въ распоряженіи каждаго государства и можетъ быть найдена имъ у себя дома; это—собственная территорія его страны. Обращая землю въ монету, государство избавляется отъ напрасной платы за металлъ государствамъ, которыя его производятъ. Но кромѣ того есть еще другія важнѣйшія основанія, дѣлающія изъ земли наилучшій матеріалъ для монеты. Количество земли остается постоянно; поэтому, земля избавлена отъ того упадка въ цѣнѣ, который происходитъ съ благородными металлами; напротивъ того, земля съ теченіемъ времена возрастаетъ въ цѣнѣ, а потому владѣлецъ денежнаго знака, представляющаго поземельную цѣнность, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ владѣетъ покупательной силой, постоянно одинаковой и даже возрастающей въ цѣнѣ. Далѣе, земля составляетъ источникъ всего, что производится въ странѣ, а потому поземельная цѣнность представляетъ дѣйствительную мѣру народной производительности, и слѣдовательно самое вѣрное и самое дѣйствительное обезпеченіе денежнаго знака, представляющаго эту цѣнность. Въ третьихъ, поземельная цѣнность превышаетъ цѣнность металлической монеты обращающейся въ странѣ, вслѣдствіе чего одна замѣна металлической монеты поземельною сама по себѣ произведетъ увеличеніе количества покупательной силы, обращающейся въ странѣ, и слѣдовательно усилитъ средства производства и богатства. Такъ напримѣръ, денежные обороты Шотландіи составляютъ въ настоящее время $^1/_{20}$ денежныхъ оборотовъ Англіи, между тѣмъ какъ въ отношеніи поземельной цѣнности это отношеніе между Шотландіей и Англіей не ниже $^1/_6$. И эта пропорція была бы одинакова во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы мы имѣли только достаточное количество монеты для занятія

всего числа свободныхъ рабочихъ рукъ. Наконецъ, произойдетъ и еще одна выгода: металлъ потеряетъ всю ту прибавочную цѣну, которую онъ имѣетъ какъ орудіе обмѣна; значительное количество его, занятое теперь монетой, обратится на рынокъ въ качествѣ матеріала, идущаго на обыкновенныя металлическія издѣлія, и вслѣдствіе этого значительно понизится цѣна самаго металла. Отсюда открывается еще новое удобство поземельныхъ денегъ. Состоя въ дѣйствительности изъ бумажныхъ знаковъ, обезпеченныхъ землей, они не отнимаютъ у производства никакого матеріала, что́ неизбѣжно при деньгахъ металлическихъ (кромѣ развѣ бумаги, изъ которой онѣ производятся). Независимо отъ того, поземельныя деньги, будучи бумажными знаками, соединятъ въ себѣ всѣ внѣшнія преимущества такихъ знаковъ передъ звонкой монетой относительно перевозки, храненія и быстроты разсчетовъ.

Для осуществленія такой мысли, Ло предлагалъ шотландскому парламенту выбрать особую коммиссію изъ сорока коммиссаровъ, которой и предоставить приведеніе въ дѣйствіе предпріятія, и особый наблюдательный комитетъ для контролированія дѣйствій коммиссіи. Комитетъ и коммиссары должны были представить на обсужденіе парламента три различные способа или основанія для выпуска билетовъ, съ тѣмъ, чтобы парламентъ избралъ тотъ, который признаетъ за лучшій.

Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить коммиссіи выпускать билеты подъ поземельное обезпеченіе до половины и двухъ третей поземельной стоимости и за обыкновенные проценты.

Второй способъ: выдать билетами полную сумму поземельной стоимости, капитализируя цѣнность земли приблизительно изъ двадцатилѣтняго дохода, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ земля поступала въ распоряженіе коммиссіи и для прежняго владѣльца оставалось лишь право выкупа означенной земли до извѣстнаго срока.

Третій способъ: немедленно выдать владѣльцу земли всю сумму стоимости на основаніи полной и безповоротной продажи этой земли, за выданную сумму билетовъ, коммиссіи.

Въ свою очередь коммиссія передаетъ пріобрѣтенныя ею на этомъ основаніи поземельныя права въ распоряженіе всякаго, кто внесетъ полную сумму ихъ стоимости. Она не принимаетъ при этомъ другихъ уплатъ, кромѣ уплаты собственными билетами. Самый выпускъ билетовъ происходитъ съ извѣстною постепенностью и зависитъ отъ усмотрѣнія парламента.

Чистый доходъ отъ операцій коммиссіи, за покрытіемъ расходовъ по содержанію самой операціи, употребляется въ формѣ премій на поощреніе мѣстныхъ мануфактуръ, производства и вывоза.

Билеты не могутъ имѣть курса выше чѣмъ на 10% противъ металлической монеты, для того, чтобы не поставить въ затрудненіе всѣхъ заключившихъ контракты на звонкую монету.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ начала операціи никакая монета кромѣ новой бумажной, а равно и иностранная, за исключеніемъ лишь англійской, не принимается ни въ какой уплатѣ. Старая монета обмѣнивается на бумажныя деньги въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ размѣрѣ полной ея стоимости, а затѣмъ по курсу пониженному.

Ло кончалъ свое посланіе шотландскому парламенту нѣсколькими скорбными размышленіями о положеніи своего отечества, которыя во всякомъ случаѣ показываютъ, что его помышленіями руководили не замыслы аферіста, а глубокое и благородное чувство, искреннее желаніе добра своей родинѣ. Онъ указывалъ съ одной стороны на страну съ суровымъ климатомъ и тощей природой, и между тѣмъ процвѣтающую и богатую благодаря бережливой администраціи, экономной жизни высшихъ классовъ, трудолюбію и предпріимчивости; это—Голландія. Съ другой стороны онъ видѣлъ страну съ болѣе мягкимъ климатомъ и несравненно лучшей и болѣе богатой почвой, переполненную нищенствомъ, съ слабой торговлей, съ землевладѣльцами, подавленными долгами;—это Шотландія. Гдѣ причина этой разницы или аномаліи? спрашивалъ онъ. Обыкновенно отвѣчаютъ, что она заключается въ безпечности и нечестности нашего народа. Но я полагаю, отвѣчалъ онъ, что лѣнь и нечестность суть наоборотъ результаты бѣдности, а бѣдность—результатъ ложной администраціи. Еслибы Англія, Франція и Шотландія послѣдовали раньше примѣру Голландіи, тогда эти страны были бы и трудолюбивѣе и богаче Голландіи; но такъ какъ онѣ этого не сдѣлали, то нужно предполагать, что Голландія обогатилась въ значительной степени на счетъ ихъ безпечности. Вотъ почему наше населеніе бѣдно, почему города стоятъ безъ домовъ, наши землевладѣльцы — землевладѣльцы только по имени, ибо долги ихъ превышаютъ цѣну ихъ имущества, и суды завалены процессами. При такомъ запутанномъ положеніи землевладѣльцевъ должно предположить, что если эти взысканія произведутся, то въ такомъ случаѣ кредиторы пріобрѣтутъ земли ихъ по оцѣнкѣ не 20-лѣтняго дохода, а вдвое дешевле. Поэтому-то Ло и полагаетъ, что его проектъ обращенія монеты въ поземельную составитъ существенную поддержку классу землевладѣльцевъ и развяжетъ ихъ положеніе; ибо, получивъ сразу въ руки полную сумму поземельной стоимости, они получатъ возможность расплатиться съ кредиторами на несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Проектъ, предложенный Ло шотландскому парламенту, не былъ

однако принять, и Ло сталъ искать счастія въ другихъ мѣстахъ, пока, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неудачъ, мысли его не нашли дѣйствительнаго пріюта во Франціи. Какъ ни затруднительно казалось Ло положеніе Шотландіи, какъ ни ясны казались ему по своей выгодѣ тѣ средства улучшенія, которыя онъ излагалъ въ своемъ проектѣ, тѣмъ не менѣе шотландскій парламентъ не рискнулъ повѣрить его обѣщаніямъ, потому ли, что самыя мысли, изложенныя Ло, казались ему недостаточно выработанными, или средства, имъ предлагавшіяся, слишкомъ рискованными и невѣрными. И дѣйствительно, читая проектъ, предложенный шотландскому парламенту, трудно рѣшить, сознавалъ ли самъ Ло уже въ то время, когда чертилъ свой проектъ, весь планъ той реформы, осуществленіе которой онъ послѣ преслѣдовалъ во Франціи, и только воздерживался отъ обнаруженія своихъ мыслей о кредитѣ во всемъ ихъ объемѣ; или мысли его сами пріобрѣли бо́льшій полетъ и дальнѣйшее развитіе только по мѣрѣ дальнѣйшихъ трудовъ, размышленій и дѣятельности: во всякомъ случаѣ то, что́ было изложено имъ въ проектѣ шотландскому парламенту, составляло не болѣе, какъ первоначальный намекъ на тотъ рядъ положеній и ту дальнѣйшую широкую цѣль, къ осуществленію которой онъ послѣ устремился на дѣлѣ съ полнымъ сознаніемъ, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, и притомъ увѣренностью, основанною не на простомъ разсчетѣ на личное счастье, какъ это часто случается съ предпріимчивыми натурами, а на отчетливомъ пониманіи самаго дѣла, за которое брался Ло.

Съ другой стороны Франція, какъ выражался самъ Ло, по многимъ обстоятельствамъ представляла удобное мѣсто для испытанія тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыя Ло считалъ возможнымъ извлечь изъ вновь открытой, до той поры хорошенько неизвѣданной силы кредита. Финансы ея были крайне затруднены, историческій недостатокъ фиска въ деньгахъ достигъ теперь, послѣ смерти Людовика XIV, крайняго предѣла: болѣе четырехъ съ половиною мильярдовъ долга лежало на правительствѣ. Благія начинанія Кольбера пали вмѣстѣ съ нимъ и страна оставалась безъ промышленности, торговли и мануфактуръ, а народъ безъ работы.

Отсюда, во первыхъ, правительство, находящееся въ такомъ крайнемъ положеніи, всего скорѣе, по мнѣнію Ло, могло рѣшиться на испытаніе неизвѣданныхъ и новыхъ мѣръ, чтобы выйти изъ своего положенія; и во вторыхъ, волшебная сила кредита всего разительнѣе и яснѣе могла выказать свои благодѣянія, свое творческое вліяніе на торговлю и промышленность въ странѣ, лишенной того и другаго, въ странѣ почти разоренной.

Но было и еще одно обстоятельство, которое дѣлало изъ Франціи удобный пробный камень для кредитныхъ плановъ Ло и на которое онъ самъ указывалъ: это — неограниченная монархическая форма правленія, болѣе удобная, по его мнѣнію, для всякихъ преобразованій, чѣмъ форма правленія ограниченная.

Тѣмъ не менѣе, Ло и здѣсь не высказывалъ сразу тѣхъ размѣровъ кредитной реформы, тѣхъ плановъ, къ которымъ стремился онъ твердымъ и быстрымъ шагомъ впослѣдствіи, уже упрочивши довѣріе къ себѣ первыми практическими успѣхами.

Въ запискахъ, поданныхъ герцогу орлеанскому, регенту Франціи, и послѣдующихъ письмахъ къ нему онъ повторялъ только въ элементарной и наиболѣе осязательной и популярной формѣ свои взгляды на сущность монеты, на невыгоды, которыя терпитъ Франція, покупая металлъ для монеты, и на остановку въ предпріятіяхъ, которую производитъ недостатокъ денежныхъ знаковъ. Онъ указывалъ при этомъ регенту на монархическую власть, какъ на особое удобное обстоятельство, которое находится въ рукахъ регента для осуществленія реформы. Что же касается самаго плана реформы, то онъ ограничивалъ его пока однимъ открытіемъ центральнаго государственнаго банка, который бы обмѣнялъ металлическую монету на бумажные знаки съ обязательствомъ размѣна ихъ на звонкую монету по востребованію. Металлическіе вклады должны были, такимъ образомъ, прежде всего служить обезпеченіемъ билетовъ банка, и во вторыхъ, такъ какъ трудно было предполагать, чтобы всѣ билеты банка, могли представиться когда-либо разомъ къ обмѣну, то тѣ же металлическіе вклады должны были служить рессурсомъ для ссудъ со стороны банка, или, выражаясь иначе, банкъ могъ дѣлать выпускъ билетовъ на сумму, превышающую металлическій фондъ.

О поземельномъ обезпеченіи бумажныхъ знаковъ, которое упоминалось въ проектѣ, представленномъ шотландскому парламенту, тутъ не было рѣчи.

Къ одной мысли Ло возвращался при этомъ особенно часто, стараясь сколько возможно глубже врѣзать ее въ убѣжденіе регента. Ло постоянно опасался, повидимому, чтобы возможность, при замѣнѣ металлическихъ знаковъ бумажными, увеличить сумму знаковъ до извѣстной степени не была принята за возможность увеличивать ихъ количество произвольно и безпредѣльно. Еслибы послѣднее было возможно, писалъ онъ, то ни одно государство не чувствовало бы никогда недостатка въ деньгахъ. Онъ усиленно объяснялъ далѣе, что возможность увеличить до извѣстной степени количество знаковъ основывается исключительно на томъ, что количество металлическихъ знаковъ оказы-

вается недостаточно для приведенія всѣхъ существующихъ средствъ страны въ оборотъ или въ дѣйствіе,—для занятія всѣхъ рабочихъ рукъ; и что слѣдовательно количество бумажныхъ знаковъ имѣетъ свой естественный предѣлъ въ суммѣ производительныхъ средствъ страны, а потому должно находиться въ соотвѣтствіи съ этими средствами. Если же увеличить число знаковъ черезъ-мѣру, то отъ этого нисколько не усилятся производительныя средства. Это усиленное количество знаковъ приведетъ въ дѣйствіе то же самое количество производительныхъ средствъ; только это дѣйствіе распредѣлится на большее число знаковъ и слѣдовательно цѣна каждаго знака или, что одно и тоже, цѣна каждой единицы знака понизится и станетъ ниже цѣнности металлической единицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ упадетъ вѣра въ бумажные знаки и кредитъ ихъ поколеблется.

Имѣя это въ виду, я полагаю,—повторялъ нѣсколько разъ Ло,—что король не захочетъ ни растрачивать металлическаго фонда, ни прибѣгать къ чрезмѣрному выпуску знаковъ, ибо при этомъ онъ потеряетъ несравненно болѣе чѣмъ выиграетъ; онъ потеряетъ силу кредита, которая въ его рукахъ заставляетъ процвѣтать промышленность, обогащаетъ всѣ сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и податные источники казны. Короля, который бы не хотѣлъ этого,—пишетъ Ло,—можно было бы сравнить только съ владѣльцемъ 20 домовъ, который чтобы сохранить одинъ изъ нихъ, котораго никто не оспариваетъ, приказалъ бы разрушить 19 остальныхъ.

Съ своей стороны Ло былъ до того увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія, что предлагалъ въ случаѣ неудачи пожертвовать въ пользу бѣдныхъ громадную сумму изъ собственнаго кармана и даже свою голову.

Въ концѣ всего была и еще одна важная причина, по которой Ло настаивалъ на томъ, чтобы предлагаемый проектъ банка былъ осуществленъ, и слѣдовательно распоряженіе кредитной операціи было сосредоточено не въ частныхъ рукахъ, а въ рукахъ государства. Но на эту причину указывать здѣсь слишкомъ рано; она станетъ ясна сама собою впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ передъ нами раскроются планы Ло во всемъ ихъ объемѣ.

Какъ ни велики были обѣщанія Ло, тѣмъ не менѣе регентъ не согласился возложить на правительство исполненіе его плановъ, и все, чего могъ первоначально добиться Ло, это—разрѣшеніе устроить предполагаемый имъ банкъ въ видѣ частнаго банка.

Въ этомъ видѣ банкъ былъ открытъ 2 мая 1716 г. Его фондъ составился изъ 1,200 акцій по 5,000 ливровъ, и 10 мильоновъ, принадлежавшихъ лично Ло. Онъ получилъ право производить обмѣнъ

своихъ собственныхъ билетовъ на звонкую монету, производить учетъ векселей и открывать текущіе счеты. Успѣхъ его съ самаго начала превзошелъ всѣ ожиданія. Видя успѣхъ билетовъ банка, правительство разрѣшило принимать ихъ въ уплату податей, и вскорѣ затѣмъ банкъ Ло изъ частнаго банка былъ обращенъ въ королевскій, или правительственный. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это была первая ошибка, ибо вмѣстѣ съ такой перемѣной Ло переставалъ быть полнымъ хозяиномъ дѣла, не смотря на то, что выговорилъ себѣ совершенную самостоятельность дѣйствій по распоряженію дѣлами банка. Въ этомъ видѣ банкъ во всякомъ случаѣ легче подвергался постороннему вмѣшательству въ его дѣла, и это вмѣшательство было труднѣе устранить, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы онъ оставался частнымъ банкомъ: выговоренное Ло у правительства право самостоятельнаго распоряженія дѣлами банка только обращало на него отвѣтственность за всѣ дѣйствія банка, хотя бы они совершались не по волѣ Ло, а вслѣдствіе посторонняго давленія.

Но нужно замѣтить, что, и оставаясь частнымъ банкомъ, банкъ Ло не былъ совершенно независимъ отъ посторонняго вліянія во вредъ дѣламъ банка и его кредиту, еслибы это вліяніе захотѣло только проявиться; все это потому, что банкъ Ло, по самому существу своему, долженъ былъ составлять одно лишь звѣно въ неразрывной цѣпи, которую представляетъ финансовая администрація и которая находилась въ рукахъ министра д'Аржансона.

Можетъ быть для интересовъ банка, какъ банка, это замѣчаніе было вѣрно; но дѣло въ томъ, что планы Ло по устройству кредита шли дальше цѣли частнаго банка.

Немедленно послѣ перваго успѣха, Ло обратился къ созданію новаго предпріятія, извѣстнаго подъ именемъ *Вестъ-индской* компаніи.

Компанія эта имѣла своей цѣлью колонизацію и разработку французскихъ владѣній въ Америкѣ. Правительство уступало компаніи въ собственность земли Луизіаны со всѣмъ военнымъ и морскимъ устройствомъ, которое могло оказаться въ этихъ земляхъ, съ правомъ содержать флотъ и войско, строить крѣпости, объявлять войну и заключать миръ. Капиталъ компаніи полагался въ сто милліоновъ и долженъ былъ составиться изъ 200,000 акцій по 500 ливровъ каждая, оплачиваемыхъ государственными рентами. Такимъ образомъ всѣ первоначальныя средства компаніи должны были быть единственно въ бумагахъ, приносившихъ 4 милліона ежегодной ренты. Эти-то четыре милліона ренты за первый годъ и должны были быть употреблены на начало эксплуатаціи и затѣмъ на слѣдующіе года идти на уплату процента акціонерамъ. Такія средства конечно не могли казаться слишкомъ обширными

и Ло, идя далѣе тѣмъ же путемъ, вскорѣ присоединилъ къ первому предпріятію новое—торговлю съ Восточной Индіей и Китаемъ.

На счетъ этого новаго предпріятія было выпущено 50 тысячъ новыхъ акцій, названныхъ «*дочерьми*», потому, что для того, чтобы пріобрѣсти одну изъ нихъ, требовалось имѣть четыре прежнихъ акціи. Эти 50,000 доставили компаніи по 550 ливровъ каждая — 27 милліоновъ 500 тыс. ливровъ серебра.

Не останавливаясь на этомъ, компанія вскорѣ пріобрѣла у правительства чеканку монеты на 9 лѣтъ за 50 милліоновъ. Для уплаты этихъ 50 милліоновъ она выпустила третью серію акцій, названныхъ «*внучатами*», и затѣмъ предложила правительству принять на себя 1500 милліоновъ правительственнаго долга, съ которыхъ фискъ платилъ 60 милл. процентовъ ежегодно.

Компанія принимала этотъ долгъ на себя съ тѣмъ, чтобы правительство платило ей всего 45 милліоновъ; остальные же 15 милл. падали на компанію. Затѣмъ компанія получала право погасить этотъ долгъ, выпустивъ, сверхъ 300,000 прежнихъ акцій, 350 тыс. новыхъ.

Съ какой цѣлью все это дѣлалъ Ло—съ цѣлью ли просто облегчить долгъ правительства?

Что правительство, стѣсненное въ своихъ средствахъ, могло быть довольно такимъ предложеніемъ, въ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго; но столь же понятно съ другой стороны и то, что не меньшую цѣну должны были имѣть акціи компаніи и въ глазахъ общества. Компанія менѣе чѣмъ въ три года сосредоточила въ своихъ рукахъ столь различныя и обширныя отрасли внутренней и внѣшней торговли, что по одному этому должна была представляться коммерческой силой, соперничать съ которой было тѣмъ труднѣе, чѣмъ разнообразнѣе и обширнѣе становились ея дѣла.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если каждый новый выпускъ акцій, сопровождавшійся каждый разъ расширеніемъ правъ компаніи и запродажею ей извѣстной отрасли торговой и промышленной со стороны правительства, не только не вредилъ курсу старыхъ акцій, но усиливалъ довѣріе. Мало того: число акцій, разростаясь параллельно расширенію дѣлъ компаніи до гигантскихъ размѣровъ, дѣлало все большее и большее число членовъ общества или гражданъ членами компаніи или акціонерами. Все большее и большее число капиталистовъ связывалось солидарностью интересовъ, становясь участниками одного и того же дѣла или компаніи. Ло, во главѣ, очевидно шелъ къ централизаціи всей народной предпріимчивости, всей торговли и производства въ рукахъ компаніи, которая вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа акціонеровъ, поглощая

большую и большую часть капиталовъ, распространялась все на большую часть общества. Мысль, которою при этомъ руководился Ло, становится ясною. Въ коммерческой системѣ, которую онъ наблюдалъ и которая существовала до него, онъ открывалъ два существенные недостатка. Во первыхъ, онъ находилъ недостатокъ орудій обмѣна и монетныхъ знаковъ для совершенія всѣхъ оборотовъ и предпріятій, какіе были возможны по производительнымъ средствамъ страны. Этому-то недостатку думалъ онъ помочь устройствомъ банка, который, замѣнивъ звонкую монету бумажными знаками, имѣлъ бы возможность поставить количество денежныхъ знаковъ въ уровень съ потребностью на нихъ и постоянно поддерживать это количество соотвѣтствующимъ съ количествомъ оборотовъ. Во вторыхъ, Ло находилъ въ тоже время, что значительное количество монеты или орудій производства вмѣсто того, чтобы служить производству, или хранится въ сундукахъ или истрачивается непроизводительно, или отдается въ заемъ за проценты частнымъ лицамъ также для личныхъ тратъ или на непроизводительныя предпріятія. Все это составляетъ несомнѣнную убыль для народнаго производства; все это происходитъ — разсуждалъ Ло — оттого, что частныя лица не имѣютъ въ виду готовыхъ предпріятій, въ которыя они могли бы помѣщать свои деньги непосредственно съ той же или еще большей выгодой для себя, и въ тоже время съ несомнѣнной выгодой для страны.

Но если трудно отъискать готовое частное предпріятіе для помѣщенія каждаго частнаго капитала, то съ другой стороны возможно открыть готовое помѣщеніе для каждаго капитала, минуя личную предпріимчивость и открывая такое помѣщеніе частнымъ капиталамъ въ дѣлахъ компаніи частной или правительственной, въ такой компаніи, которая бы по обширности своихъ средствъ и оборотовъ представляла вѣрныя ручательства. Чѣмъ обширнѣе была бы такая компанія, чѣмъ труднѣе была бы конкурренція съ ней, чѣмъ большими правами и выгодами она бы пользовалась, тѣмъ больше былъ бы ея кредитъ, тѣмъ скорѣе всякій сталъ бы помѣщать свои деньги въ дѣла этой компаніи, вмѣсто того, чтобы или идти на личныя предпріятія съ небольшимъ капиталомъ, или отдавать деньги въ чужія частныя руки, что связано, какъ извѣстно, съ значительными хлопотами и рискомъ. Поэтому-то, разсуждалъ Ло, лучше всего, если во главѣ такой компаніи станетъ правительство или, по крайней мѣрѣ, если правительство поможетъ ей открыться въ широкихъ размѣрахъ, и тогда нѣтъ сомнѣнія, что компанія эта сосредоточитъ въ своихъ рукахъ весь кредитъ и въ нее польются частные капиталы съ неудержимой силой.

Компанія будетъ владѣть обширными средствами и будетъ давать хорошій дивидендъ, лучшій и болѣе вѣрный, чѣмъ частныя лица получаютъ теперь отъ частнаго роста, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ привлеченные ею капиталы будутъ употребляться производительно. Этимъ способомъ устранится, слѣдовательно, второе неудобство или зло, подрывавшее по мнѣнію Ло народную производительность.—Этотъ разсчетъ Ло былъ совершенно, безукоризненно вѣренъ теоретически.

И такъ: *дать возможность придти въ обращеніе всѣмъ производительнымъ средствамъ страны посредствомъ банка, выпустивъ соотвѣтствующее количество денежныхъ знаковъ, и сосредоточить эти средства въ рукахъ промышленной и торговой компаніи, которая могла бы употребить ихъ съ наибольшей выгодой для частныхъ лицъ и страны* — вотъ цѣль, которая руководила Ло. Въ достиженіи этой цѣли Ло считалъ одинаково заинтересованнымъ какъ фискъ, такъ и общество. Чѣмъ большій и вѣрнѣйшій доходъ получило бы общество, тѣмъ больше становились бы податныя средства фиска, тѣмъ меньше лежало и тратилось капиталовъ непроизводительно, тѣмъ болѣе богатѣло общество. И чѣмъ меньше оставалось бы въ странѣ непроизводительныхъ долговъ и денежные люди изъ заимодавцевъ становились акціонерами, тѣмъ болѣе достигалась цѣль Ло.

Теперь понятно, почему Ло съ самого начала свое предпріятіе связалъ съ вопросомъ объ уничтоженіи фискальнаго долга. Ло считалъ существованіе непроизводительныхъ долговъ за одну изъ первыхъ тягостей для страны, отъ которой компанія должна была ее избавить. Такой тягостью считалъ онъ всякаго кредитора, всякаго получающаго ренту съ денегъ, но не участвующаго непосредственно въ рискахъ и выгодахъ предпріятія, на которое употребляется этотъ капиталъ; поэтому-то слѣдовало прежде всего подумать о фискальномъ долгѣ и государственныхъ рентахъ, за которые уплачивались проценты изъ налоговъ.

Слѣдовательно, Ло, въ общихъ видахъ обращенія всѣхъ частныхъ кредиторовъ въ непосредственныхъ участниковъ народной предпріимчивости, въ акціонеровъ промышленнаго предпріятія, стремился между прочимъ и къ обращенію кредиторовъ фиска въ такихъ же акціонеровъ, и въ доходахъ и средствахъ компаніи онъ думалъ найти средства погасить долги фиска.

Такой взглядъ на свое собственное дѣло самъ Ло печатно со всей ясностью высказалъ французскому обществу — въ то время, когда успѣхъ предпріятія уже колебался—въ трехъ анонимныхъ письмахъ, напечатанныхъ въ «Mercure de France». Здѣсь между прочимъ, кромѣ яснаго сознанія дѣла, за которое брался Ло, читатель, пробѣгая слѣдующія стра-

ницы, будетъ свидѣтелемъ того горькаго чувства, которое съѣдало человѣка не понятаго и изнемогающаго въ борьбѣ съ невѣжествомъ.

Письма эти имѣютъ форму отвѣта владѣльцамъ государственной ренты и вообще людямъ, сомнѣвающимся въ томъ, должны ли они помѣщать свои деньги въ дѣла компаніи.

«Одна изъ первыхъ государственныхъ аксіомъ,—пишетъ здѣсь Ло,—заключается въ томъ, чтобы всѣ существующіе въ государствѣ капиталы и средства производства обращались, не исключая даже земель, которыя слѣдуетъ разсматривать не такъ, какъ это дѣлается обыкновенно, т. е. какъ пристань или убѣжище на случай утраты другихъ средствъ къ жизни, а какъ источникъ торговли въ силу того, что эта земля производитъ. Отдача въ заемъ капиталовъ подъ залоги прямо противорѣчитъ этому началу. Тотъ, кто кредитуетъ на этомъ основаніи, обезпечиваетъ свои капиталы и доходы не какимъ-либо производствомъ и его выгодами, а хочетъ быть обезпеченнымъ готовой равносильной цѣнностью. Онъ обращаетъ весь рискъ займа на заемщика и хочетъ пользоваться доходомъ отъ денегъ, самъ ничѣмъ не рискуя.

«Если заемщикъ при этомъ употребляетъ деньги на обработку земли, на земледѣльческое производство, то это—худшее, что онъ можетъ придумать; ибо процентъ, который даетъ земля, вообще говоря, ниже того, за который можно занять деньги. Такъ что можно вообще положить, что люди занимаютъ большею частью или для того только, чтобы выпутаться изъ труднаго положенія или для потребленія капитала.

«Разъ заключается такого рода заемъ, два лица оказываются связанными между собой безсрочно, и если купецъ желаетъ удержать занятый капиталъ для того, чтобы расширить еще болѣе свои предпріятія, то землевладѣлецъ, занявшій деньги подъ залогъ своей земли, находится въ невозможности отдать и съ каждымъ годомъ все болѣе запутывается платя процентъ, превышающій доходъ съ земли.

«Поэтому, не касаясь уже вопроса совѣсти и справедливости, которыя ясно противорѣчатъ долговымъ обязательствамъ этого рода, гдѣ всѣ преимущества оказываются въ пользу одной стороны, нужно признаться, что въ концѣ концовъ отъ обязательствъ этого рода на столько же терпятъ заимодавцы, какъ и заемщики. Развѣ мы не знаемъ, чѣмъ кончается большая часть такихъ обязательствъ: промучивъ извѣстное время должника, кредиторъ или утрачиваетъ капиталъ совершенно или значительную часть его. Такова судьба всѣхъ консолидированныхъ рентъ, частныхъ и государственныхъ. Поэтому лицо, на имѣніи котораго тяготѣетъ такое обязательство, спѣшитъ отъ него избавиться при первой возможности; точно то же должно дѣлать и го-

сударство. Лучше всего было бы, еслибы деньги могли заниматься не подъ процентъ, но изъ однихъ выгодъ предпріятій, на которыя онѣ употребляются; тогда само собой уничтожилось бы то ростовщичество, противъ котораго было столько жалобъ во всѣ времена. Если правительство стремится избавиться отъ государственныхъ рентъ и возвращаетъ всѣ деньги, то оно поступаетъ такъ только для общей пользы согражданъ. Оно, отнимая одинъ изъ способовъ помѣщенія денегъ — подъ проценты или ренту, вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ другой, несравненно болѣе раціональный. Помѣщайте возвращенные вамъ капиталы въ дѣла компаніи, становитесь *акціонерами*. Если такая перемѣна кажется невыгодною нѣкоторымъ, то это потому только, что ни одна перемѣна, направленная къ общему благу, не можетъ обойтись безъ того, чтобы не затронуть чьихъ-либо интересовъ. А вы хотѣли бы, чтобы все государство могло устроиться не обидѣвъ ни одного человѣка. Одинъ только Богъ могъ бы это сдѣлать. Если взять въ разсчетъ всѣхъ владѣльцевъ государственныхъ рентъ, то они составятъ только одну сотую часть всѣхъ остальныхъ разрядовъ людей, и развѣ одна сотая этой сотой живетъ исключительно государственной рентой.

«За то посмотрите вообще на положеніе, которое приняли дѣла общества вмѣстѣ съ реформой. Цѣнность домовъ и земель утроилась, продавцы не могутъ напастись товару — такъ велико стало число потребителей; народъ, прежде не знавшій, чѣмъ жить, находитъ работу. Сколько людей обогатилось между самими невѣрующими, сколько должниковъ выпуталось изъ долговъ! Между банкирами и торговцами вообще признано, что торговый оборотъ, при разумномъ веденіи дѣла, благодаря кредиту можетъ превышать въ 10 разъ величину основнаго капитала. Но частные торговцы вообще суть лица частныя, основной капиталъ которыхъ вообще бываетъ ограниченъ; успѣхъ ихъ предпріятій зависитъ, далѣе, отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, парализующихъ предпріятія, какъ напр. положеніе внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, финансовъ и распоряженій правительствъ и пр.

«Всѣ эти обстоятельства находятся, напротивъ, во власти правительства, не говоря уже о количествахъ суммъ, которыми оно можетъ распоряжаться. Поэтому, кредитъ правительствъ долженъ быть несравненно значительнѣе, чѣмъ кредитъ частныхъ лицъ. Оно поэтому въ состояніи привести въ обращеніе наибольшую сумму производительныхъ средствъ. Что же дѣлаетъ правительство съ этимъ кредитомъ? Лучшее, что оно можетъ сдѣлать, это—устроить для оборота этого кредита промышленную торговую національную компанію, которая употребитъ этотъ кредитъ на торговое производство и въ которой станутъ

акціонерами всѣ давшіе правительству кредитъ. Вся нація составитъ этимъ путемъ одну торговую компанію, одно общество негоціантовъ, которому королевскій банкъ будетъ служить кассой. И если даже торговля частныхъ лицъ считалась всегда однимъ изъ вѣрныхъ источниковъ богатства, то что же сказать въ этомъ отношеніи о государствѣ, которое поведетъ торговлю какъ одно обширное товарищество — не запрещая при этомъ частнымъ лицамъ вести ту же торговлю въ отдѣльности? — Если оборотъ частнаго торговца тѣмъ больше, чѣмъ больше его основной капиталъ, то, кажется, король Франціи не могъ бы достаточно поощрить своихъ подданныхъ къ соединенію своихъ капиталовъ на акціяхъ для достиженія бо́льшихъ выгодъ. И вотъ также одна изъ причинъ погашенія государственныхъ рентъ. Капиталы, возвращенные вслѣдствіе погашенія ренты, должны будутъ помѣститься въ дѣла компаніи и прежніе рантье стать акціонерами? Для этого, королевская власть Франціи, представлявшаяся во всѣ прежніе вѣка сборщицей налоговъ, отягощавшихъ страну, станетъ источникомъ кредита и двигателемъ богатства, и нація, солидарная съ королемъ, пойдетъ какъ одинъ человѣкъ по пути къ благосостоянію.

«Вотъ система, которая предложена и осуществленіе которой начато. Не говоря уже о ея внутреннихъ достоинствахъ,—прибавляетъ Ло,—нужно сказать, что она начата въ минуту отчаяннаго положенія фиска, когда помимо нея правительство ни въ какомъ случаѣ не могло разсчитывать на возможность совладать съ своими долгами, и когда какъ единственный другой выходъ предлагалось объявить государство банкротомъ, ня томъ основаніи, что регентъ не обязанъ платить долговъ своихъ предшественниковъ. Неужели же послѣ этого государственныя ренты не выиграли отъ новой системы?

«Наконецъ новая система до ея принятія подверглась всевозможнымъ отовсюду многократнымъ обсужденіямъ и побѣдила всѣ возраженія. Когда предлагается что-либо новое, тогда въ опроверженіе этого новаго ссылаются вообще на общій смыслъ. Но общій смыслъ вообще трудно понимаетъ новыя вещи, и понимаетъ ихъ послѣ того уже, какъ эти вещи поймутся людьми подальновиднѣе. Поэтому, замѣчаетъ Ло, разсудительный человѣкъ скорѣе старается согласоваться въ своихъ взглядахъ не съ текущимъ общимъ смысломъ, а съ тѣмъ, который водворится черезъ нѣкоторое время. Когда появилась философія Декарта, тогда ее опровергали также ссылками на общій смыслъ; однако общій смыслъ подчинился этой философіи, а не она общему смыслу.

«Слѣдовало наконецъ,—замѣчаетъ далѣе Ло,—положить конецъ *вошедшему въ обычай недовѣрію общества къ фиску*. Не имѣйте ни-

какихъ дѣлъ съ фискомъ, ни съ тѣми даже, которые имѣютъ денежныя дѣла съ фискомъ:—вотъ мнѣніе, которое къ несчастію слишкомъ распространено. Какъ же могутъ идти дѣла при такомъ положеніи?.. И какъ уничтожить это зло? Я отвѣчаю прямо,—пишетъ Ло,—лучшее, что вы можете сдѣлать, это ввѣрить ваши деньги фиску, но только не на прежнемъ основаніи, а въ качествѣ отдачи этихъ денегъ фиску въ заемъ изъ процентовъ: всякій процентъ былъ бы ему въ тягость и онъ бы его не выплатилъ на томъ основаніи, на которое я указывалъ выше. Впрочемъ, если вы откажетесь, то результатъ будетъ тотъ же: фискъ посредствомъ займовъ вызоветъ деньги изъ вашихъ сундуковъ. Этотъ способъ его разоритъ, но разоритъ также и васъ. Развѣ онъ не имѣетъ возможности, наконецъ, производить по произволу постоянно перечеканку? И по правдѣ сказать, въ настоящее время король имѣетъ совершенно основательное право на всю металлическую монету; ибо онъ единственный должникъ въ обществѣ, обязанный платить звонкой монетой; всѣ остальные должны только ассигнаціи. Ваши же права на деньги вообще состоятъ только въ правѣ обернуть ихъ, провести ихъ черезъ ваши руки, употребить ихъ для вашихъ нуждъ и желаній; внѣ этого условія онѣ должны служить нуждамъ всего общества и принадлежать ему. Онѣ носятъ не вашу печать, а печать государства, и эта печать должна предупреждать васъ постоянно, что деньги принадлежатъ вамъ только переходно, по пути своего обращенія черезъ ваши руки, и что присвоивать ихъ въ другомъ смыслѣ вы не имѣете права. Онѣ составляютъ общую и настоятельнѣйшую потребность жизни, такую же потребность какъ хлѣбъ, и потому монополизировать ихъ въ чьихъ-либо рукахъ есть тоже что монополизировать за кѣмъ-нибудь право на жизненные припасы и торговлю ими.

Ло наконецъ приходитъ къ самому больному мѣсту, къ тому обстоятельству, которое едва ли не главнымъ образомъ мотивировало всѣ эти объясненія его съ публикой. До сихъ поръ читателю могло казаться, что всѣ эти объясненія были вызваны одними жалобами прежнихъ владѣльцевъ государственныхъ рентъ и направлены къ ихъ вразумленію; онъ могъ бы усумниться въ настоятельности такихъ объясненій въ то время, когда все общество высказалось по видимому въ пользу системы Ло, разбирая наперерывъ акціи, которыя возрасли до невѣроятной цѣны.

Но это-то слишкомъ ненормальное ихъ возвышеніе и было мрачнымъ предвѣстникомъ въ глазахъ Ло, въ немъ онъ могъ прочесть заранѣе тѣ побочные разсчеты, которые овладѣли обществомъ и вызвали усиленный спросъ на акціи. Въ то время какъ Ло думалъ открыть

удобное помѣщеніе частнымъ капиталамъ и дать выгодный доходъ съ этихъ капиталовъ частнымъ лицамъ, общество разсчитало совершенно другое: оно разсчитало, что если можетъ быть выгоденъ доходъ, который сулитъ Ло, то еще выгоднѣе, при оказавшемся спросѣ на акціи, покупка ихъ, съ тѣмъ, чтобы выждавъ нѣкоторое время бо́льшей цѣны, потомъ реализировать ихъ. Такой меркантильный разсчетъ находился въ прямомъ противорѣчіи съ сущностью и логикой всей системы, съ складомъ и характеромъ мыслей Ло. Этотъ разсчетъ подрывалъ осуществленіе дѣла въ его корнѣ, и вотъ что Ло объясняетъ здѣсь совершенно прямо и откровенно.—«Эта страсть къ реализаціямъ, писалъ онъ, вызвана быстрымъ повышеніемъ цѣны на акціи. Но общество не понимаетъ, какъ его разсчеты незаконны, не понимаетъ, что эти акціи въ его рукахъ не составляютъ такой оборотной цѣнности какъ монета, что они представляютъ капиталъ, отданный на предпріятіе; капиталъ слѣдовательно связанъ съ предпріятіемъ, реализація котораго въ массѣ равна уничтоженію самаго предпріятія. Въ какомъ же частномъ предпріятіи можно во всякое время, когда вздумается, до конца оборота, безъ ущерба взять и реализировать капиталъ, положенный въ предпріятіе? Какъ же возможна реализація акцій, когда цѣна этихъ акцій превышаетъ въ настоящую минуту все серебро и золото, которое когда-либо будетъ въ государствѣ? Многіе скажутъ конечно: «это-то и показываетъ, что эти акціи составляютъ цѣнность воображаемую, химерическую, ничѣмъ не покрытую». Я отвѣчаю: всѣ ваши дома въ Парижѣ превышаютъ своей цѣнностью все золото, заключенное въ перуанскихъ пріискахъ. Что же, ваши дома и земли представляютъ поэтому химерическую цѣнность? Не слѣдуетъ ли вамъ на этомъ основаніи начать реализировать ихъ? Попробуйте, и цѣна вашихъ домовъ упадетъ до ничтожества. Что же поддерживаетъ ихъ цѣну на извѣстномъ постоянномъ уровнѣ? да то именно, что ихъ не продаютъ повально и гуртомъ для того только, чтобы реализировать, а покупаютъ и строятъ ихъ для того только, чтобы жить въ нихъ или пользоваться доходомъ, который они могутъ приносить. Поэтому-то и нужно только, чтобы общество поняло относительно акцій то, что оно изрядно понимаетъ относительно домовъ и прочаго имущества. Но этого-то оно никакъ не хочетъ понять само собою и въ такія минуты всего нужнѣе, всего чувствительнѣе рука власти, предостерегающая его отъ несчастныхъ послѣдствій его собственнаго невѣдѣнія и заблужденія, и учащая пониманію».

Таковы были разсужденія или вѣрнѣе вразумленія, съ которыми Ло обращался къ французскому обществу; и еслибы весь успѣхъ въ дѣлахъ человѣческихъ зависѣлъ отъ вѣрности разсужденій и теоретиче-

скихъ взглядовъ и чистоты намѣреній, то и Ло нечего было бы опасаться неудачи. Но въ то время, когда онъ держалъ такія рѣчи, дѣла уже начинали колебаться. Онъ напрасно увѣрялъ, что регентъ не захочетъ утратить силу кредита, которую онъ, Ло, создалъ въ его рукахъ, и выпускать чрезмѣрнаго числа банковыхъ билетовъ — регентъ пользовался этимъ кредитомъ, какъ неисчерпаемымъ родникомъ для благодѣтельствованія своихъ друзей и приближенныхъ. Ло напрасно убѣждалъ общество, что акціи составляютъ его фондъ въ предпріятіи, отъ котораго оно должно пользоваться только доходомъ, и будетъ пользоваться несравненно лучшимъ доходомъ, чѣмъ прежде. Общество смотрѣло на свое дѣло какъ на биржевую игру, а на себя само — какъ на жаднаго мѣнялу и прежде всего хотѣло реализировать.

Такова была система Ло.

Не касаясь пока причинъ, помѣшавшихъ успѣху системы, разсмотримъ теперь тотъ шагъ въ развитіи экономическихъ понятій, который составляетъ заслугу этой системы.

Въ этомъ отношеніи ничего не было превратнѣе мнѣній, утвердившихся на счетъ этой системы. Одни смѣшали съ ней всѣ заблужденія, господствовавшія въ экономическихъ понятіяхъ общества, на которыя мы сейчасъ указывали, которыя и погубили систему и противъ которыхъ она-то и враждовала,—всѣ тѣ мѣры и дѣйствія фиска, которымъ она постоянно противилась.

Ло былъ представленъ фабрикантомъ бумажныхъ денегъ, меркантилистомъ, полагавшимъ, что все богатство заключается въ бумажныхъ деньгахъ и что можно увеличить это богатство до безконечности, фабрикуя вмѣсто золотой монеты бумажную.

Другіе, и именно экономисты французской школы, считали его узкимъ приверженцемъ торговаго баланса и принципа національности въ дѣлѣ торговли,—который только и думалъ о томъ, чтобы подорвать чужеземную торговлю, обративъ торговый балансъ на сторону Франціи Третьи, какъ Луи Бланъ, представляли себѣ въ лицѣ Ло приверженца интересовъ низшаго рабочаго класса.

И тѣ и другіе способствовали къ утвержденію въ обществѣ превратныхъ мнѣній относительно системы.

Что Ло не былъ фабрикантомъ бумажныхъ денегъ, то это слишкомъ очевидно изъ всего предъидущаго изложенія. Но столько же очевидно и то, что направленіе торговаго баланса въ пользу Франціи было не единственнымъ и главнымъ стремленіемъ Ло: эти выгоды должны были оказаться сами собою, какъ слѣдствіе только той болѣе раціональной экономической системы, которую онъ предложилъ Франціи и ко-

торой бы воспользовалась Франція въ то время, какъ другія страны не пользовались бы выгодами этой системы. Въ этомъ только смыслѣ Ло говорилъ о торговомъ балансѣ, какъ о лишней выгодѣ, которую пріобрѣтетъ Франція, принявъ его систему. Но изъ этого вовсе не слѣдовало, что только въ однихъ этихъ видахъ Ло считалъ свою систему разсчетливой и раціональной, и что онъ не предложилъ бы ея, еслибы ею могли воспользоваться другія страны наравнѣ съ Франціею; его слова о торговомъ балансѣ были уступкой національнымъ интересамъ. Система его имѣла сама по себѣ несомнѣнно болѣе серьезное содержаніе, независимое отъ вопроса о балансѣ, содержаніе, упущенное изъ виду экономистами. Останавливаясь на этомъ ея содержаніи, поймемъ наконецъ, что столь же мало эта система имѣла въ виду и исключительное покровительство рабочему классу. Правда, въ своемъ полномъ объемѣ она вмѣстѣ съ тѣмъ клонилась и къ тому, чтобы занять рабочія руки; правда, рабочій долженъ былъ получить свои выгоды, но лишь тѣ выгоды, которыя даетъ ему вообще усиленное производство и развитіе богатства въ странѣ. Собственно же эта система, сосредоточивавшаяся вообще на вопросѣ объ усиленіи производства и оставившая совершенно въ сторонѣ вопросъ о распредѣленіи, устроивая производство и помѣщеніе капитала, сравнительно болѣе преслѣдовала интересы фиска и достаточныхъ классовъ. Что касается самаго содержанія системы, то я указалъ уже выше его главныя черты. Несоотвѣтствіе текущаго дѣйствительнаго производства съ существующими производительными средствами, вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго отправляется Ло. Общество производитъ гораздо меньше, чѣмъ можетъ производить; масса производительныхъ средствъ его покоится втунѣ, и потому общество менѣе богато, чѣмъ можетъ быть. Отсюда возникаетъ сама собой задача привести то и другое, т. е. производительныя средства и самое производство въ соотвѣтствіе, дать выходъ и мѣсто въ производствѣ всѣмъ средствамъ, и этой-то задачей задается Ло.

Для того, чтобы рѣшить ее, нужно прежде всего узнать, какія причины держатъ извѣстную часть производительныхъ средствъ въ связанномъ состояніи. Въ средніе вѣка, пока населеніе не такъ сильно, войны часты и способы войны занимаютъ военнымъ дѣломъ почти всѣхъ взрослыхъ, всѣ средства идутъ на своего рода производство, на производство военное. Но вотъ обстоятельства измѣняются, населеніе возрастаетъ, способы войны измѣняются — изобрѣтеніе пороха, постоянныя войска освобождаютъ значительное число рукъ для мирныхъ занятій, наступаетъ періодъ ремесла и торговли, производство изъ военнаго становится индустріальнымъ. Съ каждымъ днемъ средства произ-

водства возрастаютъ, и вскорѣ дѣйствительное производство не можетъ уже занять всѣхъ средствъ, рабочія руки остаются свободными, люди голодаютъ, и оказывается эмиграція изъ странъ менѣе торговыхъ и производительныхъ въ болѣе торговыя и богатыя. Передъ этимъ-то фактомъ и останавливается Ло: почему готовыя руки не могутъ найти занятія,—вопросъ въ недостаткѣ ли сыраго матеріала, или земель? И вотъ въ то время, какъ пытливый умъ задается такими вопросами, сама практика вещей вырабатываетъ на него отвѣтъ; сама торговля и промышленность приходитъ къ практическому открытію, отвѣчающему на вопросъ. Въ странахъ болѣе торговыхъ сама практика вещей изобрѣтаетъ *вексель*, и разсчеты по векселямъ дополняютъ разсчеты на звонкую монету, и задолго до Ло золотыхъ дѣлъ мастера становятся банкирами.

Сама практика вещей открываетъ такимъ образомъ недостаточность металлическихъ знаковъ для усложняющихся торговыхъ оборотовъ и открываетъ *кредитный знакъ*, какъ новое орудіе обмѣна.

Ло наблюдаетъ это явленіе и только констатируетъ его. Если сама практика вещей, разсуждаетъ онъ, вызываетъ кредитные знаки при извѣстномъ развитіи торговыхъ оборотовъ, стало быть, торговля для своего развитія не можетъ обойтись безъ кредитныхъ знаковъ; стало быть, ограничиваніе торговли и промышленныхъ оборотовъ разсчетами на звонкую монету и есть причина, задерживающая производство. Нужно слѣдовательно вникнуть въ вопросъ о кредитныхъ знакахъ, изслѣдовать ихъ значеніе и свойство, дать большее развитіе кредитнымъ знакамъ. Нельзя ли частные кредитные знаки, гарантируемые частными лицами, обратить въ общіе, гарантируемые государствомъ или обществомъ и черезъ это придать имъ большую силу и значеніе? Кредитные знаки дѣйствительно допускаютъ большую быстроту разсчета, они избавляютъ страну отъ необходимости покупать золото, они наконецъ даютъ возможность имѣть всегда ту сумму монетныхъ знаковъ, какую только допускаютъ средства производства. Нужно только, чтобы они были гарантированы, и такую гарантію будутъ всегда имѣть знаки центральнаго банка, обмѣниваемые на звонкую монету. Но этого еще недостаточно ни для прочности кредитныхъ знаковъ, ни для обезпеченія интересовъ производства, т. е. для дѣйствительнаго осуществленія той цѣли, съ которой они вводятся. И прочность кредитныхъ знаковъ и цѣль, съ которой они вводятся, или увеличеніе производства, достигнутся только тогда, когда эти знаки или будутъ дѣйствительно употребляемы и употребляемы на производство — чтобы они были связаны съ производствомъ, какъ орудіе, для него предназначенное и внѣ производства

не имѣющее смысла. Иначе, если всѣ выпущенные кредитные знаки, вмѣсто того, чтобы идти на увеличеніе предпріятій, представятся къ обмѣну на золото или звонкую монету, то само собою разумѣется, что при этомъ банкъ не въ состояніи будетъ ихъ выплатить, ибо число ихъ завѣдомо больше звонкой монеты и самая цѣль ихъ введенія не будетъ достигнута. И такъ нужно, чтобы эти кредитные знаки были связаны непремѣнно съ какими-либо предпріятіями. Какъ же достигнуть послѣдняго?

Для этого слѣдуетъ вникнуть въ существующую систему помѣщенія капитала вообще. Капиталъ дѣйствительно помѣщаютъ въ предпріятія; но кромѣ того существуетъ другой видъ помѣщенія—подъ залоги изъ процентовъ.

Этого рода займы дѣлаются съ казной, землевладѣльцами и вообще, наконецъ, людьми для личныхъ тратъ. Въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаяхъ капиталъ пропадаетъ для производства вовсе, или частью, и потому помѣщенія этого рода составляютъ растрату средствъ производства, а не употребленіе ихъ въ дѣло.

Слѣдуетъ поэтому тѣмъ болѣе позаботиться, чтобы знаки, выпущенные банкомъ, избѣжали такого непроизводительнаго помѣщенія, тѣмъ болѣе связать ихъ неразрывно съ производствомъ. Для этого нужно открыть такое помѣщеніе этимъ капиталамъ, которое было бы выгоднѣе текущаго помѣщенія ихъ подъ залоги. Но, открывая такое помѣщеніе, нужно помѣщенные капиталы подчинить вмѣстѣ съ тѣмъ уже и всѣмъ условіямъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ предпріятія. Эти условія заключаются въ томъ, что акціонеръ, помѣщающій капиталъ въ предпріятіе, разсчитываетъ на доходы исключительно отъ предпріятія и не имѣетъ права требовать по произволу реализаціи своего капитала отъ товарищества, которому ввѣряетъ капиталъ, и сохраняетъ лишь право продать свои права, свой пай на рынокъ.

Все это совершенно раціонально, потому что иначе всякое товарищество могло бы оказаться несостоятельнымъ съ самаго начала своего существованія, между тѣмъ какъ дѣла его могутъ давать хорошій чистый доходъ. На этомъ-то основаніи слѣдуетъ привести къ тому, чтобы билеты, выпущенные банкомъ, были обмѣниваемы въ свою очередь на акціи такого товарищества, которое бы сосредоточило въ своихъ рукахъ значительную часть производительности, и чтобы капиталисты изъ кредиторовъ банка стали акціонерами народнаго производства, съ правомъ только на доходы отъ этого производства и безъ права реализаціи своихъ капиталовъ по произволу. Этимъ только путемъ, разсуждалъ Ло, можно достигнуть того, что всѣ кредитные знаки, выпущенные банкомъ съ цѣлью увеличить производство и обороты, будутъ употреб-

лены дѣйствительно по своему назначенію и банкъ не окажется несостоятеленъ.

Это стѣсненіе возможности реализировать капиталы для лицъ, разъ помѣстившихъ ихъ, не заключало въ себѣ ничего нераціональнаго. Всякое общество при раціональномъ хозяйствѣ можетъ проживать только доходы или прибыль отъ производства, и если оно тронетъ капиталъ, то живетъ въ убытокъ, бѣднѣетъ, уничтожаетъ средства производства. Мало того, общество при нормальной системѣ хозяйства должно не только не трогать капитала, но даже сберегать часть прибыли; на этомъ только условіи оно можетъ богатѣть.

И такъ, стѣсненіе реализаціи, еслибы оно было даже абсолютное, не заключало бы въ себѣ ничего противнаго справедливости и экономическимъ интересамъ страны. А система Ло открывала полную возможность реализаціи помѣщенныхъ капиталовъ, продажей ихъ на рынкѣ. Если же Ло говорилъ противъ реализаціи вообще, то только въ смыслѣ теоретическомъ или моральномъ, какъ явленіи противномъ назначенію и сущности *капитала*. Принудить же къ этому силой онъ не думалъ.

Взвѣсивъ все это и отвлекая отъ тѣхъ частностей, которыя приняла эта система во Франціи, система Ло утверждала слѣдующее: *кредитъ есть сила, посредствомъ которой можно увеличить производство до размѣровъ, соотвѣтствующихъ размѣру производительныхъ средствъ*; но это возможно только на томъ условіи, что кредитъ дѣйствительно будетъ употребленъ на производство, а не на реализацію кредитныхъ знаковъ или на трату ихъ. Такого же производительнаго помѣщенія кредита мы достигаемъ лучше всего—замѣняя частную предпріимчивость акціонерною, какъ представляющею больше средствъ и гарантій и открывающею капиталистамъ возможность изъ кредиторовъ становиться акціонерами и непосредственно участвовать въ предпріятіи.

Изъ этого слѣдовало уже, что Ло смотрѣлъ на кредитъ вовсе не какъ на силу самостоятельную и независимую, а имѣющую смыслъ только въ связи съ производствомъ.

Въ суммѣ, что же сдѣлалъ Ло? Онъ не былъ изобрѣтателемъ кредитнаго знака, открытаго самой практикой вещей. Но онъ указалъ на то значеніе, которое отнынѣ должно было пріобрѣсти это открытіе въ экономической практикѣ; указалъ на значеніе и ту силу, которую можно извлечь изъ кредитнаго знака. Этого мало; онъ первый опредѣлилъ сущность и законы кредитнаго знака, почти такъ же, какъ это указала и дальнѣйшая практика и какъ мы его понимаемъ и теперь. Онъ указалъ, что кредитный знакъ имѣетъ силу только въ связи съ производствомъ

и не имѣетъ никакой цѣны, если онъ употребляется на непроизводительныя траты.

Это условіе составляетъ подтвержденный общепринятый законъ *кредитнаго знака*. Далѣе. Но въ тѣхъ же видахъ производства, Ло ставилъ въ законъ обращеніе частныхъ предпріятій въ *акціонерныя*, какъ представляющія больше гарантіи, открывающія помѣщеніе болѣе разнообразнымъ капиталамъ и потому стягивающія капиталы въ производство отъ непроизводительнаго помѣщенія. Онъ ставитъ такимъ образомъ акціонерное товарищество, въ свою очередь, закономъ производства. Эти два закона,—тотъ законъ, что кредитный знакъ имѣетъ значеніе только въ связи съ производствомъ, и законъ замѣненія частной предпріимчивости акціонерною, и составляютъ въ сжатомъ видѣ то достояніе, которое Ло внесъ въ науку и экономическую практику.

Если затѣмъ мы потрудимся бросить взглядъ на то направленіе, которое принялъ вопросъ кредита и производства въ экономической практикѣ, то мы увидимъ, что система Ло положила основаніе тому строю, который приняла коммерческая и промышленная дѣятельность въ текущемъ столѣтіи; онъ впервые высказалъ тѣ самыя начала, опираясь на которыя коммерческая промышленная предпріимчивость европейскихъ государствъ достигла результатовъ и размѣровъ, составляющихъ обыкновенно гордость нашего времени. Кредитъ и акціонерныя компаніи осуществили въ наше время тѣ громадныя предпріятія, о которыхъ не могли прежде и думать. Капиталы, составившіеся изъ частныхъ вкладовъ, произвели то, чего никогда не могла произвести частная личная предпріимчивость. Послѣ этого, глядя на текущую возбужденную промышленную дѣятельность, опирающуюся на кредитъ и капиталы, составленные изъ частныхъ вкладовъ, можно ли еще спорить о томъ, что Ло былъ правъ, когда онъ утверждалъ, что его система усилитъ производство? Такимъ образомъ можно сказать, что вся промышленная практика текущаго столѣтія есть осуществленіе мысли Ло; онъ угадалъ и предсказалъ тотъ порядокъ, который нынѣ осуществляется; мысли его господствуютъ надъ этимъ порядкомъ изъ глубины начала XVIII вѣка; этотъ человѣкъ какъ-бы присутствуетъ между нами и управляетъ самъ лично дѣлами коммерческаго міра — до того велико сходство и явственна печать его мысли надъ всѣмъ, что совершается. Наше время можетъ имѣть иныя ученія, иные идеалы, но какъ идеалы только; то же, что осуществляется, что въ немъ живетъ полной практической жизнью, то принадлежитъ Ло, начиная съ акціонерной системы и кончая вопросомъ о торговомъ балансѣ, который, не смотря на всю вражду къ нему экономистовъ, рѣшается на практикѣ приблизительно такъ же,

какъ рѣшалъ его и Ло. Вотъ почему въ исторіи развитія политическихъ идей текущаго вѣка системѣ Ло принадлежитъ почетное мѣсто.

Но если Ло, сосредоточивая все свое вниманіе на производствѣ, не касался вовсе вопроса о распредѣленіи, то съ другой стороны онъ въ то же время коснулся по-своему другаго вопроса, сильно тревожившаго умы въ его время и составляющаго до сихъ поръ яблоко раздора между отдѣльными школами—я разумѣю вопросъ политическій, конституціонный. Мы видѣли выше, что, съ упадкомъ торговаго періода, положеніе, которое примутъ, среди новаго направленія вещей, сословія и власть, стало серьезнымъ вопросомъ; мы видѣли, что съ началомъ того же періода власть, прежде военная, стала тяготѣть къ новому направленію и мало по малу подчиняться ему; что она изъ аристократической становилась, по выраженію французскихъ писателей, буржуазной. Стало вопросомъ, какъ далеко пойдетъ власть въ этомъ отношеніи: сольется ли она совершенно съ новымъ хозяйственнымъ направленіемъ и, оставивъ старыя преданія, не только будетъ покровительствовать, но приметъ на себя иниціативу и дѣятельную роль новаго порядка; иными словами: станетъ ли она сама во главѣ индустріальнаго порядка, или она удержитъ особое положеніе, будетъ имѣть свою роль, свою область, внѣ интересовъ, все теперь охватывающихъ? Въ такомъ случаѣ—новый вопросъ: какая будетъ эта роль? До конца XVIII вѣка власть во Франціи стремилась согласить прежнее положеніе съ новыми условіями и поддаваясь, невольно, коммерческому направленію, смотрѣла все таки на свои уступки этому направленію какъ только на средство сохранить прежнюю роль и прежнее назначеніе. Король могъ дѣлать министрами купцовъ, дозволять министрамъ вести торговлю отъ лица государя; но сдѣлаться самому купцомъ, предпочесть хозяйство войнѣ—это онъ считалъ униженіемъ власти. Людовикъ XIV могъ дозволить Кольберу заводить промышленность; но самъ думалъ, что для короля есть одно только дѣло—или воевать, или задавать праздники. Эта-то двойственность привела къ тому, что промышленность осталась неустроенною, а государство разорилось войнами и осталось послѣ смерти короля съ двумя съ половиною мильярдами долга.

Въ этомъ-то положеніи засталъ дѣло Ло. Онъ хотѣлъ побѣдить предразсудокъ и исправить ошибку. Онъ думалъ, что государство должно слиться съ хозяйственнымъ вопросомъ, — что оно должно принять на себя иниціативу коммерческаго движенія, точно также, какъ оно имѣло, среди военнаго періода, иниціативу военнаго дѣла,—что власть должна принять это положеніе, сообразное съ духомъ времени, и найти въ ней достойную роль.

Онъ не навязывалъ ей, правда, того, что̀ могло и должно было быть выполнено самимъ обществомъ, т. е. самой промышленности и хозяйственной части предпріятія, но ей должны были принадлежать инициатива и управленіе кредитомъ,—словомъ, власть законодательная и высшая распорядительная власть экономическихъ интересовъ. Общество, по мнѣнію Ло, положительно нуждалось въ такой функціи власти. Занявъ такое положеніе, власть могла не только совершить великое дѣло для страны, но и нашла бы свою настоящую роль, соотвѣтствующую условіямъ времени, и на долго упрочила бы себѣ твердое положеніе. По планамъ Ло, обязанности относительно экономическихъ вопросовъ раздѣлялись между властью и обществомъ, и власть и общество находили свое назначеніе. Общество соединялось само собой въ промышленное товарищество, въ которомъ государство было кассиромъ. Все это притомъ не нарушало ни другихъ обязанностей власти, ни другихъ функцій общества. Еслибы мысли Ло суждено было осуществиться въ этомъ отношеніи, можетъ быть, дѣла вообще приняли бы другой оборотъ и Франція избѣжала бы потрясеній первой революціи. Но планъ его не осуществился, регентство осталось вѣрно преданіямъ, которымъ слѣдовалъ Людовикъ XIV, и вопросъ, который Ло предложилъ разрѣшить регенту, остался вопросомъ. который рѣшала потомъ первая революція и который перешелъ нерѣшеннымъ для Франціи въ XIX-е столѣтіе.

Тогда-то, послѣ неудачи плановъ Ло, то, что̀ Ло думалъ возможнымъ осуществить быстро и сразу, стало осуществляться медленно и по частямъ, и Англія, болѣе всего интриговавшая противъ осуществленія плана во Франціи, прежде другихъ поспѣшила воспользоваться на практикѣ его взглядами на производство, осуществляя акціонерную предпріимчивость и богатѣя на зависть остальныхъ государствъ. Въ мысляхъ Ло она нашла то орудіе, которое отдало въ ея руки всю міровую торговлю и дало ей ту громадную силу, противъ которой Наполеонъ I счелъ нужнымъ союзъ народовъ и континентальную систему.

Почему же мысли Ло не осуществились въ свое время во Франціи? На это отвѣчаютъ обыкновенно различно. Я не буду говорить о тѣхъ, для которыхъ мысли Ло казались въ своемъ существѣ пустой химерой, а самъ Ло—фабрикантомъ бумажныхъ денегъ; эти люди лишены повидимому способности видѣть то, что̀ происходитъ кругомъ ихъ ежедневно. Другіе приписывали всю неудачу интригамъ и внѣшней и внутренней закупленности министровъ со стороны Англіи.

Что интрига играетъ своего рода роль въ большей части неудачъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но важнѣе тѣ условія, которыя ей даютъ воз-

можность дѣйствовать съ успѣхомъ, которыя сообщаютъ ей главную опору и которыхъ самихъ по себѣ достаточно бываетъ для сокрушенія предпріятія. Такъ оно было въ настоящемъ случаѣ. Ло не жаловался французскому обществу на интриги и козни; онъ указывалъ на нихъ позже въ оправдательныхъ письмахъ, которыя писалъ герцогу Бурбонскому послѣ изгнанія. Съ интригами онъ могъ надѣяться совладать лично, онъ могъ дѣйствовать противъ нихъ равносильнымъ оружіемъ. Онъ указывалъ напротивъ на другія обстоятельства, которыя вѣроятно считалъ поэтому и важнѣйшими, и намъ кажется, что вѣрнѣе всего послушать въ этомъ случаѣ его самого. Онъ указывалъ на общественное непониманіе, противъ котораго нѣтъ другаго оружія кромѣ вразумленія или власти. Онъ старался вразумлять, но въ то же время высказывалъ и сознавалъ, что планъ его шире, чище и разумнѣе того взгляда на личный интересъ, которымъ руководилось общество, что экономическіе взгляды общества слишкомъ ограниченны и меркатильны, что общество слишкомъ привыкло считать богатствомъ единственно накопленіе денегъ, и потому занято мыслью о реализаціи,—тогда какъ Ло только и говорилъ о томъ, что богатство не въ деньгахъ, а въ средствахъ производства.

Заставивъ подчиниться своему взгляду, вдругъ сдѣлать общій переворотъ во мнѣніяхъ нѣсколькими журнальными письмами трудно и даже несбыточно; и это долженъ былъ понимать Ло, когда писалъ свои письма. Поэтому-то онъ въ заключеніе указывалъ на власть: онъ надѣялся, что она поддержитъ его; но эта власть въ то же время измѣнила ему и подрывала успѣхъ его дѣла своими дѣйствіями и распоряженіями и своей расточительностью и безхарактерностью.

Онъ думалъ, что общество будетъ довольно имъ, если найдетъ выгодное помѣщеніе деньгамъ и бо́льшій доходъ, чѣмъ прежде; а общество разсчитывало, что, пропуская свое золото черезъ бумаги Ло, оно вернетъ его года черезъ два удесятереннымъ. Ло думалъ, что фискъ останется довольнымъ, если долги его облегчатся; а фискъ думалъ, что нашелъ въ дѣлѣ Ло бездонную золотую розсыпь, философскій камень, фабрикацію золота изъ бумаги. Вотъ и главныя причины, сокрушившія предпріятіе! Если билеты банка пошли, то потому, что они были объявлены постоянными, а размѣры, которые приняла быстро компанія, поощрили къ разбору акцій; а быстрый разборъ акцій возбудилъ биржевую игру, которая и погубила окончательно дѣло.

Съ паденіемъ предпріятія Ло уѣхалъ и поселился въ Венеціи, гдѣ его видѣлъ Монтескьё на старости лѣтъ. Онъ былъ все тотъ же, такъ же полонъ проектовъ и плановъ—такъ же дѣятеленъ и такъ же при-

страценъ къ игрѣ, которую любилъ съ-молода—его дѣятельная натура не могла утомиться.

ГЛАВА VII.

Въ то время, какъ система вмѣшательства въ лицѣ Ло дѣлала такія смѣлыя попытки къ поддержанію своего значенія, противоположное направленіе точно также не оставалось безъ развитія. Въ трудахъ Адама Смита, оно подготовляло вмѣшательству такой ударъ, который долженъ былъ быть долго чувствителенъ, а неудачи, которыя на дѣлѣ испытала система Ло, только еще болѣе помогли успѣху послѣдняго направленія. Книга Смита, «Опытъ о богатствѣ народовъ», стала, какъ извѣстно, надолго авторитетомъ въ экономической литературѣ, между тѣмъ какъ трудовъ Ло никто не хотѣлъ читать и всякій до послѣдняго времени считалъ себя вправѣ относиться къ нимъ даже съ прене бреженіемъ. Причина такой славы и такого перевѣса заключалась конечно не въ однихъ внутреннихъ достоинствахъ книги. Въ человѣческихъ дѣлахъ люди и вещи, какъ извѣстно, рѣдко цѣнятся по одному достоинству, и еслибы изъ трудовъ Смита могли быть извлечены только тѣ мысли, которыя въ нихъ были дѣйствительно положены авторомъ, или еслибы онъ самъ могъ явиться своимъ позднимъ истолкователемъ, а не тѣ люди, для которыхъ не столько важна истина, сколько выгодно заблужденіе, то вѣроятно и восхваленія Смита не были бы такъ всеобщи. Этимъ мы не хотимъ нисколько ослабить дѣйствительнаго достоинства трудовъ Смита, мы хотимъ сказать только, что достоинства эти могли толковаться весьма разнообразно; и дѣйствительно, послѣ Макіавелли, Смитъ кажется былъ единственнымъ писателемъ, смыслъ котораго подвергался столько разнорѣчивымъ толкованіямъ. Одно уже то обстоятельство, что писатель этотъ, такъ рѣзко и безцеремонно нападавшій на купечество какъ сословіе, такъ много говорившій объ его эгоизмѣ и безнравственности, сталъ прежде всего главной опорой и предметомъ обожанія для защитниковъ самыхъ мелкихъ вожделѣній этого сословія,—можетъ поселить сомнѣніе въ томъ, чтобы мысли его всегда толковались правильно. Причина всего этого заключалась отчасти въ самомъ способѣ изложенія или той формѣ, въ какой Смитъ передаетъ

*

эти мысли. Эта форма не всегда была ясная и опредѣленная. Въ самыхъ трудныхъ случаяхъ Смитъ осторожно обошелъ выводы и открылъ просторъ разнорѣчивымъ толкованіямъ. Не такъ конечно относительно самой мысли. Мысль Смита, выраженная прямо или нѣтъ, должна была быть болѣе опредѣленна сама по себѣ, но онъ просто считалъ безполезнымъ высказывать прямо тѣ сомнѣнія и рѣзко указывать тѣ недостатки, для исправленія которыхъ онъ не видѣлъ никакихъ средствъ и о которыхъ, съ его точки зрѣнія, было безполезно думать въ его время. Зато онъ въ то же время считалъ себя обязаннымъ съ особенной ясностью указать тѣ недостатки и заблужденія, которые казались ему ближе къ общему пониманію и легче исправимы.

Трудъ его, «Опытъ о богатствѣ народовъ», не есть поэтому только опроверженіе меркантильной теоріи или защита свободы торговли, какъ это вообще часто принималось,—это есть цѣлая критика государственнаго или политическаго механизма. Правда, механизмъ этотъ разсматривается здѣсь исключительно какъ результатъ экономическихъ причинъ, но въ полномъ его объемѣ и вопросъ о пользѣ или вредѣ вмѣшательства меркантильной политики входилъ въ критику Смита лишь какъ частный вопросъ. Если же сущность Смитовой теоріи для его истолкователей ограничивалась обыкновенно мнѣніями, высказанными имъ по этому вопросу, то это только потому, что для извѣстнаго сорта людей и писателей больше ничего и не требовалось отъ Смита. Съ этой стороны разсматривали трудъ Смита преимущественно французскіе экономисты настоящаго столѣтія, а за ними и германскіе.

Съ другой стороны, писатели, не приверженные особенно къ коммерческимъ интересамъ, останавливались преимущественно на общемъ характерѣ труда Смита и старались показать, что критика Смита простирается глубже простаго обличенія ошибокъ протекціонизма. Настолько они были дѣйствительно правы. Но ни тѣ, ни другіе,—ни французскіе буржуазные экономисты, ни экономисты-идеалисты, — не были правы, когда считали Смита своимъ сектаторомъ.

Что Смитъ не былъ простымъ защитникомъ свободы торговли, это достаточно уяснится изъ послѣдующаго; но между нимъ и идеалистами было въ то же время то существенное различіе, что, указывая извѣстные недостатки и несовершенства, онъ скорѣе готовъ былъ признать ихъ за недостатки если не совершенно безусловные и нормальные, то по крайней мѣрѣ столько неизбѣжные тому обществу, въ которомъ онъ жилъ, что говорить серьезно объ ихъ устраненіи онъ считалъ безполезнымъ. Это именно отсутствіе вѣры въ легкую осуществимость даннаго порядка,—вѣры, которою особенно отличались идеалисты,—и

останется навсегда камнемъ преткновенія, о который разобьется всякая попытка приравнить Смита къ идеалистамъ. Онъ по крайней мѣрѣ нигдѣ не далъ повода приписывать ему подобнаго тожества. Смитъ считалъ весь порядокъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстныя несовершенства результатомъ сложнаго вліянія не однихъ чисто экономическихъ условій, и это именно заставляло его считать такой порядокъ, за естественный въ разсужденіи даннаго общества. Какъ Руссо въ концѣ концовъ отказался отъ вѣры въ совершенное общество и идеальный порядокъ, такъ и Смитъ повидимому съ тѣмъ же сомнѣніемъ смотрѣлъ по крайней мѣрѣ на то общество, о которомъ ему приходилось разсуждать. Поэтому-то, излагая Смита, трудно удовлетворить какому нибудь изъ установившихся на его счетъ мнѣній.

Вѣрность истинѣ заставляетъ однако не упустить ни одного мотива и дать по возможности полный отчетъ, не упустить ни тѣхъ частей труда Смита, на которыхъ опиралось мнѣніе о немъ экономистовъ, ни тѣхъ, которыя нравились ихъ противникамъ.

Анализъ Смита начинается съ описанія или разсмотрѣнія основныхъ или элементарныхъ формацій экономическаго быта, съ описанія тѣхъ общихъ и коренныхъ экономическихъ отношеній, которыя установились сами собой и только санкціонировались, окрѣпли и наконецъ окаменѣли при посредствѣ дисциплинарнаго вліянія власти. Сюда относится возникновеніе феодальной собственности и общаго порядка распредѣленія. Каковы бы ни были эти явленія въ частности, но всякое измѣненіе и усовершенствованіе въ нихъ не мыслимо иначе, какъ черезъ прямое вмѣшательство власти. Смитъ, мало расположенный довѣрять вообще вмѣшательству, по этому самому уже не имѣлъ причинъ останавливаться на ихъ исправленіи. Другаго рода экономическія явленія, описанныя Смитомъ, принадлежали уже къ вторичнымъ, такъ сказать, наслоеніямъ въ исторіи общественныхъ явленій. Сюда можетъ быть отнесено все то въ экономической жизни, что́ не только было санкціонировано властью, но все, что́ возникло въ экономической жизни вслѣдствіе ея прямаго въ нее вмѣшательства. Этотъ пластъ болѣе поздняго историческаго образованія Смитъ считаетъ недостаточно отвердѣвшимъ, и потому противъ него-то направляются главнымъ образомъ его реформаторскія попытки. Что касается первой части, то тутъ Смитъ съ хладнокровіемъ геолога описываетъ то, что́ находитъ, указываетъ неровности и неправильности, какія вышли изъ историческаго эпоса, предоставляя читателю думать о нихъ все, что угодно.

Наконецъ, въ послѣдней части своего труда Смитъ разсматриваетъ послѣдовательно всѣ функціи, предоставляемыя обыкновенно власти, и

сортируетъ ихъ между правительствомъ и обществомъ. Эта часть составляетъ, поэтому, послѣдній практическій выводъ Смита изъ предъидущаго анализа.

Согласно этому и мы раздѣлимъ изложеніе труда Смита на три части, изъ которыхъ первая будетъ касаться основныхъ, элементарныхъ экономическихъ явленій, другая—экономической политики, и третья—выводовъ Смита относительно границъ правительственнаго вмѣшательства.

Изложеніе основныхъ экономическихъ явленій въ ихъ положительномъ видѣ находится у Смита въ строгой связи съ теоретическимъ анализомъ и классификаціей экономическихъ явленій вообще. Вслѣдствіе этого передъ читателемъ выясняется въ тоже время не только положительная или историческая сторона экономическихъ явленій, но и общая ихъ теоретическая сторона, и въ то же время обѣ части отчетливо дѣлятся между собой и не смѣшиваются другъ съ другомъ.

Нужно было большое мастерство для того, чтобы связать все разнообразіе экономическихъ явленій въ одну стройную систему, утвердить все на нѣсколькихъ основныхъ и простыхъ понятіяхъ, служащихъ остовомъ всему экономическому строю, опредѣлить основные экономическіе элементы съ математической строгостью, какъ это сдѣлалъ Смитъ. Поэтому, мы никогда не поняли бы вполнѣ Смита и его заслугъ, еслибы не выяснили себѣ вполнѣ того различія, которое онъ создалъ и утвердилъ разъ навсегда между чисто экономическимъ смысломъ и практической формой однихъ и тѣхъ же элементарныхъ экономическихъ явленій. Этимъ отдѣленіемъ въ явленіяхъ—чисто экономическаго отъ историческаго и политическаго и возведеніемъ на степень теоретическихъ незыблемыхъ основаній только извѣстныхъ сторонъ этихъ явленій, этимъ очищеніемъ, такъ сказать, и строгимъ анализомъ экономическаго отъ историческаго матеріала, Смитъ и оказалъ особую заслугу наукѣ.

Отдѣливъ въ ряду экономическихъ явленій нѣсколько главныхъ и элементарныхъ отъ второстепенныхъ, а въ самыхъ элементарныхъ явленіяхъ ихъ существенную сторону отъ случайной, Смитъ тѣмъ самымъ придалъ тѣмъ же явленіямъ, понятіямъ и терминамъ различныя границы и значенія въ ихъ теоретическомъ смыслѣ отъ тѣхъ же явленій въ ихъ положительной формѣ. Послѣ этого одни и тѣ же термины должны были получить два, часто различные смысла: одинъ смыслъ—теоретическій, чисто экономическій или гипотетическій, и другой смыслъ—эмпирическій или историческій, которые нельзя было смѣшивать другъ съ другомъ. Рента, напримѣръ, въ эмпирическомъ смыслѣ есть просто плата арендатора собственнику земли; рента въ смыслѣ чисто экономическомъ, какъ увидимъ

вскорѣ, можетъ существовать независимо отъ того, платитъ ли собственнику земли что-либо арендаторъ или нѣтъ, или даже существуютъ ли въ странѣ поземельные арендаторы. При этомъ тѣ отдѣльныя понятія и части, на разсмотрѣніе которыхъ разбивается изложеніе Смита, не расходятся врозь, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ части цѣлаго, связываются въ одно однимъ общимъ понятіемъ.

Каждая наука имѣетъ такое особое основное понятіе, которымъ опредѣляется предметъ ея и кругъ подлежащаго ея разработкѣ матеріала, ея сфера. Смитъ сразу опредѣляетъ кругъ предметовъ, подлежащихъ его изслѣдованію, понятіемъ цѣны.

Цѣна служитъ для Смита тѣмъ общимъ генерическимъ, родовымъ явленіемъ, или, вѣрнѣе, общимъ генерическимъ признакомъ экономическаго явленія, которое обнимаетъ всѣ остальные.

Дѣйствительно, только то, что имѣетъ цѣну, становится предметомъ экономическаго изслѣдованія; только цѣна вещей даетъ начало экономическому вопросу. Вещи, не имѣющія цѣны, какъ воздухъ, и не составляютъ экономическаго вопроса, и еслибы всѣ вещи вообще находились въ точно такомъ же положеніи, то самая наука общественной экономіи не имѣла бы мѣста въ настоящемъ ея видѣ.

Поэтому опредѣленіе условій происхожденія цѣны и изслѣдованіе составныхъ элементовъ, ее опредѣляющихъ, и служитъ для Смита ключемъ къ объясненію всѣхъ дальнѣйшихъ особенностей экономическаго процесса.

Цѣна представляетъ собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, явленіе самое общедоступное, обыденное, конкретное и осязательное для каждаго. Съ него-то Смитъ и начинаетъ свое изложеніе.

Разсматривая это явленіе, Смитъ прежде всего обращается къ причинамъ, обусловливающимъ его происхожденіе. Такія условія оказываются въ условіяхъ производства вещей, въ зависимости вещей отъ человѣческаго труда, отъ матеріала, изъ котораго дѣлаются вещи и который даютъ силы природы, и ограниченности того и другаго; а потому прежде, чѣмъ разсматривать цѣну вещей, приходится разсмотрѣть цѣну труда, капитала и силъ природы, изъ которыхъ слагается эта цѣна вещей.

Между этими элементами цѣны существуетъ извѣстное отношеніе, но притомъ отношеніе не постоянное, а измѣняющееся по извѣстному правильному закону. Относительная цѣна этихъ элементовъ съ развитіемъ общества измѣняется съ извѣстной правильностью: трудъ дешевѣетъ, капиталъ также, силы природы возрастаютъ въ цѣнѣ. Это из-

мѣненіе, взятое въ суммѣ, такимъ образомъ вліяетъ вообще на цѣну вещей, что цѣна вещей, вообще говоря, должна удешевляться. Это первое существенное условіе, которое вытекаетъ для цѣны изъ разсмотрѣнія элементовъ, ее обусловливающихъ. Второе, за нимъ слѣдующее, заключается въ томъ, что означенные элементы не составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ элементовъ нераздѣльныхъ, раздѣляемыхъ только теоретически, ради удобства изслѣдованія, а составляютъ элементы совершенно раздѣлимые въ эмпирическомъ смыслѣ, такъ что въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно точно также говорить о цѣнѣ труда, капитала и т. д., какъ и о цѣнѣ каждой вещи. Изъ этихъ двухъ условій первое вполнѣ направлено къ общей выгодѣ, и потому никакое общество не могло бы желать его устраненія, еслибы даже это было въ его власти. Оно само по себѣ не устранимо, оно составляетъ законъ, надъ которымъ не властна воля человѣка. Другое, напротивъ, вполнѣ подчинено, по мнѣнію Смита, человѣческому произволу: общество—думаетъ онъ—можетъ существовать точно также при допущенномъ раздѣленіи элементовъ цѣны, какъ и не допуская такого раздѣленія въ эмпирическомъ смыслѣ. Но если оно допуститъ къ свободному дѣйствію на практикѣ оба условія, то, соображая послѣдствія, изъ нихъ вытекающія, не трудно видѣть, что самое устройство этого общества должно получить въ послѣднемъ случаѣ различный и своеобразный видъ. Такъ какъ между цѣнами на трудъ, капиталъ и пр. не существуетъ не только равенства, но даже постояннаго отношенія, то это же самое неравенство и непостоянство отношеній должно отразиться и на устройствѣ общества, допускающаго раздѣленіе труда, капитала и силъ природы, какъ независимыхъ отдѣльныхъ вещей.

Такимъ образомъ, изъ двухъ вышеозначенныхъ коренныхъ условій первое не вліяетъ вовсе на форму или устройство общества, которое оказывается зависящимъ исключительно отъ одного послѣдняго условія. Такова основная экономическая теорема, у которой беретъ свое начало все разнообразіе экономическихъ положеній, по мнѣнію Смита. Противъ послѣдняго замѣчанія кажется едва ли кто-либо сталъ бы вообще спорить. Спорятъ обыкновенно противъ возможности для общества недопускать нераздѣльнаго положенія этихъ элементовъ. Таково было мнѣніе болѣе позднихъ экономистовъ.

Адамъ Смитъ, не касаясь прямо этого частнаго вопроса, принималъ такое раздѣльное пользованіе элементами цѣны, какъ самостоятельными вещами, какъ совершившійся фактъ. Для такого общества теоретическія отношенія между элементами цѣны и измѣненія въ этихъ отноше-

ніяхъ теряли значеніе чисто отвлеченное и аналитическое, и обращались въ положительный законъ отношеній между людьми или лицами и сословіями. Въ этомъ смыслѣ Смитъ и разсматривалъ элементы цѣны и отношенія между ними. Все, что онъ говорилъ о нихъ, было вѣрно—прежде всего въ смыслѣ аналитическомъ, а въ разсужденіи того общества, къ которому онъ обращался, оно становилось само собой вѣрно въ смыслѣ эмпирическомъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, перейдемъ къ изложенію самыхъ отношеній между элементами цѣны, какъ они развиты у Смита.

«Всякая вещь, за которую мы платимъ извѣстную цѣну на рынкѣ, пишетъ Смитъ, достается намъ не непосредственно изъ рукъ природы. Она приходитъ къ намъ такою, какъ мы ее получаемъ, только при посредствѣ и содѣйствіи многихъ лицъ, она составляетъ результатъ предварительныхъ тратъ труда и денегъ.

«Всѣ эти траты должны естественно войти въ составъ цѣны вещи. А потому стоитъ разсмотрѣть только траты, входящія въ производство вещи, для того чтобы получить составныя части цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую цѣну. Производство вещи требуетъ, во первыхъ, пріобрѣтенія орудій, необходимыхъ для производства вещи; во вторыхъ, труда для производства самой вещи; въ третьихъ, пріобрѣтенія сыраго матеріала и помѣщенія, необходимыхъ для производства вещи. Такимъ образомъ въ производствѣ участвовали три дѣятеля, рабочіе, капиталистъ и силы природы, давшія сырой матеріалъ. Всѣ эти три дѣятеля, трудъ, капиталъ и земля, или силы природы, имѣютъ свою цѣну. А потому въ составъ цѣны должны войти стоимость труда, стоимость капитала и стоимость земли.

«Въ каждомъ обществѣ, въ каждой мѣстности, говоритъ Смитъ, существуетъ средняя величина платы за наемъ труда, такая же величина платы за наемъ капитала, или прибыль, и такая же величина за наемъ земли, или рента. Эту среднюю величину можно назвать естественной цѣной ренты, заработной платы и прибыли для данной мѣстности и времени; а цѣну вещей, составляющую сумму этихъ предварительныхъ тратъ на ея производство,—естественной цѣной вещи. Въ дѣйствительности рыночная цѣна однако рѣдко равна естественной. Обыкновенно она бываетъ то выше, то ниже ея, и это зависитъ отъ отношенія между количествомъ товара, существующаго на рынкѣ, и количествомъ требованія на товаръ. Такъ какъ для производителей трудно угадать точно количество спроса и не всегда возможно соразмѣрить производство съ количествомъ спроса, то оба эти количества рѣдко совпадаютъ

между собой. Но такъ какъ въ то же время они стремятся къ равновѣсію, то и естественная цѣна, говоритъ Смитъ, составляетъ сталобыть средоточіе, къ которому стремятся постоянно цѣны всѣхъ товаровъ. Сама естественная цѣна колеблется вмѣстѣ съ измѣненіемъ естественной величины каждой изъ своихъ составныхъ частей, ренты, рабочей платы и прибыли.»

Такимъ образомъ анализъ цѣны привелъ Смита къ тремъ новымъ понятіямъ, заработной платѣ, прибыли и рентѣ, которыя подлежатъ въ свою очередь изслѣдованію. Смитъ предполагаетъ изслѣдовать, какія условія опредѣляютъ величину каждой изъ этихъ трехъ составныхъ частей цѣны. Размѣръ этихъ частей измѣняется въ каждой странѣ, смотря по условіямъ, въ которыхъ находится общество, по его богатству и бѣдности, по движенію его впередъ, неподвижности или паденію. Эти условія оказываютъ, по его мнѣнію, несравненно больше вліянія на ренту, чѣмъ на оба остальные фактора. Хотя денежная плата за трудъ и прибыль бываютъ весьма не сходны при различномъ положеніи труда и капитала, тѣмъ не менѣе, кажется, существуетъ извѣстное соотвѣтствіе между денежными платами за трудъ, къ какой бы работѣ онъ ни былъ приложенъ, также какъ и между денежными прибылями на капиталъ, на какое бы предпріятіе онъ ни былъ употребляемъ,—соотвѣтствіе, на которое не имѣютъ значительнаго вліянія ни богатство ни бѣдность общества, ни его поступательное движеніе ни паденіе; напротивъ того кажется, что при различномъ состояніи обществъ это отношеніе держится на одномъ и томъ же уровнѣ, такъ что въ послѣднемъ счетѣ общая величина этого уровня почти исключительно зависитъ отъ законовъ и общественныхъ учрежденій. Напротивъ того величина ренты зависитъ не только отъ законодательства, но и отъ внѣшнихъ условій, отъ него не зависящихъ.

Это предположеніе относительно рабочей платы Смитъ разъясняетъ слѣдующимъ образомъ. Я привожу его собственныя слова:

«Въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ феодальному завоеванію и феодальному поземельному устройству и скопленію капиталовъ, все произведеніе труда нераздѣльно принадлежало работнику. Еслибы это состояніе продолжалось, то заработная плата возвысилась бы по мѣрѣ увеличенія производительной силы труда. Всѣ предметы становились бы постепенно дешевле. Они производились бы все меньшимъ количествомъ труда и покупались бы такимъ же количествомъ произведеній, потому что при такомъ положеніи естественно обмѣнивались бы одинъ за другимъ товары, произведенные равнымъ количествомъ труда.

«Но это первобытное состояніе не могло продолжаться послѣ того, какъ введено было феодальное поземельное устройство и произошло скопленіе капиталовъ; оно прекратилось задолго до того времени, какъ производительная сила труда достигла значительной степени совершенства, такъ что было бы совершенно безполезно изслѣдовать болѣе раннее дѣйствіе этого состоянія на вознагражденіе за трудъ или заработную плату.

«Какъ скоро покоренная территорія разбилась на феодальныя поземельныя единицы, землевладѣлецъ потребовалъ въ свою пользу почти все количество произведеній, какое земледѣлецъ можетъ взрастить или получить съ нея. Рента его стала первымъ вычетомъ изъ труда, приложеннаго къ землѣ.

«Рѣдко случается, чтобы земледѣлецъ, воздѣлывающій землю, имѣлъ достаточно средствъ прокормить себя до собранія жатвы. Обыкновенно же содержаніе свое онъ получаетъ изъ капитала хозяина или фермера, который естественно не взялся бы за это дѣло, еслибы не разсчитывалъ заранѣе или на часть его труда или на возвращеніе капитала съ прибылью. Эта прибыль составляетъ второй вычетъ изъ труда, приложеннаго къ землѣ.

«Произведеніе почти всякаго другаго труда подлежитъ такому же вычету въ пользу капитала. Въ каждомъ ремеслѣ, въ каждой промышленности работникъ большей частью имѣетъ хозяина, который бы доставилъ ему матеріалы для труда и средства существованія до совершеннаго окончанія работы. Хозяинъ удерживаетъ за собою часть произведеній или той цѣнности, которую трудъ присоединяетъ къ обрабатываемому имъ матеріалу, и эта часть составляетъ его прибыль.

«Величина заработной платы опредѣляется обыкновенно взаимными условіями обоихъ этихъ лицъ, выгоды которыхъ совершенно противоположны другъ другу. Работникъ старается выговорить какъ можно больше, хозяева—дать какъ можно меньше; первые расположены къ стачкѣ для повышенія заработной платы, вторые къ стачкѣ для ея пониженія.»

Объяснивъ положеніе рабочей платы въ зависимости отъ историко-юридическихъ основаній, Смитъ разсматриваетъ, какое вліяніе оказываютъ на уровень ея второстепенныя условія.

Разсматривая вліяніе этихъ условій на только-что указанный имъ предѣлъ, около котораго должна колебаться рабочая плата, Смитъ находитъ, что эти второстепенныя условія и именно поступательное развитіе богатства, недостаточныя для измѣненія самаго закона, обусловливающаго низкій уровень рабочей платы, могутъ тѣмъ не менѣе спо-

собствовать то повышенію, то пониженію этого уровня до извѣстной степени.

«Существуютъ, впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства, благопріятныя для работника, пишетъ онъ, и дающія ему возможность высоко поднять заработную плату противъ обыкновенной цѣны ея, которая очевидно ниже всего, что̀ можетъ быть внушено человѣческимъ чувствомъ. Когда въ какой-либо странѣ постоянно возрастаетъ потребность въ людяхъ, живущихъ задѣльной платой, то работникамъ нечего прибѣгать къ стачкамъ. Недостатокъ рукъ вызываетъ конкурренцію между хозяевами, которые подрываютъ другъ друга и, привлекая къ себѣ рабочихъ, возвышаютъ рабочую плату. «Очевидно,—говоритъ Смитъ,—что такое явленіе можетъ происходить только при увеличеніи капиталовъ, предназначенныхъ на производство или содержаніе труда.» Смитъ подтверждаетъ это примѣрами.

Разсматривая дѣйствительный уровень рабочей платы въ различныхъ странахъ, Смитъ останавливается на серьезной разницѣ, которая существуетъ между рабочими платами въ странахъ, быстро развивающихся, находящихся въ застоѣ и падающихъ. Въ Сѣверной Америкѣ, быстро развивающейся, существуетъ и самая высокая рабочая плата. Въ Нью-Іоркской колоніи, пишетъ Смитъ, простой чернорабочій получаетъ 2 шиллинга въ день; корабельный плотникъ 6 шилл. 6 пенсовъ, обыкновенный плотникъ и каменщикъ 4 шилл. 6 пенсовъ. Всѣ эти цѣны выше лондонскихъ, между тѣмъ какъ во всей Сѣверной Америкѣ съѣстные припасы несравненно дешевле, чѣмъ въ Англіи: въ самые дурные годы тамъ уменьшалось только количество ввозимаго хлѣба. При такихъ условіяхъ населеніе растетъ съ неимовѣрной быстротой; оно удвоивается въ 20 — 25 лѣтъ независимо отъ переселеній изъ Европы, въ то время какъ въ Европѣ населеніе удвоивается не менѣе какъ въ 500 лѣтъ. Трудъ каждаго юноши, прежде чѣмъ онъ достигаетъ совершеннолѣтія, даетъ 100 фунтовъ въ годъ чистаго дохода. Ничего нѣтъ стало быть удивительнаго, что въ Америкѣ женятся обыкновенно очень рано, а это-то и ведетъ къ необыкновенно быстрому распложенію. Несмотря на то однако, тамъ постоянно слышатся жалобы на недостатокъ рукъ, и это явленіе, отъ котораго зависитъ высокій уровень рабочей платы, по мнѣнію Смита, слѣдуетъ объяснять ничѣмъ инымъ, какъ быстротой, съ какой растетъ здѣсь производство.

Напротивъ того, въ странѣ, хотя и очень богатой, но производство или богатство которой мало уже дѣлаетъ успѣховъ или находится въ застоѣ, заработная плата никогда не можетъ быть высока. «Доходы и капиталы ея жителей, предназначающіеся на содержаніе труда, могутъ

быть очень значительны, но если въ продолженіе многихъ столѣтій они находятся въ одномъ положеніи, то число работниковъ можетъ скоро удовлетворить и даже превысить потребность въ нихъ,—а слѣдствіемъ этого будетъ недостатокъ въ рабочихъ и упадокъ рабочей платы.»

Такую страну, богатую, но производство которой находится въ застоѣ, представляетъ Китай. Здѣсь рабочая плата оказывается доведенною почти до крайняго предѣла. «Бѣдность низшихъ классовъ народа въ Китаѣ превосходитъ бѣдность самыхъ несчастныхъ народовъ Европы. Въ окрестностяхъ Кантона, многія сотни, говорятъ, даже тысячи семействъ не имѣютъ помѣщенія на землѣ и живутъ обыкновенно въ маленькихъ рыбачьихъ лодкахъ по рѣкамъ и каналамъ. Отсутствіе всякого средства пропитанія побуждаетъ ихъ жадно бросаться за всякой дрянью, выбрасываемой европейскими кораблями. Какая нибудь падаль, дохлая кошка или собака, вонючая и полусгнившая, составляетъ для нихъ такую же пріятную пищу, какъ кусокъ свѣжей говядины для жителя другой страны. Бракъ поощряется въ Китаѣ не выгодой, доставляемой дѣтьми, а дозволеніемъ умерщвлять ихъ. Хотя Китай,—прибавляетъ Смитъ,—и находится въ неподвижномъ состояніи, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ шелъ назадъ. Населеніе его городовъ не уменьшается, разъ воздѣланныя земли не перестаютъ обрабатываться. Поэтому, количество труда остается въ немъ одно и то же, а стало быть и средства, назначенныя для содержанія рабочаго, не уменьшаются замѣтнымъ образомъ. Слѣдовательно должны же рабочіе и здѣсь находить средства, которыя бы поддерживали ихъ число на одномъ и томъ же уровнѣ.»

Поэтому, китайская заработная плата не представляетъ еще крайняго предѣла, до котораго можетъ пасть въ дѣйствительности рабочая плата. Въ странѣ, гдѣ производство идетъ къ упадку, мы встрѣтили бы иныя и еще худшія послѣдствія, чѣмъ въ Китаѣ, говоритъ Смитъ. Потребность въ работникахъ уменьшалась бы ежегодно. Большое число рабочихъ, приготовленныхъ къ высшимъ занятіямъ, по недостатку занятій должно бы было обращаться къ занятіямъ низшаго порядка. Вслѣдствіе этого образовалась бы такая конкурренція, при которой множество рабочихъ осталось бы безусловно безъ работы и должно было бы вымирать съ голоду до тѣхъ поръ, пока этимъ путемъ число рабочихъ не сократилось бы до настоящихъ размѣровъ. Есть дѣйствительно страны, отвѣчающія такому положенію. «Таково, пишетъ Смитъ, быть можетъ, настоящее положеніе Бенгаліи и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ колоній въ Остъ-Индіи. Если въ этой плодоносной странѣ, которая потеряла уже значительное количество населенія, ежегодно уми-

раетъ съ голоду отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ народа, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ такой странѣ средства, предназначенныя для содержанія низшихъ классовъ, быстро понижаются. Различіе между положеніемъ Сѣверной Америки и положеніемъ Остъ-Индіи, прибавляетъ Смитъ, лучше всего даетъ почувствовать различіе между духомъ британской конституціи, управляющей первою, и духомъ меркантильной компаніи, господствующей надъ второй. Поэтому, заключаетъ Смитъ, 1) заработная плата, щедро вознаграждающая за трудъ, представляетъ одновременно и неизбѣжное послѣдствіе и естественный признакъ увеличенія благосостоянія; 2) заработная плата, представляющая работнику скудныя средства для существованія, обозначаетъ неподвижное состояніе; 3) наконецъ задѣльная плата, дающая ему такія несчастныя средства, что онъ можетъ умереть съ голоду, служитъ доказательствомъ, что богатство быстро исчезаетъ.

Сравнивая послѣ этого положеніе Англіи съ приведенными странами, Смитъ находитъ, что англійская заработная плата, а вмѣстѣ съ ней и европейская вообще, занимаетъ средину между приведенными крайностями и соотвѣтствуетъ такому производству, которое хотя и не особенно быстро, но все-таки развивается. Плата эта несомнѣнно выше той, какая существуетъ въ Китаѣ, хотя и ниже американской, и если китайская плата даетъ возможность по крайней мѣрѣ не убавляться населенію, то англійская плата должна очевидно превышать все-таки крайне необходимыя средства, дающія возможность работнику содержать семью. Вѣрность такого предположенія, по мнѣнію Смита, подтверждается слѣдующими условіями.

Въ Англіи рабочая плата лѣтомъ выше, чѣмъ зимой, между тѣмъ какъ зимой средства существованія дороже. Въ Великобританіи заработная плата не измѣняется при постоянно измѣняющейся величинѣ товаровъ, и въ то время, какъ послѣдняя измѣняется безпрестанно, плата за трудъ остается неизмѣнной нерѣдко въ теченіе полустолѣтія. Въ-третьихъ, заработная плата въ большихъ городахъ обыкновенно выше, чѣмъ въ окрестностяхъ и деревняхъ. Въ Лондонѣ чернорабочею платою можно считать 18 пенсовъ, въ окрестностяхъ Лондона она падаетъ до 15 пенсовъ, а въ окрестностяхъ Эдинбурга до 8 пенсовъ, между тѣмъ цѣна мяса и хлѣба почти одинакова во всей странѣ, и даже въ Лондонѣ она часто бываетъ ниже, чѣмъ въ провинціи, а въ Шотландіи цѣна на хлѣбъ, привозимый изъ Англіи, конечно скорѣе должна быть выше, чѣмъ въ Англіи, между тѣмъ какъ рабочая плата ниже. Въ-четвертыхъ, наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что цѣна на хлѣбъ въ XVII вѣкѣ была выше, чѣмъ въ XVIII, между тѣмъ какъ рабочая

плата была въ тоже время въ XVII вѣкѣ ниже, чѣмъ въ настоящемъ.

Эти противорѣчія между цѣнами на припасы и цѣной на трудъ должны приводить, по мнѣнію Смита, къ тому утѣшительному выводу, что заработная плата, не смотря на свою низкость въ Англіи, все-таки выше крайняго своего предѣла.

Далѣе, кромѣ измѣненія по мѣстностямъ рабочая плата измѣняется по занятіямъ. Это измѣненіе опредѣляется тѣмъ же закономъ спроса и предложенія на рабочія руки; но такъ это отношеніе между спросомъ и предложеніемъ для различныхъ профессій бываетъ различно, то столь же различна бываетъ и рабочая плата по профессіямъ.

Есть существенныя условія, ограничивающія количество предлагаемой работы на одни занятія и усиливающія количество предлагаемой работы на другія занятія. Тамъ, гдѣ предложеніе больше, рабочая плата ниже и обратно.

Смитъ перечисляетъ пять условій, вліяющихъ на количество предложенія по занятіямъ:

1) Степень удовольствія или неудовольствія, доставляемаго самимъ занятіемъ; 2) Величина труда и капитала, истрачиваемыхъ на предварительное изученіе и приготовленіе къ занятію; 3) Постоянство работы, доставляемой занятіемъ; 4) Степень довѣрія, требующаяся отъ лица данной профессіи; 5) Степень вѣроятности успѣха или неудачи.

Всѣ эти условія дѣлаютъ относительное количество предложенія на тѣ или другія профессіи весьма различнымъ. Величина предложенія ограничивается еще болѣе, если противъ предложенія дѣйствуетъ нѣсколько означенныхъ условій вмѣстѣ. Есть даже занятія, въ которыхъ всѣ условія соединяются вмѣстѣ, дѣйствуя противъ предложенія. Таково напримѣръ занятіе адвокатовъ. Занятіе это само по себѣ—безпокойное и нелегкое, требующее значительной предварительной подготовки; постоянство работы въ немъ весьма условное; вѣроятность успѣха еще условнѣе, а степень довѣрія, которой долженъ обладать человѣкъ, весьма значительна. Въ такихъ занятіяхъ, поэтому, заработная плата должна значительно возвышаться въ сравненіи съ остальными. Но эти условія оказываютъ свое вліяніе и въ самыхъ простыхъ профессіяхъ. Такъ напримѣръ рабочая плата рудокоповъ выше, чѣмъ плата обыкновеннаго рабочаго, а плата портнаго ниже, чѣмъ плата другаго ремесленника, напр. кузнеца,—на томъ основаніи, что работа рудокопа тяжелѣе работы простаго поденщика, а работа кузнеца тяжелѣе работы портнаго.

Наконецъ величина рабочей платы измѣняется вслѣдствіе правитель-

ственнаго вмѣшательства въ свободу промысловъ, вслѣдствіе промышленнаго законодательства, стѣсняющаго отправленіе однихъ промысловъ въ сравненіи съ другими. Этимъ путемъ искусственно сокращается количество предложенія на трудъ, отправленіе котораго стѣснено, и слѣдовательно возвышается заработная плата въ стѣсненныхъ промыслахъ.

Но мы отнесемъ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ замѣчаній Смита къ той части изложенія, которая будетъ касаться вообще вопроса о вмѣшательствѣ.

Точно такимъ же образомъ Смитъ разсматриваетъ прибыль и поземельный доходъ.

Величина прибыли опредѣляется для Смита тѣми же условіями, какъ и заработная плата, т. е. отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на капиталъ: по мѣрѣ того, какъ число капиталовъ растетъ, прибыль уменьшается, точно также какъ уменьшается рабочая плата по мѣрѣ возрастанія числа рукъ. Поэтому, прибыль какъ и рабочая плата въ данное время въ данной мѣстности колеблется около общаго средняго уровня, еще болѣе равномѣрнаго для всѣхъ производствъ, чѣмъ рабочая плата. Прибыль эта въ частности бываетъ конечно весьма разнообразна, и потому точное опредѣленіе означеннаго уровня конечно затруднительно. Но объ немъ можно судить, по мнѣнію Смита, болѣе или менѣе вѣрно по уровню процента и существующей наемной платы на капиталъ. Прибыль должна быть конечно выше этого процента, но возвышеніе процента на капиталъ должно, по мнѣнію Смита, находиться въ прямой связи съ возвышеніемъ прибыли и обратно, ибо естественно, что большее требованіе на капиталъ должно вызываться большими прибылями. Въ общей сложности, какъ процентъ на капиталъ, такъ и прибыль, съ развитіемъ общества и по мѣрѣ увеличенія капиталовъ, должны непремѣнно уменьшаться; между тѣмъ какъ возрастаніе производства и скопленіе капиталовъ въ частности способствуетъ извѣстному возвышенію уровня рабочей платы, поступательное движеніе общества стремится постоянно понизить прибыль.

Впрочемъ это различіе лишь второстепенное, и, говоря точно, слѣдовало бы сказать, что поступательное движеніе и увеличеніе капиталовъ не возвышаетъ, а только воздерживаетъ рабочую плату отъ крайняго паденія. Въ общей же сложности, какъ соглашается и Смитъ, въ странѣ, достигшей наибольшей степени благосостоянія, какая только возможна при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ разсматривалъ вопросъ, и рабочая плата и прибыль по всей вѣроятности будутъ очень низки.

Далѣе, изъ пяти условій, оказывающихъ вліяніе на величину рабочей платы по профессіямъ, по мнѣнію Смита, только два: удовольствіе или отвращеніе, и прочность или рискъ предпріятія, оказываютъ вліяніе на величину прибыли, — и то удовольствіе или отвращеніе въ большей части случаевъ не оказываютъ почти вовсе никакого вліянія, а рискъ хотя и поднимаетъ прибыль, но это возвышеніе повидимому не всегда соотвѣтствуетъ величинѣ риска.

Совершенно другое представляетъ поземельный доходъ.

Поземельный доходъ, по мнѣнію Смита, составляетъ самую высокую цѣну, какую только можетъ заплатить арендаторъ владѣльцу земли. Этотъ maximum дохода, на уплату котораго землевладѣльцу можетъ согласиться фермеръ, Смитъ называетъ естественнымъ уровнемъ *ренты*. Можно было бы предположить, говоритъ Смитъ, что рента есть только доходъ за улучшеніе и устройство, существующія на арендуемой землѣ, но это было бы невѣрно; потому, во-первыхъ, что землевладѣлецъ беретъ этотъ доходъ не только за то устройство, которое создано имъ самимъ, но вообще за всѣ преимущества, представляемыя даннымъ участкомъ, и во-вторыхъ взимаетъ ренту съ того, что вовсе не можетъ быть усовершенствовано человѣкомъ.

Поэтому — говоритъ Смитъ — «*поземельный доходъ представляется, естественнымъ образомъ, монополіей*», — иначе, по мнѣнію Смита, это — налогъ, который можетъ быть взятъ землевладѣльцемъ съ арендатора въ силу права собственности перваго на землю.

Таковы представленія Смита о рентѣ.

Величина этого налога опредѣляется естественной цѣной произведеній, а цѣна произведеній спросомъ на нихъ.

«Существуютъ такія произведенія, спросъ на которыя долженъ быть постоянно таковъ, что они дадутъ больше, чѣмъ стоитъ ихъ производство; могутъ существовать другія, потребность въ которыхъ будетъ колебаться, такъ что иногда они дадутъ больше, иногда меньше того, что стоитъ снабженіе ими рынка, т. е. дадутъ или не дадутъ ренты.

Поэтому, говоритъ Смитъ, рента совершенно иначе входитъ въ цѣну произведеній, чѣмъ прибыль и рабочая плата. Рабочая плата и прибыль управляютъ величиной цѣны, между тѣмъ какъ рента не оказываетъ никакого вліянія на цѣну товара, а является только слѣдствіемъ высокой цѣны, ею опредѣляемой, отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Былъ ли бы поземельный собственникъ или нѣтъ, существовала ли бы монополія поземельная или нѣтъ, отъ этого цѣна произведеній земли не стала бы ни больше ни меньше, а осталась бы совершенно та же какъ и теперь, хлѣбъ не стоилъ бы дешевле и земля

принесла бы совершенно тотъ же чистый доходъ какъ и теперь, разница была бы только въ дальнѣйшемъ направленіи этого дохода или его распредѣленіи.

Къ числу произведеній, дающихъ постоянно возможность уплатить ренту, Смитъ относитъ произведенія, служащія пищей. — Спросъ на предметы пропитанія, по его мнѣнію, всегда достаточно значителенъ для того, чтобы цѣна ихъ покрывала съ избыткомъ стоимость производства. «На самыхъ пустынныхъ болотахъ Шотландіи и Норвегіи можно содержать, говоритъ онъ, количество скота, доставляющее возможность не только содержать уходъ за нимъ и покрыть прибыль арендатора, но и заплатить извѣстную ренту землевладѣльцу.» Поэтому, думаетъ Смитъ, рента и прибыль полей, употребляемыхъ на производство пищи управляютъ рентой и прибылью всѣхъ прочихъ участковъ. Если рента, даваемая льномъ, будетъ выше ренты, доставляемой хлѣбомъ, то часть хлѣбныхъ участковъ отойдетъ подъ ленъ, и посторонними производствами будутъ заняты только тѣ участки, которые даютъ большую ренту при этихъ производствахъ, чѣмъ далъ бы хлѣбъ.

Такимъ образомъ произведенія земли, служащія главной пищей въ странѣ, управляютъ, по мнѣнію Смита, производствомъ всѣхъ остальныхъ сырыхъ произведеній. Тамъ, гдѣ эту главную пищу составляетъ хлѣбъ, тамъ хлѣбъ и управляетъ производствомъ всѣхъ прочихъ участковъ. Еслибы хлѣбъ замѣнился другимъ какимъ-либо растеніемъ, примѣрно картофелемъ, то картофель, а не хлѣбъ, управлялъ бы производствомъ. Словомъ, по мнѣнію Смита, обработкой участковъ должна постоянно управлять рента, доставляемая тѣмъ продуктомъ, который составляетъ общую пищу народа.

Изъ всѣхъ произведеній земли повидимому одна только пища человѣка постоянно и неизмѣнно доставляетъ возможность уплатить поземельную ренту. Двѣ главнѣйшія потребности послѣ пищи: жилище и одежда, иногда даютъ ренту, иногда нѣтъ.

Пища составляетъ самую настоятельную и поглощающую всего больше труда потребность, особенно въ первобытное время. Матеріалы для жилища и одежды въ это время въ особенности гораздо легче достаются, чѣмъ пища. Въ грубомъ состояніи земля можетъ доставить матеріалъ для одежды и жилища большему числу людей, чѣмъ она можетъ пропитать. Напротивъ того, по мѣрѣ успѣховъ культуры, пища начинаетъ добываться все меньшимъ трудомъ и тогда одежда и жилище начинаютъ поглощать излишекъ труда, остающійся за оплатою пищи.

Когда при содѣйствіи успѣховъ знанія и культуры, работа одного

семейства можетъ прокормить два семейства, тогда половина народнаго труда можетъ быть обращена на удовлетвореніе другихъ потребностей и прихотей кромѣ пищи, — на обработку и производство продуктовъ, независимыхъ отъ пищи. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Смитъ, поземельная рента не только получаетъ свое происхожденіе отъ произведеній, служащихъ пищей, но, если другое произведеніе начинаетъ давать поземельный доходъ, то послѣдній обязанъ существованіемъ увеличенію могущества труда, употребленнаго для добыванія пищи.

Что касается цѣны произведеній, служащихъ пищей и управляющихъ всѣми остальными производствами сыраго матеріала, то эта цѣна въ свою очередь опредѣляется данными, совершенно посторонними.

Количество хлѣба можетъ безъ сомнѣнія по произволу увеличиваться во-первыхъ чрезъ усовершенствованіе земледѣльческой техники, во-вторыхъ чрезъ засѣваніе новыхъ полей,—но вслѣдствіе такого увеличенія цѣна хлѣба должна была бы падать и наконецъ достичь предѣла, гдѣ стало бы выгоднѣе производство вмѣсто хлѣба чего-либо другаго. Родившееся отсюда изобиліе въ хлѣбѣ должно бы было родить потребность на мясо, и вслѣдствіе этого стало бы выгодно производить мясо до тѣхъ поръ, пока производство мяса не доставило бы той же выгоды какъ и производство хлѣба. Цѣна, которая должна оказаться на мясо и хлѣбъ при равенствѣ выгодъ того и другаго производства, составляетъ maximum, до котораго можетъ достигнуть какъ цѣна мяса, такъ и цѣна хлѣба. Точно также и относительно прочихъ произведеній въ сравненіи съ хлѣбомъ: равенство выгодъ въ различныхъ производствахъ въ сравненіи съ хлѣбомъ опредѣляетъ нормальное количество предложенія на хлѣбъ и нормальную цѣну хлѣба. Поэтому, цѣна эта не можетъ пасть ниже извѣстнаго предѣла, который для каждаго времени и мѣста опредѣляется выгодностью остальныхъ производствъ. Точно также цѣна на скотъ не можетъ подняться выше цѣны, соотвѣтствующей равенству выгодъ отъ земледѣлія и скотоводства, ибо иначе пашни станутъ обращаться въ луга, явится вздорожаніе хлѣба и удешевленіе мяса, которое вызоветъ обратно обращеніе луговъ въ пашни.

Такимъ образомъ, для всѣхъ производствъ долженъ существовать общій уровень выгодъ, устанавливающій въ данномъ случаѣ цѣну на тотъ или другой сырой матеріалъ.

Но общее количество сырыхъ произведеній несомнѣнно возрастаетъ вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ средствъ на ихъ производство, т. е. вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительной силы труда; и слѣдовательно поземельный собственникъ имѣетъ возможность прокормить все большее и большее число рукъ, т. е. власть его надъ чужимъ трудомъ

постоянно увеличивается. То же количество сыраго матеріала получается все меньшимъ и меньшимъ трудомъ, а потому часть, необходимая для оплаты труда и прибыли, становится меньше и соразмѣрно возрастаетъ доля поземельнаго дохода. Большій доходъ поземельнаго собственника вызываетъ большій спросъ на предметъ вообще и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ возвышаетъ цѣнность сыраго матеріала, между тѣмъ какъ производство этого матеріала обходится все дешевле. Наконецъ всякое улучшеніе въ мануфактурномъ дѣлѣ удешевляетъ стоимость предметовъ мануфактурнаго производства и даетъ поземельному собственнику возможность покупать большее количество удобствъ или предметовъ на то же количество сыраго матеріала. Но такъ какъ при этомъ это количество сыраго матеріала, достающагося въ руки собственнику, не остается постоянно одно и то же, а еще увеличивается съ успѣхами земледѣлія, то поземельный доходъ или рента возрастаетъ стало быть дважды. Сырые продукты возрастаютъ въ цѣнѣ, т. е. покупаютъ все большее количество обработанныхъ, и кромѣ того самая масса ихъ, причитающаяся на долю собственника, увеличивается.

«Общая масса производительности каждой страны разбивается на три части: поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ, и составляетъ доходъ трехъ различныхъ классовъ народа, изъ которыхъ одинъ живетъ рентой, другой — заработной платой и третій— прибылью. Эти три великія подраздѣленія составляютъ три первоначальные, основные класса каждаго просвѣщеннаго общества.»

Изъ того, что сказано, слѣдуетъ, что интересы перваго изъ трехъ классовъ тѣсно связаны съ интересами всего общества; все, что дѣйствуетъ благодѣтельно или разрушительно на одного, отражается на другомъ. Стало быть, когда дѣло идетъ о какой-либо правительственной или хозяйственной мѣрѣ, имѣющей въ виду весь народъ, то поземельные собственники не должны бы были противиться ей, повинуясь даже только частнымъ интересамъ одного своего класса, если они обладаютъ хотя самымъ слабымъ сознаніемъ того, въ чемъ состоитъ этотъ интересъ. «Правда, пишетъ однако Смитъ, что они не всегда имѣютъ такое сознаніе. Этому одному изъ трехъ классовъ доходъ достается безъ труда и заботы и приходитъ, такъ сказать, самъ собою, не требуя никакихъ усилій, ни соображенія. Беззаботность, составляющая естественное слѣдствіе покойной и удобной жизни, нерѣдко порождаетъ въ людяхъ этого класса невѣдѣніе не только результатовъ предпринимающейся общей мѣры, но даже лишаетъ ихъ способности приложить къ этой мѣрѣ свою мысль, чтобы понять и предвидѣть эти результаты».

«Интересы втораго класса, живущаго заработной платой, связаны

не менѣе тѣсно съ интересами всего общества. Плата за трудъ никогда не бываетъ столь высока, какъ при возрастающемъ развитіи общества. Но какъ классъ собственниковъ выигрываетъ несравненно болѣе при благосостояніи общества, точно также ни одинъ классъ не испытываетъ такихъ тяжкихъ бѣдствій при паденіи общественнаго благосостоянія, какъ работники.

«Что касается прибыли, то она съ успѣхами общества стремится къ пониженію, а потому интересы класса, живущаго прибылью, не столь прямо связаны съ успѣхами общества, а напротивъ противоположны интересамъ всего общества. Такъ какъ купцы и фабриканты всю жизнь посвящаютъ проектамъ и соображеніямъ, то они вообще отличаются большей проницательностью ума. Тѣмъ не менѣе, вращаясь постоянно около того, что̀ составляетъ интересъ ихъ частнаго дѣла, они не могутъ имѣть надлежащаго понятія о томъ, что касается интересовъ всего общества, и мнѣніе ихъ всегда будетъ склоняться скорѣе къ личному интересу, чѣмъ къ общественной пользѣ. На самомъ же дѣлѣ частный интересъ нѣсколькихъ лицъ, занимающихся какой-либо отраслью торговли или промышленности, почти никогда не имѣетъ ничего общаго съ интересами всего общества, или даже противорѣчитъ имъ.

«Поэтому, всякое предложеніе новаго закона или торговаго постановленія, исходящее отъ этого разряда людей, прибавляетъ Смитъ, должно быть встрѣчено съ крайнимъ недовѣріемъ; ибо предложеніе это исходитъ отъ класса людей, интересъ которыхъ никогда не можетъ совпадать совершенно съ интересами всего народонаселенія.»

Противъ такого невыгоднаго для торговаго класса различенія Буканан замѣчаетъ, что и поземельные владѣльцы естественно расположены стремиться получить бо́льшій доходъ посредствомъ всеобщаго возвышенія цѣнъ. «Мы видѣли,—пишетъ онъ,—замѣчательный примѣръ этого въ 1813 году. Въ эпоху, когда трудящіеся классы и вся страна находились въ крайне бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе дороговизны съѣстныхъ припасовъ, и когда каждому было извѣстно, что Англія съ давнихъ уже временъ не производитъ достаточно хлѣба для собственнаго потребленія, землевладѣльцы употребляли все свое вліяніе, чтобы запретить ввозъ хлѣба.» А Макъ-Куллохъ замѣчаетъ, что «когда Смитъ писалъ вышеприведенныя строки, то онъ вѣроятно забылъ премію за вывозъ хлѣба и постановленіе, запрещавшее ввозъ въ Англію скота. Факты эти, по мнѣнію обоихъ публицистовъ, независимо отъ хлѣбныхъ законовъ 1814 и 1815 годовъ, показываютъ съ достаточной

очевидностью, что духъ монополіи не менѣе силенъ между поземельными собственниками, какъ и между фобрикантами и купцами.»

Мнѣ кажется, что, устанавливая означенное различіе между интересами отдѣльныхъ классовъ, Смитъ увлекся теоретической точкой зрѣнія и поэтому смѣшалъ двѣ вещи, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя между собою смѣшивать—интересъ сословія, какъ ряда поколѣній, слѣдовательно его интересъ историческій, съ интересомъ сословія, какъ даннаго поколѣнія, или съ интересами минуты.

Если смотрѣть на землевладѣльцевъ, какъ на лицо историческое, не умирающее въ текущемъ поколѣніи, то нѣтъ сомнѣнія, что его интересы въ этомъ смыслѣ совершенно солидарны съ интересами и выгодами цѣлаго общества. Мѣра, отъ которой выиграетъ все общество, неизбѣжно отразится благодѣтельно и на интересахъ каждаго сословія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но та же мѣра, отъ которой несомнѣнно выиграетъ сословіе въ его будущемъ, можетъ быть сопряжена съ извѣстными лишеніями, иногда весьма тяжелыми для настоящаго поколѣнія этого сословія. И въ этомъ-то, какъ намъ кажется, состоитъ весь вопросъ. Поэтому, Смитъ совершенно напрасно ополчается на неразвитость землевладѣльцевъ,—дѣло вовсе не въ недостаткѣ развитія, а въ дѣйствительномъ противорѣчіи между той или другой мѣрой, имѣющей въ виду все общество, и выгодами настоящаго поколѣнія того или другаго сословія. Можно поэтому очень хорошо сознавать все, что выигрываетъ сословіе въ будущемъ отъ успѣховъ общества, и въ то же время обращать вниманіе на настоящія потери. Люди всегда были склонны менѣе дорожить интересами своихъ потомковъ, чѣмъ интересами настоящаго, личными, и на это, можетъ быть, они имѣли нѣкоторое право. Заставить ихъ разсуждать обратно—трудно, да и врядъ-ли было бы вполнѣ справедливо.

Мѣра же, приносящая пользу всему обществу, рѣдко приноситъ свои благодѣтельные плоды живому поколѣнію того сословія, которое должно начать съ того, чтобы понесть жертвы въ силу этой мѣры, и не оказываетъ никакого вліянія на дѣятельность того или другаго сословія, опредѣляющуюся интересами минуты. А если это такъ, то изъ этого само собой слѣдуетъ, что единственнымъ прямо заинтересованнымъ классомъ въ улучшеніи остается классъ рабочій.

Впрочемъ для совершенно вѣрной постановки вопроса, его слѣдуетъ, какъ кажется, разбить на двѣ части, которыя являются у Смита смѣшанными. Улучшенія или успѣхи общества могутъ быть двоякаго рода. Одни болѣе зависятъ отъ самого общества, другіе—отъ тѣхъ, кто управляетъ этимъ обществомъ. Одни касаются производительныхъ

средствъ общества и успѣховъ культуры технической, другія — самого устройства общества и его юридическихъ отношеній. Въ успѣхахъ перваго рода, вообще говоря, классы, обладающіе собственностью, заинтересованы болѣе и въ живомъ поколѣніи и въ смыслѣ сословномъ, чѣмъ классы рабочіе. Въ успѣхахъ втораго рода, напротивъ, заинтересованы всего болѣе классы рабочіе.

Во всемъ вышеизложенномъ, у Смита съ тщательностью разсмотрѣна зависимость между элементами цѣны, обращающаяся въ зависимость между классами, управляющая отношеніемъ между людьми въ томъ случаѣ, когда въ обществѣ допускается раздробленіе элементовъ цѣны. Это измѣненіе въ отношеніяхъ между элементами цѣны обусловливается своими причинами, которыя въ свою очередь и управляютъ всѣми разсмотрѣнными выше измѣненіями. Причинъ этихъ двѣ: это 1) измѣненіе количественнаго отношенія между населеніемъ и почвой, или силами природы, т. е. выражаясь проще — возрастаніе населенія, и 2) измѣненіе качественнаго отношенія между человѣческимъ трудомъ и силами природы, т. е.—образованіе капитала, или, какъ выражаются иначе, образованіе сбереженій. Обѣ причины имѣлись въ виду Смитомъ во всемъ вышеизложенномъ какъ причины, управляющія измѣненіями рабочей платы, прибыли и ренты. Но если въ обществѣ допускается раздробленіе элементовъ цѣны, то являющіяся отсюда послѣдствія въ свою очередь могутъ воздѣйствовать на развитіе причинъ, измѣняющихъ отношенія рабочей платы, прибыли и ренты; выражаясь проще— возрастаніе народонаселенія и возрастаніе сбереженій можетъ быть иное въ обществѣ, допускающемъ раздробленіе элементовъ цѣны, чѣмъ въ обществѣ, его не допускающемъ. Смитъ не касается вліянія раздробленія элементовъ цѣны на развитіе народонаселенія, но онъ останавливается за то на второмъ вопросѣ—на вліяніи раздробленія на самое развитіе сбереженій.

Развитіе сбереженій происходитъ обыкновенно такимъ путемъ, что продуктъ общества раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна потребляется, другая сберегается и составляетъ запасы общества, служащіе новому, дальнѣйшему производству. Запасы общества опять раздѣляются на два рода. Одни остаются неизмѣнными во все продолженіе производства,—таковы: зданія, орудія, машины, служащія данному производству,—и потому называются основными запасами, или основнымъ капиталомъ; другія служатъ данному производству только на одинъ разъ, уносятся самымъ производствомъ и должны быть постоянно возобновляемы,—таковы: сырой матеріалъ, средства содержанія рабочихъ. При этомъ въ число запасовъ входитъ особый родъ вещей, деньги, а потому прежде, чѣмъ идти далѣе, Смитъ находитъ нужнымъ разсмо-

трѣть вопросъ, къ какому отдѣлу запасовъ принадлежитъ этотъ родъ запасовъ,—къ основному ли капиталу, или къ оборотному. Смитъ находитъ, что какое бы назначеніе ни получали деньги, что бы онѣ ни покупали — вещи ли, составляющія основной капиталъ, оборотный, или предметы потребленія,—во всякомъ случаѣ онѣ дѣйствуютъ только какъ *постоянное орудіе мѣны*, подобно всякой другой машинѣ или орудію, а потому деньги должны быть причисляемы къ основному капиталу. Какъ машины и рабочіе инструменты, вообще составляющіе основной капиталъ, не входятъ въ составъ ни валоваго, ни чистаго дохода общества, подобно этому и деньги, при посредствѣ которыхъ только разпредѣляется доходъ, не входятъ вовсе въ составъ дохода страны. Замѣна металлической монеты бумажными знаками есть только замѣна болѣе дорогаго орудія менѣе дорогимъ. Въ этомъ случаѣ все количество монеты, замѣняемое въ обращеніи бумажными деньгами, можетъ быть обращено на покупку орудій и матеріаловъ для производства, т. е. на увеличеніе производства. Но количество монеты, которое можетъ быть замѣнено бумажными деньгами, не произвольно. Смитъ думаетъ, что во всякомъ случаѣ, чѣмъ выше монетный знакъ, тѣмъ болѣе обращеніе его должно быть ограничено кругомъ оптовой торговли, имѣющей мѣсто между купцами и мануфактуристами, и напротивъ, чѣмъ мельче знакъ, тѣмъ болѣе онъ употребляется въ розничной и мелочной торговлѣ между торговцами и мануфактуристами. Звонкая монета состоитъ вся изъ мелкихъ знаковъ, а потому она во всякомъ случаѣ должна служить орудіемъ обмѣна только въ розничной и мелочной торговлѣ, обороты же торговцевъ и мануфактуристовъ между собою должны совершаться при посредствѣ векселей и кредитныхъ знаковъ. Онъ совѣтуетъ поэтому даже вовсе не допускать бумажныхъ знаковъ, цѣнностью равныхъ звонкой монетѣ, полагая, что въ такомъ случаѣ на рынкѣ будетъ находится постоянно то количество звонкой монеты, которое дѣйствительно необходимо по самому существу звонкой монеты: для мелкихъ обмѣновъ. Во всякой странѣ, говоритъ Смитъ, можетъ свободно обращаться только такое количество всякаго рода бумажныхъ денегъ, которое не превышаетъ номинальной цѣнностью замѣщаемой имъ золотой и серебряной монеты, или такого количества послѣдней, какое обращалось бы если бы вовсе не было бумажныхъ денегъ.

«Сумма, какую банкъ можетъ благоразумно повѣрить купцу, не измѣряется ни величиною капитала купца, ни даже болѣе или менѣе значительной частью этого капитала, но только тою его частью, которую онъ долженъ бы былъ имѣть у себя подъ рукой безъ употребленія и чистыми деньгами для удовлетворенія случайныхъ требованій.

Если бумажныя деньги не превышаютъ такой ссуды, то онѣ не превысятъ и цѣнности всего золота и серебра, какія обращались бы въ странѣ, еслибы не существовало бумажныхъ денегъ.»

Болѣе этого купецъ не вправѣ ничего требовать. Банкъ не можетъ выдать ему всего его оборотнаго капитала; ибо хотя этотъ капиталъ и возвращается въ его руки съ ходомъ торговли въ видѣ денегъ, но между эпохой, когда купецъ покупаетъ товаръ, и когда капиталъ, затраченный на этотъ товаръ, возвратится въ его руки, проходитъ слишкомъ большой промежутокъ.

Еще медленнѣе возвращается основной капиталъ, а потому тѣмъ менѣе можетъ банкъ выдавать купцу часть основнаго капитала.

Но въ какой бы капиталъ ни обращались сбереженія, въ основной, или въ оборотный, во всякомъ случаѣ очевидно, что они могутъ совершаться только на часть двухъ статей дохода или двухъ частей цѣны — ренты и прибыли; рабочая же плата, по своей незначительности, участвуетъ въ сбереженіи весьма мало. Слѣдовательно, только рента и прибыль и подлежатъ разсмотрѣнію какъ источники сбереженія. Само собой разумѣется, что при этомъ не вся прибыль и не вся рента обращается въ сбереженіе; часть той и другой истрачивается непроизводительно. Поэтому чистый доходъ страны, въ видѣ ренты и прибыли, въ дальнѣйшемъ своемъ назначеніи раздѣляется въ свою очередь на двѣ части: на часть, идущую въ сбереженіе, на увеличеніе производства, и на часть потребляемую. Какъ та, такъ и другая часть по мнѣнію Смита должна идти на содержаніе труда, но въ первомъ случаѣ она идетъ на содержаніе труда производительнаго, во второмъ — непроизводительнаго. Тутъ Смитъ пытается установить различіе между тѣмъ и другимъ трудомъ.

Проводя въ частности это различіе, Смитъ однако увлекается внѣшними признаками и считаетъ себя обязаннымъ назвать непроизводительнымъ всякій трудъ, непосредственно не увеличивающій количества вещей. Вслѣдствіе этого Смитъ пришелъ къ противорѣчію, для устраненія котораго долженъ былъ тутъ же прибѣгнуть къ оговоркамъ. На основаніи принятаго имъ опредѣленія непроизводительнаго труда, онъ долженъ былъ отнести къ послѣднему всякій нематеріальный трудъ, сколько бы онъ ни былъ полезенъ и важенъ для общества, въ томъ числѣ трудъ правительства, войска, чиновниковъ, ученыхъ, писателей и пр., и въ то же время долженъ былъ оговаривать, что трудъ этихъ лицъ, хотя онъ и относитъ его къ труду непроизводительному, трудъ этотъ тѣмъ не менѣе весьма полезенъ и важенъ для общества. Такая оговорка Смита въ то же время уничтожала построенное имъ различіе или, вѣрнѣе, сама указывала на негодность

того признака, который былъ имъ принятъ для различенія труда производительнаго отъ непроизводительнаго. И дѣйствительно только въ ложности и несовершенствѣ этого признака и заключается вся ошибка. Если измѣнить этотъ признакъ, то самое раздѣленіе можетъ быть признано совершенно основательнымъ. Стоитъ назвать производительнымъ всякій трудъ, способствующій развитію и богатству страны прямо или посредственно, и трудомъ непроизводительнымъ всякій трудъ, не имѣющій этого качества, и тогда не встрѣтится болѣе того затрудненія, съ которымъ встрѣтился Смитъ: трудъ чиновниковъ, ученыхъ и пр., словомъ всякій полезный трудъ, какую бы онъ ни имѣлъ форму, матеріальную или нематеріальную, будетъ относиться къ разряду производительнаго труда; а къ разряду непроизводительнаго труда отойдутъ виды производства, хотя и совершенно вещественные по формѣ, и оттого повидимому и производительные, но на дѣлѣ убыточные въ экономическомъ смыслѣ.

Безусловное распредѣленіе предметовъ между обоими видами производства невозможно. Есть производства всегда выгодныя, есть всегда убыточныя, и есть такія, которыя при одномъ экономическомъ положеніи страны могутъ быть выгодны, при другомъ убыточны. Но принципъ раздѣленія остается.

Само собою разумѣется, что въ выгодахъ всякой страны—желать преобладанія тратъ производительныхъ надъ непроизводительными; поэтому важно знать отношеніе, какое существуетъ между тѣми и другими тратами въ различныхъ положеніяхъ общества.

Хотя прибыль и рента могутъ совершенно свободно избирать между производительными или непроизводительными тратами, тѣмъ не менѣе Смитъ полагаетъ, что ихъ обладатели болѣе склонны оказывать предпочтеніе тратамъ непроизводительнымъ. «Богатый собственникъ, говоритъ Смитъ, издерживаетъ гораздо больше на праздныхъ людей, чѣмъ на трудолюбивыхъ. Богатый купецъ, хотя и употребляетъ свой капиталъ на содержаніе рабочихъ, тѣмъ не менѣе личный его доходъ съ этого капитала истрачивается обыкновенно на тѣхъ же самыхъ людей, которые живутъ на счетъ богатыхъ землевладѣльцевъ.»

Однако, не смотря на такую общую склонность, отношеніе между производительными и непроизводительными тратами бываетъ, по мнѣнію Смита, весьма различно въ богатомъ и бѣдномъ обществѣ. Смитъ полагаетъ, что чѣмъ бѣднѣе и грубѣе общество, тѣмъ большую часть его дохода поглощаютъ траты непроизводительныя. «Въ прежнія феодальныя времена, говоритъ онъ, весьма незначительная часть валоваго дохода шла на содержаніе труда и выручку рабочаго капитала, при по-

средствѣ которыхъ обработывалась земля, и чистый доходъ или рента составлялъ гораздо большую часть валоваго дохода, чѣмъ теперь. Въ настоящее время обработка земли стоитъ большаго капитала, и вмѣстѣ съ тѣмъ рента представляетъ меньшую часть валоваго дохода (она равна не болѣе $^1/_3$ или $^1/_4$ валоваго дохода); тѣмъ не менѣе безусловная величина этой ренты втрое или вчетверо больше прежняго валоваго дохода. По мѣрѣ успѣховъ земледѣлія рента значительно увеличивается сравнительно съ пространствомъ земель, но она уменьшается сравнительно съ количествомъ произведеній, или валоваго дохода. Точно также и въ мануфактурномъ дѣлѣ. Въ настоящее время затрачивается больше капиталовъ на производство, и потому часть дохода, отдѣляющаяся на сбереженіе, не только значительнѣе сама по себѣ, но и въ сравненіи съ чистымъ доходомъ, хотя процентъ на каждую единицу капитала постоянно понижается. Въ суммѣ, часть валоваго производства страны, составляющая прибыль или ренту и имѣющая склонность поглощаться непроизводительными тратами, постоянно слабѣетъ въ сравненіи съ частью, причитающеюся на траты производительныя и выгодныя по мѣрѣ успѣховъ культуры. «Капиталъ,—говоритъ Смитъ,—употребляющійся производительно въ богатой странѣ, не только превосходитъ такой же капиталъ въ странѣ бѣдной, но онъ значительно превосходитъ собой весь валовой доходъ страны бѣдной. Производительныя траты богатой страны при ея непроизводительныхъ тратахъ превосходятъ, словомъ, все то, что могла бы истратить производительно страна бѣдная даже въ томъ случаѣ, еслибы она весь доходъ до копѣйки употребляла производительно.

«Отношеніемъ между этими двумя родами капитала, говоритъ Смитъ, опредѣляется въ каждой странѣ общій характеръ ея жителей, что касается до ихъ трудолюбія или лѣности. Если мы трудолюбивѣе нашихъ предковъ, то это потому, что въ настоящее время капиталъ, предназначенный на содержаніе труда, значительно больше капитала, предназначеннаго на содержаніе праздныхъ людей. Въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, въ которыхъ низшіе классы живутъ на счетъ употребляющихся въ дѣло капиталовъ, народъ отличается вообще трудолюбіемъ, трезвостью и бережливостью, какъ во многихъ городахъ Англіи и въ большей части городовъ Голландіи. Но въ тѣхъ городахъ, которые поддерживаются главнымъ образомъ количествомъ истрачиваемыхъ въ нихъ доходовъ, народъ бываетъ вообще лѣнивъ, невоздержанъ и бѣденъ, какъ въ Римѣ, Версали, Компьенѣ, Фонтенбло и пр.»

Кажется, тутъ не столько дѣйствуетъ абсолютное количество истрачиваемыхъ доходовъ, сколько отсутствіе промышленной жизни, т. е.

отсутствіе средствъ употребить сбереженія производительнымъ образомъ. Если нѣтъ повода къ сбереженію, слѣдовательно нѣтъ повода къ трудолюбію и бережливости, а если притомъ еще затруднительно самое сохраненіе сбереженій, то народъ будетъ естественно небережливъ, нетрезвъ и нетрудолюбивъ. Общая склонность истрачивать малѣйшій излишекъ вызоветъ устройство заведеній для праздности и удовольствія, которыя еще болѣе будутъ способствовать распространенію небережливости въ народѣ. Въ суммѣ, два средства оказываются необходимы для развитія въ народѣ бережливости: увеличеніе способовъ выгоднаго употребленія сбереженій и облегченіе сохраненія сбереженій, вообще весьма затруднительныхъ для простаго народа.

Первое достигается успѣхами техническаго развитія, т. е. успѣхами науки, развитіемъ цивилизаціи вообще, второе — успѣхами благоустройства, огражденія частной собственности. Если страна дѣлаетъ успѣхи въ томъ и другомъ отношеніи, то она вмѣстѣ съ тѣмъ дѣластъ неизбѣжные успѣхи и въ сбереженіи.

Въ силу этихъ условій сбереженіе беретъ верхъ надъ расточительностью съ ходомъ цивилизаціи, несмотря на постоянную склонность человѣчества къ расточительности и несмотря на дѣйствительное увеличеніе безусловной величины расточаемаго, по мѣрѣ увеличенія богатства. Эти условія даютъ возможность оказывать свое дѣйствіе столь же естественному для человѣка чувству бережливости, и опытъ показываетъ, говоритъ Смитъ, что бережливость частныхъ лицъ бываетъ достаточна для вознагражденія за мотовство и безразсудство другихъ.

Чѣмъ дальше идетъ цивилизація, тѣмъ больше она открываетъ средствъ примѣненія сбереженій, тѣмъ больше она представляетъ выгодъ отъ сбереженій и тѣмъ большій верхъ должно оказывать сбереженіе надъ расточительностью. Сбереженіе, цивилизація и нравственность народа идутъ въ суммѣ рука объ руку и прямо пропорціональны другъ другу. Таковъ основной законъ, по мнѣнію Смита. Отношеніе между суммой доходовъ и суммой капиталовъ—между суммой сбереженія и потребленія, не только опредѣляетъ уровень богатства, но и уровень народной нравственности, отношеніе между трудолюбіемъ и тунеядствомъ. Всякое увеличеніе общей массы капиталовъ стремится усилить число производительныхъ людей и наоборотъ. Но если таковъ общій законъ, если естественное развитіе жизни ведетъ къ увеличенію сбереженій и бережливости, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы государство должно было богатѣть во что бы то ни стало, не смотря ни на какую расточительность. Этотъ самый законъ доказываетъ, что если государство не дѣлаетъ ничего для поощренія сбереженій, или подаетъ примѣръ чрез-

мѣрной расточительности, то оно будетъ падать и въ отношеніи богатства и въ отношеніи цивилизаціи и народной нравственности. Смитъ объясняетъ это весьма наглядно. «Если число лицъ, содержимыхъ на общественные доходы, въ видѣ войска, чиновниковъ и пр., переходитъ за необходимую мѣру, то, въ продолженіе одного года, оно потребитъ такую часть произведеній, что остающейся части будетъ недостататочно для содержанія такого количества рабочихъ, какое нужно, чтобы создать то же количество произведеній на слѣдующій годъ. Производство слѣдующаго года будетъ слѣдовательно меньше предъидущихъ лѣтъ, и если такой порядокъ продлится, то производство слѣдующаго года будетъ еще меньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно будетъ уменьшаться и та часть произведеній, которая причтется на долю лицъ, жившихъ доходами со своихъ капиталовъ, употреблявшихся прежде на содержаніе труда; послѣдніе, вмѣсто того чтобы содержать прежнее количество труда, будутъ тратить часть капиталовъ, и страна будетъ естественно бѣднѣть.»

«Великіе народы, говоритъ Смитъ, никогда не бѣднѣютъ вслѣдствіе неблагоразумія и расточительности частныхъ лицъ, но они нерѣдко бѣднѣютъ вслѣдствіе расточительности фиска.

«Могутъ замѣтить, продолжаетъ Смитъ, что количество монеты въ странѣ останется при этомъ тоже, на что бы она ни тратилась, но это не вѣрно. Монета, превышающая количество товаровъ, которое она можетъ купить внутри страны вслѣдствіе уменьшенія производства, уйдетъ на иностранные рынки, и такимъ образомъ исчезновеніе звонкой монеты въ странѣ служитъ признакомъ упадка народной производительности и народнаго обѣднѣнія.»

Наконецъ Смитъ находитъ необходимымъ различать между видами расточительности. Есть расточительность, которая не оставляетъ послѣ себя ничего кромѣ обѣднѣнія,—такова расточительность на предметы, тутъ же потребляемые: примѣромъ ея можетъ служить расточительность Франціи при Людовикѣ XIV на пиры и одежды; и есть расточительность на постройки, вещи и изящныя произведенія,—такая расточительность оставляетъ странѣ зданія, мебель и предметы искусства, которые по смерти богатыхъ не исчезаютъ, а остаются и или составляютъ статью дохода, или продаются въ розницу и распредѣляются между болѣе скромными классами. Примѣромъ такой расточительности можетъ служить Италія. Страна обѣднѣла, предметы роскоши и искусства, на которые она была разорена, остаются и продолжаютъ привлекать массу путешественниковъ, и слѣдовательно потребляются. Въ Англіи, замокъ, принадлежавшій нѣкогда Сеймурамъ,

обращенъ въ настоящее время въ гостинницу; павильонъ, гдѣ родился Людовикъ XIV въ С.-Жерменѣ, обращенъ въ ресторацію. И въ такихъ странахъ не трудно встрѣтить въ скромныхъ домахъ превосходную мебель, которой лица, ею нынѣ пользующіяся, по всей вѣроятности никогда не пользовались бы иначе. Такого рода роскошь, по мнѣнію Смита, стало быть все-таки оставляетъ что-нибудь, но то, что̀ уходитъ на пиры, праздники и одежду, исчезаетъ безвозвратно.»

Таковы мысли Смита относительно основныхъ и элементарныхъ статей экономическаго вопроса. Не будучи ни на минуту идеалистомъ, въ духѣ метафизиковъ своего времени, онъ едва лишь на одну секунду однимъ намекомъ позволяетъ себѣ коснуться экономическихъ основъ въ той формѣ, въ какой онѣ могли соотвѣтствовать идеальному обществу, и затѣмъ спѣшитъ погрузиться вполнѣ въ окружающую его дѣйствительность. Тутъ онъ описываетъ экономическій порядокъ, вытекающій изъ раздробленія естественныхъ элементовъ цѣны, какъ естественный и неизбѣжный для общества, принявшаго такое раздробленіе. О другомъ порядкѣ онъ вовсе не думаетъ, и всѣ дальнѣйшія его разсужденія касаются только такихъ улучшеній въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя нисколько не измѣняютъ общепринятыхъ и коренныхъ экономическихъ основъ. Такимъ-то улучшеніемъ и должно быть въ глазахъ Смита прежде всего ограниченіе правительственнаго вмѣшательства. Мысли его по этому предмету разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ его труда и намъ предстоитъ собрать ихъ по возможности въ одно цѣлое, законченное разсужденіе.

Смитъ писалъ въ то время, когда система правительственнаго вмѣшательства успѣла выказать свои достоинства и недостатки. Въ своихъ нападкахъ на нее онъ не былъ первымъ, а имѣлъ предшественниковъ, какъ мы видѣли уже выше. Нерасположеніе къ ней было уже распространено до извѣстной степени въ обществѣ и ждало своего окончательнаго истолкователя. Что касается Англіи, то здѣсь это нерасположеніе еще согласовалось какъ нельзя лучше съ интересами того класса, противъ покровительства котораго и направлялся Смитъ. Здѣсь мануфактурное развитіе успѣло извлечь изъ покровительства себѣ уже все, что̀ могло. Вслѣдствіе этого здѣсь самое стремленіе къ ограниченію вмѣшательства имѣло два совершенно различныя основанія. Съ одной стороны такое ограниченіе могло казаться необходимымъ въ виду тѣхъ ошибокъ, которыя уже сдѣлала власть на пути такого вмѣшательства, и въ виду того вреда, который оно уже успѣло принести, вслѣдствіе своей исключительности, общимъ, хозяйственнымъ интересамъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ шелъ о границахъ вмѣшательства въ смыслѣ

общихъ интересовъ. Но рядомъ съ такой постановкой вопроса возможна была и другая. Можно было разсуждать объ ограниченіи вмѣшательства, на сколько оно стало излишнимъ съ точки зрѣнія и въ интересахъ того сословія капитала, къ покровительству котораго оно только и было до сихъ поръ направлено.

Среднее сословіе до того привыкло быть покровительствуемо, до того привыкло думать, что его интересы и интересы государства—одно и тоже, что такое отожествленіе, вслѣдствіе привычки, обратилось для него въ аксіому, и оно въ самомъ дѣлѣ стало предполагать, что его положеніе служитъ исключительной мѣркой общественнаго благополучія и что оно служитъ привилегированной кастой, интересы которой должны быть для общества выше всѣхъ остальныхъ.

Какъ философы думали, что въ обществѣ должны законодательствовать врожденныя отъ природы начала добра, такъ среднее сословіе, опираясь на развитіе богатства въ Европѣ за послѣдніе вѣка, вообразило, что настоящимъ естественнымъ законодателемъ общества должны быть вожделѣнія этого сословія. Ранѣе, въ теченіе военнаго періода, такого же мнѣнія была о себѣ феодальная аристократія; она считала себя исключительной мѣркой государственныхъ интересовъ. Когда война и военныя профессіи уступили мѣсто торговлѣ, тогда право воображать тоже самое перешло на торговыя сословія, и изъ такого заблужденія вышелъ уже иной взглядъ на ограниченіе вмѣшательства, въ которомъ весь центръ тяжести принадлежалъ исключительно однимъ купеческимъ интересамъ.

Но какъ скоро ограниченіе вмѣшательства могло казаться нужнымъ не только въ общихъ интересахъ, но и въ личныхъ интересахъ даннаго сословія, которому оно до сихъ поръ ничего не приносило кромѣ выгоды,—то это показывало, что оба интереса имѣли свои случайныя точки соприкосновенія, въ которыхъ они могли казаться тожественны. Окрѣпшее и разбогатѣвшее среднее сословіе могло дѣйствительно желать теперь того, что казалось съ болѣе отвлеченной точки зрѣнія также желательнымъ въ общихъ интересахъ, или по крайней мѣрѣ въ интересахъ Англіи.

Само собою разумѣется, что, вооружаясь противъ вмѣшательства, Адамъ Смитъ менѣе всего думалъ однако объ исключительныхъ интересахъ этого торговаго сословія. Трудно думать даже, чтобы при этомъ онъ спеціально заботился объ интересахъ Англіи, рынки которой были переполнены мануфактурными произведеніями и для которой всякое стѣсненіе торговли становилось вычетомъ изъ ея благосостоянія. По крайней мѣрѣ мысли свои въ этомъ отношеніи онъ мотивировалъ болѣе широкими и человѣческими основаніями.

Своей теоріей свободной торговли онъ постоянно стремился разрушить взглядъ на торговлю какъ на новый способъ вести войну, какъ на новое военное оружіе, созданное обстоятельствами и развитіемъ культуры. Этотъ взглядъ казался ему слишкомъ исключительнымъ и феодальнымъ, и въ числѣ главныхъ упрековъ и главныхъ нападокъ его на меркантилизмъ на первомъ планѣ постоянно являлся тотъ упрекъ меркантилизму, что онъ смотритъ на торговлю, какъ на средство взаимной борьбы и взаимнаго униженія между націями.

Смитъ утвѣрждалъ, что торговое сближеніе людей и націй должно и можетъ служить средствомъ не раздѣленія людей и націй, а средствомъ дѣйствительнаго сближенія тѣхъ и другихъ, средствомъ не взаимнаго униженія и развитія благосостоянія одной націи на счетъ другой. а средствомъ взаимнаго возвышенія, взаимной пользы, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для отдѣльныхъ націй. Онъ училъ смотрѣть на обмѣнъ и торговлю какъ на взаимный обмѣнъ услугъ, долженствующій служить источникомъ благосостоянія и богатства не для отдѣльныхъ частныхъ или политическихъ единицъ, а для всего общества. Въ такомъ взглядѣ на торговлю идея мира и благополучія, мира по крайней мѣрѣ между національностями, была преобладающею.

Но то, чего желалъ Смитъ изъ такихъ общихъ мотивовъ, того могло желать теперь изъ своихъ частныхъ выгодъ торговое сословіе, и такимъ образомъ Смитъ долженъ былъ стать, можетъ быть противъ воли, авторитетомъ и опорой дальнѣйшимъ стремленіямъ торговаго класса.

Смитъ разсматривалъ правительственное вмѣшательство какъ выраженіе экономической системы, извѣстной подъ именемъ меркантильной, а потому его опроверженія вмѣшательства заключаются одинаково какъ въ томъ, что онъ говоритъ противъ меркантилизма какъ теоріи, такъ и въ порицаніи практическихъ послѣдствій меркантильной политики.

Что касается разбора меркантильной теоріи, то нужно отдать справедливость Смиту,—не смотря на все свое нерасположеніе къ ней, онъ одинъ изъ множества ея противниковъ съумѣлъ понять и оцѣнить ее по достоинству, выдвинувъ на видъ ея естественныя и историческія стороны, такъ что въ этомъ отношеніи его оцѣнка меркантилизма остается образцовой, не смотря на все, что писалось противъ него впослѣдствіи. Между тѣмъ какъ послѣдующіе цѣнители ничего не хотѣли видѣть въ меркантилизмѣ кромѣ заблужденія, имѣвшаго своимъ основаніемъ невѣжество, Смитъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе и глубже, и старался найти свой несомнѣнный смыслъ въ этой невѣже-

ственной теоріи, который я и не премину указать съ возможной ясностью.

Политическая экономія,—говоритъ Смитъ,—имѣетъ двѣ цѣли: первая состоитъ въ изысканіи средствъ обогащенія народа, вторая въ изысканіи средствъ обогащенія *казны*. Различная степень развитія благосостоянія и понятій о средствахъ благосостоянія въ разныя времена породила двѣ различныя системы, два противоположныхъ взгляда на средства обогащенія. Какъ только люди стали разсуждать о богатствѣ, то прежде всего это богатство стало представляться имъ въ формѣ денегъ или металлическихъ сокровищъ.

Эту систему можно назвать меркантильной.

Постоянная всеобщая цѣнность, большая прочность и удобоподвижность способствовали укорененію того всеобщаго убѣжденія, что деньги составляютъ богатство по преимуществу и для народа и для правительства; и потому первыя мѣры правительства были вездѣ направлены къ скопленію въ казнѣ наибольшаго количества металлическихъ денегъ, и состояли между прочимъ въ запрещеніи вывоза изъ страны монеты. Невыгоду такого запрещенія должны были прежде всего почувствовать люди торговаго и мануфактурнаго сословія съ развитіемъ городской промышленности. Поэтому, изъ среды этого класса начались прежде всего представленія правительствамъ о вредѣ и безцѣльности подобнаго запрещенія. Но представленія эти нисколько не поколебали общаго начала, по которому за деньгами признавалось значеніе богатства по преимуществу. Купцы представляли во-первыхъ, что вывозъ монеты не всегда уменьшаетъ количество монеты въ странѣ, а напротивъ можетъ увеличивать это количество, ибо ввезенные на эти деньги товары могутъ быть перепроданы въ другую страну за бо́льшую сумму денегъ. Они представляли во-вторыхъ, что запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ вывоза контрабандой, и слѣдовательно только понижаетъ курсъ къ невыгодѣ купцовъ, не достигая своей настоящей цѣли. Убѣжденія эти успѣли склонить на свою сторону правительства, и послѣднія большей частью оставили эту первую мѣру, какъ негодную, и перешли къ другой, несравненно болѣе сложной, но по мнѣнію Смита столь же безполезной. Имѣя въ виду то же увеличеніе количества денегъ, остановились на томъ убѣжденіи, что количество денегъ, ввозимыхъ въ страну и остающихся въ ней, зависитъ отъ баланса ея внѣшней торговли, отъ перевѣса вывоза надъ ввозомъ, и съ тѣхъ поръ не вывозъ денегъ сталъ предметомъ запрещенія, а ввозъ иностранныхъ товаровъ, сравнительно съ вывозомъ собственныхъ. По этому правилу внутренняя торговля считалась совершенно мертвой буквой для страны,

и одна только внѣшняя — источникомъ обогащенія. Мнѣніе это, говоритъ Смитъ, было столь же неосновательно. Деньги составляютъ такой товаръ, который легче всего можетъ получить страна, въ нихъ нуждающаяся, если только она имѣетъ средства для ихъ пріобрѣтанія; а потому копить ихъ вовсе не нужно. Предполагается же, говоритъ онъ, что за деньги мы можемъ получить всегда необходимое количество другихъ произведеній, какъ то: хлѣба, вина и пр., между тѣмъ какъ количество этихъ произведеній на рынкѣ зависитъ отъ урожая, порчи и трудности перевозки этихъ произведеній, между тѣмъ какъ деньги въ сравненіи съ другими товарами представляютъ товаръ менѣе подверженный порчѣ, болѣе легкій для перевоза и легко замѣняемый даже оборотами въ кредитъ, на текущій счетъ и бумажными знаками. Но переводить всѣ богатства страны въ деньги, потому что послѣднія составляютъ болѣе прочное имущество, значило бы тоже, по мнѣнію Смита, что покупать большее количество сковородъ и желѣзной посуды, чѣмъ нужно, на томъ только основаніи, что посуда эта менѣе подвержена порчѣ, чѣмъ яства въ ней приготовляемыя. Если же обратиться къ существенной цѣли, съ которой правительства старались скоплять въ казнѣ несмѣтныя денежныя сокровища, то придется согласиться, что эта цѣль вовсе не достигается этой мѣрой. Денежные и драгоцѣнные металлическіе запасы постоянно разсматривались правительствами какъ средства вести войну, какъ военный фондъ. Между тѣмъ, если взять въ разсчетъ не только металлическія богатства, которыя могутъ быть скоплены казной, но всѣ металлическія богатства страны, то и этой общей суммы никогда не можетъ быть достаточно для веденія на чистыя деньги сколько-нибудь серьезной внѣшней войны. Всѣ средневѣковыя войны, которыя велись на такихъ условіяхъ, останавливались большей частью съ обѣихъ сторонъ вслѣдствіе указанной причины, т. е. отъ недостатка денегъ. И если война выдерживается государствомъ, то это потому, что въ тоже время она ведется не на одни чистыя деньги. Кромѣ денегъ, государство можетъ доставлять въ чужую страну жалованье войску, 1) высылая часть своихъ сырыхъ произведеній, 2) высылая произведенія мануфактурныя.

Изъ этихъ двухъ способовъ первый менѣе всего удобенъ вслѣдствіе громоздкости и дороговизны самаго перевоза сырыхъ товаровъ, и потому цѣнныя произведенія мануфактуръ слѣдуетъ признать, по мнѣнію Смита, самымъ удобнымъ фондомъ въ этомъ случаѣ. Отсюда слѣдуетъ по мнѣнію Смита, что въ странахъ, лишенныхъ мануфактуръ, государь можетъ получить въ чрезвычайныхъ случаяхъ весьма малую помощь отъ своихъ подданныхъ. Это намъ и объясняетъ, почему во времена

преимущественно земледѣльческія и патріархальныя и во всѣхъ государствахъ, земледѣльческихъ по преимуществу, скопленіе огромнаго количества металлическихъ сокровищъ считалось главной задачей государей; не одна роскошь и тщеславіе побуждали къ этому, но и то обстоятельство, что въ эти времена деньги должны были составлять дѣйствительно единственный фондъ для военнаго дѣла. Совершенно другое дѣло, говоритъ Смитъ, въ странахъ промышленныхъ: здѣсь государи не находятся вовсе въ необходимости собирать сокровища. Они и не дѣлаютъ этого въ сущности, но, продолжая заботиться о ввозѣ наибольшаго количества денегъ, они употребляютъ эти приливы на пышность и роскошь двора и т. д.

Такія разсужденія Смита весьма хорошо опровергаютъ полезность запретительной системы или системы баланса, какъ ее называютъ, для Англіи въ его время и вообще для странъ съ развитыми мануфактурами. Но тѣ же разсужденія даютъ возможность объяснить себѣ господство меркантильной системы, въ этомъ ея фазисѣ, нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Теперь мы, кажется, имѣемъ основаніе признать за ней болѣе смысла, чѣмъ это дѣлается вообще, и не считать эту систему простымъ слѣдствіемъ нелѣпаго теоретическаго заблужденія.

Если самъ Смитъ соглашается, что скопленіе металлическихъ богатствъ составляло для государствъ патріархальнаго времени военную необходимость, то, разсуждая о такомъ времени, когда война и военное могущество составляли единственное средство, которымъ обезпечивалась прочность и безопасность владѣнія, нельзя признавать за безусловно ложную такую систему дѣйствія правительствъ, которая стремилась скопить главныя въ то время средства для веденія войны, деньги. Поэтому, меркантильная система, какъ фискальная система, вовсе не была слѣдствіемъ заблужденія, а напротивъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій своего времени. Точно также и въ своемъ послѣдующемъ видѣ, какъ система торговаго баланса, или запретительная система, меркантильная система выражала вѣроятно вовсе не обоготвореніе денегъ, какъ обыкновенно думаютъ. Не надобно забывать, что запретительная система, сколько бы она ни заботилась о балансѣ, прежде всего имѣла цѣлью покровительствовать въ странѣ развитію мануфакуръ и той промышленности, которая, по мнѣнію Смита, составляетъ военный фондъ, лучше исполняющій свое назначеніе, чѣмъ деньги. Эту-то сторону ея совершенно упускаютъ изъ виду ея критики, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эта сторона запретительной системы всего ярче выступаетъ впередъ и оставляетъ болѣе глубокіе слѣды въ жизни народовъ. Неизвѣстно, велики ли были богатства, скопленныя фисками при посредствѣ

этой системы или даже истраченныя; но что развитіе мануфактуръ въ Европѣ обязано было своимъ успѣхомъ этой системѣ, это несомнѣнно. Нужно думать поэтому, что и запретительная система, въ то время, когда военное могущество и централизація продолжали считаться главной цѣлью правительства, была вызвана не ложнымъ представленіемъ о значеніи денегъ, а напротивъ совершенно яснымъ сознаніемъ сперва того значенія, какое имѣютъ денежныя сокровища для военнаго дѣла, а потомъ — того превосходящаго деньги значенія, какое заключается для военнаго дѣла въ мануфактурномъ развитіи страны. Съ этой точки мы должны, какъ кажется, смотрѣть на меркантильную систему и видѣть въ ней не слѣдствіе невѣжества, не историческую ошибку, а явленіе совершенно осмысленное. Съ этой точки зрѣнія меркантильная система является послѣднимъ звеномъ въ длинной эпопеѣ созданія государственной власти черезъ поддержку средняго городскаго состоянія и городской жизни и подавленіе черезъ ея посредство власти бароновъ. Можно думать, что все это развитіе городской жизни въ ущербъ сельской было противоестественно, что оно было вызвано исключительно завоевательнымъ, военнымъ началомъ европейскихъ государствъ, что еслибы земля не была передѣлена набѣжавшими варварами между собою, а оставалась собственностью первоначальныхъ обитателей и передѣлялась между ними, и еслибы войны вообще не тревожили первоначальное развитіе обществъ, то въ такомъ случаѣ развитіе совершалось бы правильнѣе и естественнѣе. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ относить всѣ послѣдствія къ коренному, историческому факту, ихъ вызвавшему, а не разсматривать эти послѣдствія какъ нѣчто самостоятельное. Меркантильная система была однимъ изъ этихъ послѣдствій военнаго начала европейской исторіи, а вовсе не ошибочнымъ взглядомъ общества и правительствъ на богатство. Когда она сдѣлала свое дѣло,— а это было для Англіи именно во времена Смита,—когда правительства успѣли развить мануфактурную жизнь и промышленность, тогда нечего было больше покровительствовать этой промышленности и слѣдовательно защищать системы баланса, тогда Смитъ и всѣ экономисты Англіи могли спокойно нападать на эту систему, какъ сдѣлавшую свое дѣло и, въ полемическомъ ополченіи противъ нея, выставлять ее слѣдствіемъ нелѣпаго представленія о богатствѣ. Съ точки зрѣнія богатства, народнаго или общественнаго, она была дѣйствительно системой уродливой, но съ точки зрѣнія богатства національнаго, военнаго или государственнаго, составляющаго особую статью, меркантильная система представляла систему, совершенно послѣдовательную. И вотъ почему Смитъ съ самаго начала отдѣлялъ въ вопросѣ богатствъ вопросъ фиска

отъ вопроса общества, вопросъ богатства въ политическомъ смыслѣ отъ богатства въ смыслѣ общественномъ. Вѣрность такого взгляда на историческое значеніе меркантильной системы подтверждаетъ далѣе самъ Смитъ. «Не можетъ подлежать сомнѣнію,—пишетъ онъ,—что монополія на внутреннемъ рынкѣ часто служитъ весьма сильнымъ поощреніемъ той отрасли промышленности, которая ею пользуется.» «Можетъ случиться, что путемъ такого рода постановленій страна скорѣе разовьетъ какую-нибудь отрасль мануфактурной промышленности и что спустя нѣкоторое время произведенія ея будутъ поставляться по той же цѣнѣ или даже дешевле, чѣмъ заграничныя.» И какъ ни велико нерасположеніе Смита къ запретительной системѣ, тѣмъ не менѣе онъ соглашается далѣе, что могутъ быть однако два случая, при которыхъ было бы вообще не безполезно налагать пошлину на иностранные товары ради поощренія народной производительности. Во-первыхъ, когда какая-либо отрасль промышленности необходима для внѣшней безопасности страны. Напримѣръ, безопасность Англіи находится въ большой зависимости отъ числа ея кораблей; поэтому, говоритъ Смитъ, *актомъ мореплаванія* весьма основательно передана англійскимъ кораблямъ монополія мореплаванія. Нельзя сказать, чтобы въ смыслѣ богатства въ чисто экономическомъ смыслѣ такая мѣра была выгодна для общества. Англичанамъ приходится, вслѣдствіе этой мѣры, не только дороже платить за иностранные товары, но и дешевле продавать свои собственные. Тѣмъ не менѣе, заключаетъ Смитъ, такъ какъ безопасность государства важнѣе, чѣмъ его богатство, то *актъ мореплаванія* составляетъ, быть можетъ, самое мудрое изъ всѣхъ торговыхъ постановленій Англіи. Второе условіе, при которомъ представляется справедливымъ наложеніе пошлины, — это, «когда иностранное государство въ свою очередь стѣсняетъ высокими пошлинами ввозъ нашихъ произведеній.» Въ этихъ строкахъ Смита заключается ничто иное, какъ оправданіе меркантильной системы съ той именно точки зрѣнія, съ которой она вводилась и поддерживалась правительствами. Вслѣдствіе такого-то военнаго, стратегическаго или политическаго, характера, запретительная система и продолжала существовать на самомъ дѣлѣ до настоящаго времени не смотря на всѣ нападки противъ нея экономистовъ. Самъ Смитъ признавалъ вслѣдствіе этого трудность ея уничтоженія. Надѣяться на полную свободу торговли въ Великобританіи, пишетъ Смитъ (итакъ даже Великобританіи, уже достигшей при посредствѣ запретительной системы внѣшняго могущества), было бы такимъ же безумiемъ, какъ ожидать въ ней осуществленія республикъ Утопіи и Океаніи. Не только общественные предразсудки,

но, что всего труднѣе побѣдить, частныя выгоды многихъ отдѣльныхъ лицъ представляютъ въ этомъ отношеніи неодолимую преграду.»

Совершенно иное дѣло, если разсматривать меркантильную систему какъ систему экономическую, т. е. съ точки зрѣнія исключительно общественной, какъ относится къ ней преимущественно Смитъ. Выгодная въ извѣстныхъ случаяхъ для государства, эта система представляется убыточной для общества. Поощряя одинъ родъ промышленности на счетъ другаго, покровительствуя городской классъ на счетъ сельскаго, она уклоняетъ экономическое развитіе отъ правильной и естественной дороги, она развиваетъ городскую промышленность въ странѣ съ слабо развитымъ земледѣліемъ и останавливаетъ производство сырья на слабой степени совершенства. Выработывая предметы удобствъ и роскоши на счетъ предметовъ сельскаго производства, она доставляетъ и увеличиваетъ удобства достаточныхъ классовъ и ничего не дѣлаетъ для увеличенія средствъ прокормленія, которыя доставляются сельскими продуктами и увеличеніе которыхъ обезпечивается приложеніемъ все болѣе и болѣе тщательнаго труда къ земледѣлію и усовершенствованіемъ земледѣльческой техники. Потому-то, эта система, господствуя вездѣ въ Европѣ какъ система стратегическая, способствуя развитію сильныхъ государствъ и городской культуры, увеличила удобства жизни высшихъ классовъ, но вездѣ оставила на низкой степени земледѣліе и отразилась повсемѣстной недостаточностью средствъ собственно для пропитанія народа. Создавъ вездѣ предметы роскоши, она вездѣ же оставила на низкой степени развитія и сельское устройство, и законодательство, и земледѣльческую технику. Отвлекая руки и капиталы изъ села въ городъ, она оставила массу земель вовсе необработанной и воздѣланную часть земель воздѣланной весьма дурно.

Во-вторыхъ, поощрять и поддерживать въ странѣ промышленность, принуждая общество пріобрѣтать произведенія этой промышленности дороже, чѣмъ оно могло получить ихъ извнѣ,—а въ этомъ-то и состоитъ сущность покровительственной системы,—не значитъ вовсе направлять народный трудъ выгоднымъ для страны образомъ. Это значитъ отвлекать прежде всего руки отъ такого производства, къ которому бы онѣ прилагались при свободѣ торговли, потому что въ этомъ приложеніи капиталъ и трудъ нашли бы наибольшее вознагражденіе, и обращать капиталы и руки на такое производство, въ которомъ народный трудъ оказывается менѣе производителенъ. Въ результатѣ, обществу будутъ дороже обходиться такіе предметы, которые могли бы быть имъ пріобрѣтены дешевле извнѣ, и общество, удѣлившее часть труда на

туземное производство этихъ предметовъ, менѣе произведетъ и продастъ такихъ, производство которыхъ для него всего выгоднѣе.

Естественныя выгоды одной страны предъ другою столь значительны, что нелѣпость борьбы противъ нихъ понятна каждому. При посредствѣ теплицъ можно въ Шотландіи дѣлать такое же вино, какое производится на Рейнѣ, только на это нужно употребить въ тридцать разъ больше труда. Но столь же нелѣпо употребить не только въ 30 разъ, но на $^1/_{30}$ или $^1/_{300}$ больше труда на производство вещи, если можно, не употребляя этого излишка труда, получать вещь отъ сосѣда, и въ такомъ случаѣ все равно, будутъ ли преимущества одной страны передъ другой естественныя, или пріобрѣтенныя. Пока одна изъ странъ не имѣетъ ихъ, до тѣхъ поръ ей всегда выгоднѣе будетъ покупать у другой, чѣмъ приготовлять такого рода произведенія дома. Преимущество ремесленника передъ сосѣдомъ составляетъ такую же пріобрѣтенную имъ выгоду, и между тѣмъ никто не заставляетъ сосѣда разомъ заниматься всѣми ремеслами, а находитъ совершенно естественнымъ, что одни ремесленники покупаютъ у другихъ. Что справедливо для отдѣльныхъ лицъ, то справедливо и для общества. При всемъ этомъ, по мнѣнію Смита, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на разницу, которая существуетъ между покровительствомъ, смотря по тому, касается ли оно городской или сельской промышленности. Покровительство земледѣлія никогда не можетъ оказать такого вліянія, какъ покровительство городской промышленности. «Свободный ввозъ хлѣба могъ бы оказать самое ничтожное вліяніе на выгоды англійскихъ фермеровъ, а свободный ввозъ мяса еще меньшее вліяніе; все это потому, что сельскіе продукты вообще громоздки и неудобны для перевозки, перевозка же скота водянымъ путемъ обходится дороже, чѣмъ доставленіе его сухимъ. Среднее количество ввозимаго хлѣба не превышаетъ 23,728 кв. всякаго хлѣба, что составляетъ не болѣе $^1/_{571}$ всего годоваго потребленія. По той же самой причинѣ не можетъ достичь значительныхъ размѣровъ и вывозъ хлѣба. Но совершенно иное дѣло съ мануфактурными продуктами, перевозъ которыхъ весьма легокъ; тутъ внѣшняя торговля представляется особенно выгодной, а потому и поощренія этого рода производства дѣйствуютъ рѣшительнѣе и оказываютъ больше выгодъ монополистамъ. Вслѣдствіе этого, нѣтъ класса, болѣе жаднаго къ монополіямъ, чѣмъ классъ торговый и мануфактурный, и къ чести земледѣльческаго класса нужно сознаться, что въ немъ вовсе не замѣчается этой жадности.»

Существуетъ однако одинъ видъ покровительства сельской промышленности, на который Адамъ Смитъ обращаетъ особенное вниманіе по его вред-

ному вліянію. Это—покровительство земледѣлію посредствомъ премій. Преміи имѣютъ свойство, по мнѣнію Смита, поднимать цѣну на хлѣбъ внутри страны и даютъ возможность продавать его другой странѣ дешевле, чѣмъ это было бы возможно безъ премій. Преміи доплачиваютъ производителю ту часть стоимости производства, которая иначе, падая на производителя, не дала бы ему возможности вывозить хлѣбъ на иностранные рынки по существующей тамъ цѣнѣ. Оставаясь въ странѣ, хлѣбъ стоилъ бы дешевле на внутреннемъ рынкѣ, усилившаяся же возможность сбыта вслѣдствіе преміи должна поднять неизбѣжно цѣну хлѣба внутри страны, между тѣмъ какъ усилившійся привозъ хлѣба на иностранный рынокъ удешевляетъ его для иностранныхъ потребителей. Поэтому, страна, выдающая преміи земледѣлію, прежде всего работаетъ въ пользу иностранныхъ потребителей. Что же касается ея самой, то она теряетъ прежде всего на увеличившейся внутри страны цѣнѣ хлѣба, и притомъ теряетъ, не исключая самихъ производителей хлѣба: такъ какъ цѣна хлѣба, по мнѣнію Смита, управляетъ цѣной всѣхъ остальныхъ товаровъ, то вздорожаніе хлѣба поднимаетъ цѣну и на всѣ остальные товары, такъ что возвышеніе цѣны на хлѣбъ приводитъ въ сущности только къ удешевленію цѣны денегъ въ странѣ и вздорожанію ихъ на иностранномъ рынкѣ. Въ суммѣ слѣдовательно, въ странѣ оказывается меньшая покупательная сила вообще, на иностранномъ рынкѣ бо́льшая, и слѣдовательно страна вообще бѣднѣетъ вслѣдствіе премій земледѣлію. Но этого мало,—сверхъ того она выплачиваетъ общій налогъ, изъ котораго уплачиваются преміи, и такимъ образомъ несетъ двойную потерю: платитъ налогъ, для того чтобы покупать всѣ товары дороже, чѣмъ бы могла. Самъ же фермеръ, если получитъ возможность продать хлѣбъ дороже, то на вырученныя деньги купитъ на столько же менѣе другихъ произведеній, чѣмъ прежде, и не въ состояніи будетъ ни удѣлить больше, чѣмъ прежде, землевладѣльцу, ни самъ улучшить положеніе фермы. Слѣдовательно положеніе фермера и землевладѣльца остается по большей мѣрѣ тоже, какъ и прежде, вся же страна только теряетъ и выигрываютъ иностранные потребители. Слѣдуетъ помнить, что если вздорожаніе товаровъ, проистекающее отъ понижающейся цѣнности серебра, вслѣдствіе его изобилія, одинаково распространяющееся на весь торговый міръ, не дѣлаетъ никого богаче, то вздорожаніе товаровъ и средствъ продовольствія въ одной какой-либо странѣ открываетъ иностранцамъ средства снабжать ее всякаго рода товарами дешевле и слѣдовательно приводитъ въ упадокъ всѣ отрасли внутренней промышленности.

Таковы мысли Смита о меркантилизмѣ и вмѣшательствѣ, какъ тео-

ріи. Я перейду теперь къ изложенію практическихъ послѣдствій примѣненія вмѣшательства въ томъ видѣ, какъ они разсмотрѣны Смитомъ. Нечего говорить о томъ, что если Смитъ призналъ въ теоріи самымъ невыгоднымъ видомъ покровительства покровительство торговое, то съ этимъ-то видомъ покровительства онъ долженъ встрѣтиться теперь на практикѣ и разсмотрѣть прежде всего его послѣдствія.

«Въ каждомъ обществѣ, развивающемся правильно, пишетъ онъ, развитіе земледѣльческой или сельской промышленности предшествуетъ развитію городской промышленности. Все это потому, что сельская промышленность вырабатываетъ предметы первой необходимости, предметы, необходимые для поддержанія существованія, тогда какъ городъ вырабатываетъ предметы роскоши и удобства. Такъ какъ при естественномъ порядкѣ вещей, продовольствіе составляетъ потребность, предшествующую удобству и роскоши, то и промышленность сельская должна предшествовать развитію городовъ. Только излишекъ деревенскихъ произведеній, т. е. остатокъ отъ потребленія людей, воздѣлывающихъ землю, доставляетъ средства существованія для городовъ, населеніе которыхъ можетъ поэтому возрастать только по мѣрѣ увеличенія этого излишка. Еслибы это естественное теченіе не встрѣчало противодѣйствія, говоритъ Смитъ, со стороны общественныхъ учрежденій, то ни въ одной странѣ населеніе города не возрастало бы выше той численности, какая можетъ быть поддержана состояніемъ земледѣлія той мѣстности, въ которой расположенъ городъ. Но постороннія обстоятельства, и въ томъ числѣ человѣческія учрежденія весьма часто возмущали, говоритъ Смитъ, естественное развитіе, и этой причинѣ была обязана Европа тѣмъ раннимъ и противоестественнымъ развитіемъ городской жизни на счетъ сельской и упадкомъ земледѣлія, которыя въ ней замѣчаются.

Первой причиной упадка земледѣлія въ Европѣ, по мнѣнію Смита, былъ захватъ огромныхъ пространствъ земель феодальными владѣльцами и сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, словомъ, образованіе крупной поземельной собственности, а затѣмъ и законъ первородства, не допускавшій раздѣла этой собственности по наслѣдству. Правда, этотъ законъ находилъ свое основаніе въ условіяхъ времени. Когда поземельное владѣніе разсматривается только какъ источникъ дохода, какъ это было во время римскаго владычества, тогда не было никакихъ причинъ ограничивать предѣлы этой собственности. Но съ покореніемъ Европы варварами, каждое владѣніе стало политическимъ тѣломъ, самостоятельность и безопасность котораго отъ посторонняго грабежа обезпечивались его обширностью и военнымъ могуществомъ. Раздѣлять такое владѣніе значило тоже, что раздѣлять госу-

дарство,—передѣлъ такого владѣнія по наслѣдству равнялся разоренію его. По этой причинѣ и утвердился законъ единонаслѣдія въ феодальныхъ владѣніяхъ. Но учреждая такой порядокъ, Европа вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно жертвовала интересами земледѣлія. Все населеніе огромныхъ поземельныхъ владѣній обращалось въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльца, поземельные участки обработывались не самими хозяевами ихъ, а руками крѣпостныхъ работниковъ, не имѣвшихъ никакого интереса въ ихъ улучшеніи. Самъ же феодальный владѣлецъ, занятый военными интересами, всего менѣе думалъ объ улучшеніи земледѣлія. Вообще, говоритъ Смитъ, рѣдко случается, чтобы крупный собственникъ оказался способнымъ произвесть важныя улучшенія въ своемъ владѣніи. Во время безпорядковъ, породившихъ эти невѣжественныя учрежденія, владѣлецъ большихъ земель занятъ былъ одною заботою о защитѣ своей территоріи, о распространеніи своей власти и о подчиненіи себѣ сосѣдей. У него не было досуга подумать объ обработкѣ своихъ земель и объ увеличеніи ихъ цѣнности. Когда же окрѣпнувшій порядокъ и законъ дали ему возможность подумать объ этомъ, то въ немъ не оказалось ни охоты къ этому, ни необходимыхъ способностей. Чтобы заставить землю приносить доходъ, нужно внимательно слѣдить, какъ и во всякомъ торговомъ предпріятіи, за всѣми мелочными расходами и сбереженіями, на что рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, окруженный роскошью, хотя бы и бережливый по своей природѣ. Окружающія его условія скорѣе влекутъ его къ удовлетворенію своихъ прихотей, чѣмъ къ заботѣ о барышахъ, въ которыхъ онъ не чувствуетъ никакой необходимости. Направленіе, естественно придаваемое привычками всѣмъ его понятіямъ, продолжаетъ свое дѣйствіе и тогда, когда онъ обратится къ улучшенію своихъ земель. Онъ приведетъ въ изящный видъ быть можетъ четыреста или пять сотъ акровъ вокругъ своего дома и истратитъ на это въ десять разъ больше того, чѣмъ это въ сущности стоитъ, пока не увидитъ, что, еслибы онъ предпринялъ подобное улучшеніе во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, то разорился бы, не выполнивъ десятой доли своихъ замысловъ. Въ Англіи существуютъ по настоящее время огромныя земли, не выходившія изъ владѣнія одного и того же рода со времени феодальнаго безначалія. Достаточно сравнить настоящее состояніе этихъ владѣній съ участками мелкихъ окрестныхъ собственниковъ, чтобы судить и безъ всякихъ другихъ аргументовъ, какъ мало выгодны обширныя владѣнія для успѣховъ земледѣлія. Но если законъ о единонаслѣдіи и нераздробленіи поземельной собственности и имѣлъ свое основаніе въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ возникъ, то затѣмъ онъ давно пережилъ тѣ причины, кото-

рыя его вызвали въ свое время. Въ настоящее время, пишетъ Смитъ, спокойное владѣніе каждымъ малымъ клочкомъ поземельной собственности болѣе обезпечено закономъ, чѣмъ было обезпечено въ средніе вѣка владѣніе цѣлыми государствами, — нѣсколькихъ акровъ земли достаточно для безбѣднаго, зажиточнаго существованія цѣлаго семейства,— причины, породившія крупную поземельную собственность давно исчезли, а между тѣмъ законъ о нераздробленіи участковъ продолжалъ и продолжаетъ существовать.

Послѣдовавшее освобожденіе крѣпостныхъ безъ земли мало помогло улучшенію земледѣльцевъ. Крѣпостные обратились сперва въ половниковъ; но половникъ, имѣя въ виду возвращать половину поземельнаго дохода хозяину и работающій его капиталомъ, всегда склоненъ скорѣе употребить рабочій капиталъ, принадлежащій хозяину, на постороннія улучшенію земледѣлія прибыли, такъ напримѣръ на извозъ. Половничество смѣнилось въ большей части странъ фермерствомъ, но только въ одной Англіи фермеры поставлены были въ такое положеніе относительно арендуемыхъ участковъ, которое, обезпечивая за ними прочность и продолжительность аренды, дало возможность арендаторамъ употреблять свои капиталы на улучшеніе чужихъ земель. Во Франціи напр. фермеры подчинены самымъ случайнымъ и произвольнымъ повинностямъ, по исправленію дорогъ, снабженію фуражемъ и подводами войска и чиновниковъ, они обложены сверхъ того особой государственной податью, называемой стрижка (taille), отъ слова tailler, стричь, считающейся униженіемъ для человѣка, который ее несетъ. Вслѣдствіе этого не только дворянинъ, но ни одинъ мѣщанинъ не согласится стать здѣсь фермеромъ на такихъ условіяхъ.

Вторая причина, способствовавшая упадку земледѣлія, заключалась въ прямомъ поощреніи городской жизни на счетъ сельской. Правительства въ борьбѣ съ феодалами опирались на развитіе городовъ: въ городахъ они создавали силу, не зависѣвшую отъ поземельныхъ собственниковъ и готовую помогать правительствамъ въ борьбѣ съ феодалами. Вслѣдствіе этого все, что успѣвало пріобрѣсти какіе-либо капиталы, стекалось въ города, гдѣ пользовалось правами гражданства и независимостью. Раннее развитіе городской жизни было такимъ образомъ въ Европѣ прямымъ результатомъ борьбы правительствъ съ баронами.

Наконецъ третья причина унадка земледѣлія заключалась, по мнѣнію Смита, въ развитіи торговой покровительственной системы относительно городской промышленности, и находилась въ прямой связи съ покровительствомъ городскаго развитія.

Вслѣдствіе такихъ причинъ городская мануфактурная и торговая

промышленность опередила въ Европѣ развитіе земледѣлія, и эта городская промышленность, уже разъ развившаяся, косвенно способствовала послѣ къ тѣмъ улучшеніямъ въ земледѣліи, которыя въ немъ совершились въ болѣе позднее время. Вопреки правильному порядку развитія, городская промышленность стала здѣсь не слѣдствіемъ, а причиной развитія земледѣлія. Смитъ объясняетъ это косвенное вліяніе городской промышленности на улучшеніе земледѣлія слѣдующимъ образомъ: Въ развитіи городовъ, говоритъ онъ, правительства нашли не только одну внѣшнюю силу, помогавшую имъ въ борьбѣ съ баронами,—это развитіе, развитіе мануфактуръ и торговли, имѣло такое вліяніе на образъ жизни бароновъ, которое радикально измѣнило ихъ прежнія отношенія къ окружающей средѣ и совершенно ослабило ихъ власть надъ лицами. «Въ странѣ, незнакомой съ иностранной торговлей и не имѣющей значительныхъ фабрикъ, человѣку, проживающему 10,000 ф.; нѣтъ другаго средства употреблять свой доходъ какъ на содержаніе можетъ быть тысячи праздныхъ семействъ, которыя всѣ будутъ находиться отъ него въ зависимости. Мануфактурное производство предоставило землевладѣльцамъ возможность проживать свой доходъ, тратя его прямо на себя, на предметы личнаго удобства и роскоши, и такъ какъ для этихъ людей главнымъ руководящимъ правиломъ было: все для себя и ничего для другихъ, то они и должны были широко воспользоваться представившеюся возможностью. Предметы роскоши, покупаемые землевладѣльцемъ, давали косвенное содержаніе можетъ быть той же тысячѣ работниковъ, но это была уже тысяча работниковъ, лично совершенно не зависѣвшихъ и вовсе неизвѣстныхъ землевладѣльцу, а не тысяча нахлѣбниковъ, какъ прежде, надъ которыми онъ утверждалъ свое вліяніе личными щедротами Землевладѣлецъ начиналъ тратить на себя, на свои удобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ начиналъ терять власть и вліяніе на окружающихъ людей. Такъ какъ личныя издержки увеличились, то должно было уменьшиться хлѣбосольство и должна была быть распущена дворня. Послѣдняя должна была по неволѣ ограничиться небольшимъ числомъ необходимыхъ лакеевъ, вовсе не возбуждавшихъ особеннаго интереса властвовать надъ ними. Постоянное дѣйствіе той же причины побуждало землевладѣльца требовать бо́льшихъ доходовъ, чѣмъ какіе могли быть доставлены его землей при данномъ состояніи земледѣлія. Но фермеры его могли согласиться на такое увеличеніе не иначе какъ подъ условіемъ, что онъ уступитъ имъ пользованіе землей на долгій срокъ, чтобы имѣть время возвратить капиталъ, который будетъ вложенъ въ землю для новыхъ улучшеній, и тщеславная расточительность собственника побудила его принять это условіе. Послѣ того какъ

фермеры получили независимость, а дворня была распущена, богатымъ собственникамъ нельзя уже было ни нарушать общаго порядка суда, ни возмущать общественнаго спокойствія страны. Продавши свое право первородства, не какъ Исавъ въ минуту голода, но среди безумія изобилія и за бездѣлки и игрушки, болѣе приличныя для забавы дѣтей, чѣмъ для занятія серьезныхъ людей, они стали столь же безопасны, какъ какой-нибудь городской ремесленникъ.

«Вотъ какимъ образомъ въ большей части Европы торговля и промышленность городовъ, вмѣсто того, чтобы быть слѣдствіемъ земледѣлія и обработки почвы, были причиною развитія деревень.

«Но такъ какъ такой порядокъ противенъ естественному теченію вещей, то онъ по необходимости долженъ быть медленъ и не надеженъ. Пусть сравнятъ медленные успѣхи европейскихъ странъ, богатство которыхъ зависитъ преимущественно отъ торговли, съ быстрымъ развитіемъ Америки, все благосостояніе которой заключается въ развитіи земледѣлія. Въ Европѣ законъ первородства и другія стѣсненія, имѣющія цѣлью удержать крупную поземельную собственность, не только задерживаютъ улучшенную обработку земель, но держатъ внѣ употребленія такое количество земель, что всегда существуетъ больше капиталовъ для покупки ихъ, чѣмъ сколько земель бываетъ въ продажѣ. Землевладѣльцы пользуются, вслѣдствіе этого, монополіей, и земли продающіяся цѣнятся гораздо выше того, что онѣ на самомъ дѣлѣ стоятъ. Поэтому, рента никогда не оплачиваетъ капитала, истрачиваемаго на покупку земель, и пріобрѣтеніе поземельной собственности въ Европѣ скорѣе составляетъ предметъ прихоти, чѣмъ разсчета; иное въ С. Америкѣ, гдѣ поземельная собственность составляетъ самый вѣрный источникъ обогащенія.»

Другимъ спеціальнымъ проявленіемъ вмѣшательства было вліяніе его на отношенія между элементами цѣны, на величину рабочей платы.

Величина рабочей платы измѣняется, вслѣдствіе промышленнаго законодательства, стѣсняющаго отправленіе однихъ промысловъ передъ другими. Этимъ путемъ искусственно 1) сокращается число рукъ на трудъ, отправленіе котораго стѣснено, и тѣмъ самымъ возвышается здѣсь рабочая плата; 2) направляется большее число рукъ къ промысламъ свободнымъ и черезъ это понижается заработная плата въ этихъ промыслахъ. Въ результатѣ одинъ промыслъ поощряется въ ущербъ другому. Въ такомъ ложномъ отношеніи находятся повсемѣстно между собою въ Европѣ два промысла: городской и сельскій.

Неизвѣстно, почему всегда предполагалось, что городскіе промыслы и ремесла требуютъ спеціальнаго изученія, спеціальной подготовки и

знаній и никогда никому не приходило въ голову, говоритъ Смитъ, чтобы для земледѣлія, составляющаго главное занятіе сельскаго населенія, необходимо было обученіе. Однакоже, за исключеніемъ развѣ того, что называется свободными науками и искусствами, быть можетъ нѣтъ занятія, которое требовало бы такихъ разнообразныхъ знаній и такой опытности.

Между тѣмъ, въ то время, какъ законодательное вмѣшательство не касалось вовсе сельскаго промысла, оно повсемѣстно въ Европѣ стѣсняло свободу промысловъ городскихъ, и черезъ это ограничивало число городскихъ промышленниковъ въ ущербъ сельскимъ. Организація для каждаго городскаго промысла отдѣльнаго цеха или корпораціи съ исключительной привилегіей отправлять данное ремесло, распространенная исключительно на городскіе промыслы, была тѣмъ главнымъ средствомъ, которымъ городская промышленность поощрялась постоянно въ ущербъ сельской. Для того, чтобы получить право извѣстнаго городскаго промысла, нужно было стать членомъ цеха или корпораціи. Условіемъ для полученія этого права было обученіе у дѣйствительнаго мастера или члена корпораціи въ теченіе извѣстнаго срока данному ремеслу.

Цеховыми постановленіями опредѣлялось число лѣтъ и условія, на которыхъ искатель права на производство ремесла долженъ былъ оставаться ученикомъ. Сроки обученія были весьма продолжительны и условія обученія тяжелы. Сроки эти были совершенно одинаковы для всѣхъ ремеслъ и знаній, не обращая вниманія на трудность изученія ремесла или легкость его. Общимъ срокомъ былъ принятъ самый продолжительный, существовавшій для изученія наукъ и искусствъ въ университетахъ. Для того, чтобы стать докторомъ медицины, права, нужно было пробыть то же время ученикомъ или студентомъ, какъ и для того, чтобы стать мастеромъ сапожнаго цеха. Сами ремесленные цехи носили названія университетовъ, они разсматривались какъ такія же корпораціи, какъ и университеты, и въ древнихъ хартіяхъ старыхъ городовъ часто можно встрѣтить выраженія: университетъ кузнецовъ, портныхъ и пр.

Въ Англіи при Елисаветѣ такой срокъ положенъ былъ въ семь лѣтъ, во Франціи—пять лѣтъ; но прежде чѣмъ получить право заниматься самостоятельно ремесломъ, ученикъ долженъ былъ проработать еще пять лѣтъ, какъ поденный работникъ, подмастерье.

Такого продолжительнаго обученія, замѣчаетъ Смитъ, не требовало самое дѣло. Мастерство, представляющее наибольшія трудности, какъ напр. приготовленіе карманныхъ часовъ, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы требовало продолжительнаго курса; въ простыхъ же

механическихъ ремеслахъ, разумѣется, достаточно было нѣсколькихъ дней. Правда, что ловкость рукъ пріобрѣтается навыкомъ, но эту ловкость работникъ пріобрѣлъ бы конечно скорѣе, еслибы онъ съ самаго начала употреблялся какъ мастеръ и поощрялся по прилежанію задѣльной платой. При этомъ его воспитаніе было бы не столь продолжительно и менѣе дорого. Конечно, оно было бы не столь выгодно для хозяина, и самъ работникъ получилъ бы впослѣдствіи меньшую прибыль отъ своего труда, вслѣдствіе увеличенія числа промышленниковъ; но самое распредѣленіе рабочей платы было бы равномѣрнѣе и самыя вещи дешевле.

Если этимъ путемъ высказывалась заботливость законодателей о томъ, чтобъ не получилъ работы человѣкъ неумѣющій и на рынокъ не поступали бы негодные товары, то средство это было плохое. «Плохія произведенія составляютъ результатъ обмана, а не неумѣнья сдѣлать лучшіе, и долговременность обученія не предотвратитъ обмана. Штемпель пробы на серебряной посудѣ и клеймо на кускѣ сукна составляютъ лучшую гарантію для покупателя, чѣмъ всѣ возможныя положенія объ обученіи. Вотъ почему при покупкѣ вообще обращается вниманіе на такое клеймо, но никто не беретъ на себя труда справляться, находился ли 7 лѣтъ въ обученіи работникъ, приготовлявшій эти товары.»

Но этого недостаточно; независимо отъ срока обученія, самое число учениковъ, которое могъ держать мастеръ, было ограничено, и наконецъ самое производство для мастера одного цеха операцій другаго цеха было строго воспрещено.

Сообразивъ все это, Смитъ приходитъ къ тому заключенію, что польза обученія была только предлогомъ въ цеховомъ устройствѣ; настоящей же его цѣлью было предупредить пониженіе выгоды отъ занятій городскими ремеслами черезъ ограниченіе доступа къ этимъ ремесламъ. Такимъ образомъ цехи были собственно привилегіи, испрашиваемыя себѣ корпораціями мастеровъ, и для правительства, утверждавшаго эти привилегіи, они были источникомъ дохода, почему и утверждались. Самое же цеховое управленіе находилось въ рукахъ самихъ цеховъ, и потому общая круговая выгода цеховъ заставляла каждый цехъ не препятствовать другому въ соблюденіи своихъ выгодъ.

«Самое священное, неприкосновенное право собственности, право на свой собственный трудъ попиралось такими учрежденіями и такой политикой, говоритъ Смитъ. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ, въ ловкости его рукъ; мѣшать ему употреблять эту силу и эту ловкость такъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ его свободою. Это есть вопіющее нарушеніе

законной свободы, какъ работника, такъ и того, кто захотѣлъ бы дать ему работу.»

Но, продолжаетъ Смитъ, преимущества городской промышленности въ ущербъ сельской во всей Европѣ обязаны своимъ существованіемъ не одному устройству цеховъ. Такое вліяніе оказываютъ высокія пошлины на всѣ иностранныя мануфактурныя произведенія. Эти пошлины предохраняютъ цеховыхъ промышленниковъ отъ конкурренціи иностранныхъ. Высокія цѣны, вызываемыя постановленіями того и другаго рода, въ окончательномъ счетѣ падаютъ все-таки на земледѣльческій классъ. «Обыкновенно сельскому классу далеко до правительства, и онъ не имѣетъ возможности войти въ соглашеніе, чтобы дать отпоръ такимъ мѣрамъ, между тѣмъ какъ купцамъ, путемъ воплей и лицемѣрныхъ договоровъ, легко удается представить общимъ дѣломъ частные интересы сословія, которое на самомъ дѣлѣ имѣетъ только второстепенное значеніе въ обществѣ. Люди одного промысла рѣдко сходятся, хотя бы для забавы, безъ того, чтобы бесѣда ихъ не окончилась какимъ-либо злоумышленіемъ противъ покупателей, или кознями въ пользу повышенія цѣнъ.»

Такія естественныя преимущества, которыя имѣетъ городская промышленность надъ сельской, вслѣдствіе скученности городскаго населенія, и безъ того даютъ ей извѣстный перевѣсъ надъ сельской, чтобы нужно было еще поощрять ее.

Трудно конечно указать тотъ предѣлъ, до котораго простиралось бы обѣднѣніе земледѣльцевъ на счетъ городскаго богатства, еслибы чрезмѣрное скопленіе капиталовъ въ городской промышленности не усиливало наконецъ и здѣсь конкурренціи и не понижало прибылей до того, что излишекъ капиталовъ становился въ тягость городской промышленности и эти капиталы не вынуждены были обращаться по неволѣ къ земледѣлію. Въ прежнія времена городская промышленность находилась здѣсь въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ теперь: въ настоящее время рабочая плата и прибыль стали болѣе близки между собой въ селѣ, и въ городѣ перемѣну эту можно принять за неизбѣжное, хотя и весьма запоздавшее, слѣдствіе насильственнаго поощренія городской промышленности. Скопляющійся въ городахъ капиталъ получилъ такіе размѣры, что не можетъ быть употребленъ въ городахъ съ прежней выгодой. Пониженіе прибыли въ городахъ принуждаетъ капиталы обращаться въ деревни, въ которыхъ новыми требованіями на трудъ они поднимаютъ задѣльную плату за земледѣльческую работу; тогда капиталы разсѣеваются, такъ сказать, по всей почвѣ и приложеніе ихъ къ земледѣлію возвращаетъ ихъ деревнямъ, въ ущербъ которымъ произошло первона-

чальное скопленіе ихъ въ городахъ. Такому разливу капиталовъ, первоначально собранныхъ въ городахъ, обязана была вся Европа успѣхами земледѣлія, но такой порядокъ самъ собою необходимо медленъ, сомнителенъ, подверженъ множеству безчисленныхъ случайностей и во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчитъ порядку природы и законамъ разума.»

Наконецъ, по мнѣнію Смита, кромѣ цѣховъ и запретительной системы, вмѣшательство искажало естественный порядокъ еще однимъ способомъ.—Принималось обыкновенно за дѣло необыкновенной важности—воспитывать для нѣкоторыхъ занятій достаточное число молодыхъ людей, такъ что съ этой цѣлью учреждалось государствомъ или обществомъ такое количество заведеній и стипендій, которое привлекало къ этимъ занятіямъ больше молодыхъ людей, чѣмъ требовалось. Такъ было съ молодыми людьми, воспитывавшимися для духовнаго званія на общественное иждивеніе. Избытокъ людей, воспитанныхъ съ этою цѣлью, заставлялъ часть ихъ, для которой не находилось мѣста въ духовенствѣ, дѣлаться просто домашними учителями. Положеніе вещей дошло до того, что до изобрѣтенія книгопечатанія, говоритъ Смитъ, студентъ и нищій были, кажется, выраженіями однозначащими, и ректоры университетовъ давали разрѣшеніе своимъ воспитанникамъ просить подаяніе. По изобрѣтеніи книгопечатанія часть ихъ обратилась къ занятію литературой, и хотя, замѣчаетъ Смитъ, положеніе домашняго учителя было полезнѣе и почетнѣе, чѣмъ писать по заказу книгопродавца, тѣмъ не менѣе вознагражденіе въ этомъ классѣ было бы гораздо ничтожнѣе, чѣмъ теперь, еслибы книгопечатаніе не отвлекло извѣстное число рукъ отъ учительскихъ занятій къ занятію литературой.

Наконецъ Смитъ указываетъ еще на одно явленіе какъ на одно изъ спеціальныхъ проявленій меркантильной системы, это—монополизація метрополіями торговли съ своими колоніями. Англія въ числѣ другихъ и успѣшнѣе другихъ заботилась о такой монополизаціи. Предполагалось, что чрезъ запрещеніе колоніямъ сбыта извѣстныхъ товаровъ въ иную страну, кромѣ Англіи, Англія должна получать большія выгоды. Правда, что черезъ это стѣснялся кругъ сбыта для колоній, что количество колоніальныхъ продуктовъ, которое могла продать колонія, ограничивалось, а слѣдовательно и самое производство этихъ продуктовъ не могло достичь тѣхъ размѣровъ, которыхъ достигло бы иначе; правда, слѣдовательно, что вслѣдствіе такой монополизаціи колоніи только теряли; но Англія получала колоніальные продукты изъ первыхъ рукъ, между тѣмъ какъ остальныя страны должны были пріобрѣтать тѣ же продукты уже у англійскихъ купцовъ,—Англіи слѣдовательно эти продукты обходились дешевле, чѣмъ другимъ странамъ, она оплачивала ихъ меньшей долей

своего собственнаго труда, чѣмъ другія, и въ этомъ состояла, какъ предполагалось, ея выгода отъ примѣненія меркантильной политики къ колоніальной торговлѣ.

Смитъ полагаетъ, что и тутъ эта выгода была разсчитана не совсѣмъ вѣрно. Англія, думаетъ онъ, покупала колоніальные товары дѣйствительно дешевле другихъ странъ, но она покупала бы ихъ еще дешевле вмѣстѣ съ другими странами, еслибы производство колоніальное, вслѣдствіе свободы торговли, могло достигать своихъ естественныхъ размѣровъ. Выгода ея была такимъ образомъ только относительная и въ сущности равнялась потерѣ. А между тѣмъ ради этой относительной выгоды, ради достиженія чисто недоброжелательной и завистливой цѣли, Англія пожертвовала безъ всякаго сомнѣнія не только частью своихъ безспорныхъ выгодъ, какія получила бы вмѣстѣ съ прочими народами отъ этой торговли, но еще подчинилась во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ новымъ потерямъ. Потери эти были слѣдующія: вслѣдствіе выгодъ, которыя открывала купцамъ торговля съ колоніями, капиталы Великобританіи невольно были отвлечены колоніальной торговлей отъ прочихъ отраслей промышленности и потому въ то же время ослабѣла торговля Англіи съ болѣе близкими странами и перешла въ иностранныя руки. Могутъ возразить, говоритъ Смитъ, что въ этомъ не было потери, если колоніальная торговля для Англіи была выгоднѣе тѣхъ промысловъ, отъ которыхъ она отвлекла капиталы. Но въ томъ-то и дѣло, что это несправедливо, что эти промыслы въ сущности были выгоднѣе для Англіи. «Самымъ выгоднымъ для страны приложеніемъ капитала должно считать то, которое содержитъ наибольшее количество труда въ странѣ; количество же труда, какое можетъ содержать торговля, прямо пропорціонально быстротѣ оборотовъ капитала. Быстрота же, съ которой оборачивается капиталъ, обратно пропорціональна разстоянію, на которомъ ведется торговля: въ мелочной торговлѣ капиталъ оборачивается быстрѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, во внутренней торговлѣ быстрѣе чѣмъ въ иностранной, а въ передаточной торговлѣ еще медленнѣе. Поэтому, иностранная торговля съ болѣе близкой страной, для внутренняго потребленія, выгоднѣе торговли съ болѣе отдаленною страной, съ цѣлью перепродажи. Англія же въ своей колоніальной торговлѣ именно мѣняла торговлю перваго рода, т. е. болѣе выгодную, на торговлю втораго рода, менѣе выгодную для страны. Для примѣра возьмемъ табакъ. Мариландъ и Виргинія посылаютъ въ Англію ежегодно болѣе 96 т. кипъ табаку, изъ коихъ Англія потребляетъ только 14. Стало быть болѣе 82 т. кипъ вывозятся въ прочія страны. Чтобы вычислить, во сколько лѣтъ весь, употребленный на покупку и распродажу этихъ

82 т. кипъ, капиталъ вернется въ Великобританію, слѣдуетъ припомнить, что и при прямыхъ сношеніяхъ съ Америкой весь капиталъ часто возвращается не ранѣе какъ черезъ три, четыре года, то можно предположить, что въ настоящемъ случаѣ онъ вернется не ранѣе какъ черезъ четыре-пять лѣтъ. Слѣдовательно, количество труда, которое будетъ содержаться въ странѣ на этотъ капиталъ, будетъ въ 4 или 5 разъ менѣе того, какое содержалось бы въ томъ случаѣ, еслибы капиталъ возвращался ежегодно. Еслибы капиталы Англіи не были отвлечены на колоніальную торговлю табакомъ, то они обратились бы къ другимъ, болѣе мелкимъ и разнообразнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ бы они возвращались быстрѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣ же капиталы содержалось бы въ четыре-пять разъ болѣе, чѣмъ теперь, производительнаго труда въ Англіи.»

Сверхъ того, колоніальная торговля, привлекая къ себѣ большее количество капиталовъ, чѣмъ какое обратилось бы къ ней иначе, поставила англійскую промышленность въ ложное положеніе еще съ одной стороны. Вмѣсто приспособленія къ множеству небольшихъ рынковъ, торговля эта приспособилась къ одному огромному рынку. Вслѣдствіе этого вся система ея промышленности не столь прочна, какъ было бы безъ этого. Торговля Англіи, вмѣсто того чтобы разлиться по множеству небольшихъ каналовъ, приняла свое теченіе по одному большому. Кровь, останавливающаяся въ одномъ изъ мелкихъ сосудовъ, можетъ легко перелиться въ другой, но если она задержана будетъ въ большомъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явятся страшные припадки апоплексіи и смерть. «Достаточно легкаго затрудненія или перерыва въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя достигли неестественныхъ размѣровъ, при посредствѣ монополій или премій, чтобы породить множество безпорядковъ и смятеній, пагубныхъ для правительства,—какимъ же безпорядкамъ должна неизбѣжно подвергнуться Англія, если огромное количество ея фабрикъ вдругъ прекратитъ свое дѣйствіе?»

Единственное, по видимому, средство извлечь Великобританію изъ такого критическаго положенія состоитъ въ умѣренномъ и постепенномъ ослабленіи законовъ, установившихъ монополію въ дѣлѣ торговли, пока торговля эта не получитъ полной свободы. Внезапное допущеніе свободы торговли не только можетъ вызвать временныя затрудненія, но причинить продолжительный и весьма важный вредъ для большей части тѣхъ, кто вложилъ свои капиталы въ торговлю. Внезапное прекращеніе работы только для тѣхъ кораблей, которые перевозятъ ежегодно 82 т. кипъ табаку сверхъ того, что требуется потребленіемъ Великобританіи, могло бы причинить уже весьма ощутительныя потери.

*

«Таковы всѣ несчастныя послѣдствія, вызываемыя постановленіями меркантильной системы; они не только производятъ несчастныя болѣзни въ политическомъ организмѣ, но самыя болѣзни эти суть такого свойства, что часто вылечить ихъ невозможно, не причиняя хотя на время еще бо̀льшихъ страданій».

«Стремиться основать государство съ исключительной цѣлью создать себѣ покупателей, можетъ казаться выгоднымъ только для народа, правительство котораго находится подъ вліяніемъ лавочниковъ. Только такого рода государственные люди могутъ вообразить, что выгодно пожертвовать кровью и богатствами своихъ согражданъ для поддержанія такихъ владѣній. Обратитесь къ купцу, содержащему лавку, съ предложеніемъ, чтобъ онъ купилъ для васъ имѣніе съ условіемъ, что вы будете постоянно покупать у него въ лавкѣ, даже если онъ будетъ продавать нѣсколько дороже другихъ, — врядъ ли вы встрѣтите въ немъ особенную готовность принять ваше предложеніе. Но пусть другой кто-нибудь согласится пріобрѣсть для васъ имѣніе, купецъ будетъ очень доволенъ, если за это вамъ будетъ вмѣнено въ обязанность покупать у него въ лавкѣ все, что́ для васъ необходимо. Англія купила обширное владѣніе въ отдаленной странѣ для нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, и хотя англійскіе фабриканты не принимали никакого участія въ этой покупкѣ, тѣмъ не менѣе они подали въ парламентъ прошеніе о томъ, чтобы заставить американскихъ поселенцевъ производить торгъ только съ ними. До сихъ поръ всѣ расходы, понесенные англійскимъ народомъ на основаніе и удержаніе въ зависимости этихъ колоній, были чистой жертвой народа въ карманъ купцовъ. Колоніи ни однимъ грошомъ не участвовали въ доходахъ государства и только вводили Англію въ излишніе тягостные расходы. Присвоенная власть надъ ними служила для Англіи только источникомъ потерь и убытковъ. Но предположить вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Англія поэтому добровольно отказалась отъ своихъ колоній, значило бы предположить мѣру, къ какой никогда не прибѣгалъ никакой народъ. Если подобныя жертвы и согласны съ интересами народа, то онѣ крайне унизительны для его гордости и, что́ имѣетъ еще болѣе значенія, онѣ всегда противорѣчатъ личнымъ выгодамъ части народа, находящейся во главѣ управленія, которая упустила бы изъ своихъ рукъ много почетныхъ и прибыльныхъ мѣстъ, много случаевъ получить богатство и отличія, т. е. много выгодъ, представляемыхъ всегда обладаніемъ самыхъ безпокойныхъ и болѣе всего убыточныхъ для народа провинцій. Предложить подобную мѣру могъ бы только развѣ безумный, а между тѣмъ, еслибы послѣдовали ей, то Великобританія не только немедленно освободилась бы

отъ отяготительныхъ расходовъ на содержаніе колоній, но и могла бы заключить съ ними торговый договоръ, который обезпечилъ бы за ней свободу торговли съ колоніями.»

Мы не имѣемъ здѣсь мѣста собирать далѣе всѣхъ доводовъ противъ вмѣшательства, разбросанныхъ въ книгѣ Смита, такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь собственно не о разрѣшеніи вопроса о свободѣ торговли, а только о томъ, чтобы дать понятіе читателю о томъ духѣ и характерѣ, въ которомъ заявляло себя экономическое направленіе въ политической литературѣ въ болѣе раннюю пору. Впрочемъ приведеннаго, кажется, совершенно достаточно для того, чтобы дать понятіе о томъ, какое значеніе имѣли въ глазахъ самого Смита и меркантилизмъ и его система свободы торговли.

Смитъ выяснилъ такимъ образомъ, какъ разумныя основанія, такъ и слабыя стороны меркантильной системы, онъ одинаково ярко изобразилъ ея пользу, въ смыслѣ тѣсно политическомъ, и ея вредъ, въ смыслѣ тѣсно общественномъ. Какъ система чисто политическая, она способствовала военному усиленію государствъ; какъ система общественная, она способствовала развитію неравенства положеній и жизни одного класса людей насчетъ другаго. Она уменьшила общую сумму населенія, которое могла бы содержать страна при другихъ условіяхъ, и потому общую сумму богатства, —но она временно подняла средства фисковъ.

Если допускать, что человѣческое общество могло развиваться отъ дикаго состоянія до цивилизованнаго совершенно мирно и безъ всякихъ насилій; если смотрѣть на военное начало въ немъ, какъ на явленіе чисто случайное,—то конечно меркантильная система можетъ быть подвергнута полному осужденію. Но если видѣть въ военномъ элементѣ не одну историческую случайность, а силу, которая призвана была дисциплинировать; если видѣть въ образованіи большихъ политическихъ центровъ своего рода историческій законъ,—тогда слѣдуетъ смотрѣть конечно иначе и на меркантилизмъ.

Смитъ держался скорѣе послѣдняго взгляда на вещи, но въ то же время онъ думалъ, что военное начало сдѣлало свое дѣло, что ни въ расширеніи внѣшнихъ границъ власти, ни въ расширеніи границъ внутренней дисциплины не предстоитъ болѣе необходимости, что общество можетъ начать жить въ свою выгоду, опираясь на дисциплинарныя условія уже выработавшіяся. Въ этомъ смыслѣ онъ считаетъ нужнымъ выяснить невыгоды меркантилизма для народа и предложить ему систему экономической свободы, которая, по его понятіямъ, болѣе удовлетворяла этимъ интересамъ и была теперь примѣнима. Правда, онъ самъ называлъ безумiемъ немедленное осуществленіе своихъ началъ

вполнѣ, онъ предлагалъ ихъ на основаніи теоріи, которая должна была войти мало по малу въ практику вещей, но онъ думалъ все-таки, что во всякомъ случаѣ пришло время начать руководствоваться этой теоріей. Въ этомъ смыслѣ онъ и счелъ нужнымъ пересмотрѣть тотъ передѣлъ обязанностей между фискомъ и обществомъ, который выработался прежней практикой вещей, и предложить въ этомъ послѣднемъ тѣ измѣненія, которыхъ требовала его система. Этому-то предмету посвящена третья часть «*Опыта о богатствѣ народовъ*».

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію этой третьей и послѣдней части сочиненія Смита, къ изложенію выводовъ, которые дѣлаетъ онъ изъ предъидущихъ разсужденій относительно настоящихъ функцій и границъ государственной или правительственной власти въ обществѣ.

Главнѣйшая изъ обязанностей государя, говоритъ Смитъ, это — защищать общество отъ вторженія и насилія со стороны прочихъ независимыхъ обществъ. Эта обязанность обусловливаетъ содержаніе въ государствѣ военной силы, но, при различномъ состояніи общества, способы отправленія военной повинности и самые расходы на нее бываютъ весьма различны. Между охотничьими народами всякій человѣкъ въ тоже время охотникъ и воинъ. Но охотничье войско вообще не можетъ быть очень велико, дружина изъ звѣролововъ не можетъ быть значительна. Небольшое пропитаніе, доставляемое охотой, не дозволитъ большому числу лицъ оставаться вмѣстѣ продолжительное время. Между пастушескими народами также каждый человѣкъ—воинъ. Войско изъ послѣднихъ можетъ быть притомъ гораздо значительнѣе, ибо повидимому нельзя вовсе ограничить число людей, которые могутъ кочевать вмѣстѣ. Такое кочевое племя ведетъ войну легко, передвигается съ мѣста на мѣсто во всемъ своемъ составѣ и содержится во время войны своими стадами, оно можетъ вести войну безъ конца, нисколько не страдая отъ этого въ средствахъ пропитанія.

Въ земледѣльческомъ состояніи также каждый человѣкъ воинъ, но земледѣлецъ можетъ удѣлить на военное дѣло только время, не занятое полевыми работами, и даже на это время онъ не можетъ бросить совершенно своихъ жилищъ. Поэтому въ земледѣльческомъ быту на войну отправляется только взрослое мужское населеніе, которое составляетъ обыкновенно отъ $^1/_4$ до $^1/_5$ всего населенія. Если война продолжится долѣе срока, свободнаго отъ полевыхъ работъ, или если въ обществѣ кромѣ земледѣльцевъ есть извѣстная доля населенія, занятая ремесленнымъ или мануфактурнымъ трудомъ и за которую во время ея отсутствія не работаетъ природа, какъ за земледѣльца въ собственномъ смыслѣ,—то такое войско не имѣетъ уже возможности содержать само

себя во время войны, а должно содержаться на счетъ государства и слѣдовательно должно оставлять дома свободнымъ отъ военнаго дѣла число людей, достаточное для его содержанія. Черезъ это въ обществахъ цивилизованныхъ отношеніе численности людей, несущихъ военную службу, ко всему населенію значительно меньше, чѣмъ въ первобытное время. У цивилизованныхъ народовъ новѣйшей Европы считается вообще, что нельзя употребить на войну болѣе сотой части всего населенія, не разоряя страны на содержаніе арміи. При такихъ условіяхъ государству остается или ограничить военный промыселъ исключительной долей гражданъ, или обязать всѣхъ поголовно военной службой, но съ тѣмъ, чтобы служба эта неслась лишь по мѣрѣ надобности. Послѣдній способъ Смитъ называетъ способомъ милицій, а первый—способомъ регулярныхъ армій. За регулярнымъ онъ признаетъ преимущество не только въ томъ смыслѣ, что регулярное войско должно быть искуснѣе и лучше выучено чѣмъ милиціонное, но и въ томъ отношеніи, что при немъ безопасность и спокойствіе, которыя окружаютъ правительство, значительнѣе. «Эта безопасность, которою оно окружаетъ государя, — пишетъ Смитъ,—освобождаетъ послѣдняго отъ безпокойнаго и подозрительнаго недовѣрія, съ которымъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ государствахъ слѣдятъ за малѣйшими поступками гражданъ и ежеминутно грозятъ ихъ спокойствію. Государь, власть котораго опирается на хорошо устроенную армію изъ регулярныхъ войскъ, можетъ оставаться совершенно покойнымъ среди самыхъ жестокихъ угрозъ, самыхъ безумныхъ и дерзкихъ требованій. Онъ можетъ не обращать вниманія на такія увлеченія, или простить ихъ не подвергая себя ни малѣйшей опасности. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ усовершенствованіе въ военномъ искусствѣ при томъ и при другомъ способѣ требуетъ все большихъ и большихъ издержекъ на военное дѣло, и если въ первобытное время военная сила племени почти вовсе не зависитъ отъ его богатства, то въ позднѣйшее время военное могущество народа становится прямо пропорціонально его богатству. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, военный промыселъ не можетъ содержать самъ себя, а долженъ содержаться на общій счетъ. Военное хозяйство и управленіе военными силами требуетъ спеціальнаго занятія этимъ дѣломъ.»

Вторая обязанность правительства, по мнѣнію Смита, заключается въ отправленіи правосудія, и расходы на отправленіе этой обязанности также растутъ прямо пропорціонально развитію общества. У охотничьихъ народовъ, не имѣющихъ вовсе собственности, или имѣющихъ такую, которая стоитъ не болѣе двухъ-трехъ дней труда, рѣдко можно встрѣтить существованіе судей. Люди, не имѣющіе собственности,

могутъ наносить другъ другу лишь личныя обиды. Но какое бы удовольствіе ни находили нѣкоторые характеры въ удовлетвореніи страстей подобнаго рода, такъ какъ это удовлетвореніе не сопровождается продолжительной выгодой, то страсть ихъ большей частью сдерживается сама собой благоразумнымъ разсчетомъ. Гораздо постояннѣе и упорнѣе дѣйствуютъ страсти иного рода, страсти имущественныя. Гдѣ существуетъ большая собственность, тамъ существуетъ и большое неравенство имуществъ. На одного богатаго приходится по крайней мѣрѣ пять сотъ бѣдныхъ. Обиліе, окружающее нѣкоторыхъ, предполагаетъ нужду, испытываемую многими. Только подъ защитой гражданскаго суда, человѣкъ, обладающій цѣнной собственностью, можетъ спать спокойно. Поэтому-то возникновеніе гражданской власти находитъ главнымъ образомъ свое начало и основаніе въ собственности. Гражданское правительство является функціей собственности, и если неизбѣжнымъ слѣдствіемъ гражданскаго правительства есть извѣстное подчиненіе, то и главныя причины, естественно вызывающія подчиненіе, тоже усиливаются по мѣрѣ распространенія собственности.

Существуетъ четыре причины, естественно вызывающія подчиненіе или преимущества между людьми до установленія гражданской власти: превосходство личныхъ качествъ, возрастъ, собственность, и происхожденіе отъ лицъ, которыя уже успѣли пріобрѣсти извѣстныя преимущества. Изъ всѣхъ этихъ причинъ власть, основанная на богатствѣ, хотя и весьма значительная во всякомъ положеніи общества, никогда не имѣетъ такой силы, какъ при грубомъ состояніи общества. Это ея значеніе Смитъ объясняетъ отсутствіемъ возможности въ первобытное время употреблять излишекъ богатствъ инымъ способомъ, какъ на прямое содержаніе и прокормленіе большаго числа приближенныхъ людей, находящихся поэтому въ прямой зависимости отъ своего прокормителя. Какой-нибудь татарскій ханъ, имѣющій достаточное количество скота для прокормленія 1000 человѣкъ, не можетъ иначе употребить своего излишка какъ на такое прокормленіе. Въ просвѣщенномъ обществѣ, напротивъ, человѣкъ, обладающій еще большимъ состояніемъ и доходомъ и тратя этотъ доходъ на разныя произведенія культуры, можетъ содержать въ сущности еще большее число людей, но только не прямо, а посредственно; эти люди поэтому не только не находятся отъ него въ личной зависимости, но часто даже вовсе не знаютъ его, личное же вліяніе его простирается только на незначительное число слугъ. Вотъ почему власть и подчиненіе окончательно возникаютъ и устанавливаются въ пастушескомъ періодѣ, и не было государствъ наиболѣе деспотическихъ, какъ тѣ, которыя возникли изъ пастушескаго населенія.

По той же причинѣ происхожденіе оказывало наибольшее вліяніе въ томъ же пастушескомъ быту. Племена этого рода вовсе незнакомы съ роскошью, и огромныя богатства не могутъ погибать здѣсь вслѣдствіе безумной расточительности. Поэтому власть, разъ возникшая изъ богатства, невольно упрочивается въ опредѣленныхъ родахъ, которымъ общество привыкаетъ повиноваться. По образованіи такимъ образомъ власти, основанной на собственности, менѣе богатые собственники видѣли единственное средство для своей безопасности — прибѣгать къ защитѣ болѣе крупнаго владѣльца, который черезъ это становился судьей; за такую услугу они должны были платить ему извѣстное вознагражденіе, и вотъ начало судебныхъ подарковъ, приношеній и пошлинъ. Когда отношенія усложнились, когда главный собственникъ изъ частнаго собственника превратился въ государя, тогда его личныхъ доходовъ стало недостаточно для покрытія всѣхъ правительственныхъ расходовъ, и власти стало естественно удобнѣе обратить случайныя и произвольныя приношенія въ постоянныя пошлины и налоги.

Относительно судебнаго промысла можно допустить, что промыселъ этотъ можетъ уже содержать самъ себя, своими пошлинами.

Во всякомъ случаѣ, какъ функція военная, такъ и судебная или гражданская не могутъ, по мнѣнію Смита, быть предоставлены въ частныя руки и должны составить прямыя функціи правительства. Но кромѣ суда и военнаго занятія есть еще цѣлый рядъ функцій, предоставляемыхъ обыкновенно правительству и находящихся въ связи съ завѣдываніемъ всѣми общественными учрежденіями, касающимися общественнаго благоустройства. Сюда относится преимущественно завѣдываніе почтой и путями сообщенія, общественнымъ образованіемъ и учрежденіями для поощренія промышленности. Лица, разсуждавшія объ этихъ предметахъ, обыкновенно относили ихъ настолько къ обязанностямъ правительства, насколько они не могли быть выполнены частными средствами. Смитъ разсматриваетъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что то, что не можетъ быть выполнено на единичные капиталы, можетъ быть выполнено на капиталъ коллективный; итакъ размѣръ капитала не служитъ еще препятствіемъ къ выполненію извѣстныхъ функцій частнымъ образомъ, не служитъ главнымъ условіемъ, рѣшающимъ вопросъ о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ. По мнѣнію Смита, этотъ вопросъ рѣшается чисто опытнымъ указаніемъ, въ чьихъ рукахъ данныя учрежденія приносятъ наиболѣе пользы и дѣйствуютъ всего цѣлесообразнѣе. Въ этомъ смыслѣ Смитъ и разсматриваетъ эти учрежденія.

Что касается почтъ и дорогъ, то Смитъ находитъ, что это такого рода учрежденія, которыя могутъ не только содержать сами себя въ

исправности, но и приносить даже значительный доходъ, и потому сооруженіе ихъ на государственный счетъ вовсе не представляется столь необходимымъ. Что касается содержанія дорогъ, то Смитъ полагаетъ, что, собственно говоря, дороги должны содержаться одинаково дурно, будутъ ли онѣ составлять частную собственность, или будутъ находиться въ завѣдываніи казны, такъ какъ ни послѣдняя, ни частный собственникъ не имѣютъ особенной выгоды отъ хорошаго содержанія дорогъ. Все, чего можно ожидать отъ казны, это — хорошаго содержанія главныхъ дорогъ, и потому, что эти пути для нея нужнѣе, и потому еще, что тщеславный министръ часто возьмется за такое блестящее сооруженіе какъ большая дорога, находящаяся на глазахъ тѣхъ знатныхъ господъ, похвалы которыхъ льстятъ его самолюбію и поддерживаютъ кредитъ его при дворѣ. Но зато мелкія, проселочныя дороги, т. е. главная часть сообщеній страны, будутъ находиться въ полномъ пренебреженіи.

Отъ частнаго же собственника или компаніи нельзя ожидать даже и того, ибо какъ бы ни содержалась дорога, все-же по ней будутъ ѣздить; слѣдовательно, собственникъ будетъ получать доходъ. Сверхъ того, когда дорога содержится казной, то доходъ съ дороги можетъ употребляться ею совершенно произвольно и даже вовсе не употребляться на содержаніе дороги. Между тѣмъ доходъ этотъ будетъ оплачиваться преимущественно бѣднымъ классомъ, потребляющимъ самые громоздкіе товары, оплачивающіе наибольшую пошлину (если только предположить, конечно, что дорожная пошлина взимается съ груза, т. е. пропорціонально порчѣ дороги отъ проѣзжающей по ней тяжести), и такимъ образомъ выйдетъ, что бѣдный классъ, платящій пошлину собственно для улучшенія дороги, съ цѣлью удешевленія продукта, не получитъ отъ этого никакой выгоды, если пошлина эта не будетъ употреблена дѣйствительно на улучшеніе дороги, чего нельзя ожидать всегда ни въ томъ случаѣ, когда дорога находится въ рукахъ фиска, ни въ томъ, когда она находится въ рукахъ частныхъ лицъ. Сверхъ того, существуетъ обычай возлагать исправленіе дороги на мѣстныхъ жителей въ видѣ натуральной повинности, и опытъ показываетъ, что эта повинность, въ рукахъ мѣстныхъ правительственныхъ чиновниковъ, составляетъ источникъ самаго крайняго притѣсненія и разоренія народа. Есть, правда, страна, прибавляетъ Смитъ, гдѣ дороги содержатся, какъ говорятъ, въ совершенствѣ самой казной, но если это и справедливо, то нужно принять во вниманіе, что тамъ главный доходъ казны состоитъ въ извѣстной долѣ поземельнаго дохода ея жителей; а потому, только личнымъ интересомъ, который имѣетъ казна въ хорошемъ содержаніи дорогъ, и

можно объяснять ихъ хорошее положеніе. Ни въ одной же европейской странѣ доходъ государства не состоитъ главнымъ образомъ изъ поземельнаго налога.

По этимъ соображеніямъ Смитъ приходитъ къ тому убѣжденію, что содержаніе подобныхъ предпріятій, какъ дороги, мостовыя, освѣщеніе, лучше всего происходитъ тогда, когда оно предоставлено общественному управленію той мѣстности, черезъ которую проходитъ дорога. Такимъ путемъ лучше всего могутъ и строиться и содержаться дороги, по мнѣнію Смита.

Что касается общественныхъ учрежденій, касающихся коммерческихъ и экономическихъ интересовъ, какъ напримѣръ устройство гаваней, маяковъ, огражденіе безопасности колоній, учрежденій страховыхъ и банковыхъ и наконецъ самой торговли и промышленности, то всѣ они прежде всего способны содержать сами себя, не нуждаясь въ особыхъ какихъ-либо тратахъ. Что же касается завѣдыванія ими, то нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, учрежденія для безопасности колоній, лучше всего вѣдаются правительствомъ по самому своему характеру; другія, какъ-то: маяки, гавани, могутъ содержаться, подобно дорогамъ, мѣстными обществами и находиться въ завѣдываніи общественныхъ управленій. Только немногія могутъ быть предоставлены завѣдыванію частныхъ акціонерныхъ компаній и товариществъ.

Смитъ полагаетъ, что никакая компанія не способна управлять такимъ дѣломъ, гдѣ успѣхъ дѣла зависитъ сколько-нибудь отъ находчивости, изобрѣтательности и гдѣ все хозяйство не можетъ быть приведено къ однообразнымъ рутиннымъ правиламъ и способамъ. Поэтому, компанейская форма, по его мнѣнію, вовсе не годится для веденія какихъ-либо коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій, и онъ находитъ только три рода учрежденій, допускающихъ компанейское завѣдываніе. Это — учрежденія страховыя, банковыя и завѣдываніе каналами и водопроводами. Все это потому, что здѣсь самое хозяйство можетъ быть сведено на опредѣленныя рутинныя формы. «За исключеніемъ этихъ родовъ предпріятій, приведенныхъ мною, говоритъ Смитъ, я не могу придумать ни одного, которое по какимъ бы то ни было причинамъ оправдывало учрежденіе компаній.» Акціонерныя компаніи, учрежденныя съ великодушной цѣлью принести пользу государству поощреніемъ какой-либо вѣтви промышленности, ничего не принесли кромѣ вреда себѣ—дурнымъ веденіемъ своихъ дѣлъ, и вреда обществу — напрасной затратой значительныхъ капиталовъ.

Остается вопросъ объ учрежденіяхъ для народнаго просвѣщенія.

Тутъ мнѣнія Смита раздѣляются на двое. Онъ различаетъ воспита-

ніе высшихъ классовъ и достаточныхъ отъ воспитанія низшихъ. То и другое требуетъ, по его мнѣнію, различной системы. Относительно воспитанія достаточныхъ классовъ, Смитъ является самымъ крайнимъ защитникомъ невмѣшательства; относительно воспитанія низшихъ, онъ держится системы правительственнаго вмѣшательства. Какъ правительственная, такъ и корпоративная система содержанія высшихъ учебныхъ заведеній, по его мнѣнію, опытомъ доказала свою совершенную несостоятельность. Примѣромъ одной для него служили французскіе университеты, примѣромъ другой университеты англійскіе. Строгость, съ которой Смитъ относится къ этимъ системамъ, весьма велика.

«Въ каждомъ промыслѣ усилія большей части занимающихся имъ людей, пишетъ онъ, всегда находятся въ соотвѣтствіи съ необходимостью этихъ усилій. Необходимость эта болѣе ощутительна для людей, все благосостояніе которыхъ, или доходъ и средства существованія, зависятъ именно отъ этого промысла. Для достиженія этого благосостоянія или для полученія даже средствъ существованія, имъ необходимо въ продолженіе года исполнить извѣстное количество работы опредѣленнаго достоинства; и если соперничество всѣмъ открыто, то оно непремѣнно побудитъ соперниковъ, старающихся вытѣснить другъ друга изъ общаго промысла, исполнять работу съ извѣстной степенью старательности. Напротивъ того, одной только, хотя и высокой цѣли, рѣдко бываетъ достаточно для побужденія къ особенно-энергическому труду.

«Въ нѣкоторыхъ университетахъ неизмѣнное жалованье составляетъ только часть, и часть только весьма незначительную, всего содержанія, получаемаго профессоромъ и состоящаго главнымъ образомъ изъ вознагражденія или платы, получаемой имъ съ слушателей. Въ такомъ случаѣ необходимость трудолюбія не становится вполнѣ безполезной, хотя все-таки болѣе или менѣе уменьшается. Тогда репутація профессора все-еще имѣетъ для него нѣкоторое значеніе; онъ все-еще находится въ нѣкоторой зависимости отъ расположенія и благодарности своихъ слушателей и отъ добраго мнѣнія ихъ о немъ, а для пріобрѣтенія этого расположенія самое вѣрное средство для него состоитъ въ томъ, чтобы заслужить его, т. е. приложить все свое стараніе и всѣ свои дарованія къ исполненію своихъ обязанностей.

«Въ другихъ университетахъ профессору запрещается принимать какое бы то ни было вознагражденіе или плату отъ своихъ слушателей, и получаемое имъ ежегодное содержаніе составляетъ полный доходъ, доставляемый его мѣстомъ. Въ такомъ случаѣ личные его интересы находятся въ полномъ противорѣчіи съ его обязанностями. Всякій человѣкъ старается устроить свою жизнь какъ можно удобнѣе для себя, и

если вознагражденіе его рѣшительно остается одинакимъ, будетъ ли онъ исполнять какія-нибудь тягостныя занятія или не будетъ, очевидно, что личный интересъ его (по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову) будетъ состоять въ пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ; а если онъ находится подъ наблюденіемъ начальства и не можетъ поступать такимъ образомъ, то интересъ его будетъ исполнять ихъ съ такою невнимательностью и безпечностью, какія только могутъ быть допущены. Если по природѣ своей онъ одаренъ трудолюбіемъ и дѣятельностью, то интересъ побудитъ его приложить ихъ къ чему-нибудь, что можетъ доставить ему выгоду, а не къ исполненію своихъ обязанностей, которое не доставляетъ ему никакой пользы.

«Если начальство, которому онъ подчиненъ, составляетъ корпорацію, коллегію или университетъ, въ которомъ онъ самъ числится членомъ и большая часть членовъ котораго, подобно ему, несетъ или должна нести обязанности преподавателей, то вѣроятно всѣ они будутъ поддерживать другъ друга и относиться другъ къ другу съ большимъ снисхожденіемъ, такъ что каждый изъ нихъ охотно согласится смотрѣть сквозь пальцы на нерадѣніе товарища, лишь бы только и ему въ свою очередь не мѣшали поступать такимъ же образомъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ Оксфордскомъ университетѣ большая часть профессоровъ оставила преподаваніе и перестала думать о лекціяхъ.

«Если онъ подчиненъ не столько корпораціи, въ которой онъ состоитъ членомъ, сколько постороннему лицу, въ такомъ случаѣ вѣроятно не позволятъ ему совершенно пренебрегать своими обязанностями; но такого рода начальники могутъ достигнуть только того, чтобы онъ проводилъ съ своими воспитанниками опредѣленное число часовъ, т. е. чтобы онъ давалъ въ продолженіе недѣли или года опредѣленное число уроковъ. Но какого рода будутъ эти уроки? Это всегда будетъ зависѣть отъ дѣятельности и заботливости преподавателя, которыя вѣроятно будутъ находиться въ прямомъ отношеніи съ побужденіями, заставляющими его быть дѣятельнымъ и рачительнымъ.»

Все, что обязываетъ извѣстное число студентовъ оставаться въ коллегіи или университетѣ, независимо отъ достоинства или репутаціи его профессоровъ, оказываетъ большее или меньшее вліяніе на систему обученія.

«Если преимущества, соединенныя съ ученою степенью въ искусствахъ, правовѣдѣніи, врачебной наукѣ и въ богословіи, могутъ быть достигнуты только пребываніемъ опредѣленнаго числа лѣтъ въ университетѣ, то они необходимо привлекутъ въ него нѣкоторое число студентовъ, независимо отъ достоинства и репутаціи профессоровъ. Преиму-

щества, поставляемыя учеными степенями, весьма сходны съ правами, предоставляемыми постановленіями о ремесленномъ обученіи; они оказали точно такое же содѣйствіе усовершенствованію воспитанія, какое оказано послѣдними усовершенствованію искусствъ и ремеслъ.

«Для человѣка, одареннаго здравымъ умомъ, должно быть дѣломъ тягостнымъ — сознавать, что лекціи, которыя онъ читаетъ студентамъ, суть лишенныя достоинства. Должно быть также крайне непріятно видѣть, что большая часть слушателей не посѣщаетъ лекцій или слушаетъ ихъ съ несомнѣнными выраженіями неодобренія, насмѣшки или пренебреженія. Стало быть, если онъ обязанъ прочитать опредѣленное число лекцій, то уже такихъ побужденій безъ участія выгоды достаточно, чтобы онъ обратилъ больше вниманія на свои лекціи и читалъ ихъ сколько-нибудь удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣсколько средствъ, къ которымъ можетъ прибѣгнуть преподаватель для совершеннаго уничтоженія дѣйствія такихъ побужденій на свою дѣятельность. Вмѣсто того, чтобы самому объяснять преподаваемую своимъ слушателямъ науку, онъ можетъ читать ее по книгѣ, а если эта книга написана на мертвомъ или иностранномъ языкѣ, то переводить и толковать ее, или, для чего потребуется еще меньше труда, заставить самихъ слушателей переводить ее, — а дѣлая на нее время отъ времени нѣкоторыя замѣчанія, онъ можетъ вообразить, что читаетъ имъ настоящія лекціи. При самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ и при самомъ незначительномъ трудѣ, онъ можетъ исполнить свою задачу, не вызывая насмѣшки слушателей и не прибѣгая къ необходимости говорить передъ ними вздора и нелѣпостей. Въ тоже самое время строгость, заведенная въ училищѣ, даетъ ему средства принудить слушателей посѣщать самымъ аккуратнымъ образомъ эти такъ-называемыя лекціи, а въ продолженіе чтенія ихъ держать себя самымъ приличнымъ и почтительнымъ образомъ.

«А между тѣмъ я полагаю, что не было примѣра, чтобы, при добросовѣстномъ исполненіи профессорами своихъ обязанностей, студенты оказались нерадивыми. Никогда не можетъ встрѣтиться необходимости въ принудительномъ посѣщеніи лекцій, которыя заслуживаютъ вниманія, какъ это подтверждается всюду, гдѣ лекціи читаются хорошо. Спору нѣтъ, приходится иногда прибѣгать до извѣстной степени къ принудительнымъ и строгимъ мѣрамъ, чтобы заставить дѣтей усвоить то, что по необходимости должно быть пріобрѣтено ими въ продолженіе дѣтскаго періода жизни; но когда они достигнутъ двѣнадцати или тринадцатилѣтняго возраста, а учитель хорошо исполняетъ свое дѣло, то едвали насиліе и принужденіе можетъ быть необходимо въ какой бы то ни было

части воспитанія. Юношество отличается большею частью такими благородными чувствованіями, что не только не склонно къ нерадѣнію или къ насмѣшкамъ надъ внушеніями преподавателя, одушевленнаго искреннимъ желаніемъ ему пользы, а напротивъ того оно отличается вообще большою склонностью извинить нерадивое исполненіе имъ своихъ обязанностей и даже скрыть отъ всѣхъ его серьезные недостатки.

«Въ Англіи съ каждымъ годомъ распространяется обычай отправлять молодыхъ людей путешествовать за границу, немедленно по окончаніи ими курса, вмѣсто того, чтобы посылать ихъ въ университеты. Говорятъ, что наше юношество обыкновенно возвращается домой съ большимъ запасомъ свѣдѣній, полученныхъ въ путешествіи. Молодой человѣкъ, отправляющійся за границу семнадцати или осьмнадцати лѣтъ и возвращающійся домой двадцати одного года, сталъ на три или на четыре года старше противъ того, чѣмъ былъ до своего путешествія. Но въ этотъ возрастъ и невозможно не измѣниться чувствительнымъ образомъ въ три или четыре года. Въ продолженіе путешествія онъ выучивается обыкновенно одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, впрочемъ рѣдко до такой степени, чтобы правильно говорить и писать на нихъ. Что касается до прочихъ сторонъ, то онъ возвращается обыкновенно болѣе самодовольнымъ, съ болѣе распущенной нравственностью, съ большею разсѣянностью и съ меньшею способностью къ серьезнымъ занятіямъ какъ науками, такъ и дѣлами; такой значительной перемѣны въ такой короткій промежутокъ времени вѣроятно не оказалось бы въ немъ, еслибы онъ остался дома. Путешествуя въ такомъ молодомъ возрастѣ, убивая на пустыя развлеченія самые драгоцѣнные годы своей жизни, освобожденный отъ присмотра и надзора своихъ родныхъ, онъ необходимо теряетъ мало по малу хорошія свойства, которыя порождены были въ немъ первоначальнымъ воспитаніемъ и которыя могли бы пустить корни и окрѣпнуть. Только безславіе, въ которое впали сами собой университеты, могло породить такой нелѣпый обычай, какъ путешествіе за границу въ такомъ молодомъ возрастѣ. Отецъ, посылающій своего сына въ чужія страны, по крайней мѣрѣ навремя избавляется отъ тягостнаго присутствія человѣка, ничего не дѣлающаго, нерадиваго и гибнущаго на его глазахъ.

«Еслибы не существовало общественныхъ заведеній для образованія, то не преподавалось бы ни одной науки, не принималось бы ни одной системы, или курса воспитанія, на которое не имѣлось бы требованій въ обществѣ, т. е. которыя не обусловливались бы необходимостью, полезностью или удобствами для даннаго времени. Частный преподаватель вовсе не нашелъ бы выгоднымъ для себя, при изученіи какой-ни-

будь полезной науки, руководствоваться устарѣлою и всѣми признанною негодною системою, ни преподавать такія науки, которыя принимаются вообще за сбродъ софизмовъ и пустой болтовни, безполезной и педантской. Подобныя системы и подобныя науки могутъ существовать только въ заведеніяхъ, благосостояніе и доходы которыхъ почти не зависятъ отъ того, какъ они исполняютъ свое назначеніе. Еслибы не существовало обязательныхъ заведеній для воспитанія, то молодые люди, окончившіе самый полный курсъ ученія, какой только возможенъ при настоящемъ состояніи общества, и окончившіе его съ полнымъ успѣхомъ, —не оказывались бы рѣшительными невѣждами.

«Итакъ, спросятъ меня, неужели государству не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на народное образованіе? А если слѣдуетъ, то о какихъ частяхъ этого образованія должно оно заботиться по отношенію къ различнымъ классамъ народа? и какимъ образомъ слѣдуетъ выражаться его заботливости?

«При нѣкоторыхъ условіяхъ состояніе общества бываетъ таково, что оно необходимо ставитъ большую часть гражданъ въ такое положеніе, которое естественно, безъ всякаго содѣйствія правительства, развиваетъ въ нихъ почти всѣ добродѣтели и дарованія, какія требуются, или, можетъ быть, допускаются этимъ состояніемъ общества. При другихъ условіяхъ состояніе общества таково, что оно не ставитъ большой части гражданъ въ такое выгодное положеніе, вслѣдствіе чего является необходимость для правительства принять на себя нѣкоторую заботу, чтобы остановить развращеніе и почти всеобщее пониженіе нравственности народа.

«Когда раздѣленіе труда сдѣлаетъ значительные успѣхи, то занятія наибольшаго числа людей, живущихъ своимъ трудомъ, т. е. всей почти массы народа, ограничиваются весьма немногими простыми пріемами, весьма нерѣдко однимъ или двумя. Но разсудочныя способности людей необходимо развиваются ихъ обыкновенными занятіями; человѣкъ, вся жизнь котораго проходитъ въ исполненіи небольшаго числа простыхъ пріемовъ, результаты которыхъ тоже всегда, или почти всегда, одинаковы, не можетъ ни развивать своего разсудка, ни изощрять своего воображенія къ отысканію средствъ отстранить затрудненія, которыхъ вовсе не представляется; поэтому онъ естественно теряетъ привычку развивать или изощрять эти способности, и доходитъ до такой степени тупости и невѣжества, какая только возможна для человѣческой природы; по отупѣніи нравственныхъ способностей онъ не только становится неспособнымъ находить удовольствіе въ разумной бесѣдѣ, или принимать въ ней участіе, но даже испытывать какое бы то ни было

благородное великодушное или нѣжное ощущеніе, и стало быть слагать хоть сколько-нибудь истинное понятіе о большей части самыхъ обыденныхъ явленій частной жизни. Что же касается до великихъ интересовъ и великихъ дѣлъ своей страны, то онъ рѣшительно не способенъ судить о нихъ, и если не будетъ обращено особеннаго вниманія на его военное воспитаніе, то онъ не въ состояніи защищать ее во время войны. Однообразіе его сидячей жизни естественно убиваетъ въ немъ храбрость и поселяетъ въ немъ отвращеніе, соединенное съ ужасомъ, къ подвижной, ненадежной и опасной жизни солдата; оно ослабляетъ даже крѣпость его тѣла и дѣлаетъ его неспособнымъ къ дѣятельному и сколько-нибудь продолжительному приложенію ея къ чему бы то ни было, кромѣ дѣла, къ которому онъ былъ приготовленъ. Поэтому, полученная имъ ловкость въ отдѣльномъ занятіи представляетъ качество, пріобрѣтенное имъ повидимому въ ущербъ его разсудочной силы, общественныхъ добродѣтелей и военныхъ способностей. Но въ такое состояніе бѣдные работники, т. е. вся почти масса народа, необходимо должны прійти во всякомъ цивилизованномъ обществѣ при успѣхахъ промышленности, если правительство не приметъ какихъ-либо предосторожностей для предупрежденія этого зла.

«Совсѣмъ иное встрѣчается въ такъ-называемыхъ варварскихъ обществахъ, между народами охотничьими, пастушескими и даже земледѣльческими при грубомъ состояніи, предшествующемъ развитію промышленности и иностранной торговли. Въ такомъ обществѣ разнообразныя занятія каждаго человѣка побуждаютъ его изощрять свои способности постояннымъ упражненіемъ и придумывать средства для отстраненія ежеминутно встрѣчаемыхъ затрудненій. Воображеніе его держится постоянно въ возбужденномъ состояніи, а душевныя его свойства не могутъ впасть въ то оцѣпенѣніе или отупѣніе, которыя убиваютъ умственныя силы низшихъ классовъ народа въ цивилизованномъ обществѣ.

«Воспитаніе низшихъ классовъ народа въ цивилизованномъ и торговомъ обществѣ, быть можетъ, больше заслуживаетъ заботъ правительства, чѣмъ воспитаніе высшихъ слоевъ, пользующихся довольствомъ. Въ послѣднихъ люди начинаютъ заниматься дѣлами, торговлею или какимъ-либо промысломъ по достиженіи ими осьмнадцати- или девятнадцатилѣтняго возраста. Они имѣли, стало быть, достаточно времени пріобрѣсть, или приготовить себя такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсть впослѣдствіи всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми снискивается общественное уваженіе, или дѣлаетъ насъ достойными его. Если такіе люди не всегда оказываются хорошо воспитанными, то рѣдко случается, чтобы это происходило оттого, что жалѣли издержекъ на ихъ воспитаніе, но чаще

отъ неблагоразумнаго употребленія такихъ издержекъ. Совсѣмъ иное бываетъ между простымъ народомъ; у него не остается свободнаго времени для собственнаго воспитанія, у родителей едва достаетъ средствъ на содержаніе своихъ дѣтей во время ихъ дѣтства.

«Но хотя въ цивилизованномъ обществѣ простой народъ никогда не можетъ получить такого же воспитанія, какъ люди достаточныхъ классовъ, тѣмъ не менѣе существенныя части воспитанія, умѣнье читать, писать и считать можетъ быть передано въ такомъ раннемъ возрастѣ, что его можетъ пріобрѣсть большая часть тѣхъ даже людей, которые предназначаются для самыхъ низшихъ занятій,—до того времени, какъ они возьмутся за нихъ. При содѣйствіи самыхъ незначительныхъ издержекъ, государство можетъ облегчить или поощрить пріобрѣтеніе этихъ существенныхъ частей воспитанія и даже въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлать это пріобрѣтеніе обязательнымъ.

«Государство можетъ облегчить пріобрѣтеніе этихъ познаній учрежденіемъ въ каждомъ приходѣ или околоткѣ небольшой школы, въ которой дѣти могли бы обучаться за такую умѣренную плату, какую могъ бы дать простой работникъ; а учителю оно можетъ выдавать содержаніе, только не все и даже не большую его часть, ибо въ такомъ случаѣ онъ станетъ съ пренебреженіемъ относиться къ своему дѣлу. Въ Шотландіи, вслѣдствіе учрежденія такого рода приходскихъ школъ, вся почти масса народа научилась не только читать, но большей частью писать и считать. Въ Англіи благотворительныя школы оказали такое же дѣйствіе, хотя и менѣе широкое, ибо онѣ не были заведены повсемѣстно. Еслибы книги, по которымъ учатся дѣти въ этихъ маленькихъ заведеніяхъ, отличались большею полезностью, чѣмъ это обыкновенно бываетъ; еслибы—вмѣсто того, чтобы учить дѣтей народа, какъ это иногда случается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, нѣсколькимъ латинскимъ фразамъ, которыя для нихъ рѣшительно безполезны, — имъ объясняли первыя основанія геометріи и механики, то школьное обученіе этого класса народа, можетъ быть, было бы настолько удовлетворительно, насколько это возможно. Нѣтъ почти ни одного, самаго простаго ремесла, къ которому бы нельзя было приложить первыхъ правилъ геометріи и механики и которое, стало быть, не упражняло и не совершенствовало бы мало по малу простаго народа въ такихъ познаніяхъ, которыя служатъ необходимымъ введеніемъ въ болѣе важныя и болѣе полезныя науки.

«Это образованіе доставитъ государству весьма значительныя выгоды. Чѣмъ болѣе будутъ развиты низшіе классы народа, тѣмъ труднѣе они поддадутся обольщеніямъ суевѣрія и фанатизма, составляющихъ между невѣжественными народами постоянный источникъ самыхъ ужасныхъ

безпорядковъ. Сверхъ того образованный и разсудительный народъ лучше ведетъ себя и болѣе склоненъ къ порядку, чѣмъ народъ невѣжественный и отупѣвшій. Между первымъ, въ каждомъ человѣкѣ сильнѣе развито чувство собственнаго достоинства и сознаніе того, какъ должны обращаться съ нимъ законныя власти; поэтому онъ болѣе расположенъ и къ уваженію ихъ. Такой народъ въ состояніи лучше оцѣнить пристрастныя жалобы недовольныхъ и мятежныхъ людей, и болѣе способенъ разглядѣть сущность дѣла среди ихъ разглагольствованій; по этой причинѣ онъ труднѣе поддается увлеченію въ безразсудное и безполезное противодѣйствіе распоряженіямъ правительствъ. Въ свободныхъ странахъ, въ которыхъ безопасность правительственныхъ лицъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ хорошаго мнѣнія народа объ образѣ ихъ дѣйствій, въ высшей степени важно, чтобы народъ не былъ расположенъ судить объ ихъ поступкахъ своенравно и легкомысленно.»

Таковы мысли Смита о воспитаніи. Онѣ не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ; можно развѣ прибавить, что приведенныя строки писаны человѣкомъ, который самъ былъ профессоромъ одного изъ университетовъ.

Такимъ образомъ въ числѣ функцій, возлагаемыхъ на государство, есть такія, которыя Смитъ несомнѣнно признаетъ за нимъ,—есть такія, на которыя Смитъ смотритъ сомнительно,—но есть наконецъ и такія, занятіе которыми для государства онъ признаетъ положительно невозможнымъ. Это—обороты торговые и хозяйственные. Смитъ подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ въ главѣ объ источникахъ государственнаго дохода.

«Источники дохода, принадлежащіе государству, могутъ состоять, говоритъ онъ, прежде всего изъ капиталовъ и земель. Но государства совершенно не способны сами заниматься эксплуатаціей этихъ доходовъ и земель. Правда, были и есть примѣры, когда государства получали значительный доходъ отъ того или другаго предпріятія. Такъ говорятъ, что городъ Гамбургъ получаетъ такой доходъ изъ прибыли, доставляемой ему виннымъ магазиномъ и аптекой. Но не можетъ быть особенно велико то государство, гдѣ фискъ—говоритъ Смитъ—имѣетъ досугъ заниматься дѣломъ виноторговца или аптекаря; поэтому исключенія подобнаго рода могутъ быть допущены только развѣ для очень непространныхъ государствъ, а вездѣ, гдѣ государи брались за подобнаго рода предпріятія въ другихъ странахъ и при другихъ условіяхъ, они терпѣли только неудачу, которая объясняется, естественнымъ образомъ, той расточительностью, съ которой ведутся ихъ дѣла. Повѣренные государя считаютъ обыкновенно его богатства неистощимыми; они часто живутъ

*

въ такой же роскоши; имъ все равно, по какой цѣнѣ они покупаютъ товары, по какой продаютъ; они не разсчитываютъ, что стоитъ провозъ товаровъ изъ одного мѣста въ другое, и пр. Поэтому-то, думаетъ Смитъ, ничего, кажется, не можетъ быть болѣе несовмѣстнаго, какъ обязанности купца и государя. Если меркантильный духъ директоровъ англійской остъ-индской компаніи дѣлаетъ ихъ весьма плохими владѣтелями, то духъ правительственный сдѣлалъ изъ нихъ весьма плохихъ купцовъ.»

Даже такія предпріятія, какъ банковое дѣло, болѣе доступныя рутинѣ и требующія менѣе распорядительности и заботы, требуютъ все-таки бережливости, на которую не способны правительства обширной страны.

Болѣе вѣрный фондъ дохода представляетъ, повидимому, земля.

«Поэтому, въ древнихъ государствахъ поземельный доходъ часто составлялъ главную часть государственнаго дохода, но, при усложнившихся расходахъ правительствъ новѣйшихъ государствъ, едва ли и этого рода хозяйство могло бы считаться выгоднымъ для правительствъ. По крайней мѣрѣ можно сказать, что доходъ со всѣхъ земель страны, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились бы, еслибы принадлежали одному владѣльцу, едва ли достигъ бы обыкновенныхъ размѣровъ, въ какихъ онъ собирается съ народа въ настоящую эпоху, даже въ мирное время. Доходъ великобританскаго правительства, взимаемый съ народа, простирается до 10 милл. фунт. стерл.; въ этомъ счетѣ поземельный налогъ составляетъ не болѣе одной пятой доли, а вся сумма ренты, получаемой частными землевладѣльцами съ земель, домовъ и капиталовъ, кромѣ ренты съ капиталовъ, вложенныхъ въ земледѣліе, если судить по поземельному налогу, простирается не болѣе тѣхъ же 10 милл. Оцѣнка, на которой основанъ поземельный налогъ, можетъ быть ниже дѣйствительности; но еслибы она была даже вдвое ниже ея, то правительство, по всей вѣроятности, само управляя ими, не получило бы и $^1/_4$ того дохода съ земель, который получаютъ съ нихъ частные владѣльцы. Между тѣмъ нужно обратить особенное вниманіе на то, что всякая такая убыль въ поземельномъ доходѣ, происходящая отъ дурнаго хозяйства, еще болѣе убыточна для страны, чѣмъ для правительства. Если предположить, что земли въ частныхъ рукахъ могли бы приносить вдвое большую ренту, чѣмъ онѣ приносятъ, находясь въ распоряженіи правительства, то доходъ собственника земли, считая его теперь положимъ въ 10 милл., былъ бы только на 10 милл. выше чѣмъ теперь, между тѣмъ какъ возможность возвышенія дохода собственника на 10 милл. черезъ лучшее хозяйство означала бы одновременное возвышеніе всего дохода съ зе-

мель по крайней мѣрѣ на 30 милл., ибо рента собственника не превышаетъ обыкновенно ни въ какой части Великобританіи $^1/_3$ всего годоваго производства земли. Слѣдовательно въ то время, какъ правительство теряло бы отъ собственнаго хозяйства 10 милл., оно заставляло бы страну терять 30 милл. Хотя въ настоящее время въ Европѣ нѣтъ ни одного цивилизованнаго государства, которое бы получало свой доходъ главнымъ образомъ отъ земли, тѣмъ не менѣе во всѣхъ государствахъ существуютъ такъ-называемыя казенныя земли, продажей которыхъ могли бы быть покрыты государственные долги до извѣстной степени, а между тѣмъ, спустя нѣкоторое время, эти земли были бы воздѣланы, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличили бы доходы страны, открылись бы средства существованія большему населенію, а съ увеличеніемъ производства и потребленія народа увеличился бы и доходъ казны, взимаемый путемъ налоговъ съ потребленія. Поэтому,—полагаетъ Смитъ,—доходъ взимаемый казной съ казенныхъ земель, при равной величинѣ, составляетъ болѣе всего обременительный изъ налоговъ для народа. Для послѣдняго было бы, поэтому, выгоднѣе во всякомъ случаѣ замѣнить этотъ налогъ какимъ-либо другимъ.»

Обозрѣвая изложенное распредѣленіе обязанностей между правительствомъ и обществомъ, легко видѣть, что Смитъ между общественными функціями признаетъ три различные рода: такія, которыя могутъ быть выполнены только правительствомъ, такія, которыя могутъ всего успѣшнѣе быть выполнены корпораціями, и такія, выполненіе которыхъ должно быть предоставлено частному соревнованію. Смитъ не былъ, такимъ образомъ, вовсе безусловнымъ противникомъ невмѣшательства, исключавшимъ всякія установленія, всякую власть, и полагавшимъ, что счастіе человѣчества и идеальный порядокъ зависятъ исключительно отъ предоставленія вещей въ обществѣ свободному, неопредѣленному теченію. Но есть одна сторона въ изложенномъ распредѣленіи, на которую я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе. Если вникнуть глубже въ самыя основанія, заставляющія Смита передѣлять извѣстныя функціи между государствомъ, корпораціями и частными лицами, то слѣдуетъ признать, что основаніемъ этому служила не предвзятая идея невмѣшательства, которую авторъ силился бы провести вездѣ гдѣ можно и во что бы то ни стало, а простой практическій опытъ. Если Смитъ предоставлялъ извѣстныя вещи правительству и противился его вмѣшательству въ другія, то въ свою очередь онъ точно также противился вмѣшательству частнаго произвола и корпорацій въ дѣла, предоставленныя правительству. Онъ разсматривалъ подробно исторію промышленныхъ компаній, которымъ предоставляема была не только промышлен-

ная монополія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданская и военная власть, и приходилъ къ тому выводу, что никакое правительство въ своемъ деспотизмѣ никогда не доходило до степени деспотизма частнаго промышленнаго общества, что злоупотребленія обыкновенной власти, сколько бы они ни были тягостны, никогда не могутъ сравниться съ тѣмъ, что̀ терпѣли страны, политическая власть надъ которыми предоставлена была коммерческому сословію. Практическій опытъ и ничто иное руководитъ въ этомъ случаѣ его разсужденіемъ, и онъ-то приводитъ его въ послѣднемъ счетѣ не къ запрещенію вмѣшательства для одной какой-либо стороны, но къ запрещенію обоюдному. Этотъ опытъ, и ничто иное, заставляетъ Смита настолько же опасаться, чтобы правительства строили фабрики, насколько и того, чтобы фабриканты управляли государствомъ. Послѣдователи Смита поняли его немного иначе; они поняли его такъ, какъ будто Смитъ противился только вмѣшательству правительства въ дѣло торговли, не запрещая въ тоже время торговлѣ вмѣшиваться въ дѣло правительства. Но Смитъ былъ слишкомъ практическимъ и безпристрастнымъ человѣкомъ для того, чтобы быть тѣмъ доктринеромъ, какимъ его выставляли. То, чего онъ желалъ, къ чему стремился,—очевидно. Онъ боялся централизаціи функцій въ обществѣ. Онъ думалъ, что злоупотребленія будетъ меньше, если функціи будутъ раздѣлены и будутъ другъ друга уравновѣшивать, и если все, что можетъ выполняться само собой, частнымъ соревнованіемъ, будетъ предоставлено послѣднему и не составитъ личнаго источника власти ни корпорацій, ни сословій. Несомнѣнно точно также то, что онъ не считалъ возможнымъ предоставить всего естественному теченію. Присутствіе собственности въ обществѣ само собой требовало присутствія власти, а опытъ показывалъ ему, что худшая изъ властей будетъ та, которая въ этомъ случаѣ будетъ предоставлена самому собственнику и купцу; стало быть въ выгодахъ самого общества нужна была особая корпорація—правительственная для того, чтобы рѣшать между имущей и неимущей частью общества. Въ своемъ распредѣленіи Смитъ обошелъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершеннымъ молчаніемъ весьма важный вопросъ, кому и въ какой степени должна быть предоставлена функція законодательная,—какъ распредѣляющая остальныя функціи и роли, такъ и опредѣляющая первичныя формы и условія экономическихъ отношеній. Думалъ ли онъ, что эти основныя формы лучше всего устанавливаются сами собою, помимо всякаго законодателя, или считалъ ихъ достаточно и совершенно установившимися для того, чтобы разсуждать объ нихъ? И то и другое заключеніе было бы слишкомъ смѣло. Ближе всего остановиться на слѣдующихъ разсужденіяхъ.

Каждое экономическое предпріятіе, и особенно предпріятіе не личное, а коллективное, въ которомъ самая цѣль предпріятія можетъ осуществиться не иначе, какъ при посредствѣ соединенія между собою нѣсколькихъ лицъ, или общества людей, представляя двѣ стороны, два интереса, двѣ задачи: одну — чисто экономическую, касающуюся самой сущности предпріятія, и другую—сторону дисциплинарную. Эта послѣдняя заставляетъ опредѣлить права отдѣльныхъ лицъ, участвующихъ въ предпріятіи, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ результатамъ предпріятія.

Она можетъ не касаться ни техническихъ способовъ и пріемовъ, которые будутъ примѣнены, и не предрѣшать самыхъ подробностей операціи, составляющихъ чисто хозяйственную его сторону; но она требуетъ опредѣленія внѣшняго порядка и тѣхъ отношеній, въ которыхъ будутъ стоять отдѣльныя лица какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ распоряженію предпріятіемъ.

Всякое коллективное хозяйственное дѣло требуетъ, однимъ словомъ, организаціи, внутренней дисциплины между членами.

Но этимъ дѣло ограничивается лишь въ предпріятіяхъ, которыя начинаются и осуществляются уже въ организованномъ обществѣ. Когда же возникающее предпріятіе само полагаетъ начало такому обществу, тогда возможность предпріятія, прежде чѣмъ зависѣть отъ внутренняго порядка и дисциплины, зависитъ отъ условій еще болѣе элементарныхъ и внѣшнихъ. Въ такомъ случаѣ территорія, на которой можетъ осуществляться дѣло, и внѣшняя безопасность и гарантія этой территоріи и безопасной дѣятельности для членовъ составляетъ первый вопросъ, отъ котораго зависитъ возможность самого дѣла.

Человѣческое общество вообще можетъ быть разсматриваемо какъ обширное экономическое учрежденіе.

Итакъ экономическій вопросъ въ его обширномъ смыслѣ, кромѣ чисто хозяйственной стороны, обнимаетъ собою сторону дисциплинарную, также въ обширномъ смыслѣ законодательную, административную и политическую. Повѣсть объ этой сторонѣ въ человѣческомъ обществѣ и представляетъ политическая исторія. Понятно, что изъ этихъ двухъ сторонъ дисциплинарная сторона въ обширномъ смыслѣ составляетъ наибольшую величину въ интересахъ возникающаго общества. Понятно также, что всѣ послѣдніе выводы по вопросамъ, касающимся общества, должны быть выводами сложными изъ соображенія обѣихъ сторонъ дѣла.

Разсуждая надъ обществомъ чисто теоретически, можно отвлекать одну сторону отъ другой, можно выставлять на видъ выводы и требованія одной какой-либо стороны. Но было бы крайнимъ заблужде-

ніемъ какъ со стороны мыслителя, такъ и со стороны аудиторіи принимать такіе выводы и разсужденія за конечный выводъ — это выводъ только по одному элементу или одному члену, изъ которыхъ слагается общественный вопросъ.

Дѣлать подобную ошибку было бы тоже, что принимать въ математическомъ вычисленіи одинъ членъ за полную сумму. Между тѣмъ такая ошибка дѣлалась часто, какъ со стороны писателей, такъ и со стороны ихъ толкователей. Мы увидимъ ниже, что она была сдѣлана отчасти цѣлымъ направленіемъ въ экономической литературѣ, или по крайней мѣрѣ утвердилась въ общемъ пониманіи по поводу этого направленія. Привычка принимать частные выводы чисто хозяйственнаго анализа за конечные выводы, не подлежащіе дальнѣйшему учету въ силу болѣе сложнаго характера самого экономическаго вопроса, и зависимость его отъ вопроса дисциплины, сдѣлалась за послѣднее время источникомъ весьма крайнихъ и прискорбныхъ недоразумѣній. И я имѣлъ несчастіе испытать на себѣ всю тягость этого общественнаго заблужденія и подвергся самымъ несообразнымъ инкриминаціямъ за то только, что думалъ излагать частные выводы экономическаго анализа, какъ выводы чисто частные и подлежащіе дальнѣйшему соглашенію съ другими элементами вопроса, ихъ всегда видоизмѣняющаго. Для меня это видоизмѣненіе и зависимость чисто экономическихъ положеній разумѣлись сами собою. Иначе хотѣли думать и заставить думать мои противники; я не говорю критики, потому что собственно говоря критиковъ я никогда не имѣлъ. Мной пугали, мной бранились, меня хотѣли ставить на барьеръ; но критиковать меня никто не думалъ. Въ противномъ случаѣ давно объяснилось бы само собой то, что объясняется теперь.

Смитъ не дѣлалъ подобной ошибки не только въ существѣ, но и по формѣ. Имъ съ самаго начала были положены на вѣсы оба вопроса: дисциплинарный и чисто экономическій. Имѣя въ виду изслѣдовать преимущественно послѣдній, онъ не счелъ нужнымъ входить въ подробный анализъ перваго; но онъ прямо взялъ въ разсчетъ и придалъ послѣднему весь вѣсъ перваго члена и затѣмъ подвергалъ его изслѣдованію. Разсуждая съ самаго начала о чисто экономическихъ условіяхъ, онъ говорилъ, что еслибы общество развивалось только въ зависимости отъ этихъ условій въ тѣсномъ смыслѣ, то результаты должны бы были быть иные чѣмъ тѣ, которые показываетъ исторія; но дисциплинарный элементъ видоизмѣнилъ эти результаты.

Относительно этихъ видоизмѣненій онъ написалъ слѣдующее: «Было бы слишкомъ поздно разсматривать, какъ и въ силу какихъ частныхъ обстоятельствъ они совершились.» Затѣмъ онъ принялъ ихъ какъ со-

вершившійся фактъ, сообразоваться съ которымъ должны были всѣ отвлеченныя экономическія положенія, и могъ разсматривать экономическій вопросъ чисто отвлеченно, не опасаясь впасть въ противорѣчіе съ дисциплинарными условіями. Несомнѣнно, что подобный методъ имѣлъ за себя всѣ достоинства практическаго благоразумія, хотя было бы излишне входить въ подробную оцѣнку пріема, употребленнаго Смитомъ. Но несомнѣнно также, что, употребляя такой пріемъ, Смитъ ограничилъ свое изслѣдованіе критическимъ разсмотрѣніемъ исключительно тѣсно хозяйственной стороны общественнаго вопроса. Но это-то и было особенно нужно сдѣлать въ его время и съ его точки зрѣнія.

Историки занимались описаніемъ войнъ, философія обращала общежитіе въ силлогизмъ, логическое построеніе и метафизическую фантазію. Та положительная почва, изъ которой все росло; тотъ источникъ, изъ котораго все развивалось; тѣ интересы, которыми все обусловливалось, находились въ полномъ пренебреженіи или не замѣчались и игнорировались. Нужно было обратить на нихъ вниманіе и поставить ихъ на подобающее мѣсто. Одно это уже считалось со стороны Смита заслугой и было дѣйствительно таковою.

Въ этой задачѣ заключался смыслъ всей системы, и ея историческая заслуга очевидна.

Общество возникло ради хозяйственнаго и экономическаго начала. Но это начало не могло прямо осуществиться; хозяйственные интересы народовъ не могли быть прямо соблюдены. Военный историческій періодъ могъ быть только подготовленіемъ къ осуществленію главной цѣли; а не самъ по себѣ цѣлью. Но этотъ періодъ былъ до того сложенъ и продолжителенъ, что самая главная цѣль общежитія едва ли не утратилась вовсе изъ виду и историки едва ли не привыкли видѣть въ общежитіи одну задачу, это—наростаніе военной силы и политическаго могущества. Смитъ полагалъ своевременнымъ напомнить о настоящей позабытой цѣли,—поставить экономическій вопросъ средоточіемъ общественнаго вопроса.

Въ этомъ заключалась его главная заслуга передъ научнымъ методомъ изслѣдованія, хотя онъ и не рекомендовалъ этого метода какъ безусловно истиннаго. Что касается его достоинствъ и заслугъ по разсмотрѣнію тѣхъ или другихъ экономическихъ вопросовъ въ частности, то я не буду ихъ разсматривать въ этомъ вступленіи, которое имѣетъ главною цѣлью охарактеризовать развитіе метода изслѣдованія, и я сохраняю за собою право возвращаться къ мыслямъ Смита по тому или другому вопросу тамъ, гдѣ будетъ идти рѣчь собственно объ этихъ вопросахъ и рѣшеніи ихъ у болѣе позднихъ писателей.

ГЛАВА VIII.

Мы привели Адама Смита и Ло какъ примѣры той серіи писателей XVIII вѣка, у которыхъ положительное направленіе находило примѣненіе ранѣе, чѣмъ оно вошло въ систему и было оправдано теоретически.

Но въ то время, когда писались означенныя экономическія изслѣдованія, въ другой области литературы, въ литературѣ философской, усердно обработывался вопросъ о самомъ научномъ методѣ. Тутъ шла, если не открытая борьба, то весьма оживленная дѣятельность, и три литературы—англійская, французская и германская,—одинаково принимали въ ней участіе въ лицѣ своихъ талантливѣйшихъ представителей. Мы не говоримъ: борьба, потому что былъ по крайней мѣрѣ одинъ пунктъ, и для насъ самый существенный, въ которомъ всѣ были согласны—и школа Локка, и Кантъ, и французскіе философы, это—въ невозможности рѣшенія практическихъ вопросовъ и вопросовъ общежитія умозрительнымъ путемъ, въ необходимости согласиться, что умозрительная философія не можетъ быть практической философіей.

Тѣ разнорѣчія, которыя здѣсь были, касались уже сохраненія метафизики въ совершенно другихъ видахъ и потому выходили уже изъ предѣловъ государственной философіи.

Но такъ какъ все, что̀ было здѣсь важно и для метода практической науки, было выведено философскимъ путемъ, доказано положеніями общей философіи, то мы должны обратиться теперь къ характеристикѣ этой общей философской литературы, утвердившей окончательный точный методъ за науками политическими.

Я имѣлъ уже случай указать, въ чемъ заключалась сущность того схоластическаго взгляда на способы образованія человѣческихъ понятій, подъ вліяніемъ котораго развивалась умозрительная политическая или общественная литература. Сущность этого взгляда состояла въ предположеніи извѣстнаго числа врожденныхъ человѣческому уму посылокъ или первоначальныхъ общихъ истинъ, выводомъ изъ которыхъ только и могло быть всякое частное знаніе и всякая частная истина. Предполагалось, что человѣческій умъ можетъ правильно умозаключать только отъ общаго къ частному, и потому самый научный методъ и развитіе знанія ставились въ зависимость отъ разработки общихъ посылокъ, общихъ положеній, которыя въ свою очередь ничѣмъ не могли быть доказаны и потому должны были считаться данными врожденными.

Въ XVI вѣкѣ Бэконъ, разсматривая причины медленнаго успѣха наукъ въ человѣческомъ обществѣ, между прочимъ, указалъ на такой взглядъ какъ на одну изъ главныхъ причинъ медленнаго развитія знанія и старался доказать его совершенную ложность. Онъ указывалъ съ другой стороны на тѣ успѣхи, которые дѣлало знаніе совершенно инымъ путемъ, путемъ опыта и, слѣдовательно, путемъ разработки не общихъ посылокъ, а частныхъ фактовъ, и рекомендовалъ этотъ путь наукъ какъ единственный плодотворный и вѣрный.

Самъ онъ не особенно удачно примѣнялъ его къ дѣлу и построилъ не меньше произвольныхъ научныхъ фантазій, чѣмъ всякій схоластикъ; но въ тоже время онъ высказалъ рядъ безспорныхъ и драгоцѣнныхъ мыслей относительно условій, отъ которыхъ зависитъ развитіе знанія.

Въ этомъ отношеніи Бэконъ указывалъ прежде всего на внѣшнія стѣсненія, а затѣмъ на предразсудки и стѣсненія внутреннія, которыя испытывало знаніе. Въ числѣ послѣднихъ онъ и разсматривалъ вопросъ о методѣ.

Сущность мыслей, изложенныхъ Бэкономъ по этимъ предметамъ, можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ.

«Если мы примемъ въ разсчетъ то время, — писалъ Бэконъ, — въ теченіе котораго наука дѣйствительно разрабатывалась, и сравнимъ его съ тѣми эпохами варварства, въ теченіе которыхъ разработка ея останавливалась, то мы увидимъ, что на всю сумму вѣковъ, прожитыхъ человѣчествомъ, приходилась весьма ничтожная доля времени, благопріятнаго для науки. Сверхъ того, въ это незначительное время наука испытывала такія серьезныя препятствія къ своему развитію, о которыхъ нельзя не сокрушаться. Уваженіе къ древности и авторитету остается до сихъ поръ однимъ изъ первыхъ. При томъ богатствѣ свѣдѣній,—пишетъ Бэконъ,—которыя пріобрѣтены за послѣднее время чисто эмпирическимъ путемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что́ было извѣстно древнимъ, наше преклоненіе передъ мудростью древнихъ становится рѣшительной загадкой и такимъ фактомъ, которымъ нельзя не возмущаться. Другимъ препятствіемъ, близкимъ къ предъидущему, были, конечно, суевѣріе и формальныя стѣсненія науки въ его видахъ. По-истинѣ трудно понять, какимъ образомъ мысль о томъ, что наука ведетъ къ колебанію вѣры, могла придти на умъ существу носящему подобіе Бога, и я полагаю, прибавляетъ онъ, что тѣ, которые на ней настаиваютъ, едва ли не сами прежде всего принадлежатъ къ числу невѣрующихъ, и въ глубинѣ совѣсти сами не сомнѣваются ли въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ глазахъ же всякаго здраваго человѣка знаніе можетъ служить только опорой

противъ суевѣрій и предразсудковъ, т. е. лучшимъ оплотомъ религіи. А между тѣмъ, сколько гоненій испытала наука по поводу приведеннаго подозрѣнія!

«Если мы пойдемъ затѣмъ еще далѣе, то увидимъ, наконецъ, что въ самыхъ школахъ и академіяхъ все устроено такъ, чтобы предотвратить самостоятельное изслѣдованіе и расположить развѣ къ безконечному повторенію чужихъ мыслей. Черезъ это въ дѣлѣ науки образуются свои обычаи и предразсудки, которые останавливаютъ каждый шагъ ея, предупреждаютъ всякое развитіе даже въ тѣ времена, которыя кажутся для нея самыми благопріятными. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что упорный и добросовѣстный трудъ, еслибы онъ появился, никогда не можетъ разсчитывать на подобающее вознагражденіе, и такимъ образомъ всякое добросовѣстное занятіе знаніемъ является непремѣннымъ вычетомъ для каждаго изъ его личнаго благосостоянія. А между тѣмъ, вопросъ о томъ, успѣетъ ли дѣйствительно труженикъ науки даже въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ ставитъ цѣль своихъ изслѣдованій, составляетъ для него всегда вопросъ, и люди школы всегда тутъ какъ тутъ для того, чтобы нашептывать ему о тщетности усилій и обезнадеживать его и учить малодушію. Нужно ли удивляться послѣ этого, почему наука не развивается?»

Но это только чисто внѣшнія препятствія къ развитію науки; кромѣ этихъ есть еще препятствія, заключающіяся въ ней самой, и эти препятствія суть тѣ главнѣйшія препятствія, въ разсмотрѣніи которыхъ заключается важнѣйшая задача Бэкона.

«Человѣкъ увеличиваетъ свои знанія и свою нравственную силу — пишетъ онъ — только изучая дѣйствительныя свойства вещей. Для этого у него есть два средства, наблюденіе и разсужденіе. Но какъ средства наблюденія человѣка, такъ и его средства разсужденія, взятыя сами по себѣ, весьма ничтожны. Свои средства наблюденія онъ усиливаетъ только при помощи орудій и искусственныхъ способовъ наблюденія. Но если орудія наблюденія сколько-нибудь усовершенствованы, то орудія разсужденія находятся въ крайне жалкомъ состояніи. Разнообразіе, богатство и сложность явленій природы далеко превосходятъ наши непосредственныя дарованія. Та обыкновенная логика, которая считается методомъ разсужденія или орудіемъ науки, есть по-истинѣ нѣчто весьма ничтожное, и скорѣе служитъ къ утвержденію заблужденій, чѣмъ къ развитію. Силлогизмъ, главное основаніе и орудіе этой логики, есть орудіе слишкомъ грубое для анализа неуловимой тонкости природы. Силлогизмъ составляется изъ общихъ положеній, а сами эти общія положенія основаны на чисто случайныхъ и грубыхъ свѣдѣніяхъ, получен-

ныхъ путемъ наблюденія. Собственно говоря, человѣческое разсужденіе не имѣетъ другихъ средствъ въ своемъ распоряженіи кромѣ наблюденія; но между той методой, которая ведетъ къ силлогизму, и той, которая должна была бы господствовать, есть существенная разница. Общепринятый способъ, хотя исходитъ также отъ наблюденія, но, не придавая ему слишкомъ серьезнаго вниманія, быстро стремится къ обобщенію. Этимъ путемъ обыкновенно и создаются тѣ общія положенія, на которыхъ основывается силлогистика; и этому пути само собой слѣдуетъ всякое обыденное тривіальное разсужденіе безъ всякой научной опоры, вслѣдствіе естественной склонности людей къ обобщенію. Поэтому-то то, чему учитъ наука, мало разнится отъ тривіальныхъ, обыденныхъ свѣдѣній большинства. Этотъ способъ страдаетъ очевидно той слабостью, что позволяетъ строить разсужденія на основаніи свѣдѣній недостаточныхъ. Неудивительно, поэтому, что самыя разсужденія, основанныя на такихъ свѣдѣніяхъ, могутъ быть также только неосновательны. Другой способъ разсужденія (который предлагаетъ Бэконъ) отличается отъ означеннаго собственно одной своей терпѣливостью и медленностью: состоитъ въ осторожномъ построеніи обобщеній не иначе, какъ на основаніи наблюденій вполнѣ достаточныхъ для обобщеній. Но всѣ наши философскія познанія построены именно первымъ способомъ; поэтому мы не можемъ ихъ назвать иначе, какъ рядомъ произвольныхъ фантазій, число которыхъ можно увеличить до безконечности безъ всякаго затрудненія, и это можно сказать не только относительно цѣлыхъ системъ, но и относительно тѣхъ отдѣльныхъ положеній, которыя намъ выдаютъ за аксіомы и истины.

«Вслѣдствіе ограниченности и однообразія нашихъ средствъ, мы вообще слишкомъ склонны предполагать природу болѣе однообразной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; — создавъ какое-либо обобщеніе, мы стремимся все въ природѣ подвести подъ это обобщеніе и безпрестанно насилуемъ факты для этой цѣли. Кто чѣмъ нѣсколько позанялся, тотъ силится подвесть всѣ явленія подъ тѣ выводы, которые могъ извлечь изъ своихъ ничтожныхъ наблюденій.

«Одинъ занимается химической кухней и строитъ сейчасъ объясненіе вселенной на основаніи своей кухни, другой хочетъ объяснить ту же вселенную изъ наблюденія надъ магнитной стрѣлкой; третій влюбляется въ древность и полагаетъ, что въ ней скрыта вся мудрость. Всякій, словомъ, влюбляется въ свои мелкіе выводы и преувеличиваетъ ихъ значеніе до крайности, и не знаетъ мѣры, — никто не умѣетъ быть достаточно строгимъ къ себѣ.

«Другой не малый источникъ путаницы составляютъ слова. Люди

воображаютъ обыкновенно, что ихъ мысли управляютъ словами, но пусть они знаютъ, что дѣло часто происходитъ наоборотъ, что слова отплачиваютъ сторицей нашимъ мыслямъ за тотъ произволъ, который нами допускается въ употребленіи словъ. Путаница, которую производятъ слова въ нашихъ мысляхъ, бываетъ двоякаго рода: съ одной стороны у насъ существуютъ слова для вещей, которыя не существуютъ, или существуютъ только въ нашемъ воображеніи, съ другой стороны у насъ существуетъ множество отвлеченныхъ названій, смыслъ которыхъ не установился и каждымъ объясняется по-своему.

«Въ суммѣ, всѣ теоріи, которыя у насъ существуютъ, могутъ быть раздѣлены на три рода: 1) теоріи софистическія, основанныя на силлогистикѣ, на выводахъ отъ установившихся положеній; 2) теоріи эмпирическія—эти собственной, современной фабрикаціи; это—теоріи нашихъ химиковъ, и наконецъ, 3) теоріи суевѣрныя. Общій ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что всѣ онѣ упорно стремятся къ конечнымъ предѣламъ вещей въ ту или другую сторону, къ ихъ сущности: мы или быстро плодимъ абстракціи и обобщенія и доходимъ до бытія, какъ простой потенціи, или обратно дѣлимъ матерію до атомовъ въ то время, какъ дѣйствительная жизнь заключается только въ срединѣ между этими двумя крайностями и, такимъ образомъ, эти теоріи только усиливаютъ нашу притязательность и самомнѣніе, отъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ отказаться и понять, что настоящій путь, путь, ведущій къ познанію истины, есть тотъ же, который ведетъ въ царство небесное, въ которое можно войти только въ скромномъ видѣ ребенка.

«Нашу манеру научнаго разсужденія вмѣстѣ съ слабостью къ общимъ теоріямъ мы заимствовали отъ грековъ; ими заразило насъ изученіе древней науки. Въ Греціи постановка теорій была спеціальной профессіей такъ-называемыхъ философовъ, которые, ничего въ сущности не зная о природѣ вещей, основывали свой доходъ и свое личное положеніе на поученіи другихъ вещамъ, о которыхъ они сами не имѣли никакого понятія, и этимъ достаточно объясняется и обиліе возникавшихъ здѣсь школъ, сектъ и теорій, и совершенная ихъ неосновательность. Между тѣмъ дѣйствительное изученіе природы находилось здѣсь на крайне низкой степени. Поэтому греческая наука не обогатила человѣчества никакими почти полезными открытіями или знаніями, и всѣмъ, что̀ узналъ человѣкъ за ея время въ этомъ отношеніи, онъ долженъ быть обязанъ или случаю, или эмпирическимъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ нему по преданію. Египтяне были правы, когда называли грековъ дѣтьми, смѣялись надъ ихъ наукой и уважали животныхъ, инстинкту которыхъ человѣкъ былъ обязанъ бо́льшимъ числомъ открытій и полез-

ныхъ свѣдѣній, чѣмъ безплоднымъ діалектическимъ философствованіямъ заносчиваго ума. При такомъ положеніи науки въ Греціи самая цѣль знанія становилась ложной. Цѣль эта по-настоящему можетъ быть одна, это—обогащать человѣчество полезными свѣдѣніями и открытіями; она становится совершенно иной съ точки зрѣнія науки въ греческомъ смыслѣ,—здѣсь она сводится на пустое резонерство о вещахъ недоступныхъ, въ основаніи котораго лежитъ простой меркантильный разсчетъ, прикрывающій свою практическую несостоятельность высокой цѣлью созерцанія истины.» Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, какихъ условій требовалъ Бэконъ для того, чтобы наука могла развиваться: 1) *Свобода* изслѣдованія должна была уничтожить всѣ внѣшнія препятствія. 2) Точный методъ, основанный на изученіи фактовъ и ихъ медленномъ обобщеніи, долженъ былъ уничтожить то внутреннее смѣшеніе, которое испытывало знаніе, поставивъ своей задачей развиваться не иначе, какъ изъ врожденныхъ аксіомъ.

Ко всему этому нужно прибавить, что Бэконъ не ограничивалъ рекомендуемый имъ методъ какимъ-либо спеціальнымъ отдѣломъ наукъ. Онъ полагалъ, что разработка всякаго знанія должна совершаться тѣмъ же самымъ путемъ индукціи.

Этотъ взглядъ Бэкона на методъ научнаго изслѣдованія, былъ ли онъ высказанъ имъ самостоятельно или же заключалъ болѣе или менѣе готовое въ его время воззрѣніе, въ теченіе послѣдующаго времени долженъ былъ перейти въ самое дѣло и составить, какъ обыкновенно говорится, эпоху въ исторіи европейской науки. Древность и ея сильные коньки потеряли свое обаяніе и ближайшее изученіе природы въ томъ терпѣливомъ, скромномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ практическомъ направленіи, которое проповѣдывалъ Бэконъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшимъ послѣдствіемъ его ученія. Дѣйствительные же успѣхи, сдѣланные вскорѣ затѣмъ естествознаніемъ въ Англіи въ лицѣ Ньютона, Гюйгенса, должны были еще болѣе популяризировать этотъ методъ и упрочить за нимъ преобладающее вліяніе. Но мы не будемъ все-таки преувеличивать этого вліянія. Задача, какую задавалъ Бэконъ наукѣ во всемъ ея объемѣ, была проста и легка только повидимому. Еслибы все дѣло состояло въ томъ, чтобы заставить естествознаніе внимательнѣе и строже производить свои наблюденія, то этому не такъ еще трудно было выучиться, и дѣйствительно этой сторонѣ дѣла наука выучилась раньше всего. Но въ сущности задача была сложнѣе, вопросъ касался не только внѣшнихъ пріемовъ изслѣдованія, но самаго способа разсужденія, того способа разсужденія, къ которому каждый привыкалъ съ дѣтства, который привыкъ видѣть постоянно кругомъ

себя, который освящала въ его глазахъ вся извѣстная въ то время научная мудрость и который, при всей своей ошибочности, былъ второю, нажитою, такъ сказать, природою для каждаго. Начать разсуждать совершенно обратно тому, какъ въ силу привычки стремилась сама собой развиваться мысль, было дѣломъ крайне труднымъ. Поэтому, само собой разумѣется, что способъ разсужденія, предложенный Бэкономъ, вкоренялся, собственно говоря, весьма медленно. Всего труднѣе должно было идти дѣло въ вопросахъ нравственныхъ, гдѣ примѣненіе самыхъ внѣшнихъ пріемовъ метода казалось невозможно и, дѣйствительно, было крайне затруднительно. Спрашивали, какъ производить опыты и подвергать измѣренію нравственныя явленія, воспроизведеніе которыхъ вовсе не во власти человѣка, и отсюда, принимая всю сущность дѣла какъ-бы заключающеюся въ одной внѣшней сторонѣ научныхъ манипуляцій, отвергали самый методъ во всемъ его объемѣ въ примѣненіи къ этимъ вопросамъ. Но сущность метода заключалась очевидно не въ однихъ внѣшнихъ орудіяхъ, какъ бы ни были затруднены и даже невозможны послѣднія, вопросъ былъ въ томъ, на что въ послѣднемъ счетѣ должны мы считать опирающимися наши нравственныя разсужденія: на то, что̀ далъ и даетъ намъ опытъ, сколько бы онъ ни давалъ мало и медленно, или на общія положенія? Средневѣковая наука, опираясь на древность и Декарта, пріучила думать, что наши рѣшенія въ нравственныхъ вопросахъ опираются на рядъ неизмѣнныхъ врожденныхъ началъ или общихъ положеній, которыя, будучи даны природой, служатъ точкой опоры всѣмъ нашимъ нравственнымъ выводамъ. Бэконъ говоритъ, что всѣ такъ-называемыя общія начала суть только общіе выводы изъ ряда случайныхъ частныхъ свѣдѣній и наблюденій... Если придерживаться перваго воззрѣнія, то природа человѣка и обществъ будетъ одна; если придерживаться другаго, то эта природа будетъ другая. Ученіе Бэкона предъявляетъ такимъ образомъ споръ не только противъ метода изслѣдованія, но противъ установившагося воззрѣнія. Мало того, съ точки зрѣнія схоластики и Декарта люди привыкли извѣстнымъ образомъ оцѣнивать свою дѣятельность. Мѣриломъ ея нравственности и возвышенности служили опредѣленные идеалы, а этими идеалами—тѣ общія положенія, которыя они считали за нравственныя врожденности. Все, что̀ подходило подъ эти врожденныя положенія, признавалось возвышеннымъ, справедливымъ, идеальнымъ; оно ихъ воодушевляло, пріятно волновало, возбуждало чувство нравственнаго довольства.

Воззрѣнія Бэкона приводили къ тому заключенію, что вся основа идеаловъ была случайнымъ выводомъ изъ случайныхъ частныхъ фактовъ, и потому съ одной стороны заставляли искать настоящей точки

опоры всѣмъ идеаламъ въ самыхъ конкретныхъ частныхъ явленіяхъ, а вовсе не въ общихъ положеніяхъ; съ другой стороны заподозривали безошибочность ходячихъ и установившихся общихъ выводовъ, а слѣдовательно и самыхъ идеаловъ, на нихъ основанныхъ, или по крайней мѣрѣ учили смотрѣть на эти выводы и идеалы не какъ на нѣчто разъ данное и безусловное, а какъ на нѣчто практически пріобрѣтаемое, исправляемое и вырабатываемое.

Двумя этими выводами затрогивался установившійся въ обществѣ способъ міросозерцанія во всемъ его объемѣ, т. е. не только въ своей теоретической части, но и въ практической. Первый изъ нихъ касался теоретическаго воззрѣнія на человѣческую природу,—и потому, собственно говоря, не могъ имѣть такого важнаго значенія для большинства людей, дѣятельность которыхъ вообще мало имѣетъ отношенія къ вопросамъ, касающимся теоретическихъ операцій разума. Другой касался именно той части міровоззрѣнія, которой каждый несетъ большую или меньшую дань, которая, если не всегда руководитъ поступками, то служитъ, по крайней мѣрѣ, для различенія поступковъ,—а потому само собою разумѣется, что разработка послѣдняго вывода и вопросъ о его вѣрности или невѣрности долженъ былъ имѣть большую практическую важность.

Но умственное движеніе, начавшееся путемъ философскимъ съ разсужденія о наукѣ и ея способахъ, должно было и выразиться въ разработкѣ вопросовъ болѣе теоретическихъ, и прежде всего коснуться взгляда на теоретическую дѣятельность человѣка, на самый актъ его мысленной или умственной дѣятельности. Вотъ почему въ то время, какъ здѣсь успѣли установиться уже извѣстныя истины, обратныя схоластикѣ, въ философіи чисто нравственной и бытовой продолжала господствовать чисто схоластическая метода, и здѣсь медленнѣе и позднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, изслѣдованіе принимало общій характеръ и черты вновь утверждающагося научнаго направленія. Въ XVIII вѣкѣ, однако, въ то время въ особенности, когда писалъ Руссо, сомнѣнія въ вѣрности Бэконова метода въ отношеніи къ психологіи близились къ своему окончанію, не только для англійской, но, пожалуй, и для континентальной науки.

Относительно примѣненія тѣхъ же началъ къ нравственности вопросъ усложнился особымъ обстоятельствомъ уже совершенно постороннимъ, на которое я только-что намекнулъ. Большинство людей, конечно, относится совершенно равнодушно къ тому, какъ думаетъ наука о происхожденіи человѣческихъ понятій, считаетъ ли ихъ врожденными или пріобрѣтенными. Отъ этого не измѣняется характеръ дѣятельности

большинства людей, равнодушныхъ къ теоретическимъ вопросамъ. Но можно думать, что не столь же мало зависитъ дѣятельность того же большинства отъ того, что̀ оно думаетъ о происхожденіи своихъ нравственныхъ правилъ,—считаетъ ли ихъ безусловными, всеобщими и непоколебимыми или условными. Основываясь на прошломъ опытѣ, можно было думать, что общество людей въ извѣстное время нуждается во взглядѣ на свои нравственныя правила, какъ на нѣчто безусловное. Схоластическій взглядъ на вещи не былъ только теоретическимъ взглядомъ; онъ предполагался, по крайней мѣрѣ, имѣющимъ и свои практическія основанія:—онъ считался крайне дисциплинирующимъ. Въ такомъ видѣ эти правила были преподаны въ свое время и общество привыкло держаться этого взгляда. Спрашивалось: насколько было безразлично измѣнять теперь этотъ взглядъ? Какъ должна была повліять такая перемѣна на самый уровень нравственности и внѣшнія дѣла вообще? Перемѣна, о которой шла рѣчь, была достаточно радикальна, чтобы устрашить и вооружить противъ себя людей, воспитанныхъ въ схоластической политикѣ; для нихъ могло быть чисто практическимъ вопросомъ, вопросомъ политическаго такта: какъ далеко и быстро слѣдовало развивать примѣненіе новаго взгляда къ нравственнымъ вопросамъ?

Этотъ-то вотъ вопросъ и вызвалъ различные взгляды относительно примѣненія новыхъ началъ изслѣдованія къ нравственному міровоззрѣнію, — взгляды, которые выразились въ Англіи Локкомъ и его школой, во Франціи — философами-сенсуалистами и въ Германіи — философіею Канта.

Все различіе между ними заключалось въ той мѣрѣ, до которой шла каждая изъ школъ. Далѣе всѣхъ шли, конечно, французскіе мыслители; а осторожнѣе всѣхъ германскіе. Что же касается Англіи, въ которой положено было начало самымъ основамъ ученія, то она заняла посредствующее положеніе. Мы не имѣемъ нужды разсматривать здѣсь послѣдовательно всѣхъ трехъ философій. Съ насъ будетъ достаточно разсмотрѣть двѣ наименѣе радикальныя и болѣе скромныя, т. е. англійскую и германскую, такъ какъ намъ важно не столько то, что̀ онѣ думали о сущности психическихъ актовъ, сколько то рѣшеніе, на которомъ онѣ останавливались относительно метода общественной и практической философіи.

Мы даже не думаемъ разсматривать подробно этихъ двухъ философій, а остановимся на двухъ извѣстнѣйшихъ изъ ихъ представителей. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ мыслей Локка съ одной стороны и Канта съ другой.

Локкъ начиналъ свой «Опытъ о мышленіи» съ главы о врожден-

ныхъ идеяхъ, и прямо отвѣчалъ въ самомъ заглавіи, что врожденныхъ идей, или врожденныхъ аксіомъ, не существуетъ, что всѣ онѣ только пріобрѣтаются. «Доказательствомъ этому,—пишетъ онъ,—служитъ то, что дѣти вовсе не имѣютъ понятія объ этихъ аксіомахъ и ранѣе получаютъ понятіе о частныхъ вещахъ, изъ которыхъ слагаются эти аксіомы, чѣмъ о самыхъ аксіомахъ, и даже люди зрѣлаго возраста тѣмъ менѣе имѣютъ объ нихъ понятіе, чѣмъ меньше они привыкли разсуждать о вещахъ отвлеченныхъ. Возьмемъ для примѣра самую общепринятую изъ нихъ, возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее положеніе: «одна и та же вещь не можетъ въ тоже время и быть и не быть». Свойственно ли подобное разсужденіе уму ребенка? Кажется, всякій согласится, что подобныя сужденія образуются въ нашемъ умѣ только съ возрастомъ, а если считать ихъ врожденными только потому, что они имѣютъ возможность образоваться, то на этомъ основаніи слѣдовало бы считать врожденными всѣ мысли и понятія, справедливыя и несправедливыя, какія только могутъ явиться въ умѣ человѣка со временемъ и о которыхъ мы въ наше время не имѣемъ ни малѣйшаго представленія.

«Въ такомъ случаѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ никакого основанія дѣлить однѣ мысли отъ другихъ и однѣ считать преимущественно за врожденныя, а другія за неврожденныя; придется или всѣ назвать врожденными, или всѣ — неврожденными. Но перваго мы очевидно допустить не можемъ, ибо сами знакомы по опыту съ чисто-индуктивнымъ порядкомъ образованія въ насъ ежедневно тѣхъ или другихъ мыслей; итакъ остается допустить только послѣднее, — т. е. что всѣ мысли и понятія образуются однимъ и тѣмъ же опытнымъ путемъ, и что, если мы не всегда это замѣчаемъ, если ранѣе, чѣмъ мы начинаемъ наблюдать самый процессъ образованія въ насъ тѣхъ или другихъ понятій, мы уже оказываемся богаты извѣстными логическими аксіомами, то одно то обстоятельство, что мы сами не помнимъ, какимъ порядкомъ онѣ составились, еще не даетъ намъ права считать ихъ за врожденныя.

«Но если нѣтъ никакого основанія предполагать врожденныхъ идей, то еще меньше основанія, — по мнѣнію Локка, — допускать существованіе врожденныхъ положеній и правилъ практической дѣятельности, что̀ съ другой стороны нисколько не уничтожаетъ справедливости тѣхъ или другихъ нравственныхъ правилъ. И прежде всего между послѣдними нѣтъ ни одного, которое могло бы считаться столько же общепринятымъ, какъ тѣ логическія аксіомы, о которыхъ только-что шла рѣчь. Самымъ общепринятымъ считается, напримѣръ, «обязательность исполненія договоровъ». Это правило признается, говорятъ, даже разбойниками; но почему же,—спрашиваетъ Локкъ,—оно признается ими: потому ли, что

оно кажется имъ нравственнымъ, или потому, что къ этому принуждаетъ ихъ прямой разсчетъ?

«Я соглашусь,—пишетъ Локкъ,—что природа не лишила насъ врожденныхъ склонностей, или врожденнаго регулятора нашихъ поступковъ, но такимъ регуляторомъ я могу назвать только одну наклонность—искать счастія и избѣгать несчастія. Я соглашусь поэтому, что мы имѣемъ отъ природы способность раздѣлять впечатлѣнія, которыя мы получаемъ, на пріятныя и непріятныя; но это еще нисколько не говоритъ въ пользу врожденныхъ опредѣленныхъ началъ дѣйствія, ибо еслибы они существовали какъ врожденныя, то, конечно, давали бы себя чувствовать столь же сильно и отчетливо, какъ и только-что названныя стремленія къ наслажденію. На дѣлѣ же мы встрѣчаемъ совершенно обратное, наши правила вообще постоянно подчиняются на практикѣ критеріуму выгоды, и мы не найдемъ ни одного изъ нихъ, которое бы само по себѣ не требовало доказательства и не опиралось на это доказательство въ умахъ тѣхъ, которые признаютъ эти правила за врожденныя. Это показываетъ однако, что правила эти сами по себѣ не могутъ существовать, а нуждаются въ какомъ-либо другомъ положеніи, которое служитъ имъ точкой опоры. И замѣчательно, что эти точки опоры, или доказательства, у всѣхъ людей вовсе не одинаковы, а у каждаго свои. Спросите у восточнаго хаджи, почему онъ считаетъ нужнымъ поступать нравственно, онъ вамъ скажетъ одно; спросите у древняго философа, онъ вамъ скажетъ другое; спросите у ученика Гоббза, онъ скажетъ третье!»

Все это показываетъ Локку, что практическія аксіомы, въ убѣжденіи самихъ тѣхъ, которые считаютъ ихъ за врожденныя, держатся вовсе не такъ прочно. Что касается до аксіомъ логическихъ, то всякій, ихъ сочиняющій, считаетъ по крайней мѣрѣ въ то же время нужнымъ имъ и слѣдовать; относительно же аксіомъ практическихъ выходитъ другое, выходитъ, что люди, признающіе ихъ за врожденныя, на дѣлѣ большей частью оставляютъ ихъ въ сторонѣ и руководятся сплошь и рядомъ однимъ практическимъ разсчетомъ.

Остается возможнымъ одно возраженіе, — это, что люди, давая перевѣсъ личному разсчету, въ то же время могутъ сознавать, что они поступаютъ не такъ какъ слѣдуетъ. Локкъ отвѣчаетъ на это возраженіе. «Въ частномъ случаѣ возраженіе это, — говоритъ онъ, — можетъ быть справедливо; можно допустить, что частное лицо, сознавая, что оно должно поступать такъ, поступаетъ на дѣлѣ иначе. Но вотъ что допустить уже гораздо труднѣе: чтобы цѣлый городъ, цѣлое общество въ своемъ законодательствѣ, въ своихъ рѣчахъ, въ религіозныхъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ отрицало торжественно то, что признается за врожденный го-

лосъ природы; чтобы законъ публично и торжественно разрѣшалъ отступать отъ самыхъ очевидныхъ началъ нравственности. Между тѣмъ тотъ, кто захочетъ справиться съ исторіей человѣчества, найдетъ въ ней столько такихъ отступленій, сколько найдетъ отдѣльныхъ обществъ или народовъ. Онъ убѣдится, что то, что̀ признается зломъ въ одномъ мѣстѣ, вовсе не считается такимъ въ другомъ. И вовсе не нужно ходить далеко за примѣрами, чтобы показать, что правила, кажущіяся намъ самыми непреложными, могутъ казаться совершенно иными другимъ націямъ».

Локкъ приводитъ въ примѣръ цѣлую серію обычаевъ различныхъ народовъ, обычаевъ самаго ужасающаго свойства,—пересчитываетъ различные виды людоѣдства, умерщвленія дѣтей и женъ, существовавшіе и существующіе вовсе не какъ отступленія отъ нравственности, а какъ обыкновенія, освящаемыя религіей и убѣжденіями цѣлыхъ обществъ, какъ поступки, составляющіе заслугу въ глазахъ тѣхъ людей, которые имъ слѣдуютъ, а вовсе не отступленія.

«Взгляните,—говоритъ онъ,—наконецъ на насъ самихъ въ нѣкоторыхъ особыхъ положеніяхъ. Посмотрите на поведеніе войска, вступающаго въ побѣжденный городъ! Развѣ кого-либо изъ солдатъ можно убѣдить, что грабежъ жителей и насилованіе женщинъ есть дѣло непозволительное и безнравственное, развѣ каждый изъ нихъ не считаетъ разрѣшеннымъ въ этомъ положеніи то, что̀ считаетъ вообще дурнымъ!»

Такимъ образомъ мы должны видѣть, по мнѣнію Локка, что люди не только отступаютъ отъ такъ-называемыхъ врожденныхъ началъ, но что эти начала вовсе не ясны и не одинаковы оказываются на дѣлѣ. Можно ли считать ихъ послѣ этого за врожденныя?

Если же допустить наконецъ, какъ это дѣлаютъ весьма часто, продолжаетъ Локкъ, что врожденныя начала могутъ исказиться дурными привычками, воспитаніемъ и т. д., то въ такомъ случаѣ говорить объ нихъ все равно, что не говорить вовсе, потому что тогда всякій можетъ называть неиспорченными свои начала и считать испорченными чужія.

Такимъ образомъ, на всѣ наши идеи и всѣ положенія, по мнѣнію Локка, слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто пріобрѣтенное, а не врожденное. Въ этомъ процессѣ пріобрѣтенія идей слѣдуетъ однако отличать два рода психическихъ операцій, которыя, по крайней мѣрѣ по внѣшней формѣ, ясно отдѣляются другъ отъ друга, это: 1) простое воспріятіе, или перцепцію внѣшнихъ чувствъ, и 2) активное, какъ воздѣйствіе, или отвѣтное дѣйствіе духа на внѣшнія впечатлѣнія.

Согласно такому воззрѣнію никакая идея, никакой психическій актъ не можетъ возникнуть помимо внѣшняго впечатлѣнія; оно даетъ ему

начало, вызываетъ мысленный процессъ и опредѣляетъ его первое содержаніе. Въ этомъ отношеніи взглядъ Локка прямо расходится съ схоластическимъ. Но въ тоже время умственная дѣятельность не ограничивается однимъ механическимъ собираніемъ воспринятаго, духъ нашъ не представляется просто мозговымъ ящикомъ, въ который внѣшнія чувства собираютъ все, что получаютъ извнѣ, а за нимъ признается въ тоже время нѣчто большее, своя способность—воспріятія и воздѣйствія на внѣшнія впечатлѣнія, которыя въ строгомъ смыслѣ и составляютъ то, что слѣдуетъ назвать чисто духовнымъ актомъ, спеціальной ролью духа въ процессѣ мышленія, по мнѣнію Локка.

Съ этой-то стороны ученіе Локка уже настолько далеко отъ грубаго матеріализма, насколько оно расходилось выше со взглядомъ схоластиковъ.

Идеи, получаемыя такимъ образомъ, суть двоякаго рода: 1) простыя идеи и 2) идеи сложныя, образующіяся черезъ сочетаніе первыхъ.

Простыя идеи получаются непосредственно путемъ внѣшнихъ чувствъ. Ихъ два рода: однѣ составляются исключительно путемъ одного какого-либо чувства; таковы идеи цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, тепла, холода, плотности. Замѣтимъ, что изъ числа этого рода идей не всѣ имѣютъ присвоенныя имъ названія на нашемъ языкѣ. Возьмемъ напримѣръ отдѣльные вкусы. Мы имѣемъ слова для весьма незначительнаго числа отдѣльныхъ вкусовъ, о которыхъ тѣмъ не менѣе имѣемъ ясное представленіе изъ опыта. Слова наши различаютъ вкусы горькій, соленый, кислый, сладкій; далѣе этого почти не идетъ различіе, между тѣмъ какъ чувство наше различаетъ весьма значительное разнообразіе вкусовъ, которые мы сознаемъ весьма отчетливо, но которыхъ объяснить словами не можемъ именно по недостатку присвоенныхъ имъ спеціальныхъ названій. Языкъ нашъ оказывается такимъ образомъ бѣднѣе нашихъ понятій и представленій, и на это обстоятельство слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Имъ и объясняется та затруднительность и та неясность, которая оказывается весьма часто, когда мы беремся опредѣлять тѣ или другія вещи или представленія, которыя очень хорошо сознаемъ и которыхъ выразить и опредѣлить не можемъ. Такая странность объясняется именно тѣмъ, что понятія о вещахъ мы получаемъ прямо изъ опыта, между тѣмъ какъ слова и названія возникаютъ не изъ опыта и сами собой, а создаются нами совершенно произвольно и гораздо позже понятій.

Другаго рода простыя идеи доходятъ до насъ путемъ нѣсколькихъ чувствъ; такъ представленіе формы получается и путемъ зрѣнія и путемъ осязанія.

Эти-то простыя идеи, по мнѣнію Локка, и составляютъ все основа-

ніе, всѣ простые элементы нашего мышленія, на которые могутъ быть разложены или къ которымъ могутъ быть приведены всѣ наши мысли. Дальнѣйшая дѣятельность ума, ими владѣющаго, состоитъ въ сложеніи или разложеніи, словомъ въ различномъ сочетаніи этихъ простыхъ идей. Если мы вспомнимъ при этомъ, какое количество словъ можетъ быть нами получено изъ сочетанія 24 буквъ нашей азбуки, то фактъ происхожденія всѣхъ нашихъ мыслей путемъ только сочетанія не покажется намъ вовсе невозможнымъ. Посредствомъ сложенія или сочетанія простыхъ идей мы составляемъ идеи предмета; такъ напримѣръ, слагая идею вкуса, цвѣта и протяженія или форму какого-либо плода, мы составляемъ понятіе объ этомъ плодѣ какъ вещи или предметѣ. Разлагая, напротивъ, предметъ на отдѣльныя качества, отвлекая одно отъ другаго какъ принадлежность не только одного даннаго предмета, но цѣлаго ряда предметовъ, мы строимъ абстракціи и отвлеченія. Понятно само собой, что эта случайность можетъ дать, и дѣйствительно даетъ намъ возможность получать сложныя идеи, соотвѣтствующія предметамъ, не только такимъ, которые существуютъ какъ цѣльные во внѣшнемъ мірѣ, напримѣръ понятіе яблока, льва и пр., но и соединять въ одно цѣлое такія явленія, которыя существуютъ въ природѣ раздѣльно. Такимъ образомъ мы составляемъ идеи зимы, лѣта и т. под., и мыслимъ все это какъ отдѣльные предметы, цѣлые только въ нашемъ воображеніи.

Далѣе та же способность сложенія приводитъ насъ къ такимъ понятіямъ, которыя уже не заимствуются прямо изъ дѣйствительности.

Мы имѣемъ, напримѣръ, простую идею формы или протяженія, ограниченную, полученную чисто опытнымъ путемъ, и имѣемъ идею сложенія и разложенія, полученную такимъ же точно путемъ; комбинируя ту и другую идею, мы приходимъ къ сложенію отдѣльныхъ протяженій, и какъ идея сложенія кажется намъ ничѣмъ не ограниченной, то мы приходимъ къ безконечному сложенію или повторенію извѣстнаго протяженія до безконечности. Такимъ образомъ двѣ простыя идеи произвольно сложенныя приводятъ насъ къ такому понятію, которое вмѣстѣ съ тѣмъ уже отказываетъ намъ представить себя въ ясной формѣ, которому не соотвѣтствуетъ ни что въ дѣйствительности.

Самыя простѣйшія идеи изъ простыхъ суть тѣ, которыя воспринимаются нѣсколькими чувствами и которыя общи наибольшему числу предметовъ, а потому до того часто и постоянно повторяются въ нашихъ воспріятіяхъ, дотого часто соединяются съ нашими ощущеніями, что кажутся намъ наконецъ неизмѣнными, безусловными принадлежностями всякаго представленія, абсолютными законами самаго мышленія, отъ которыхъ не въ состояніи отдѣлиться мысль. Таковы понятія про-

тяженія, числа и т. под. Между тѣмъ и эти идеи въ сущности нисколько не безусловнѣе всѣхъ остальныхъ и составляютъ такой же точно частный случай, не выходящій изъ ряда всѣхъ остальныхъ воспріятій, и если кажутся намъ безусловными, то только потому, что встрѣчаются чаще другихъ.

Самая простѣйшая между ними есть идея единства или единицы; она связана со всякимъ предметомъ, со всякимъ представленіемъ; поэтому нѣтъ и идеи, болѣе вкоренившейся въ нашемъ мышленіи. Повторяя эту идею, слагая такія повторенія, мы приходимъ къ понятіямъ чиселъ, а продолжая такія повторенія безъ конца, приходимъ къ понятію безконечности, понятію, повидимому, совершенно противорѣчащему сущности всѣхъ воспріятій. Но то, что̀ мы разумѣемъ при этомъ подъ безконечностью, не есть вовсе понятіе, противоположное конечному числу, какое бы мы получили только, еслибы мы могли наблюдать въ дѣйствительности нѣчто въ самомъ дѣлѣ безконечное;—то, что мы разумѣемъ при этомъ подъ безконечностью, есть только безконечное повтореніе конечнаго числа, въ этомъ понятіи нѣтъ никакой новой идеи, въ немъ господствуетъ напротивъ все та же самая идея повторенія и конечности. И вотъ почему мы не можемъ составить себѣ опредѣленной идеи о безконечности.

Говоря о безконечности, мы, какъ только захотимъ себѣ представить ясно это понятіе, постоянно думаемъ о конечномъ числѣ, и не можемъ никакъ отдѣлаться отъ этого, такъ что, выражаясь точно, подъ названіемъ безконечности мы можемъ разумѣть только число, выходящее своей величиной изъ предѣловъ нашего яснаго представленія, или измѣренія нашихъ чувствъ, но все-таки число конечное.

Къ тому же разряду простыхъ идей Локкъ относитъ идеи удовольствія и неудовольствія, которыми сопровождается большинство непосредственныхъ ощущеній и въ связи съ которыми находятся всѣ наши представленія о добрѣ и злѣ. Эти идеи берутъ точно также свое начало въ нашихъ внѣшнихъ ощущеніяхъ, каждое изъ нихъ вызываетъ въ насъ чувство удовольствія или неудовольствія, и потому почти каждое служитъ къ образованію идеи страданія и наслажденія. Но дѣло не ограничивается одними внѣшними ощущеніями, а распространяется на всѣ сложныя идеи, возникающія впослѣдствіи. При этомъ чувство удовольствія и неудовольствія въ каждомъ частномъ случаѣ можетъ принимать весьма разнообразный оттѣнокъ. Опредѣлить эти оттѣнки въ каждомъ частномъ случаѣ, т. е. опредѣлить всѣ частные виды удовольствія и неудовольствія нѣтъ никакой возможности, потому что эти чувства, какъ всѣ простыя идеи, мы знаемъ только изъ самаго опыта.

«Съ этими представленіями объ удовольствіи и неудовольствіи находятся въ связи всѣ наши страсти и душевныя стремленія, а потому они служатъ стимулами всей нашей дѣятельности, онѣ управляютъ нашими поступками.

«Но при этомъ нашими поступками управляетъ не безусловная сумма счастія, которую мы можемъ ожидать, а та часть его, которая даетъ себя живо чувствовать намъ своимъ отсутствіемъ, т. е. поступки наши зависятъ не отъ того, что̀ можетъ служить къ нашему счастію, а отъ степени ощущаемыхъ нами лишеній. Эти лишенія могутъ быть порой весьма значительны, но если мы съ ними свыклись и примирились, наша энергія и дѣятельность замираетъ. Такимъ образомъ, вѣрнѣе сказать, что наша дѣятельность опредѣляется мѣрой нашихъ лишеній, не безусловныхъ, а относительныхъ, т. е. мѣрою лишеній, дѣйствительно ощущаемыхъ каждымъ. Далѣе, такъ какъ мы не можемъ сразу думать въ одно и тоже время двухъ вещей, мы не можемъ въ одно и тоже время предаваться двумъ одновременнымъ желаніямъ, и эти желанія могутъ въ насъ слѣдовать только одни за другими.

«Отсюда само собой слѣдуетъ, что наши желанія должны сами собой расположиться въ рядъ сообразно ихъ интенсивности и что наша дѣятельность должна опредѣляться самымъ большимъ членомъ такого разложенія, т. е. самымъ интенсивнымъ изъ всѣхъ желаній. Отсюда слѣдуетъ также, что наша дѣятельность должна управляться постояннымъ представленіемъ не наибольшаго блага, намъ доступнаго, а ближайшаго, конечнаго блага.

«Такъ какъ положенія различны, такъ какъ интенсивныя желанія находятся въ связи съ личнымъ представленіемъ объ ожидаемомъ удовольствіи, и личныя понятія различны, то этимъ достаточно объясняется и разнородность человѣческихъ стремленій.

«Но непосредственныя желанія управляютъ нашими дѣйствіями не безусловно, мы имѣемъ возможность воздержаться отъ дѣятельности, сообразной съ наиболѣе интенсивнымъ желаніемъ, для того, чтобы обдумать его и сообразить, насколько интенсивность его оправдывается дѣйствительной выгодой, или удовольствіемъ, которая произойдетъ для насъ отъ даннаго поступка, словомъ, можемъ переставлять члены въ разложеніи нашихъ желаній. И въ этомъ-то выборѣ между двумя желаніями, опредѣляемыми стремленіемъ къ счастію, и заключается то, что мы называемъ свободой воли.»

Въ этихъ словахъ заключается собственно говоря сущность ученія Локка. Во всякомъ случаѣ мысли, высказанныя имъ относительно сущности психическихъ актовъ, не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ

метода, который долженъ быть примѣненъ къ наукамъ политическимъ, по его мнѣнію.

Если человѣкъ ничего не получалъ въ даръ, а долженъ былъ все пріобрѣсти, всему выучиться медленно и съ трудомъ — даже такимъ истинамъ, какъ дважды два четыре, то само собой разумѣется, что и его политическая жизнь была также только медленной и тяжкой школой, въ которой онъ учился общежитію; а не разучивался, какъ думали и схоластики и Руссо. Всѣ положенія практической философіи и политической науки могли быть только положеніями, нажитыми опытомъ—положеніями опыта.

Самъ Локкъ не формулировалъ, однако, этого примѣненія; оно было сдѣлано другими. Но прежде чѣмъ мы обратимся къ такому примѣненію, мы должны разсмотрѣть, какъ отнеслись къ нимъ обѣ другія философіи. Мы видѣли, что Локкъ, сколько бы онъ ни ставилъ духовныхъ актовъ въ зависимость отъ внѣшнихъ впечатлѣній, все-таки признавалъ въ процессѣ образованія понятій свою субъективную сторону, которую и называлъ воздѣйствіемъ духа на внѣшнія впечатлѣнія. Точный видъ этого воздѣйствія, какъ его понималъ Локкъ, оставался не ясенъ. И эта темная, недосказанная сторона его ученія была именно той слабой стороной, выяснить которую Локкъ предоставилъ позднѣйшей философіи. Во взглядѣ на эту сторону дѣла и заключалось коренное различіе между философскими ученіями, возникшими изъ Локковой школы во Франціи и Германіи. Французская школа рѣшила вопросъ просто—отказавшись вовсе отъ разслѣдованія такого воздѣйствія. Но иначе и осторожнѣе отнеслась къ нему германская школа въ лицѣ Канта. Читатель, привычный смотрѣть на эту философію какъ на чистое умозрѣніе, прежде всего долженъ узнать, что Кантъ принялъ тѣ же основныя положенія, какія принялъ и Локкъ. Но онъ въ тоже время счелъ нужнымъ подвергнуть болѣе точному разслѣдованію то, что у Локка имѣло видъ простаго намека. Передъ нимъ была на лицо французская философія и, анализируя ее, онъ могъ имѣть свои основанія быть осторожнѣе. При анализѣ этихъ основаній нѣтъ ничего легче, какъ объяснить осторожность Канта болѣе житейскими практическими основаніями, чѣмъ существенными и теоретическими.

Можно было бы думать, что Кантъ разсуждалъ надъ темными сторонами ученія Локка точно такъ же, какъ и французская философія; но въ тоже время считалъ не совсѣмъ разсчетливымъ лишать общество увѣренности въ томъ, что оно носитъ въ себѣ рядъ непоколебимыхъ истинъ, какъ послѣдній гранитный оплотъ противъ заблужденія. Понимая, что сомнѣніе—дурной союзникъ энергіи, а большинство людей—плохіе философы, можно было думать, что Кантъ и не считалъ практичнымъ ни под-

вергать площадному резонерству утвердившихся нравственныхъ идеаловъ, ни разрушать вѣры въ нихъ, какъ таковые, и вотъ почему его философія представляетъ непримиримую, повидимому, двойственность реализма и умозрѣнія.

Онъ писалъ гораздо позже Локка, когда реализмъ сталъ на французской почвѣ моднымъ словомъ, съ которымъ носился всякій, понимающій и непонимающій, когда модная философія, популяризуемая французскими писателями, стала предметомъ разсужденія такъ-называемой образованной толпы, жадной искать во всемъ, что ей попадается подъ руку, только оправданій своимъ личнымъ страстямъ и грубымъ похотямъ. Тотъ грубый матеріализмъ, который скрывается въ достаточномъ количествѣ въ глубинѣ низшихъ полу-цивилизованныхъ душъ, дотого исказилъ опытное направленіе своими толкованіями, что отъ ученія объ опытѣ и усовершенствованіи его путемъ опыта въ глазахъ другихъ могло ни чего не остаться кромѣ проповѣди чувственности. Можно было думать, что Кантъ лучше французской школы понималъ реальнаго человѣка и полагалъ, что тотъ средній человѣкъ, котораго должна имѣть въ виду не академическая, а популярная философія, не способенъ еще пользоваться послѣдовательной философіей, а нуждается именно въ философіи двойственной.

Но такое объясненіе осторожности Кантовой философіи можетъ быть допущено только относительно втораго періода этой философіи, къ которой принадлежитъ его «Критика практическаго разума». Во всякомъ случаѣ двойственность философіи Канта опиралась на свои теоретическія основанія, которыя намъ и предстоитъ теперь выяснить. Оставлять вопросъ о воздѣйствіи въ томъ видѣ, въ какомъ его оставилъ Локкъ, или исключать его вовсе, какъ дѣлала французская школа, значило, по мнѣнію Канта, оставить весьма важный пробѣлъ въ философіи.

Будь Локъ послѣдовательнѣе, онъ долженъ былъ бы, по мнѣнію Канта, опредѣлить субъективную природу человѣка не только со стороны ея зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній, но и со стороны воздѣйствія ея на послѣднія и зависимости послѣднихъ отъ этой природы. Несомнѣнно, что субъективная природа человѣка, въ качествѣ опредѣленнаго организма, не могла быть разсматриваема какъ совершенно безразличная въ разсужденіи впечатлѣній, что она сама въ себѣ должна была носить извѣстныя условія воспріятія, опредѣляемыя спеціальной организаціей этой природы,—и этими толкованіями мотивировались всѣ метафизическія стороны философіи Канта.

Въ этомъ-то смыслѣ философія Канта и реставрировала, до из-

вѣстной степени, метафизическій взглядъ на вещи. Но намъ важна именно эта реставрирующая философія, потому что, останавливаясь надъ ней, мы узнаемъ предѣлъ наиболѣе осторожнаго примѣненія точнаго метода, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснимъ себѣ настоящій смыслъ всей послѣдовавшей за Кантомъ умозрительной германской философіи.

Тотъ смыслъ и тѣ предѣлы, въ которыхъ Кантъ возстановлялъ метафизическій элементъ въ философіи, по своей основной идеѣ и въ своей первоначальной формѣ не противорѣчили въ сущности новому опытному и реальному ея направленію. Кантъ думалъ только точнѣе досказать то, на что Локкъ далъ только смутный намекъ.

Точно также какъ и Локкъ, онъ ставилъ опытъ въ началѣ всякаго познанія и даже познанія основныхъ метафизическихъ формъ. Онъ находилъ только, что человѣкъ имѣетъ свою индивидуальную природу, отъ которой зависитъ его опредѣленное отношеніе къ впечатлѣніямъ. Такимъ разсужденіемъ онъ не признавалъ за этой природой другихъ качествъ кромѣ качествъ всякаго организма и на психическую жизнь смотрѣлъ какъ на сложный актъ внѣшняго впечатлѣнія, съ одной стороны, и опредѣленнаго условіями личной природы человѣка воспріятія—съ другой. Такъ какъ эти условія составляли нераздѣльную принадлежность человѣческой природы и были однообразны, то они обусловливали собой извѣстныя, въ концѣ концовъ однообразныя формы воспріятія, метафизическія формы. Отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы мы могли познать эти формы независимо отъ опыта. Но разъ онѣ достаточно опредѣлились для насъ опытнымъ путемъ, мы можемъ смотрѣть на нихъ какъ на выраженіе условій нашей природы, разсуждать объ нихъ отвлеченно и изучать въ нихъ законъ нашихъ отношеній къ внѣшнимъ вещамъ, законъ нашего мышленія, нашу логику.

Такое-то изученіе этихъ формъ имѣла собственно въ виду философія Канта. На этой ступени своего развитія она нисколько не противорѣчила реальному воззрѣнію на вещи Локковой школы, и обѣ философіи являлись двумя періодами одного и того же сужденія.

Локкъ замѣчалъ, что вся наша внутренняя жизнь обусловливается внѣшними воспріятіями. Кантъ приглашалъ не забывать, что самыя условія воспріятія опредѣлены въ тоже время и нашей особой природой, и потому, останавливаясь на двухъ различныхъ частяхъ въ сущности одной и той же мысли, можно было придти къ различнымъ между собою въ результатѣ выводамъ. Локкъ въ точности не опредѣлялъ условій воспріятія, признавая одну мѣру человѣческой природы для классификаціи всѣхъ впечатлѣній, мѣру удовольствія и неудовольствія, и въ этой послѣдней мѣрѣ видѣлъ высшую санкцію всякой нравственной исти-

ны. Кантъ, признавая опредѣленныя условія воспріятія, приходилъ къ тому убѣжденію, что эта опредѣленность должна была вести къ опредѣленнымъ формамъ представленія логическаго и нравственнаго и въ этихъ формахъ, вытекающихъ изъ спеціальной организаціи человѣческой природы, видѣлъ настоящую санкцію всякой истины какъ логической, такъ и нравственной.

Для Канта наши воспріятія, обусловленныя организаціей нашей природы, укладывались въ опредѣленные общіе отдѣлы или отвлеченныя категоріи. Работа эта происходила путемъ безконечно сложнаго и неизвѣстнаго въ точности процесса. Мы могли не знать въ точности этого процесса и все-таки въ этихъ отвлеченныхъ категоріяхъ имѣли передъ собой опредѣленный готовый отвлеченный матеріалъ, который могли наблюдать какъ и все прочее. Этотъ матеріалъ служилъ выраженіемъ нашей природы. Наблюдая и изучая его, мы наблюдали и изучали слѣдовательно самую нашу природу въ ея послѣднихъ отвлеченныхъ результатахъ. Этотъ-то матеріалъ Кантъ называлъ жизнью нашего духа, и изученіемъ его ограничивалъ задачу метафизики. Это изученіе онъ называлъ метафизическимъ, потому что, хотя для самого Канта въ дѣйствительности этотъ матеріалъ былъ результатомъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, но, ничего не зная объ этой послѣдней связи, изучая не ее собственно, а только одни отвлеченные результаты, онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить границы своего изученія.

Съ другой стороны, такое самостоятельное изученіе отвлеченныхъ фактовъ казалось ему вполнѣ возможнымъ и полезнымъ, потому что, будучи выраженіемъ нашей природы, они не должны были быть чѣмъ-нибудь случайнымъ, а должны были имѣть извѣстную связь, представлять своего рода законность, изученіе которой Кантъ и называлъ изученіемъ законовъ нашего духа. Въ этомъ-то смыслѣ онъ отрѣшался въ своемъ изученіи отъ всего условнаго и чувственнаго, думая найти въ этихъ послѣднихъ результатахъ лучшее выраженіе безусловныхъ и непоколебимыхъ законовъ и особенностей нашей природы.

Самъ Кантъ повидимому твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла и онъ былъ по крайней мѣрѣ правъ, насколько находилъ нашу умственную и нравственную жизнь переполненною отвлеченными категоріями, которыя въ тоже время служатъ, по нашимъ понятіямъ, точками опоры, критеріумомъ для нашихъ рѣшеній и дѣйствій.

Кантъ оправдывалъ въ тоже время этотъ послѣдній взглядъ на вещи и видѣлъ въ этихъ послѣднихъ отвлеченіяхъ, которыя называлъ жизнью разума и которыя выражали по его мнѣнію законъ нашей природы, точно также и санкцію всякой истины и всякой нравственной правды.

Разсуждая о нравственной жизни, Кантъ вовсе не хотѣлъ знать, какъ она устроена и какъ направляется, а только что̀ въ ней есть особеннаго метафизическаго, т. е. принадлежащаго не только внѣшнимъ условіямъ, а исключительно природѣ человѣка, мыслимой какъ нѣчто самостоятельное.

Съ этой цѣлью онъ исключилъ изъ нравственныхъ явленій все, что̀ въ нихъ не разнилось отъ обыкновенныхъ внѣшнихъ явленій. Путемъ такого очищенія онъ получилъ для опредѣленія метафизическаго содержанія этой жизни несложный рядъ отвлеченныхъ понятій воли, свободы, договора и собственности, которыя, какъ оказалось, не могли быть подведены подъ общій разрядъ обыкновенныхъ эмпирическихъ явленій.

Эта находка въ его глазахъ и давала мѣсто метафизикѣ, какъ наукѣ. Онъ находилъ, что дѣйствительная жизнь, сколько бы она ни зависѣла отъ внѣшнихъ явленій, въ то же время приходитъ къ цѣлому ряду фактовъ или явленій, которыя не могутъ быть уподоблены обыкновеннымъ эмпирическимъ явленіямъ, а составляютъ факты особаго рода, факты метафизическіе, каковы и суть договоръ, собственность и пр. Все это не суть созданія внѣшней природы—послѣдняя никогда не создаетъ ничего подобнаго. Все это создаетъ только человѣкъ, и для этого онъ долженъ выйти изъ круга эмпирическихъ условій. Мыслить постороннюю мнѣ вещь какъ мою собственную плоть нельзя эмпирически, и можно только метафизически, т. е. выходя изъ эмпирическихъ условій и не стѣсняясь ими. Возможность такихъ метафизическихъ явленій и доказываетъ для Канта самостоятельность человѣческаго духа и состоятельность такой науки, которая изучала бы только тѣ стороны жизни, въ которыхъ выражается эта самостоятельность духа, тѣ явленія, въ которыхъ духъ возвышается надъ эмпирическими условіями. И онъ является прежде всего ихъ естествоиспытателемъ.

Еслибы Кантъ этимъ только и ограничился, еслибы онъ смотрѣлъ на метафизическія явленія только какъ на явленія особеннаго рода, то онъ сошелся бы съ Локкомъ, который объяснилъ ихъ образованіе путемъ произвольнаго сочетанія эмпирическихъ воспріятій. Но мы уже объяснили, что Кантъ хотѣлъ видѣть въ метафизическихъ явленіяхъ не одни явленія, а выраженіе конечныхъ законовъ нашей личной природы.

Свобода, воля, договоръ и собственность были для Канта не просто метафизическими явленіями, а составляли неразлучный законъ общественнаго бытія, какъ нравственнаго и совершеннаго бытія; такъ что нельзя было бы вообразить общества безъ этихъ категорій. Гражданское общество немыслимо безъ договора, и только это условіе возводитъ его

на степень общества, составляетъ его санкцію. Воля настолько лишь свободна, насколько она договорилась, и пр.

Сами по себѣ эти метафизическія отвлеченія не могутъ научить практическому благосостоянію, но они, будучи закономъ нашего сужденія о вещахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ для насъ и единственно неопровержимую санкцію нашихъ представленій о нравственномъ, добромъ и пр. Все это станетъ для насъ вполнѣ ясно, если мы обратимся теперь къ самому тексту Кантовой философіи.

«Нравственная философія, какъ ученіе о *благосостояніи*, пишетъ Кантъ въ своемъ введеніи въ «Метафизику нравовъ», не можетъ быть ученіемъ апріористическимъ, ибо сколько бы ни увѣряли, что разумъ можетъ независимо отъ опыта предопредѣлять настоящіе пути прочнаго наслажденія, тѣмъ не менѣе все, что̀ говорится въ этомъ отношеніи, болѣе походитъ на тавтологію. Одинъ только опытъ можетъ въ сущности указать эти пути и средства, и всѣ такъ-называемыя при этомъ предопредѣленія чистаго разума суть только чисто опытныя и индуктивныя обобщенія.

«Руководящимъ началомъ всѣхъ дѣйствій человѣка и учителями нравственности, съ точки зрѣнія умозрительнаго направленія, служатъ не указанія внѣшней природы, не матеріальныя ощущенія, такъ или иначе направляющія и слѣдовательно связывающія волю, ни даже то нравственное чувство, на которое обыкновенно ссылаются, ибо это чувство было бы тѣмъ же животнымъ инстинктомъ, а только *разумъ*, чуждый всякаго эмпиризма. Этотъ разумъ только и можетъ быть источникомъ всего, что̀ считается нравственнымъ и разумнымъ и добродѣтельнымъ; все, что̀ въ послѣдней инстанціи не можетъ быть сведено на метафизическія основанія, не можетъ быть названо добромъ и нравственностью въ строгомъ смыслѣ и отличаться отъ всего тлѣннаго, эмпирическаго, матеріальнаго... Не будемъ называть поэтому,—пишетъ Кантъ,—нравственнаго чувства врожденнымъ чувствомъ, а врожденными метафизическими началами разума, которыя кажутся большинству чувствами только потому, что составляютъ смутно мыслимыя метафизическія начала, но которыя тѣмъ не менѣе врождены каждому, хотя не каждымъ сознаются одинаково... Отожествленіе съ чувствомъ, названіе совѣсти, можетъ быть допущено здѣсь только какъ пластическое уподобленіе, какъ уступка нашему грубому пониманію, но въ сущности это названіе не достойно, унизительно для предмета, источникомъ котораго можетъ быть только жизнь чисто метафизическая.»

Итакъ, если цѣль жизни есть благосостояніе и вообще благо, то умозрительная философія, по словамъ Канта, ничего ровно не можетъ

сказать путнаго въ этомъ отношеніи. Практическая философія общества должна оставить въ сторонѣ умозрѣніе и обратиться къ опыту и индукціи и въ опытныхъ обобщеніяхъ искать условій и законовъ благосостоянія. Въ этихъ данныхъ опыта заключается все доказательство, вся послѣдняя опора тѣхъ или другихъ принциповъ философіи, полагающей цѣлью общее благо. Думать, что чистый разумъ можетъ продиктовать начала благополучія,—ложно.

Въ этихъ словахъ заключался, собственно говоря, весь отвѣтъ на вопросъ, въ которомъ нуждается политическая наука вообще. Кантъ не только разрѣшилъ ей быть наукой опытной и реальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалъ для нея другаго способа быть наукой въ дѣйствительномъ смыслѣ слова. Но эти слова все-таки можно было понимать такъ, что не только государственная философія и нравственная философія, въ общемъ смыслѣ, не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ иной задачи, кромѣ благосостоянія и слѣдовательно должна оставить въ сторонѣ умозрѣніе; и можно было понимать такъ, что кромѣ практической задачи общежитія она имѣетъ еще другую, особую отъ благосостоянія и вообще всякаго практическаго основанія, задачу метафизическую, которая составитъ предметъ особой, чисто умозрительной или метафизической философіи. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ и понималъ дѣло Кантъ. Устраняя гипотезу о врожденныхъ человѣку началахъ, онъ отвергалъ ее настолько, насколько въ глазахъ его предшественниковъ она казалась готовымъ орудіемъ въ практическихъ вопросахъ; но онъ ее удерживалъ въ иномъ видѣ. Отнимая у нея всякій практическій характеръ, онъ считалъ нужнымъ очистить ее отъ всего чувственнаго, тлѣннаго, и черезъ это точнѣе опредѣлить дѣйствительныя границы того, что́ онъ разумѣлъ подъ жизнью духа. Нравственное чувство или совѣсть, о которыхъ говорили его предшественники, казались Канту, какъ мы видѣли, невѣрнымъ и слишкомъ чувственнымъ выраженіемъ той особенной жизни и того особаго міра, который, въ отличіе отъ всего познаваемаго извнѣ, эти философы называли внутреннимъ міромъ человѣка. По ихъ понятіямъ, *бытіе* дѣлилось на двѣ капитальныя формы, на двѣ жизни и двѣ природы, совершенно самостоятельныя и различныя по своимъ законамъ и сущности. Одна принадлежала міру внѣшнему для человѣка, другая міру внутреннему; одна составляла жизнь природы, другая—жизнь духа; одна—жизнь матеріальную, другая—жизнь метафизическую, трансцендентную. Кантъ не отвергалъ этого; но въ то время, какъ первые въ точности не опредѣляли границъ этой духовной жизни, Кантъ требовалъ точнаго опредѣленія этихъ границъ, исключенія всего чуждаго ей и матеріальнаго; и въ этихъ-то границахъ и заключается весь вопросъ и все отли-

чіе, которымъ Кантъ выдѣлялъ себя въ сущности изъ числа чистыхъ метафизиковъ. Онъ признавалъ, что мы не можемъ ничего знать о сущности внѣшней жизни, но что намъ доступна жизнь метафизическая. «Мы можемъ, углубляясь сами въ себя, познать эту внутреннюю жизнь нашего духа со всѣмъ совершенствомъ. Но для этого нужно прежде всего изолировать эту жизнь отъ всего внѣшняго, отъ всего, что на нее осѣло ей чуждаго изъ столкновенія съ внѣшнимъ міромъ. Очищая наше внутреннее духовное содержаніе отъ всего воспринятаго извнѣ, мы увидимъ, что оно не обратится въ совершенный нуль; въ концѣ такой работы мы найдемъ извѣстный остатокъ, который, будучи уже очищенъ отъ всего внѣшняго, представитъ чистѣйшую жизнь духа, изслѣдовавъ который мы и узнаемъ сущность этой жизни.» Понятно, что въ этомъ-то остаткѣ и заключается весь вопросъ метафизики и весь предметъ спора между реалистами и метафизиками. И смотря по тому какъ мы опредѣлимъ этотъ остатокъ, какими снабдимъ его опредѣленіями мы и подойдемъ ближе къ реальному или противоположному направленію,—но этотъ-то остатокъ, по мнѣнію Канта, и составлялъ ту подлежащую сознанію сущность, которая иначе называлась жизнью духа. Пока при допущенномъ a priori дуализмѣ бытія обѣ жизни, и духовная и внѣшняя, все-таки строго не дѣлились между собой и смѣшивались какъ попало, до тѣхъ поръ въ нравственный ящикъ безразлично попадали и укладывались явленія смѣшаннаго характера, занимающія какъ бы пограничную или переходную ступень между жизнью чисто матеріальной, и совершенно отъ нея отрѣшенной, въ родѣ совѣсти, нравственнаго чувства и пр. Вслѣдствіе этого жизнь духовная пріобрѣтала въ понятіяхъ свою содержательность и свою пластичность. Эти неуловимо легкіе штрихи чувственности, поверхъ мертвыхъ безцвѣтныхъ логическихъ отвлеченій придававшіе ей подобіе и характеръ дѣйствительно живаго и цѣлаго, служили главной точкой опоры для обыденнаго человѣка, главнымъ безсознательнымъ побужденіемъ признавать самостоятельное органическое бытіе за своимъ собственнымъ *я*, независимое отъ внѣшнихъ условій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пріемомъ очищенія, котораго потребовала нѣмецкая философія, должны были сами собой исчезнуть эти послѣднія точки опоры, и чистыя отвлеченія должны были выступить какъ математическіе знаки и общія логическія формы пониманія вещей, составившіяся отъ внѣшнихъ воспріятій во всей ихъ чистотѣ и безсодержательности. Оставалось одно изъ двухъ: или признать эти мышленныя формы буквально за интегралы въ математическомъ смыслѣ, выражающія общей формулой законъ, выведенный изъ наблюденныхъ явленій и обобщенныхъ въ одно

выраженіе, или признать за этими формулами самостоятельное непосредственное бытіе, не имѣющее ничего общаго съ внѣшнимъ міромъ. Но этого послѣдняго уже не говорилъ Кантъ, когда сумму такихъ конечныхъ формулъ онъ назвалъ чистымъ разумомъ, а жизнь этихъ формулъ — предметомъ метафизики. Способъ разсужденія Канта о самостоятельной жизни этихъ формулъ былъ слѣдующій. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, писалъ онъ въ началѣ своей «Критики чистаго разума», что все наше познаваніе начинается съ внѣшнихъ ощущеній; поэтому въ хронологическомъ смыслѣ всякое познаваніе начинается съ опыта, опытъ предшествуетъ всякому мышленію. Но отсюда не слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, чтобы оно все проистекало изъ одного опыта и имъ ограничивалось. Весьма естественно допустить напротивъ, что наше познаваніе составляетъ при этомъ все-таки актъ сложный, въ которомъ внѣшнее ощущеніе составляетъ только одну половину познавательнаго процесса, другая же принадлежитъ врожденнымъ функціямъ и силамъ духа, которыя только возбуждаются къ дѣйствію и заявленію себя внѣшнимъ впечатлѣніемъ, будучи совершенно недѣятельны безъ внѣшнихъ возбудителей.» Эти силы составляютъ, по Канту, способность апріористическаго познаванія вещей. Онѣ могутъ быть опредѣлены и получены въ чистомъ ихъ видѣ чрезъ отдѣленіе въ нашемъ знаніи всего внѣшняго, чувственнаго, опытнаго, всего измѣнчиваго и случайнаго, ибо все опытное, всякій законъ, даже отвѣчающій внѣшнимъ явленіямъ, справедливъ только условно. Отдѣляя такимъ образомъ все условное и внѣшнее въ нашемъ знаніи, мы придемъ къ такимъ формамъ представленія, которыя составляютъ поэтому безусловный законъ нашего представленія или мышленія и должны признаваться за врожденныя формы, чрезъ посредство которыхъ нашъ духъ относится къ внѣшнему міру и не можетъ относиться иначе. Таковы для нашего представленія формы пространства и времени, внѣ которыхъ мы не можемъ себѣ представить ничего внѣшняго, таковы общія логическія аксіомы и вообще формы мышленія. Ими и занимается Кантъ въ своей «Критикѣ чистаго разума».

Такъ какъ для представленія этихъ формъ нужно исключить изъ нихъ всякое содержаніе, получаемое извнѣ, а всякое содержаніе настолько лишь есть содержаніе матеріальное, насколько оно получается извнѣ, то формы эти суть дѣйствительно голыя формы безъ содержанія въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Однакоже онѣ при этомъ не суть совершенное ничто, слѣдовательно онѣ имѣютъ свое особое содержаніе, которое именно и состоитъ въ ихъ формѣ и которое и называется содержаніемъ метафизическимъ. Такъ какъ эти формы неизмѣнны, то

слѣдовательно и ихъ метафизическое содержаніе также. Вслѣдствіе этой-то неизмѣнности эти формы и составляютъ законъ въ отличіе отъ эмпирическаго содержанія, безпрестанно измѣняющагося и потому не составляющаго собою закона. Далѣе, такъ какъ эти формы могутъ быть представлены независимо отъ всякаго эмпирическаго содержанія, то слѣдовательно онѣ не нуждаются въ этомъ содержаніи для своего существованія, и могутъ существовать самобытно однимъ своимъ метафизическимъ содержаніемъ. Существуя самобытно и неизмѣнно въ виду измѣняющагося внѣшняго содержанія, онѣ не только даютъ основаніе жизни духа независимой отъ внѣшняго міра, но и составляютъ законъ отношеній духа къ матеріальному содержанію и внѣшнему міру. Это отношеніе опять возможно въ двухъ видахъ, или, нагляднѣе, для самыхъ метафизическихъ формъ, составляющихъ собственно жизнь духа, возможны два состоянія: одно—статическое, другое—динамическое. Въ статическомъ состояніи разумъ только познаетъ, и потому формы его служатъ средствами познаванія,—въ динамическомъ эти формы имъ управляютъ и служатъ закономъ человѣческихъ дѣйствій. Отсюда двѣ философіи: философія чистаго разума, познающаго или спекулятивнаго, и философія чистаго разума практическаго. Такъ какъ воля, управляющая человѣческими дѣйствіями, соотвѣтствующая всему сказанному, должна исключительно зависѣть и подчиняться одному закону, закону метафизическихъ формъ, или формъ разума, а эти формы совершенно не зависятъ отъ внѣшнихъ вліяній, то отсюда само собой слѣдуетъ прежде всего, что должна существовать въ человѣкѣ такая воля, которая въ свою очередь была бы совершенно независима отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній и не подчинялась никакимъ внѣшнимъ побужденіямъ, т. е. воля совершенно свободная.

А такъ какъ при этомъ метафизическая форма, которая должна служить закономъ такой воли, сама лишена всякаго матеріальнаго содержанія, то этой волѣ остается одно, это — оставаться совершенно свободной или независимой отъ всякаго внѣшняго содержанія, ибо иначе она не будетъ волей метафизической,—словомъ ей остается выразить тотъ антагонизмъ и ту неподчинимость и самостоятельность, которыя должны существовать между матеріей и духомъ. Будучи независимой отъ внѣшнихъ внушеній, она и удовлетворитъ главному условію метафизической жизни — независимости отъ внѣшнихъ вліяній. Но такъ какъ, чтобы остаться независимою вообще, никакая единичная воля не должна стѣснять другой, то отсюда само собой явится общее правило: дѣйствуй такъ, чтобъ твой образъ дѣйствія могъ быть образомъ дѣйствія для каждаго другаго. Такимъ образомъ окажется понят-

нымъ для Канта, что чистый разумъ можетъ быть практическимъ, т. е. можетъ опредѣлять дѣйствія воли самъ по себѣ и независимо отъ внѣшнихъ условій. Правда, могутъ возразить, что это опредѣленіе чисто формальное, что правило дѣйствій, сейчасъ изложенное, лишено само по себѣ всякаго содержанія, но вѣдь Кантъ заручился уже положеніемъ, которое отвѣчаетъ на такое возраженіе и развязываетъ ему руки. Онъ сказалъ, что все содержаніе разума состоитъ изъ однихъ чистыхъ формъ, отъ которыхъ мы не вправѣ ждать никакого матеріальнаго содержанія, слѣдовательно и всѣ положенія, которыя можетъ построить практическій чистый разумъ, могутъ состоять изъ однихъ лишь такихъ общихъ нулей, формъ, лишенныхъ всякаго положительнаго содержанія. Для удовлетворенія этимъ-то формамъ живетъ человѣкъ, а не для наслажденія; онѣ составляютъ цѣль сами по себѣ, ихъ основная цѣль выше наслажденія, на нихъ строится его достоинство и его уваженіе къ себѣ, и слѣдовательно вся нравственность его жизни. Но эти условія столь часто согласимы, съ другой стороны, съ личнымъ наслажденіемъ, что одно съ другимъ можетъ часто смѣшиваться безъ внѣшняго ущерба нравственности, и эпикуреизмъ часто не противорѣчитъ разумнымъ требованіямъ; но такъ какъ въ сущности это двѣ вещи различныя, то ихъ и не слѣдуетъ смѣшивать. Мало того, такъ какъ одна совершенно не зависитъ отъ другой, то высокая нравственность не предполагаетъ вовсе высокой степени благосостоянія и можетъ существовать рядомъ съ бѣдностью и несчастіемъ...

Итакъ, одна совершенно свободная воля составляетъ основаніе всей нравственности. Мы можемъ остаться послѣдовательными и вѣрными умозрительному направленію только поставивъ во главѣ всѣхъ дѣйствій и всей нравственности совершенно свободную, чистую, самоопредѣляющуюся волю, и только философія такой воли будетъ въ строгомъ смыслѣ вѣрною гипотезѣ апріористическихъ врожденныхъ началъ, какъ ихъ понимаетъ Кантъ. Во главѣ всего становится свобода дѣйствія, или личный произволъ, не стѣсненный никакими нравственными опредѣленіями, имѣющій въ этомъ видѣ право дѣлать все, что ему угодно. Возьмемъ однако рядъ такихъ личныхъ произволовъ и постановимъ задачей, чтобы они не стѣсняли другъ друга. Въ такомъ случаѣ мы получимъ рядъ правилъ или условій, подчиняясь которымъ каждый личный произволъ претерпитъ minimum стѣсненія и на которыя волей или неволей должны будутъ согласиться всѣ, каждый къ своей личной выгодѣ. Но такъ какъ всѣ согласятся, то стало быть не будетъ насильнаго стѣсненія вовсе и слѣдовательно принципъ свободной воли не нарушится. Такъ думаетъ Кантъ; конечно позволительно думать иначе,

позволительно думать, что въ такомъ случаѣ станетъ опредѣляющимъ уже вовсе не принципъ произвола, а принципъ личной выгоды, что принципъ произвола тутъ же на первыхъ порахъ долженъ будетъ уступить свое мѣсто личной выгодѣ и соображеніямъ чисто опытнаго индуктивнаго характера, что принципъ свободной воли, еслибъ мы захотѣли заставить его дѣйствовать одинъ, привелъ бы только къ взаимной враждѣ и безпорядку, и въ такомъ случаѣ дѣйствительно бы выдержался съ одной стороны, но съ другой настолько же выдержался бы другой принципъ, принципъ насилія. Итакъ врожденное метафизическое основаніе свободы спотыкается и измѣняетъ дѣлу на первыхъ же шагахъ, и нравственность, вмѣсто того чтобы опираться, какъ предполагаетъ Кантъ, на принципъ свободы, собственно говоря опирается на принципъ выгоды. Но пусть продолжаетъ Кантъ. Принципъ свободы, говоритъ онъ, ведетъ къ полному согласію и къ договору. Договоръ и согласіе какъ постуляты свободной воли становятся вмѣстѣ съ тѣмъ основаніями законодательства и общества. Они даютъ нравственное значеніе обществу; безъ такого договора и согласія законодательство есть собраніе практическихъ правилъ, а общество—собраніе лицъ, а не общество въ собственномъ смыслѣ слова. Но если общество становится такимъ только въ силу чисто метафизическаго начала свободы, ему присущаго вслѣдствіе сочетанія разныхъ произволовъ въ общую волю путемъ договора, то само общество становится явленіемъ метафизическимъ, и такими же метафизическими явленіями становятся по формѣ какъ всѣ его установленія, такъ и все законодательство, — все это опирается въ послѣднемъ счетѣ на метафизическое начало свободы. Дѣйствуй такъ, чтобы твои правила дѣйствія могли быть правилами дѣйствія общими,—такъ гласитъ общее положеніе Канта, или, скорѣе, общая метафизическая форма закона, въ которую должно быть вылито все матеріальное содержаніе законодательства.

Если мы будемъ мыслить сумму такихъ дѣйствій, не стѣсняющихъ взаимнаго произвола, какъ одинъ предметъ, то мы получимъ понятіе права въ смыслѣ объективномъ; сумма же такихъ дѣйствій, какъ принадлежность личная, составитъ наше личное право въ смыслѣ субъективномъ. Въ этомъ смыслѣ наше право составляетъ нашу принадлежность, отличную отъ той, которая существуетъ въ эмпирическомъ смыслѣ. Наша рука, наши глаза составляютъ также нашу принадлежность, но принадлежность чисто въ смыслѣ эмпирическомъ; наше право, напротивъ, связано съ нами вовсе не эмпирически, оно связано общимъ договоромъ. Оно не существуетъ само по себѣ во внѣшнемъ предметномъ мірѣ, а напротивъ существуетъ въ нашемъ духовномъ мірѣ, от-

куда и переносится на міръ внѣшній. Эта связь обнимаетъ, какъ частные случаи, всѣ наши права на лица и вещи въ смыслѣ права собственности на вещи и чужія дѣйствія. Мыслить постороннюю вещь, не находящуюся въ нашихъ рукахъ, какъ нашу принадлежность, нельзя въ смыслѣ чисто эмпирическомъ; это возможно только въ смыслѣ совершенно особенномъ, примѣровъ которому не встрѣчается во внѣшней природѣ, въ смыслѣ метафизическомъ, и который является результатомъ общественнаго соглашенія, опираясь также въ послѣднемъ счетѣ на начало свободы. Такимъ образомъ основа всякаго права собственности есть чисто метафизическая, обязанная своимъ происхожденіемъ свойствамъ нашей духовной природы, а такъ какъ съ другой стороны всякое право можетъ объясняться также какъ право собственности на сумму извѣстныхъ дѣйствій, то всякое право есть метафизическое по своему началу и по своей сущности. Оно выражаетъ такое отношеніе къ вещамъ и лицамъ, котораго не создаетъ сама природа, но которое создается договоромъ; поэтому, это отношеніе, для того, чтобы реализироваться въ дѣйствительности, становясь явленіемъ общественнымъ, нуждается въ такой же метафизической основѣ, въ признаніи его отдѣльными метафизическими единицами или волями, нуждается, иначе, въ общественномъ договорѣ и общественной волѣ, которая составляется простымъ сочетаніемъ между собой отдѣльныхъ частныхъ произволовъ. Общественный договоръ является поэтому непремѣнной связью во всемъ, что касается быта, между внѣшними его явленіями и метафизической сущностью. Бываетъ ли эта воля выражена формально, или нѣтъ, это все равно, во всякомъ случаѣ она неизбѣжно подразумѣвается тамъ, гдѣ только предполагается какое-нибудь право.

Поэтому простое занятіе (occupatio) не создаетъ еще права, ибо разумнымъ титуломъ или основаніемъ права не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ частная односторонняя воля; оно остается простымъ фактомъ и становится правомъ только въ гражданскомъ обществѣ, возводится на степень права только общей волей.

Я не знаю, нужно ли продолжать начатое построеніе метафизическихъ началъ далѣе; само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ только встрѣтятся два лица рядомъ, тамъ зайдетъ вопросъ объ ихъ взаимной свободѣ, тамъ Кантъ и будетъ имѣть предлогъ заговорить о договорѣ, а слѣдовательно о метафизикѣ.

Впрочемъ, изложенными мотивами едва ли не ограничиваются у самого Канта всѣ главныя подробности его философскаго взгляда на право, и все остальное содержаніе «Метафизическихъ началъ права» состоитъ просто изъ схоластической номенклатуры и ходячихъ опредѣленій эмпи-

рическихъ отдѣловъ законодательства: семейнаго, гражданскаго и государственнаго, до которыхъ путемъ приведенныхъ ухищреній Канту удается кое какъ дотащить свою метафизическую ношу — врожденную категорію свободы. Общій смыслъ всего дальнѣйшаго построенія, какъ легко видѣть, заключается въ томъ, что принципъ произвола, поставленный во главѣ всего и надломленный на первыхъ шагахъ, возведенъ (для избавленія отъ подчиненія его матеріальному принципу выгоды) путемъ договора въ общую волю, или высшую метафизическую волю, составляющую волю общества, и такимъ образомъ форма свободы составляетъ ту конечную категорію, ту наибольшую посылку, на которую опирается въ послѣднемъ счетѣ все.

Пока Кантъ разсуждалъ о зависимости акта мышленія отъ воли и воспріятія, до тѣхъ поръ онъ оставался вѣренъ только взгляду на вещи, утверждавшемуся трудами Локка. Но когда онъ обусловливалъ это мышленіе какъ отвѣтное дѣйствіе духа на внѣшнія ощущенія врожденными формами, тогда онъ шелъ далѣе Локка, и его школы. Точно также какъ невозможность мышленія независимаго отъ внѣшняго ощущенія не предполагаетъ отсутствія особаго субъективнаго акта, начинающагося тамъ, гдѣ кончается впечатлѣніе, точно также признаніе возможности такого акта не предполагаетъ еще неизбѣжныхъ, готовыхъ формъ, его опредѣляющихъ, или безусловности тѣхъ формъ, которыя выразились въ мышленіи.

Можно было бы думать, что умъ нашъ способенъ былъ принимать различныя основныя формы представленія, и что тѣ формы, которыя въ немъ оказались, были только результатомъ той дѣйствительности, съ которой онъ встрѣтился; еслибы же эта дѣйствительность была иная, то и самыя формы представленія могли бы быть иными, и умъ нашъ одинаково способенъ былъ бы выучиться и привыкнуть ко всякой другой логикѣ. Но вотъ этого-то именно не допускаетъ Кантъ, и этотъ-то взглядъ на дѣло стремилась утвердить его философія.

Для него эти формы опредѣлены личной природой человѣка, а не составляютъ результата привычки. Духъ для него не есть голая доска, способная принять и удержать все, что угодно, ни даже дѣятель совершенно свободный; для него возможны только опредѣленныя формы воспріятія, обусловленныя природой. Подвижность этихъ формъ есть только ихъ усовершенствованіе и окончательное выясненіе.

Понятно, что, поступивъ такъ, Кантъ болѣе ограничивалъ природу разума, чѣмъ Локкъ и чѣмъ собственно было нужно, болѣе подчинялъ

и приближалъ ее къ обыкновеннымъ эмпирическимъ формамъ бытія, чѣмъ вся предшествовавшая философія.

Послѣ того, какъ Кантъ призналъ все наше мышленіе начинающимъ только съ внѣшнихъ ощущеній, послѣ того, какъ онъ пошелъ далѣе и согласился, что апріористическій способъ разсужденія совершенно непримѣнимъ къ вопросамъ практическимъ, которые рѣшаются путемъ обобщенія фактовъ, естественно придти къ вопросу: почему Кантъ отказался признать и самыя метафизическія формы мышленія только за такія же послѣднія обобщенія фактовъ и счелъ нужнымъ a priori допустить самостоятельное существованіе послѣднихъ формъ мышленія въ нашемъ умѣ? Почему Кантъ счелъ нужнымъ связывать еще природу духа опредѣленными формами представленія? Отвѣтить на этотъ вопросъ будетъ кажется вовсе нетрудно.

Кантъ строилъ свои представленія природы духа по аналогіи съ болѣе простыми физіологическими операціями нашего организма. Дѣло въ томъ, что здѣсь существуетъ нѣчто похожее въ извѣстномъ смыслѣ на разъ опредѣленныя отъ самой природы формы воспріятія: зрѣніе имѣетъ свою опредѣленную форму, опредѣленную условіями внутренняго устройства глаза; слухъ и осязаніе также. Мы можемъ видѣть только то, что видимъ, и не можемъ видѣть ничего болѣе. Мы должны видѣть красный лучъ непремѣнно краснымъ и этотъ красный лучъ не есть простое впечатлѣніе, а впечатлѣніе, обусловленное вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой формѣ устройствомъ воспринимающаго механизма; а если это такъ, то мы, не погрѣшая, можемъ сказать, что нашему глазу врождена форма краснаго луча, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы могли составить себѣ понятіе о красномъ лучѣ, никогда его не видавъ. Ничего другого не говорилъ Кантъ своими метафизическими формами. И было бы грубо понимать реальность его метафизическихъ формъ непремѣнно такъ, чтобы предсуществовала самая форма, а не одни только условія, обусловливающія позднѣйшее образованіе этихъ формъ.

Поступая такъ, Кантъ былъ очевидно болѣе эмпирикомъ и матеріалистомъ въ своей метафизикѣ, чѣмъ многіе реалисты. Правъ ли былъ онъ или нѣтъ, это другой вопросъ; вѣрно или нѣтъ рѣшилъ вопросъ объ отношеніяхъ духа къ внѣшней природѣ, это уже другое дѣло.

Мы думаемъ, что онъ слишкомъ далеко заходилъ въ своихъ ограниченіяхъ и опредѣленіяхъ природы этого духа. Для насъ она представляется менѣе связанной и болѣе свободной. Но что касается самаго опредѣленія этой роли духа, то оно сдѣлано произвольно и тѣсно. Не отрицая этой роли, можно было понимать ее шире, а самыя условія дѣйствій духа менѣе ограниченными. Для объясненія тѣхъ метафизи-

ческихъ явленій, надъ которыми останавливался Кантъ, не было по крайней мѣрѣ необходимости стѣснять духъ другими условіями, другими функціями кромѣ способности воспріятія и сложенія, т. е. сложенія и разложенія, анализа и синтезиса. Съ этой точки зрѣнія духу не навязывались уже никакія опредѣленныя формы какъ безусловныя; онъ оставался свободнѣе и независимѣе отъ эмпирическихъ уподобленій и болѣе возвышался надъ эмпиризмомъ; а самыя безусловныя формы, которыми долженъ былъ быть стѣсненъ духъ по Канту, становились бы, несмотря на свой метафизическій характеръ, только такими же явленіями, какъ и всѣ прочія, но только метафизическими явленіями,—т. е. случайными или условными, измѣнчивыми выраженіями дѣятельности духа или личной природы человѣка. Кантъ шелъ далѣе и можно понять, какія существенныя слѣдствія вытекали изъ такого лишняго шага, который дѣлалъ Кантъ въ опредѣленіи духовныхъ функцій. Оставаясь простыми явленіями или проявленіями дѣятельности духа, тѣ метафизическія формы, на которыя указывалъ Кантъ, не имѣли въ себѣ ничего безусловнаго. Становясь въ разрядъ всякихъ другихъ явленій, они не надѣлялись никакими преимуществами и потому не могли имѣть значенія санкцій для прочихъ явленій.

Напротивъ того обращенныя въ формы, безусловныя по Канту, они вмѣстѣ съ тѣмъ должны были служить послѣдней санкціей всѣхъ остальныхъ явленій, получали значеніе схоластическихъ наибольшихъ посылокъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что ими должно было все санкціонироваться. Одинъ незамѣтный произвольный шагъ въ опредѣленіяхъ духа переносилъ такимъ образомъ Канта одной ногой на почву силлогизма, и сдѣлавъ его, онъ долженъ былъ уже неизбѣжно искать оправданія всего въ метафизическихъ явленіяхъ, тогда какъ въ сущности эти метафизическія формы сами по себѣ не могли ничего оправдывать, какъ всякія явленія.

Слѣдовать сюда за Кантомъ было бы уже едва ли согласно съ истиной; по крайней мѣрѣ ничто не оправдываетъ тѣхъ стѣсненій духа, которыя думалъ навязать ему Кантъ. Всѣ эти стѣсненія были такой ошибкой, смыслъ которой долженъ быть теперь понятенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть понятна и одна особенность, которой никакъ не подозрѣвала за собой метафизическая философія.

Ясно, что системы и направленія, наиболѣе трактовавшія о духѣ и его достоинствѣ, были наиболѣе и матеріалистическими въ своихъ представленіяхъ о природѣ духа, наиболѣе принижали эту природу духа къ эмпирическимъ формамъ, наиболѣе ее ограничивали.

Теперь должно быть ясно и то, почему Кантъ, соглашаясь, что

умозрѣніе безсильно въ практическихъ вопросахъ и вопросахъ благосостоянія, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ видѣть въ нравственныхъ метафизическихъ отвлеченіяхъ санкцію общественнаго и нравственнаго порядка.

Все состояло въ томъ, что метафизическія явленія были приняты имъ не за простыя явленія, а возведены въ безусловный законъ. Разъ вступая на эту почву, Кантъ вмѣстѣ съ тѣмъ ступилъ этой стороной своего ученія на почву силлогизма и долженъ былъ придать своимъ отвлеченіямъ и въ вопросѣ нравственности значеніе и авторитетъ наибольшихъ посылокъ.

Такимъ-то первымъ метафизическимъ положеніемъ въ общественно-нравственной сферѣ для Канта служитъ свобода.

Спрашивать у кого бы то ни было, нужна ли свобода, и доказывать ея права Кантъ считаетъ совершенно излишнимъ; ибо кто не желаетъ свободы, кто не принимаетъ ее за нравственную, и пр.—Разъ ступивъ на эту почву, Кантъ столь же просто и увѣренно, и столь же трудолюбиво, искалъ теперь своихъ отвѣтовъ какъ общихъ посылокъ и старался уяснить ихъ вѣское значеніе, какъ будто самая важность ихъ, какъ точекъ опоры всему міросозерцанію, стояла выше всякаго сомнѣнія. Но иной взглядъ на вопросъ о санкціи долженъ оказаться въ томъ случаѣ, если допустить только, что Кантъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ стѣсненіяхъ духа и смотрѣлъ на метафизическія формы и наибольшія посылки только какъ на метафизическія явленія. Тогда мы не придемъ болѣе къ общимъ посылкамъ и не вступимъ въ противорѣчіе со взглядомъ, въ силу котораго эти посылки и метафизическія формы менѣе всего имѣютъ значеніе санкцій и послѣднихъ точекъ опоры для человѣческой мысли, въ силу котораго эта мысль опирается въ послѣднемъ счетѣ въ своихъ разсужденіяхъ вовсе не на общія положенія, а совершенно наоборотъ на положенія частныя, для которыхъ нѣтъ врожденныхъ формъ и которыя пріобрѣтаются путемъ чистой индукціи. Тогда мы вправѣ будемъ согласиться и съ тѣмъ, что въ этихъ-то частныхъ положеніяхъ и заключается дѣйствительная санкція каждаго дальнѣйшаго вывода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и санкція тѣхъ метафизическихъ формъ, которыя съ точки зрѣнія и Канта представлялись санкціями всему остальному.

Иными словами, если только мы допустимъ на минуту, что теорія силлогизма была не совсѣмъ не погрѣшима, что санкція нашихъ общихъ истинъ заключается не въ положеніяхъ еще болѣе общихъ, а совершенно наоборотъ—въ тѣхъ частныхъ фактахъ, изъ которыхъ онѣ извлечены и сумму которыхъ онѣ только и представляютъ, то тогда метафизическія категоріи становятся въ нашихъ глазахъ тѣмъ, чѣмъ мы ихъ

назвали, т. е. простыми явленіями, и какъ таковыя онѣ ничего не могутъ ни облагородить, ни возвысить, вопреки тому, что думаетъ Кантъ, а сами напротивъ нуждаются въ повѣркѣ и доказательствѣ. Слѣдуя этому послѣднему способу разсужденія, Канту предстояло бы доказывать святость и нравственность тѣхъ или другихъ явленій, не отправляясь отъ положенія: все нравственно, что свободно,—а идя отъ частныхъ явленій, совершенно независимо отъ всякихъ общихъ посылокъ искать тѣхъ выводовъ, болѣе общихъ, которые возникаютъ изъ нихъ. Тогда бы онъ увидѣлъ, что не понятіе свободы санкціонируетъ тѣ или другія явленія или установленія нравственнаго порядка, а совершенно наоборотъ, это самое понятіе санкціонируется только тѣми частными явленіями, изъ которыхъ оно получается и коихъ сумму выражаетъ. Читатель можетъ спросить, почему же послѣ этого намъ нравится такъ *свобода* и тому подобныя громкія слова? Да потому именно, что намъ нравится вовсе не *свобода* и пр., а только частные случаи, которые мы испытали и сумму которыхъ помѣтили общимъ словомъ «свобода». Отсюда возникаетъ само собой то умозаключеніе, что дѣйствительная санкція нравственнаго явленія для насъ самихъ заключается вовсе не въ словѣ «свобода», а въ дѣйствительныхъ частныхъ ощущеніяхъ, которыя мы намѣтили этимъ словомъ. Замѣтимъ, что наши помѣтки могутъ быть при этомъ вѣрны или невѣрны, что эти помѣтки выражаютъ лишь извѣстную сумму ощущеній, между тѣмъ какъ то ощущеніе, которое мы разумѣемъ при этомъ, слагалось изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сторонъ, для которыхъ могутъ существовать другія помѣтки и другія слова, но которыя тѣмъ не менѣе всецѣло, противъ нашей воли, въ силу ихъ первобытной связи и ассоціаціи неотразимо присутствуютъ въ нашемъ сознаніи въ то время, какъ мы называемъ слово «свобода». Оторвать ихъ мы совершенно не въ силахъ, точно также какъ не въ силахъ отказаться совершенно отъ представленія реальной линіи въ то время, какъ разсуждаемъ о линіи геометрической. Тутъ происходитъ тоже самое, что происходило съ человѣкомъ, впервые создававшимъ языкъ. Когда онъ изобрѣталъ названіе *солнца*, это названіе, какъ говоритъ лингвистика, выражало само по себѣ не предметъ, а отдѣльное его качество; человѣкъ называлъ его словомъ блестящій или свѣтящій и т. д., короче, тѣмъ преобладающимъ впечатлѣніемъ, которое онъ получалъ отъ солнца какъ предмета. Но точно также какъ онъ при этомъ разумѣлъ не одинъ блескъ или свѣтъ, а всю сумму впечатлѣнія отъ предмета, точно такъ же и мы, говоря слово *свобода*, разумѣемъ всю сумму ощущеній, которыя связываются съ тѣми фактами, которые мы помѣтили этимъ словомъ.

Далѣе точно также, какъ солнце могло быть помѣчено различными терминами — блестящій, свѣтящій, грѣющій и т. д., точно также и тѣ ощущенія, которыя мы помѣтили словомъ *свобода* могли быть помѣчены различными отдѣльными качествами или сторонами этихъ ощущеній — довольствомъ, наслажденіемъ и т. д., изъ которыхъ каждое неизбѣжно заключаетъ другое. А такъ какъ наша жизнь слагается изъ дѣйствительныхъ фактовъ, такъ какъ мы ищемъ живыхъ фактовъ, какими бы при этомъ они ни выразились отвлеченными словами, то само собой разумѣется, что отвлеченныя слова и положенія настолько же не могутъ служить, въ нашихъ собственныхъ глазахъ, санкціей нашихъ явленій, какъ и выражать вполнѣ содержаніе нашей мысли: словомъ, мы мыслимъ цѣльными фактами, точно также какъ и живемъ фактами, но мы выражаемся отвлеченными словами какъ знаками по необходимости. Если мы будемъ помнить это, мы никогда не станемъ искать санкціи явленій въ метафизическихъ началахъ, потому что эти начала, какъ мы знаемъ теперь, суть ничто иное, какъ обобщенные словами факты,—мы никогда не придемъ къ умозрительной философіи. Кантъ допускалъ иное, онъ полагалъ, что мы мыслимъ словами. Но такъ какъ слова были ничѣмъ инымъ какъ учтенными мыслями, то само собой разумѣется, что и самыя построенія умозрительной философіи могли быть только такимъ же учитаніемъ живыхъ фактовъ. Короче, означить цѣль нравственной жизни однимъ словомъ столь же невозможно, какъ и выразить что-либо живое однимъ отвлеченіемъ. Слово «свобода» для насъ кажется имѣющимъ свой смыслъ и свою привлекательность только потому, что мы подъ ней разумѣемъ все, что угодно, но никакъ не свободу метафизическую въ смыслѣ отрѣшенномъ отъ всего, что съ ней вяжется въ дѣйствительности. Въ отвлеченномъ, метафизическомъ смыслѣ это—безсмыслица, которая поэтому ничего не можетъ ни облагораживать, ни санкціонировать. Какое бы мы затѣмъ ни поставили слово въ замѣнъ слова «свобода», мы можемъ быть увѣрены, что съ нимъ будетъ тоже самое, что оно выразитъ вовсе не то, что мы думаемъ и разумѣемъ подъ нимъ. Говоря объ искомомъ порядкѣ общежитія, мы разумѣемъ подъ нимъ извѣстную сумму фактовъ, составляющихъ для насъ положительную величину въ смыслѣ ощущеній, которыми мы остаемся довольны и которыя для насъ пріятны и ради которыхъ мы избѣгаемъ фактовъ противоположныхъ. Какимъ отдѣльнымъ словомъ мы ни отмѣтили бы эту сумму фактовъ—свободой, довольствомъ, наслажденіемъ, наше слово не выразитъ вполнѣ мысли, и потому спеціально останавливаться надъ выборомъ термина, который обнималъ бы всю сумму подразумѣваемыхъ при этомъ фактовъ совершенно напрасно.

Затѣмъ, такъ какъ вся сумма фактовъ, которые мы разумѣемъ подъ нравственной жизнью, даетъ два ряда ощущеній, изъ которыхъ одни являются съ знакомъ +, другія съ знакомъ —, то сколько бы мы ни увеличивали сумму плюсовъ, всегда найдется такой минусъ, который желательно превратить въ +, и слѣдовательно самый нравственный идеалъ составляетъ для насъ вещь неизвѣстную въ его фактическомъ содержаніи. Какимъ бы словомъ мы его ни обозначили, всегда сыщется въ жизни новый недостатокъ, прежде не замѣченный.

Но философія Канта, если она и заблуждалась относительно значенія метафизическихъ явленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, соприкасаясь этой своей стороной съ схоластикой, въ тоже время выдѣляла себя изъ схоластики своимъ отрицаніемъ за метафизическими формами значенія такихъ положеній, основываясь на которыхъ можно было бы a priori вывести положительные законы общежитія,—эта философія имѣла ту добросовѣстную сторону, что она признавала безсиліе метафизическихъ началъ въ дѣлѣ практическихъ выводовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стало быть отсылала науку за рѣшеніемъ публичныхъ вопросовъ къ опыту и наблюденію. Все, что ей мѣшало затѣмъ примириться вполнѣ съ положительными методами, вытекало изъ того взгляда на метафизическія явленія, которыя она допустила. Но если такой взглядъ съ ея стороны былъ только частнымъ недосмотромъ и частной ошибкой, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны были устраниться и всѣ разумныя основанія къ утвержденію положительнаго метода въ полномъ его объемѣ за науками нравственно-политическими.

Философія Канта была такимъ образомъ послѣдней генеральной битвой умозрѣнія, послѣдней пробой силъ умозрѣнія, опредѣлившей тѣ границы, далѣе которыхъ нельзя было идти безошибочно въ эмпирическихъ стѣсненіяхъ духа. Все, что дѣлала затѣмъ метафизика, всѣ дальнѣйшіе ея труды и услуги были скорѣе уступками политикѣ, чѣмъ дѣломъ теоріи и философіи въ собственномъ смыслѣ. Теоретическій вопросъ объ отношеніяхъ метафизики и опыта могъ считаться порѣшеннымъ. Философія Канта своей неудачной пробой болѣе тѣснаго опредѣленія функцій духа только способствовала выясненію этихъ отношеній въ надлежащемъ смыслѣ.

ГЛАВА IX.

Окончательное распространеніе опытнаго метода воззрѣнія на нравственный порядокъ, котораго не сдѣлала общая философія, сдѣлалъ Бентамъ.

Сочиненія Бентама обнимаютъ собою почти всѣ отдѣлы права отъ самыхъ общихъ до самыхъ спеціальныхъ. Но то, что насъ интересуетъ въ нихъ,—это не частныя подробности, не развитіе и примѣненіе общихъ положеній къ тѣмъ или другимъ спеціальностямъ, а общій духъ, общее воззрѣніе, проникающее всѣ отдѣльные труды. Примѣненія и подробности написаны были для своего времени; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и потому въ этомъ отношеніи многое можетъ быть признано устарѣвшимъ и неудовлетворительнымъ; но общее *воззрѣніе*, проникающее всѣ труды Бентама, осталось господствующимъ и потому мы на немъ и сосредоточимъ все наше вниманіе.

Приступая къ построенію своего воззрѣнія на вопросъ о критеріумѣ права, Бентамъ прежде всего отбросилъ всякое представленіе о готовыхъ, врожденныхъ отвлеченныхъ началахъ или правилахъ морали или законодательства; онъ отбросилъ всякую необходимость прибѣгать къ построенію произвольныхъ предположеній для объясненія системы человѣческихъ дѣйствій, — пока не было доказано, что человѣческая дѣятельность не можетъ быть объяснена помимо такихъ предположеній путемъ однихъ опытныхъ и неоспоримыхъ данныхъ. Онъ отбросилъ необходимость раздѣленія морали и права, пока не было доказано, что и мораль и право не могутъ быть объяснены одними и тѣми же началами. Онъ поставилъ себѣ задачей: 1) искать не частнаго основанія какого либо отдѣльнаго рода человѣческихъ дѣйствій, а общаго основанія человѣческихъ дѣйствій вообще, относятся ли они къ отдѣлу права, морали или куда бы то ни было; 2) искать этого основанія не въ какихъ-либо спеціальныхъ свойствахъ человѣческой природы, а въ общихъ свойствахъ этой природы. Такимъ путемъ онъ надѣялся придти къ построенію системы воззрѣнія, самой простой по своимъ основаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самой всеобъемлющей.

Общее основаніе, руководящее человѣческими поступками вообще, и притомъ всѣми поступками безразлично, по мнѣнію Бентама, не только дѣйствительно существуетъ, но могло быть указано безъ труда.

Всѣ человѣческія дѣйствія руководятся безразлично однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, одинаковымъ по своей сущности, но выражаемымъ только различными словами.

Когда моралистъ, — пишетъ Бентамъ, — развалившись въ креслѣ, съ самодовольствомъ начинаетъ проповѣдывать противъ наслажденій, слушатели его начинаютъ зѣвать, и это потому, что въ то время, какъ онъ толкуетъ о лишеніяхъ, всякій думаетъ только о самоохраненіи, о своей личной пользѣ, о своемъ личномъ счастіи и наслажденіи. Мы напрасно стали бы скрывать или игнорировать такое явленіе; ибо оно составляетъ прямое и откровенное свойство человѣческой природы и основнаго закона этой природы, управляющаго человѣческой дѣятельностью,— закона, котораго мы не въ силахъ ни измѣнить, ни обойти, ни уничтожить, и потому всякое отрицаніе его съ нашей стороны было бы напраснымъ лицемѣріемъ. Наша дѣятельность принуждена самой природой совершаться и совершается подъ вліяніемъ двухъ началъ: *удовольствія* и *неудовольствія*. Мы ищемъ наслажденій и избѣгаемъ неудовольствія, ищемъ здоровья, счастія, довольства, веселья, и избѣгаемъ болѣзни, страданія, нужды и горя. Сколько было бы безразсудно сказать, что человѣкъ созданъ для того, чтобы искать болѣзней, столько же безразсудно сказать, что онъ долженъ искать неудовольствій. Принципъ, лежащій въ основаніи такого закона, управляющаго человѣческими дѣйствіями, переводится однимъ общимъ словомъ *польза*. Поэтому,— говоритъ Бентамъ,—мы можемъ сказать, что принципъ пользы руководитъ всѣми дѣйствіями каждаго человѣка въ отдѣльности, что онъ руководитъ и совокупной жизнью цѣлаго общества и составляетъ *основное начало*, по которому должны оцѣниваться поступки людей, опредѣляться общественныя и политическія отношенія. Право, нравственность и политика не могутъ имѣть другаго руководителя и все, что можетъ быть поставлено иного на мѣсто принципа *пользы*,—все будетъ только его парафразой, скрывающей за собой такъ или иначе понятый принципъ *пользы*.—То, что положительный законъ или здравый смыслъ называетъ нашимъ правомъ, не можетъ имѣть другаго основанія называться и признаваться такимъ, кромѣ принципа пользы. Мы не имѣемъ другаго критеріума для различенія добра отъ зла. Весь нравственный и политическій міръ не имѣетъ другаго критеріума, другаго начала кромѣ принципа пользы. Въ немъ скрыта вся исторія человѣчества, начиная съ борьбы дикаго человѣка за существованіе до самыхъ совершеннѣйшихъ отношеній и счастливѣйшихъ періодовъ, могущихъ когда-либо наступить въ исторіи человѣчества. У насъ нѣтъ другой мѣрки, нѣтъ другой точки опоры для добросовѣстнаго и зрѣлаго разсужденія о нрав-

ственныхъ вопросахъ. Всякая теорія права и нравственности можетъ начинаться только съ разсужденія о пользѣ.

Моралисты и философы прежняго времени не хотѣли признать этого положенія, потому что принципъ пользы казался имъ принципомъ эгоизма; а эгоизмъ—чувствомъ непохвальнымъ, источникомъ недобрыхъ поступковъ. Добродѣтель представлялась не иначе, какъ въ формѣ принесенія въ жертву своего эгоизма, и потому чѣмъ-то прямо противоположнымъ эгоизму и его естественному спутнику, разсчету и личной пользѣ.—Они не могли примирить начала *полезности* съ добродѣтелью: первое казалось имъ низкимъ, пошлымъ, матеріальнымъ; другое слишкомъ возвышеннымъ для того, чтобы совпадать съ первымъ.

Но, разсматривая теоріи, придуманныя старыми моралистами, философами или юристами, въ которыхъ тщательно обходится, выставляемый на первый планъ Бентамомъ, принципъ пользы, не трудно убѣдиться, что имъ не доставало только немного больше глубины, немного больше размышленія для того, чтобы придти къ тому же началу пользы и увидѣть въ немъ не только нѣчто не противоположное добродѣтели, но нѣчто только и дающее возможность существовать понятію добродѣтели.

Всѣ теоріи, придуманныя старыми моралистами и философами, могутъ быть сведены, по мнѣнію Бентама, къ двумъ категоріямъ. Однѣ вмѣсто принципа пользы признаютъ за критеріумъ нравственности принципъ аскетизма; другія—начала симпатіи или антипатіи. Не трудно показать, что тѣ и другія вращаются около того же принципа пользы, какъ бы они ни желали избѣжать его.

Теорія аскетическая съ перваго взгляда есть антитезисъ теоріи *пользы*, есть перевернутое на изнанку начало полезности или возведенное въ теорію начало безполезности. Но если вникнуть въ нее глубже, то окажется совершенно иное, окажется, что аскетическая мораль основывается на томъ же началѣ. Если аскетическая философія проповѣдуетъ мораль самоотреченія и вреда, то вѣдь не иначе, какъ обѣщая въ замѣнъ настоящихъ лишеній вознагражденіе въ будущемъ болѣе щедрыми наградами. Если аскетъ предается воздержанію, то не иначе какъ въ видахъ собственной пользы, которой ожидаетъ отъ воздержанія въ будущемъ, точно также какъ воздерживается и терпитъ больной, имѣя въ виду получить здоровье. Никто не скажетъ о послѣднемъ, что онъ терпитъ извѣстныя лишенія не въ видахъ своей личной пользы; точно также никто не можетъ сказать собственно и объ аскетѣ, что онъ терпитъ лишенія ради самыхъ лишеній, а не ради пользы, которой ожидаетъ для себя въ будущемъ отъ этихъ лишеній. Онъ можетъ заблуж-

даться насчетъ пользы тѣхъ или другихъ лишеній — въ такомъ случаѣ его аскетическій принципъ будетъ дурно понятымъ принципомъ пользы; но никто не вправѣ отрицать присущаго аскетизму принципа пользы. И такъ какъ для всякаго явленія невольно слѣдуетъ искать разумнаго основанія, то слѣдуетъ думать, что и мораль аскетизма возникла первоначально вслѣдствіе того вреда и тѣхъ болѣзней, которыя терпѣло человѣчество отъ своей невоздержности въ наслажденіяхъ. Она имѣла цѣлью обуздать страсти тамъ, гдѣ онѣ вмѣсто наслажденія становились источниками вреда.

Нужно замѣтить впрочемъ, что аскетическая мораль имѣла лишь весьма исключительное и ограниченное вліяніе, распространявшееся только на отдѣльныя лица и никогда на цѣлое общество. Какъ общество въ цѣлости, такъ и правительства руководились совершенно противоположнымъ началомъ и стремились къ силѣ, могуществу и богатству. Такъ что вообще теорія воздержанія можетъ быть по справедливости названа частнымъ случаемъ теоріи пользы, справедливой тамъ, гдѣ самая польза требуетъ воздержанія или пожертвованія меньшимъ интересомъ большему. Если разсматривать всю систему человѣческихъ дѣйствій въ сложности, основанную на началѣ пользы, какъ въ сферѣ личной, такъ и общественной, то слѣдуетъ придти неизбѣжно къ тому заключенію, что такая система дѣйствій постоянно должна быть основана на выборѣ между выгодами и на пожертвованіи меньшей выгоды для большей. Польза и воздержаніе суть стало быть два начала совершенно неразрывныя—и только отдѣляя ихъ, принимая воздержаніе за начало самостоятельное, независимое отъ пользы, возводя его въ общій принципъ, предписывая не относительное, а абсолютное воздержаніе, мы приходимъ къ теоріи *аскетизма*, которая никогда и нигдѣ не могла стать общимъ правиломъ въ дѣйствительной жизни, которая слѣдовательно настолько же непримѣнима въ гражданскомъ быту, насколько противоестественна взятая въ исключительномъ смыслѣ, и которую мы вслѣдствіе этого вправѣ назвать теперь дурно понятой теоріей пользы. Зная эту связь между пользой и воздержаніемъ, мы можемъ объяснить себѣ настоящій смыслъ добродѣтели, представляющейся для насъ теперь съ одной стороны воздержаніемъ и жертвой нашихъ интересовъ, съ другой стороны такой жертвой, которая вызывается не иначе какъ тѣмъ же началомъ пользы. Жертвы безусловной, такой жертвы, которая никому не полезна, мы не вправѣ назвать и добродѣтелью, ибо такая жертва вредитъ и нашему личному счастью и счастью человѣчества.

Такимъ образомъ начало пользы обнимаетъ собой начало воздержа-

нія, опредѣляетъ его настоящій смыслъ и границы. Тоже самое должны мы сказать и о другихъ системахъ.

Системы втораго рода всѣ могутъ быть приведены, по мнѣнію Бентама, къ началу симпатіи и антипатіи, хотя философы этой категоріи отличались разнообразіемъ основаній. Одни ссылались на врожденное нравственное чувство—совѣсть; другіе на «общій смыслъ» людей; третьи на чистую *справедливость* или законъ вѣчной правды; четвертые на естественное право и т. д. Въ сущности, общія понятія о томъ, что̀ считать дурнымъ или хорошимъ, были у всѣхъ этихъ философовъ одинаковы, какое бы они понятіе ни принимали за нравственный критеріумъ—совѣсть, правду или общій смыслъ. Слѣдуетъ предполагать, что эти понятія о качествѣ тѣхъ или другихъ поступковъ установились между людьми раньше, чѣмъ появились философы, а вмѣстѣ съ ними и такія утонченныя обобщенія, какъ вѣчный законъ правды или нравственное чувство. Слѣдуетъ полагать, что человѣческое общество имѣло возможность раньше выучиться оцѣнивать свои поступки, чѣмъ выучилось философскимъ отвлеченіямъ. Это и заставило философовъ предположить существованіе врожденныхъ отъ природы нравственныхъ критеріумовъ, которые они только называли разнообразными именами. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ вовсе нужды прибѣгать къ предположенію особыхъ врожденныхъ орудій тамъ, гдѣ вопросъ можетъ разрѣшаться гораздо проще на основаніи болѣе простыхъ, неоспоримыхъ данныхъ. Притомъ такое предположеніе находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что человѣчество не имѣло и не имѣетъ готовыхъ отвѣтовъ насчетъ доброкачественности или злокачественности всѣхъ дѣяній и только послѣдовательно и постепенно приходитъ къ убѣжденію во вредности или несправедливости того или другаго дѣянія. Рядъ дѣяній, кажущихся безразличными для одного времени, впослѣдствіи оказывается предосудительнымъ. Это показываетъ, что самыя единодушныя рѣшенія о добротѣ или злѣ дѣяній являются не иначе какъ плодомъ *опыта*. И разъ мы допустимъ *опытъ* какъ средство, при помощи котораго человѣчество приходитъ къ сознанію нравственности или безнравственности тѣхъ или другихъ поступковъ, мы не будемъ нуждаться уже ни въ какихъ предположеніяхъ особыхъ врожденныхъ чувствъ и способностей кромѣ тѣхъ, при посредствѣ которыхъ образуется въ человѣкѣ сознаніе, т. е. кромѣ способности воспринимать, удерживать и комбинировать внѣшнія впечатлѣнія. Единственный критеріумъ, данный отъ природы человѣку для опредѣленія своего отношенія къ этимъ впечатлѣніямъ, есть чувство удовольствія или боли отъ впечатлѣнія, и этого критеріума будетъ совершенно достаточно для опредѣленія качества дѣя-

нія, смотря по тому, какое впечатлѣніе оно производитъ на насъ самихъ или на другихъ людей. Если мы съумѣли опредѣлить качество этого впечатлѣнія—мы съумѣли оцѣнить и самое дѣяніе въ частности, какъ доброе или злое. Но одни дѣянія таковы, что вредъ или дурное впечатлѣніе, ими производимые, выражаются непосредственно и очевидно: эти дѣянія, поэтому, прежде всего и могли быть признаны всѣми за злыя. Въ другихъ же случаяхъ связь между дѣяніемъ и его послѣдствіемъ не столь пряма и очевидна, чтобы мы не могли отнести дурнаго послѣдствія къ какой-либо другой причинѣ; и, что̀ еще важнѣе, есть много случаевъ, гдѣ тягость непосредственнаго впечатлѣнія вознаграждается выгодой слѣдующихъ за нимъ результатовъ и даетъ такимъ образомъ право признавать лишенія за добро; а это право влечетъ за собой обширную возможность злоупотребленія и примѣненія этого частнаго условія ко всякому злу, возможность объясненія всякаго зла какъ зла необходимаго и полезнаго. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, изъ которыхъ одна устраняется только опытомъ и наблюденіемъ, другая требуетъ болѣе энергическихъ и сложныхъ мѣръ для своего устраненія,— рѣшенія совѣсти и справедливости ростутъ въ человѣческомъ обществѣ только постепенно, и то, что̀ мы называемъ нравственнымъ чувствомъ, закономъ правды, естественнымъ закономъ, въ сущности оказывается лишь отвлеченной формой, въ которую укладываются частныя рѣшенія нашего опыта о полезности или вредѣ тѣхъ или другихъ дѣяній. Все, что мы узнали о добрѣ или злѣ, все мы узнали изъ опыта. Природа дала намъ два впечатлѣнія, одно — пріятное, другое — непріятное. Мы должны были укладывать всѣ наши впечатлѣнія въ одну изъ этихъ категорій. Привычка класть ихъ то въ одну, то въ другую сторону, то направо, то налѣво, родила въ сознаніи два общихъ представленія о правомъ и лѣвомъ, о добрѣ и злѣ. Собственно въ природѣ нѣтъ ни того, ни другаго; то и другое есть прямое созданіе или продуктъ вымысла нашего сознанія, продуктъ цѣлаго ряда предварительныхъ впечатлѣній и опыта. А критеріумомъ при такомъ различеніи было одно это чувство удовольствія или неудовольствія, переводимое иначе словомъ *польза*.

Такимъ образомъ принципъ пользы, по идеѣ Бентама, обнимаетъ собой и утверждаетъ всѣ вышепоименованныя начала, и вовсе не отрицаетъ ихъ. Послѣдователь принципа пользы можетъ точно также говорить о своей совѣсти, о нравственномъ чувствѣ и началѣ добра, какъ и вышеприведенные философы, и даже немного лучше ихъ; ибо онъ лучше ихъ знаетъ, что̀ разумѣется подъ этими выраженіями, откуда они

взялись, и не имѣетъ необходимости для разъясненія ихъ прибѣгать къ предположенію безотчетнаго чувства.

Изъ сказаннаго должно слѣдовать, что частныя рѣшенія начала пользы должны весьма часто совпадать съ тѣми рѣшеніями, которыя представляются у философовъ какъ данныя совѣстью, началомъ правды и пр. Оно въ дѣйствительности такъ и есть. Поэтому казалось бы, что въ дѣйствительности все равно, что ни принимать за критеріумъ—пользу или начала, предлагаемыя другими философами. Пока рѣчь идетъ о такихъ дѣяніяхъ, относительно которыхъ мнѣнія могутъ быть признаны совершенно установившимися, до тѣхъ поръ дѣйствительно нѣтъ большаго различія, назовемъ ли мы тѣ или другія рѣшенія рѣшеніями начала пользы или совѣсти. Но мы упомянули о существованіи такихъ явленій, такихъ дѣяній, относительно которыхъ мнѣнія не могутъ быть признаны вполнѣ установившимися. Есть множество дѣяній, кажущихся намъ совершенно безразличными, и которыя и философамъ кажутся ни хорошими, ни дурными. Сами по себѣ они дѣйствительно безразличны, какъ всякое дѣяніе само по себѣ безразлично. Свою оцѣнку эти дѣянія могутъ получить въ данномъ случаѣ только въ зависимости отъ вреда или пользы, ими причиняемой. Сказать—дурны или хороши эти дѣянія, не можетъ тотъ опытъ, который уже есть, а только новый опытъ; сказать это можетъ только начало пользы, и весьма часто довольно трудно дать скорый отвѣтъ на вопросъ, даже опираясь на это категорическое начало. Приходится прослѣдить сложные ряды причинъ и слѣдствій, для того чтобы выяснить настоящіе результаты дѣянія. Такая работа весьма часто должна быть сопряжена съ спеціальнымъ знаніемъ той сферы явленій, къ которой относится дѣяніе. А потому много дѣяній въ сферѣ человѣческихъ отношеній остаются до сихъ поръ не вполнѣ извѣстными и изслѣдованными, признаются за справедливыя и добрыя только потому, что они казались безразличными въ то время, когда человѣческій опытъ былъ слишкомъ несовершененъ для того, чтобы оцѣнить вполнѣ ихъ настоящія послѣдствія. Къ такому разряду сложныхъ и трудныхъ для оцѣнки дѣяній относится большая часть вопросовъ въ сферѣ юриспруденціи, положительнаго права и политики.

Есть другой рядъ дѣяній, тяжкихъ по ближайшимъ, и благодѣтельныхъ по конечнымъ результатамъ, оцѣнка которыхъ еще труднѣе и насчетъ которыхъ поэтому не утвердилось до сихъ поръ общаго единодушнаго рѣшенія. Этого рода дѣянія относятся также цѣликомъ къ сферѣ права и политики.

Отдавать этого-то рода дѣянія на судъ тѣхъ началъ, которыя указываются философами, Бентамъ полагаетъ однозначащимъ съ предостав-

леніемъ ихъ оцѣнки личному произволу, личной симпатіи или антипатіи, такъ какъ эти начала не заключаютъ въ себѣ никакой мѣрки для оцѣнки этихъ дѣяній, никакого критеріума. Относительно этой-то части дѣяній весьма важно указать и найти прочный и неизмѣнный критеріумъ, который бы сдѣлалъ возможнымъ ихъ рѣшеніе, сообразное съ благомъ человѣчества, и этотъ-то критеріумъ, по мнѣнію Бентама, не можетъ быть иной какъ принципъ *пользы*; ибо этотъ принципъ обнимаетъ собою все, что только нужно человѣчеству.

До сихъ поръ, чрезъ устраненіе начала пользы, этотъ многочисленный и важнѣйшій рядъ актовъ юридическихъ, политическихъ и экономическихъ былъ тѣмъ самымъ лишенъ всякаго критеріума и предоставленъ личному произволу и всякаго рода случайностямъ въ своей оцѣнкѣ; въ этомъ отдѣлѣ актовъ царствовало безначаліе и анархія, и эту-то анархію, это-то безначаліе въ дѣлѣ нравственныхъ опредѣленій Бентамъ называетъ предоставленіемъ рѣшенія нравственныхъ вопросовъ личной симпатіи или антипатіи людей, отъ которыхъ можетъ зависѣть это рѣшеніе. Слово «симпатія и антипатія» Бентамъ принимаетъ здѣсь въ самомъ обширномъ смыслѣ; къ источникамъ симпатіи и антипатіи онъ относитъ въ настоящемъ случаѣ не только согласіе или несогласіе извѣстнаго дѣянія съ нашими положительными и матеріальными интересами, но и все, что производитъ на насъ хорошее или дурное впечатлѣніе, безразлично. Къ источникамъ симпатіи и антипатіи онъ относитъ все, что ласкаетъ или оскорбляетъ нашу гордость, самомнѣніе, наше властолюбіе, что возбуждаетъ нашу зависть, наконецъ все, что по какой бы то ни было случайной ассоціаціи представленій вяжется или напоминаетъ намъ явленія пріятныя или противныя.

Какъ велико противорѣчіе личныхъ интересовъ; какъ велико вообще людское самолюбіе и жажда властолюбія; какъ велики и глубоки предразсудки, проистекающіе изъ нашего самолюбія; какъ обыкновенна въ насъ зависть и сколь разнообразна и нелогична ассоціація личныхъ представленій, столь же шатка должна быть мораль и правда, основанная на такихъ началахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ скрытымъ руководителемъ является очевидно то же начало пользы, но только личной, исключительной пользы того, кто рѣшаетъ вопросъ, и притомъ еще пользы, часто весьма дурно понятой даже въ чисто личномъ отношеніи. Нужно сознаться вообще, что даже свою личную пользу люди понимаютъ довольно плохо; что даже имѣя полную возможность выбирать самое выгодное и полезное для насъ въ жизни, мы, въ силу неумѣнья разсчитывать и вслѣдствіе случайности и нелогичности нашихъ антипатій, предпочитаемъ вздорныя, но блестящія выгоды—существеннымъ. Нужно

прибавить, что большей частью общая выгода кажется намъ противорѣчащею нашей личной пользѣ только вслѣдствіе этого неумѣнья разсуждать и разсчитывать; и тогда легко понять, какой безпорядокъ, какое зло должно вносить съ собою начало личной симпатіи въ сферу права и политики, если ему будетъ предоставленъ здѣсь рѣшающій голосъ.

Начало пользы, какъ нѣчто всего менѣе исключительное, вполнѣ обязательное для всѣхъ и совершенно категорическое, имѣетъ цѣлью устранить эту неопредѣленность, безначаліе и анархію въ нравственныхъ рѣшеніяхъ. Для того, чтобъ выполнить это, оно должно только внести порядокъ въ наши представленія о нашей личной выгодѣ, дисциплинировать наши личныя симпатіи и антипатіи такимъ образомъ, чтобы мы дорожили тѣмъ, что̀ для насъ дѣйствительно полезно; оно должно усовершенствовать и образовать нашъ взглядъ на жизнь, придать этому взгляду разумность и отчетливость, опредѣлить удѣльный вѣсъ всякой выгоды и лишенія. Въ этомъ умѣньи понимать свою личную выгоду оно научаетъ искать соглашенія личной пользы съ пользой общей, ибо начало общей пользы означаетъ ни что иное какъ пользу каждой единицы въ отдѣльности, и то, что̀ мы называемъ въ частности личной жертвой, есть въ сущности ни что иное какъ жертва меньшей и болѣе близкой пользой для пользы, болѣе существенной, но столько же личной. Такое начало должно вполнѣ удовлетворить человѣческую природу, ибо оно вполнѣ у нея заимствовано; оно всегда было единственнымъ началомъ, управлявшимъ, хотя и безсознательно, человѣческими дѣйствіями. Указывая на это начало, Бентамъ только констатируетъ фактъ, имѣющій вслѣдствіе своей всеобщности силу закона, отвергать который было бы не только вредно для человѣчества, но совершенно напрасно и противно законамъ природы, его установившей. Несправедливо было бы думать, что, допустивъ начало *пользы*, мы приведемъ немедленно въ совершенный порядокъ отношенія человѣческаго общества и откроемъ готовыя рѣшенія на всѣ вопросы; вопросы эти, какъ мы упомянули выше, могутъ быть въ высшей степени сложны и самое рѣшеніе ихъ зависѣть отъ степени развитія человѣческаго знанія. Но во всякомъ случаѣ одно соглашеніе нравственной философіи относительно основнаго руководящаго начала можетъ считаться уже весьма важнымъ и достаточнымъ пріобрѣтеніемъ, особенно въ виду тѣхъ софистическихъ нареканій, которыя до сихъ поръ мѣшаютъ утвердиться началу *пользы*, какъ общему началу.

Три главные упрека поддерживали до сихъ поръ нерасположеніе къ началу пользы и препятствовали его всеобщему признанію—это упрекъ въ *эгоистичности*, упрекъ въ *матеріализмѣ* и упрекъ въ *опасности*

начала пользы. Мы должны разсмотрѣть эти возраженія, потому что они до сихъ поръ являются на первомъ планѣ, когда заходитъ рѣчь о началѣ пользы.

Что касается перваго упрека, то онъ весь основывается на игрѣ словъ, разоблачивъ которую нетрудно будетъ убѣдиться, что начало пользы составляетъ начало, прямо противоположное эгоизму. Прежде всего противникамъ пользы слѣдуетъ поставить слѣдующій вопросъ: что они разумѣютъ подъ *эгоизмомъ*, жертву ли чужой и общей пользы своему личному интересу, или вообще всякую *личную пользу?* считаютъ ли они поэтому дурнымъ и предосудительнымъ только то, что, принося выгоду одному, вредитъ другимъ, или они считаютъ безнравственнымъ все вообще полезное? Человѣкъ можетъ принудить трудиться вмѣсто себя другаго; это—*эгоизмъ*, именно преслѣдуемый началомъ пользы какъ явленіе вредное; но человѣкъ можетъ самъ трудиться и пріобрѣтать себѣ кусокъ хлѣба для себя—будетъ ли это эгоизмъ и будетъ ли это безнравственно, по мнѣнію противниковъ пользы? Кажется, можно отвѣтить за нихъ, что эгоистомъ можно назвать только перваго человѣка и никто не назоветъ такимъ втораго. На чемъ же основывается упрекъ въ эгоистичности, дѣлаемый началу пользы, если оно именно преслѣдуетъ жертву общихъ интересовъ личному какъ безнравственную, — какъ не на смѣшеніи такой исключительной пользы съ пользой вообще, какъ не на игрѣ словъ? Я граблю человѣка, это мнѣ кажется выгоднымъ, но оно вредно всѣмъ; другой трудится, это также выгодно, и не только ему, но всѣмъ. Кажется, между пользой въ томъ и въ другомъ случаѣ есть не малая разница. Нѣтъ,—должны сказать противники начала пользы, — и въ томъ и въ другомъ случаѣ можно употребить слово выгода, слѣдовательно начало *пользы* оправдываетъ какъ трудъ, такъ и грабежъ. Только такое пониманіе начала *пользы* можетъ приводить къ смѣшенію его съ эгоизмомъ, а такое пониманіе есть очевидный абсурдъ, основанный на игрѣ словъ. Итакъ, только исказивъ начало пользы до очевиднаго абсурда, можно упрекать это начало въ оправданіи эгоизма, только смѣшавъ грабежъ съ пользой можно оспаривать начало пользы съ точки зрѣнія эгоизма. А между тѣмъ только такимъ, очевидно нелѣпымъ смѣшеніемъ поддерживалось все нерасположеніе къ началу пользы его противниками. Въ сущности же очевидно, что начало пользы, все основанное на подчиненіи меньшей пользы большей пользѣ, только и призывается для противодѣйствія эгоизму и господству частныхъ интересовъ надъ общими.

Второй упрекъ, въ матеріализмѣ, основывается на подобномъ же пріемѣ, пошломъ и довольно общемъ въ дѣлѣ софистики. Есть здѣсь

столь же старый пріемъ, заключающійся въ перенесеніи качества части явленій на цѣлый разрядъ явленій. Польза очевидно обнимаетъ весьма обширный рядъ человѣческихъ интересовъ; въ томъ числѣ есть интересы и наслажденія чисто матеріальные, какъ пища, жилище и пр., и есть интересы и наслажденія нравственные и психическіе, доставляемые знаніемъ, искусствами и пр. Законодательство, ради устройства котораго призывается начало пользы, болѣе всего имѣетъ дѣло съ имущественными или экономическими отношеніями, т. е. съ отношеніями матеріальными. Въ дѣлѣ матеріальныхъ отношеній ищется естественно матеріальная польза. Слѣдовательно, — заключаютъ противники начала *пользы*, — польза вообще есть начало матеріальное. — Въ человѣческой природѣ есть свойство, называемое ассоціаціей представленій. Человѣкъ, шедшій по дорогѣ и споткнувшійся въ то время, какъ съ нимъ поровнялась корова, вспоминая фактъ споткновенія, весьма легко можетъ въ тоже время вспомнить корову. Двѣ вещи, не имѣющія между собой ни малѣйшаго отношенія, весьма легко связуются вмѣстѣ въ его памяти. Человѣкъ такъ много хлопочетъ о своей матеріальной пользѣ, что, вспоминая слово польза, онъ въ тоже время вспоминаетъ рядъ матеріальныхъ цѣлей, которыя связались съ этимъ понятіемъ въ его памяти, и такимъ образомъ слово «польза» получаетъ въ его представленіи матеріальный характеръ даже въ томъ случаѣ, когда въ сущности дѣло идетъ о пользѣ вовсе не матеріальной.

Этой-то шаткостью и нелогичностью представленій софистика и пользовалась для поддержанія въ общемъ мнѣніи грубаго заблужденія о матеріальности начала пользы вообще и безразлично, о какого бы рода пользѣ ни шла рѣчь.

Наконецъ, есть еще третье возраженіе, заключающееся въ политической опасности этого начала. Это возраженіе, по мнѣнію Бентама, самое слабѣйшее; сказать, что принципы пользы опасны, значило бы тоже, что назвать противнымъ пользѣ начало пользы. Люди, дѣлающіе это возраженіе, поступаютъ однако всего откровеннѣе. То, чего они опасаются, заключается повидимому не въ началѣ пользы, а въ опасеніи тѣхъ слишкомъ рѣшительныхъ измѣненій или домогательствъ такихъ измѣненій въ законодательствѣ, которыя могутъ быть внушены началомъ пользы; но эти опасенія находятъ свой естественный успокоительный отвѣтъ въ томъ же началѣ *пользы*.

Такимъ домогательствамъ можно отвѣчать тѣмъ же началомъ пользы, и почему, спрашивается, противники этого начала считаютъ общество болѣе обезпеченнымъ отъ такихъ домогательствъ, когда, устраняя начало пользы, они допускаютъ на его мѣсто начало естественнаго за-

кона и вѣчной правды? Вѣдь именно на основаніи этихъ послѣднихъ понятій были написаны въ XVIII в. планы идеальнаго общественнаго устройства и редактирована знаменитая декларація человѣческихъ правъ. Кто возражалъ противъ этихъ системъ и этой декларації правъ; въ комъ оно встрѣтило перваго и рѣшительнаго критика? Въ то время, какъ эта декларація восхищала собой философовъ естественнаго права въ Германіи, которыхъ никто не считаетъ болѣе опасными, противъ этой декларації первый возсталъ проповѣдникъ теоріи пользы, Бентамъ. Итакъ слѣдуетъ думать, что философія пользы самыми фактами отвѣчала довольно вразумительно на существующія противъ нея опасенія. Взявъ въ разсчетъ все это, едвали не слѣдовало опасаться иного: не исключительныхъ выводовъ, а слишкомъ большой гибкости этого начала пользы, которая можетъ стать опаснымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ пользы, когда бы они сами захотѣли дѣйствовать подъ ея знаменемъ.

Итакъ, начало пользы можетъ быть, кажется, признано законодателями за начало всѣхъ нравственныхъ опредѣленій совершенно безбоязненно.

Но начало пользы не есть начало только опредѣляющее.

Для того, чтобы объяснить многостороннюю выгоду, представляемую этимъ началомъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ задачахъ, которыя представляетъ вопросъ права въ его элементарномъ видѣ. Вопросъ права, вопросъ поступка есть вопросъ двусторонній. Намъ мало знать, что̀ должно дѣлаться, какъ должно поступать и какъ не должно, намъ необходимо въ тоже время имѣть обезпеченіе въ томъ, чтобы дѣлалось то, что̀ должно дѣлаться, и не дѣлалось того, что̀ не должно; мы нуждаемся не только въ началѣ, опредѣляющемъ теоретически наши поступки, но и въ началѣ, опредѣляющемъ ихъ практически, принуждающемъ человѣка поступать правильно, — въ началѣ, санкціонирующемъ правильный образъ дѣйствія и называемомъ санкціей права.

Начало пользы, вполнѣ развитое и примѣненное ко всѣмъ частнымъ вопросамъ, осталось бы безплоднымъ на практикѣ, еслибы ничто не принуждало человѣка на практикѣ слѣдовать этому началу и подчинять его рѣшеніямъ свои дѣйствія. Всякое теоретическое изложеніе, всякое начало для практическаго выполненія нуждается въ стимулѣ, принуждающемъ къ его выполненію; этотъ стимулъ составляетъ санкцію этого начала. Съ этой стороны начало пользы представляетъ ту именно выгоду, что оно находитъ свою санкцію въ самомъ себѣ или въ тѣхъ основаніяхъ человѣческой природы, изъ которыхъ оно само рождается. Чувство наслажденія и боли, рождающее представленіе о вредѣ или пользѣ, со-

ставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и готовую санкцію, готовый стимулъ, принуждающій человѣка слѣдовать началу пользы.

Первымъ и главнымъ источникомъ наслажденія служатъ наши внѣшнія чувства; и къ нимъ относимъ мы болѣе или менѣе косвенно остальные виды наслажденій. Самый ближайшій видъ наслажденія, непосредственно соприкасающійся съ наслажденіемъ внѣшнихъ чувствъ, составляетъ наслажденіе, доставляемое намъ сознаніемъ матеріальнаго достатка или богатства, состоящее въ сознаніи возможности избѣгнуть всегда извѣстныхъ внѣшнихъ лишеній и доставить себѣ возможное разнообразіе внѣшнихъ наслажденій, черезъ пріобрѣтеніе необходимыхъ вещей или направленіе въ свое удовольствіе чужаго труда. И это удовольствіе власти надъ вещами и чужими поступками и услугами даетъ содержаніе цѣлому ряду другихъ болѣе косвенныхъ и посредственныхъ наслажденій. Мы ощущаемъ наслажденіе дружбы, добраго имени и славы, власти, потому что и дружба и доброе имя и власть даютъ намъ возможность разсчитывать на услуги людей тамъ, гдѣ онѣ намъ будутъ нужны. Лишеніе человѣка всѣхъ этихъ видовъ наслажденія или принужденіе его къ голоду, холоду, необезпеченность, презрѣніе людей, безпомощность и т. д. составляютъ такіе же источники боли. Въ этомъ разнообразіи наслажденій и лишеній человѣческіе поступки и находятъ свою единственную санкцію. Эта санкція или вредъ, во многихъ случаяхъ, является непосредственно тамъ, гдѣ польза или вредъ дѣянія слишкомъ близки и очевидны. Но тамъ, гдѣ опредѣленіе вреда или пользы составляетъ задачу болѣе сложную, гдѣ правило дѣйствія должно быть облечено въ форму положительнаго закона, необходимость котораго не представляется большинству прямо очевидной, тамъ эта естественная санкція можетъ быть слишкомъ отдаленной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ опасной и разрушительной по своимъ послѣдствіямъ, и потому самая выгода людей принуждаетъ создавать искусственную санкцію, предупреждающую большее зло меньшимъ. Мы имѣемъ поэтому дѣло съ двумя видами санкцій: санкціей естественной, возникающей помимо человѣческой воли и участія, и санкціей, устроиваемой при посредствѣ человѣческой воли.

Санкцію перваго рода Бентамъ называетъ санкціей физической. Санкція втораго рода можетъ быть нравственная, политическая или легальная, и религіозная. Къ санкціи нравственной Бентамъ относитъ общественное мнѣніе, честь или безчестіе тѣхъ или другихъ поступковъ. Къ санкціи политической—охранительное законодательство. Всѣ эти три вида санкцій берутъ свое содержаніе въ физической санкціи, дѣйствуютъ не иначе какъ путемъ физическихъ лишеній и страданій, или устраше-

нія ими, и потому составляютъ только разнообразные виды примѣненія физической санкціи. Вліяніе ихъ на людей весьма различно; но всего опредѣленнѣе и ближе къ физической санкціи по своему вліянію и характеру дѣйствуетъ санкція политическая—она-то и даетъ начало уголовному законодательству.

Итакъ законъ, руководящій всѣмъ нравственнымъ міромъ, согласно Бентаму, одинъ; это—законъ пользы. Наслажденіе и страданіе — единственный воспитатель человѣчества, дѣлающій его добрымъ и нравственнымъ, устроивающій порядокъ въ человѣческомъ обществѣ. Наслажденіе и страданіе составляютъ единственную санкцію человѣческаго благополучія и нравственности. Мораль и законодательство не имѣютъ другаго руководителя, кромѣ пользы, и другой цѣли, какъ развить въ человѣческомъ обществѣ наибольшую сумму счастія. Другой высшей цѣли не можетъ себѣ представить человѣчество, и было бы самонадѣяннымъ и дерзкимъ вмѣшательствомъ въ недоступныя человѣку цѣли провидѣнія искать другихъ конечныхъ цѣлей человѣческаго существованія, по примѣру прежней философіи, кромѣ той ближайшей цѣли, которая ему указана самой природой.

Такой теоріей основанія законодательства и морали приведены къ самому простому объясненію и если Бентамъ сказалъ, что всѣ поступки опредѣляются началомъ пользы, то при этомъ онъ разумѣлъ всѣ поступки безразлично, т. е. не одни относящіеся къ нравственности и законодательству. Какъ медикъ руководится въ своей дѣятельности указаніями своей науки, какъ техникъ слѣдуетъ своей, также точно моралистъ и законодатель руководится указаніями своего знанія, и въ этомъ-то и состояла цѣнность теоріи, что она успѣла привести основанія морали и законодательства къ тожеству съ основаніями самыхъ понятныхъ и простыхъ дѣяній и поставить надъ всѣми одно начало *знанія*.

Но если всѣмъ нравственнымъ міромъ должно руководить одно и тоже начало и всѣ дѣйствія человѣческія опредѣляются началомъ пользы, и являются по отношенію къ руководящему началу безразлично смѣшанными, то въ тоже время очевидно, что не всѣ поступки человѣческіе подлежатъ опредѣленію законодателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, возникаетъ самъ собой вопросъ: какая часть человѣческихъ дѣяній должна быть подчинена законодателю; гдѣ границы, опредѣляющія его дѣятельность и его сферу, и на какомъ основаніи право отдѣлялось постоянно не только отъ техники напримѣръ или врачеванія, но и отъ морали?

Тамъ, гдѣ начало пользы перестаетъ высказываться съ прямой ясностью и указывать человѣку, что̀ онъ долженъ дѣлать и чего не дол-

женъ дѣлать, тамъ начинается сфера спеціальныхъ знаній въ его примѣненіи. Тамъ, гдѣ человѣкъ не знаетъ, что́ полезно или вредно для его здоровья, начинается сфера медицины; гдѣ онъ не знаетъ, какъ устроить орудіе и сложить машину, — сфера механики; какъ удобрить землю и обработать ея произведенія, — сфера техники земледѣльческой и мануфактурной; гдѣ начало пользы прямо не указываетъ, какая зависимость должна существовать между людьми въ отношеніи къ правамъ ихъ другъ на друга и на вещи, тамъ начинается сфера экономіи. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ могутъ быть правила дѣйствія двоякаго рода. Знаніе можетъ опредѣлять лучшія правила дѣйствія, лучшій способъ сохраненія здоровья и леченія, лучшій способъ обработки земли и хозяйства, точно также какъ мораль можетъ опредѣлять лучшій способъ отношенія къ людямъ: но затѣмъ слѣдовать или не слѣдовать даннымъ правиламъ, въ однихъ случаяхъ можетъ быть предоставлено на произволъ самихъ людей,—потому что отъ выбора между тѣмъ или другимъ способомъ дѣйствія не предвидится прямаго и существеннаго вреда другимъ; въ другихъ же случаяхъ уклоненіе отъ правилъ сопряжено съ такимъ серьезнымъ и ощутительнымъ вредомъ для другихъ или для общества, что слѣдованіе даннымъ правиламъ становится обязательнымъ для каждаго. Данное правило, основанное на принципѣ пользы, обращается въ такомъ случаѣ въ законъ обязательный для каждаго; оно составляетъ предметъ законодательства.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, въ сферѣ касающейся здоровья, техники, образованія и пр., есть такіе случаи, такія общія правила, уклоненіе отъ которыхъ считается сопряженнымъ со вредомъ для общества и слѣдованіе которымъ признавалось и признается обязательнымъ. Изъ такого объясненія мы видимъ, что рамка закона не есть нѣчто вполнѣ опредѣленное и ограниченное по своему содержанію и предмету. Вопросъ о томъ, въ какихъ частяхъ и до какихъ предѣловъ законодательство должно вмѣшиваться въ человѣческую дѣятельность, былъ всегда весьма спорнымъ вопросомъ, разрѣшавшимся не только теоретически, но и практически весьма различно. Онъ остался до сихъ поръ спорнымъ подъ именемъ вопроса о предѣлахъ *законодательной регламентаціи*. Одни даютъ большій просторъ этой регламентаціи, другіе — меньшій; но нужно сказать, что нѣтъ все-таки мнѣнія, которое устраняло бы вовсе необходимость регламентаціи.

Бентамъ не пытается поэтому опредѣлять сферу законодательства какими-либо категорическими, разъ навсегда данными предѣлами; по его мнѣнію также законодательство не имѣетъ дѣла съ какимъ-либо отдѣльнымъ видомъ человѣческой дѣятельности во всей ея совокупности, не

составляетъ чего-либо неразрывнаго съ извѣстной категоріей поступковъ, и можетъ имѣть дѣло съ различными частями этой дѣятельности, касаясь каждой настолько, насколько этого требуетъ начало пользы. Онъ пытается поэтому преподать законодателю нѣсколько общихъ совѣтовъ относительно границъ, до которыхъ онъ вправѣ простирать свое вліяніе. Въ этомъ отношеніи Бентамъ скорѣе относится къ приверженцамъ свободы дѣйствія, чѣмъ къ друзьямъ регламентаціи.

Необходимость регламентаціи, — говоритъ онъ, — сама собою устраняется смотря по степени обезпеченія, которое находятъ добрыя дѣйствія въ чувствѣ личнаго самосохраненія, присущаго людямъ. Тамъ, гдѣ выгода правильнаго способа дѣйствія сама даетъ себя болѣе или менѣе чувствовать людямъ, — тамъ менѣе всего нужна и регламентація. Но нужно сознаться, говоритъ Бентамъ, что это была именно та часть, гдѣ правительства хотѣли больше всего регламентировать. Заботиться о томъ, что̀ человѣкъ долженъ дѣлать для того, чтобъ не вредить себѣ, было ихъ слабой стороной; здѣсь они часто шли дальше заботливой матери. А вмѣстѣ съ тѣмъ они едвали не слишкомъ мало думали о томъ, какъ принудить человѣка дѣлать то, что̀ полезно другимъ, и оставляли въ пренебреженіи эту главную часть, которая по преимуществу нуждалась въ законодательномъ вліяніи.

Относительно законодательства, — говоритъ Бентамъ, — слѣдуетъ сказать тоже, что относительно медицины: все дѣло правительства состоитъ въ выборѣ между лишеніями или зломъ. Всякій законъ есть лишеніе или даже, — какъ онъ говоритъ прямо, — *зло;* ибо всякій законъ есть стѣсненіе свободы и въ этомъ смыслѣ законодатель прежде всего долженъ понимать всѣ свои предписанія. Выбирая между лишеніями, законодатель долженъ удостовѣриться въ двухъ вещахъ: 1) что зло, которое онъ хочетъ предупредить, составляетъ дѣйствительное зло; 2) что лишенія, которымъ онъ долженъ подчинить общество, составляютъ меньшее зло, чѣмъ то, ради предупрежденія котораго создается законъ. Это-то обстоятельство, или неразрывность лишенія или зла со всякимъ закономъ, и есть, по мнѣнію Бентама, главная причина, почему не всѣ человѣческія дѣйствія могутъ быть подвергнуты регламентаціи: во множествѣ случаевъ, для того, чтобы заставить общество слѣдовать данным правиламъ, хотя несомнѣнно полезнѣйшимъ, нужно было бы причинить больше зла, чѣмъ можно принести пользы обществу такимъ насильственнымъ подчиненіемъ его дѣятельности этимъ правиламъ.

Все дѣло законодателя съ формальной стороны заключается въ распредѣленіи между членами общества съ одной стороны правъ, съ другой — обязанностей. Права законодатель долженъ предоставлять съ удо-

вольствіемъ; ибо всякое право равно наслажденію. Иначе относительно обязанностей: всякая обязанность есть стѣсненіе, а потому она и должна налагаться не иначе какъ съ осторожностью. Но въ тоже время невозможно создавать права, не создавая одновременно обязанностей; всякое право, предоставленное одному, налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность на другаго. Отсюда слѣдуетъ, что никакое право не можетъ быть создано, никакая обязанность наложена безъ достаточныхъ основаній. Кто предлагаетъ законъ, стѣсняющій частную свободу, тотъ долженъ не только представить основанія, побуждающія къ его установленію, но въ тоже время доказать, что эти основанія превосходятъ общее неудобство, связанное съ установленіемъ всякаго закона.

Такимъ образомъ какой бы сферы дѣятельности ни касалась регламентація, вездѣ, по мнѣнію Бентама, она должна поступать съ осторожностью. Есть сферы, въ которыхъ она можетъ идти далѣе, есть другія сферы, въ которыхъ она должна быть ограничена. Но есть сфера отношеній, въ которыхъ она должна и по мнѣнію Бентама простираться весьма далеко, сфера регламентаціи по преимуществу, это — сфера отношеній *экономическихъ*.

Народное здравіе, построеніе зданій, народное образованіе вездѣ болѣе или менѣе подчинены вмѣшательству законодательства; но ни одна сфера человѣческой дѣятельности не подчинена настолько вмѣшательству законодательства, какъ сфера *экономическая*. Вопросъ о пользованіи силами природы и человѣческимъ трудомъ и услугами составляетъ сущность и содержаніе этой сферы, и здѣсь предоставленіе этого пользованія на произволъ людей представлялось съ самаго начала дотого опаснымъ и невозможнымъ, и подчиненіе этого пользованія общимъ правиламъ дотого неизбѣжнымъ, что эта часть человѣческихъ дѣйствій была всего больше и постоянно подчиняема законодательству. Мы можемъ раскрыть какіе угодно кодексы и убѣдиться, что девять десятыхъ всѣхъ законоположеній касаются отношеній имущественныхъ или экономическихъ, такъ что имущественный вопросъ самъ по себѣ исчерпываетъ почти все содержаніе, всю сферу законодательства; а вмѣшательство послѣдняго въ остальныя части человѣческой дѣятельности составляетъ лишь ничтожный процентъ, почти исчезающій передъ суммой законодательства, возникающей изъ имущественнаго вопроса.

Распредѣляя права и обязанности, законодатель, — говоритъ Бентмаъ, — долженъ имѣть въ виду одну цѣль, это — наибольшее счастіе общества. Разсматривая же въ частности, въ чемъ заключается это счастіе, насколько оно зависитъ отъ законодателя,—можно видѣть, что оно слагается изъ слѣдующихъ частныхъ цѣлей: *достатка*, *богатства*, *ра-*

венства, спокойствія.—Всѣ эти цѣли и должны составлять, по мнѣнію Бентама, сферу законодательства. Такимъ образомъ сфера законодательства ограничивается и Бентамомъ преимущественно экономическими предѣлами или вопросомъ имущественнымъ. Центромъ тяжести законодательства является частное право, а остальныя части права функціями или зависимыми частями имущественнаго права. Вопросъ общественнаго благополучія, насколько онъ зависитъ отъ законодателя, заключается въ разрѣшеніи имущественнаго вопроса и остальныя части законодательства существуютъ лишь настолько, насколько онѣ находятся въ связи съ имущественнымъ вопросомъ. Здѣсь можетъ быть время отвѣтить на вопросъ, естественно возникающій изъ сказаннаго: на какомъ основаніи экономическая сфера стала настоящей сферой законодательства? Какъ фактъ всеобщій, фактъ сосредоточенія законодательства на имущественномъ вопросѣ долженъ имѣть свои причины, его объясняющія,— эти причины могутъ быть не для всѣхъ одинаково ясны сами собою, а потому мы укажемъ на ту особенность экономической сферы, которая сдѣлала здѣсь наиболѣе необходимою регламентацію и сосредоточила на имущественномъ вопросѣ почти всю задачу законодателя.

Экономическая сфера, какъ и юридическая, не составляетъ для человѣка сама по себѣ прямой цѣли. Прямая и послѣдняя цѣль человѣка есть наслажденіе. Но экономическая сфера имѣетъ дѣло съ источниками наслажденія. Эти источники составляютъ силы внѣшней природы и человѣческій трудъ, при посредствѣ которыхъ создаются средства наслажденія. Отношенія человѣка къ этимъ источникамъ наслажденія опредѣляютъ естественно и отношенія его къ средствамъ наслажденія, а распредѣленіе источниковъ опредѣляетъ распредѣленіе и суммы наслажденій между людьми. Опредѣлить и регламентировать права и отношенія человѣка къ источникамъ жизни и наслажденія было легче и проще, чѣмъ регламентировать всю безконечную цѣпь человѣческихъ дѣйствій во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это значило вліять на распредѣленіе самыхъ наслажденій, не стѣсняя человѣческой свободы выборомъ и способомъ пользованія предоставленными ему средствами счастія.

При этомъ за человѣкомъ обезпечивалась извѣстная свобода дѣйствія и въ тоже время за законодательствомъ утверждалась возможность управлять отношеніями гражданъ къ главнымъ источникамъ наслажденія, силамъ природы и человѣческому труду. Итакъ причина, вслѣдствіе которой законодательная дѣятельность сосредоточивалась въ экономической сферѣ, была весьма проста. Здѣсь законодательство стояло у источниковъ человѣческой жизни и наслажденія, управлять которыми значило

косвеннымъ образомъ управлять до извѣстной степени направленіемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Отъ этихъ источниковъ законодательство могло идти далѣе: могло простирать регламентацію въ сферу техническую и заходить въ дѣлѣ регламентаціи такъ далеко, какъ ему угодно; но оно не могло оставить безъ вниманія источниковъ богатства и предоставить пользованія ими на произволъ людей, и были причины, прямо обращавшія его вниманіе на эти источники. Зло, возникающее въ обществѣ отъ неопредѣленности этихъ отношеній людей къ чужому труду и силамъ природы, сумма насилія и безпорядка, и неравномѣрность распредѣленія наслажденій были слишкомъ велики въ сравненіи съ тѣмъ или другимъ зломъ, возникающимъ изъ болѣе или менѣе неразумнаго употребленія, которое частное лицо можетъ сдѣлать изъ своихъ средствъ наслажденія, — чтобы законодатель не былъ прежде всего принужденъ заняться устройствомъ отношеній къ источникамъ наслажденія. Въ хронологическомъ порядкѣ, прежде чѣмъ общество выучилось пользоваться источниками наслажденія, оно враждовало изъ-за этихъ источниковъ, и эта самая вражда повсемѣстно вызвала необходимость власти, дисциплины и создавала законодательство.

Вслѣдствіе этихъ-то причинъ законодатель былъ призванъ прежде всего къ устройству экономическаго вопроса, а возможность управлять человѣческими дѣйствіями не простирая вмѣшательства далѣе основныхъ экономическихъ отношеній и трудность регламентаціи частностей постоянно принуждали законодательство колебаться около извѣстныхъ предѣловъ. Но если и неоспоримо, что дѣятельность законодательства сосредоточивается на имущественной сферѣ, то вопросъ о границахъ права самъ собою переносится въ эту экономическую сферу, и остается все-таки узнать, какъ далеко можетъ заходить законодательное вмѣшательство въ этой сферѣ, для того, чтобы вопросъ о границахъ права или законодательства могъ стать опредѣленнымъ. Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ характеръ и философской системы и направленіе, придаваемое ею внутренней политикѣ общества, зависитъ настолько же, насколько и отъ рѣшенія перваго вопроса о критеріумѣ права; потому именно этотъ вопросъ съ развитіемъ общества и пріобрѣлъ такую особенную важность и въ новѣйшее время сталъ вопросомъ, равносильнымъ вопросу о критеріумѣ права.

Два воззрѣнія на этотъ вопросъ успѣли образоваться къ тому времени, когда писалъ Бентамъ.

Для схоластическаго времени, да и въ первое время господства теорій о врожденномъ началѣ справедливости, этотъ вопросъ казался вовсе несуществующимъ или, иначе, вмѣшательству не полагалось въ теоріи

никакихъ опредѣленныхъ границъ. Онъ возникъ въ критическій періодъ литературы, когда дѣйствія законодателя стали предметомъ обсужденія. Тогда среди общаго скептическаго настроенія критика этихъ дѣйствій привела однихъ къ сомнѣнію въ ихъ пользѣ, къ предположенію, что человѣческія отношенія устроились бы лучше внѣ того или другаго законодательнаго вліянія на экономическія отношенія, и такимъ образомъ было положено начало протесту въ литературѣ противъ вмѣшательства, вскорѣ обобщившееся въ теорію невмѣшательства. Другіе, напротивъ того, продолжали смотрѣть на законодательство какъ на прямое средство осуществленія искомыхъ ими началъ справедливости и человѣческихъ правъ. Тѣ или другіе дѣйствовали пока одинаково въ интересахъ общества и высшей справедливости, отъ лица тѣхъ же высокихъ началъ и цѣлей. Но впослѣдствіи послѣднее мнѣніе одержало верхъ между прогрессистами; съ тѣхъ поръ мимолетная надежда прогрессистовъ на начало невмѣшательства исчезла сама собою, и теорія невмѣшательства стала признаваться ими лучшимъ оплотомъ противъ всякихъ нововведеній, лучшимъ сторожемъ политическаго застоя.

Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ утвердилось два мнѣнія: одно, которое не налагаетъ опредѣленныхъ границъ вмѣшательству и полагаетъ, что эти границы должны въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляться сообразно съ началомъ пользы, — которое ждетъ отъ законодательнаго вмѣшательства еще многихъ улучшеній и усовершенствованій; и другое, которое полагаетъ, что законодательное вмѣшательство сдѣлало уже все, даже больше чѣмъ слѣдовало для того, чтобы человѣческія отношенія могли стать совершенными.

Это послѣднее мнѣніе было особенно распространено въ ту эпоху, когда писалъ Бентамъ, и господствовало въ теченіе всей первой половины текущаго вѣка. Оно было особенно распространено въ той странѣ, гдѣ писалъ Бентамъ. Оно повидимому прямо соотвѣтствовало тѣмъ консервативнымъ цѣлямъ, которыя между прочимъ имѣлъ въ виду Бентамъ, и тому недовѣрію, съ которымъ онъ относился къ современному ему революціонному движенію; и несмотря на то, Бентамъ не принялъ этой теоріи.

Онъ былъ дотого послѣдователенъ какъ писатель, дотого истиненъ, дотого глубоко и искренно желалъ блага обществу, что не рѣшился пожертвовать истиной постороннимъ выгодамъ — и въ противорѣчіе общему настроенію своего общества и науки отдалъ справедливость теоріи вмѣшательства. Самъ раздѣляя до извѣстной степени общее въ его время вѣрованіе экономистовъ въ возможность усовершимости отношеній помимо вмѣшательства,—самъ вѣря, что недостатки, гнетущіе настоя-

щее общество, могутъ изгладиться когда-либо сами собою, Бентамъ все-таки возложилъ на законодателя тяжелую задачу настоятельно стремиться къ исправленію этихъ недостатковъ путемъ вмѣшательства и такимъ образомъ доказалъ, что можно не быть ни радикаломъ, ни соціалистомъ, а лучшимъ другомъ общественнаго спокойствія, и въ тоже время держаться теоріи вмѣшательства. Для этого Бентамъ признавалъ нужнымъ только одно, это—знать относительную пользу и цѣну вещей и вслѣдствіе этого подчинять вопросъ преобразованій вопросу спокойствія.

Мысли Бентама, касающіяся настоящаго предмета, изложены въ его трактатѣ о гражданскомъ кодексѣ.

Сущность задачи гражданскаго кодекса въ томъ видѣ, какъ она поставлена Бентамомъ, заключается очевидно въ соглашеніи вопроса спокойствія и богатства съ вопросомъ равенства. Теоретически не трудно начертать общія основанія, общія положенія, слѣдуя которымъ законодатель прямо и самъ собой долженъ былъ бы придти къ предположенной цѣли. Бентамъ излагаетъ ихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Всякая часть богатства, — говоритъ онъ, — создаетъ свою часть благополучія; чѣмъ больше эта часть богатства, тѣмъ больше часть благополучія. Тотъ, кто богаче, тотъ и счастливѣе; но счастье возрастаетъ все-таки не пропорціонально богатству. Излишки счастья, которые придаетъ болѣе богатому его излишекъ богатства, никогда не бываютъ такъ велики, какъ излишекъ его богатства. Поэтому, чѣмъ большее существуетъ различіе состояній, тѣмъ меньше можно предположить, что это различіе приноситъ людямъ болѣе богатымъ настолько и большую сумму счастья, насколько больше сумма ихъ имущества. Отсюда вытекаетъ то положеніе,—говоритъ Бентамъ,—что наибольшая сумма счастья будетъ создана въ обществѣ наибольшимъ уравненіемъ состояній. Поэтому всякая прибавка новаго имущества къ существующему создаетъ тѣмъ большую сумму счастья въ обществѣ, чѣмъ болѣе она способствуетъ уравненію состояній. Точно также и всякій вычетъ изъ существующаго имущества составитъ наибольшую сумму блага, если онъ въ тоже время будетъ способствовать къ уравненію достатковъ. Во всякомъ горѣ и во всякой потерѣ, если потеря падаетъ на долю бѣднаго, зло будетъ увеличено; если потеря падаетъ на долю богатаго, ущербъ, сдѣланный черезъ это, вознаградится выигрышемъ въ уравненіи состояній.

Таковы общія положенія, которыя Бентамъ счелъ достаточнымъ предложить къ руководству законодателя въ гражданскомъ вопросѣ.

Но если столь легко было представить общія теоретическія основанія, соглашающія вопросъ богатства и справедливости, то гораздо труднѣе было принять ихъ къ дѣйствительному осуществленію и руковод-

ству на практикѣ. Двѣ причины затрудняли дѣло. Если мы сказали выше, что законодатель былъ призванъ къ устройству экономическаго вопроса, то это справедливо только въ общемъ смыслѣ, независимо отъ условій времени и мѣста. Въ дѣйствительности законодательство возникало и слагалось исторически, не прямо руководимое началомъ пользы, а путемъ случайныхъ рѣшеній и обычаевъ, обращавшихся потомъ въ законъ, который долженъ былъ признавать законодатель, часто противъ своей собственной воли. Оно росло среди безначалія и анархіи въ нравственныхъ опредѣленіяхъ, при неразвитости самаго знанія и неумѣньи различать дѣйствительно полезное отъ вреднаго, подчиняясь вліянію личныхъ симпатій и антипатій, личной частной пользѣ, упуская изъ виду пользу болѣе отдаленную и общую. Законодатель вездѣ встрѣчался съ готовымъ уже законодательствомъ. Какъ сынъ своего времени и своего общества, онъ вездѣ долго не сознавалъ своего назначенія. Такъ что законодателемъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названъ развѣ только весьма поздній законодатель. Послѣдній не могъ уже строить отношеній, а имѣлъ дѣло съ готовымъ укоренившимся порядкомъ, исправлять историческіе недостатки котораго было задачей весьма затруднительной.

Нужно замѣтить, что и независимо отъ того частныя цѣли, ему предложенныя, вовсе не таковы, чтобы онѣ могли считаться всегда согласимыми между собой, чтобы съ удовлетвореніемъ одной удовлетворялась другая.

Между отдѣльными цѣлями, изъ которыхъ слагается задача законодателя, — говоритъ Бентамъ, — есть извѣстная подчинимость и зависимость, которыя дѣлаютъ невозможнымъ непосредственное осуществленіе всѣхъ цѣлей и заставляютъ предпочитать цѣль первенствующую подчиненной. Между этими цѣлями, *спокойствіе* общества есть, конечно, господствующая надъ всѣми остальными; ибо безъ нея невозможно ни богатство, ни достатокъ, ни равенство. Тамъ, гдѣ обществу придется выбирать между спокойствіемъ и другими цѣлями, оно непремѣнно предпочтетъ первое, и тоже долженъ дѣлать законодатель. Только спокойствіе прокладываетъ путь къ остальнымъ благамъ и только оно одно совершенно зависитъ отъ законодателя. Послѣдній не можетъ прямо создать богатства, онъ можетъ только обезпечить условія, необходимыя для созданія богатства, и въ числѣ этихъ условій находится прежде всего условіе общественнаго мира и спокойнаго пользованія плодами производства. Далѣе, какъ невозможенъ достатокъ безъ спокойствія, столь же невозможно богатство безъ предварительнаго достатка и потому законодатель прежде долженъ заботиться о достаткѣ, чѣмъ о богатствѣ,

роскоши и равенствѣ. Спокойствіе и достатокъ составляютъ необходимое жизни, роскошь матеріальная и равенство — цвѣтъ и украшеніе жизни. Поэтому,—говоритъ Бентамъ,—законодатель поставленъ въ неизбѣжную необходимость жертвовать послѣдними первому.

Но это-то условіе, существующее само по себѣ, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, становится особенно ощутительнымъ препятствіемъ къ усовершенствованію въ силу тѣхъ упомянутыхъ выше условій, которыя носятъ обыкновенно названіе историческихъ.

Здѣсь идетъ у Бентама сѣтованіе не о противорѣчіи требованій пользы съ какими-либо основными установленіями гражданскаго порядка, считающимися основами общества (Бентамъ болѣе всего далекъ отъ ихъ порицанія), а только о ложномъ употребленіи, сдѣланномъ людьми изъ этихъ установленій въ частности, о томъ, что было допущено нарушающаго эти установленія и въ сущности имъ противорѣчащаго. Недостатки историческіе состояли, по его мнѣнію, не въ этихъ установленіяхъ, а въ нарушеніи этихъ установленій. Въ предупрежденіи, уничтоженіи этихъ именно нарушеній гражданскихъ основъ заключается вся задача, но это уничтоженіе нарушеній и трудно вслѣдствіе ихъ закоренѣлости.

Между орудіями спокойствія,—говоритъ Бентамъ,—которыми прежде всего владѣетъ законодатель, первое и самое главное есть *собственность*. Это явленіе, чисто абстрактное, не существующее само по себѣ, не имѣющее себѣ ничего подобнаго въ природѣ, составляетъ вполнѣ его созданіе. Но это-то орудіе, возражаютъ часто, и было главнымъ орудіемъ, создавшимъ неравенство въ человѣческомъ обществѣ и бывшимъ источникомъ многихъ злоупотребленій. По мнѣнію Бентама, нѣтъ ничего несправедливѣе такого возраженія. Само по себѣ установленіе собственности не заключаетъ ничего дурнаго. Собственность беретъ свое начало въ обезпеченіи за каждымъ спокойнаго пользованія своимъ трудомъ. Съ понятіемъ о собственности связано для всякаго понятіе наслажденія, и потому все, сказанное противъ собственности, не касается собственности въ ея принципѣ, напротивъ относится къ нарушенію основныхъ началъ собственности, которое было допущено. Что касается этихъ отступленій, то даже и здѣсь Бентамъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что, несмотря на весь ихъ вредъ, положеніе необезпеченнаго класса людей въ настоящее время все-таки должно считаться выше положенія человѣчества въ дикомъ состояніи; и потому цивилизація все-таки принесла кое-что и этому классу. Во вторыхъ, недостатки историческіе, каковыми были напримѣръ крѣпостныя отношенія, могутъ изгладиться, по мнѣнію Бентама, безъ нарушенія самаго установленія собственности, которое че-

резъ это должно усовершиться и упрочиться еще болѣе. Уничтоженіе этихъ недостатковъ, по мнѣнію Бентама, долженъ постоянно имѣть въ виду законодатель; оно составляетъ, собственно говоря, его главную и существеннѣйшую задачу, но только онъ въ тоже время не долженъ забывать, что мѣры, имъ избираемыя, всего менѣе вправѣ колебать порядокъ. Поэтому-то законодатель и не можетъ прямо касаться этихъ недостатковъ, и «я полагаю,—говоритъ Бентамъ,—что законодатель лучше всего сдѣлаетъ, если даже оставитъ эти нарушенія относительно живыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ обществѣ. Хочетъ онъ идти по пути усовершенствованія, пусть не колеблетъ надеждъ и увѣренности живыхъ лицъ. Но есть сфера, гдѣ онъ въ тоже время можетъ дѣйствовать противъ этихъ нарушеній; онъ имѣетъ полную возможность распоряжаться въ сферѣ наслѣдственнаго права. Здѣсь лежитъ настоящій путь его улучшеніямъ.» Онъ можетъ или ограничивать право завѣщаній или установить тотъ способъ назначенія имуществъ, который ему кажется лучшимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бентамъ и здѣсь совѣтуетъ поступать осторожно.

Такимъ образомъ Бентамъ выше всего ставилъ спокойствіе общества и подчинялъ ему всѣ остальные интересы. Поступая такъ, онъ не думалъ дѣлать какихъ-либо уступокъ недостаткамъ своего времени. Это подчиненіе вытекало у него прямо изъ существа его теоріи, было прямымъ ея требованіемъ. Онъ дорожилъ спокойствіемъ, потому что понималъ, что имъ выше всего дорожитъ во всякомъ случаѣ всякое общество и всегда готово принести ему самыя крупныя жертвы. Отъ этого никакое волненіе въ обществѣ никогда не можетъ быть продолжительнымъ и масса предпочитаетъ хотя тяжелый для нея порядокъ всякому безпорядку. Но Бентамъ не хотѣлъ въ тоже время, чтобъ это подчиненіе становилось источникомъ злоупотребленія, чтобы подъ его предлогомъ отклонялись реформы тамъ, гдѣ онѣ не противорѣчатъ спокойствію, не хотѣлъ, чтобы уваженіе общества оставалось за препятствіями мнимыми.

Указывая поэтому на препятствія серьезныя и существенныя и уча имъ подчиняться, Бентамъ въ тоже время счелъ нужнымъ обратить свое вниманіе на препятствія другаго рода, препятствія мнимыя. Въ этомъ отношеніи Бентамъ съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ на то вредное вліяніе, которое имѣла софистика или искусство отклонять благія мѣры, подъ тѣми или другими предлогами. Этому искусству, выработавшемуся въ цѣлую систематическую науку, Бентамъ посвящаетъ цѣлый трактатъ «*О политическихъ софизмахъ*».

Затѣмъ мы не будемъ вдаваться въ подробности мыслей Бен-

тама относительно препятствій къ улучшеніямъ законодательства, ни перечислять отдѣльныя улучшенія, которыя онъ считаетъ возможными въ различныхъ частяхъ права гражданскаго, уголовнаго и пр. Что для насъ важно — это не подробности, не частныя улучшенія, которыя Бентамъ считаетъ возможнымъ въ свое время возложить на законодателя, а общій способъ воззрѣнія, предложенный Бентамомъ законодателю, на вмѣшательство въ приведенныхъ разсужденіяхъ и совѣтахъ. Повторять въ настоящее время буквально совѣты, данные законодателю въ свое время, было бы странно; но важно помнить, что то, что́ было возможно въ одно время, то часто столь же возможно и въ другое время. Если для Бентама было возможно согласить основательность и спокойствіе направленія съ моральнымъ стремленіемъ къ лучшему въ свое время, то по его же мнѣнію можно найти, чего желать и къ чему стремиться законодателю во всякое другое время, не опасаясь упрека въ неосновательности. Можно найти путь и поприще для вмѣшательства, для реформъ вполнѣ благодѣтельныхъ. Указать, каковы должны быть эти реформы; гдѣ онѣ должны быть допущены, гдѣ нѣтъ,—возвращаясь, словомъ, къ вопросу о границахъ вмѣшательства,—указать эти границы разъ навсегда, по мнѣнію Бентама, какъ показываетъ все предъидущее, нельзя. Бентамъ очевидно допускаетъ и тутъ возможность указать одинъ только критеріумъ для рѣшенія основательности или неосновательности вмѣшательства въ данномъ случаѣ, и критеріумъ этотъ очевидно тотъ же самый, какой указанъ для классификаціи поступковъ въ смыслѣ *пользы*. Но тѣмъ-то и отличается взглядъ Бентама отъ взгляда защитниковъ невмѣшательства, что первый не признаетъ возможнымъ положить абсолютныхъ границъ вмѣшательству; тогда какъ послѣдніе считаютъ возможнымъ установить эти границы разъ навсегда.

Таковы отвѣты, данные Бентамомъ на два основные вопроса философіи права: вопросъ о критеріумѣ и границахъ права. Таковъ духъ и направленіе, въ которомъ онъ желалъ, чтобы разрабатывалось и развивалось законодательство.

Еслибы ученіе его могло стать всеобщимъ, оно способно было бы безъ сомнѣнія произвесть благотворный переворотъ въ общественномъ настроеніи. Развиваясь далѣе, оно воздержало бы отъ крайнихъ притязаній, но прочно и неуклонно понуждало бы законодательство къ улучшеніямъ. Но эта-то именно прогрессивная сторона его слишкомъ расходилась съ купеческимъ настроеніемъ его общества.

Это общество хотѣло прежде всего дѣлать коммерческіе обороты безъ всякаго опасенія за то, что́ можетъ задумать ранѣе конца данной спекуляціи законодатель такого, что способно непредвидѣнно спутать ком-

мерческій разсчетъ; и этого было совершенно достаточно для того, чтобы все ученіе подверглось нерасположенію, для того, чтобы оно стало предметомъ софистическихъ перетолкованій, и для того, чтобъ оно было представлено и ученіемъ матеріалистическимъ, и эгоистическимъ и пр. Для лондонскаго Сити казалось гораздо практичнѣе оставить въ силѣ прежнюю политическую религію абсолютной справедливости, слишкомъ разбитую и побѣжденную послѣ понесенныхъ ею неудачъ для того чтобъ быть опасной.

Гораздо выгоднѣе было предоставить мечтательнымъ умамъ тяготиться разладомъ своихъ идеаловъ съ дѣйствительностью, исповѣдуя воззрѣнія XVIII вѣка, потому что съ горстью этихъ людей можно всегда справиться при помощи нѣсколькихъ полиціантовъ, чѣмъ допустить развиваться ученію, которое способно изгладить вовсе мечтательное направленіе съ его крайними требованіями, но зато создать направленіе съ стремленіями болѣе умѣренными и согласными съ дѣйствительностью, противъ основательности которыхъ было бы гораздо труднѣе спорить купеческимъ тенденціямъ, — направленіе, которое поэтому хотя медленно, но прочно будетъ способствовать развитію.

Крайность всегда пріятнѣе и выгоднѣе въ противникахъ, потому именно, что противъ нея легче возражать и труднѣе вызвать къ ней сочувствіе серьезныхъ и основательныхъ людей; но гораздо труднѣе было бы возражать противъ направленія, проникнутаго той основательностью и умѣренностью, начало которой давало себя чувствовать въ воззрѣніи Бентама, еслибы оно получило общій ходъ и развитіе.

Вотъ причины, по которымъ въ наукѣ права и послѣ Бентама остались господствующими теоріи справедливости XVIII вѣка, по которымъ теорія пользы оклеветывалась какъ теорія матеріалистическая.

Можетъ быть отчасти вслѣдствіе тѣхъ же причинъ теорія пользы и въ наше время подвергается нареканіямъ. Но тотъ, кто въ глубинѣ совѣсти желаетъ блага человѣчеству, тотъ напрасно будетъ искать доктрины болѣе умиротворяющей и вѣрной природѣ вещей, болѣе плодовитой по своему вліянію для мирнаго и прочнаго развитія цивилизаціи, тотъ отдастъ ей всю должную справедливость.

Восемнадцатый вѣкъ завѣщалъ намъ такимъ образомъ ту точку зрѣнія на нравственный порядокъ и наши нравственныя правила, съ которой и эти правила и этотъ порядокъ разсматривались какъ результатъ живаго опыта. Если это воззрѣніе не сразу стало исключительно господствующимъ въ политической литературѣ, то оно было именно тѣмъ воззрѣніемъ, которому должно было принадлежать будущее.

Литературѣ нашего столѣтія предстояло развить это воззрѣніе, освѣтить имъ различныя части нравственно политическаго знанія, примѣнить его къ частнымъ отдѣламъ послѣдняго, освѣтить имъ изученіе фактовъ и спокойно углубляться въ ихъ изученіе, но не искать уже новой точки зрѣнія, не отвлекаться отъ такого изученія фактовъ и подробностей философскими спорами объ общихъ принципахъ. Если на дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, если въ Германіи могло развиваться умозрительное направленіе и господствовать теоріи естественнаго права Фихте, Шеллинга и Гегеля, если общее настроеніе не долюбливало опытнаго воззрѣнія, то конечно уже потому, что нравственная наука плохо развивается вообще при громѣ пушекъ и военныхъ бурь, при репрессивности военной реакціи, которыя завѣщалъ Европѣ тотъ же XVIII вѣкъ вмѣстѣ съ своими истинами. Достаточно того, если это простое воззрѣніе, которое, казалось бы, прежде всего должно было придти на мысль человѣку, не затерялось снова и совершенно, а освѣщало путь немногимъ труженикамъ вѣрнымъ истинѣ.

Мы увидимъ, что благодаря тревожному характеру эпохи литература XIX вѣка прибавила не такъ много новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что ей было завѣщано, а продолжала блуждать между крайностями, вращаясь въ кругу общихъ философскихъ фикцій. Но она все-таки прибавила нѣчто. Самыя эти тревоги имѣли свое поучающее значеніе.

Если прежнее время завѣщало намъ теоретическій взглядъ на способъ развитія нашихъ нравственныхъ воззрѣній и истинъ, если наше время болѣе чѣмъ всякое другое искало осуществленія формальныхъ основъ общественнаго благополучія, то видя въ дѣйствительности самое общество, поставленное лицомъ къ лицу съ этими теоріями, мы могли убѣдиться, что медленный путь опытнаго развитія не есть только путь развитія одной науки и знанія, а въ равной мѣрѣ примѣняется къ исторіи, что между теоретическимъ знаніемъ истины и выработкой характера и нра-

вовъ средняго человѣка (котораго мы возьмемъ за мѣрило цѣлаго общества) до ихъ согласія съ условіями осуществленія этой истины есть большая разница и потому-то между теоріей и знаніемъ, съ одной стороны, и практикой вещей, съ другой, должна неизбѣжно лежать необозримая пропасть. Тотъ, кто не усвоилъ себѣ совершенно этой истины, тотъ, кто не понялъ, что бытовой уровень цивилизаціи и степень доступныхъ обществу совершенствъ измѣряются не только глубиною истинъ, пріобрѣтенныхъ нравственнымъ знаніемъ вѣка и его теоретиками и мыслителями, а уровнемъ развитія средняго человѣка, тотъ не понялъ можетъ быть главнаго пріобрѣтенія, которое принесло наше столѣтіе всѣми своими тревогами тому же нравственно-политическому знанію. Но тотъ только и можетъ отчаяваться за будущее человѣчества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XIX СТОЛѢТІЯ.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XIX СТОЛЕТІЯ.

ЭКОНОМИСТЫ.

ЭКОНОМНОТЫ.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX столѣтія.

ГЛАВА I.

Общій характеръ политической литературы XIX вѣка; ея раздѣлы и порядокъ изложенія.

Прошедшее завѣщало нашему времени способъ воззрѣнія на вещи. Оно указало намъ тотъ путь или направленіе, котораго должно держаться изслѣдованіе,—въ которомъ слѣдуетъ искать истины. Это было великое завѣщаніе. Исключить изъ вопроса всѣ гипотезы въ пользу одной—единственно вѣроятной, нормальной и отвѣчающей природѣ вещей значило рѣшить первый вопросъ науки, вопросъ метода, положить первый камень въ ея основаніе. Но самая наука еще не существовала, ея не дало прошедшее, она вся была въ будущемъ и остается такой еще въ настоящее время. Въ основаніе всѣхъ выводовъ долженъ былъ быть положенъ опытъ. Волей или неволей этимъ положеніемъ нравственное знаніе подводилось подъ одни требованія съ естественными науками, оно должно было подчиниться ихъ дисциплинѣ, стать знаніемъ естественно-историческимъ. Правда, восторжествовавшая теорія объясняла, что человѣческій умъ всегда испоконъ вѣка руководился опытомъ, что всѣ аксіомы его были опытными пріобрѣтеніями. Съ этой точки зрѣнія и всѣ заблужденія, возникшія въ наукѣ, равно какъ и всѣ ея истины были одинаково результатомъ опыта. А разъ опытъ допускалъ ошибки и заблужденія, вопросъ науки не ограничивался однимъ требованіемъ, чтобы въ основаніе ея было положено наблюденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждался вопросъ о совершенствѣ самаго наблюденія, положеннаго въ основаніе научныхъ выводовъ. Съ этой стороны самое наблюденіе по своимъ способамъ представляло двѣ ясно очерченныя степени. Первоначальными орудіями наблюденія служили для человѣка во всемъ его

естественныя чувства. Ими онъ измѣрялъ отношенія между вещами, и результатомъ этихъ измѣреній и были всѣ его теоріи. Но въ тоже время тотъ же опытъ убѣждалъ въ несовершенствѣ, индивидуальности и способности этихъ чувствъ ошибиться. Онъ показывалъ, что эти чувства въ лучшемъ случаѣ, при всей даровитости природнаго глазомѣра, даютъ только общія приблизительныя измѣренія; между тѣмъ какъ самые факты природы дробнѣе, сложнѣе, болѣе богаты различіями, чѣмъ естественный глазъ одаренъ способностью уловлять эти различія. Вслѣдствіе этого были придуманы способы болѣе точнаго измѣренія явленій при посредствѣ спеціальныхъ орудій, которыя помогали естественнымъ чувствамъ. Въ наукѣ явилось понятіе о вооруженномъ глазѣ, о чувствахъ какъ орудіяхъ опыта, вооруженныхъ особыми искусственными аппаратами, устраняющими возможность ошибки, открывающими тѣмъ же чувствамъ возможность слѣдить за болѣе тонкими отличіями. Для простаго примѣра возьмемъ открытіе компаса. Понятіе о сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ могло существовать прежде, и человѣкъ наблюдательный, судя по извѣстнымъ ему признакамъ, могъ опредѣлить и прежде направленіе земнаго меридіана въ той точкѣ, гдѣ онъ находится. Но онъ могъ это только приблизительно, т. е. съ большей или меньшей ошибкой; указать вполнѣ точно этого направленія онъ не могъ. Еще менѣе могъ бы онъ опредѣлить на глазомѣръ, подъ какимъ угломъ къ меридіану находится разсматриваемый имъ вдали предметъ безъ прямаго искусственнаго измѣренія этого угла. Компасъ далъ возможность опредѣлить то и другое съ крайней безошибочностью, онъ служилъ орудіемъ точнаго измѣренія, орудіемъ не только наблюденія явленія, но и количественнаго измѣренія явленія, не только орудіемъ качественнаго, но и количественнаго анализа явленій.

Подобное же значеніе имѣли и всѣ искусственныя вооруженныя средства наблюденія; они дополняли несовершенство чувствъ, придавали вѣрность и точность наблюденію, давали не только факты, но факты измѣренные. А можно безъ труда понять, какое вліяніе должно имѣть на наше знаніе отношеній между вещами, на всѣ наши выводы и представленія это измѣреніе фактовъ, какая разница должна быть въ этихъ представленіяхъ смотря по тому, будемъ ли мы знать только, что одна вещь больше или даже только какъ будто больше другой, или если мы будемъ знать точную величину отношенія между ними. Самые наши выводы, основанные на точныхъ измѣреніяхъ, должны быть на столько же точнѣе и непогрѣшимѣе.

Но не одни искусственные аппараты способствовали большей точности наблюденія и опредѣленія отношеній между вещами. Ту же роль

орудія играло каждое положеніе, установленное на точномъ измѣреніи, каждая теорема, опредѣляющая извѣстное общее отношеніе между вещами, и въ этомъ смыслѣ Пиѳагорова теорема и «способъ безконечно малыхъ» были орудіями нисколько не менѣе если не болѣе могущественными, чѣмъ компасъ, телескопъ и др.

Такимъ образомъ наука всегда дѣйствовала наблюденіемъ, но то, что придало ей въ нѣкоторыхъ частяхъ особое совершенство, что составило торжество естествознанія, заключалось не въ особенности метода, а въ томъ элементѣ точнаго измѣренія, который здѣсь былъ введенъ въ наблюденіе. Мѣра стала главной задачей науки и ключемъ отъ всѣхъ истинъ, неизбѣжнымъ условіемъ научнаго метода. И два замѣчательные мыслителя почти одновременно пришли къ открытію величайшаго орудія, которымъ когда-либо могъ похвастать человѣческій умъ, общаго орудія для наукъ какъ естественныхъ, такъ и нравственныхъ безразлично. Ньютонъ и Лейбницъ одновременно и независимо другъ отъ друга открыли дифференціальное исчисленіе. Сущность этого способа состояла въ томъ, что онъ далъ возможность получать точныя величины тамъ, гдѣ предыдущіе способы вычисленія допускали только величины приблизительныя, измѣрять величины, ускользающія повидимому отъ всякой возможности измѣренія— безконечно малыя.

Вскорѣ затѣмъ этотъ способъ привелъ къ гигантскимъ успѣхамъ въ естествознаніи. Наукамъ нравственнымъ онъ далъ «*теорію вѣроятностей*». Итакъ, точное измѣреніе есть то основаніе, на которомъ строится весь успѣхъ опытнаго знанія; опредѣленіе количественныхъ отношеній между вещами—вотъ что даетъ преимущество одной наукѣ надъ другой и служитъ мѣриломъ ея совершенства. Но вотъ и главное отличіе наукъ естественныхъ отъ наукъ нравственныхъ по ихъ положенію въ текущемъ столѣтіи.

Между тѣмъ какъ первыя, можно сказать, вступили на этотъ путь точнаго измѣренія фактовъ, въ наукахъ нравственныхъ наблюденія продолжаютъ производиться на глазомѣръ, страдаютъ приблизительностью и зависимостью отъ индивидуальныхъ особенностей наблюдателя. И нравственныя науки остаются въ литературѣ текущаго вѣка все-таки науками естественнаго глазомѣра, приблизительныхъ измѣреній и грубыхъ выводовъ. Политическая литература, которую мы будемъ описывать, почти не вышла изъ этихъ предѣловъ непосредственнаго способа наблюденія, гдѣ выводъ есть болѣе дѣло искусства, таланта, чѣмъ орудія, гдѣ успѣхъ опирается болѣе на личное дарованіе, чѣмъ на терпѣніе и трудъ.

Приступая къ ея изложенію, намъ важно было указать на эту ея особенность, потому что это не только сразу опредѣляетъ нашъ общій

взглядъ на ея настоящее, но и указываетъ, куда она должна стремиться и къ чему придти въ будущемъ. Мы сразу становимся на ту критическую точку зрѣнія, которую постоянно должны имѣть въ виду при оцѣнкѣ ея выводовъ.

Но кромѣ совершенства самыхъ способовъ наблюденія и изслѣдованія есть еще другая сторона дѣла, отъ которой зависитъ степень точности и совершенства самой науки. Эту новую сторону мы должны указать здѣсь, потому что она точно также уяснитъ намъ ту степень развитія, на которой находятся знанія нравственныя. Кромѣ точности способовъ точность изслѣдованія обусловливается еще сущностью самыхъ фактовъ, составляющихъ предметъ науки, характеромъ спеціальныхъ фактовъ данной науки и прежде всего большей или меньшей ихъ простотой или сложностью. Чѣмъ сложнѣе явленія, тѣмъ болѣе они и трудны для изслѣдованія, тѣмъ болѣе разъясненіе ихъ зависитъ отъ разъясненности болѣе простыхъ явленій, на которыя разлагается болѣе сложное. Наблюдая вообще явленія природы, мы замѣчаемъ, что они располагаются въ извѣстный рядъ, начинающійся съ болѣе простыхъ и кончающійся самыми сложными. Каждая серія этого ряда и составляетъ предметъ разработки отдѣльной спеціальной науки. Поэтому и самыя науки располагаются въ подобный же рядъ наукъ болѣе простыхъ и болѣе сложныхъ. Такъ какъ легче всего изучаются простѣйшія явленія, то прежде всего совершенствуются и болѣе простыя науки, а такъ какъ разъясненіе сложныхъ явленій основывается на разложеніи ихъ на болѣе простыя, то усовершенствованіе болѣе сложныхъ наукъ становится въ зависимость отъ усовершенствованія простѣйшихъ. Самыя простѣйшія явленія суть явленія неорганической природы, болѣе сложны явленія природы органической и наконецъ еще болѣе сложны явленія природы нравственной. Нравственное знаніе занимаетъ, поэтому, высшую ступень въ смыслѣ сложности изучаемыхъ имъ явленій, а потому оно труднѣе и позже другихъ по самому своему предмету должно достигать сравнительнаго совершенства. Мы видимъ дѣйствительно, что точное математическое отношеніе къ предмету изслѣдованія дѣлается достояніемъ наукъ тѣмъ позже, чѣмъ онѣ сложнѣе, и въ настоящее время имѣетъ мѣсто собственно въ такъ-называемыхъ физико-математическихъ наукахъ; слѣдовательно и математическое отношеніе къ предмету въ наукахъ нравственныхъ могло явиться только сравнительно позже, чѣмъ въ другихъ, и съ этой стороны то далекое отъ совершенства положеніе, въ которомъ находятся науки нравственныя, объясняется сущностью самыхъ явленій, подлежащихъ ихъ изслѣдованію.

Какъ бы то ни было, а все это объясняетъ намъ, какую научную цѣну

могутъ имѣть вообще положенія наукъ нравственныхъ, и какова прочность той основы, на которой строились эти положенія. Основа эта хотя и принадлежитъ опыту, но опыту въ его непосредственномъ видѣ, опыту лишь условной и приблизительной точности, опыту глазомѣра, вѣсьма часто и въ большинствѣ случаевъ не отличающемуся отъ того, что называется вообще житейскимъ опытомъ, т. е. случайнымъ долголѣтнимъ осадкомъ пережитаго и перевидѣннаго.

Наука, построенная на такомъ опытѣ, будетъ всегда болѣе искусствомъ чѣмъ наукой, болѣе наукой приближеній, чѣмъ точныхъ истинъ, она будетъ представлять болѣе фантастическаго и капризнаго элемента, чѣмъ чистаго трудоваго и потому можетъ имѣть свои болѣе привлекательныя стороны въ сравненіи съ знаніями точными; но она не сравняется съ ними ни относительно степени довѣрія, которое можно имѣть къ ея выводамъ, ни относительно глубины и основательности разслѣдованія предметовъ. Такова точка зрѣнія, съ которой мы должны смотрѣть на нравственную литературу, которую намъ придется описывать.

Въ такомъ положеніи вещей уже значительнымъ шагомъ въ смыслѣ приближенія нравственныхъ знаній къ точному методу можетъ считаться обращеніе изслѣдованія отъ болѣе сложныхъ явленій, съ какихъ обыкновенно начинаетъ наука свои первыя наблюденія, къ болѣе простымъ. Извѣстное дѣло, что наши наблюденія начинаются вообще съ вещей самыхъ сложныхъ. Таково было и первоначальное наблюденіе нравственнаго знанія. Нравственное знаніе очень долго занималось въ самомъ началѣ изслѣдованіемъ наитруднѣйшихъ общихъ политическихъ и философскихъ юридическихъ вопросовъ. Тѣ и другіе касаются явленій самыхъ сложныхъ въ ряду нравственныхъ и наиболѣе удаленныхъ отъ явленій, наиболѣе изслѣдованныхъ и принадлежащихъ знаніямъ болѣе точнымъ.

Политическія и юридическія явленія представляютъ явленія, повидимому наименѣе связанныя съ внѣшней природой, наиболѣе особенныя на первый взглядъ и по своей сущности не подчиняющіяся опытнымъ пріемамъ изслѣдованія. Напротивъ того, явленія экономическія даже съ перваго взгляда представляются связанными прямо съ внѣшними условіями матеріяльной природы. Собственно говоря, эта связь настолько же дѣйствительна и въ политическихъ и юридическихъ явленіяхъ; но тутъ она болѣе скрыта. Разложите юридическія явленія на ихъ составные элементы и вы увидите, что этими элементами окажутся экономическія явленія, что послѣднія только и даютъ начало, поводъ и содержаніе всякому вопросу о правѣ и всякому праву, точно также какъ въ свою очередь экономическія явленія не мыслимы безъ тѣхъ матеріальныхъ

условій личной природы человѣка, которыя служатъ началомъ или субстратомъ всему экономическому, а слѣдовательно и общественному вопросу.

Поэтому, собственно говоря, болѣе сложныя явленія, какъ политическія или юридическія, могутъ найти свое надлежащее разъясненіе только въ изученіи фактовъ экономическихъ. Прежняя литература, мало освоенная съ экономическими явленіями, стремившаяся разсматривать свои явленія совершенно самостоятельно, могла разсуждать и объ юридическихъ явленіяхъ только крайне гадательно и поверхностно. Такимъ самостоятельнымъ разсужденіемъ надъ политическими и юридическими явленіями началась средневѣковая литература, такою она была и въ началѣ новой исторіи. Время процвѣтанія философскихъ юридическихъ теорій и системъ отъ Гроціуса и до Руссо было временемъ надеждъ на разъясненіе нравственнаго вопроса помимо его изслѣдованія въ его матеріальныхъ подробностяхъ. Паденіе этой философско юридической литературы, сосредоточеніе позднѣйшей литературы на экономическихъ явленіяхъ было уже весьма чувствительнымъ шагомъ впередъ, въ смыслѣ разъясненій не однихъ экономическихъ явленій, взятыхъ независимо отъ другихъ, но и въ смыслѣ уясненія болѣе сложныхъ явленій, изъ нихъ слагающихся: оно было приближеніемъ къ точному методу, выходомъ на тотъ путь, которымъ должно было разъясниться все, на что не могли дать отвѣта ни политическая, ни юридическая литература прежняго времени, желавшая держаться самостоятельно.

Экономическая литература должна была подготовить новую почву для анализа нравственныхъ явленій, а самый этотъ анализъ сдѣлать болѣе глубокимъ и точнымъ. Въ этомъ смыслѣ, обращаясь отъ болѣе сложныхъ къ болѣе простымъ фактамъ, нравственная наука дѣлала тоже, что дѣлала физіологія, обращаясь къ химіи и физикѣ за объясненіемъ своихъ процессовъ.

Періодъ политической литературы, къ изложенію котораго мы теперь приступимъ, былъ періодомъ такого изученія экономическихъ фактовъ по преимуществу. Онъ можетъ быть, поэтому, настолько же справедливо названъ экономическимъ, насколько ему предшествующій можетъ быть названъ философскимъ, юридическимъ или умозрительнымъ.

Но одно обращеніе къ экономическимъ даннымъ не можетъ дать всего, если самое это изслѣдованіе происходитъ только въ общихъ чертахъ, не доходитъ до послѣдней степени точности. Изслѣдованіе экономическихъ фактовъ важно въ смыслѣ точности для нравственнаго знанія потому, что факты эти составляютъ самые простые и неразложи-

мые изъ нравственныхъ фактовъ, т. е. такіе, разлагая которые далѣе мы получимъ уже не нравственные факты болѣе, по крайней мѣрѣ въ общественномъ смыслѣ, а факты чисто физическіе. Разлагая юридическое явленіе собственности, мы придемъ къ фактамъ экономическимъ; разлагая послѣдніе, мы уже придемъ къ фактамъ физіологическимъ или физическимъ.

Факты экономическіе суть такимъ образомъ самые простые въ ряду нравственныхъ фактовъ; они суть такіе, далѣе которыхъ собственно не простирается общественный анализъ, но однимъ обращеніемъ къ нимъ еще не заканчивается дѣло этого анализа и еще остается вопросъ о томъ способѣ, какимъ изучаются эти экономическіе факты, есть ли это изученіе въ строгомъ смыслѣ точное, или только поверхностное и приблизительное. Литература того періода, въ которомъ мы будемъ ее разсматривать, ограничивалась только общимъ изученіемъ этихъ фактовъ; она была легка для чтенія и уразумѣнія, не вдавалась въ послѣднія подробности предмета, вслѣдствіе этого она могла быть модной, даже салонной литературой и имѣть много почитателей и учениковъ. Истины, ею проповѣдуемыя, прививались очень быстро, не заключая въ себѣ ничего труднаго для усвоенія. Ея аргументація и терминологія не выходили изъ общепринятыхъ понятій, словъ и выраженій. Она быстро создавала себѣ учениковъ и подражателей; и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе грѣшила сама относительно точности. Экономическая литература имѣла поэтому блестящій успѣхъ и огромное вліяніе на общество, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока могла вращаться въ кругу общихъ соображеній. Но слабыя ея стороны въ научномъ отношеніи дали себя почувствовать во второй половинѣ текущаго столѣтія. Къ тому же времени выразились попытки выйти изъ общаго поверхностнаго способа изслѣдованія и придти къ болѣе точному.

Съ тѣхъ поръ общія мѣста перестали казаться удовлетворяющими, а болѣе строгія изслѣдованія не могли по своей спеціальности пользоваться популярностью прежнихъ болѣе общихъ трудовъ, и потому не могли развиваться съ прежней быстротой и даже придать литературѣ новаго, вполнѣ установившагося, болѣе строго научнаго оттѣнка. Мы до сихъ поръ имѣемъ только отдѣльныя пробы или попытки строго научнаго экономическаго изслѣдованія, но не имѣемъ цѣльнаго и установившагося въ этомъ смыслѣ направленія.

Если что особенно способствовало успѣху, который имѣла экономическая литература въ обществѣ, то это конечно то, что она не была только экономической литературой въ тѣсномъ смыслѣ, а была точно также, какъ и предшествующая ей юридическая литература, въ тоже

время политико-философской; она вращалась въ послѣднемъ счетѣ около тѣхъ же общихъ и конечныхъ политико-философскихъ вопросовъ, какъ и предъидущія теоріи, и только искала рѣшенія этихъ вопросовъ въ экономическихъ основаніяхъ, въ экономическомъ содержаніи.

Этимъ обусловливался конечно ея успѣхъ и популярность, но этимъ объяснялась и та масса скороспѣлыхъ политиковъ, какую она создавала.

Двѣ школы раздѣляли между собой эту литературу: школа экономистовъ и школа соціалистовъ. Самое различіе этихъ школъ настолько же заключается въ экономическихъ разнорѣчіяхъ, насколько въ различіи политическихъ взглядовъ, и даже трудно рѣшить въ частномъ случаѣ, какое изъ двухъ разнорѣчій вызываетъ другое. Школы эти кромѣ того имѣютъ своихъ спеціальныхъ политиковъ и обѣ играютъ свою роль въ практической жизни, оспариваютъ между собой право на управленіе общественными отношеніями. Борьба эта однако кончается ни въ пользу тѣхъ, ни въ пользу другихъ. Обѣ считаютъ своимъ союзникомъ Смита и обѣ въ сущности дѣйствительно вращаются около вопроса, поставленнаго Смитомъ о выгодѣ или невыгодѣ для общества индустріальнаго развитія, начатаго новой исторіей въ Европѣ. Намъ предстоитъ изложить теперь оба эти направленія въ ихъ писателяхъ и затѣмъ труды писателей болѣе поздняго времени, стремившихся стать независимо отъ обѣихъ школъ, одинаково критически относящихся къ обѣимъ.

Наша цѣль при этомъ будетъ попрежнему болѣе теоретическая, чѣмъ повѣствовательная и анекдотическая: мы мало будемъ останавливаться на историческихъ подробностяхъ и болѣе на сущности ученій и вопросовъ. Сообразно такой цѣли мы могли бы расположить самое изложеніе не по отдѣльнымъ направленіямъ и писателямъ, а по отдѣльнымъ вопросамъ и излагать по каждому вопросу сущность мнѣній, выраженныхъ писателями отдѣльныхъ направленій; такой порядокъ отчасти уже былъ примѣненъ къ изложенію исторіи политической литературы въ трудѣ Роберта Моля. На небольшомъ пространствѣ времени, котораго должно коснуться наше изложеніе, въ предѣлахъ почти только съ небольшимъ полустолѣтія, этотъ порядокъ не представилъ бы даже существенныхъ затрудненій. Но такой способъ изложенія во всякомъ случаѣ долженъ бы былъ ослабить цѣльность представленія, которое могло бы составиться у читателя на счетъ отдѣльныхъ направленій и писателей. Поэтому мы предпочли держаться способа изложенія смѣшаннаго, т. е. разсматривать послѣдовательно отдѣльныя направленія, но внутри этихъ направленій, или несложныхъ группъ, разсматривать не отдѣльныхъ писателей, а раздѣлить изложеніе по вопросамъ и излагать тѣ мнѣнія, которыя даны были по отдѣльнымъ главнымъ вопросамъ писателями даннаго направленія.

Это заставляетъ насъ установить теперь же и тѣ главные вопросы, своеобразнымъ рѣшеніемъ которыхъ опредѣлялись сущность и характеръ отдѣльныхъ направленій.

Еслибы экономическое направленіе литературы, о которомъ должна идти рѣчь, было только въ тѣсномъ смыслѣ экономическое, то по всей вѣроятности оно началось бы съ того изслѣдованія подробностей экономическаго процесса, къ которому пришло, какъ увидимъ впослѣдствіи. Но экономическая литература удержала въ ряду своихъ главнѣйшихъ задачъ все тѣ же общіе политическіе и конечные вопросы, которые занимали прежнихъ юристовъ-философовъ, она поставила во главѣ своихъ ученій вопросъ общественнаго благополучія въ самомъ общемъ и обширномъ смыслѣ, и потому ея отдѣльныя направленія должны были не столько выработаться сами собою, сколько опредѣлиться заранѣе характерами политическихъ стремленій, которымъ руководилось при этомъ экономическое изслѣдованіе. Начиная прямо съ самыхъ сложныхъ и конечныхъ вопросовъ, экономическая литература должна была почти апріористически принять въ основаніе отдѣльныхъ направленій то или другое рѣшеніе и въ этомъ смыслѣ ставить и разработывать самыя экономическія положенія.

Если это съ одной стороны вноситъ въ самое научное направленіе, долженствующее быть по преимуществу опытнымъ, чуждый ему элементъ предрѣшеній, ослабляетъ точность самаго изслѣдованія и прочность самыхъ направленій, то съ другой стороны это настолько же упрощаетъ характеристику самыхъ направленій, придаетъ имъ философскую цѣльность, опредѣленность и законченность и облегчаетъ ихъ оцѣнку.

Вопросъ общественнаго благополучія, который стремилась рѣшить съ своей точки зрѣнія экономическая литература, разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ, которыми характеризуется вполнѣ различіе ея отдѣльныхъ направленій: вопросъ о соотвѣтствіи потребностей и средствъ удовлетворенія, — вопросъ о производствѣ, — о распредѣленіи и—объ отношеніи правительства или власти къ тому и другому. Этими четырьмя вопросами исчерпывается въ сущности все различіе въ характерѣ экономическихъ школъ, и вся задача, рѣшеніе которой принимало на себя экономическое направленіе политической литературы XIX в., все значеніе этой литературы какъ литературы политико-философской. Въ этихъ-то четырехъ отношеніяхъ мы и будемъ разсматривать отдѣльныя направленія этой литературы.

ГЛАВА II.

Экономисты.—Вопросъ о соотвѣтствіи между потребностями и средствами удовлетворенія, какъ онъ поставленъ экономистами.—Мальтусъ.

Вопросъ объ идеальномъ политическомъ порядкѣ, разрѣшавшійся старыми теоріями договора, остался точно также и главнымъ вопросомъ экономической школы. У послѣднихъ представителей старыхъ теорій въ концѣ XVIII в. онъ былъ подвергнутъ большимъ сомнѣніямъ и почти рѣшенъ отрицательно съ точки зрѣнія историческихъ фактовъ. Экономисты, сосредоточиваясь на этомъ вопросѣ, думали дать на него болѣе обстоятельный отвѣтъ съ точки зрѣнія иныхъ фактовъ, — экономическихъ. Они прежде всего перевели его на свой языкъ и съ ихъ точки зрѣнія вопросъ этотъ былъ вопросомъ о всеобщемъ матеріальномъ довольствѣ, вопросомъ о соотвѣтствіи средствъ съ потребностями. Мы слимо ли такое соотвѣтствіе относительно человѣческаго быта, согласно ли оно съ естественно-историческими законами или противорѣчитъ природѣ вещей, вотъ прежде всего что нужно разслѣдовать. Нужно узнать, какъ рѣшила этотъ вопросъ за человѣка, и раньше его, природа. Если она рѣшила его отрицательно и противъ человѣка, то этимъ самымъ устраняется и весь главный вопросъ, неусыпно тревожившій политическихъ философовъ, объ идеальномъ политическомъ счастіи человѣка, и приходится или признать естественнымъ постоянное стѣсненіе однихъ на счетъ другихъ, или допустить возможность благополучія только при неподвижности населенія. Если природа не рѣшала этого вопроса заранѣе противъ человѣка и если средства могутъ быть поддерживаемы въ уровень съ потребностями, то открывается цѣлая пропасть изслѣдованію способовъ къ поддержанію средствъ въ уровень съ потребностями, поднимается трудная задача для практическаго рѣшенія, но угнетеніе и обреченіе одной доли человѣчества на жертву другой не возводится въ неминуемый законъ. Такова общая постановка, данная вопросу экономистами.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта постановка болѣе чѣмъ всякая другая приближалась къ истинной и что вопросъ въ этой формѣ ставился глубже и обстоятельнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Какимъ путемъ измѣрить однако искомое отношеніе, гдѣ найти спо-

собъ отвѣтить на предложенный вопросъ? Нужно прямо сказать, что такого способа наука не имѣла въ рукахъ. Мальтусъ повторилъ въ началѣ настоящаго столѣтія слѣдующій способъ. Если принять за единицу потребности отдѣльнаго человѣка, то закономъ возрастанія потребностей будетъ законъ возрастанія населенія, а сравнивъ это возрастаніе съ обыкновеннымъ возрастаніемъ средствъ, можно судить о томъ, въ какой степени оба возрастанія соотвѣтствуютъ другъ другу.

Но въ этомъ видѣ отвѣтъ на вопросъ терялъ уже характеръ научнаго рѣшенія и вообще такого рѣшенія, которое могло бы соотвѣтствовать важности самаго вопроса по достаточности тѣхъ основаній, изъ которыхъ оно было бы выведено. Мѣра или законъ возрастанія населенія опредѣлялись Мальтусомъ примѣрно, соотвѣтственно примѣрнымъ фактамъ, которые колебались въ дѣйствительности въ крайне широкихъ предѣлахъ; законъ возрастанія средствъ также.

Мальтусъ бралъ только, какъ мы увидимъ сейчасъ, самыя выгодныя условія и не получая при этомъ все-таки соотвѣтствія, выводилъ рѣшеніе невыгодное для общества. Но вѣренъ или не вѣренъ былъ выводъ, во всякомъ случаѣ основанія, на которыхъ онъ строился, не выдерживали вполнѣ научнаго значенія и рѣшеніе его было такимъ же примѣрно-историческимъ, какими могли быть и рѣшенія прежнихъ философовъ и рѣшенія нравственныхъ изслѣдователей, вообще основанныя на самостоятельныхъ средствахъ наукъ нравственныхъ. Точный отвѣтъ на вопросъ Мальтуса могло дать только естествознаніе, потому что всѣ данныя для рѣшенія вопроса входятъ въ его область и не принадлежатъ къ нравственнымъ даннымъ; но и оно не могло его дать, потому что не владѣло данными, которыя отъ него требовались. Вопросъ, поставленный экономическимъ направленіемъ во главѣ всѣхъ вопросовъ, долженъ былъ остаться поэтому неразрѣшеннымъ, въ тылу науки; но длинные споры, которые онъ возбуждалъ, любопытны какъ свидѣтельство о способѣ доказательствъ, употреблявшихся нравственными писателями для своихъ положеній, какъ мѣра той точности, которою нравственные писатели должны были довольствоваться вообще въ своихъ рѣшеніяхъ.

Какъ быстро увеличивается населеніе и какъ быстро увеличиваются средства существованія? Вотъ два вопроса, которые прежде всего взялась измѣрить и опредѣлить экономическая наука въ лицѣ Мальтуса. Посмотримъ же ближе, какъ она взялась за дѣло такого измѣренія.

По исчисленію математика Эйлера, пишетъ Мальтусъ, если принять отношеніе числа умирающихъ къ числу родившихся равнымъ отношенію 1 къ 3, то населеніе должно удвоиваться каждыя 12 лѣтъ. По дру-

гимъ свѣдѣніямъ оказывается, что населеніе Сѣверной Америки возрастало въ теченіе полутора вѣка удвоиваясь въ каждыя 25 лѣтъ. Между тѣмъ въ тоже время въ нѣкоторыхъ городахъ число смертныхъ случаевъ превышало число рожденій, такъ что возрастаніе населенія остальной страны должно было еще покрывать подобную убыль и слѣдовательно возрастать собственно еще быстрѣе. Къ этому нужно прибавить, что занятіе такого населенія состояло въ расчисткѣ дѣвственной почвы и потому не могло быть особенно благопріятно здоровью. Это занятіе было связано часто съ смертельными столкновеніями поселенцевъ съ туземцами, что также должно было увеличивать процентъ смертности.

Одно, чѣмъ пользовалось при этомъ населеніе, это совершеннымъ достаткомъ въ средствахъ пропитанія. Поэтому, думаетъ Мальтусъ, что если принять удваиваніе населенія въ каждыя 25 лѣтъ естественно за мѣру размноженія народонаселенія при неограниченности средствъ пропитанія, то такая мѣра будетъ во всякомъ случаѣ еще ниже дѣйствительности. Населеніе должно возрастать поэтому въ геометрической прогрессіи.

Съ другой стороны средства пропитанія не могутъ возрастать съ той же быстротой. Если допустить, что черезъ улучшеніе администраціи и всевозможныя поощренія земледѣлію можно удвоить средства пропитанія Англіи въ теченіе 25 лѣтъ, то и это уже будетъ едвали вѣроятно; но еще менѣе вѣроятно, чтобы эти уже удвоенныя средства могли такимъ же образомъ удвоиться еще разъ въ теченіе вторыхъ 25 лѣтъ. Поэтому, если допустить даже, что средства эти будутъ возрастать такимъ образомъ, что черезъ каждыя 25 лѣтъ къ существующимъ будетъ присоединяться сумма дохода равная тому, которымъ пользуется Англія въ настоящее время, то доходъ будетъ возрастать только въ ариѳметической прогрессіи.

Итакъ населеніе будетъ возрастать какъ числа:

1 . 2 . 4 . 8 . 16 . 32 . 64 . 128 . 256

а средства—1 . 2 . 3 . 4 . 5 . 6 . 7 . 8 . 9.

По истеченіи двухъ столѣтій средства пропитанія будутъ относиться къ населенію какъ 9 къ 256; по истеченіи трехъ—какъ 4,096 къ 13 и т. д.

Поэтому дѣйствительное населеніе будетъ постоянно низводиться къ тому предѣлу, который для него опредѣляется уровнемъ пищи. Средства къ этому могутъ быть двоякаго рода: или нравственныя или физическія.

Первыя всѣ исчерпываются словомъ воздержаніе отъ половаго влеченія, вторыя болѣе разнообразны; но всѣ болѣе или менѣе насиль-

ственны и всѣ прямо или косвенно имѣютъ въ виду или убить развитіе половаго инстинкта или убить его послѣдствія. Понятно, что дѣйствіе послѣднихъ должно быть обратно пропорціонально дѣйствію первыхъ, т. е. чѣмъ болѣе общество воздерживается, тѣмъ менѣе оно должно терпѣть отъ голода и его послѣдствій.

Понятно, что изъ всѣхъ средствъ нравственное воздержаніе составляетъ такое, на которое менѣе всего можно разсчитывать, особенно въ первобытное время и въ первобытномъ обществѣ, и потому физическія средства играютъ значительно преобладающую, если не исключительную роль въ вопросѣ народонаселенія.

Мальтусъ разсматриваетъ затѣмъ причины, удерживающія развитіе населенія въ различныхъ человѣческихъ обществахъ отъ самыхъ дикихъ до самыхъ цивилизованныхъ, и находитъ, что эти средства почти вездѣ одинаковы.

Всего грубѣе и непосредственнѣе эти средства прилагаются въ дикомъ быту. Чѣмъ ограниченнѣе число людей, которому можетъ доставить пропитаніе одинъ и тотъ же участокъ земли, тѣмъ ранѣе населеніе его должно переступить за предѣлы, обусловливаемые для него количествомъ плода. Источники средствъ пропитанія въ дикомъ быту столь скудны и столь случайны; количество пищи, представляемое единицей поземельнаго пространства, здѣсь столь ограниченно, что недостатокъ наступаетъ очень рано. Путешественники описали бытъ дикарей Океаніи и Америки. По ихъ словамъ, тѣ изъ дикарей, которые живутъ по берегамъ озеръ и рѣкъ и по морскимъ берегамъ, питаются рыбою, которую приноситъ имъ морской приливъ или которую они успѣютъ задержать при помощи самыхъ несовершенныхъ средствъ. Но рыба представляетъ еще роскошную пищу, которая становится невозможной съ каждой бурей, тѣмъ болѣе, что при этомъ дикари не имѣютъ никакого понятія о запасахъ. За недостаткомъ рыбы они питаются червями и кореньями, какіе попадутся. Тѣ изъ нихъ, которые углубляются внутрь материковъ, ловятъ мелкихъ четвероногихъ, ползаютъ по деревьямъ — охота не совсѣмъ легкая и вѣрная. А потому можно вообще понять, что такое населеніе, живущее изо дня въ день, должно чаще и прежде всякаго другаго ощущать недостатокъ въ пищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывать на себѣ всѣ послѣдствія такого недостатка. Взаимные набѣги, людоѣдство, моръ отъ голода и болѣзней, угнетеніе женщинъ суть поэтому нормальныя и неизбѣжныя принадлежности такого быта, повторяющіяся съ поражающимъ однообразіемъ у всѣхъ дикарей.

Средства быта кочеваго—другія.

Количество людей, которыхъ можетъ содержать стадо, гораздо значи-

тельнѣе того, какое можетъ содержать охота или рыбная ловля; тѣмъ не менѣе и это количество также не безгранично. Стадо для своего пропитанія требуетъ извѣстнаго пространства земель и притомъ довольно значительнаго.

Кочевой бытъ столь же мало имѣетъ понятія о законѣ, какъ и дикій. Онъ не знаетъ запасовъ фуража на зиму, во первыхъ потому, что одинъ набѣгъ, одна битва, одно столкновеніе можетъ уничтожить весь запасъ, собранный съ луговъ на зиму, и во вторыхъ потому, что такіе запасы затрудняютъ передвиженіе, составляющее главную силу населенія.

Вслѣдствіе этого такое племя запасаетъ обыкновенно только незначительное количество фуража, необходимаго для пропитанія въ крайности самой незначительной части стада, а для прокормленія главной части стада лѣтомъ подвигается обыкновенно къ сѣверу, а зимой спускается къ югу. Несмотря на то, при такихъ кочевьяхъ за зиму погибаетъ часто до $^1/_3$ стада и нужды не терпятъ развѣ самые богатые; болѣе же бѣдная часть населенія питается падалью и терпитъ всѣ послѣдствія отъ такой пищи.

Тѣмъ не менѣе нужда здѣсь наступаетъ не столь рано; она не вынуждаетъ того угнетенія женщинъ и убійства дѣтей; добываніе пищи не связано съ тою тяжелою работою и потому женщина здѣсь вообще лучше поставлена, чѣмъ въ дикомъ быту, и потому при условіяхъ кочеваго быта успѣваютъ развиться болѣе человѣческіе нравы.

Значительная часть населенія все-таки должна терпѣть частую нужду, а остальная настолько лишь можетъ быть избавлена отъ нея, насколько она можетъ быть сильнѣе. Сила эта въ тоже время недостаточна какъ личная сила; она только тогда серьезна, когда опирается на извѣстное число подвластныхъ лицъ. Нужда бѣдныхъ заставляетъ послѣднихъ продавать въ той или другой формѣ за кусокъ хлѣба свои услуги болѣе достаточнымъ, и такимъ образомъ устанавливается начало зависимости, которая переходитъ въ рабство. Послѣ этого уже болѣе богатые имѣютъ прямую выгоду поощрять развитіе населенія или увеличенія числа своихъ подданныхъ до крайняго предѣла.

Этого требуетъ прямой интересъ защиты собственности и охраненіе положенія богатыхъ; а для того, чтобы содержать наибольшее число подвластныхъ при ограниченности средствъ пропитанія, нужно само собою ограничивать средства ихъ существованія.

Итакъ, думаетъ Мальтусъ, распложеніе недостаточныхъ классовъ должно было поддерживаться систематически богатыми не ради пріобрѣтенія новыхъ богатствъ, а даже ради сохраненія только того, что было уже пріобрѣтено.

Бытъ земледѣльческій представляетъ еще болѣе обезпеченія, чѣмъ бытъ кочевой; но уже переходъ отъ кочеваго быта къ земледѣльческому возможенъ не иначе какъ при организованной до извѣстной степени защитѣ собственности.

Подъ управленіемъ турокъ, въ тоже время слабомъ и деспотическомъ, земледѣльцы нерѣдко оставляютъ пашни и переходятъ къ кочевому состоянію, замѣчаетъ Мальтусъ, и во всякомъ случаѣ бытъ земледѣльческій не представляетъ все-таки обезпеченія пропорціональнаго развитію населенія. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ быту средства удержанія населенія въ должныхъ границахъ могутъ развиваться болѣе человѣческія.

Примѣромъ этому долженъ служить обычай, существовавшій между древними германцами, указываемый Макіавелли въ его флорентинской исторіи. Между германцами, населявшими полосу Европы между Рейномъ и Дунаемъ, чрезмѣрное увеличеніе населенія предупреждалось математически. Когда населеніе достигало крайнихъ предѣловъ, тогда выбиралась по жребію $^1/_3$ населенія во всѣхъ классахъ отъ самыхъ богатыхъ до самыхъ бѣдныхъ съ тѣмъ, чтобы оставить родныя поля и идти искать средства существованія силою оружія на сторонѣ. Этимъ долженъ объясняться неизсякаемый источникъ дружинъ, которыя высылала въ свое время Германія и которыя пріобрѣли историческую извѣстность. Зато внутри германскаго быта не встрѣчалось уже тѣхъ варварскихъ обычаевъ, какіе попадались сплошь и рядомъ въ другихъ мѣстахъ. Положеніе женщины не было столь угнетенное, браки не разсматривались какъ зло; внутри семей царствовало цѣломудріе, а не распущенность.

Какъ бы то ни было, но и земледѣльческія средства нигдѣ не представлялись безграничными. Правда, свидѣтельства о цѣломудріи и строгости и чистотѣ семейныхъ нравовъ нерѣдки въ исторіи земледѣльческихъ обществъ, и это указываетъ на такой просторъ, который открывала земледѣльческая система пропитанія развитію своего населенія на болѣе или менѣе продолжительное время. Но въ исторіи тѣхъ же обществъ столь же нерѣдки послѣдующія жалобы на густоту населенія и столь же нерѣдки свидѣтельства о позднѣйшемъ извращеніи нравовъ въ томъ направленіи, которое совершенно согласно съ предупрежденіемъ дальнѣйшаго расположенія.

Сюда относится та распущенность и развратъ и тѣ противоестественные пороки въ родѣ мужеложства, которые развивались въ позднѣйшія времена существованія земледѣльческихъ государствъ Греціи и Римской имперіи и для объясненія которыхъ было бы достаточно одного чрезмѣрнаго развитія населенія помимо всѣхъ другихъ; ибо и распу-

щенность нравовъ и противоестественный исходъ животной страсти долженъ вліять останавливающимъ образомъ на развитіе населенія.

Къ числу насильственныхъ средствъ, сокращающихъ населеніе, относятся, прежде всего, война и голодъ, или вообще увеличенная смертность. То и другое прямо дѣйствуетъ на населеніе, увеличивая число смертныхъ случаевъ. То и другое неразрывно дѣйствуетъ въ первобытныхъ обществахъ. Нужно думать, что почти постоянный голодъ долженъ вызывать и объяснять постоянныя войны между племенами и вслѣдствіе этого тотъ излишекъ населенія, который не успѣетъ погибнуть отъ голода, погибаетъ отъ войны.

Тяжелый физическій трудъ и жестокія испытанія дѣйствуютъ предупредительно на самую плодовитость. Можно сказать, что уже одинъ тяжелый трудъ самъ по себѣ уменьшаетъ половыя влеченія въ мужчинѣ. Но тяжелый трудъ, которому подвергается женщина, побои и грубое обращеніе, которыя она терпитъ, дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи еще рѣшительнѣе и прямо уменьшаютъ ея плодовитость; уменьшается число донашиваемыхъ дѣтей и выздоравливающихъ матерей.

Такъ что то тяжелое положеніе, въ которомъ находится женщина у всѣхъ дикихъ народовъ, помимо всякихъ другихъ причинъ къ ея участію, могло бы быть объяснено однимъ интересомъ умѣрять ея плодовитость, какую имѣетъ каждое дикое общество. Къ этимъ средствамъ присоединяются наконецъ прямое дѣтоубійство, разрѣшаемое нравами многихъ первобытныхъ народовъ; кастрація мужчинъ и женщинъ. Всѣ эти разнообразныя жестокости первобытнаго быта, слѣды котораго сохраняются иногда до самыхъ позднихъ историческихъ временъ въ жизни народовъ, берутъ свое начало у одного общаго источника; онѣ вытекаютъ изъ вопроса пищи, который природа предоставляла рѣшать случаю.

Сюда же слѣдуетъ отнести, по мнѣнію Мальтуса, происхожденіе и такихъ обычаевъ, какъ — уваженіе къ безбрачію и жестокость противъ дѣвушекъ, торопившихся стать матерями.

Въ суммѣ, два рода средствъ должны удерживать населеніе въ должныхъ границахъ: средства, предупреждающія нарожденіе излишка, и средства, уничтожающія народившійся излишекъ,—уменьшенное нарожденіе дѣтей или усиленная смертность, воздержаніе или нищета и болѣзни.

Средства существованія служатъ безапелляціонной мѣрой населенію, которое можетъ существовать въ странѣ, и такъ какъ эти средства могутъ возрастать только въ ариѳметической прогрессіи, то населеніе не можетъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ той же прогрессіи. А такъ какъ съ другой стороны люди склонны плодиться быстрѣе, то быстрота приплода будетъ понижаться до уровня средствъ или черезъ уменьшеніе

числа браковъ или черезъ увеличеніе смертности. Въ странѣ, гдѣ не замѣтно расширенія средствъ, гдѣ нѣтъ избытка свободныхъ земель, населеніе должно оставаться неподвижнымъ, и если здѣсь будутъ возрастать браки, то или они должны приносить меньше дѣтей или должна неизбѣжно повыситься смертность.

Мальтусъ разсматриваетъ данныя плодовитости отдѣльныхъ государствъ древнихъ и новыхъ, и вездѣ видитъ подтвержденіе своего закона. Въ странахъ, гдѣ не замѣчается особеннаго развитія богатствъ и слѣдовательно развитія населенія, въ случаѣ незначительной смертности, нужно предположить незначительное число браковъ и слѣдовательно преобладающее дѣйствіе воздержанія. Примѣромъ такихъ странъ, гдѣ экономическое положеніе не представляетъ особенно благопріятныхъ ресурсовъ для развитія населенія, могутъ служить Норвегія и Швеція.

Въ первой изъ нихъ считается одинъ смертный случай на 48 чел., во второй по Варгентину одинъ смертный случай на 35.75 чел., разница въ смертности значительная, а потому такой же разницы слѣдуетъ ожидать и въ числѣ браковъ.

Дѣйствительно, пишетъ Мальтусъ, въ Норвегіи приходится 1 бракъ на 180 чел., а въ Швеціи на 112 чел. Такая разница въ числѣ браковъ объясняется отчасти тѣми формальными стѣсненіями, которыя существовали въ Норвегіи и Даніи. Тутъ каждый сынъ фермера или работника обязанъ былъ военной службой и могъ жениться не иначе какъ съ разрѣшенія военныхъ властей. Впослѣдствіи это стѣсненіе было однако отмѣнено; но кромѣ него Мальтусъ указываетъ на другое условіе, которое должно предупреждать здѣсь частые браки. Отсутствіе большихъ городовъ, индустріальнаго развитія, не допускаетъ никакихъ разсчетовъ на перемѣну мѣста жительства и избраніе новыхъ занятій. Каждый по неволѣ остается въ томъ селѣ, гдѣ онъ началъ свое существованіе. Фермеры содержатъ извѣстное число женатыхъ работниковъ, которыхъ они надѣляютъ землей и особымъ хозяйствомъ, но число этихъ работниковъ всегда ограниченно, остальные работники обоего пола живутъ въ качествѣ слугъ фермера холостыми въ ожиданіи своей очереди поступить на положеніе работниковъ, надѣленныхъ землей. Въ Швеціи независимо отъ присутствія большихъ городовъ правительство поощряло разными мѣрами образованіе новыхъ хозяйствъ. Между тѣмъ, страна эта не производитъ все-таки достаточно хлѣба для своего собственнаго содержанія; по разсчетамъ, относящимся къ 1768—1772 годамъ, она должна ввозить ежегодно 440,000 тоннъ хлѣба при населеніи въ 2,500,000 душъ, требующемъ по 4 тонны на душу, или всего 10,000,000 тоннъ.

Это ставитъ ее въ крайнюю зависимость отъ голодныхъ годовъ. Мальтусъ заимствуетъ у Варгентина любопытныя данныя относительно вліянія этихъ годовъ на число браковъ, смертности и рожденій.

		БРАКИ	РОЖДЕНІЯ	УМЕРШІЕ
Голодные годы	1757	18,799	81,878	68,054
	1758	19,584	83,299	74,370
Урожайные годы	1759	23,210	85,579	62,662
	1760	23,383	90,635	60,083

Въ Россіи на основаніи записки, представленной Германомъ академіи наукъ въ 1768 г., приходился одинъ бракъ въ городахъ на 100 чел., въ селахъ на 70 или 80 чел., одинъ умершій на 60 чел. На каждый бракъ отъ 3 до 5 дѣтей.

Такія благопріятныя данныя по Мальтусу могутъ быть объясняемы богатствомъ производительныхъ средствъ, которыми обладаетъ страна, и избыткомъ производимаго страною хлѣба надъ потребностями. Въ Голландіи, по Зюсмильху, приходится одинъ бракъ на 107 и 113 чел., а въ деревняхъ на 64 чел. Такъ какъ страна эта не представляетъ особыхъ непочатыхъ ресурсовъ пропитанію, то такая пропорція могла бы показаться слишкомъ высокой, но въ то же время въ деревняхъ Голландіи приходится 1 смертный случай на 22 и 23 чел., такъ что значительное число браковъ идетъ параллельно съ значительной смертностью и какъ нельзя лучше подтверждаетъ, по мнѣнію Мальтуса, его мысль о зависимости между браками и смертностью при постоянныхъ ресурсахъ.

Многіе — пишетъ Мальтусъ — старались установить общій процентъ смертности. Но при томъ значительномъ колебаніи, которое здѣсь замѣчается, колебаніи, которое должно находиться, какъ все показываетъ, въ зависимости отъ числа браковъ и плодовитости, это едвали возможно. Все, что можно еще сказать на этотъ счетъ, это то, что при постоянныхъ другихъ условіяхъ должно существовать извѣстное постоянное отношеніе между смертностью въ городахъ и въ селахъ, такъ что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ смертность въ городахъ должна быть выше смертности въ селахъ, и слѣдовательно средняя смертность страны тѣмъ выше, чѣмъ значительнѣе ея городское населеніе въ сравненіи съ сельскимъ. На этомъ основаніи нѣкоторые статистики полагали возможнымъ принять слѣдующія отношенія.

При отношеніи городскаго населенія къ сельскому.	Число умирающихъ къ населенію.
какъ 1 къ 4	менѣе чѣмъ 1 къ 36
» 1 » 3	» 1 » 36
» 1 » 2.5	» 1 » 35 или 33

Зюсмильхъ («Göttliche Ordnung») считалъ общимъ среднимъ процентомъ смертности 1 на 36. Другіе считали это отношеніе слишкомъ низкимъ.

Кромъ («Ueber die Grösse und Bevölk. der Europ. Staaten») принималъ для сильно населенныхъ странъ, при отношеніи городскаго населенія къ сельскому какъ 1 : 3, смертность 1 на 30; въ странахъ менѣе населенныхъ 1 на 32, и въ слабо населенныхъ 1 на 36.

Во Франціи, по Неккеру, до революціи смертность была 1 на 30 или $30^1/_8$, а отношеніе городскаго населенія къ сельскому 3.5 къ 1. Такая смертность очевидно слишкомъ высока и указываетъ на переполненіе населенія. Вотъ почему, по Мальтусу, тѣ значительныя потери въ людяхъ, которыя понесла Франція въ революцію и слѣдовавшія за нею войны, должны были способствовать къ пониженію смертности, и не могли имѣть такого разрушительнаго вліянія, какое имѣли бы въ томъ случаѣ, еслибы населеніе страны не превышало ея средствъ.

Въ Англіи число браковъ очень ограниченно—1 бракъ на 123.20 населенія, т. е. менѣе чѣмъ въ Норвегіи. Въ серединѣ XVIII в. Шортъ полагалъ 1 бракъ на 115; слѣдовательно оно должно было уменьшиться съ тѣхъ поръ, если только данныя Шорта были справедливы. Что касается смертности, то она по правилу Зюсмильха должна быть 1 : 33 и по правилу Крома 1 : 30, такъ какъ отношеніе городскаго населенія къ сельскому должно превосходить 1 : 3 и даже 1 : 2.

Въ Лондонѣ смертность по Прису, на основаніи 10 лѣтъ 1759 — 1768 г., въ его время должна была быть 1 на 20.78, въ Манчестерѣ 1 на 28 и Ливерпулѣ 1 на 27.5. Онъ вообще полагалъ, что можно принять за общую норму для большихъ городовъ 1 къ 19—22 или 23, для среднихъ 1 къ 24—28 и для деревень 1 къ 40—50. Между тѣмъ по отчетамъ здѣсь смертность выходитъ еще ниже за пять лѣтъ предшествовавшихъ, въ 1800 г. она выходитъ 1 : 49. Такъ какъ населеніе возрастало, то нужно предположить, что она дѣйствительно ниже той, которая выходитъ по правилу Крома, т. е. ниже 1 : 30, ибо въ тоже время число рожденій по всѣмъ даннымъ было 1 : 30. Для соглашенія этой пропорціи рожденій съ тѣмъ возрастаніемъ населенія, которое замѣчалось въ тоже время, нужно положить при пропорціи рожденія 1 : 30 пропорцію смертности 1 : 40, или отношеніе рождающихся къ умирающимъ какъ 4 : 3. Но и это отношеніе слишкомъ высоко какъ среднее для цѣлаго предшествовавшаго вѣка. Принятое за постоянное, оно дало бы невозможное возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи. Между тѣмъ какъ населеніе вообще не можетъ возрастать такъ быстро, а для этого отношеніе между рожденіями и смертностью

населенія должно быть постоянно измѣняющееся и разное для каждаго времени. Выгодность приведенныхъ цифръ для Англіи доказываетъ только, что коммерческое развитіе ея значительно расширило ея рессурсы и открыло возможность приросту населенія, разсчитывать на неизмѣнность котораго мы однако не имѣемъ никакого права.

Словомъ, вездѣ, гдѣ есть выгодныя матеріальныя условія, мы встрѣчаемъ и большій коэффиціентъ приращенія населенія; съ измѣненіемъ этихъ условій измѣняется и этотъ коэффиціентъ. Онъ вполнѣ зависитъ отъ этихъ условій, которыя собственно назначаютъ его величину для даннаго времени и мѣстности. Для того, чтобы эта величина выдержалась, нужно, чтобы смертность и число рожденій, которыми она не опредѣляется и только измѣняется, находились въ извѣстномъ отношеніи между собой, опредѣляемомъ размѣромъ средствъ. Взявъ число рожденій, вычтя число умирающихъ и раздѣливъ разность на все число населенія, получимъ коэффиціентъ приращенія населенія, и если таковъ законъ матеріальныхъ вліяній, что сообразно съ ихъ размѣромъ этотъ коэффиціентъ долженъ зависѣть отъ этихъ средствъ, то чѣмъ значительнѣе будетъ число рождающихся, чѣмъ менѣе воздержаніе, тѣмъ сильнѣе должна быть смертность.

Страна съ малыми средствами, съ низкимъ коэффиціентомъ приращенія можетъ при ограниченномъ числѣ браковъ и рожденій представлять меньшую смертность, чѣмъ страна съ большими средствами, но при числѣ рожденій и браковъ, превышающемъ ея средства.

Во всякомъ случаѣ общее положеніе то, что страны населяются только пропорціонально матеріальнымъ средствамъ. Тамъ, гдѣ эти средства въ изобиліи, населеніе ростетъ съ поразительной быстротой. Примѣромъ тому служитъ Сѣверная Америка. Въ Новой Англіи населеніе удвоивалось въ теченіе цѣлаго столѣтія каждыя 25 лѣтъ. Въ 1643 г. населеніе это равнялось 21,000. Доказано, что съ тѣхъ поръ число лицъ, оставившихъ колонію, превышало число новыхъ пришельцевъ, тѣмъ не менѣе въ 1764 г. это населеніе равнялось 1,000,000. Въ Новомъ Джерсеѣ населеніе удвоивалось въ 22 г. Въ нѣкоторыхъ чисто земледѣльческихъ мѣстахъ въ 15 л. Въ тоже время въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ оно оставалось неподвижно, а общее удвоеніе для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ происходило въ 25 л. Слѣдовательно, въ отдѣльныхъ мѣстахъ это удвоеніе должно было происходить еще быстрѣе. Въ Европѣ, гдѣ средствъ меньше, и возрастаніе населенія вообще медленнѣе, а слѣдовательно съ сокращеніемъ населенія должно одно изъ двухъ—или браки становиться не столь плодовиты или самое число браковъ меньше, или наконецъ увеличиться смертность. Какое же

изъ двухъ условій, сокращающихъ населеніе, мы должны назвать преобладающимъ?

Исторія повѣствуетъ о частыхъ моровыхъ язвахъ, посѣщавшихъ человѣческое общество, а также и о голодныхъ годахъ. Зюсмильхъ насчитываетъ для христіанской эры почти по 1 моровой язвѣ на каждые 4 года и по 1 голодному году на 7.5 лѣтъ. Кромѣ того, исторія повѣствуетъ о постоянныхъ кровопролитіяхъ въ средѣ человѣческихъ обществъ. Тѣмъ не менѣе кровопролитія съ успѣхами цивилизаціи уменьшаются, эпидеміи также не столь часты въ наше время въ Европѣ, какъ въ прошлыя, стало быть, два могущественнѣйшія и наиболѣе дѣятельныя средства уменьшенія прироста населенія, война и болѣзни, несмотря на возрастаніе населенія, становятся слабы — смертность уменьшается. А если это такъ, то остается предположить, думаетъ Мальтусъ, что въ Европѣ смертность должна предупреждаться меньшими или менѣе плодовитыми браками, и вообще съ успѣхами цивилизаціи предупреждающія средства, средства воздержанія, должны брать верхъ надъ остальными.

ГЛАВА III.

Естественный законъ въ виду общественныхъ учрежденій и разборъ средствъ, предложенныхъ къ его устраненію.

Мы изложили до сихъ поръ законъ народонаселенія, какимъ онъ является по мнѣнію Мальтуса въ своемъ естественномъ видѣ. Во второй половинѣ своего труда Мальтусъ разсматриваетъ ту ближайшую постановку, какую пріобрѣтаетъ этотъ законъ въ обществѣ подъ вліяніемъ общественныхъ учрежденій. Такое дальнѣйшее развитіе основнаго естественнаго закона у Мальтуса излагается совмѣстно и даже по поводу разсмотрѣнія отдѣльныхъ средствъ, на которыхъ думали основать его устраненіе. Въ числѣ такихъ средствъ Мальтусъ разсматриваетъ системы уравненія состоянія, таксу на бѣдныхъ, эмиграцію и системы увеличенія производствъ.

«Разсматривая системы совершеннаго равновѣсія,» пишетъ онъ, «нужно

удивляться, какое малое значеніе придавали созидатели этихъ теорій возрастающему перевѣсу населенія и потребностей надъ средствами.»

Уэлесъ и Кондорсе, хотя не отрицаютъ условія указываемаго Мальтусомъ, но по ихъ мнѣнію это условіе можетъ имѣть серьёзное дѣйствіе не ранѣе, чѣмъ вся земля будетъ заселена и обработана какъ садъ, такъ что дальнѣйшее возрастаніе производства будетъ невозможно вслѣдствіе недостатка почвы. Въ этомъ видѣ зло, указываемое Мальтусомъ, по мнѣнію защитниковъ теорій равновѣсія, уже представляется столь отдаленнымъ, что по ихъ мнѣнію можетъ быть вовсе оставлено безъ вниманія; что же касается болѣе ранняго вліянія того же условія, то всѣ защитники теорій совершеннаго равновѣсія относятъ это вліяніе болѣе къ винѣ человѣческихъ учрежденій, чѣмъ къ чему-либо другому.

Кондорсе, разсматривая экономическое положеніе современныхъ обществъ, приходитъ къ тому заключенію, что необезпеченность извѣстной доли ихъ населенія и въ настоящее время не есть явленіе случайное; но онъ полагаетъ, что это неудобство могло бы быть въ значительной степени смягчено посредствомъ мирныхъ способовъ, доступныхъ всякому благоустроенному обществу, какъ-то: застрахованія доходовъ недостаточныхъ лицъ, и болѣе совершеннымъ устройствомъ кредита. Мальтусъ находитъ однако, что такія средства болѣе удобоисполнимы на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, что, открывая безразлично кредитныя средства каждому, и трудолюбивому и лѣнивому, мы уничтожаемъ главные стимулы къ трудолюбію. Если же установить въ этомъ случаѣ родъ судилища, которое бы выбирало между достойными и недостойными кредита, то это будетъ тоже, что вводить англійскіе законы о бѣдныхъ, которые, нисколько не устраняя бѣдности, приносятъ еще болѣе зла.

Что касается отдаленныхъ препятствій, то тутъ Кондорсе говоритъ о такихъ вещахъ, какъ измѣненіе не только человѣческихъ отношеній, но измѣненіе основныхъ свойствъ человѣческой природы путемъ безконечнаго усовершенствованія этой природы, приближенія человѣческой жизни къ безсрочному долголѣтію и пр., которыя прямо выходятъ изъ области науки.

Еще далѣе Уэлеса и Кондорсе идутъ Годвинъ и Овенъ. Упуская совершенно изъ виду принципъ народонаселенія, указываемый Мальтусомъ, они разсматриваютъ всѣ вообще общественныя явленія, все доброе и злое, какъ исключительные результаты или функціи учрежденій.

Если это такъ, то всѣ несовершенства, которыя существуютъ, могутъ быть устранены посредствомъ болѣе совершенныхъ учрежденій.

Съ этой точки зрѣнія написаны системы равенства Годвина (An inquiry concerning the political justice. 2 v. Lond. 1793) и Овена.

Но въ томъ-то и заключается существенный вопросъ, въ самой его общей формѣ поднимаемый теоріей Мальтуса въ противоположность системамъ равновѣсія: справедливы ли исходныя точки системъ равновѣсія; могутъ ли общественныя явленія быть разсматриваемы какъ исключительныя функціи учрежденій, или эти явленія зависятъ не только отъ однихъ учрежденій, но въ то же время и отъ такихъ естественныхъ условій, которыя существуютъ независимо отъ воли человѣка и ей не подчинены?

Мальтусъ находитъ, что присутствіе и вліяніе такихъ естественныхъ условій несомнѣнно и что даже несовершенства, вызываемыя человѣческими учрежденіями, совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣми, корень которыхъ находится въ условіяхъ природы. Правда, пишетъ онъ, въ тѣхъ мѣстахъ въ особенности, гдѣ цивилизаціями сдѣланы извѣстные успѣхи, наблюдается такая значительная потеря труда на производство предметовъ несущественныхъ, проистекающая изъ характера чисто человѣческихъ учрежденій, что она невольно наводитъ на мысль о значительномъ увеличеніи средствъ, которое можетъ быть достигнуто посредствомъ системъ уравненія состояній. Неудивительно, поэтому, что теоріи совершеннаго равновѣсія, несмотря на постоянныя неудачи, которыя онѣ терпятъ на практикѣ, склонны къ періодическому возникновенію. Но дѣло въ томъ, что если допустить даже осуществленіе уравненія, то безграничность средствъ, о которой говорятъ защитники такого уравненія состояній, все-таки не можетъ имѣть мѣста; въ лучшемъ случаѣ, можетъ произойти увеличеніе единичныхъ средствъ, долженствующее вызвать неизбѣжно усиленное размноженіе населенія, которое снова приведетъ средства къ обыкновенному уровню. Тогда уже не останется болѣе никакихъ рессурсовъ въ запасѣ, зависящихъ отъ человѣческихъ распоряженій, а вопросъ все-таки будетъ находиться въ томъ же положеніи. При этомъ нужно сказать, что уравненіе состояній должно само собой способствовать еще быстрѣйшему наростанію населенія, чѣмъ это происходитъ теперь. Такимъ образомъ въ суммѣ, улучшенія, зависящія отъ человѣческихъ учрежденій, которыя указываются системами равновѣсія, могутъ, даже въ случаѣ ихъ дѣйствительнаго осуществленія, только поднять до извѣстной степени общій итогъ населенія, который можетъ содержаться страной, увеличить ея средства до извѣстной степени временно, но не могутъ сдѣлать эти средства произвольными, или по крайней мѣрѣ привести ихъ въ соотвѣтствіе съ быстротой размноженія населенія; и по мнѣнію Мальтуса не даютъ отвѣта на поставленный имъ вопросъ.

Система Овена, по мнѣнію Мальтуса, представляетъ такой примѣръ естественнаго возрожденія идей равновѣсія, но она и носитъ на себѣ всѣ ихъ недостатки. «Я отношусь къ этому человѣку, пишетъ Мальтусъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія; многія изъ его стремленій вполнѣ законны. Всякій другъ человѣчества долженъ желать сокращенія числа рабочихъ часовъ для дѣтей на фабрикахъ и устраненія отъ фабричныхъ работъ дѣтей слишкомъ нѣжнаго возраста. Какъ дѣятель практическій, наблюдавшій двѣ тысячи работниковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ заслуживаетъ по своему опыту въ такихъ вопросахъ, какъ напримѣръ вопросъ воспитанія, болѣе довѣрія, чѣмъ всякій теоретикъ; но тѣмъ не менѣе его теорія равенства, говоритъ Мальтусъ, нисколько не разрѣшаетъ вопроса, не даетъ средства привести средства въ соотвѣтствіе съ потребностями, не служитъ возраженіемъ противъ главнаго положенія и сущности теоріи» Мальтуса. Въ этомъ состоитъ главное и общее возраженіе, которое слѣдуетъ сдѣлать противъ всѣхъ системъ равенства, по мнѣнію Мальтуса, и на которое онѣ не могутъ представить никакого отвѣта. Уравненіе состояній сводится на обращеніе части труда, которая теперь тратится на производство несущественныхъ предметовъ, на производство предметовъ болѣе существенныхъ: черезъ это можно несомнѣнно увеличить сумму пищи, одежды, удобныхъ жилищъ и пр., словомъ, увеличить сумму благосостоянія въ данную минуту и въ данномъ обществѣ на извѣстную долю, но такое увеличеніе ограничивается конечно размѣромъ избытковъ, которыми пользуются въ настоящее время болѣе достаточные. Избытки же эти не безпредѣльны. Защитники передѣла не опредѣляютъ даже, какъ велики эти избытки и насколько, въ случаѣ ихъ передѣла, можно увеличить уровень общаго благосостоянія въ данную минуту. Но съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ населенія эти избытки должны будутъ раздѣлиться на большее число лицъ; доля ихъ, получаемая каждымъ, должна будетъ уменьшиться и наконецъ сдѣлаетъ это приращеніе равнымъ нулю. Мы будемъ содержать большее населеніе, но это населеніе будетъ пользоваться меньшимъ благосостояніемъ; ибо все оно безразлично будетъ приведено своимъ наростаніемъ, при равномѣрности имущества, къ равномѣрной нищетѣ. А нужно спросить, въ чемъ состоитъ настоящій интересъ общества: въ большемъ ли населеніи, или въ большей обезпеченности хотя меньшаго населенія? Кажется, нужно держаться послѣдняго мнѣнія, и въ такомъ случаѣ по мнѣнію Мальтуса необезпеченность извѣстной доли населенія является прямой уздой и простымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго размноженія, которое должно было бы все привести къ одному уровню—нищетѣ. Предположимъ даже, что вслѣдствіе передѣловъ сама производительность труда должна увеличиться. Но во-

просъ не только въ томъ, чтобы эта производительность труда увеличилась, а чтобы она еще увеличилась настолько, чтобы производительность могла поспѣвать за свободнымъ наростаніемъ населенія. Защитники теорій равенства не изслѣдовали этихъ сторонъ вопроса, не указали даже мѣры возрастанія производительности труда вслѣдствіе уравненія состояній. Они не установили своихъ пропорцій 1) наростанія населенія съ одной стороны, и 2) возрастанія производительности труда съ другой, какъ это сдѣлалъ Мальтусъ для своей теоріи, и потому не дали собственно отвѣта на вопросъ Мальтуса. Что же касается самого Мальтуса, то онъ сомнѣвается, чтобы передѣломъ состояній можно было производительность труда заставить возрастать геометрически и безпредѣльно подобно тому, какъ можетъ возрастать населеніе. Другое возраженіе, которое слѣдуетъ сдѣлать противъ теорій равенства, указано Мальтусомъ уже выше; это то, что онѣ уничтожаютъ главный стимулъ къ труду и пріобрѣтенію. Это возраженіе уже гораздо слабѣе и самъ Мальтусъ ставитъ его поэтому на второй планъ. Противъ послѣдняго, говоритъ онъ, могутъ возражать, что сдѣланные опыты равномѣрнаго распредѣленія состояній были столь рѣдки и незначительны, что изъ нихъ нельзя сдѣлать на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ заключеній; что если стимулъ, о которомъ говорится, и былъ нуженъ для того, чтобы вывести человѣка изъ дикаго и грубаго состоянія, то онъ совершенно излишенъ для человѣка цивилизованнаго,—хотя онъ, Мальтусъ, и придерживается на этотъ счетъ другаго мнѣнія. Никакія подобныя возраженія невозможны относительно перваго аргумента Мальтуса противъ теорій равенства, и потому онъ указываетъ на него какъ на главный аргументъ, доказывающій безсиліе теорій равновѣсія передъ естественнымъ закономъ, имъ высказаннымъ.

Второе средство противъ послѣдствій того же закона есть *эмиграція*. Пространства незаселенной земли, въ сравненіи съ заселенной и обработанной ея частью, безграничны и потому съ перваго взгляда, пишетъ Мальтусъ, нѣтъ средства болѣе естественнаго, болѣе широкаго и болѣе сподручнаго.

Но на практикѣ выходитъ нѣчто другое; оказывается, что колонизація дикихъ земель, несмотря на выгоды съ ней связанныя, сопровождается такими матеріальными физическими лишеніями, которыя значительно понижаютъ ея привлекательность. Первыя попытки поселенія англичанъ въ Виргиніи совершенно погибли, частью въ борьбѣ съ дикарями, частью въ борьбѣ съ природой. Первая колонія наполовину была вырѣзана дикарями, а оставшаяся часть, истребляемая голодомъ, возвратилась въ свое отечество. Другая и третья погибла безъ всякаго слѣда, и неизвѣстно отчего и какъ. Наконецъ четвертая въ те-

ченіе 6 мѣсяцевъ голодомъ и болѣзнями была низведена до $^1/_{10}$ части своего населенія и вернулась обратно въ Англію. Тоже было съ пуританскими колоніями въ Новой Англіи и наконецъ съ французскими колоніями въ Гвіанѣ. Изъ 12000 людей, выселившихся въ 1663 г., уцѣлѣло только 2000, которые вернулись во Францію, и 26 милл. фр., истраченныхъ на это предпріятіе, погибли безвозвратно. Таковы удобства первоначальной колонизаціи въ совершенно дикихъ мѣстахъ. Въ мѣстахъ же уже болѣе или менѣе заселенныхъ, какъ напр., внутренней Азіи, присутствіе воинственнаго туземнаго населенія, дѣлаетъ колонизацію возможной только подъ постояннымъ прикрытіемъ военной силы.

Такимъ образомъ, хотя послѣдующіе колонисты и могутъ находиться въ несравненно лучшемъ положеніи, хотя впослѣдствіи, преодолѣвъ первыя затрудненія, колоніи и могутъ приходить въ цвѣтущее состояніе; но для первыхъ колонистовъ колонизація бываетъ связана съ такимъ рискомъ, съ такими крайними матеріальными нравственными потерями, на которыя люди могутъ рѣшиться только въ безъисходной крайности. Еслибы это было иначе, еслибы всякій излишекъ европейскаго населенія вмѣсто того, чтобы уничтожаться смертностью и пр., могъ находить себѣ выходъ въ колонизаціи, тогда достаточно было бы одного вѣка, чтобы удвоить настоящее населеніе земнаго шара. Поэтому, думаетъ Мальтусъ, эмиграція составляетъ только крайне палліативное средство противъ избытка населенія, не уступающее дѣйствію другихъ средствъ болѣе насильственныхъ. Третье средство, разсматриваемое Мальтусомъ, есть *законъ о бѣдныхъ*.

Въ Англіи, говоритъ онъ, изъ этого закона старались сдѣлать регулярное средство противъ нищеты. Но не говоря о частныхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ могъ произвесть помощь отдѣльнымъ лицамъ, въ общемъ онъ служилъ еще къ большему распространенію нищеты. Удивлялись, что несмотря на огромныя суммы, раздаваемыя ежегодно (налогъ на бѣдныхъ доставлялъ 3,000,000 фунт. стерл. ежегодно, а съ 1801 г. 10 милл. ф. стерл.), сумма нищеты нисколько не уменьшалась. Обвиняли администрацію въ злоупотребленіяхъ, неправильной раздачѣ пособій и пр.

Положимъ, пишетъ Мальтусъ, что вслѣдствіе такихъ раздачъ каждому работнику къ 2 шилл., которые онъ теперь получаетъ за трудъ, прибавлено еще 3 шиллинга, итого всего 5. Многіе готовы подумать, что средства его увеличатся на всю сумму придатка. Но это несправедливо. Вслѣдствіе такихъ раздачъ не увеличится количество говядины, хлѣба, пива, топлива и пр., которыхъ заготовлено всего на 2 шиллинга; напротивъ того, на добавочные 3 шилл. заготовлено такихъ вещей роскоши, которыхъ не потребуетъ работникъ. Вслѣдствіе этого эти вещи

роскоши упадутъ въ цѣнѣ, а тѣ вещи, которыхъ теперь потребуетъ работникъ больше, возрастутъ въ цѣнѣ вслѣдствіе усилившагося спроса, такъ что работникъ получитъ на пять шиллинговъ теперь то же количество говядины, хлѣба и пр., какое получалъ прежде на два. Можно думать, пишетъ Мальтусъ, что зато на будущее время производство можетъ направиться иначе, сообразно съ средствами потребителей, но въ такомъ случаѣ увеличившійся доходъ настолько же поощритъ размноженіе населенія, что средства снова будутъ приведены скоро къ прежнему уровню.

Поэтому и раздача милостыни въ голодные года не достигаетъ своей цѣли, она не увеличиваетъ количества хлѣба, а только возвышаетъ еще болѣе его цѣну. Вообще рабочая плата составляетъ естественный политическій барометръ, показывающій отношеніе между средствами и потребностями, между средствами и величиной населенія. Возвышать въ этомъ случаѣ искусственно рабочую плату тоже, что надавливать механически понижающуюся ртуть барометра—обманывать себя. Смитъ, пишетъ Рикардо, очень ясно показалъ, что голодъ неизбѣжно оставляетъ извѣстное число работниковъ безъ мѣстъ, что рабочая плата вовсе не возвышается съ дороговизной средствъ пропитанія, не регулируется стоимостью этихъ средствъ. Уменьшенный доходъ равенъ вообще уменьшенному спросу, вслѣдствіе котораго фабриканты и производители не могутъ содержать прежнее число работниковъ и ихъ отпускаютъ. При такихъ условіяхъ увеличить рабочую плату значитъ только увеличить еще болѣе число такихъ работниковъ, которые будутъ высланы нанимателями, значитъ еще болѣе увеличить естественное послѣдствіе голода, отпускъ рабочихъ, указанное Смитомъ. Вслѣдствіе этого рабочая плата и не въ состояніи слѣдовать за цѣною средствъ, повышаться вмѣстѣ съ дороговизною. Число прокармливаемыхъ работниковъ всегда опредѣляется тѣмъ размѣромъ, какой имѣютъ интересъ содержать зажиточные классы своимъ спросомъ; а этотъ спросъ зависитъ отъ ихъ доходовъ. Если доходъ ихъ понизился, если земля не дала урожая, то должно уменьшиться и число рабочихъ, какое будетъ содержаться. Но если устроить такъ, что рабочая плата будетъ повышаться пропорціонально дорогови̇знѣ припасовъ,—какія отсюда выйдутъ послѣдствія? Работникъ, казалось бы, будетъ въ состояніи продолжать потреблять обыкновенное количество пищи, или страна будетъ продолжать содержать прежнее количество рабочихъ. Но долго ли будетъ продолжаться такой порядокъ? Если мы говоримъ о вздорожаніи припасовъ, если мы имѣемъ въ виду неурожайный годъ или рядъ такихъ годовъ, то имѣемъ при этомъ въ виду не только дороговизну, но и уменьшенное количество припасовъ.

Если это количество меньше чѣмъ оно было въ обыкновенное время, а потребленіе продолжается тоже какъ и въ обыкновенное время, то послѣдствіемъ этого будетъ то, что припасы потребятся ранѣе срока и остальную часть года населеніе должно будетъ оставаться вовсе безъ пищи. Слѣдовательно, устроивъ даже такъ, что рабочая плата будетъ повышаться пропорціонально дороговизнѣ, мы ничего не выиграемъ и ни въ чемъ не улучшимъ положеніе работниковъ. Вопросъ заключается очевидно въ размѣрѣ припасовъ или средствъ, а не въ размѣрѣ цѣнъ или номинальной величинѣ рабочей платы, и этого-то не соображаютъ многіе. Для избѣжанія ошибки, нужно только разсматривать рабочую плату не какъ ту часть, которую получаетъ каждый работникъ, а какъ общую сумму продукта или дохода страны, удѣляемую на содержаніе труда. Тогда мы увидимъ, что такая рабочая плата не только не повышается въ голодный годъ, но и не остается та же, а понижается; если же отдѣльныя доли ея, выплачиваемыя работнику, остаются тѣ же, то потому только, что извѣстная доля работниковъ должна остаться вовсе безъ мѣста и платы.

Но и независимо отъ голодныхъ годовъ, рабочая плата имѣетъ наклонность понижаться точно такимъ же образомъ, вслѣдствіе одного наростанія населенія. Законъ о бѣдныхъ и милостыня, давая возможность разсчитывать на помощь прихода, способствуютъ увеличенію числа браковъ, населенія, и черезъ это увеличиваютъ только естественную бѣдность страны. Къ счастью пріемъ помощи или милостыни считается еще чѣмъ-то постыднымъ. Такимъ образомъ всякая милостыня производитъ дѣйствіе совершенно обратное тому, къ которому она стремится.

Къ этому нужно прибавить еще, что положеніе вспомоществуемыхъ вовсе не такое завидное. Законы о бѣдныхъ вызвали вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлую систему стѣсненій, жестокостей и тиранніи приходовъ не только относительно пользующихся уже правомъ бѣдности, но и относительно остальныхъ, изъ боязни, чтобы ихъ содержаніе не пало на обязанность прихода.

Знаменитымъ статутомъ Елисаветы повелѣвалось: «инспекторамъ надъ бѣдными принять мѣры совмѣстно съ мировыми судьями, чтобы доставить работу всѣмъ дѣтямъ, которыхъ не въ состояніи содержать родители, и всѣмъ лицамъ, которые не могутъ содержать сами себя.» «Для этого приходы будутъ взимать налогъ съ достаточныхъ жителей прихода, достаточный для пріобрѣтенія сыраго матеріала и орудій въ количествѣ, необходимомъ для такой работы.» «Что говорилось такими словами, спрашиваетъ Мальтусъ, какъ не то, что производительность страны

можетъ возвышаться сколько угодно по указу инспектора о бѣдныхъ; проще было приказать вырости четыремъ мѣшкамъ хлѣба тамъ, гдѣ ихъ росло всего два. Это знаменитое повелѣніе предписывало очевидно вещь физически неисполнимую, которая поэтому никогда и не была исполнена.»

Такъ опровергаетъ Мальтусъ такъ-называемое *право на труда* и *право на пітітит вознагражденія*.

Четвертое средство, разсматриваемое Мальтусомъ, есть *система увеличенія земледѣльческаго продукта или поощреніе земледѣлія*.

Изъ двухъ исключительныхъ системъ, какія могутъ быть приняты страною, система преобладающаго мануфактурнаго производства есть конечно та, которая ставитъ первыя средства существованія народа въ наиболѣе зависимое положеніе отъ другихъ странъ. Доставляя значительныя выгоды въ случаѣ готовыхъ рынковъ мануфактурнымъ произведеніямъ и недостатка мануфактурнаго развитія другихъ странъ, она весьма легко обращается въ тягость вслѣдствіе развивающейся конкуренціи другихъ странъ и развитія туземныхъ мануфактуръ, послѣ чего народъ остается безъ хлѣба. Система земледѣльческая не имѣетъ этого недостатка. И такъ какъ земледѣльческое производство имѣетъ свойство производить болѣе, чѣмъ нужно на содержаніе труда, обрабатывающаго землю, то можно было бы думать, что страна, отдавшаяся исключительно земледѣльческой системѣ, всегда будетъ въ состояніи содержать съ избыткомъ свое населеніе. Но и относительно этой системы нельзя сказать, чтобы она всегда содержала большее населеніе и лучше, чѣмъ мануфактурная. Правда, на случай голодныхъ годовъ, населеніе ея менѣе поставлено въ зависимость отъ другихъ странъ, чѣмъ населеніе страны исключительно мануфактурной. Но 1) мѣра ея населенія опредѣляется не избыткомъ средствъ, которыя она производитъ, а тою частью этихъ средствъ, которая удѣляется на содержаніе труда; въ такомъ случаѣ часть эта будетъ зависѣть отъ количества хлѣба, которое будетъ требоваться другими государствами или вывозиться. Если страна слишкомъ увеличитъ предложеніе, т. .е. будетъ производить слишкомъ много хлѣба и занимать большее число рукъ, то она и будетъ принуждена продавать этотъ хлѣбъ дешевле или дороже покупать произведенія чужихъ мануфактуръ, такъ что сумма ея достатковъ нисколько не увеличится отъ бо́льшаго производства хлѣба. Лица, дающія работу, не будутъ имѣть причины содержать больше работниковъ, чѣмъ это приказывается ихъ собственнымъ интересомъ. 2) Доля удобствъ, которую купитъ работникъ, будетъ измѣряться не количествомъ хлѣба, которое получитъ каждый работникъ, а сравнительной цѣной привозимыхъ товаровъ по отношенію къ тому хлѣбу, который составитъ его излишекъ, такъ

что при дешевизнѣ этого хлѣба работникъ можетъ купить весьма мало удобствъ,—несмотря на свой избытокъ въ хлѣбѣ, можетъ купить ихъ меньше, чѣмъ работникъ не-земледѣльческой страны или вообще страны, производящей меньше хлѣба. Поэтому безусловно большее производство хлѣба не можетъ служить мѣрой и безусловно большаго достатка, оно даетъ большій достатокъ только при извѣстномъ требованіи на хлѣбъ и при готовыхъ капиталахъ для эксплуатаціи, и потому величина такого требованія и капиталовъ всегда будетъ назначать предѣлъ количеству рабочихъ или населенія, которое можетъ содержать исключительно земледѣльческая страна, несмотря на свой избытокъ свободныхъ земель и рукъ и на свои природныя богатства. Поэтому, населеніе такой страны можетъ быть точно такъ же неподвижнымъ, убывающимъ при извѣстныхъ условіяхъ, какъ и всякой другой, и точно также страдать отъ нищеты, несмотря на всѣ природныя богатства ея почвы. Совершенно иное должно быть въ странѣ, гдѣ оба производства находятся одинаково развитыми: тутъ населеніе не будетъ поставлено болѣе въ такую зависимость отъ требованія на наши мануфактуры, точно такъ же какъ и цѣна нашего хлѣба отъ иностранныхъ мануфактуръ. Количество рабочихъ, какое будетъ содержаться, будетъ опредѣляться точно также величиной капиталовъ, которую найдутъ выгоднымъ для себя удѣлить на такое содержаніе болѣе достаточные классы, въ видѣ мануфактурнаго и земледѣльческаго производства; но величина этого капитала не будетъ подвержена столь случайнымъ колебаніямъ. Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, такая система должна по всѣмъ вѣроятіямъ способствовать болѣе правильному наростанію капитала и содержать сравнительно большее число рабочихъ. Но число ихъ и при этой системѣ все-таки будетъ всегда ниже того, какое опредѣляется производительностью почвы. Гораздо ранѣе, чѣмъ населеніе можетъ достигнуть этого предѣла, т. е. предѣла, соотвѣтствующаго естественнымъ средствамъ почвы, должна прекратиться выгода отъ приращенія капиталовъ, отъ примѣненія новыхъ капиталовъ къ производству, отъ содержанія новыхъ рабочихъ и слѣдовательно увеличенія населенія. Такимъ образомъ, совершеннѣйшая изъ хозяйственныхъ системъ не только не уничтожаетъ предѣла возрастанія населенія, но ограничиваетъ этотъ предѣлъ еще болѣе, чѣмъ мы думали до сихъ поръ; приводитъ его ранѣе, чѣмъ кончаются средства, доставляемыя природой.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе въ отдѣльности общественныхъ средствъ, въ которыхъ ищутъ обыкновенно противоядія естественному закону, приводитъ Мальтуса къ тому общему заключенію, что все, что приноситъ съ собою общество, не только не уменьшаетъ ни мало строгости природы къ человѣку, но еще болѣе усугубляетъ эту

строгость; не только не открываетъ средства къ устраненію естественнаго закона, но приводитъ этотъ законъ къ дѣйствію ранѣе срока, положеннаго природой. Общество не только не устраняетъ этого закона, но усугубляетъ его, формулируетъ по-своему и придаетъ тотъ дальнѣйшій видъ, въ которомъ онъ является окончательно дѣйствующимъ не для физическаго, а для общественнаго человѣка, и матеріальнымъ факторомъ и санкціей такой постановки этого закона является *право собственности*. «Какъ бы намъ ни казалось это несправедливымъ, но человѣкъ долженъ считатъ себя счастливымъ», пишетъ Мальтусъ, «что это происходитъ именно такъ. Еслибы это было иначе, еслибы населеніе могло достигать предѣловъ, когда каждый могъ бы производить только то, что онъ долженъ потребить, тогда человѣкъ быстро приходилъ бы къ деградаціи; скоро сдѣлались бы невозможными никакія улучшенія и капитализація, никакой ростъ цивилизаціи.» Строгостью, о которой идетъ рѣчь, только поддерживается постоянная возможность содержать извѣстное число лицъ, не занятыхъ чисто физическимъ трудомъ, работающихъ надъ расширеніемъ духовныхъ и интеллектуальныхъ средствъ человѣчества. Рента составляетъ прямой фондъ, насчетъ котораго совершается послѣднее. Постояннымъ ея присутствіемъ обезпечивается постоянство этого фонда цивилизаціи и только мѣшая человѣку проживать все, что онъ можетъ выработать, удерживая рабочее населеніе въ меньшихъ предѣлахъ, чѣмъ это допускаютъ естественныя условія, общество, по Мальтусу, обезпечиваетъ за собою и извѣстную долю избытка и возможность постояннаго сохраненія и развитія этого избытка. Еслибы мы уничтожили ренту, то конечно мы могли бы содержать большее число лицъ, чѣмъ содержимъ теперь, но въ такомъ случаѣ мы скоро привели бы населеніе къ тому уровню, при которомъ трудъ могъ бы содержать только самого себя, и затѣмъ не могъ содержать даже и себя. Такимъ образомъ рента несомнѣнно сокращаетъ величину населенія, которое содержитъ страна, но она ни на волосъ не ухудшаетъ положенія тѣхъ, кто ею не пользуется, т. е. массы населенія, и думать это есть глубокое заблужденіе. Еслибы мы раздѣлили ренту, то черезъ нѣкоторое время положеніе массы должно бы было оказаться не лучше, если не хуже того, въ какомъ оно находилось до передѣла рентъ. Положеніе массы есть слѣдовательно, по мнѣнію Мальтуса, вовсе не дѣло людей, а дѣло природы. Всякій изъ насъ можетъ конечно сказать: вотъ рядомъ человѣкъ, который всѣмъ пользуется, тогда какъ я ничего не имѣю—это несправедливо. Но никто не вправѣ сказать, что еслибы право собственности не существовало, то личное его положеніе было бы лучше чѣмъ теперь, потому что этотъ избытокъ, которому онъ завидуетъ, при отсутствіи собственности былъ бы давно раздѣленъ

между его предками и населеніе доведено до общаго недостатка вслѣдствіе безпрепятственнаго размноженія.

Таковы основанія, которыя приводитъ Мальтусъ къ оправданію неравномѣрнаго порядка распредѣленія въ противоположность системамъ равенства или къ защитѣ той соціальной постановки закона народонаселенія, какая выработалась для него исторически. Нельзя не замѣтить, что съ этой точки зрѣнія, справедлива она или нѣтъ, самый вопросъ о благосостояніи общества, который имѣетъ въ виду политическая экономія, ставится Мальтусомъ совершенно своеобразнымъ образомъ. Въ силу тѣхъ основаній, которыя онъ привелъ, это благосостояніе во всякомъ случаѣ становится не равномѣрнымъ удѣломъ для всѣхъ, а исключеніемъ, съ трудомъ поддерживаемымъ для нѣкоторой части насчетъ остальной. Общество дѣлится такимъ образомъ на двѣ доли, изъ коихъ одна можетъ пользоваться избыткомъ, другая, хотя и не безусловно лишена возможности разсчитывать на улучшеніе своего положенія, но во всякомъ случаѣ поставлена въ этомъ отношеніи въ иныя условія, чѣмъ первая. Это заставляетъ Мальтуса исключить вовсе вопросъ объ *общемъ благосостояніи*, какимъ онъ ставится обыкновенно какъ задача политической экономіи, исключить какъ вопросъ неточный, невозможный. Вопросъ этотъ, по мнѣнію Мальтуса, долженъ быть разбитъ на двѣ части, составляющія два совершенно отдѣльные вопроса: вопросъ о богатствѣ общества, если подъ нимъ разумѣть сумму средствъ, какая находится въ рукахъ достаточныхъ классовъ или общества вообще, и вопросъ о богатствѣ рабочихъ классовъ. Одно весьма часто можетъ вовсе не соотвѣтствовать другому, между тѣмъ какъ то и другое постоянно смѣшивается подъ общимъ названіемъ народнаго богатства. Правда, тотъ и другой видъ богатства находятся между собою въ извѣстной связи. Достатокъ работника зависитъ отъ величины капитала, удѣляемаго въ странѣ на предпріятія и эксплуатацію,—возрастаетъ слѣдовательно пропорціонально быстротѣ, съ которой возрастаетъ этотъ капиталъ. Если спросъ на трудъ, обусловливаемый возрастаніемъ этого капитала, ростетъ быстрѣе предложенія рукъ, то рабочая плата можетъ возрастать и слѣдовательно положеніе работника улучшиться. Но не все приращеніе капитала или не весь капиталъ можетъ предназначаться непремѣнно на содержаніе работниковъ, а всегда только бо̀льшая или меньшая часть его, и слѣдовательно приращеніе капитала не можетъ служить еще мѣрой приращенія достатка работниковъ. Такъ, общество можетъ дѣлать въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ сбереженія, не пуская ихъ вовсе въ оборотъ, и въ такомъ случаѣ богатство его конечно возрастетъ, между тѣмъ какъ спросъ на рабочія руки останется тотъ

же. Далѣе, оно можетъ употребить эти сбереженія на чисто мануфактурное производство; въ такомъ случаѣ рабочая плата возрастетъ, но если въ тоже время соотвѣтствующая часть капитала не будетъ употреблена на земледѣльческое производство, т. е. на увеличеніе пищи, то послѣдняя должна будетъ возрастать въ цѣнѣ, вслѣдствіе бо́льшаго на нее спроса, такъ что въ суммѣ возвышеніе рабочей платы будетъ чисто номинальное и слѣдовательно возвышеніе достатка работниковъ также, въ то время какъ общая сумма капитала въ странѣ будетъ возрастать несомнѣнно. Итакъ, выводитъ Мальтусъ, всякое возвышеніе рабочей платы безъ одновременнаго возвышенія количества производимой пищи есть возвышеніе только номинальное. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, одно обращеніе новыхъ капиталовъ нисколько не должно улучшать участи работниковъ. Но этого мало; она должна ухудшаться. Требованіе на мануфактурныя руки должно прежде всего возвысить рабочую плату этихъ работниковъ и переманить сюда часть сельскихъ. Число послѣднихъ должно слѣдовательно еще уменьшиться въ странѣ, въ то время какъ число остальныхъ увеличится. Такая перемѣна не заключаетъ въ себѣ ничего выгоднаго ни въ смыслѣ обезпеченности, ни въ смыслѣ нравственности. Поэтому-то та перемѣна, которую произвело въ судьбѣ рабочаго класса послѣднее развитіе мануфактурнаго производства, описывается обыкновенно самыми мрачными красками. Мальтусъ приводитъ описаніе окрестностей Манчестера, сдѣланное Айкиномъ и способное произвести самое тягостное впечатлѣніе. Механическія усовершенствованія, говорится здѣсь, сократившія трудъ, способствовали развитію нашей торговли, привлекли со всѣхъ сторонъ рабочихъ, особенно дѣтей... но послѣдствія всего этого были большимъ несчастіемъ для этихъ лицъ, какъ оказывается изъ сравненія положенія земледѣльческихъ рабочихъ и мануфактурныхъ. У первыхъ мы находимъ порядокъ, чистоту и пр., у послѣднихъ грязь, лохмотья и нищету... а между тѣмъ плата мануфактурныхъ рабочихъ часто вдвое превышаетъ плату земледѣльческихъ. При этомъ нужно еще вспомнить, говоритъ Мальтусъ, насколько положеніе мануфактуръ зависитъ отъ случайностей рынка, конкуренціи, войнъ и пр. Рабочіе Спитальфильда обнищали, когда шерстяныя ткани смѣнили шелковыя. Рабочіе Шеффильда и Бирмингама долго сидѣли безъ работы потому только, что въ это время стали носить обтяжныя пуговицы вмѣсто металлическихъ. Можно возразить, пишетъ Мальтусъ, что возвышеніе спроса на пищу не замедлитъ обратить сюда капиталы, но опытъ показываетъ, что такое обращеніе совершается весьма медленно. Можно сказать, что спросъ на пищу долженъ вызвать иностранный привозъ хлѣба, но если это и возможно для не-

большой страны, обладающей готовымъ коммерческимъ флотомъ, то для обширной и тѣмъ болѣе континентальной страны это средство немыслимо. Требованія Голландіи или Гамбурга могутъ быть легко удовлетворены этимъ путемъ тѣми, кто ихъ привыкъ снабжать хлѣбомъ, но уже трудно будетъ исполнить тоже для Англіи, въ особенности въ случаѣ внезапнаго повышенія требованія. Чѣмъ больше страна, тѣмъ можетъ быть и больше ея требованіе и, слѣдовательно, тѣмъ труднѣе оно можетъ быть удовлетворено безъ значительнаго въ тоже время возвышенія цѣнъ на хлѣбъ. Поэтому страна сколько-нибудь обширная и въ особенности такая, въ которой мануфактурное производство превышаетъ земледѣльческое и которая сама не вывозитъ хлѣба, который могъ бы служить ей рессурсомъ въ голодные годы, неизбѣжно должна терпѣть болѣе отъ недостатка хлѣба точно такъ же, какъ всякая обширная страна должна болѣе терпѣть отъ неурожайныхъ годовъ, чѣмъ менѣе обширная. Но если мы оставимъ въ сторонѣ эти затрудненія и допустимъ возможность внѣшняго привоза, то такимъ привозомъ будутъ покрываться требованія хлѣба не безконечно. Усиленный спросъ долженъ возвышать цѣну привознаго хлѣба и когда это возвышеніе станетъ пропорціонально возвышенію рабочей платы, тогда опредѣлится самъ собою и тотъ предѣлъ числа рабочихъ, какой могутъ содержать мануфактурные капиталы; въ такомъ случаѣ общимъ предѣломъ населенія или числа работниковъ, какое могутъ содержать капиталы, будетъ то количество пищи, которое привозятъ или покупаютъ тѣмъ капиталомъ. Пока число рабочихъ не достигло этого предѣла и послѣ, черезъ усовершенствованія, сокращающія величину человѣческаго труда въ производствѣ, абсолютное богатство страны можетъ возрастать; между тѣмъ какъ положеніе рабочихъ классовъ должно постепенно ухудшаться. И такъ, между богатѣніемъ страны вообще и богатствомъ рабочихъ классовъ, или народнымъ достаткомъ, есть существенное различіе, и положеніе этихъ классовъ, а слѣдовательно и величина населенія измѣряется не номинальной *рабочей платой*, а количествомъ порцій, какое доставляетъ рабочая плата, потому что, какъ мы только-что видѣли, номинальная величина рабочей платы можетъ значительно расходиться съ дѣйствительной, смотря по количеству пищи, какое производитъ или ввозитъ страна.

Но не одно это обстоятельство обращаетъ номинальную величину рабочей платы въ нѣчто весьма неопредѣленное, обманчивое. Рабочая плата можетъ не возвышаться номинально, но можетъ быть открыта работа дѣтямъ и женамъ; такъ на то же семейство будетъ приходиться теперь большій доходъ, чѣмъ еслибы весь доходъ семьи состоялъ изъ одной, хоть и большей, рабочей платы главы семейства. Точно также

рабочая плата можетъ быть номинально выше, если сокращается число рабочихъ дней, устраняются отъ работы жены и дѣти, но дѣйствительный ея уровень будетъ ниже. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ величина рабочей платы и не можетъ служить мѣрой населенія, какое можетъ содержать страна, не подвергая его насильственному учету путемъ болѣзней и пр., и Мальтусъ выводитъ окончательно слѣдующее положеніе: *Единственной мѣрой населенія можетъ служить поэтому только количество пищи, предлагаемой предпринимателями на содержаніе труда.*

Предразсудокъ, существующій относительно вопроса населенія, весьма похожъ на тотъ, который существовалъ долго относительно денегъ: тамъ и здѣсь слѣдствія принимались за причины и люди заботились о слѣдствіяхъ, думая заботиться о причинахъ, пока опытъ не приводилъ къ разочарованію. Тамъ и здѣсь считали производство не за причину, а за слѣдствіе, и думали, что оно въ первомъ случаѣ должно придти вмѣстѣ съ деньгами, во второмъ—вмѣстѣ съ населеніемъ; тогда какъ собственно и деньги и населеніе только тогда хороши, когда онѣ суть слѣдствіе или продукты производства. Можно встрѣтить людей, всячески толкующихъ объ увеличеніи населенія и вовсе не помышляющихъ въ тоже время о томъ, что это увеличеніе тогда только цѣнно, когда оно есть результатъ увеличившихся средствъ.

Общій выводъ изъ всего этого тотъ, что общественныя средства не только не устраняютъ естественнаго закона, но принуждены, въ видахъ болѣе крайнихъ послѣдствій его, ограничивать еще болѣе естественный предѣлъ населенія черезъ изъятіе части дохода страны въ видѣ ренты изъ общаго фонда размноженія. Учрежденіе ренты, по понятіямъ Мальтуса, есть то средство, посредствомъ котораго общество можетъ распоряжаться величиной населенія, какъ оно сочтетъ за лучшее, позволяя ему ростать лишь до тѣхъ предѣловъ, какіе ему кажутся выгодными. Выдѣляя изъ дохода часть въ рабочую плату и удерживая другую въ видѣ ренты, оно говоритъ народу: вотъ это проживешь ты, а вотъ это проживу я; а выдѣляя рабочую плату, говоритъ: вотъ это тебѣ на твое размноженіе, далѣе этого ты не будешь множиться;—остальное будетъ прожито, но часть его во всякомъ случаѣ и несомнѣнно будетъ сохранена для большаго приращенія средствъ, для того, чтобы населеніе могло приростать и на будущее время въ соразмѣрности со средствами. Въ противномъ случаѣ все было бы прожито быстро, ничего не сбережено и вся будущность продана за лишнее количество страждущаго человѣческаго вещества. Если это такъ, говоритъ Мальтусъ, то рента не уничтожаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ физической возможности плодиться, она только указываетъ предѣлъ, гдѣ должно начаться принуди-

тельное дѣйствіе естественнаго закона; должны начаться болѣзни и голодъ, въ случаѣ если населеніе переступитъ этотъ предѣлъ. Послѣ этого человѣчеству остается выбирать одно изъ двухъ, или болѣзни или воздержаніе. То и другое можетъ быть тяжело, но сравнивая то и другое, едвали можно колебаться въ выборѣ. Мы должны выбрать, пишетъ Мальтусъ, воздержаніе. Въ самомъ законѣ, какимъ онъ поставленъ природой, нельзя видѣть чего-либо неразумнаго. Еслибы плодовитость слѣдовала сама собой за средствами, то не было бы никакого стимула, который бы побуждалъ людей къ труду. Теперь мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи силу, управлять которой уже наше дѣло выучиться. Страсть любви, которая лежитъ въ ея основаніи, не имѣетъ въ себѣ ничего дурнаго сама по себѣ какъ всѣ наслажденія. Но она подчиняется общимъ условіямъ всѣхъ страстей и всѣхъ наслажденій,—условіямъ мѣры, которыхъ не устанавливаетъ природа и которымъ выучивается самъ человѣкъ. Учится при этомъ человѣкъ своими ошибками, опытомъ; каждое излишество страсти отзывается личнымъ вредомъ для человѣка и этотъ вредъ составляетъ ея узду и указываетъ ея разумныя границы. Такъ относительно всѣхъ страстей вообще, также точно и относительно любви. Неумѣренность въ ѣдѣ наказывается болѣзнями, излишній гнѣвъ—совершеніемъ такихъ поступковъ, въ которыхъ мы послѣ раскаяваемся. Во всѣхъ случаяхъ принуждающей силой и критеріумомъ мѣры служитъ для человѣка личная выгода. Ничего другаго не требуется и тутъ отъ человѣка, какъ только то, чтобы онъ соблюдалъ свою личную выгоду и ради этой выгоды приспособился къ обстоятельствамъ, которыхъ онъ не въ силахъ измѣнить. Требуя воздержанія, мы не требуемъ слѣдовательно, пишетъ Мальтусъ, чего-либо противоположнаго общему характеру вещей. Какъ бы то ни было, а другого исхода нѣтъ. Недостаточные классы должны убѣдиться, что тотъ недостатокъ, который они терпятъ, они терпятъ по своей винѣ. Какъ бы медленно ни возрастали средства, они все-таки возрастаютъ; если населеніе вооружится воздержаніемъ, то черезъ это улучшится его положеніе. Но для этого нужно прежде всего, чтобы эта истина сдѣлалась предметомъ его сознанія. Между тѣмъ до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы убѣдить ихъ въ этомъ. Напротивъ, всѣ благотворительныя учрежденія, всѣ противоположныя теоріи были живымъ поощреніемъ ихъ къ тому убѣжденію, что они имѣютъ безграничное право на содержаніе, поощреніемъ къ увеличенію населенія и, слѣдовательно, къ созданію нищеты.

Такова эта философія Мальтуса. Здѣсь еще рано разбирать,—справедлива ли она или нѣтъ и на сколько справедлива или несправедлива,—все это будетъ разсмотрѣно ниже. Она не заключала въ себѣ никакого

открытія; принципъ, на которомъ она построена, былъ неоднократно высказываемъ ранѣе; она только развила его до извѣстной степени, обобщила, сдѣлала изъ него основаніе, достаточное для построенія цѣлой экономической системы, цѣлаго экономическаго міросозерцанія, для объясненія цѣлаго ряда отношеній. Въ этомъ смыслѣ она и стала краеугольнымъ камнемъ цѣлой экономической школы. Она заключала отвѣтъ на главный вопросъ, отвѣтъ, которымъ предрѣшался и опредѣлялся характеръ дальнѣйшихъ воззрѣній школы, и поэтому-то мы начали съ нея наше изложеніе идей этой школы.

Мальтусъ родился въ 1766 г., умеръ въ 1834 году. На его глазахъ совершилась слѣдовательно въ Англіи реформа «*закона о бѣдныхъ*», противъ котораго онъ такъ ратовалъ. Мальтусъ былъ по профессіи пасторъ. Отецъ его, поклонникъ идей XVIII вѣка, принималъ въ своемъ домѣ Юма и Руссо и раздѣлялъ идеи Годвина, по которымъ вина всѣхъ несчастій, которыя терпитъ человѣчество, относилась къ общественнымъ учрежденіямъ. Сынъ его высказалъ въ первый разъ изложенныя нами мысли по поводу и въ опроверженіе идей того же Годвина. Въ первый разъ изложенныя мысли были высказаны имъ въ краткомъ очеркѣ, вышедшемъ въ 1798 году, котораго нельзя даже разсматривать, по утвержденію Шарля Конта, какъ первое изданіе полнаго послѣдующаго труда, который вышелъ только пять лѣтъ спустя, въ 1803 г. Вскорѣ послѣ этого Мальтусъ получилъ мѣсто профессора исторіи и политической экономіи въ коллегіи остъ-индской компаніи, которое занималъ тридцать лѣтъ; въ теченіе этого времени онъ не написалъ однако болѣе уже ничего такого, что бы заслуживало особеннаго изложенія. Его современниками были Рикардо и Сей,—два главные представителя той же школы экономистовъ, съ которыми онъ велъ споры и съ которыми мы встрѣтимся ниже.

ГЛАВА IV.

Рикардо и его теорія цѣнности.

Мальтусъ указалъ на законъ размноженія народонаселенія какъ на раціональную причину неравномѣрнаго распредѣленія продукта въ обществѣ, а на ренту—какъ на естественный налогъ, при посредствѣ кото-

раго совершалась цивилизація и которымъ общество спасалось отъ постояннаго историческаго оцѣпенѣнія на одномъ градусѣ развитія.

Если Мальтусъ указалъ только на самый принципъ распредѣленія, то Рикардо разработалъ самый процессъ учета, самый порядокъ, какимъ распредѣленіе достигало того конца, въ которомъ оно нуждалось по теоріи Мальтуса.

Ни Мальтусъ, ни Рикардо не говорили чего-либо совершенно новаго. Какъ Мальтусъ только собралъ мысли, давно носившіяся въ экономическомъ воздухѣ и отъ времени до времени заявлявшіяся въ литературѣ, такъ Рикардо частью развилъ, частью измѣнилъ и дополнилъ мысли Смита. Но Рикардо, обладая строгимъ математическимъ умомъ, привыкшій къ точнымъ банкирскимъ счетамъ и много занимавшійся въ первое время своей жизни точными науками, придалъ своей обработкѣ ту строгость, точность и законченность, которыя почти граничили съ аналитическимъ построеніемъ системъ, математической формулировкой экономическихъ теоремъ. Самъ Рикардо, правда, не зналъ этихъ формулъ въ простомъ смыслѣ слова, но онѣ легко могутъ быть построены изъ его положеній и примѣровъ, и мы примемъ этотъ трудъ на себя, какъ потому, что это должно придать большую точность самому изложенію системы, какъ и потому, что черезъ это облегчится самое сравненіе отдѣльныхъ экономическихъ теорій, въ числѣ которыхъ должны встрѣтиться прямо построенныя на математическомъ анализѣ.

Мальтусъ указалъ на собственность какъ на общественное изобрѣтеніе и приспособленіе человѣчества къ законамъ природы, но приспособленіе, придуманное или совершившееся столь давно, что человѣчество потеряло ключъ къ настоящимъ сознательнымъ мотивамъ такого изобрѣтенія и преданіе о настоящихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это изобрѣтеніе; вслѣдствіе чего самое установленіе собственности обратилось для него въ установленіе непосредственное, подобно тому, какъ это случилось относительно языка и вообще слишкомъ древнихъ вещей на свѣтѣ, и ему снова пришлось отыскивать этотъ ключъ. Самый процессъ распредѣленія обратился давно въ машинальный, естественный процессъ, совершающійся самъ собою, въ актъ, какъ-бы чисто физіологическій, въ какомъ видѣ его и разсматриваетъ Рикардо. Всѣ элементы этого процесса Рикардо находитъ, разсматривая одно явленіе *цѣнности*. Въ этомъ явленіи для него, какъ и для Смита, какъ въ фокусѣ собраны всѣ нервы, управляющіе процессомъ распредѣленія, а потому установленіе закона цѣнности служитъ для него опредѣленіемъ того уравненія, которое уже заключаетъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ политической экономіи.

Продуктъ, пишетъ Рикардо, т. е. все, что мы извлекаемъ изъ земли при посредствѣ труда и капитала, распредѣляется между тремя классами лицъ въ обществѣ: поземельнымъ собственникомъ, капиталистомъ и работникомъ. Опредѣленіе законовъ, управляющихъ такимъ распредѣленіемъ, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ политической экономіи, и хотя многіе экономисты занимались этимъ предметомъ, тѣмъ не менѣе онъ не разработанъ достаточно, и потому Рикардо посвящаетъ ему самую значительную изъ своихъ монографій, озаглавленную «Начала политической экономіи и налоговъ», но представляющую въ тѣсномъ смыслѣ ничто иное какъ теорію цѣнности.

Съ именемъ Рикардо связывается обыкновенно представленіе какъ о спеціальномъ изслѣдователѣ закона ренты. Но это не совсѣмъ справедливо. Теорія ренты Рикардо является у него только частнымъ случаемъ общей теоріи цѣнности, а потому мы и должны начать изложеніе съ общей теоріи цѣнности, развиваемой Рикардо. Продуктъ распредѣляется, говоритъ Рикардо, на три члена: рабочую плату, прибыль и ренту, и сообразно этому въ цѣнность вещи входятъ три элемента: текущій трудъ, капиталъ и рента. Участіе каждаго изъ этихъ элементовъ и должно быть разсмотрѣно въ отдѣльности.

Адамъ Смитъ замѣтилъ, говоритъ Рикардо, что слово цѣнность имѣетъ два различныя значенія: въ одномъ случаѣ оно означаетъ полезность или годность вещи для нашего употребленія, въ другомъ — способность вещи обмѣняться на другую или купить другую вещь. Не всякая вещь, полезная для насъ, имѣетъ цѣнность въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, или мѣновую цѣнность.

Такъ самыя полезныя для насъ вещи, какъ-то: воздухъ, вода, если они даются непосредственно и въ изобиліи природой, не имѣютъ никакой мѣновой цѣнности. Поэтому польза вещи не служитъ мѣриломъ ея мѣновой цѣнности, и вещь, признанная разъ полезною, получаетъ мѣновую цѣнность, пропорціональную и зависящую отъ другихъ условій. Такими условіями служатъ: 1) величина труда или стоимость производства вещи и 2) ея рѣдкость или величина предложенія. Есть вещи, мѣновая цѣнность которыхъ зависитъ исключительно отъ ихъ рѣдкости и производство которыхъ не стоитъ никакого труда или, по крайней мѣрѣ, стоитъ весьма небольшаго труда сравнительно съ ихъ цѣной; таковы напр. картины, рѣдкія медали, статуи и пр. Но большая часть мѣновыхъ цѣнностей состоитъ изъ такихъ предметовъ, число которыхъ можетъ быть увеличиваемо пропорціонально труду, и потому, вообще говоря, мы должны имѣть въ виду цѣнности этого послѣдняго рода, составляющія общее правило въ политической экономіи. Адамъ Смитъ

называетъ натуральной цѣной вещи сумму труда, которой требуетъ ея производство, и слѣдовательно сумму труда, которую можно устранить для себя, покупая эту вещь.

Такова должна была быть дѣйствительно первоначальная мѣновая цѣнность вещей, и потому любопытно повѣрить, дѣйствительно ли сумма труда управляетъ постоянно мѣновой цѣнностью вещей. Если это такъ, то цѣнность каждой вещи должна возрастать съ тратой на ея производство лишняго труда. Между тѣмъ самъ Смитъ, указавъ на такое первоначальное мѣрило цѣнности, впослѣдствіи упоминаетъ о другихъ, указываетъ на количество хлѣба или количество труда — не то, котораго стоило производство вещи, а то, которое можно купить на эту вещь или на рабочую плату. Но количество труда, которое можно купить на данную вещь, не равно количеству труда, которое нужно истратить на ея производство, говоритъ Рикардо. Какъ цѣна хлѣба, такъ и цѣна труда могутъ возвышаться и падать, находясь въ зависимости отъ ихъ рѣдкости, или отъ спроса и предложенія; хлѣбъ и трудъ подчиняются въ этомъ смыслѣ такимъ же колебаніямъ цѣнности, какъ и металлы и прочіе товары, и потому цѣна хлѣба и рабочая плата столь же мало могутъ годиться для выраженія величины труда.

Положимъ, что производство обуви вдругъ потребуетъ вдвое меньше работы чѣмъ прежде; можемъ ли мы сказать, что работникъ будетъ получать вслѣдствіе этого вдвое болѣе обуви? Напротивъ, по всей вѣроятности его рабочая плата, говоритъ Рикардо, понизится на столько, что онъ въ состояніи будетъ купить только тоже количество обуви, какое покупалъ прежде. Положимъ, что производство 1 пары обуви стоило 5 дней и слѣдовательно за 1 рабочій день работникъ получалъ $^1/_5$ одной пары обуви; пусть производство 1 пары понизилось до 2 дней работникъ будетъ получать не $^1/_2$ обуви, а все тѣже $^1/_5$ или производитель будетъ покупать на 1 пару теперь не 2 раб. дня, а все тѣже 5 раб. дней. Поэтому, думаетъ Рикардо, послѣ того, что одно и тоже количество труда иногда можетъ покупать больше, иногда меньше продукта, несправедливо заключать, что цѣнность единицы труда остается неизмѣнна, а мѣняется цѣнность продукта, и не мѣняется цѣнность самаго труда. Послѣдняя подлежитъ тѣмъ же колебаніямъ въ зависимости отъ спроса и предложенія, какъ и цѣнность всѣхъ прочихъ вещей, и потому не можетъ служить мѣрой цѣнностей. Но справедливо держаться Смита въ томъ смыслѣ, что мѣновая цѣна товаровъ должна измѣряться не мѣновой цѣной труда или рабочей платой, а количествомъ труда, соотвѣтствующаго производству этихъ товаровъ. Если я на 1 шиллингъ покупаю теперь вдвое болѣе пищи чѣмъ прежде, то, по мнѣ

нію Рикардо, такое измѣненіе можетъ быть слѣдствіемъ какъ удешевленія пищи, такъ и вздорожанія металла. Если количество труда, требуемое на производство металла, осталось тоже, а уменьшилось количество труда, требуемое на производство пищи, то измѣнилась мѣновая цѣнность пищи; если, напротивъ, стоимость производства пищи въ рабочихъ дняхъ осталась таже, а увеличилась стоимость производства металла, то нужно сказать, что измѣнилась мѣновая цѣнность металла. Такимъ образомъ величина мѣновой цѣны въ обыкновенномъ смыслѣ можетъ быть слѣдствіемъ двухъ причинъ, изъ которыхъ ни одна не можетъ считаться постоянной.

Дѣйствительно въ обыкновенной мѣновой цѣнѣ двухъ товаровъ мы разсматриваемъ отношеніе ихъ натуральныхъ цѣнностей или стоимостей; изъ нихъ ни одна не постоянна. Напротивъ того, такъ какъ эта стоимость производствъ можетъ измѣняться для обоихъ, то и цѣна можетъ измѣняться въ зависимости отъ обоихъ и притомъ все равно, какой бы товаръ ни былъ нами взятъ за единицу сравненія—хлѣбъ, золото или трудъ. Означивъ товаръ, который берется за единицу сравненія, чрезъ y, а сравниваемый чрезъ x, мы можемъ выразить ихъ мѣновую цѣнность отношеніемъ $\frac{y}{x} = z$, и если это отношеніе можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія какъ x такъ и y, если само y или единица измѣренія можетъ быть различна въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ, то и нельзя рѣшить, вслѣдствіе чего измѣнится цѣна, вслѣдствіе ли вздорожанія x или y, т. е. измѣреннаго товара или товара, который берется за 1. Но рабочая плата, говоритъ Рикардо, есть такая же непостоянная единица, какъ и цѣнность всякаго другаго товара, а потому измѣрить цѣну вещи рабочими платами тоже, что измѣрять и на деньги хлѣбъ или всякій другой товаръ. Совершенно другое дѣло, если взять за единицу измѣренія самый трудъ, котораго требуетъ производство вещи, и измѣрять цѣнность количествомъ работы. Въ такомъ случаѣ единица измѣренія есть величина постоянная.

Адамъ Смитъ допускаетъ, что это одно и тоже, что измѣрять цѣнность вещи количествомъ труда, которое можно на нее купить. Рикардо говоритъ, что это могло бы быть тоже только въ томъ случаѣ, еслибы рабочая плата была величиной постоянной, а не измѣняющейся, какъ стоимость производства всѣхъ другихъ товаровъ; тогда было бы все равно, взять ли за единицу сравненія рабочую плату или число рабочихъ дней. Но такъ какъ мѣновая цѣна труда мѣняется, то, имѣя x и y, выраженныя въ рабочихъ платахъ, мы сравниваемъ между собой не двѣ натуральныя цѣнности, точно также какъ и въ томъ случаѣ,

когда выражаемъ цѣну вещи на деньги, и потому какъ x такъ и y должны быть приведены къ количествамъ работы для того, чтобы цѣнность вещей измѣрялась постоянной единицей мѣры, которой только и можетъ быть количество труда.

Рикардо доказываетъ, что такое-то именно количество труда, а вовсе не величина рабочей платы, служитъ мѣрой цѣнности вещей. Рабочая плата можетъ возвышаться, но количество труда, которое требуется на производство вещей, отъ этого нисколько не измѣняется, и такъ какъ возвышеніе рабочей платы будетъ одинаково имѣть мѣсто для всѣхъ производителей, то такое возвышеніе не будетъ имѣть вовсе вліянія на относительную цѣнность товаровъ. Если кусокъ сукна стоилъ два куска полотна, то, не смотря ни на какое возвышеніе рабочей платы, кусокъ сукна точно также будетъ продолжать обмѣниваться на два куска полотна. Еслибы мы имѣли такую мѣру для измѣренія цѣны товаровъ, которая была бы самая постоянная и не подлежала колебаніямъ, то мы убѣдились бы, что всякое повышеніе мѣновой цѣны и крайній предѣлъ этого повышенія для какого бы то ни было товара прямо пропорціональны количеству добавочнаго труда, необходимаго на его производство, и возвышеніе рабочей платы не увеличивало бы денежной цѣны товаровъ, пока производство этихъ товаровъ не потребовало бы большаго количества труда.

Такими разсужденіями Рикардо устанавливаетъ не только единицу измѣренія цѣнности, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ текущій трудъ входитъ въ опредѣленіе цѣны вещи. Очевидно, что, по его теоріи, онъ входитъ въ опредѣленіе цѣнности вещи абсолютной своей величиной. Переходимъ теперь къ опредѣленію участія въ цѣнности другого элемента производства: *капитала*.

Подъ количествомъ труда нужно разумѣть, пишетъ Рикардо, не только трудъ текущій, но и трудъ прошлый или капиталъ, но это-то вотъ условіе можетъ до извѣстной степени нарушить независимость мѣновой цѣнности отъ повышенія рабочей платы и вообще измѣнить относительную цѣнность двухъ предметовъ, смотря по различію капиталовъ, участвующихъ въ ихъ производствѣ. Всякій капиталъ можетъ быть выраженъ въ единицахъ текущаго труда, истраченныхъ на его производство, и потому стоимость производства всякаго предмета можетъ быть выражена суммой текущаго труда въ собственномъ смыслѣ, и сверхъ того труда, соотвѣтствующаго капиталу. Если въ двухъ сравниваемыхъ предметахъ отношеніе труда текущаго къ труду капитала тоже, то участіе капитала въ ихъ производствѣ остается безъ всякаго вліянія на относительную ихъ цѣнность. Поэтому еслибы участіе капиталовъ во всѣхъ производствахъ было равномѣрное, то правило, высказанное выше Рикардо относительно

измѣренія цѣнностей, было бы неизмѣнно. Но если участіе капитала въ двухъ производствахъ не одинаково, или если оно есть въ одномъ, а въ другомъ нѣтъ, то въ то время, какъ цѣна послѣдняго останется неизмѣнной и независящей отъ величины рабочей платы, все возвышеніе которой обрушится на прибыли или чистый доходъ, во второмъ цѣна товара измѣнится и можетъ быть или выше или ниже той, которая получается простымъ суммованіемъ рабочихъ дней, соотвѣтствующихъ текущему труду и капиталу. Прибавка эта въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ доходу, котораго не получалъ капиталистъ на трудъ въ теченіе всего времени производства капитала, и слѣдовательно чѣмъ продолжительнѣе производство даннаго капитала, тѣмъ значительнѣе должна быть и эта прибавка. Такъ напримѣръ, пусть одинъ предприниматель производитъ хлѣбъ, употребляя 10 работниковъ; пусть другой производитъ ткацкія машины, въ тоже время, употребляя 10 же работниковъ, и положимъ произведетъ 1 машину въ то время, какъ другой предприниматель произведетъ n четв. хлѣба; тогда 1 ткацкая машина будетъ равна по цѣнѣ n четв. хлѣба, ибо то и другое произведено однимъ и тѣмъ же количествомъ труда. Пусть на слѣдующій годъ первый предприниматель продолжаетъ производить тѣмъ же порядкомъ хлѣбъ, а другой, при посредствѣ своей машины, сукно и произведетъ m кусковъ сукна; тогда m кусковъ, говоритъ Рикардо, будутъ произведены $10+10=20$ работниками, изъ коихъ 10 ткали собственно сукно, а 10 другихъ строили машину, и цѣна m кусковъ сукна должна была бы быть равна $2n$ четвертямъ хлѣба. Но въ дѣйствительности она должна быть выше, ибо производитель хлѣба получилъ въ первый же годъ доходъ съ своего хлѣба, между тѣмъ какъ производитель машинъ не получилъ такого дохода. Первый производитель въ теченіе втораго года могъ пустить этотъ доходъ въ оборотъ и получить на него снова доходъ, такъ что если мы выразимъ этотъ доходъ въ видѣ процента a съ труда или стоимости продукта q, то производитель хлѣба, пуская этотъ доходъ въ оборотъ въ теченіе слѣдующаго года, получилъ всего къ концу втораго года $qa + (q + qa)\ a = q\ (2a + a^2)$ дохода.

Производитель же ткацкихъ машинъ при простомъ сложеніи количествъ труда, затраченнаго на машину и на рабочихъ для производства сукна, получилъ бы всего $2qa$ дохода, такъ что онъ былъ бы въ очевидномъ убыткѣ, и для того, чтобы этого убытка не было, m кусковъ сукна должны быть равны не $2qa$, а $2qa + aq^2$: часть a^2q и есть прибавка, слѣдующая производителю машинъ, противъ простой суммы затраченнаго имъ труда. Если число годовъ, въ теченіе которыхъ долженъ содержать число рабочихъ q капиталистъ, прежде чѣмъ начать по-

лучать доходъ съ капитала, равно не одному году, а k лѣтъ, то въ теченіе этого времени производитель хлѣба получитъ:

въ первый годъ дох. съ q раб. дн. . . . . aq

во второй годъ 1) дох. съ q раб. дн. . . . aq
2) » съ дох. 1-го года a^2q } всего $aq\,(1+a)$

въ третій годъ 1) » съ q раб. дн. . . aq
2) » съ дох. 1-го года a^2q
3) » съ » 2-го » $a^2q\,(1+a)$ } всего $aq\,(1+a)^2$

Итого за три года . . $aq\,(1+(1+a)+(1+a)^2)$.

На этомъ основаніи за k лѣтъ доходъ долженъ быть равенъ

$$aq\left[1+(1+a)+(1+a)^2+(1+a)^3+\ldots(1+a)^{k-1}\right]$$

Выраженіе въ квадратныхъ скобкахъ есть геометрическая прогрессія, сумма которой равна:

$$\frac{(1+a)^k-1}{(1+a)-1}=\frac{(1+a)^k-1}{a}$$

и потому весь доходъ за k лѣтъ равенъ

$$q\left[(1+a)^k-1\right].$$

Если произведенный капиталъ можетъ служить t лѣтъ, то стоимость его производства распредѣляется на t лѣтъ; стоимость же эта равна числу лѣтъ, въ теченіе которыхъ производился капиталъ, умноженному на годовое число работниковъ, плюсъ доходъ, котораго не получалъ производитель въ теченіе k лѣтъ производства капитала, такъ что означая ее черезъ A — стоимость эта равна $kq+q\left((1+a)^k-1\right)$.

Но выбирая капиталъ $q\left(k+(1+a)^k-1\right)$ не въ одинъ годъ, а въ t лѣтъ, производитель долженъ получить проценты за такую отсрочку. Поэтому, по правилу срочныхъ уплатъ, для погашенія въ t лѣтъ означеннаго капитала, потребитель долженъ будетъ платить ежегодно производителю

$$\frac{Aa\,(1+a)^t}{(1+a)^t-1}=\frac{aq\,(k+(1+a)^k-1)\,(1+a)^t}{(1+a)^t-1}.$$

Сверхъ того въ слѣдующій $k+1$ годъ, когда производитель начнетъ приготовлять сукно при посредствѣ своихъ машинъ, онъ долженъ получить по условію доходъ, равный доходу производителя хлѣба, т. е. qa, и возвратить еще капиталъ q, истраченный въ этомъ $(k+1)$ году, подлежащій ежегодному возвращенію, какъ капиталъ оборотный,

слѣдовательно еще $q(1+a)$. Итакъ производитель сукна долженъ будетъ получать ежегодно дохода:

$$q(1+a)+aq\left[\frac{(k+(1+a)^k-1)(1+a)^t}{(1+a)^t-1}\right];$$

это и будетъ цѣна m кусковъ сукна, которые онъ произведетъ.

Но если до начала производства машинами рабочая плата возвысится, въ такомъ случаѣ, цѣна хлѣба останется таже самая и возвышеніе рабочей платы падетъ на прибыль. Прибыль или доходъ будетъ не aq, а $a'q$, гдѣ $a' < a$. Производитель хлѣба получаетъ слѣдовательно за всѣ k лѣтъ, до возвышенія рабочей платы, доходъ aq, а за слѣдующій $k+1$ годъ доходъ $a'q$. Производитель же сукна будетъ въ другомъ положеніи: если рабочая плата возвысилась для года $k+1$, то онъ получитъ за $k+1$ лѣтъ доходъ по разсчету не $a^0/_0$, а $a'^0/_0$ и цѣна его товара будетъ разсчитываться не по той прибыли, которую получилъ производитель хлѣба до повышенія рабочей платы, а по новой, уменьшенной. Онъ будетъ очевидно въ убыткѣ тѣмъ большемъ, чѣмъ больше повысилась рабочая плата. Избѣжать же этого убытка и повысить цѣну своего товара, сверхъ только-что опредѣленной нормы, онъ не можетъ, ибо въ такомъ случаѣ оказалось бы предпріятіе, въ которомъ $^0/_0$ или прибыль была бы выше чѣмъ въ другихъ. Это привлекло бы сюда, говоритъ Риккардо, новыхъ предпринимателей и конкуренція заставила бы его производить товаръ по той цѣнѣ, какая соотвѣтствуетъ текущимъ прибылямъ, а не прошлымъ. Поэтому, думаетъ Рикардо, всѣ производства, связанныя съ значительнымъ капиталомъ, требующія долгаго устройства, обширныхъ построекъ, сооруженій и пр., должны терять болѣе и скорѣе отъ повышенія рабочей платы, и вообще пониженія прибылей, чѣмъ производства, капиталъ которыхъ имѣетъ болѣе оборотный характеръ. Но нужно сказать, прибавляетъ онъ, что потери эти не могутъ быть, вообще говоря, значительны и превышать 6—7$^0/_0$, и вообще на нихъ можно смотрѣть только какъ на пертурбацію закона, которой нельзя никакимъ образомъ связывать съ тѣми измѣненіями въ цѣнѣ, которыя должны происходить не вслѣдствіе возвышенія рабочей платы, а вслѣдствіе возвышенія количества труда, котораго требуетъ производство вещи.

Взимая за свой товаръ вышеопредѣленную цѣну, производитель сукна будетъ получать доходъ съ единицы истрачиваемой имъ рабочей силы, какъ и производитель хлѣба—одинаковый процентъ, который будетъ разсчитываться по числу рабочихъ, дѣйствительно употребленныхъ

имъ на производство капитала и текущій трудъ. Но собственно говоря, число единицъ работы, которыми онъ будетъ владѣть, теперь будетъ больше того числа живыхъ рукъ, которыя онъ употребилъ и продолжаетъ употреблять. Его машины должны работать больше, чѣмъ работало бы то число рабочихъ, которое онъ употребилъ на ихъ производство. Иначе не было бы никакой выгоды производить капиталъ. Выражается это тѣмъ, что если онъ теперь производитъ m кусковъ сукна тѣмъ числомъ рабочихъ рукъ, которыя употребилъ на капиталъ и работу, то прежде онъ слѣдов. производилъ тѣмъ же числомъ рукъ менѣе чѣмъ m кусковъ сукна, и если прежде, для производства m кусковъ сукна, онъ долженъ былъ употребить положимъ $q + kq = q\,(1 + k)$ рабочихъ, то теперь употребляетъ, какъ мы знаемъ, менѣе рабочихъ, и эти послѣдніе рабочіе работаютъ какъ прежніе $q\,(1 + k)$ работниковъ. Но доходъ, который онъ получаетъ, говоримъ мы, разсчитывается не по $q(1+k)$ работниковъ, а по q уменьшенному числу работниковъ, т. е. по числу дѣйствительно затрачиваемыхъ рукъ, а не по количеству живой силы, собранной въ рабочихъ рукахъ и капиталѣ. Еслибы это было иначе, еслибы производитель капитала могъ взимать доходъ со всей суммы работъ какъ имъ дѣйствительно истрачиваемой, такъ и сохраненной, сокращенной или, вѣрнѣе, переведенной на силы природы въ капиталѣ, то при этомъ не могло бы никогда имѣть мѣста никакое удешевленіе продукта и m штукъ сукна вѣчно стоили бы все тѣже $q\,(1+k)$ работниковъ, потребитель или общество ничего бы не выигрывало отъ производства капитала. Но если производитель въ тоже время получаетъ доходъ только съ тѣхъ рукъ, которыя употреблялъ въ дѣло, доходъ, величина котораго опредѣляется тѣмъ же %, какимъ доходъ производителя хлѣба, то можно спросить, какую же онъ имѣетъ выгоду производить капиталъ? Предполагается, что производитель сукна имѣетъ возможность теперь производить въ то же время и тѣмъ же числомъ текущихъ рукъ большее количество сукна, чѣмъ прежде, и продавать каждую штуку сукна дешевле, чѣмъ прежде, вслѣдствіе чего онъ увеличитъ спросъ или потребленіе сукна. Поэтому, если производитель сукна будетъ получать тотъ же % съ каждой штуки сукна, то зато онъ будетъ продавать большее число штукъ и слѣдовательно общій доходъ его увеличится. Такое вліяніе должно имѣть на цѣнность продуктовъ участіе капитала.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть еще, какое вліяніе долженъ имѣть третій членъ распредѣленія—рента. Рента, опредѣляетъ Рикардо, есть та часть продукта, которая уплачивается собственнику земли за право пользоваться ея производительными силами, принадлежащими ей отъ

самой природы и неразрушимыми. Въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію Рикардо, слѣдуетъ строго отдѣлять отъ ренты всякую плату, которая относится не къ природнымъ свойствамъ земли, а къ устройствамъ и улучшеніямъ, сдѣланнымъ на ней человѣкомъ и относящимся къ капиталу. Но Рикардо идетъ еще далѣе и запрещаетъ относить къ рентѣ все, что извлекается изъ земли, съ поверхности ея или внутренности; поэтому, говоритъ онъ, нельзя назвать рентой платы за право рубить и пользоваться лѣсомъ, копать уголь или извлекать вообще руду, и подъ рентой, по мнѣнію Рикардо, слѣдуетъ разумѣть только плату за мѣсто или за производительныя силы этой мѣстности съ условіемъ сохранять ихъ постоянными, или плату за право пользованія землей,—ибо иначе всякая жатва будетъ такимъ же извлеченіемъ питательнаго матеріала изъ почвы, такимъ же выборомъ изъ нея растительной руды, если можно такъ выразиться, и такой же рубкой лѣса. Онъ прямо говоритъ, что подъ рентой слѣдуетъ разумѣть плату за пользованіе только *неразрушимыми* свойствами, и ударяетъ на это слово.

Такое различіе весьма важно, потому что рента вліяетъ совершенно иначе, по его мнѣнію, на опредѣленіе цѣнности, чѣмъ капиталъ.

Когда земля только-что заселяется, когда она находится въ изобиліи, никому не придетъ въ голову платить что-нибудь за право обрабатывать землю, точно также какъ никому не приходитъ въ голову платить за право пользоваться воздухомъ, и слѣдовательно въ такомъ положеніи вещей ренты не существуетъ. Но по мѣрѣ того, какъ земля заселяется, можетъ оказаться недостатокъ въ землѣ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ относительный. Земли лучшаго качества могутъ быть заняты, и нуждающійся въ землѣ долженъ будетъ обратиться къ землямъ низшаго качества. Когда это случится, тогда можетъ явиться интересъ для лица, нуждающагося въ землѣ, вмѣсто того, чтобы обрабатывать худшій участокъ, заплатить владѣльцу лучшаго извѣстную сумму за право пользоваться лучшимъ, и эта сумма по величинѣ своей должна приближаться къ разности между выгодами обрабатывать лучшую и худшую землю. Когда населеніе увеличится до того, что должны будутъ обрабатываться участки третьяго сорта, тогда можетъ быть выгода заплатить владѣльцамъ участковъ втораго сорта извѣстную сумму за право обрабатывать ихъ участки, и т. д.

Рента является такимъ образомъ слѣдствіемъ постепеннаго заселенія земель и увеличивающагося на нихъ спроса. По мѣрѣ обработки участковъ все худшаго и худшаго качества, производство хлѣба или обработка земли становится дороже на однихъ участкахъ, чѣмъ на другихъ, одинъ и тотъ же капиталъ и трудъ, приложенный къ земледѣлію, начинаетъ

давать различный доходъ, смотря по тому, къ какому участку онъ приложенъ; а такъ какъ капиталъ не можетъ давать различныхъ прибылей въ различныхъ производствахъ или прибыль со всякаго капитала стремится, въ силу конкуренціи, къ одному общему уровню, то капиталистъ вынужденъ будетъ уступить собственнику земли всю разность дохода, которая получается отъ обработки лучшихъ участковъ въ сравненіи съ худшими. Рента будетъ такимъ образомъ всегда разностью между различными прибылями, которыя могутъ дать однѣ и тѣже величины труда и капитала. Можетъ случиться, что вмѣсто обработки худшихъ участковъ капиталистъ предпочтетъ вложить лишній капиталъ въ лучшіе и поднять ихъ производительность. Но если только излишекъ дохода, который чрезъ это получится, превзойдетъ доходъ, причитающійся на добавочный капиталъ, согласно общему уровню дохода съ капиталовъ, то этотъ излишекъ дохода можетъ быть точно также взятъ собственникомъ земли и составитъ ренту.

Такимъ образомъ понятіе ренты совершенно освобождается Рикардо отъ послѣдовательной обработки худшихъ участковъ въ правильномъ нисходящемъ порядкѣ. Образъ перехода обработки съ лучшихъ участковъ на худшіе имъ предложенъ только какъ схематическій образъ, какъ частный примѣръ, не имѣющій существеннаго значенія въ вопросѣ возникновенія ренты. Существеннымъ условіемъ возникновенія ренты является, по его мнѣнію, вовсе не правильный переходъ обработки съ однихъ участковъ на другіе, а общій законъ *равенства прибылей*. По этому закону, одинъ и тотъ же капиталъ и трудъ не могутъ давать различныхъ прибылей въ одномъ и томъ же производствѣ, ибо конкуренція поспѣшитъ уравнять эти прибыли, еслибы онѣ могли случиться. Если этотъ законъ справедливъ даже не для различныхъ производствъ, а для одного и того же производства, то неминуемымъ слѣдствіемъ его долженъ быть вычетъ всѣхъ разностей въ прибыляхъ въ пользу монополиста дешеваго способа и въ частномъ случаѣ землевладѣльца,—который и составитъ ренту.

Еслибы первый капиталистъ сталъ отказываться отъ такого вычета, то разъ мы допускаемъ, что общій уровень прибылей ниже, что существующіе капиталы находятъ возможнымъ примѣняться изъ-за меньшей выгоды, то на мѣсто его, говоритъ Рикардо, скоро должно явиться нѣсколько другихъ капиталистовъ, готовыхъ уступить въ его пользу означенный вычетъ. Или это будетъ такъ или мы должны предположить, что общій уровень дохода съ капитала долженъ быть выше того, какой предполагаетъ собственникъ.

Если это справедливо, то величиной ренты будетъ всегда управлять

величина дохода съ послѣдняго вложеннаго капитала и труда. Чѣмъ больше сумма труда и капитала, которая вложена на производство вещи, тѣмъ дороже должна быть цѣна вещи, ибо цѣна вещи опредѣляется величиной труда, употребленнаго на ея производство. Но такъ какъ одна и таже вещь не можетъ имѣть двухъ цѣнъ на рынкѣ, то само собой разумѣется, что всѣ одинаковыя вещи будутъ продаваться на рынкѣ по одной и той же цѣнѣ и именно той наибольшей цѣнѣ, которую за нее соглашается дать потребитель и по которой слѣдовательно производитель можетъ имѣть выгоду ее приготовлять. Поэтому цѣна вещей будетъ опредѣляться не по самой дешевой, а по самой дорогой стоимости, по которой она производится и дѣйствительно покупается, т. е. по цѣнѣ, соотвѣтствующей наименьшимъ прибылямъ на капиталъ.

Чѣмъ выше эта цѣна и чѣмъ болѣе удаляется отъ нея стоимость производства той же вещи для тѣхъ, кто находитъ возможнымъ производить вещь по болѣе дешевой цѣнѣ, тѣмъ больше разность между стоимостями производствъ и больше рента. Поэтому рента вполнѣ опредѣляется цѣной или стоимостью производства вещи, есть величина вполнѣ зависимая и подчиненная, есть результатъ, а не причина; она управляется, но сама ничѣмъ не управляетъ, зависитъ отъ цѣнъ, но не оказываетъ никакого вліянія на цѣну.

Мы могли бы вполнѣ уничтожить ренту, какъ долю собственника, и черезъ это нисколько не понизили бы стоимости вещей и ихъ мѣновой цѣны, мы только перемѣстили бы ренту изъ одного кармана въ другой. Вещи стоятъ дороже не потому, что платится рента, но рента платится потому, что вещи стоятъ дороже. Итакъ разсмотрѣніе ренты приводитъ къ тому заключенію, что она не оказываетъ никакого вліянія на цѣну вещей и единственной величиной, управляющей цѣнностями, остается *величина труда*, истрачиваемая на ихъ производство въ формѣ ли текущаго труда или капитала. Но въ тоже самое время разсмотрѣніе ренты приводитъ къ дальнѣйшему развитію этого перваго закона; нами выше было выведено, что цѣна вещей опредѣляется исключительно стоимостью ихъ производства, а теперь мы должны прибавить къ этому положенію новое: *она опредѣляется по самой значительной и невыгодной стоимости ихъ производства, какая только выносится рынкомъ и потребителями.*

Это-то послѣднее дополненіе закона, управляющаго цѣнностью вещей, и даетъ мѣсто явленію ренты, какъ разности между текущей мѣновой цѣнностью вещей и цѣнностями ея въ производствѣ, существующими для отдѣльныхъ производителей. Опредѣленная такимъ образомъ рента служитъ признакомъ пониженія производительности труда, слѣдовательно

дурнымъ признакомъ. Но въ тоже время она служитъ признакомъ увеличившагося населенія и какъ-бы бо́льшаго богатства. Но не нужно смѣшивать того и другаго. Производительность труда можетъ падать, но въ тоже время большее число единицъ труда могутъ дать большую сумму продукта и слѣдовательно большую валовую сумму богатства, но доля богатства, причитающаяся на каждаго, будетъ становиться меньше, не смотря на большую его валовую сумму; а такъ какъ мы должны принимать во вниманіе преимущественно величины относительнаго богатства, а не валовую его сумму, то въ этомъ смыслѣ рента служитъ признакомъ пониженія относительнаго богатства. Но точно также какъ рента вызывается и возвышается вмѣстѣ съ затрудненіемъ способовъ производства, точно также она и падаетъ вмѣстѣ со всякимъ улучшеніемъ или облегченіемъ производства. Если какимъ-либо образомъ, или вслѣдствіе внѣшняго привоза или открытія болѣе дешеваго способа производства хлѣба, количество труда и капитала, употреблявшееся прежде на производство того же количества хлѣба, уменьшится, то вмѣстѣ съ тѣмъ упадетъ цѣна хлѣба, а слѣдовательно и величина ренты, пока возрастаніе населенія не вернетъ снова вещей къ прежнему положенію. Такое вліяніе должны имѣть всѣ сельско-хозяйственныя улучшенія, и для этого, «какъ я сказалъ уже, — прибавляетъ Рикардо, — вовсе не нужно, чтобы измѣнялось непремѣнно количество обработываемыхъ земель; достаточно, чтобы болѣе дорогой способъ уступалъ мѣсто болѣе дешевому на томъ же участкѣ». Мысль эта требуетъ нѣкотораго поясненія.

Положимъ, говоритъ Рикардо, что послѣдовательные виды улучшеній, вложенные въ видѣ капитала въ землю, заставляютъ ее приносить 100, 90, 80, 70 единицъ продукта,

тогда рента будетъ	100 — 70 = 30 90 — 70 = 20 80 — 70 = 10	а всего продукта	100 90 80 70
	60		340

Положимъ теперь, что вслѣдствіе новыхъ улучшеній тѣже участки приносятъ 125, 115, 108 и 95 единицъ продукта, тогда рента

будетъ	30 20 10	въ то время какъ сумма продукта будетъ	125 115 105 95
	60		440

и слѣдовательно возрастетъ до 440 единицъ. Разсчетъ этотъ слѣдовательно долженъ какъ будто противорѣчить только-что сказанному. Но, замѣчаетъ Рикардо, такое увеличеніе продукта невозможно до того времени, пока пропорціонально ему не увеличится спросъ или населеніе. Если текущій спросъ или потребность выражается числомъ 340, несмотря на улучшенія, страна будетъ продолжать производить все тѣ же 340 единицъ продукта, и тогда рента будетъ не 60, а всего 30; капиталы, приносившіе 10 и 0 ренты, вынутся изъ земледѣлія. Такимъ образомъ рента понизится до новаго возрастанія требованій.

Правда, въ дѣйствительности спросъ на хлѣбъ находится постоянно въ извѣстной степени напряженія, такъ что средства не только не превышаютъ, но не успѣваютъ за потребностями, поэтому нужно считать за хорошій признакъ, если рента хотя и не убавляется, но по крайней мѣрѣ не возвышается при улучшеніяхъ производства. Поэтому всякое возвышеніе ренты должно служить признакомъ того, что улучшенія отстаютъ отъ потребностей, что спросъ опережаетъ предложеніе и производительность труда понижается. Рента служитъ такимъ образомъ термометромъ благосостоянія и производительности труда: если она возвышается, то это значитъ, что послѣдній падаетъ, и наоборотъ, хотя нужно помнить, что не она вызываетъ это паденіе, а служитъ только его слѣдствіемъ и признакомъ, точно также какъ не ртуть термометра заставляетъ падать или возвышаться температуру, а, напротивъ, температура заставляетъ падать и возвышаться ртуть.

Для того, чтобы связать теперь означенныя понятія Рикардо о рентѣ съ тѣмъ, что было выше сказано относительно измѣренія цѣнностей, припомнимъ то, что было нами тамъ сказано относительно вліянія капитала на опредѣленіе цѣнности.

Мы видѣли, что производитель капитала посредствомъ даннаго числа рабочихъ собираетъ въ капиталѣ большее количество потенціальной силы, чѣмъ какое представляютъ живыя руки, которыя онъ заставляетъ работать; этотъ придатокъ силы собирается имъ конечно не изъ ничего, а образуется насчетъ силъ природы, имъ собранныхъ и пріуроченныхъ къ производству. Тѣмъ не менѣе самъ онъ, какъ мы сказали тамъ, по мнѣнію Рикардо не будетъ прямо пользоваться этими силами, а только косвенно; благодаря увеличенію спроса, придатокъ этотъ не выразится въ цѣнѣ продукта и производитель капитала будетъ получать за свой товаръ цѣну, которая разсчитывается по числу затраченныхъ имъ рукъ, а не по всей суммѣ потенціальной силы, собранной въ капиталѣ и имѣющей обратиться въ живую силу. Производитель строитъ орудія, на которыя употребляетъ положимъ qk рабочихъ, но эти орудія будутъ

работать въ производствѣ t лѣтъ какъ большее число рабочихъ, которое положимъ равнымъ $q'k$; тѣмъ не менѣе цѣна товара заплотитъ ему только за qk рабочихъ или за часть живой силы, соотвѣтствующую этому числу рабочихъ, но между q' и q будетъ всегда существовать извѣстная разность, извѣстное приращеніе живой силы, вступающее въ распоряженіе производства при содѣйствіи улучшеній капитала, насчетъ котораго человѣческій трудъ выиграетъ въ производительности. Эта-то разность, это-то приращеніе производительности труда въ функціи отъ капитала, сказано выше, не выражается въ цѣнѣ; что же съ нимъ дѣлается? кто имъ пользуется, если не пользуется капиталистъ? Очевидно, что если эта разность не выражается въ цѣнѣ, то ею долженъ пользоваться никто другой какъ потребитель. И онъ дѣйствительно будетъ ею пользоваться, но только не всегда. Все будетъ зависѣть отъ величины спроса на продуктъ, о которомъ идетъ рѣчь. Тутъ можно себѣ представить три случая:

Или сумма спроса на данный предметъ есть величина постоянная и потому величина его не возвысится вслѣдствіе улучшеній,—въ такомъ случаѣ производитель не имѣетъ никакой выгоды затрачивать на него капитала, но въ случаѣ затраты всю выгоду возьметъ потребитель. Или спросъ увеличится только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ улучшеніе даетъ возможность увеличить количество производства производителю,—и въ такомъ случаѣ потребитель выигрываетъ на цѣнѣ товара, а производитель на количествѣ его, получая большую сумму прибыли съ большей суммы производства при томъ же процентѣ. Или спросъ превзойдетъ ту величину продукта, которую можетъ поставить капиталистъ по облегченному способу, и потребитель будетъ согласенъ платить болѣе высокую цѣну за товаръ. Въ такомъ случаѣ цѣна товара очевидно уже повысится. Онъ будетъ производиться не только улучшеннымъ способомъ, но болѣе дорогими прежними способами, и такъ какъ на рынкѣ не можетъ быть двухъ цѣнъ на тотъ же товаръ, то цѣна товара будетъ устанавливаться уже не по улучшенному, а по самому дорогому способу, который только согласенъ будетъ оплатить покупатель, и въ цѣнѣ товара явится разность, которую оплатитъ покупатель. Разность эта будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ возрастать величина спроса, и если мы будемъ имѣть въ виду не моментальное возрастаніе спроса, а возрастаніе его въ теченіи времени, то мы легко представимъ себѣ, что эта цѣна не только можетъ дойти до того уровня, на которомъ она находилась до улучшенія производства (если только въ теченіе этого времени не воспослѣдуетъ новыхъ улучшеній въ производствѣ), но и превзойдетъ этотъ уровень. Первый случай наступитъ

какъ только хотя одинъ предприниматель найдетъ выгоднымъ производить товаръ по первоначальной цѣнѣ и если мы предположимъ, что производство товара до улучшеній, произведенныхъ въ немъ нашимъ капиталистомъ, стоило $q(1+k)$ текущихъ дней, то товаръ будетъ продаваться по цѣнѣ $q(1+k)$. Такъ какъ и всѣ лица, которыя будутъ производить товаръ по болѣе дешевому способу, будутъ продавать его теперь по послѣдней, т. е. большей цѣнѣ, то разность въ стоимостяхъ ихъ производства $(1+k)$ $(q-q')$ или все сбереженіе рабочихъ рукъ, произведенное улучшеніями, все приращеніе живой силы или производительности труда выразится теперь въ цѣнѣ и не достанется болѣе потребителю. Но его не можетъ взять также капиталистъ, ибо, по мнѣнію Рикардо, не можетъ существовать двухъ различныхъ процентовъ. Оно составитъ разность въ стоимостяхъ производствъ для одной и той же величины труда и капитала, т. е. ренту.

Итакъ приращеніе живой силы, производимое капиталомъ, можетъ получить два направленія: оно можетъ обратиться на пользу потребителя и можетъ поступить въ пользу рентьера. Первое будетъ тогда, когда улучшеніе способовъ производства или предложеніе по болѣе дешевой цѣнѣ слѣдуютъ за спросомъ, когда улучшенный способъ производства исключаетъ другіе; второе начинаетъ совершаться по мѣрѣ того какъ предложеніе и улучшеніе производства не поспѣваетъ за спросомъ, и облегченные способы производства становятся исключительными и рядомъ съ ними могутъ существовать другіе болѣе дорогіе. Рента является, словомъ, какъ непремѣнный результатъ нарушенія равновѣсія не между спросомъ и предложеніемъ вообще, а между спросомъ и предложеніемъ, соотвѣтствующимъ самому дешевому изъ извѣстныхъ способовъ производства.

Что касается отдѣльныхъ продуктовъ, составляющихъ предметъ человѣческаго потребленія, то быстрота возрастанія спроса на нихъ различна, а потому различно должно быть и ихъ отношеніе къ рентѣ. Относительно земледѣльческаго продукта спросъ находится постоянно въ состояніи напряженія и улучшенія не поспѣваютъ за потребностями, а потому здѣсь всего очевиднѣе вступаетъ въ дѣйствіе рента. Но общій законъ возникновенія ренты по теоріи Рикардо одинъ и тотъ же. Понятно точно также, что чѣмъ большій просторъ предложенію открываетъ улучшенный способъ производства, тѣмъ болѣе способствуетъ онъ пониженію ренты, и наконецъ такія улучшенія, которыя открываютъ возможность производить продуктъ болѣе дешевымъ способомъ въ неопредѣленномъ количествѣ, устанавливаютъ навсегда за даннымъ продуктомъ максимумъ цѣны, выше котораго она не можетъ уже подняться.

*

Такъ напримѣръ искусственное приготовленіе алицарина изъ каменнаго угля должно уничтожить земледѣльческую культуру крапа и удешевить алицаринъ нетолько на время, но безусловно, такъ какъ трудно предвидѣть, чтобы спросъ на алицаринъ могъ возрости дотого, чтобы на его производство не стало угля, пока только будутъ еще цѣлы запасы каменнаго угля и за крапомъ не окажется другихъ какихъ-либо неизвѣданныхъ свойствъ, которыя могли бы возвысить спросъ на него свыше мѣры. Въ этомъ смыслѣ незначительное удешевленіе производства, но такое, которое не ограничивается опредѣленной суммой производства, можетъ быть выгоднѣе для потребителя болѣе значительнаго удешевленія, но примѣнимаго только къ производству опредѣленнаго количества продукта.

Такимъ образомъ мы видимъ теперь, что живая сила, сбереженная капиталистомъ, разъ она сбережена, не пропадаетъ, а кто-нибудь ею пользуется—или потребитель или собственникъ. Въ первомъ случаѣ ей не придаютъ никакого особеннаго названія, во второмъ она носитъ названіе ренты. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ она составляетъ одно и тоже и имѣетъ ту же абсолютную величину. Это—приращеніе живой силы, совершаемое непосредственно природой или капиталами и цивилизаціей.

Мы нашли выше общее выраженіе для живой силы, затрачиваемой капиталистомъ, изъ которой легко найдемъ выраженіе соотвѣтствующее ея приращенію, т. е. или рентѣ или выгодѣ потребителя, смотря по тому, кто имъ воспользуется, рентьеръ или потребитель. Это приращеніе можетъ быть выражено или числомъ работниковъ, которыхъ сбережетъ капиталистъ при посредствѣ капитала, или лишнимъ количествомъ продукта, которое будетъ производить каждый употребленный имъ работникъ. Согласно предыдущему, мы будемъ искать выраженія этого приращенія въ числѣ лишнихъ рабочихъ, которыхъ пріобрѣтетъ капиталистъ, но предварительно выразимъ это приращеніе въ единицахъ продукта. Для этого положимъ прежде всего, что до производства капитала существовалъ производитель, который производилъ сукно, употребляя на это то число рабочихъ, какое будетъ употреблять по нашему разсчету ежегодно производитель сукна, приготовлявшій для этой цѣли машины въ теченіе k лѣтъ.

Положимъ, что, употребляя число рабочихъ $q(1+k)$, производитель сукна безъ машинъ этимъ числомъ рабочихъ вырабатываетъ ежегодно m продукта, причемъ каждый работникъ доставляетъ слѣдовательно $\frac{m}{q(1+k)} = x$ продукта. Еслибы второй производитель сукна, употребившій k лѣтъ на производство машинъ, при ихъ посред-

ствѣ могъ выработать тѣ же m единицъ сукна, какія вырабатываетъ и первый производитель безъ посредства машинъ, то онъ не имѣлъ бы никакого повода строить свои машины, и тогда не было бы никакого приращенія въ производительности труда, ибо каждый работникъ продолжалъ бы производить все тѣ же x единицъ сукна. Мы должны предположить поэтому, что второй производитель сукна при посредствѣ своихъ машинъ будетъ производить не m единицъ сукна, а болѣе. Это болѣе и будетъ приращеніемъ валовой выработки, котораго достигаетъ производитель при посредствѣ капитала. Положимъ это приращеніе безконечно малымъ и означимъ его черезъ dm. Тогда производитель сукна капиталистъ будетъ вырабатывать $m + dm$ продукта и каждый работникъ при содѣйствіи машинъ $x + dx$. И dm, dx и dq выразятъ послѣдовательно приращенія производительности работы при посредствѣ капитала передъ производительностью труда въ его непосредственной формѣ: dm для всего количества затраченныхъ рукъ, dx для каждаго работника, а dq приращеніе каждаго работника; соотвѣтственно этому все число работниковъ, имъ употребленное, будетъ представлять теперь не $q(1 + k)$ раб., а $(q + dq)(1 + k)$. Такъ какъ капиталистъ употребляетъ ежегодно на производство сукна $q(1 + k)$ работниковъ въ формѣ текущей работы и капитала, и каждый работникъ вырабатываетъ теперь не x, а $x + dx$ сукна, то общее количество вырабатываемаго имъ теперь сукна будетъ $m + dm = (x + dx)\, q\, (1 + k)$, а излишекъ или приращеніе выработка въ сравненіи съ первымъ производителемъ, который истрачиваетъ то же число работниковъ, но только все это число истрачиваетъ въ формѣ текущаго труда, будетъ:

$$m + dm - m = (x + dx - x)\, q\, (1 + k) \text{ или}$$
$$dm = q\, (1 + k)\, dx.$$

Это и есть приращеніе валоваго выработка, выраженное въ единицахъ продукта. Для того, чтобы перейти теперь отъ этого выраженія къ другому, которое бы выражало, какое число лишнихъ работниковъ будетъ представлять такое приращеніе или излишекъ выработка, нужно раздѣлить его на ту выработку, которую даетъ каждый работникъ безъ капитала, т. е. означая ее черезъ x_0; тогда мы узнаемъ, сколько лишнихъ работниковъ или единицъ живой силы пріобрѣтаетъ капиталистъ благодаря своимъ машинамъ. Означимъ это приращеніе живой силы на каждаго работника черезъ dq, а первоначальную выработку каждаго работника черезъ x_0, тогда

$$dq\ (1+k) = \frac{dm}{x_0} = \frac{q\,(1+k)\,dx}{x_0} \text{ или } dq = \frac{q dx}{x_0}.$$

Коэффиціентъ $\frac{q\,(1+k)}{x_0}$ мы должны разсматривать какъ постоянный множитель, отъ величины котораго не зависитъ приращеніе производительности, исключительно зависящее отъ dx, и въ такомъ случаѣ проинтегрировавъ выраженіе въ предѣлахъ отъ x_0 = первоначальной производительности труда до $x = x$, получимъ для суммы приращеній труда или ренты, означая ее черезъ R или $\triangle q$,

$$R = \triangle q = \frac{q\,(1+k)}{x_0} \int_{x_0}^{x} dx = \frac{q\,(1+k)}{x_0}\,(x - x_0)$$

Таково выраженіе общаго числа лишнихъ рабочихъ, которыхъ пріобрѣтаетъ капиталистъ въ своемъ капиталѣ, со всѣхъ затрачиваемыхъ имъ рабочихъ, слѣдовательно каждый рабочій доставитъ ему $\frac{(x-x_0)}{x_0}$ новыхъ рабочихъ. Это и будетъ коэффиціентъ приращенія производительности единицы труда, вслѣдствіе обращенія труда текущаго въ трудъ капитала, умножая на который все количество истрачиваемаго труда на трудъ текущій и производство капитала, получимъ величину ежегодной ренты. Еслибы коэффиціентъ этотъ былъ величиной одинаковой для всѣхъ производствъ, то опредѣленіе величины ренты не представляло бы затрудненія по плану Рикардо. Но такъ какъ коэффиціентъ этотъ измѣняется нетолько во времени, и различно для отдѣльныхъ производствъ, но и не одинаковъ даже для каждаго даннаго производства, то опредѣленіе его и должно представить большія затрудненія. И мы пока должны довольствоваться его общимъ выраженіемъ.

Это-то приращеніе живой силы вслѣдствіе капитала не всегда однако составитъ ренту, а какъ мы знаемъ, можетъ обратиться и въ ренту и въ въ выгоду потребителя. Обращаясь въ выгоду потребителя, оно будетъ служить увеличеніемъ равномѣрнаго распредѣленія продукта, обращаясь въ ренту оно будетъ производить обратное дѣйствіе. Но ни то ни другое направленіе его не зависитъ отъ произвола законодателя, а отъ другихъ причинъ, чисто экономическихъ. Если удешевленный способъ въ состояніи удовлетворять общему потребленію, то приращеніе живой силы достается потребителю; если нѣтъ, то приращеніе ея обращается неминуемо въ ренту. Въ каждомъ обществѣ, поэтому, общее приращеніе живой силы можетъ распредѣляться двумя путями: одна часть этого приращенія можетъ идти въ ренту, другая потребителю; чѣмъ больше пер-

вая, тѣмъ больше общество на пути къ равномѣрному распредѣленію и слѣдовательно увеличенію своего населенія, чѣмъ больше вторая, тѣмъ болѣе оно на пути къ обратному положенію.

Абсолютная величина приращенія живой силы остается та же, такъ что между отдѣльными членами ея существуетъ довольно простое отношеніе, которое можно выразить такъ. Если все приращеніе живой силы назовемъ $\triangle q$, часть ея, достающуюся потребителю, черезъ $\triangle' q$, а ренту черезъ R, то будемъ имѣть $\triangle q = R + \triangle' q$, и $R = \triangle q - \triangle' q$. И такъ рента поземельная, по теоріи Рикардо, выходитъ ничѣмъ инымъ какъ частнымъ случаемъ неравномѣрной стоимости производства отдѣльныхъ порцій того же продукта.

Постараемся теперь примѣнить эти основанія къ разсчету поземельной ренты.

Если мы имѣемъ рядъ такихъ приращеній живой силы $\triangle_1 q$, $\triangle_2 q$, $\triangle_3 q$ и т. д., осуществимыхъ только на отдѣльныхъ участкахъ, и въ тоже самое время имѣемъ A участковъ 1-го рода, B участковъ втораго и т. д., то все приращеніе живой силы будетъ

$$\Sigma \triangle q = (A \triangle_1 q + B \triangle_2 q \ldots N \triangle_n q) =$$

$$\frac{q(1+k)}{x_0} [A (x_1 - x_0) + B(x_2 - x_0) + \ldots N(x_n - x_0)]$$

$$= \frac{q(1+k)}{x_0} \left(A \int_{x_0}^{x_1} dx + B \int_{x_0}^{x_2} dx \ldots + N \int_{x_0}^{x_n} dx\right)$$

Допуская, что dx возрастаетъ непрерывно, т. е. что данное земледѣльческое производство представляетъ всѣ степени производительности между извѣстными предѣлами, для соединенія всѣхъ этихъ интеграловъ въ одинъ нужно знать отношеніе между ихъ коэффиціентами A, B, C... Для данной страны можно знать численную величину этихъ коэффиціентовъ— это вопросъ статистики. Мало того, можно видѣть, что величина этихъ коэффиціентовъ можетъ быть выражена общей эмпирической формулой въ функціи отъ x, такъ какъ можно допустить, что число участковъ должно уменьшаться и падать въ извѣстномъ отношеніи къ ихъ производительности—тогда всѣ частные интегралы будутъ функціями одного x и могутъ быть соединены въ одномъ.

Такъ для Пруссіи имѣемъ на основаніи официальной статистики слѣдующія данныя о количествѣ отдѣльныхъ участковъ пахотной земли въ зависимости отъ ихъ дохода. (Jahrb. f. d. Amtliche Statistik des Preuss. St. Herausg. v. kön. statist. Bureau. I Jahrg. II Th. 232 S.)

Отъ 0	до 0,5	тал.	25,6%	} 41,5
» 0,5	» 1	»	15,9	
» 1	» 2	»	19,9	
» 2	» 4	»	25,2	
» 4	» 6	»	9,5	
» 6	» 8	»	3,4	
свыше 8		»	0,7	

Слѣдовательно производительность отъ 0

до 0,5	тал.	будетъ заключать	25,6%	земель
» 1	»	»	41,5	»
» 2	»	»	61,4	»
» 4	»	»	86,6	»
» 8	»	»	99,4	»
» 10	»	»	100,0	»

Въ двухъ такихъ видахъ, эти данныя будутъ выражать функціи отъ производительности, но въ обоихъ случаяхъ функціи эти будутъ неодинаковы, что видно изъ ихъ численныхъ значеній, а потому мы назовемъ ихъ послѣдовательно черезъ $\varphi(p)$ и $f(p)$, гдѣ p означаетъ производительность участка въ деньгахъ.

Какъ $\varphi(p)$ такъ и $f(p)$ могутъ быть интерполированы. Обращаясь прежде всего къ $\varphi(p)$, способы интерполированія $\varphi(p)$ дадутъ эмпирическую формулу измѣненія числа участковъ въ функціи отъ ихъ производительности или p.

Уравненіе это графически изобразитъ ординаты кривой, абцисса у которой будетъ p и которыя будутъ означать число участковъ, соотвѣтствующее данной производительности p. Умножая ординату на соотвѣтствующую ей абциссу p или производительность, получимъ площади, выражающія отдѣльныя ренты съ участковъ данной производительности, сумма которыхъ составитъ общую величину ренты со всѣхъ участковъ страны. Если мы допустимъ, что производительность отъ однихъ участковъ къ другимъ возрастаетъ въ предѣлахъ отъ p_0 до p_n не въ конечныхъ разностяхъ, а непрерывно, т. е. самое число разрядовъ производительности, на которые будутъ раздѣлены всѣ земли, безконечнымъ, то всѣ эти интегралы могутъ быть соединены въ одинъ, и сумма ихъ въ такомъ случаѣ должна выразиться площадью, ограничиваемой кривою, выражающей число участковъ въ функціи отъ ихъ производительности, т. е. если какъ говоримъ число участковъ, соотвѣтствующее данной производительности, можетъ быть выражено въ видѣ $y = \varphi(p)$ то, умножая на dp, получимъ элементъ ренты

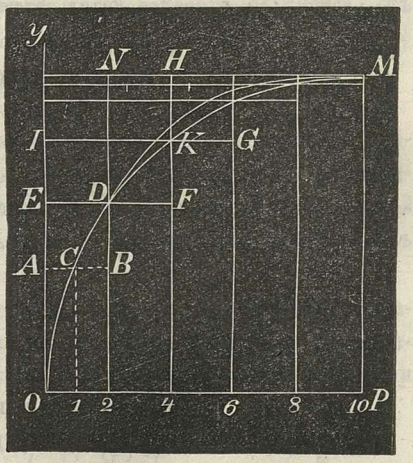
$$dq = ydp = \varphi(p)\, dp$$

а вся рента выразится интегралом

$$R = \triangle q = \int_{p_0}^{p} \varphi(p)\, dp.$$

Въ интересахъ экономическихъ намъ важно разсмотрѣть ближе самый видъ $\varphi(p)$, какою она представляется и изъ эмпирическихъ данныхъ и изъ общихъ соображеній. Мы выписали выше данныя, заимствованныя изъ официальной прусской статистики и относящіяся къ производительности пахотныхъ полей; въ нихъ число участковъ, въ зависимости отъ производительности, выражается въ процентахъ общаго количества пахотныхъ земель, такъ что $\varphi(p)$ заключаетъ общаго множителя, именно общее количество пахотной земли, который можетъ быть вынесенъ за скобку, который мы можемъ оставить безъ вниманія разумѣя подъ $\varphi(p)$ только существенную ея часть или процентное отношеніе числа участковъ въ зависимости отъ производительности. Разсматривая въ этомъ смыслѣ прусскія данныя, легко видѣть, что $\varphi(p)$ есть функція убывающая и притомъ довольно правильно. Эта правильность будетъ еще нагляднѣе, если мы, оставивъ въ сторонѣ данныя соотвѣтствующія $\varphi(p)$, обратимся къ даннымъ какъ они представлены нами во второмъ видѣ. Въ этомъ случаѣ они выразятся нѣкоторой новой функціей отъ производительности $f(p)$ отличной отъ первой, но связанной съ первой извѣстною зависимостью и потому точно также ведущей къ рѣшенію вопроса.

Для ясности, лучше всего начертимъ кривую, ординаты которой должны выражать новую функцію $f(p)$. Относя ее къ прямоугольнымъ координатамъ и опредѣляя $y = f(p)$ не въ процентахъ или сотыхъ доляхъ единицъ, а въ десятыхъ доляхъ, пусть OM будетъ эта эмпирическая кривая, ординаты которой возрастаютъ отъ 0 до $\frac{10}{10}$ въ то время какъ производительность p будетъ возрастать отъ 0 до 10 талер. Если изъ точки $p = 10$, радіусомъ равнымъ 10, опишемъ четверть окружности, то, какъ показываетъ чертежъ, дуга круга будетъ почти сливаться съ кривой OM и во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ приближеніемъ выразитъ линію



$f(p)$, уравненіе которой слѣдовательно въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена на чертежѣ, будетъ отнесенное къ y и p

$$y=\sqrt{20\,p-p^2},$$ а отнесенное къ центру

$$y=\sqrt{10^2-p^2}$$

Припомнимъ теперь, что въ приведенномъ чертежѣ единицы y означали собственно не единицы, а десятыя доли; поэтому, раздѣля y на 10, окончательно получимъ

$$y=\frac{1}{10}\sqrt{20\,p-p^2} \text{ и } y=\frac{1}{10}\sqrt{10^2-p^2}$$

Это уравненіе не будетъ уже болѣе уравненіемъ круга, а будетъ уравненіемъ эллипсиса, котораго обыкновенныя полуоси a и b послѣдовательно равны 10 и 1. Итакъ искомая кривая приблизительно выразится дугою или четвертью окружности эллипсиса означеннаго вида, получаемаго изъ общаго уравненія эллипсиса:

$$\frac{p^2}{a^2}+\frac{y^2}{b^2}=\frac{p^2}{10^2}+\frac{y^2}{1}=1.$$

Для того, чтобы перейти теперь къ опредѣленію всей величины ренты обращаясь къ числамъ, допустимъ на-время, что разряды участковъ возрастаютъ не непрерывно, а въ конечныхъ разностяхъ, словомъ, что у насъ нѣтъ участковъ, приносящихъ промежуточныя ренты, а только разряды, дающіе 2, 4, 6, 8 и 10 талер. ренты, и сосчитаемъ ренты, которыя мы получимъ въ такомъ случаѣ со своихъ участковъ:

61.4%	земли по	2	т. ренты дастъ	1.228
25.2	»	4	» »	1.008
9.4	»	6	» »	0.564
3.4	»	8	» »	0.272
0.7	»	10	» »	0.070
			всего . . .	3.142

Обращаясь теперь къ чертежу, видимъ, что послѣдовательныя ренты 1.2, 1.0, 0.56, 0.27 и 0.07 суть произведенія приращеній $y=61.4$, 25.2 и т. д. на p_2, p_4, p_6 и т. д. и слѣдовательно на нашемъ чертежѣ произведенія эти или ренты выразятся послѣдовательно пло-

щадями $OED2$, $EFKI$ и т. д., а вся рента 3.142 суммой этихъ площадей, которая есть ничто иное какъ площадь отрѣзка OYM, образуемая дугой эллипсиса отъ цѣлой площади $OYMP_{10}$ + треугольные отрѣзки выступающіе по сю сторону эллиптической дуги OM. Если приращенія y будутъ возрастать не въ конечныхъ разностяхъ, а непрерывно, то дѣленія x будутъ становиться тѣмъ меньше, чѣмъ непрерывнѣе будетъ возрастать y и вся рента или площадь, ее выражающая, раздѣлится не на 5 составныхъ площадей какъ теперь, а на безконечное ихъ число, основанія которыхъ будутъ безконечно малы. Станемъ же увеличивать число дѣленій p. Положимъ, что каждое прежнее дѣленіе p раздѣлено на 2, или p равно, послѣдовательно, не 2, 4, 6 и т. д., а 1, 2, 3 и т. д., и посмотримъ, что станется съ отрѣзками, выступающими по сю сторону дуги эллипсиса; увидимъ, что вмѣсто отрѣзка $OD2$ получатся два отрѣзка $OC1$ и CDB, которыхъ сумма меньше прежняго отрѣзка $OD2$. Тоже самое будетъ и съ остальными отрѣзками. Видимъ, слѣдовательно, что, по мѣрѣ увеличенія числа частей, на которое дѣлится OP, или уменьшенія приращеній p, величина отрѣзковъ, выступающихъ по сю сторону дуги OM, уменьшается и слѣдовательно въ предѣлѣ, когда предположимъ приращеніе числа частей или разрядовъ, на которые дѣлится земля, безконечнымъ, отрѣзки эти будутъ равны нулю и площадь, выражающая сумму частныхъ рентъ съ отдѣльныхъ разрядовъ земель, сольется съ площадью OYM. Стало быть, въ концѣ концовъ вся величина ренты со всѣхъ земель или вѣрнѣе общій коэффиціентъ ренты или ренты съ единицы земли выразится площадью внѣшняго отрѣзка, образуемаго дугой четверти эллипсиса отъ прямоугольника, построеннаго на его полуосяхъ,

$$R = OYMP - OMP$$

а отдѣльныя составныя ренты отрѣзками той же дуги отъ площадей прямоугольниковъ, построенныхъ на соотвѣтствующихъ p и y-ахъ. Для окончательнаго выраженія ренты, остается узнать величину этихъ площадей и отрѣзковъ, образуемыхъ отъ нихъ дугой эллипсиса, полуоси которыхъ послѣдовательно равны a и b.

Если ордината кривой, которую представляетъ нашъ чертежъ, выражается $f(p)$, то отдѣльныя составныя площади прямоугольника, построеннаго на прямоугольныхъ полуосяхъ кривой, выразятся черезъ $pf(p)$ или

$$\int_o^p f(p)\,dp + \int_o^p pf'(p)\,dp$$

и вся площадь—тѣмъ же интегралomъ, взятымъ въ предѣлахъ отъ o до

$p = a$. Элементъ площади по сю сторону кривой черезъ $f(p)\,dp$, и вся часть этой площади черезъ

$$\int_0^p f(p)\,dp.$$

Вычитая послѣднее выраженіе изъ перваго, получимъ площадь внѣшняго отрѣзка отъ прямоугольника, ограничиваемаго кривой, или ренту, т. е.

$$R = \int_0^p p\,f'(p)\,dp.$$

Сравнивая теперь оба выраженія для ренты, полученныя изъ $\varphi(p)$ и $f(p)$, получаемъ

$$\int_0^p \varphi(p)\,dp = \int_0^p p\,f'(p)\,dp$$

$$\varphi(p) = p\,f'(p).$$

Имѣя въ виду эту зависимость, въ частномъ случаѣ, можно избирать для построенія кривой тотъ или другой видъ, т. е. выражать ее или въ видѣ $\varphi(p)$ или $f(p)$ и переходить когда нужно отъ одного къ другому. Такъ какъ въ нашемъ частномъ случаѣ $f(p) = \frac{b}{a}\sqrt{a^2-p^2}$, а при координатахъ, отнесенныхъ къ вершинѣ $\frac{b}{a}\sqrt{a^2-(a-p)^2}$, и $f'(p) = \frac{b(a-p)}{a\sqrt{a^2-(a^2-p)^2}}$, то для Пруссіи

$$R = \frac{b}{a}\int_0^p \frac{p(a-p)}{\sqrt{a^2-(a^2-p)^2}}\,dp = \frac{pb}{a}\sqrt{a-(a-p)^2} - \frac{b}{a}\int_0^p \sqrt{a-(a-p)^2}.$$

Интегралъ, входящій въ послѣднюю часть равенства, взятый въ предѣлахъ отъ p_0 до p, будетъ

$$= -\left[\frac{b(a-p)}{2a}\sqrt{a^2-(a-p)^2} + \frac{ba}{2}\,arcsin\,\frac{a-p}{a} - \frac{ab}{2}\,arcsin\,1\right]$$

$$= \left\{\frac{ab}{2}\left(arcsin\,1 - arcsin\,\frac{a-p}{a}\right) - \frac{b(a-p)}{2a}\sqrt{a^2-(a-p^2)}\right\}$$ и

слѣдовательно рента съ единицы земли

$$R = \frac{pb}{}\sqrt{a^2-(a-p)^2} -$$

$$-\left\{\frac{ab}{2}\left(\arcsin 1 - \arcsin\frac{a-p}{a}\right) - \frac{b(a-p)}{2a}\sqrt{a^2-(p-a)^2}\right\}$$

выраженіе, которое черезъ соединеніе подобныхъ членовъ приводится окончательно къ слѣдующему виду:

$$R = \frac{b}{2a}(p+a)\sqrt{a^2-(a-p)^2} - \frac{ba}{2}\left(\frac{\pi}{2} - \arcsin\frac{a-p}{a}\right).$$

Въ частномъ случаѣ, если желаемъ знать величину ренты со всѣхъ земель, выраженіе это значительно упрощается; дѣйствительно, полагая $p = 10$, получимъ

$$R = 10\left(1 - \frac{\pi}{4}\right) = 2{,}146.$$

Это средняя рента съ единицы земли для Пруссіи, за которую взятъ былъ прусскій моргенъ. Поэтому, если общее количество земли пахотной равно A морген., то вся рента будетъ A 2,146. Это и есть величина того приращенія производительности труда, которое можетъ или все достаться въ пользу собственника и обратиться въ дѣйствительную ренту, или передѣлиться между собственникомъ и потребителемъ, или возрасти еще болѣе, смотря по тому, будетъ ли стоимость производства хлѣба оставаться та же, уменьшаться, или увеличиваться. Если въ странѣ, относительно которой сдѣланъ подобный разсчетъ, обработка достигла земель послѣдняго разряда, то, по теоріи Рикардо, эта величина ренты будетъ предѣльной и безусловной ея величиной; если обработка не достигла предѣла земель или, что тоже, безусловное количество хлѣба, котораго можетъ потребовать спросъ и дать предложеніе, можетъ еще увеличиваться хотя насчетъ и болѣе дорогой обработки, то рента можетъ увеличиваться; если же способы обработки будутъ улучшаться и производство хлѣба удешевляться, то часть ренты будетъ доставаться въ пользу потребителя и дѣйствительныя ренты сокращаться. Такъ какъ мы не можемъ назначить а priori предѣловъ означеннаго увеличенія спроса на хлѣбъ, то не можемъ конечно опредѣлить и безусловныхъ предѣловъ ренты и безусловной величины той ея части, которая достанется потребителю въ случаѣ улучшенія производства, и можемъ опредѣлить эту часть отправляясь только отъ даннаго положенія вещей, т. е. опредѣлить только тѣ части, которыя будутъ доставаться потребителю изъ настоящей ренты, а не тѣ, которыя ему достались уже изъ прошлой ренты или которыя никогда не поступали въ ренту, составляя всегда достояніе потребителя.

Отправляясь отъ того положенія ренты, какое нами только-что опредѣлено, и оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько

положеніе прусскаго потребителя могло бы быть безусловно хуже вслѣдствіе закона ренты, разсмотримъ порядокъ, какимъ это положеніе можетъ улучшаться противъ настоящаго, по мѣрѣ того какъ отдѣльныя доли ренты будутъ поступать въ распоряженіе потребителя. Допустимъ, что вслѣдствіе удешевленія способовъ производства земли, дающія 2 талера ренты, даютъ 0 ренты, тогда потребитель получитъ въ свою пользу не только всю ренту съ участковъ, дававшихъ до 2 тал. дохода, но и рента всѣхъ остальныхъ собственниковъ сократится на 2 талера, т. е., обращаясь къ чертежу, пріобрѣтеніе потребителя выразится нетолько площадью *EDO*, но и площадью *YNDE*; въ суммѣ она можетъ быть выражена слѣдовательно площадью $OYN2 — OD2$; точно также въ случаѣ поля ренты съ участковъ, дававшихъ 4 тал., пріобрѣтенія потребителя выразятся площадью *OYHK*. Видимъ, что элементъ пріобрѣтеній потребителя выразится площадью $bdp — f(p)\,dp$, а все пріобрѣтеніе потребителя площадью

$$\int_0^p bdp - \int_0^p f(p)\,dp, \text{ т. е.}$$

$$bp - \left\{\frac{ab}{2}\left(\frac{\pi}{2} - arcsin\,\frac{a-p}{a}\right) - \frac{b\,(a-p)}{2a}\sqrt{a^2-(a-p)^2}\right\}$$

Выраженіе это и будетъ выраженіемъ приращенія выгодъ потребителя вслѣдствіе удешевленія производства. Полагая p послѣдовательно равнымъ 2, 4, 6, 8 и 10, получимъ слѣдующія величины приращеній выгодъ потребителя при

$p = 2 — 1{,}186$
$p = 4 — 1{,}775$
$p = 6 — 1{,}997$
$p = 8 — 2{,}129$
$p = 10 — 2{,}146$

Видимъ, что выгоды потребителя отъ уничтоженія ренты возрастаютъ не равномѣрно, что сокращенія послѣднихъ по порядку возникновенія рентъ приносятъ ему гораздо болѣе прибыли, чѣмъ послѣдующія, и что потери, которыя онъ несетъ отъ дальнѣйшаго повышенія ренты, гораздо значительнѣе выгодъ, пріобрѣтаемыхъ имъ отъ дальнѣйшаго пониженія ренты. Это вообще заставляетъ предположить, что дальнѣйшее пониженіе ренты не столь для него важно, сколько дальнѣйшее ея неповышеніе и что потери, которыя несетъ потребитель или народъ отъ первыхъ рентъ, незначительны въ сравненіи съ дальнѣйшими и эти потери возрастаютъ весьма быстро вмѣстѣ съ стоимостью производства, не пропорціонально этой стоимости, а быстрѣе ея.

Эта неравномѣрность обусловливается неравномѣрностью распредѣленія числа участковъ по плодородію, т. е. сравнительно бо́льшимъ числомъ менѣе плодородныхъ участковъ передъ болѣе плодородными. Пока такая неравномѣрность имѣетъ мѣсто и число участковъ оказывается тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе они плодородны, до тѣхъ поръ все сказанное составляетъ законъ. Но такъ какъ мы пока не можемъ принять этого за общее правило, то и можемъ высказать означенный законъ не иначе какъ условно и съ ограниченіемъ. Пока мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго относительно общаго вида кривой, изображающей распредѣленіе участковъ по плодородію, или вида $f(p)$, до тѣхъ поръ мы должны будемъ принимать сказанное не иначе, какъ съ такимъ ограниченіемъ, хотя бы порядокъ возрастанія числа земель, обратно пропорціональный ихъ плодородію, и имѣлъ за себя всѣ вѣроятія. Видъ означенной кривой, какою она нами опредѣлена по прусскимъ даннымъ, мы не имѣемъ никакого права принимать за общее правило, а только за частный случай. Эллиптическая форма ея есть форма, относящаяся къ этому частному случаю; въ другихъ случаяхъ кривая можетъ принять другой видъ, хотя общій способъ опредѣленія ренты и аналитическое ея выраженіе останутся тѣ же, а именно: $yp - \int_{\bullet}^{p} y dp$; но y или $f(p)$ должно будетъ опредѣлиться интерполированіемъ и мы не можемъ сказать заранѣе, какой она приметъ видъ.

Замѣчательно, конечно, что если взять въ разсчетъ не пахотныя земли, а луга, то совпаденіе кривой или $f(p)$ съ выраженіемъ дуги эллипсиса оказывается для этого вида земель по прусскимъ даннымъ еще совершеннѣе, чѣмъ для пахотныхъ земель. Какъ бы то ни было, а останавливаясь на прусскихъ данныхъ, дающихъ замѣчательно правильный видъ $f(p)$, нужно высказать то предположеніе, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ $f(p)$ будетъ приближаться къ подобному виду, потери потребителя или выгоды его отъ дальнѣйшаго пониженія ренты въ его пользу весьма незначительны. Мы только-что опредѣлили выше эти выгоды по мѣрѣ обращенія ренты въ пользу потребителя, изъ нихъ оказывается, что полная рента, взимаемая прусскими собственниками, равняется 2,146 талер. съ моргена.

Такъ какъ въ 1858 году считалось 1,347,763 моргена, то вся рента Пруссіи съ пахотныхъ земель можетъ быть опредѣлена въ $1{,}347{,}763 \cdot 2{,}146 = 2{,}892{,}299$ или приблизительно въ 2 милл. 892 тыс. талеровъ.

Слѣдовательно, если допустить, что вся рента обращена въ пользу

потребителя, т.о. прусскіе потребители, взятые всѣ вмѣстѣ, пріобрѣтутъ съ пахотныхъ полей ежегоднаго выигрыша около трехъ милліоновъ талеровъ, что при 18,500,000 общаго населенія дастъ каждому $\frac{30}{185} = 0.176$ тал. или увеличитъ доходъ каждаго на ничтожную сумму 5.28 грошей или на 15.84 коп. сер.

Страна, которая вся состояла бы изъ земель высшаго разряда, пріобрѣла бы немного болѣе, чѣмъ втрое, т. е. 0.54 талера, или немного болѣе полуталера на каждаго. Такая ничтожная выгода, пріобрѣтаемая каждымъ отъ сокращенія поземельной ренты, сама собою говоритъ противъ всякой мысли объ увеличеніи общаго благосостоянія насчетъ сокращенія настоящей ренты и зависимости настоящаго стѣсненнаго положенія рабочихъ классовъ собственно вслѣдствіе присутствія ренты; мысли, принадлежащей къ числу тѣхъ скороспѣлыхъ и абсурдныхъ выводовъ, которые слишкомъ склонны дѣлать люди, мало привыкшіе къ точному разсужденію и для которыхъ вопросы самые сложные рѣшаются слишкомъ легко тѣми выводами, которые болѣе ласкаютъ ихъ воображеніе.

Правда, рента и съ точки зрѣнія теоріи Рикардо можетъ возвышаться, и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ стать существенною тягостью для потребителя, но такое крайнее ея возвышеніе уже не лежитъ въ принципѣ ренты, а въ особыхъ условіяхъ, на которыя постоянно указывала разсматриваемая экономическая теорія; она зависитъ отъ непроизводительнаго употребленія ренты, которое если становится общимъ правиломъ, то можетъ приводить къ весьма тяжелымъ результатамъ.

Поэтому совершенно иное дѣло указывать на ренту не какъ на ресурсъ повышенія единичныхъ доходовъ, а указывать на нее какъ на естественный фондъ, изъ котораго совершается между прочимъ національная капитализація, совершается ростъ цивилизаціи. Рента съ пахотныхъ земель распредѣленная даетъ каждому прусскому подданному пятиалтынный лишняго дохода. Всякій пойметъ, что такой прибавкой нельзя поднять благосостояніе потребителей. Это послѣднее зависитъ отъ удешевленія не только способовъ земледѣльческаго производства, увеличивающаго только сумму населенія, но вообще производства, оставляющаго данному населенію или числу потребителей большія сбереженія, а такое улучшеніе способовъ производства вообще достигается не насчетъ уничтоженія ренты, а насчетъ производительнаго ея употребленія, т. е. обращенія ренты въ капиталъ или новый ресурсъ дохода. Дѣйствительно, три милл. тал. ренты, обращаемые ежегодно въ капиталъ, составляютъ уже весьма ощутительный ресурсъ для занятія труда не

только физическаго, но и умственнаго, сочетаніемъ которыхъ только и достигаютъ дѣйствительныхъ успѣховъ въ самыхъ способахъ производства. Поэтому, разсуждая о рентѣ, экономисты весьма настоятельно говорятъ о производительномъ ея употребленіи, и если рента хотя извѣстной частью идетъ на такія полезныя предпріятія, приносящія прямой доходъ собственнику, какъ сооруженіе дорогъ, или на такія, какъ содержаніе умственнаго труда и развитіе знанія, не дающія повидимому прямой коммерческой прибыли, но увеличивающія умственный капиталъ страны,—она выполняетъ свое назначеніе.

Производительное же или непроизводительное употребленіе ренты зависитъ не отъ одного каприза потребителей, а имѣетъ свои естественные стимулы и условія, которыми употребленіе ренты направляется въ ту или другую сторону. Степень производительнаго употребленія доходовъ пропорціональна средствамъ, открытымъ такому употребленію. Если такихъ средствъ мало, а напротивъ, много средствъ, открытыхъ непроизводительнымъ тратамъ, то послѣднія и будутъ превышать производительное употребленіе доходовъ. А сумма этихъ средствъ зависитъ отъ уровня цивилизаціи, отъ знанія природныхъ богатствъ своей страны и способовъ пользованія ими, слѣдовательно отъ развитія знанія, отъ суммы обмѣна и облегченія сношеній страны какъ съ другими странами, такъ и между отдѣльными частями той же страны;—словомъ, отъ суммы полезныхъ предпріятій, существующихъ кругомъ владѣльца дохода и открывающихъ ему средства производительнаго помѣщенія своихъ доходовъ. Если такія средства открыты, то и большая доля доходовъ будетъ помѣщаться производительнымъ образомъ; если они закрыты, то они будутъ тратиться непроизводительно, будутъ ли этими тратящими—потребители вообще, или только собственники, это все равно. Мы не имѣемъ поэтому основанія лично винить потребителя даже въ томъ случаѣ, если его траты непроизводительны. Если ренты и доходы достаточныхъ классовъ находятъ свое помѣщеніе въ такихъ предпріятіяхъ какъ сооруженіе дорогъ, въ такомъ случаѣ рента идетъ на прибыль и представляетъ естественный налогъ, обращающійся въ фондъ общественныхъ улучшеній и цивилизаціи. Вообще рента, съ точки зрѣнія разсматриваемой теоріи, для страны тяжела только въ томъ случаѣ, когда обладатель не умѣетъ или не можетъ изъ нея сдѣлать производительнаго употребленія. Поэтому, когда говорятъ противъ ренты, то говорятъ только противъ непроизводительнаго ея употребленія, а вовсе не противъ ренты. Сама по себѣ она представляетъ тотъ естественный вычетъ съ потребителя, насчетъ котораго образуются первые зачатки цивилизаціи въ странѣ, и извѣстная доля людей находитъ возможность чисто физическій трудъ замѣнять бо-

лѣе производительнымъ; такъ какъ безъ извѣстнаго вычета или налога на физическій трудъ, невозможно содержаніе умственнаго труда.

Но если рента не примѣняется производительно, тогда, съ точки зрѣнія экономической теоріи, послѣдствія могутъ быть вдвойнѣ тягостны. Тогда не только истрачивается текущая рента, но самымъ способамъ производства не приносится никакихъ улучшеній, земледѣліе нисколько не улучшается, а между тѣмъ населеніе наростаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и обработка должна переходить на худшія земли и слѣдовательно возростать самая величина ренты, и возрастать, какъ мы знаемъ теперь, не равномѣрно возрастанію стоимости производства, а быстрѣе — прогрессивно. Изъ этого мы видимъ, какъ важно для страны постоянное присутствіе полезныхъ предпріятій и средствъ производительнаго помѣщенія частныхъ доходовъ и какая забота должна прилагаться вообще о развитіи этихъ средствъ и постоянномъ присутствіи въ странѣ духа предпріимчивости. Но это замѣчаніе касается уже не только ренты, а вообще доходовъ, и притомъ не только доходовъ болѣе достаточныхъ и зажиточныхъ классовъ, но и простаго народа. Если сбереженія послѣдняго бываютъ ниже того, чѣмъ они могли бы быть, если мы слышали вездѣ, начиная съ Англіи, жалобы на безпечность и расточительность простаго народа, пьянство и т. п., то этого нельзя объяснить простой безпечностью, а точно также отсутствіемъ готовыхъ способовъ производительнаго помѣщенія мелкихъ доходовъ и такихъ предпріятій, которые бы давали имъ производительное направленіе. Въ этомъ же отношеніи мелкіе доходы имѣли и имѣютъ постоянно гораздо менѣе средствъ помѣщенія. Болѣе крупные доходы имѣли по крайней мѣрѣ всегда открытыя средства *сохраненія*, если не употребленія ихъ на дающія доходъ предпріятія. Менѣе же крупныя, особенно въ странахъ менѣе устроенныхъ, даже не имѣли подъ рукою готовыхъ кассъ, которыя бы ихъ сберегали. Мы знаемъ, какое громадное вліяніе имѣло на западѣ развитіе акціонерныхъ предпріятій на производительное помѣщеніе не только болѣе крупныхъ доходовъ, но и доходовъ средней руки; какое число полезныхъ сооруженій выполнено на такіе доходы вслѣдствіе развитія акціонерныхъ обществъ, которыя прежде съ трудомъ находили помѣщеніе въ производительности, и Милль давно обратилъ на это вниманіе. Мы видѣли и видимъ собственными глазами, съ какой охотой разбираются у насъ процентныя бумаги, акціи вновь сооружаемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Не доказываетъ ли это достаточно, что какъ рента такъ и доходъ вообще не оказываютъ недостатка въ стремленіи употребляться производительно, когда встрѣчаютъ къ тому средства? Нападки на расточительность и безпечность—нападки очевидно близорукія и поверхностныя. Но акціо-

нерная производительность открываетъ пока средства производительнаго помѣщенія доходамъ не всякой величины. Средній доходъ, дающій возможность сберечь сотню рублей въ годъ, можетъ помѣститься прямо въ концѣ года въ производительныя бумаги. Доходъ же, дающій возможность сберечь десять рублей, долженъ долго ожидать, говоря вообще, прежде чѣмъ онъ доростетъ до той нормы, которая дастъ ему возможность помѣститься въ акціонерную бумагу. Вслѣдствіе этого производительность лишается вездѣ тѣхъ средствъ, которыя могли бы ей принести болѣе мелкіе доходы, точно такъ же, какъ она когда-то лишалась и среднихъ доходовъ.

А если мы можемъ съ какой-либо даже степенью приближенія допустить справедливость того предположенія, что число доходовъ въ функціи отъ ихъ величины возрастаетъ обратно пропорціонально ихъ величинѣ, то должно неизбѣжно выйти, что капиталы, которыхъ лишаетъ себя производительность, не давая помѣщенія мелкимъ доходамъ, должны быть довольно значительны.

Если до сихъ поръ она не обнимаетъ мелкихъ капиталовъ то, потому, что сообразно съ той мѣрой развитія, на которой находится частная предпріимчивость, она встрѣчаетъ слишкомъ достаточное число болѣе крупныхъ капиталовъ. Но если этой предпріимчивости суждено расширяться подобно тому, какъ это было до сихъ поръ, то не подлежитъ также сомнѣнію, что она должна будетъ обратиться постепенно и къ болѣе мелкимъ единичнымъ капиталамъ, и для этого понизить единицу акціонернаго взноса или единицу капитала, которая будетъ находить себѣ тогда доходное и всегда открытое помѣщеніе. Тогда всѣ доходы отъ малаго до великаго, будутъ одинаково захватываться промышленностью и находить производительную дорогу; тогда по всей вѣроятности будетъ и менѣе жалобъ на безпечность владѣльцевъ мелкихъ доходовъ и бытъ послѣднихъ будетъ настолько же улучшаться, насколько выигралъ и улучшился бытъ среднихъ состояній вслѣдствіе развитія незнакомаго прежде пользованія болѣе мелкими единицами капитала. Мало того; чѣмъ меньшее число доходовъ будетъ пропадать непроизводительно, тѣмъ болѣе будетъ выигрывать потребитель на улучшеніи способовъ производства и уменьшеніи цѣнъ товаровъ и, слѣдовательно, онъ будетъ выигрывать дважды, получая доходъ на свои сбереженія и получая больше продуктовъ на свой доходъ. Таковъ тотъ естественный путь, на которомъ съ точки зрѣнія этой экономической теоріи находится экономическое развитіе, которымъ можетъ предупреждаться вздорожаніе и достигаться удешевленіе продукта, а слѣдовательно и увеличеніе благосостоянія. Только на доходѣ отъ личныхъ сбереженій и естественнаго

*

удешевленія продукта можетъ строиться хозяйственный достатокъ общества. Такова эта теорія ренты Рикардо въ ея послѣднемъ развитіи и таковы тѣ раціональныя основанія, которыми она утверждаетъ значеніе начала собственности.

Читатель можетъ видѣть, что ей нельзя отказать въ стройности и даже вѣрномъ указаніи того пути, которымъ должно пойти дальнѣйшее экономическое развитіе европейскихъ обществъ, безъ нарушенія коренныхъ экономическихъ началъ, которыя лежали въ основаніяхъ ихъ прошедшаго.

Но теорія ренты Рикардо идетъ еще далѣе; она утверждаетъ не только раціональность, но и физическую невозможность никакой другой постановки ренты, какъ та, которую выработала практика вещей. Рента по этой теоріи, припомнимъ, составляетъ такой неизбѣжный вычетъ, который взимается на самой цѣнѣ вещей, который поэтому возьмется неизбѣжно кѣмъ-нибудь однимъ, или рентьеромъ, или капиталистомъ или наконецъ работникомъ, если онъ самъ будетъ продавать вещь, но который поэтому никогда не можетъ достаться *потребителю*, иначе какъ естественнымъ путемъ пониженія цѣны, удешевленія самаго способа производства вещи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи между денежной величиной ренты и величиной ея въ продуктѣ. Для полученія ренты въ продуктѣ изъ денежной ея величины, очевидно достаточно раздѣлить денежную ренту на текущую цѣну единицы продукта. Означивъ послѣ того черезъ E цѣну продуктовъ, а ренту въ продуктѣ черезъ R_p получимъ:

$$R_p = \frac{R}{E} = \frac{1}{E'}\int pf'(p)dp =$$

Но измѣненіе самой величины денежной ренты въ сравненіи съ рентой въ продуктѣ, представляетъ нѣкоторую особенность, на которую Рикардо считаетъ нужнымъ указать.

Рентьеръ, говоритъ Рикардо, получаетъ не только излишекъ хлѣба; но самый этотъ излишекъ стоитъ на деньги дороже, чѣмъ онъ стоилъ бы въ томъ случаѣ, еслибы не поступилъ въ ренту.

Положимъ, говоритъ онъ, что отдѣльные участки приносятъ	Рента въ зернѣ будетъ рости при переходѣ обработки на низшіе участки какъ
180 кв.	10
170 »	20

160 » 30
150 » 40
140 » . . . . . »

Цѣна же каждаго квартера на деньги будетъ, при переходѣ обработки съ 1-го участка на второй, возрастать какъ 180 : 170 такъ что если начальная цѣна хлѣба равна 1, то

при обработкѣ 2-го участка она будетъ: $180 : 170 = x : 1 = \frac{180}{170} = 1{,}059$

» » 3-го » » $= \frac{180}{160} = 1{,}124$

» » 4-го » » $= \frac{180}{150} = 1{,}200$

» » 5-го » » $= \frac{180}{140} = 1{,}257$

Поэтому денежный доходъ, или денежная рента рентьера, будетъ возрастать какъ 10,59, въ то время какъ рента его въ хлѣбѣ возраст. какъ 10
22,48 — — — 20
36,00 — — — 30
51,428 — — — 40

видимъ, что рента въ деньгахъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ рента въ хлѣбѣ, и притомъ такимъ порядкомъ, что цѣна хлѣба обратно пропорціональна количеству продукта, т. е. $\frac{E}{E^o} = \frac{x^o}{x}$; такъ что, если при самомъ дешевомъ способѣ производства эта цѣна равна E_o, а при болѣе дорогомъ E, то изъ пропорціи

$$\frac{E}{E^o} = \frac{x^o}{x}, \quad E = \frac{E^o x^o}{x},$$

а денежная рента каждаго предпринимателя съ каждаго участка

$$R = E(x_o - x) = \frac{E_o x_o}{x}(x_o - x),$$

если x_o количество продукта, вырабатываемое на лучшихъ участкахъ, а x на послѣднихъ изъ обрабатываемыхъ.

Итакъ, цѣна продукта опредѣляется стоимостью его производства, самою дорогою изъ тѣхъ, которую согласенъ оплатить потребитель. Изъ этой цѣны рента беретъ всю разность между этой цѣной и стоимостью ея производства отдѣльнымъ производителямъ. Остающаяся часть распредѣляется между работникомъ и капиталистомъ, и такъ какъ эта

остающаяся часть есть ничто иное, какъ дѣйствительная стоимость производства вещи въ видѣ труда текущаго и капитала, то части, которыя берутъ трудъ и капиталъ, за вычетомъ ренты изъ остающейся выручки за вещь, сами собой опредѣляются величиной участія въ ея производствѣ труда и капитала. Опредѣляя выше эти доли участія въ стоимости производства труда и капитала, мы включили въ выраженіе этой стоимости, кромѣ труда текущаго и труда на самое производство капитала, процентъ капиталисту за затрату капитала. Этотъ процентъ представляетъ собой и всю долю натуральной цѣны, достающуюся капиталисту въ видѣ прибыли,—остальная часть представляетъ стоимость труда, затраченнаго какъ на производство вещи, такъ и капитала, и потому должна достаться труду. Величина процента, опредѣляющая *прибыль* или долю капиталиста, есть пока величина совершенно неопредѣленная. Мы сказали однако, что, по мнѣнію Рикардо, капиталистъ не можетъ возвышать ея по произволу, а что она подчинена особымъ условіямъ. Въ данное время и въ данной странѣ существуетъ извѣстный общій уровень % на капиталъ и прибылей, который обусловливается постоянной возможностью передвиженія капиталовъ изъ одного производства въ другое. Рикардо допускаетъ, что капиталы, какъ жидкость, въ силу тяжести могутъ свободно переливаться изъ одного мѣста и точки въ другую и стремиться къ равновѣсію прибылей и общему ихъ уровню, высота котораго опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ большимъ или меньшимъ ихъ избыткомъ. Не нужно думать однако, чтобы этотъ уровень опредѣляла абсолютная величина капиталовъ; сама по себѣ она ничто не значитъ. Одна и таже сумма капиталовъ въ одномъ случаѣ можетъ представлять избытокъ въ капиталахъ, въ другомъ недостатокъ,—въ первомъ случаѣ давать малый, во второмъ большій доходъ. Все зависитъ отъ дѣла, открытаго капиталу, отъ требованія на капиталъ. Какъ уровень одного и того же объема жидкости, смотря потому—будетъ ли она различна по большему основанію или меньшему, будетъ тѣмъ ниже или выше, такъ и одинъ и тотъ же объемъ капиталовъ, смотря по пространству и ширинѣ дѣятельности, которая открыта капиталу, можетъ быть ниже или выше, т. е. если означимъ объемъ капиталовъ черезъ a, пространство, на которое они разливаются, черезъ b, а высоту черезъ h, то будемъ имѣть условіе $hb = a$, откуда $h = \frac{a}{b}$. Чѣмъ больше h, тѣмъ болѣе производительность переполнена капиталами и, слѣдовательно, тѣмъ ниже процентъ или уровень прибылей, и обратно, такъ что % долженъ быть обратно пропорціоналенъ высотѣ этого уровня капиталовъ %. Въ силу

этого капиталистъ не можетъ положить себѣ процента высшаго, соотвѣтствующаго общему уровню его въ данное время. Такъ что цѣна вещи является и съ этой стороны совершенно опредѣленной. Но тутъ же замѣтимъ, что такъ какъ высота процента зависитъ и измѣняется съ уровнемъ капиталовъ, словомъ, подлежитъ колебаніямъ, то и самая величина прибыли, входящая въ цѣну вещи, а слѣдовательно съ этой стороны и самая цѣна вещи, подлежитъ такимъ же колебаніямъ.

Что касается остальной и послѣдней части, т. е. стоимости труда, потраченнаго на ея производство, то натуральная цѣна труда, по мнѣнію Рикардо, должна опредѣляться величиной продукта какъ суммой вещей, необходимыхъ для содержанія работника и его семейства, и съ этой стороны есть также величина опредѣленная. Но такъ какъ главная составная часть содержанія работника, пища, съ теченіемъ времени въ силу развитія ренты должна подлежать вздорожанію, то натуральная стоимость содержанія единицы работы должна точно также возвышаться. Отъ такого возвышенія положеніе работника ничего не выигрываетъ, потому что послѣдній продолжаетъ получать все туже сумму вещей. Но капиталистъ, по мнѣнію Рикардо, не можетъ дороговизну рукъ перевести на потребителя, онъ не можетъ возвысить цѣну на вещь, потому что трудъ стоитъ дороже, а эта дороговизна должна падать на прибыль и уменьшать величину послѣдней. Рикардо объясняетъ это такъ. Если мы имѣемъ послѣдовательно рядъ участковъ, дающихъ 180, 170 и 160 четв. хлѣба, и спросъ будетъ равенъ послѣдовательно 180, 350 и 510 четв., то при спросѣ 180 будетъ обрабатываться участокъ дающій 180 четв. и не будетъ платиться ренты, а весь доходъ, вся цѣна 180 четв. составитъ доходъ работника и капиталиста. Если мы примемъ эту цѣну четверти за 1, то весь доходъ производителя и работниковъ будетъ равенъ 180

Если спросъ будетъ 350, то обработка займетъ второй участокъ и цѣна 180 четв. повысится и будетъ равна $\frac{180}{170} = 1{,}06$,

а производитель и работники втораго участка за 170 четв. получатъ съ 170 четв. по 1,06 . . . . . $170.1{,}06 = 180$

Точно также при спросѣ равномъ 510 производитель и работники третьяго участка получатъ съ 160 четв. по цѣнѣ $\frac{180}{160}$ 1,12

$160.1{,}12 = 180$

Но при цѣнѣ хлѣба, равной 1 за четверть, содержаніе работниковъ производителю должно обходиться дешевле, чѣмъ при цѣнѣ хлѣба въ

1,06 и 1,12 за четверть, слѣдовательно доли, остающіяся производителю, должны постоянно уменьшаться.

Если производитель получалъ при цѣнѣ хлѣба, равной единицѣ, съ 180 единицъ дохода 20% . . . . . 180—144=36 единицъ
а работникъ 144,
то при цѣнѣ хлѣба равной 1,06 онъ получитъ 180—144 . 1,06=27,36
а работникъ 152,64,
при цѣнѣ хлѣба равной 1,02 онъ получитъ 180—144 . 1,12=18,72
а работникъ 161,28

Такимъ образомъ общій видъ прибыли слѣдующій: Если первоначальный процентъ z_o, доходъ оставляемый рентою a, то первоначальная доля работника $(1—z^o)a$, а доля капиталиста$=a—a(1—z_o)$, и послѣдующія доли

капиталиста

$$a—a(1—z_o)\frac{x_o}{x},$$

работника

$$a(1—z^o)\frac{x_o}{x}.$$

Отсюда видимъ, что общій видъ прибыли будетъ зависѣть отъ одной перемѣнной x, или, что тоже, послѣдней стоимости производства пищи или содержанія работника.

Слѣдовательно, величина прибыли производителя, предполагая, что онъ не можетъ измѣнить уровня процента, будетъ понижаться вслѣдствіе вздорожанія содержанія работниковъ. Въ томъ же положеніи будутъ находиться и прочіе предприниматели—не земледѣльческіе, а мануфактурные, принужденные точно также содержать работниковъ и которымъ это содержаніе должно точно также обходиться дороже. Слѣдовательно, это пониженіе прибылей будетъ касаться одинаково всѣхъ капиталовъ. Но нужно замѣтить, говоритъ Рикардо, что капиталъ земледѣльческаго предпринимателя, слагаясь изъ фуража, хлѣба, овса, сѣна и рабочаго скота, долженъ точно также стоить теперь дороже, а потому дѣйствительный % его на капиталъ долженъ быть еще ниже чѣмъ другихъ мануфактурныхъ производителей.

Такое пониженіе прибылей, по мнѣнію Рикардо, можетъ сдерживаться улучшеніями какъ въ земледѣльческомъ производствѣ, такъ и въ другихъ, но такъ какъ въ суммѣ все-таки средства существованія должны дорожать, то прибыли должны все-таки съ теченіемъ времени падать.

Такое ихъ паденіе имѣетъ однако свои предѣлы, ибо разъ содержа-

ніе работниковъ не будетъ оставлять никакой прибыли, никакого % на капиталъ,—немыслимо никакое дальнѣйшее накопленіе и сбереженіе капиталовъ, ни примѣненіе ихъ къ производству.

Можно думать, что если величина процента и уменьшается, то зато параллельно съ вздорожаніемъ продукта и накопленіемъ капиталовъ увеличивается самое количество требуемой и производимой пищи и вообще продукта,—увеличивается, словомъ, то пространство, по которому разливается капиталъ и размѣры его дѣятельности; такъ что въ суммѣ валовая величина прибыли, несмотря на болѣе низкій %, должна возвышаться.

Такъ оно дѣйствительно и можетъ быть, говоритъ Рикардо, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ:

19%	на	100,000	капитала даютъ	19,000	прибыли
»		200,000	»	38,000	»
18%	»	300,000	»	54,000	»
7%	»	1,000,000	»	70,000	»
6%	»	1,100,000	»	66,000	»

Словомъ, валовая величина прибыли, разсматриваемая какъ функція процента, увеличивается не при всякомъ приращеніи спроса.

Общій выводъ изъ такихъ разъясненій Рикардо тотъ, что величина валоваго денежнаго дохода, остающагося капиталисту и работнику, есть величина постоянная, что въ каждой странѣ величина прибыли опредѣляется величиной труда, необходимаго для содержанія рабочей силы на тѣхъ участкахъ, которые не платятъ ренты, и гдѣ это содержаніе работъ стоитъ всего дороже. Вѣрно это, или нѣтъ, но всѣмъ этимъ опредѣляется только относительная величина прибыли капиталиста или порядокъ ея пониженія. Но чѣмъ опредѣляется первоначальная величина прибыли, подлежащая послѣдующему вычету въ пользу рабочей платы, первоначальная величина процента на капиталъ,—на это Рикардо не даетъ отвѣта, и будемъ помнить, что съ этой стороны вопросъ остается пока не отвѣченнымъ.

Разсмотрѣвъ въ частности отдѣльныя доли или элементы цѣны: ренту, рабочую плату и прибыль, выведемъ теперь общія выраженія для этихъ составныхъ частей цѣны, сумма которыхъ опредѣлитъ въ подробности самую цѣну вещи.

Послѣдняя цѣна E хлѣба есть всегда $\frac{Ex_0}{x}$, гдѣ x есть производительность самыхъ плохихъ изъ обработываемыхъ участковъ; поэтому общій видъ дохода, въ деньгахъ съ участка, есть

$$\frac{E_o x_o}{x_n} \int_o^x dx = \frac{E^o x_o x}{x_n},$$

гдѣ x_n производительность послѣднихъ обрабатываемыхъ участковъ, а разбивая этотъ интегралъ на два,

$$\frac{E^o x_o}{x_n} \int_o^x dx = \frac{E_o x^o}{x_n} \int_o^{x_n} dx + \frac{E^o x_o}{x_o} \int_{x_n}^x dx,$$

первый изъ интеграловъ второй части выразитъ доходъ капиталиста и работника, а второй—ренту. Умножая же первый на b или 1, а второй подъ знакомъ интеграла на $\varphi\ (x)$ и интегрируя въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ, получимъ для выраженія ренты со всей земли

$$\frac{E^o x_o}{x_n} \int_{x_n}^{x_o} \varphi\ (x)\ dx,$$

а для дохода капиталиста и работника со всей земли

$$E_o x_o$$

и слѣдовательно для валоваго дохода со всей земли

$$E_o x_o + \frac{E_o x_o}{x_n} \int_{x_n}^{x_o} \varphi\ (x)\ dx.$$

Вставляя найденное значеніе дохода капиталиста съ участка $E_o x_o$ въ выше опредѣленное значеніе прибыли $a—a\ (1—z_o)\ \frac{x_o}{x}$ вмѣсто a, получимъ $\frac{E_o x_o}{x}\ [x — x^o\ (1 — z_o)]$ и, слѣдовательно, для рабочей платы всѣхъ работниковъ одного участка $\frac{E^o x^2_o}{x^2}\ (1 — z_o)$

Можемъ сказать, что если рента графически выразится, какъ мы видѣли, площадью внѣшняго отрѣзка кривой, то доходъ капиталиста и работника — площадью четвероугольника, построеннаго на основаніи $E_o x_o$ и высотѣ b или 1.

Таковы будутъ части дохода въ деньгахъ. Видимъ, что доходъ капиталиста и работника въ деньгахъ будетъ величиной постоянной и равной

$E^o x_o$, для полученія тѣхъ же доходовъ въ продуктѣ, раздѣляемъ на $\frac{E_o x_o}{x}$, и получаемъ, для выраженія всего дохода со всей земли

$$bx_n + \int_{x_n}^{x_o} \varphi(x)\, dx$$

гдѣ bx_n — доходъ капиталиста и работника, а $\int_{x_n}^{x_o} \varphi(x)\, dx$ — рента. Въ этомъ видѣ ни та ни другая часть дохода, ни bx_n, ни рента, небудутъ постоянныя; ибо x_n, или производительность худшихъ изъ обработываемыхъ участковъ, нужно разсматривать какъ величину перемѣнную и постепенно уменьшающуюся. Съ уменьшеніемъ же x_n доходъ капиталиста и работника въ продуктѣ будетъ уменьшаться, а предѣлы интеграла $\int_{x_n}^{x_o} \varphi(x) dx$ будутъ расширяться и, слѣдовательно, рента увеличиваться.

Часть капиталиста или прибыль въ продуктѣ будетъ

$$[x_n - x_o (1 - z^o)],$$

а часть работника

$$x_o (1 - z_o);$$

послѣдняя будетъ постоянной, между тѣмъ какъ первая, съ уменьшеніемъ x_n, должна постоянно уменьшаться и обратиться въ o при $x_n = x_o (1-z)$.

Зная теперь выраженіе натуральныхъ цѣнъ и отдѣльныхъ частей дохода работника, капиталиста и ренты, остановимся еще на порядкѣ составленія сбереженій изъ доходовъ. Сбереженія эти могутъ образовываться конечно только насчетъ приращенія доходовъ; поэтому, разсматривая ихъ вообще, они могутъ доставляться въ строгомъ смыслѣ только рентою и процентомъ на капиталъ, или образовываться насчетъ ренты и прибыли. Это въ дѣйствительности не запрещаетъ работнику точно также участвовать въ сбереженіяхъ, но только въ такомъ случаѣ мы должны разсматривать его дѣйствующимъ въ качествѣ капиталиста или собственника, т. е. должны все-таки предположить, что сбереженія не могутъ образовываться насчетъ того, что̀ мы до сихъ поръ называли рабочей платой, или по крайней мѣрѣ что̀ есть извѣстная норма по-

требленія на единицу рабочей силы, которую намъ ничто не мѣшаетъ принять за постоянную. Положимъ, что эта норма выражается начальной производительностью x.

Положимъ, что производитель получаетъ первоначально x продуктовъ, которые и потребляетъ. Сообщимъ этому доходу x безконечно малое приращеніе dx, тогда производитель будетъ получать $x+dx$ продукта и, слѣдовательно, его сбереженіе будетъ dx; такъ какъ текущая натуральная цѣна равна $E' = \frac{E_o x_o}{x}$, то, умножая этотъ доходъ въ продуктѣ на цѣну, получимъ для выраженія дохода производителя въ деньгахъ $\frac{E_o x_o}{x}(x+dx)$, и такъ какъ онъ долженъ потребить x продукта или на деньги $E^o x_o$, то элементъ его сбереженія слѣдовательно будетъ $\frac{E_o x_o\, dx}{x}$.

Это тоже, что предположить себѣ все сбереженіе производителя разложеннымъ на безконечно-малыя части, выраженныя въ единицахъ продукта, изъ коихъ каждая такая часть равна dx продукта. Затѣмъ, умножая эту безконечно малую часть на текущую цѣну, получимъ величину элемента сбереженія, выраженную въ деньгахъ. Текущая цѣна равна $E = \frac{E_o x_o}{x}$, слѣдовательно, умножая на dx, денежная величина элемента сбереженія будетъ $\frac{E_o x_o}{x}\, dx$. Интегрируя теперь это выраженіе въ предѣлахъ отъ $x = a$, гдѣ a есть величина продукта, подлежащая потребленію, получимъ всю величину сбереженія, или что тоже приращеніе живой силы въ зависимости отъ улучшенія способовъ производства, выраженную въ деньгахъ, означая $\frac{E_o x_o}{x}\, dx$ черезъ dR,

$$R = E_o x_o \int_{x=a}^{x} \frac{dx}{x} = E_o x^o\, l\frac{x}{a}$$

Откуда видимъ, что если мы допустимъ непрерывный ростъ производительности, то денежная величина нашихъ сбереженій—каковъ бы ни былъ порядокъ возрастанія этой производительности или ближайшій видъ x, какъ функціи отъ совершенно неопредѣленныхъ перемѣнныхъ—должна быть пропорціональна логариѳму этой производительности въ продуктѣ, и обратно, если намъ извѣстна денежная величина сбереженій, то выраженіе сбереженія въ продуктахъ, означая его черезъ R_p

$$R_p = \frac{R}{E} = xl\frac{x}{a} = l\left(\frac{x}{a}\right)^x = \frac{R}{E_o x_o}\, al^{\frac{R}{E_o x_o}}.$$

Графически величина $R = E_o x_o \int \frac{dx}{x}$ выражаетъ площадь, ограничиваемую равнобочной иперболой между абциссами $x = a$ и $x = x$ и ея асимптотами, уравненіе которой отнесено къ послѣднимъ.

Если разсужденія, которыя мы только-что употребляли относительно послѣдовательнаго наростанія сбереженій, отнести къ одному моменту времени, т. е. если предположимъ, что то увеличеніе производительности, которое производитъ человѣкъ своимъ трудомъ въ теченіе времени, совершала до него природа, или даже что онъ совершалъ его самъ, такимъ образомъ, что всѣ послѣдовательныя величины производительности x существуютъ въ данную минуту относительно поземельнаго продукта, и притомъ съ той правильностью и постепенностью, что число участковъ убываетъ прямо пропорціонально ихъ производительности, то интегралъ $E_o x_o l\frac{x}{a}$ будетъ въ тоже время служить и выраженіемъ средней ренты съ поземельной единицы, для такой страны и вообще для такого производства, для которыхъ это предположеніе справедливо. Эта величина выразитъ въ такомъ случаѣ сумму возможнаго годоваго сбереженія въ странѣ съ чистаго поземельнаго или мануфактурнаго дохода собственника.

ГЛАВА V.

Продолженіе теоріи цѣнности Рикардо, отличіе текущей или мѣновой цѣны отъ натуральной, вліяніе на цѣнность спроса и предложенія.

Въ предыдущемъ мы старались уяснить понятіе естественной или натуральной цѣнности вещей, которая, по мнѣнію Рикардо, должна измѣряться количествомъ труда, затрачиваемаго на производство вещи. Мы достаточно освоились съ этимъ взглядомъ и въ тоже время пришли къ разсмотрѣнію одного важнаго случая,—случая ренты, который въ сущности могъ служить уже отчасти примѣромъ нарушенія или по крайней мѣрѣ усложненія этого общаго правила. Не знаю, замѣтилъ ли это читатель, но онъ въ полномъ правѣ былъ это замѣтить, и если не замѣтилъ, то мы должны здѣсь начать съ того, что обратить его вниманіе на этотъ предметъ. Дѣйствительно, не трудно видѣть, что самый фактъ ренты, самое присутствіе этого явленія основывается уже на усложненіи общаго

правила. Цѣнность вещи, говоритъ это правило, опредѣляется стоимостью ея производства въ единицахъ труда, но въ дѣлѣ ренты это правило примѣняется въ строгомъ смыслѣ только къ тому производителю, который не платитъ ренты и которому производство обходится всего дороже.

Всѣ остальные производители продаютъ вещь дороже, чѣмъ стоитъ ея производство. На дѣлѣ оказывается не одна, а нѣсколько натуральныхъ цѣнъ, изъ коихъ въ дѣйствительности примѣняется одна, которая и обращается въ мѣновую цѣну.

Это заставляетъ насъ различать цѣнность, какъ она опредѣляется стоимостью производства и которую экономисты называютъ натуральной цѣнностью, отъ цѣнности текущей, или мѣновой, и разбить самый вопросъ о цѣнности на два: на вопросъ о натуральной цѣнности, который мы разсмотрѣли, и вопросъ о цѣнности мѣновой, который теперь будемъ разсматривать. При этомъ само собою понимается, что если понятіе о натуральной цѣнности несовершенно попусту вводится въ науку, то оно должно составить интегральную часть всякой мѣновой цѣнности, неизбѣжно входить въ послѣднюю и служить первой ступенью ея объясненія. Въ этомъ смыслѣ она нами и разсмотрѣна уже съ точки зрѣнія теоріи Рикардо. Между той и другой цѣнностью есть прямая связь, и если онѣ не совпадаютъ между собой вполнѣ, то это потому, что условіе, опредѣляющее натуральную цѣнность, т. е. стоимость производства, составляетъ лишь одно изъ условій, управляющихъ вообще цѣнностью вещей, рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ еще другое. Это-то другое условіе, въ сочетаніи съ первымъ, опредѣляетъ мѣновую цѣнность. Какое это условіе, мы лучше всего увидимъ обратившись къ тому явленію, которое насъ прежде всего привело къ различію мѣновой цѣны отъ натуральной, т. е. къ рентѣ. Припоминая условія возникновенія ренты, мы должны знать, что, при равенствѣ способовъ производства для всѣхъ производителей, ренты не существуетъ, и натуральная цѣна вещей есть въ тоже время и ихъ мѣновая цѣна. Таково общее правило. Точно также не имѣетъ мѣста рента и въ случаѣ измѣненія условій производства, но такого измѣненія, которое въ равной степени распространяется на всѣхъ производителей. И тутъ точно также натуральная цѣна, возвышенная или пониженная вслѣдствіе измѣненія способовъ производства, составляетъ мѣновую цѣну вещей. Только въ томъ случаѣ, когда условія производства не одинаковы для всѣхъ производителей, когда удешевленіе касается только части производимаго продукта, а не всего количества даннаго продукта, который производится, мѣновая цѣна отступаетъ отъ натуральной для всѣхъ производителей, или для всей части

продукта, добываемаго болѣе дешевымъ способомъ, по извѣстному правильному закону. Итакъ, это уклоненіе составляетъ частный случай, самый законъ котораго намъ извѣстенъ и который мы уже изложили выше. Точно также извѣстны теперь и предѣлы, въ которыхъ имѣетъ мѣсто такого рода частный случай. Онъ является, какъ мы говоримъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ различныя стоимости производства, т. е. когда производство не можетъ удовлетворить требованію по самому дешевому способу производства какой извѣстенъ, или когда спросъ не можетъ быть удовлетворенъ предложеніемъ по самой наименьшей стоимости производства. Зная величину спроса и зная величину предложенія, которое можетъ имѣть мѣсто по болѣе дешевому способу, мы можемъ сказать, будетъ ли имѣть мѣсто этотъ случай или нѣтъ, будетъ ли мѣновая цѣна уклоняться отъ натуральной или нѣтъ. Если спросъ и предложеніе будутъ равны, то мы знаемъ, что этотъ случай не будетъ имѣть мѣста, и мѣновая цѣна будетъ равна натуральной; если оба новые фактора, которые мы вводимъ въ вопросъ цѣнности, спросъ и предложеніе, не будутъ равны, то мѣновая цѣна будетъ удаляться отъ натуральной, и удаляться тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже будетъ самый дорогой способъ, которымъ должно будетъ воспользоваться предложеніе для того, чтобы удовлетворить спросу. Мы уже нашли выше выраженіе для *цѣны*, удовлетворяющее этому условію, мы нашли выше выраженіе для цѣны $E = \frac{E_o x_o}{x}$, гдѣ E мѣновая цѣна, E_o цѣна начальная, за которую принимается самая дешевая изъ существующихъ въ данную минуту натуральныхъ цѣнъ, $\frac{x_o}{x}$ отношеніе производительности въ продуктахъ способа, по которому опредѣляется цѣна начальная къ производительности самаго послѣдняго способа, къ которому должно было прибѣгнуть производство для удовлетворенія спросу; такъ что по этому выраженію *цѣна мѣновая равна самой дешевой изъ натуральныхъ цѣнъ, умноженной на отношеніе производительности дѣйствительно примѣняемыхъ въ данную минуту способовъ производства, или цѣна мѣновая равна самой дорогой изъ существующихъ натуральныхъ цѣнъ.* Если увеличеніе спроса не заставляетъ прибѣгать къ болѣе дорогимъ способамъ и производительность остается постоянною, то $x = x_o$ и $E = E_o$, т. е. мѣновая цѣна равна начальной. E мы можемъ разсматривать слѣдовательно какъ функцію отъ x, или производительности. Такое выраженіе мѣновой цѣны есть прямое слѣдствіе того закона или теоремы, что цѣна эта устанавливается послѣдней изъ натуральныхъ цѣнъ вещи, или самой дорогой стоимостью, какую оплачиваетъ потребитель и вы-

держиваетъ спросъ. Такъ какъ эта послѣдняя стоимость производства очевидно обусловливается въ извѣстномъ смыслѣ величиной спроса, то отыскиваемое нами условіе, управляющее выборомъ изъ ряда возможныхъ натуральныхъ цѣнъ, есть очевидно *вліяніе спроса* и въ этомъ смыслѣ мы пока вправѣ сказать, что сама мѣновая цѣна зависитъ отъ спроса и можетъ быть разсматриваема какъ функція отъ спроса. Это не даетъ намъ однако права прямо сказать, что такой выборъ опредѣляется просто отношеніемъ спроса къ предложенію, и послѣднее можетъ быть сказано лишь въ томъ смыслѣ, что стоимость производства въ каждомъ производствѣ находится въ извѣстной зависимости отъ количества продукта, такъ что съ увеличеніемъ требуемаго количества продукта стоимость послѣднихъ партій продукта можетъ обходиться дороже чѣмъ первыхъ. Видъ и точная величина этой зависимости суть особые и спеціальные для каждаго производства и даже времени, и потому могутъ быть опредѣлены только эмпирически, и даже въ такомъ случаѣ вѣрнѣе сказать, что не величина спроса управляетъ цѣной, а цѣна, которую согласится дать потребитель, опредѣляетъ какъ величину спроса, такъ и предложенія на данный предметъ. Зная, напримѣръ, порядокъ распредѣленія земель въ данной странѣ, по ихъ производительности, точно такъ, какъ мы выше узнали порядокъ распредѣленія земель по ихъ доходу для Пруссіи, мы могли бы сказать, при занятіи какой части общаго пространства земель цѣна достигаетъ такой-то и такой величины, опредѣлить отношеніе между цѣной и спросомъ. Задача эта была бы та, которую мы уже разъ рѣшили только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Выше $f(p)$ означала, если припомнимъ, порядокъ займа земель въ % по мѣрѣ возрастанія дохода съ нихъ. Теперь мы должны имѣть въ виду тотъ же заемъ земель въ обратномъ порядкѣ, въ зависимости не отъ возрастанія дохода, а отъ его уменьшенія, т. е., собственно говоря, не дохода, а цѣны, но такъ какъ между цѣной и доходомъ существуетъ извѣстное отношеніе, то мы можемъ принять за независимую перемѣнную доходъ.

Такова постановка вопроса о мѣновой цѣнѣ и отношеніи ея къ цѣнѣ натуральной, строго слѣдующая изъ теоріи, принятой съ самаго начала Рикардо и развитой имъ относительно ренты. Спросъ, превышающій предложеніе, доказываетъ неизбѣжную готовность потребителя дать дороже за вещь, чѣмъ стоитъ ея производство теперь, но готовность не безпредѣльную. Цѣна, которую готовъ заплатить потребитель, имѣетъ всегда свой предѣлъ, выше котораго потребитель не согласится заплатить за вещь. Если по этой возвышенной цѣнѣ можетъ быть приготовлено достаточно вещей для удовлетворенія всему спросу, то онѣ при-

готовятся и предложеніе сравняется со спросомъ по этой цѣнѣ; если нѣтъ, то потребители или часть ихъ обойдутся безъ вещей, предложеніе останется ниже спроса, но цѣна не возвысится отъ этого выше максимума, который согласенъ дать за вещь потребитель, а остановится на этомъ максимумѣ, который и будетъ выражать послѣднюю стоимость производства, по которой будетъ производиться вещь въ виду спроса.

Если допустить, что величина спроса, управляющаго выборомъ натуральной цѣны въ мѣновую, можетъ ежедневно измѣняться или претерпѣвать постоянныя колебанія, между тѣмъ какъ дѣйствительное производство по своей меньшей подвижности не въ состояніи поспѣвать за такими колебаніями, то легко понять, что величина спроса можетъ выбрать не ту натуральную цѣну, которая существуетъ въ наличномъ производствѣ, а промежуточную, и такимъ образомъ мѣновая цѣна не будетъ уже въ точности совпадать ни съ одной изъ существующихъ натуральныхъ цѣнъ. Въ этомъ смыслѣ, установивъ изложенныя правила въ разсужденіи опредѣленія натуральной цѣны, Рикардо говоритъ объ отношеніи спроса и предложенія, какъ объ отношеніи, управляющемъ величиной мѣновой цѣны.

Вслѣдствіе нарушенія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, говоритъ Рикардо, цѣна на вещь возвышается; это должно привлекать къ производству этихъ вещей новые капиталы, до тѣхъ поръ, пока цѣна снова не понизится и прибыли капитала не уравняются въ этомъ производствѣ съ прочими. Этимъ только путемъ, продолжаетъ онъ, путемъ возвышенія и паденія цѣнъ, всякое производство привлекаетъ столько капиталовъ, сколько необходимо для поддержанія равенства прибылей въ различныхъ предпріятіяхъ. Съ перваго взгляда трудно представить себѣ, какимъ образомъ происходитъ этотъ постоянный переливъ капиталовъ между отдѣльными производствами.

Между тѣмъ, въ сущности, пишетъ Рикардо, дѣло происходитъ довольно просто. Во всякой странѣ есть достаточное число людей, которые не заняты никакимъ производствомъ, которые живутъ доходами съ капиталовъ, достаточное число банковъ, банкировъ и частныхъ лицъ, занятыхъ ссуженіемъ капиталовъ. Насчетъ займа этихъ капиталовъ содержится постоянно извѣстная доля производства. Когда дорожаютъ сукна и дешевѣютъ бумажныя ткани, то не нужно думать, что производитель послѣднихъ заводитъ суконную фабрику; онъ только отпускаетъ лишнихъ рабочихъ, возвращаетъ часть занятыхъ капиталовъ въ тѣ же банки, въ которыхъ занимаютъ производители сукна для расширенія своего производства. Такъ капиталы переливаются изъ предпріятія въ

предпріятіе очень просто, не заставляя предпринимателей бросать одни предпріятія для другихъ.

Этому условію колебанія вслѣдствіе измѣненія спроса и предложенія, по мнѣнію Рикардо, подвержена цѣна всѣхъ вещей. Но въ какомъ ближайшемъ видѣ должны мы представлять себѣ такое вліяніе? Мы сильно ошиблись бы, еслибы поняли его такъ, что одно отношеніе величины спроса къ предложенію опредѣляетъ и измѣненіе самой величины мѣновой цѣны, т. е. означивъ спросъ s, а предложеніе r, предположили бы, что мѣновая цѣна $E_o \frac{s}{r}$ и опредѣлится отношеніемъ $\frac{s}{r}$. Если мы прямо приложимъ это правило къ нашему болѣе общему случаю, то увидимъ, что оно окажется не вѣрно. Дѣйствительно, выраженіе $E = \frac{E_o s}{r}$ не можетъ служить точнымъ выраженіемъ мѣновой цѣны. Положимъ, что у насъ есть три участка земли, изъ коихъ 1 даетъ 180 четв. хлѣба;

		2	»	170	»	»
		3	»	160	»	»
				510	»	»

что спросъ равенъ 510 четв., а предложеніе равно послѣдовательно 180, 350 и 560 четв.; принимая первоначальную цѣну E_o равною 1, получимъ по правилу $E_o \frac{s}{r}$

при предл. равномъ 180, $\frac{s}{r} = \frac{510}{180}$, а по правилу $\frac{x_o}{x}$ цѣна вообще будетъ $\frac{180}{160} = 1{,}12$.

» » » 350 $= \frac{510}{350}$

» » » 510 $= \frac{510}{510}$

Видимъ, что по правилу $E_o \frac{s}{r}$ цѣна будетъ уменьшаться, тогда какъ она въ сущности должна увеличиваться. Точно также, еслибы спросъ былъ послѣдовательно равенъ предложенію, то по правилу $\frac{s}{r}$ цѣна была бы во всѣхъ трехъ случаяхъ равна 1, между тѣмъ какъ по правилу $\frac{x_o}{x}$ она была бы 1, 1,06 и 1,12, что и должно бы было быть на дѣлѣ.

Видимъ, что правило $E_o \frac{s}{r}$ очевидно не удовлетворяетъ тѣмъ случаямъ, когда производительность измѣняется въ зависимости отъ спроса. Но съ другой стороны, еслибы производительность оставалась постоянной и равной 180, между тѣмъ какъ спросъ былъ бы 510, а предложеніе послѣдовательно 180, 350 и 510, то и по правилу $E_o \frac{x_o}{x}$ цѣна должна была бы оставаться постоянной $= E_o = 1$, и отсюда выходило бы, что разность спроса и предложенія не оказываетъ ровно никакого вліянія на мѣновую цѣну, что точно также повидимому должно противорѣчить вѣроятности.

Какъ же согласить эти затрудненія? Для того, чтобы разсужденіе наше приняло настоящій характеръ, мы должны обратить вниманіе на два обстоятельства. Вопервыхъ—то, что самое неравенство предложенія спросу въ каждомъ частномъ случаѣ уже должно указывать на несоотвѣтствіе въ самой стоимости производства послѣдней изъ натуральныхъ цѣнъ. Разъ существуетъ подобное несоотвѣтствіе, оно доказываетъ, что или существующихъ фабрикъ и заведеній не достаточно для покрытія спроса, или что заготовленныхъ партій продукта, или оборота существующихъ фабрикъ не достаточно для покрытія этого спроса, или, наконецъ, что нѣтъ достаточно удобныхъ путей или средствъ сообщенія для подвоза; такъ, что для удовлетворенія спроса нужно или основывать новыя заведенія, или расширять оборотъ старыхъ, или снабжать пути лишнимъ подвижнымъ составомъ или наконецъ устраивать самые эти пути. Все это можетъ, конечно, не возвысить стоимость производства, а даже удешевить ее, если новыя заведенія и устройства устраиваются по облегченному способу производства, и спросъ покроетъ то предложеніе, которое дадутъ новые способы. Но если способы производства должны остаться тѣ же самые, а спросъ требуетъ только прибавки новыхъ машинъ на фабрикахъ и требовать ихъ можетъ только временно и случайно, такъ что производителю заведеніе этихъ послѣднихъ машинъ и рукъ можетъ обойтись дороже, чѣмъ заведеніе первыхъ, тогда очевидно и самая стоимость производства должна повыситься, и потребитель долженъ будетъ оплатить это повышеніе, какъ лишнюю работу, рискъ и трату производителя. Если же средства производства дѣйствительно постоянны, такъ что между производствомъ 10 и 100 и 1000 штукъ нѣтъ никакого различія въ стоимости производства, тогда простая выгода производителя продавать больше заставляетъ производство слѣдовать за требованіемъ, и между спросомъ и предложеніемъ не можетъ быть нарушенія равновѣсія.

Но такого постоянства въ стоимостяхъ производства мы не встрѣчаемъ обыкновенно. Такія производства, въ которыхъ количество продукта не имѣло бы вліянія на самую стоимость производства его единицы, то увеличивая, то уменьшая послѣднюю стоимость, почти не мыслимы, а потому на всякое нарушеніе равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ мы вправѣ уже смотрѣть какъ на невозможность для потребителя доставить недостающую часть продукта по прежней цѣнѣ и, слѣдовательно, какъ на возвышеніе стоимости производства для послѣднихъ требуемыхъ единицъ продукта. Словомъ нарушеніе равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ съ этой стороны можетъ служить только термометромъ, указывающимъ на возвышеніе или пониженіе стоимости производства и возвышенія мѣновой цѣны, но само оно не можетъ возвысить цѣны, если стоимость производства не зависитъ отъ количества; ибо въ такомъ случаѣ производитель дополняетъ требованіе по прежней цѣнѣ и уравниваетъ предложеніе со спросомъ.

Самая мѣра этого возвышенія цѣны опредѣляется по-прежнему издержками производителя, и отношеніе между спросомъ и предложеніемъ само по себѣ ничего не можетъ сказать относительно этой мѣры, ибо легко себѣ представить тотъ случай, когда предложеніе по цѣнѣ E не будетъ покрывать и $^1/_{1000}$ части спроса, между тѣмъ какъ предложеніе по цѣнѣ $E+dE$, весьма мало разнствующей отъ первой, можетъ покрыть 0,99 спроса. Такимъ образомъ законъ, по которому мѣновая цѣна вещи опредѣляется послѣдней стоимостью ея производства, можетъ оставаться неизмѣннымъ въ этомъ случаѣ, и нужно думать, что отношеніе спроса и предложенія входятъ совершенно иначе въ вопросъ цѣны, чѣмъ это было только-что предположено, что это отношеніе есть только внѣшній качественный признакъ приращенія стоимости производства, не указывающій вовсе мѣры этого приращенія, а самое возвышеніе цѣны, сопровождающее нарушеніе равновѣсія этого отношенія, опредѣляется вовсе не величиной этого отношенія, а той цѣной, которую согласенъ будетъ оплатить потребитель.

Вовторыхъ, если мы обратимся къ болѣе точному разсмотрѣнію самой стоимости производства, опредѣляющей натуральную цѣну, то мы должны будемъ припомнить, что въ эту стоимость входитъ, по указанію Рикардо, не одна рабочая плата, но и $^0/_0$ капиталиста. Относительно этой-то величины Рикардо сказалъ намъ, что она съ теченіемъ времени подлежитъ учету и сокращенію въ пользу рабочей платы; онъ указалъ даже ближайшій порядокъ ея учета и сокращенія, но чѣмъ опредѣляется эта безусловная и первоначальная величина процента и остается ли эта первоначальная величина процента, изъ которой долженъ

происходить учетъ въ пользу рабочей платы, съ вздорожаніемъ продукта, постоянной—на это Рикардо не далъ никакого отвѣта; съ этой стороны величина эта остается совершенно неопредѣленной. Нужно слѣдовательно отвѣтить на этотъ вопросъ, ибо если условія, ее опредѣляющія, могутъ дѣйствовать постоянно и притомъ не суть разъ данныя и постоянныя, а, продолжая дѣйствовать, подлежатъ колебаніямъ и измѣненіямъ, то вмѣстѣ съ ними будетъ подлежать колебанію и величина $^0/_0$ или прибыли, независимо отъ учета его въ пользу рабочей платы.

Все показываетъ однако, что эта величина не есть такая опредѣленная, какъ напримѣръ число рукъ, употребляемыхъ на производство. Единственное условіе, на которое мы можемъ указать, какъ на опредѣляющее первоначальный уровень процента, который можетъ взять капиталистъ, состоитъ въ уровнѣ или избыткѣ капиталовъ, а этотъ уровень, какъ мы сказали выше, долженъ зависѣть 1) отъ количества капиталовъ и 2) отъ открытаго имъ пространства дѣйствія, т. е., выражаясь иначе, отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ на капиталъ или $\frac{r}{s}$, а величина процента должна быть обратна этому уровню и слѣдовательно процентъ $z = \frac{as}{r}$ или прямо пропорціоналенъ спросу на капиталъ и обратно пропорціоналенъ предложенію или суммѣ капиталовъ. Мы знаемъ, что съ теченіемъ времени число капиталовъ возрастаетъ и становится больше, и слѣдовательно, еслибы поприще дѣятельности капиталовъ оставалось постояннымъ, то процентъ долженъ былъ бы понижаться независимо отъ учета его рабочей платой. Но и s или спросъ на капиталъ, точно также какъ и r, не остается постояннымъ, а можетъ измѣняться весьма различно. Еслибы s должно было постоянно измѣняться пропорціонально измѣненію r, тогда только и процентъ z долженъ быть бы оставаться величиной постоянной, подлежащей учету только насчетъ рабочей платы. Но измѣненіе s вовсе не связано такой зависимостью, и пока и s и r остаются для насъ одинаково независимыми перемѣнными, отношеніе между которыми можетъ быть въ различное время весьма различно. Изъ этого неминуемо слѣдуетъ, что если въ данной странѣ сумма предпріятій, на которыя требуются капиталы, увеличивается, а сумма капиталовъ остается та же, то уровень $^0/_0$ долженъ возвышаться независимо отъ стоимости рабочей платы, и обратно. Точно также и между отдѣльными производствами, если сумма предпріятій или, что тоже, спросъ на данный продуктъ увеличивается, а сумма капиталовъ, ему посвященныхъ, остается та же, то процентъ съ капиталовъ, посвященныхъ на это предпріятіе, долженъ возрасти, долженъ нарушиться общій уровень $^0/_0$

на капиталъ въ странѣ независимо отъ величины рабочей платы. Предприниматель можетъ взять большій $^0/_0$ на капиталъ и, слѣдовательно, цѣна на данный продуктъ можетъ возрасти и стать выше до тѣхъ поръ, пока конкуренція не привлечетъ къ нему достаточно капиталовъ для возстановленія общаго уровня процента. Но возрастаніе это будетъ касаться не всей величины натуральной цѣны, а только той доли ея, которая соотвѣтствуетъ прибыли, и слѣдовательно для перехода въ такомъ случаѣ отъ натуральной цѣны къ мѣновой мы должны будемъ повысить не всю величину натуральной цѣны пропорціонально вздорожанію капитала, а только ея часть, принадлежащую прибыли. Для этого мы должны разложить натуральную цѣну вещи на двѣ составныя ея части—рабочую плату и прибыль, и только послѣднюю увеличить пропорціонально вздорожанію капитала.

Но такое увеличеніе цѣны вслѣдствіе вздорожанія капитала не есть ли уже увеличеніе ея вслѣдствіе стоимости производства, въ которую входитъ капиталъ? Итакъ, не вправѣ ли мы сказать, что такое измѣненіе цѣны нисколько не нарушаетъ общаго правила, по которому цѣна вещи опредѣляется стоимостью ея производства, ея натуральной цѣной.

Далѣе, что касается мѣры этого вздорожанія или коэффиціэнта вздорожанія капитала, то понятно само собою, что мѣра такого вздорожанія капитала прежде всего не можетъ быть опредѣлена отношеніемъ спроса къ предложенію на данный продуктъ вообще, ибо разница между спросомъ и предложеніемъ на вещь можетъ не зависѣть вовсе отъ недостатка въ капиталахъ, а отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ или въ силахъ природы, причемъ нѣтъ причинъ къ вздорожанію капитала; вовторыхъ это вздорожаніе капитала не можетъ точно также опредѣляться и простымъ отношеніемъ спроса къ предложенію на капиталъ. Мы уже разсмотрѣли выше одинъ подобный случай мѣры возрастанія цѣны вслѣдствіе разницы между спросомъ и предложеніемъ. По поводу ренты мы узнали порядокъ вздорожанія продукта вслѣдствіе нарушенія равновѣсія между предложеніемъ и требованіемъ.

Разсматривая порядокъ возрастанія цѣны на хлѣбъ, мы уже доказали, что мѣновая цѣна хлѣба или порядокъ возрастанія натуральной цѣны при переходѣ въ мѣновую не можетъ опредѣляться простымъ отношеніемъ величины спроса на вещь къ предложенію вещи, а будетъ опредѣляться отношеніемъ крайнихъ стоимостей производства вещи или отношеніемъ $\frac{x_o}{x}$, вслѣдствіе чего цѣна продукта будетъ $\frac{E_o x_n}{x}$. Вгля-

димся же еще разъ въ значеніе коэффиціента $\frac{x_o}{x}$. Мы тамъ сказали, что это отношеніе выражаетъ отношеніе не безусловныхъ величинъ спроса и предложенія на продуктъ, а отношеніе спроса и предложенія на единицу платы, или труда, или рабочей силы, въ которомъ покупатель представляется требующимъ на 1 труда x_o продукта въ то время, какъ ему предлагаютъ только x. Но не то ли же самое сказать, что потребитель требуетъ земли, приносящей x_o продукта въ то время, какъ предложеніе можетъ представить ему только землю, дающую x продукта. Итакъ, выводя для цѣны выраженіе $\frac{E_o x_o}{x}$, мы разсматривали линію ея возвышенія только вслѣдствіе измѣненія одного изъ факторовъ производства, измѣненія производительныхъ силъ природы, измѣненіе цѣны изъ E_o въ $\frac{E_o x_o}{x}$ выражало ея возвышеніе вслѣдствіе измѣненія или вздорожанія этого только фактора — производительности земли; а коэффиціентъ $\frac{x_o}{x}$ служитъ, слѣдовательно, выраженіемъ мѣры вздорожанія этого фактора производства или вздорожанія силъ природы вслѣдствіе нарушенія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ на этотъ факторъ.

Послѣ этого уже можно видѣть, что выраженіе для цѣны $\frac{E o x_o}{x}$, какъ выведенное только въ зависимости отъ одного фактора, или элемента производства — силъ природы, не можетъ служить общимъ выраженіемъ цѣны, и что послѣдняя можетъ точно также измѣняться вслѣдствіе вздорожанія или удешевленія другихъ факторовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясенъ и порядокъ вліянія отдѣльныхъ факторовъ на цѣну, или порядокъ вздорожанія даннаго элемента производства вслѣдствіе нарушенія равновѣсія между спросомъ на вещь и предложеніемъ. Мѣра вздорожанія силъ природы, вслѣдствіе нарушенія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ на продуктъ, опредѣляется отношеніемъ $\frac{x_o}{x}$ или той производительности, которой долженъ былъ требовать въ своихъ интересахъ потребитель, къ той, какую можетъ дать предложеніе. То, что справедливо для одного фактора, должно быть справедливо и для другихъ. Примѣняя ту же мѣру къ капиталу, увидимъ, что вздорожаніе, или относительная цѣна капитала должна измѣряться не отношеніемъ безусловныхъ величинъ спрашиваемаго и требуемаго капитала, а отношеніемъ болѣе производительнаго капитала къ менѣе производительному. Въ случаѣ нарушенія равновѣсія въ капиталахъ, потребитель будетъ спрашивать капитала по общему текущему проценту, z,

а ему будетъ предлагаться только капиталъ по $(z + \triangle z)$ %, вслѣдствіе чего первоначальная цѣна капитала должна будетъ измѣняться соотвѣтственно такому возрожденію процента; такъ что если начальная цѣна капитала E_o, то текущая будетъ $\frac{E_o z}{z_o}$.

Наконецъ, продолжая разсуждать такимъ образомъ далѣе, мы должны распространить неминуемо все сказанное и на третій элементъ производства, или рабочую плату.

Разсматривая трудъ—пишетъ Рикардо—какъ вещь, которая можетъ быть покупаема или продаваема, мы должны признать, что трудъ, точно также какъ и всякая вещь, можетъ имѣть двѣ цѣны, одну натуральную, другую мѣновую. Натуральной цѣной труда нужно назвать стоимость его содержанія, или стоимость той величины продукта и вещей, которая нужна для содержанія работника и его семейства; если цѣна этихъ вещей возвышается, то возвысится и натуральная цѣна труда. Чѣмъ болѣе живетъ общество, тѣмъ болѣе натуральная цѣна труда должна возвышаться, потому что главный предметъ содержанія работника, пища, должна возвышаться въ цѣнѣ. Мѣновой же цѣной труда нужно назвать ту цѣну, которую на самомъ дѣлѣ получаетъ работникъ и которая опредѣляется величиной спроса и предложенія на рабочія руки. Когда требованія на рабочія руки возвышаются, то возвышается и эта цѣна.

Слѣдовательно, точно также какъ цѣна можетъ возвыситься вслѣдствіе вздорожанія капиталовъ, она можетъ возвыситься и вслѣдствіе вздорожанія рукъ, и по тому же закону, какъ это имѣло мѣсто относительно капиталовъ. Рикардо, повидимому, этого не допускаетъ, говоря, что всякое вздорожаніе рукъ должно пасть на % капиталиста. Но разъ онъ въ тоже время говоритъ, что мѣновая цѣна вещи опредѣляется вообще отношеніемъ спроса къ предложенію, то онъ долженъ признавать неминуемо и такое измѣненіе цѣны вслѣдствіе вздорожанія труда, ибо въ общемъ отношеніи величина спроса S и предложеніи R, или общій спросъ на число вещей можно всегда себѣ представить состоящимъ изъ спроса на извѣстное число капиталовъ, рукъ и силъ природы, а общее предложеніе изъ предложенія на тѣ же вещи.

Потребитель будетъ требовать рукъ по цѣнѣ, положимъ, которую означимъ черезъ E, а предложеніе ему даетъ ихъ по цѣнѣ $E + dE$ и слѣдовательно измѣненная цѣна труда, въ зависимости отъ измѣненія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ его, будетъ $\frac{E_o q}{q_o}$, если q и q_o количества требованія и предложенія на рабочія руки.

Итакъ, послѣ сказаннаго сама собой открывается возможность согласить оба правила, и выведенное Рикардо первоначально относительно

натуральной цѣны и допущенное нами въ зависимости отъ спроса и оказавшееся невозможнымъ. Для того, чтобы оба правила $\frac{E_o x_o}{x}$ и $Eo\frac{s}{r}$ совпали, нужно, чтобы это отношеніе спроса къ предложенію, означая первый черезъ s, второй черезъ r, было постоянно равно отношенію $\frac{x_o}{x}$ или $\frac{s}{r} = \frac{x_o}{x}$. А для того, чтобы такое равенство имѣло мѣсто, нужно разумѣть подъ спросомъ и предложеніемъ не величину товаровъ, требуемыхъ и предлагаемыхъ вообще, а требуемыхъ и предлагаемыхъ за ту же единицу платы. Нужно разумѣть дѣло какъ родъ состязанія между потребителемъ и производителемъ, разумѣть его такимъ образомъ, что потребитель заявляетъ постоянно требованіе или спросъ получить продуктъ по самой дешевой цѣнѣ, по которой можетъ производиться хотя первая часть его, а потребитель — желаніе продать продуктъ по самой дорогой цѣнѣ, по которой онъ производится, или, что тоже, потребитель за единицу труда желаетъ получить x_o продукта, а производитель дать всего x. Тогда отношеніе $\frac{x_o}{r} = \frac{s}{x}$ и будетъ выражать отношеніе не количества продуктовъ, требуемыхъ и предлагаемыхъ вообще, а требуемыхъ и предлагаемыхъ на 1 работы, и спросъ s означать не безусловную величину спроса, а величину спроса потребителя за единицу работы, точно также какъ r не предложеніе вообще, а величину предложенія на единицу работы. Насколько же безусловная величина спроса и предложенія различна отъ той же величины на 1 работы, это можно видѣть изъ вышеприведеннаго примѣра: тамъ безусловная величина спроса была 510, а предложенія 180, 350 и 510; между тѣмъ какъ величина спроса на 1-цу работы въ настоящемъ смыслѣ была 180, а величина предложенія могла быть 180, 170 и 160.

Итакъ, повторяемъ, удерживая для выраженія мѣновой цѣны то положеніе, что цѣна эта опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію, мы должны разумѣть подъ спросомъ и предложеніемъ не безусловныя величины того или другаго, а величины спроса и предложенія на единицу труда или платы, въ силу чего спросъ $s = x_o$, а предложеніе $r = x$.

Въ этомъ только послѣднемъ смыслѣ можно сказать, что мѣновой цѣной вещи управляетъ отношеніе спроса къ предложенію. — Отношеніе $\frac{x_o}{x}$ мы можемъ назвать мѣновымъ коэффиціентомъ цѣны, насколько она зависитъ отъ совершенства способовъ производства или дороговизны силъ природы, вслѣдствіе чего элементъ цѣны

$$dE = -\frac{E^o x_o dx}{x^2}$$

и

$$E = \int \frac{E_o x_o dx}{x^2}.$$

Въ этомъ смыслѣ и самая рента, какъ она опредѣлена Рикардо, выходитъ частнымъ случаемъ общаго закона цѣнъ, выражаемаго этимъ видомъ.

Теперь можетъ быть уже очевидно, насколько первоначальное выраженіе цѣны $\frac{E_o x_o}{x}$ должно быть измѣнено для того, чтобы оно отвѣчало колебаніямъ не только въ стоимости силъ природы, но и въ стоимости труда и капитала.

Въ выраженіи $\frac{E^o x_o}{x}$, E_o означало первоначальную стоимость производства вещи, т. е. величину труда и капитала, котораго требовало первоначально ея производство, въ томъ предположеніи, что стоимость труда и капитала остается постоянной; поэтому, означая величину труда черезъ p, а прибыли съ капитала черезъ t, можемъ точно также положить $E = \frac{E^o x_o}{x} = (p + t)\frac{x_o}{x}$. Теперь мы узнали, что цѣна должна измѣняться не только вслѣдствіе большаго или меньшаго богатства силъ природы, или что тоже улучшенія способовъ производства, но и вслѣдствіе большаго или меньшаго богатства рукъ и капиталовъ. Словомъ, еслибы мы даже предположили богатство силъ природы постояннымъ или $x_o = x$ постоянно, то E_o не оставалось бы постоянно, а измѣнялось бы въ зависимости отъ обилія рукъ и капиталовъ. Для окончательнаго опредѣленія выраженія цѣны намъ остается, слѣдовательно, узнать порядокъ измѣненія E_o въ зависимости отъ спроса и предложенія на руки и капиталовъ также, какъ мы опредѣлили выше выраженіемъ $\frac{E^o x^o}{x}$ измѣненіе ея въ зависимости отъ спроса и предложенія на силы природы. Вслѣдствіе измѣненія цѣны капитала и труда, p и t въ только-что приведенномъ выраженіи измѣнятся на p' и t'; поэтому для выраженія цѣны, въ зависимости отъ измѣненія стоимости капитала и рукъ, нужно знать отношенія между p и p' и t и t', т. е. отношенія между большими и меньшими цѣнами труда и капитала и замѣнить этими послѣдними первоначальныя величины p и t. Стоимость p' будетъ тѣмъ больше p, чѣмъ величина послѣдующаго процента будетъ больше первоначальнаго, и слѣдовательно для p' имѣемъ пропорцію $p' : p = z : z_o$, откуда p'

$= \frac{pz}{z_o}$. Точно также t' будетъ настолько больше t', насколько послѣдующее количество предлагаемаго труда меньше первоначальнаго; поэтому для t' имѣемъ пропорцію $t' : t = q_o : q$, откуда $t' = \frac{q^o t}{q}$, подставляя получимъ для общаго выраженія цѣны въ завимости отъ трехъ факторовъ

$$E = \frac{x_o}{x}\left(\frac{pz}{z_o} + \frac{tq_o}{q}\right)$$

Такъ какъ, по словамъ Рикардо, разница въ спросѣ и предложеніи рѣдко производитъ значительныя и продолжительныя колебанія между величинами z и z_o и q и q_o, то $\left(\frac{pz}{z_o} + \frac{tq_o}{q}\right)$ въ предѣлѣ, при равенствѣ $z = z_o$ и $q = q_o$, стремится къ $(p + t) = E^o$ и общимъ выраженіемъ для мѣновой цѣны остается

$$E = \frac{E_o x_o}{x}.$$

ГЛАВА VI.

Продолженіе. Вліяніе на цѣнность налога.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ элементовъ цѣны есть еще одинъ, разсматриваемый экономистами болѣе какъ случайный или такой, который можетъ быть и не быть, это—налогъ. Намъ остается разсмотрѣть, каково должно быть его вліяніе на цѣну вещей, по теоріи Рикардо. Налогъ, по опредѣленію Рикардо, есть та часть поземельнаго и индустріальнаго дохода, которая предоставляется въ распоряженіе правительства. Въ концѣ концовъ, говоритъ Рикардо, эта часть всегда уплачивается или капиталомъ или доходомъ страны. Извѣстно, что трудно установить прочный раздѣлъ между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ. Пища работника, напримѣръ, потребляется и воспроизводится ежегодно, его платье можетъ уже служить положимъ два года, а его жилище гораздо долѣе. Когда ежегодное производство превышаетъ ежегодное потребленіе, то мы можемъ сказать, что капиталъ страны возрастаетъ; когда же потребленіе превышаетъ доходъ, то мы должны сказать, что страна проживаетъ часть капитала, или капиталъ уменьшается. Капиталъ можетъ слѣдовательно увеличиваться точно также насчетъ бо̀льшаго дохода, какъ и насчетъ уменьшеннаго потребленія. Поэтому и возвышеніе налога,

равное въ сущности возвышенію потребленія въ правительствѣ, можетъ падать какъ на доходъ, такъ и на капиталъ. Если это возвышеніе налога сопровождается или происходитъ одновременно съ увеличеніемъ производительности или сопровождается уменьшеніемъ потребленія остальной части общества, то такое возвышеніе будетъ падать все-таки только на доходъ страны. Но если это возвышеніе налога не будетъ сопровождаться одновременнымъ возвышеніемъ производства или сокращеніемъ потребленія, или то и другое не будетъ соотвѣтствовать по величинѣ возвышенію налога, то налогъ долженъ падать на капиталъ. Но общество, говоритъ Рикардо, рѣдко умѣетъ сокращать свои траты; поэтому налогъ, который не покрываетъ производства, падаетъ обыкновенно на капиталъ. Но и падая только на производство налогъ уменьшаетъ точно также средства сбереженія страны, т. е. останавливаетъ или уменьшаетъ быстроту, съ которой могло бы двигаться или увеличиваться производство. Несмотря на громадныя траты, говоритъ Рикардо, сдѣланныя англійскимъ правительствомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, нужно думать все-таки, что увеличеніе производства съ избыткомъ покрыло эти траты, но не слѣдуетъ думать, что эти траты остались вовсе безъ вліянія на національное богатство: безъ этихъ тратъ по всей вѣроятности національное производство Англіи возросло бы еще болѣе. Таково общее правило, принимаемое Рикардо относительно налога. Въ силу этого правила вліяніемъ налога управляетъ величина его, а не форма его взиманія, и будетъ ли налогъ по формѣ взиматься съ капитала или съ дохода, это не произведетъ никакой разницы въ конечномъ вліяніи налога, налогъ этотъ не будетъ поэтому обращаться на капиталъ или доходъ. Если налогъ падаетъ только на доходъ, то онъ уменьшаетъ сбереженіе, а потому уменьшаетъ то вліяніе, которое должно имѣть сбереженіе или—что тоже—возрастаніе капитала, на цѣну вещей, но не увеличиваетъ текущей цѣны вещей, онъ только замедляетъ ея пониженіе. Если онъ падаетъ на капиталъ, то, уменьшая капиталъ, онъ тѣмъ самымъ возвышаетъ цѣну капитала, а слѣдовательно возвышаетъ одновременно стоимость производства вещи или цѣну вещей, въ которую цѣна капитала входитъ какъ неизбѣжный элементъ.

Все дальнѣйшее затѣмъ изложеніе теоріи налоговъ Рикардо можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: на разсмотрѣніе налоговъ на производство и потребленіе, и разсмотрѣніе налоговъ на отдѣльные элементы производства. Рикардо разсматриваетъ прежде всего вліяніе налога на земледѣльческое производство.

Земледѣльческій продуктъ есть тотъ продуктъ, который оставляетъ преимущественно передъ другими излишекъ чистаго дохода или ренту;

поэтому относительно этого продукта прежде всего можно было бы предположить обращеніе налога, съ него взимаемаго, на этотъ излишекъ или ренту: тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Рикардо, это было бы не вѣрно. Мы знаемъ уже, что цѣна хлѣба опредѣляется стоимостью его производства на послѣднихъ участкахъ; поэтому всякій налогъ, увеличивающій эту стоимость производства хлѣба, будетъ ли онъ взиматься въ видѣ налога съ десятины земли, съ продукта, или таксы, долженъ будетъ возвышать и общую цѣну, а можно доказать, что всякій налогъ на земледѣльческое производство неизбѣжно увеличитъ стоимость производства на послѣднихъ участкахъ. Производитель на послѣднихъ участкахъ не платитъ ренты и потому для этихъ участковъ налогъ не можетъ быть покрытъ рентой; единственнымъ ресурсомъ, изъ котораго онъ могъ бы быть покрытъ, можно было бы считать доходъ самого производителя, но мы знаемъ точно также, что и доходъ капиталиста имѣетъ свою норму, отъ которой онъ отклониться не можетъ, что онъ составляетъ для даннаго времени величину одинаковую для всѣхъ производствъ. Поэтому, налогъ на хлѣбъ не можетъ точно также пасть на прибыль капиталиста, а слѣдовательно его долженъ будетъ оплатить потребитель, и онъ долженъ будетъ войти въ стоимость производства хлѣба на послѣднихъ участкахъ. Но эта стоимость производства и должна быть общей цѣной хлѣба, а потому всякій налогъ на земледѣльческое производство долженъ будетъ пасть на потребителя и войти въ цѣну хлѣба. Только такое возвышеніе цѣны хлѣба дастъ возможность послѣднему его производителю заплатить налогъ, и потому налогъ на земледѣльческое производство неизбѣжно долженъ будетъ оплатить потребитель. Но нужно замѣтить при этомъ, что такое возвышеніе цѣны на хлѣбъ не останется безъ вліянія на величину ренты.

Возьмемъ снова наши три участка, изъ коихъ

производитъ	даетъ ренты въ хлѣбѣ	въ деньгахъ
1-й участокъ 180 четв.	20	E 22,50
2-й » 170 »	10	E 11,25
3-й » 160 »	0	0
	30	E 48,0

При цѣнѣ хлѣба за четверть равной $\frac{Ex_0}{x} = E\,1{,}125$.

Положимъ теперь, что на каждую четверть хлѣба наложено aE налога, тогда цѣна четверти въ деньгахъ будетъ $E\left(\frac{x_0}{x}+a\right)=E(1{,}125+a)$.

Еслибы собственники продолжали получать ту же ренту по количеству хлѣба, какъ и прежде, то рента въ деньгахъ перваго была бы

$$E(1{,}125+a).20$$

рента втораго $E(1{,}125+a).10$

	въ хлѣбѣ		въ деньгахъ.
Теперь первый уч. дастъ дохода	180 четв.		$E180.1{,}125+E180a$
Изъ нихъ налогъ возьметъ . .	$\frac{180a}{1{,}125+a}$	четв.	$E180a$
Чистый доходъ будетъ . .	$180-\frac{180a}{1{,}125+a}$	»	$E180.1{,}25$
Второй участокъ дастъ . . .	170 четв.		$E170.1{,}125+E170a$
Изъ нихъ налогъ возьметъ . .	$\frac{a170}{1{,}125+a}$	четв.	$E170a$
Чистый доходъ будетъ . .	$170-\frac{170a}{1{,}125+a}$	»	$E170.1{,}125$
Третій участокъ дастъ . . .	160 четв.		$E160.1{,}25+E160a$
Налогъ возьметъ	$\frac{160a}{1{,}125a}$	четв.	$E160a$
Чистый доходъ будетъ . .	$160-\frac{160a}{1{,}125a}$	»	$E160.1{,}25$

Числа втораго столбца показываютъ, что рента въ деньгахъ остается та же, какъ и прежде, и что собственникъ получитъ на деньги ту же ренту, какую получалъ и безъ налога, словомъ, что налогъ не измѣняетъ величины дохода собственника въ деньгахъ. Совершенно иное показываютъ числа перваго столбца, относительно ренты въ хлѣбѣ. За вычетомъ налога въ хлѣбѣ, общій доходъ на каждомъ участкѣ будетъ, какъ показано:

Въ 1-мъ $180-\frac{180a}{1{,}125+a}$ и, слѣдовательно, рента въ хлѣбѣ

$$(180-160)-\left(\frac{180a-160a}{1{,}125+a}\right)=20\left(1-\frac{a}{1{,}125+a}\right)$$

Во 2-мъ $170-\frac{170a}{1{,}125+a}$ и, слѣдовательно, рента въ хлѣбѣ

$$(170-160)-\left(\frac{170a-160a}{1{,}125+a}\right)=10\left(1-\frac{a}{1{,}125+a}\right)$$

Въ 3-мъ $160-\frac{160a}{1{,}125+a}$ » 0

Видимъ, что рента въ хлѣбѣ, которую получилъ собственникъ, будетъ уменьшаться въ зависимости отъ величины налога.

Для того, чтобы опредѣлить общій видъ этой зависимости, употребимъ тѣ же обозначенія, которыя употребляли и выше, т. е. означимъ общее количество продукта, получаемаго на послѣднемъ участкѣ, черезъ x_o, на какомъ бы то ни было высшемъ участкѣ черезъ x, а цѣну безъ налога черезъ $E_o \frac{x_o}{x}$, и тогда, замѣняя въ какомъ бы то ни было изъ выраженій послѣдняго столбца, служащихъ выраженіемъ ренты въ хлѣбѣ на данномъ участкѣ въ зависимости отъ налога, числа соотвѣтствующими буквами, получимъ —

для выраженія ренты въ хлѣбѣ съ 1-го участка:

$$20\left(1-\frac{a}{\frac{x_o}{x}+a}\right)=20\left(1-\frac{ax}{(x_o+ax)}\right)=\frac{20x_o}{x_o+ax}$$

для выраженія ренты въ хлѣбѣ со 2-го участка:

$$10\left(1-\frac{a}{\frac{x_o}{x}+a}\right)=\frac{10x_o}{x_o+ax}$$

или вообще для какого бы то ни было участка, означая ренту съ него въ хлѣбѣ безъ налога черезъ R, а ренту въ зависимости отъ налога черезъ R'

$$R'=\frac{Rx_o}{x_o+ax}$$

гдѣ коэффиціентъ $\frac{x_o}{x_o+ax}$ и означаетъ коэффиціентъ измѣненія первоначальной ренты въ зависимости отъ налога.

Но въ этомъ выраженіи R очевидно равно разности валовыхъ доходовъ въ продуктѣ между даннымъ участкомъ и худшимъ, т. е. $R=x_o-x$. Поэтому, общій видъ ренты въ зависимости отъ налога будетъ:

$$R'=(x_o-x)\frac{x_o}{x_o+ax}$$

гдѣ a опредѣлится изъ уравненія $E_o a=\frac{Exa}{x_o}=k$, въ которомъ k означаетъ величину налога въ деньгахъ на 1-цу продукта, E_o—цѣну продукта при самомъ дешевомъ производствѣ и E — текущую цѣну продукта безъ налога. Опредѣляя дѣйствительно величину a изъ этого урав-

ненія и вставляя ее въ найденное выраженіе R', получимъ окончательно

$$a = \frac{kx_0}{E'x} \quad \text{и} \quad R' = \frac{(x_0 - x)E}{E + k}.$$

Откуда видимъ, что рента въ продуктѣ понижается пропорціонально отношенію цѣнъ: безъ налога и послѣ налога, что можно было и предвидѣть. Разсматривая въ этомъ выраженіи производительность каждаго участка какъ постоянную и принимая за перемѣнную только величину налога k, можемъ видѣть, что пониженіе ренты каждаго собственника, въ зависимости отъ величины налога, выразится кривой, которая пересѣчетъ отъ x только при $k = \infty$, т. е. налогъ никогда не поглотитъ всей ренты въ хлѣбѣ, и что вообще пониженія ренты въ зависимости отъ увеличенія налога будутъ значительнѣе при первыхъ возрастаніяхъ налога, чѣмъ при послѣдующихъ, такъ что дальнѣйшія возрастанія налога будутъ уменьшать ренту только на все меньшую и меньшую величину и никогда не поглотятъ ее вполнѣ. Дѣйствительно, принимая $E' = 1$ и полагая послѣдовательно $R = 0, 1, 10, 100$ и т. д., получимъ слѣдующія значенія для коэффиціента пониженія ренты: 1, 0.5, 0.1, 0.01, и т. д.

Точно такое же вліяніе долженъ имѣть этотъ видъ налога и на остальныя части распредѣленія, т. е. на рабочую плату и прибыль. Величина послѣднихъ въ продуктѣ сокращается точно также пропорціонально величинѣ налога, въ то время какъ номинальная или денежная величина прибыли и рабочей платы остается та же самая. Налогъ этотъ, словомъ, всегда оплачивается потребителемъ: цѣна вещей вообще дорожаетъ пропорціонально тому, насколько въ производство данной вещи входитъ земледѣльческаго продукта.

Варіацію этого вида налога составляетъ такъ-называемая десятина, составляющая тотъ же налогъ на земледѣльческій продуктъ, только уплачиваемый натурою. Само собой разумѣется, что и послѣдствія этого вида налога должны быть тѣ же, какъ и предыдущаго. Онъ точно также возвышаетъ цѣну продукта и представляетъ еще ту особенность, что несмотря на свое номинальное и кажущееся постоянство есть въ сущности налогъ, возрастающій самъ собою, вслѣдствіе постоянно усиливающагося затрудненія производства пищи.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ виды налога касались продуктовъ, принадлежащихъ къ одному главному типу въ экономическомъ отношеніи, продукта земледѣльческаго. Особенности этого типа заключаются главнымъ образомъ въ двухъ его свойствахъ. Земледѣльческій продуктъ

есть продуктъ въ высшей степени текущій или оборотный, если можно такъ выразиться: онъ подлежитъ постоянному уничтоженію и обновленію. Изъ этого вытекаетъ то послѣдствіе, что большая часть тратъ на производство его должна повторяться періодически въ теченіе извѣстнаго, сравнительно краткаго срока.

Не такъ бываетъ съ другими продуктами, каковы напримѣръ золото, платье, дома: разъ будучи произведены, они длятся и продолжаютъ удовлетворять той потребности, которой удовлетворяли и съ самаго начала, въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, чѣмъ пища. Но и срокъ постоянства и обновленія каждаго изъ нихъ также различенъ, и во всякомъ случаѣ ни для одного продукта не безпредѣленъ; такъ что, собственно говоря, продукты могутъ быть расположены въ отношеніи этого свойства въ извѣстный рядъ.

Такимъ образомъ непостоянство продукта не составляетъ исключительнаго свойства земледѣльческаго продукта, а общее свойство каждаго; но только въ серіи продуктовъ, расположенныхъ по ихъ сравнительному постоянству, земледѣльческій продуктъ или пища занимаетъ крайнее мѣсто.

Если мы означимъ величину продукта, въ которомъ нуждается человѣкъ, черезъ n, черезъ k величину срока, въ теченіе котораго можетъ служить продуктъ, а издержку на производство единицы продукта черезъ q, то — если эта работа должна повторяться ежегодно — по истеченіи t лѣтъ мы должны истратить qt работы для обновленія продукта, и если эта работа должна повторяться каждые два года, то по истеченіи t лѣтъ мы истратимъ $\frac{qt}{2}$ и т. д. Словомъ, при срокѣ, въ теченіе котораго можетъ служить продуктъ, равномъ k, наша издержка будетъ $\frac{qt}{k}$ и слѣдовательно число единицъ продукта, произведенныхъ въ теченіе каждаго года, равно $\frac{1}{k}$, а въ теченіе t лѣтъ $= \frac{t}{k}$, гдѣ k и есть величина измѣняющаяся для каждаго продукта. Чѣмъ она меньше, чѣмъ не долговѣчнѣе продуктъ, тѣмъ большее число разъ повторится его производство въ теченіе даннаго срока. Для земледѣльческаго производства величина k равна, положимъ, одному году; для золота она крайне велика, т. е. разъ произведенное золото служитъ безъ срока.

Если мы имѣемъ населеніе a и примемъ, что каждый человѣкъ нуждается въ n единицахъ продукта, то, при постоянствѣ населенія, по истеченіи t лѣтъ, мы должны будемъ истратить $\frac{anqt}{k}$ работы и произведемъ $\frac{ant}{k}$ единицъ продукта. Но такъ какъ a не есть вообще вели-

чина постоянная, а также функція отъ времени, то, означивъ ее черезъ $\varphi(t)$, должны будемъ положить количество единицъ продукта, которое должно быть произведено населеніемъ въ теченіе времени t, равнымъ $\frac{n\varphi(t)t}{k}$. Если k значительно, то на каждый годъ придется приготовить ничтожную часть продукта и, слѣдовательно, удовлетворить потребности весьма незначительнымъ придаткомъ къ старому продукту, производя ежегодно $\frac{n\varphi(t)}{k}$ продукта; такъ что, если возьмемъ всю величину ежегоднаго спроса на продуктъ, которая очевидно равна $n\varphi(t)$, то величина этого спроса разобьется на двѣ части, изъ коихъ текущее производство будетъ покрывать только часть, равную $\frac{n\varphi(t)}{k}$, а $n\varphi(t)\left(1-\frac{1}{k}\right)$ будетъ покрываться прошедшимъ производствомъ; иначе: $\frac{\varphi(t)}{k}$ населенія будутъ пользоваться новыми вещами, а $\varphi(t)\left(1-\frac{1}{k}\right)$ старыми. Но всякій новый налогъ, наложенный собственно на производство, будетъ взиматься только съ этой доли вновь производимыхъ вещей и по формѣ не будетъ трогать уже старыхъ вещей, остающихся въ употребленіи, а потому нужно думать, что онъ будетъ падать на потребителя только въ размѣрѣ, опредѣляемомъ количествомъ вновь произведенныхъ вещей. Оно вообще и будетъ дѣйствительно такъ: налогъ, уплачиваемый потребителемъ казнѣ, будетъ пропорціоналенъ выраженію $\frac{n\varphi(t)}{k}$. Но сверхъ этого налога, который получитъ казна, потребитель заплатитъ еще, при всякомъ повышеніи налога, извѣстный налогъ производителю, правда единовременный, но который нельзя оставить безъ вниманія. Кромѣ новыхъ вещей, на рынкѣ въ тоже время могутъ оставаться и старыя вещи, и вообще эти старыя вещи могутъ разсматриваться какъ имѣющія свою цѣну, и ихъ-то участіе въ торговомъ оборотѣ и можетъ имѣть различныя, временами, вліянія на величину того, что̀ заплатитъ потребитель.

Такъ какъ на рынкѣ не можетъ быть двухъ цѣнъ на вещь и такъ какъ цѣна вещи опредѣляется послѣдней стоимостью ея производства, то всѣ вещи, какъ новыя, такъ и старыя будутъ продаваться по новой цѣнѣ, соотвѣтствующей налогу, и потребитель оплатитъ весь свой спросъ по новой цѣнѣ, будетъ ли онъ касаться старыхъ или новыхъ вещей. Если на рынкѣ останутся вещи или не распроданныя отъ прежняго времени или часть потребителей возвратитъ старыя, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсти новыя, и старыя вещи будутъ пріобрѣтены тѣми, которые поставлены въ необходимость обновить въ текущій срокъ свой

запасъ вещей, то всѣ покупатели заплатятъ за вещи по новой цѣнѣ. Въ концѣ концовъ производитель заплатитъ, а казна получитъ налогъ только въ размѣрѣ новыхъ вещей, а взыщетъ его съ потребителя въ размѣрѣ всѣхъ вещей, которыя будутъ на рынкѣ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ.

Само собой разумѣется при этомъ, что старыя вещи все-таки будутъ продаваться дешевле новыхъ, но не потому, что онѣ не оплатили налога, а настолько дешевле, насколько онѣ потеряли въ цѣнѣ вслѣдствіе своего употребленія. Но такое явленіе можетъ быть только какъ временное, являющееся при перемѣнѣ величины налога, и должно прекратиться вмѣстѣ съ исчезновеніемъ старыхъ вещей, произведенныхъ еще до возвышенія налога. Но нужно все-таки помнить, что старыя вещи могутъ, смотря по роду вещей, очень долго не исчезать изъ обращенія.

Въ выраженіи $n\varphi(t)\left(1-\frac{1}{k}\right)+\frac{n\varphi(t)}{k}$, которое будетъ представлять всю сумму вещей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, существующихъ въ странѣ, k, или число годовъ, которое служитъ вещь, можетъ быть различно и даже весьма велико, причемъ количество новыхъ вещей обращающихся будетъ совершенно ничтожно и на рынкѣ будутъ обращаться почти только старыя вещи. Въ такомъ случаѣ налогъ, который получитъ казна отъ новыхъ вещей, будетъ ничтоженъ, а налогъ, который взыщетъ рынокъ, будетъ весьма значителенъ.

Если мы будемъ имѣть въ виду платье, которое, положимъ, должно обновляться въ два года, то въ обращеніи должна существовать половина новыхъ вещей и половина старыхъ.

Но если мы возьмемъ для примѣра дома, которые могутъ обновляться положимъ черезъ 50 и 100 лѣтъ, то въ обращеніи должно быть всего $^1/_{100}$ новыхъ домовъ на 99 старыхъ. Если мы наложимъ налогъ на постройку новыхъ домовъ, то казна получитъ весь налогъ, пропорціональный $^1/_{100}$ существующихъ домовъ. Между тѣмъ вслѣдствіе этого цѣна всѣхъ домовъ возрастетъ пропорціонально налогу, потому что желающему пріобрѣсти домъ все равно, строя новый, уплатить этотъ налогъ казнѣ или, покупая старый, уплатить его собственнику дома, и если мы себѣ представимъ, что въ моментъ возвышенія налога явились бы покупщики на всѣ существующіе дома, то они уплатили бы ихъ прежнимъ владѣльцамъ налогъ, пропорціональный тому, какой возьметъ казна съ новыхъ домовъ. Правда, въ дѣйствительности дома эти не будутъ проданы вдругъ, но есть вѣроятіе, что въ теченіе 100 лѣтъ, которыя они могутъ простоять, они перейдутъ дѣйствительно въ дру-

*

гія руки и слѣдовательно тотъ налогъ, о которомъ мы говоримъ, будетъ уплаченъ ихъ обладателямъ.

Отсюда видимъ, что всякое приращеніе налога на производство равносильно приращенію цѣны вещей какъ новыхъ, такъ и старыхъ, находящихся въ обращеніи, и потому уплачивается потребителемъ не только съ вновь производимыхъ или поступающихъ въ обращеніе вещей, но взимается со всей суммы вещей, какъ вновь поступающихъ въ обращеніе, такъ и бывшихъ въ обращеніи: только въ видѣ дѣйствительнаго налога въ казну поступаетъ одинъ сборъ съ вновь произведенныхъ вещей, пропорціональный $\frac{n\varphi(t)}{k}$, а остальная часть налога, пропорціональная суммѣ старыхъ вещей $n\varphi(t)\left(1-\frac{1}{k}\right)$, достается въ пользу владѣльцевъ старыхъ вещей. Слѣдовательно срокъ, который служитъ вещь, не оказываетъ никакого вліянія на колебаніе цѣнъ вслѣдствіе налога на производство и можно признать общимъ правиломъ, что всякое приращеніе налога на производство одинаково поднимаетъ цѣну вещей какъ старыхъ, такъ и новыхъ, существующихъ въ обращеніи.

Итакъ правило, выведенное выше относительно налога на земледѣльческое производство, можетъ считаться теперь доказаннымъ для налога на какое бы то ни было производство. Налогъ на производство увеличиваетъ стоимость производства послѣднихъ единицъ продукта; а такъ какъ эта стоимость управляетъ вообще цѣной вещей, то и налогъ на производство возвышаетъ цѣну всѣхъ вещей, относящихся къ данному производству, находящихся въ обращеніи, и оплачивается потребителемъ. Не нужно забывать однако, что правило это выведено въ томъ предположеніи, что средняя величина потребности вещей на каждаго человѣка, взятаго за 1-цу, которую мы выше означили черезъ n, остается постоянной, и потому должно быть пока ограничено этимъ условіемъ.

Второе отличительное свойство земледѣльческаго продукта, это— постоянство потребности въ немъ, одинаково распространяющееся на всѣ классы. Въ то время какъ мы можемъ лишить себя пользованія другими вещами безъ особеннаго ущерба нашему существованію, въ то время, слѣдовательно, какъ потребность въ другихъ вещахъ составляетъ потребность болѣе или менѣе условную или эластическую, — пища, которую даетъ земледѣльческій продуктъ, составляетъ неизбѣжное условіе нашего существованія. Но и лишеніе себя другихъ вещей, каково бы оно ни было, все-таки составляетъ лишеніе, а потому потребность въ пищѣ отличается отъ потребности въ другихъ вещахъ только степенью, въ которой она существуетъ для пищи. Кромѣ

пищи намъ почти такъ же необходимы одежда, жилище; но и самыя повидимому несущественныя вещи, составляющія роскошь и украшеніе нашей жизни, все-таки имѣютъ свою величину спроса, отвѣчаютъ извѣстной потребности. Потому и въ этомъ отношеніи точно также продукты могутъ быть расположены въ рядъ, смотря по интенсивности потребности на нихъ, въ которомъ каждому продукту соотвѣтствуетъ свой особенный коэффиціентъ, указывающій на сравнительную степень интенсивности данной потребности. Если мы примемъ интенсивность пищи за 1-цу, то интенсивность остальныхъ потребностей можетъ выразиться рядомъ величинъ, заключающихся между 0 и 1, изъ которыхъ каждому продукту будетъ соотвѣтствовать своя величина. Положивъ эту величину равной h и допуская, что величина дѣйствительнаго спроса на продуктъ должна быть въ извѣстномъ смыслѣ пропорціональна интенсивности потребности, можемъ принять за общее выраженіе спроса на продуктъ $n\varphi(t)\ h$, а за количества продукта, которыя будутъ оставаться отъ прошлыхъ годовъ и производиться вновь послѣдовательно:

$$n\varphi(t)h\left(1-\frac{1}{k}\right) \text{ и } \frac{n\varphi(t)h}{k}.$$

Если n означаетъ число единицъ даннаго продукта, въ которыхъ нуждается средній человѣкъ для полнаго его снабженія даннымъ продуктомъ, то выраженіе hn означитъ наименьшій предѣлъ, до котораго можетъ ограничить себя средній человѣкъ, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ данномъ продуктѣ, или предѣлъ эластичности спроса или потребности.

Для большинства предметовъ существуетъ такой предѣлъ, хотя и различный для различныхъ предметовъ. Мы можемъ ограничивать себя въ пищѣ, но въ этомъ отношеніи самая наша способность къ ограниченію весьма ограниченна; мы можемъ себя ограничивать въ одеждѣ и жилищѣ, но есть минимумъ одежды и жилища, которыми долженъ пользоваться человѣкъ для своего существованія; мы можемъ ограничивать себя въ средствахъ и орудіяхъ производства... Большая часть такихъ ограниченій сопровождается для насъ нравственной тягостью. Но есть потребности, которыя повидимому могутъ быть одинаково удовлетворены произвольнымъ количествомъ продукта. Такова напримѣръ потребность въ монетѣ, служащей условнымъ орудіемъ обмѣна. Тѣ функціи, которыя исполняетъ пудъ золота въ торговлѣ какъ монета, могутъ точно также успѣшно исполнять пол-пуда,—только эти пол-

пуда будутъ покупать вдвое большее количество вещей, чѣмъ покупали прежде. Мы можемъ сокращать количество золота даже безъ видимаго измѣненія дѣла, мы можемъ взять взамѣнъ золота другой предметъ, замѣнить его наконецъ предметомъ, не имѣющимъ почти никакой внутренней цѣнности, бумагой, и бумага точно также удовлетворитъ нашей цѣли, какъ и золото. Правда, описанная возможность не безпредѣльна, но по крайней мѣрѣ предѣлы эти весьма широки.

Остается посмотрѣть, какое вліяніе долженъ имѣть налогъ на производство въ этихъ случаяхъ, и для нагляднаго уясненія этого вліянія лучше всего остановиться на томъ рѣзкомъ примѣрѣ эластичности, какую представляетъ потребность въ золотѣ.

Положимъ, говоритъ Рикардо, что Испанскій король сталъ бы единственнымъ обладателемъ золотыхъ розсыпей и имъ была бы наложена пошлина на эксплуатацію этихъ розсыпей. Еслибы золото должно было обновляться ежегодно, тогда цѣна золота повысилась бы немедленно; зато было бы по всей вѣроятности куплено иностранными государствами меньшее количество золота, чѣмъ покупалось прежде, меньшее— пропорціонально налогу. Испанскіе производители должны были бы эксплуатировать меньше розсыпей, вынуть изъ нихъ часть капиталовъ, которая бы употребилась ими на производство другихъ полезныхъ вещей. Но на проданное меньшее количество золота Испанія получила бы то же количество вещей, какъ и прежде; стало быть не была бы въ убыткѣ. Европа, купившая теперь меньше золота за то же количество вещей, не была бы точно также въ убыткѣ; ибо меньшее количество золота исполнило бы тѣ же функціи, какія исполняло прежде большее. Положимъ, что Испанія продавала прежде a пуд. золота, на каждый пудъ наложено z налога; мы говоримъ, что она будетъ продавать теперь $<$ чѣмъ a пуд. золота. На сколько же меньше? Производилось a, наложенъ налогъ z; слѣдовательно, если стоимость производства p, a пуд. золота стоили до налога ap дней, а послѣ налога $a\,(p+z)$. Европа не захочетъ платить болѣе чѣмъ p дней за пудъ и потому она получитъ вмѣсто a пуд. $\frac{ap}{p+z}$ пуд. золота. Слѣдовательно, количество золота, которое будетъ производиться вновь, $a' = \frac{ap}{p+z}$. Изъ этого золота казна возьметъ часть, пропорціональную z, и потому послѣ налога доходы Испаніи отъ золотыхъ розсыпей распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: 1) казна получитъ въ видѣ налога $\frac{apz}{p+z}$ и 2) производитель $\frac{pa(1-z)}{p+z}$. Вмѣстѣ съ тѣмъ освободится часть капиталовъ, вложенныхъ прежде въ производство золота; кто же этимъ воспользуется?

Если прежде Испанія на производство золота и покупку ap чужихъ рабочихъ дней употребляла ap дней своихъ собственныхъ, то теперь она купитъ ap чужихъ дней за $\frac{ap^2}{p+z}$ собственныхъ; выгода ея, или сбереженіе въ рабочихъ дняхъ равно $ap\left(1-\frac{p}{p+z}\right)$. Слѣдовательно, испанскій производитель потеряетъ вслѣдствіе налога $\frac{ap^2z}{p+z}$ дней, а выиграетъ $\frac{apz}{p+z}$ и, слѣдовательно, не получитъ никакой прибыли, а ею воспользуется казна.

То, что оказывается справедливымъ для золота, должно быть справедливо и для всякаго продукта, мѣра потребленія котораго можетъ быть сокращена. При этомъ въ экономическомъ смыслѣ все равно, сопровождается ли такое сокращеніе нравственнымъ лишеніемъ или нѣтъ, послѣдствія будутъ одни и тѣ же, налогъ вызоветъ сбереженіе, уменьшитъ спросъ, обратитъ часть капиталовъ на иное производство, болѣе выгодное, разница будетъ только въ степени сбереженія или сокращенія спроса. Для этого нужно только, чтобы спросъ на данный товаръ допускалъ извѣстную эластичность или уменьшеніе спроса: чѣмъ больше эта эластичность, тѣмъ больше и возможное сбереженіе, которое можетъ вызвать налогъ. Но кромѣ того нужно еще одно условіе, это— чтобы сберегаемые капиталы могли себѣ найти дѣйствительно болѣе полезное дѣло. Если же этого нѣтъ, то рядомъ съ освобожденіемъ капиталовъ понизится уровень процента на нихъ и производитель, а слѣдовательно и страна, не получатъ никакой выгоды.

Поэтому всякій налогъ на предметы роскоши, болѣе всего приближающіеся съ этой стороны къ драгоцѣннымъ металламъ въ странѣ, которая можетъ производить только что-либо кромѣ этихъ предметовъ, долженъ имѣть тѣ послѣдствія, которыя мы только-что развили.

Но разъ сокращеніе потребленія даннаго предмета, вынуждаемое налогомъ, переходитъ за предѣлы возможнаго воздержанія, спросъ не уменьшается болѣе пропорціонально уменьшенію цѣны, капиталы не упраздняются на новыя производства, производитель продолжаетъ производить постоянно то количество товара, меньше котораго не можетъ понизиться спросъ, казна получаетъ большій денежный сборъ, доходъ производителя увеличивается и большія прибыли оплачиваетъ потребитель, словомъ, налогъ обращается въ налогъ на производство, спросъ для котораго есть величина постоянная.

Итакъ мы видимъ, что по теоріи Рикардо оказывается до извѣстной степени возможнымъ посредствомъ налога регулировать потребленіе,

а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно и давать направленіе производствамъ и привлекать капиталы изъ одного производства въ другое.

Разсмотрѣнное условіе эластичности спроса вноситъ уже нѣкоторое измѣненіе въ только-что изложенное выше правило обращенія налога на производство неизбѣжно въ цѣну вещей. Вслѣдствіе этого условія можно уже предвидѣть, что не всякій налогъ въ предѣлахъ возможнаго сокращенія потребленія непремѣнно заплатится потребителемъ и отразится на цѣнѣ вещей. Налогъ на производство, сказали мы выше, долженъ возвысить цѣну вещей какъ новыхъ, такъ и старыхъ, находящихся въ обращеніи; но если вслѣдствіе такого возвышенія можетъ сокращаться самое требованіе, если, что само собой разумѣется, пониженіе требованія должно быть въ извѣстномъ отношеніи пропорціонально возвышенію налога, то въ предѣлахъ эластичности спроса возвышеніе налога можетъ уменьшить производство новыхъ вещей, прекратить его вовсе и даже сдѣлать излишнею часть старыхъ вещей; тогда будетъ избытокъ предложенія, цѣна должна будетъ стать поневолѣ ниже той нормы, которая бы соотвѣтствовала величинѣ налога; потребитель не будетъ платить въ такомъ случаѣ или всего налога, или части его, и если налогъ взыскивается казной только съ новаго производства, то не только она не получитъ никакого налога, но производители или обладатели старыхъ, уже произведенныхъ вещей, часть которыхъ окажется ненужной, должны будутъ потерпѣть убытокъ, если не согласятся уступить этихъ вещей по прежней цѣнѣ. Но если до налога спросъ требовалъ кромѣ старыхъ еще и новыхъ вещей, то для старой цѣны было стало-быть болѣе требователей, чѣмъ предложенія, и потому ихъ и теперь станетъ больше, чѣмъ есть старыхъ вещей, слѣдовательно владѣлецъ старыхъ вещей можетъ въ такомъ случаѣ повысить цѣну вещи вслѣдствіе налога до того предѣла, который согласится уплатить потребитель. Цѣна вещей будетъ опредѣляться этимъ послѣднимъ условіемъ, а не величиной налога. Казна не будетъ получать никакого налога и установленіе налога будетъ имѣть только то дѣйствіе, что повыситъ цѣну на предметъ и доставитъ выгоду производителю. Мѣра этого возвышенія, какъ и самая сущность дѣйствія налога въ этомъ случаѣ, очевидны. Установленіе налога будетъ имѣть то же дѣйствіе, какое произвела бы всякая невозможность прибавить къ старому продукту новой единицы продукта иначе, какъ по цѣнѣ, опредѣляемой налогомъ, откуда бы ни проистекала эта невозможность. Если спросъ не можетъ отказаться отъ новыхъ вещей безусловно, то потребитель заплатитъ налогъ и цѣна вещей будетъ опредѣляться налогомъ; если спросъ можетъ сократиться и ограничиться старыми вещами, то цѣна старыхъ вещей будетъ выше

прежней ихъ цѣны и ниже цѣны, опредѣляемой налогомъ, будетъ заключаться между этими двумя цѣнами, какъ между предѣлами.

Высказанное до сихъ поръ касалось налога въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ налагается на производство. Отъ этихъ случаевъ не трудно перейти къ тѣмъ, когда налогъ налагается не на производство, а на потребленіе и слѣдовательно безразлично касается какъ старыхъ, такъ и новыхъ вещей, и притомъ періодически. Если такой налогъ взыскивается съ даннаго продукта въ извѣстный срокъ, пока послѣдній существуетъ, то такой налогъ возьмется съ одной и той же единицы продукта столько разъ, сколько сроковъ существуетъ данный продуктъ, т. е. если продуктъ служитъ k лѣтъ, какъ мы означили выше, а налогъ взимается ежегодно, то онъ взыщется k разъ.

Тутъ точно также нужно различать вліяніе налога за предѣлами эластичности спроса, и въ этихъ предѣлахъ.

За предѣлами эластичности, слѣдовательно при спросѣ постоянномъ, налогъ войдетъ весь въ цѣну вещи, уплатится потребителемъ со всѣхъ вещей и получится исключительно казной. Въ предѣлахъ эластичности установленіе налога, равносильное увеличенію цѣны вещей на всю сумму налога, сократитъ спросъ на вещи. Общая величина налога, который получитъ казна, опредѣляется величиной этого спроса, но уплата этой величины не неизбѣжно падетъ на потребителя и все будетъ зависѣть отъ величины спроса. Если спросъ будетъ требовать кромѣ старыхъ все-еще и новыхъ вещей, то налогъ будетъ уплачивать потребитель, но если спросъ ограничится частью старыхъ вещей, то вслѣдствіе избытка послѣднихъ владѣлецъ ихъ долженъ будетъ поневолѣ продать ихъ по пониженной цѣнѣ, и тогда или часть налога, или весь онъ уплатится изъ прибылей производителя.

Такъ напримѣръ пусть налогъ наложенъ на дома, и потребитель не только не потребуетъ новыхъ, но и откажется отъ части старыхъ, тогда или часть старыхъ домовъ должна будетъ совершенно запустѣть или домовладѣльцы должны будутъ взять меньшую цѣну за квартиры, не покрывающую налога, и уплатить часть налога изъ своихъ прибылей.

Само собою разумѣется, что эти послѣдніе виды налога на потребленіе выгоднѣе для казны, чѣмъ налоги на производство для всѣхъ тѣхъ производствъ, для которыхъ срокъ службы старыхъ вещей есть сколько-нибудь продолжительный. Что же касается потребителя, то налогъ на производство выгоднѣе для него лишь въ томъ смыслѣ, что онъ взыскивается одинъ разъ, тогда какъ налогъ на потребленіе взимается съ одной и той же вещи нѣсколько разъ.

Изъ такого вліянія сокращенія спроса на результатъ налога должно быть очевидно, какъ важно было бы для государства знать въ точности порядокъ пониженія спроса на отдѣльные предметы въ зависимости отъ возвышенія цѣны, знать видъ спроса, какъ функціи отъ цѣны. Между тѣмъ для опредѣленія этой зависимости не сдѣлано никакихъ попытокъ. Поэтому соображенія, которыя могли бы быть предложены относительно этого предмета, могли бы имѣть характеръ чисто отвлеченный, аналитическій и гадательный. Несмотря на весь ихъ интересъ, мы оставимъ ихъ однако, въ настоящемъ случаѣ, въ сторонѣ, такъ какъ это отвлекло бы насъ совершенно отъ главнаго предмета нашего изложенія, а представимъ нѣкоторыя относящіяся къ этому предмету соображенія особо (см. Приложенія, помѣщенныя въ концѣ настоящаго тома).

Наконецъ сверхъ общихъ налоговъ на производство и потребленіе, намъ остается еще разсмотрѣть налоги на отдѣльные элементы производства.

Подъ налогами на элементы производства будемъ разумѣть налогъ на ренту, прибыль и рабочую плату.

Налогъ на ренту долженъ падать, по мнѣнію Рикардо, исключительно на одну ренту. Собственникъ не можетъ возвысить ренты вслѣдствіе такого налога, ибо такого налога не будетъ платить производитель на послѣднихъ участкахъ, не платящій ренты. Цѣна продукта остается, слѣдовательно, при такомъ налогѣ прежняя. Но при этомъ, говоритъ Рикардо, нужно строго различать собственно ренту отъ той платы, которую получаетъ собственникъ за постройки и вообще устройства, существующія на его землѣ. Плата эта на практикѣ постоянно входитъ въ слово рента, подъ которой разумѣется вообще доходъ, получаемый собственникомъ отъ фермера, но она не составляетъ уже ренты съ собственномъ смыслѣ слова, а прибыль на капиталъ. Поэтому, если налогомъ будетъ обложенъ безразлично доходъ поземельнаго собственника, то такой налогъ уже будетъ падать не только на ренту, но и на прибыли съ капитала, и потому, понижая прибыли съ капитала въ земледѣльческомъ производствѣ, долженъ былъ бы подавлять земледѣліе въ ущербъ другимъ производствамъ. Но такъ какъ съ другой стороны прибыли во всѣхъ производствахъ должны быть равны, то въ окончательномъ результатѣ можетъ быть то, что эта часть налога переброситься на цѣну продукта и на потребителя, т. е. станетъ просто налогомъ на земледѣльческій продуктъ.

Такъ-называемый поземельный налогъ можетъ принять характеръ обоихъ видовъ налога, т. е. налога на продуктъ и налога на ренту.

Если онъ будетъ и по своей величинѣ и по формѣ разверстанія только налагаться на ренту, то онъ будетъ равносиленъ налогу на ренту, но если имъ будутъ облагаться безразлично всѣ земли, въ томъ числѣ и не приносящія ренты, или также и на часть обыкновенной ренты, которая составляетъ собственно прибыль на капиталъ, то онъ будетъ налогомъ на земледѣльческій продуктъ вообще и будетъ имѣть всѣ послѣдствія такого налога.

Налогъ на прибыль отъ даннаго производства равносиленъ налогу на данное производство, такъ что, если мы обложимъ такимъ налогомъ равномѣрно всѣ производства, то это и будетъ тоже, что наложить налогъ вообще на прибыль. Итакъ налогъ на прибыли вообще равносиленъ пропорціональному налогу на всѣ производства. Послѣдствіемъ его должно быть равномѣрное вздорожаніе всѣхъ вещей. Но при этомъ нужно различать, по мнѣнію Рикардо, слѣдующее. Если мы обложимъ всѣ производства, въ томъ числѣ и производство продукта, служащаго монетой, то, рядомъ съ вздорожаніемъ всѣхъ продуктовъ, должна вздорожать въ одинакой степени и монета, а потому цѣна вещей не измѣнится.

Если налогъ падаетъ на всѣ предметы, кромѣ монеты, то цѣна вещей возвышается пропорціонально налогу и налогъ на доходъ оплачиваетъ потребитель. Но нужно замѣтить, что въ случаѣ равномѣрнаго обложенія всѣхъ доходовъ цѣна отдѣльныхъ вещей должна возвышаться не въ одинаковой степени.

Мы видѣли выше, говоритъ Рикардо, что два производителя могутъ получать тотъ же процентъ съ капитала, могутъ орудовать одинаковымъ по величинѣ капиталомъ, а между тѣмъ принуждены будутъ продавать сумму произведеннаго ими продукта не за одну и ту же цѣну. Разница эта будетъ зависѣть отъ того, что въ обоихъ производствахъ доли оборотнаго и основнаго капитала будутъ различны. На оборотный капиталъ будетъ взиматься только текущій процентъ, на основной не только текущій процентъ, но и процентъ за все время, въ теченіе котораго капиталъ этотъ не приносилъ никакого дохода во время устройства предпріятія. Обложимъ теперь того и другаго производителя налогомъ въ видѣ одинаковаго процента съ дохода на капиталъ, положимъ ζ. Тотъ и другой работаютъ однимъ и тѣмъ же капиталомъ, положимъ p, и должны получить въ сущности тотъ же доходъ, установленный текущимъ уровнемъ процента z. Слѣдовательно тотъ и другой заплатитъ $z\zeta p$ налога. Между тѣмъ, если одинъ продавалъ свой продуктъ до налога за a, другой за b, то послѣ налога цѣна одного продукта будетъ $a+z\zeta p$, цѣна другаго $b+z\zeta p$, а такъ какъ отношеніе

$\frac{a+z\zeta p}{b+z\zeta p}$ не равно, а $>$ или $<\frac{a}{b}$, смотря по тому, который изъ двухъ продуктовъ продавался прежде дороже другаго, или смотря по тому, котораго изъ нихъ основной капиталъ былъ значительнѣе, то вздорожаніе продуктовъ будетъ не одинаково.

Пусть былъ значительнѣе основной капиталъ продукта, продававшагося по цѣнѣ a, вслѣдствіе чего a было равно 100, а основной капиталъ b меньше, вслѣдствіе чего цѣна втораго продукта или b была равна 10. Пусть налогъ, которымъ они обложены, или $z\zeta p$, равенъ 2.

Тогда отношеніе между ихъ цѣнами до налога было $\frac{100}{10}=10$

послѣ налога $\frac{100+2}{10+2}=\frac{102}{12}=8.5$;

въ одномъ случаѣ цѣна продукта повысилась на 2%, во второмъ на 20%. Итакъ видимъ, что отдѣльные продукты вслѣдствіе налога на капиталъ или доходъ съ капитала, которымъ они производятся, будутъ дорожать не равномѣрно, и приращенія цѣнъ будутъ незначительнѣе для продуктовъ, производимыхъ бо́льшимъ основнымъ капиталомъ, чѣмъ для продуктовъ, производимыхъ меньшимъ основнымъ капиталомъ.

Пусть теперь уменьшится количество монеты въ странѣ на-половину, такъ что продукты, которые стоили 1 рубль, стоютъ теперь полрубля: казалось бы, выгоды производителя должны остаться тѣ же, и дѣйствительно, если мы возьмемъ цѣны, какими онѣ были до налога, то уменьшеніе это не внесетъ никакой разницы въ относительную величину этихъ цѣнъ; $\frac{a}{2}:\frac{b}{2}$ остается равнымъ $\frac{a}{b}$. Но если мы точно также уменьшимъ вдвое отношеніе цѣнъ послѣ налога, то выгоды производителя уже не останутся болѣе тѣ же самыя, какъ и прежде, а измѣнятся.

Дѣйствительно, пусть увеличеніе золота будетъ таково, что цѣна перваго продукта послѣ налога понизится на-половину, т. е. будетъ 51. Если измѣнимъ въ той же мѣрѣ цѣну другаго продукта, то будемъ имѣть для цѣны втораго 6, въ результатѣ отношеніе цѣнъ будетъ то же $\frac{51}{6}=8.5$. Но казна взыщетъ налога попрежнему 2 и потому прибыли будутъ 49 и 4; $\frac{49}{4}=12.2$. Такъ что, очевидно, прибыли того и другаго производителя окажутся различны, и для того, чтобы онѣ были одинаковы, въ то время какъ одна цѣна понизится до 100, другая долж-

на понизиться до 10. Нельзя ли, пишетъ Рикардо, видѣть въ этомъ причину, вслѣдствіе которой приливъ и отливъ монеты вызываютъ не одинаковое вздорожаніе продуктовъ въ мѣстахъ, гдѣ послѣдніе обложены налогомъ? Въ то время, продолжаетъ онъ, когда Англійскій банкъ прекратилъ платежи монетой, лицамъ, утверждавшимъ, что такое прекращеніе платежей вызвало вздорожаніе товаровъ, возражали, что если-бы это было настоящей причиной вздорожанія, то въ такомъ случаѣ возвышеніе цѣнъ должно было бы быть равномѣрно; а такъ какъ товары вздорожали неравномѣрно, то это и приводили въ опроверженіе той мысли, будто-бы вздорожаніе произошло вслѣдствіе убыли монеты.

Въ суммѣ, слѣдовательно, налогъ на прибыль будетъ равномѣренъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ взыскиваться въ видѣ извѣстнаго процента съ дѣйствительной прибыли, а не будетъ разсчитываться съ капитала, ни установляться въ видѣ опредѣленной на неограниченное время таксы хоть бы и съ чистой прибыли. Только въ такомъ случаѣ онъ будетъ достигать той уравнительности, какая приписывается вообще налогу на доходъ.

Налогъ на рабочую плату, по мнѣнію Рикардо, равносиленъ прямому налогу на прибыль. Такое положеніе прямо вытекаетъ изъ общаго положенія, имъ высказываемаго, по которому всякое возвышеніе рабочей платы падаетъ на прибыль.

Два условія, писалъ Смитъ, управляютъ величиной рабочей платы: величина спроса на трудъ сравнительно съ предложеніемъ его, и цѣна предметовъ первой необходимости. Первое условіе опредѣляетъ, на сколько содержаніе работника будетъ щедро, умѣренно или скудно. Средняя цѣна припасовъ опредѣляетъ величину платы, которую нужно заплатить работнику для того, чтобы онъ могъ существовать. Букананъ замѣтилъ на это, что вздорожаніе припасовъ прямо указываетъ на ихъ недостатокъ, т. е. на то, что потребленіе каждаго должно быть сокращено для того, чтобы общество могло какъ-нибудь обойтись тѣмъ, что есть. Послѣ этого говорить, что рабочая плата должна возвышаться вслѣдъ за возвышеніемъ цѣнъ, тоже, что утверждать, будто работникъ можетъ потреблять то, чего не существуетъ.

Рикардо признаетъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ относительно тѣхъ случаевъ, когда вздорожаніе припасовъ вызывается ихъ недостаткомъ, но не всегда вздорожаніе припасовъ обусловливается этой причиной.

Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ Рикардо, что въ настоящее время нужда заставляетъ обработывать такія земли, какія не обработывались прежде,

что припасы возрасли въ цѣнѣ противъ прошлаго времени, а между тѣмъ несомнѣнно также, что количество производимыхъ припасовъ значительнѣе въ настоящее время, чѣмъ въ прошлое. Поэтому, если только цѣна припасовъ будетъ возрастать, вслѣдствіе ли затрудненія способовъ производства или налога безъ одновременнаго уменьшенія ихъ количества, то вмѣстѣ съ тѣмъ должна возрасти и рабочая плата. Само собой разумѣется, что это справедливо только въ томъ предположеніи, что вмѣстѣ съ тѣмъ же не уменьшается самый спросъ на трудъ. Еслибы мы допустили даже на минуту, пишетъ Рикардо, что рабочая плата не возвысится, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что взятый налогъ составитъ фондъ, насчетъ котораго казной будетъ занята извѣстная сумма труда. Одновременно съ налогомъ должно явиться слѣдовательно приращеніе спроса на трудъ, а такое приращеніе само по себѣ, безъ всякихъ другихъ причинъ, должно поднять цѣну на трудъ, и слѣдовательно рабочая плата должна будетъ во всякомъ случаѣ возвыситься. Но если вмѣсто того, чтобы употребить налогъ на содержаніе національнаго труда, казна употребитъ его на содержаніе иностраннаго труда прямымъ или косвеннымъ образомъ, то конечно спросъ на національный трудъ долженъ будетъ уменьшиться и рабочая плата не возрастетъ, а можетъ даже также уменьшиться. Такъ какъ это условіе почти всегда имѣетъ мѣсто для извѣстной страны, то и нужно предположить, что, вообще говоря, возвышеніе рабочей платы должно быть ниже налога.

Послѣ всего сказаннаго, весь взглядъ Рикардо на налогъ можетъ быть повторенъ въ нѣсколькихъ словахъ:

1) Всякій налогъ на производство равносиленъ увеличенію стоимости производства послѣдней единицы продукта на всю величину налога и, потому, соотвѣтственному возвышенію цѣны на вещь.

2) Если такое возвышеніе цѣны вызываетъ уменьшеніе спроса, то текущая цѣна вещи можетъ не повыситься немедленно пропорціонально налогу и налогъ пасть на первое время на производителя, смотря по тому, какъ велико пониженіе спроса, которое вызоветъ налогъ. Если это пониженіе таково, что не только производитель долженъ уменьшить производство, но въ рукахъ производителя должно остаться излишнее число уже произведенныхъ вещей, то онъ согласится продать дешевле цѣны, соотвѣтствующей налогу. Но такое явленіе можетъ быть, очевидно, только временное и налогъ окончательно обрушается на потребителя, какъ только производитель приведетъ спросъ въ соотвѣтствіе съ требованіемъ.

3) Прямой налогъ на ренту есть налогъ наименѣе тягостный, ибо

онъ трогаетъ одни избытки, дѣйствительно остается на рентѣ и не возвышаетъ цѣны вещей, пока онъ не выходитъ изъ предѣловъ ренты; выходя изъ предѣловъ ренты, онъ становится налогомъ на прибыль, равносильнымъ общему налогу на всѣ производства.

4) Налогъ на рабочую плату вообще равносиленъ налогу на прибыль и потому точно также возвышаетъ цѣну вещей.

Изъ всѣхъ видовъ налога одинъ только налогъ на ренту представляетъ нѣчто исключительное по своему отношенію къ цѣнности. Онъ одинъ не вліяетъ на цѣну вещей, что̀ вполнѣ согласуется съ тѣмъ положеніемъ Рикардо, по которому сама рента не вліяетъ на цѣну вещей. Всѣ остальные виды налога въ общемъ счетѣ относятся къ цѣнности совершенно одинаково: они входятъ въ нее своей абсолютной величиной съ знакомъ +; и случаи уклоненія отъ этого правила могутъ разсматриваться только какъ исключенія. Поэтому, если общій видъ цѣны безъ налога, найденный выше, есть $\frac{x_o}{x}\left(\frac{pz}{z_o}+\frac{tq}{q_o}\right)$, общее выраженіе налога $\alpha\frac{x_o}{x}\left(\frac{pz}{z_o}+\frac{tq}{q_o}\right)$, то общій видъ цѣны послѣ налога будетъ $\frac{x_o}{x}\left(\frac{pz}{z_o}+\frac{tq}{q_o}\right)(1+\alpha)$.

ГЛАВА VII.

Окончаніе теоріи Рикардо.—Денежное обращеніе.—Общія замѣчанія относительно системы и ея изложенія.

Теорія цѣнности совершенно естественно завершается въ трудахъ Рикардо разсмотрѣніемъ вопроса о денежномъ обращеніи, которому авторъ посвятилъ нѣсколько отдѣльныхъ монографій независимо отъ того, что̀ имъ было сказано по этому вопросу въ «Началахъ политической экономіи».

Разсуждая о натуральной цѣнности, Рикардо указалъ на единицу

работы какъ на естественную, натуральную и самую совершенную мѣру цѣнности, въ смыслѣ ея постоянства. Но эта мѣра все-таки могла быть разсматриваема только какъ теоретическая мѣра. Въ дѣйствительности, цѣнности, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, измѣряются другою мѣрой, которою служитъ въ различныя времена различный товаръ, но преимущественно благородные металлы. Говорю «внѣшнимъ образомъ», потому что самый металлъ или монета можетъ быть въ свою очередь разсматриваема какъ представитель извѣстной суммы работы, и слѣдовательно, можетъ быть допущено, что работа остается въ сущности мѣрой цѣнности и въ томъ случаѣ, когда мы употребляемъ для опредѣленія цѣнности монету. Еще очевиднѣе такое объясненіе прилагается къ тому мѣрилу цѣнности, которое въ послѣднее время замѣнило монету во внутреннемъ обращеніи, т. е. къ бумажнымъ деньгамъ. Этого рода монета, не имѣющая вовсе внутренней цѣнности, всего лучше можетъ разсматриваться какъ чекъ или знакъ, представляющій извѣстную сумму работы исполненной, прошлой или подлежащей исполненію. Еслибы мы въ дѣйствительности захотѣли себѣ представить такой порядокъ, при которомъ, въ разсчетѣ, всѣ покупки и продажи совершались бы на единицу цѣнности, за которую взята была бы работа,—то не могли бы придумать орудія, болѣе отвѣчающаго самому механизму такого обращенія, какъ бумажный символъ или знакъ, выражающій въ рукахъ его обладателя права на извѣстное число единицъ чужой работы. Итакъ, съ точки зрѣнія теоріи, принимающей работу за натуральную единицу цѣнности, нужно разсматривать самую текущую мѣновую единицу цѣнности какъ представляющую единицы работы.

Предполагается, пишетъ Рикардо, что благородные металлы, служащіе монетой, распредѣлились сами собой въ теченіе времени между отдѣльными государствами пропорціонально торговымъ оборотамъ, богатству и количеству уплатъ каждаго.

Если въ своемъ коммерческомъ развитіи одно государство начнетъ опережать другое, то сообразно этому оно начнетъ привлекать къ себѣ большее количество монеты, которая распредѣлится сообразно новымъ относительнымъ потребностямъ въ ней отдѣльныхъ государствъ. Такимъ образомъ надлежащее распредѣленіе металлической монеты совершается само собой.

Рикардо допускаетъ, что количество потребной монеты пропорціонально количеству сдѣлокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и суммѣ переливающейся монеты.

Еслибы въ данномъ государствѣ открыты были золотыя розсыпи, то оно не удержало бы вновь открывшагося прилива монеты само для

себя, а этотъ приливъ понизилъ бы общую цѣнность монеты и затѣмъ распредѣлился бы между отдѣльными государствами пропорціонально потребности каждаго.

Предположимъ, что вмѣсто открытія розсыпи въ странѣ основался бы банкъ для выпуска бумажной монеты, въ такомъ случаѣ, говоритъ Рикардо, послѣдствія были бы совершенно тѣ же: выпускъ бумажной монеты замѣстилъ бы для данной страны извѣстное количество металлической монеты. Пусть эта страна имѣла $2a$ металлической монеты и выпустила бумажныхъ знаковъ на сумму a, тогда она будетъ имѣть $3a$ монеты. Но если она нуждается въ $2a$ монеты для своихъ оборотовъ, то стало быть a монеты станетъ для нея излишкомъ и она явится на общій рынокъ, понизитъ пропорціонально цѣнность металлической монеты вообще и распредѣлится между отдѣльными государствами какъ всякій новый приливъ металла. Такимъ образомъ бумажныя деньги замѣняютъ болѣе дорогой матеріялъ менѣе дорогимъ, но исполняющимъ совершенно успѣшно то же назначеніе. Смитъ поэтому сравниваетъ эту замѣну съ обращеніемъ дорогъ въ пахоти и пастбища и вообще съ обращеніемъ непроизводительнаго употребленія капитала въ производительное. Многіе, правда, — пишетъ Рикардо, — съ сокрушеніемъ смотрѣли на такой отливъ металла изъ страны вслѣдствіе выпуска бумажныхъ знаковъ и даже правительства видѣли въ этомъ потерю для страны, но справедливость требуетъ сказать, что обмѣнъ, при этомъ совершающійся, обмѣнъ продукта, очевидно ставшаго излишнимъ для страны, непроизводительнымъ, потерявшимъ для нея смыслъ и пользу, на всякій другой, можетъ только быть выгоденъ.

Если металлическая монета разливается сама собою соразмѣрно потребности, то это вслѣдствіе того условія, что разъ количество ея въ данной мѣстности превосходитъ потребность, цѣна ея падаетъ въ данной мѣстности и является выгода вывезти ее въ другую, гдѣ цѣна выше, гдѣ нѣтъ излишка монеты, и тамъ продать ее по высшей цѣнѣ. На этомъ же самомъ основаніи количество выпускаемой банками бумажной монеты, пока для послѣдней открытъ обмѣнъ на металлъ въ банкѣ, ее выпускающемъ, не можетъ превзойти мѣстной потребности или количества обращающейся въ мѣстности металлической монеты. Ибо если банкъ выпуститъ больше бумажныхъ знаковъ, чѣмъ требуютъ мѣстные обороты, то излишекъ ихъ, не имѣя обращенія въ другихъ государствахъ, не можетъ устремиться наружу и потому возвращается въ банкъ съ требованіемъ обмѣна на ту металлическую единицу, за которую онъ былъ выданъ.

Такимъ образомъ всякій вывозъ монеты есть слѣдствіе и признакъ

ея излишка, по мнѣнію Рикардо, а такъ какъ вывозъ монеты и составляетъ то, что́ называютъ невыгоднымъ торговымъ балансомъ, то отсюда слѣдуетъ, что всякій такой невыгодный балансъ не представляетъ въ существѣ ровно ничего невыгоднаго и служитъ только доказательствомъ являющагося въ странѣ излишка монеты. Даже въ томъ случаѣ, говоритъ Рикардо, когда страна должна была бы заплатить контрибуцію, она уплатила бы ее монетой только въ томъ случаѣ, когда уплата ея монетой была бы для нея болѣе выгодна и уплата всякимъ другимъ товаромъ была бы для нея дороже, чѣмъ уплата монетой.

Пока обращающаяся монета вся состоитъ изъ металла или билетовъ, безпрепятственно обмѣниваемыхъ, до тѣхъ поръ разница въ курсѣ между двумя государствами не можетъ превосходить много стоимости перевоза монеты изъ одной страны въ другую. Но если монета одной страны будетъ искажена лигатурой, или если билеты банка не будутъ обмѣниваться на металлъ al pari вслѣдствіе чрезмѣрнаго ихъ выпуска, то банкиръ, которому я предложу уплатить мой долгъ въ другой странѣ, потребуетъ для этой уплаты столько пониженной монеты или билетовъ, сколько нужно для того, чтобы первые составляли должную мною сумму чистаго серебра или золота или сколько нужно билетовъ, чтобы купить здѣсь на мѣстѣ означенную сумму серебра или золота плюсъ издержки коммиссіи и провоза. Приплата, которую я долженъ буду сдѣлать сверхъ издержекъ провоза и коммиссіи на мѣстныя деньги, и выразитъ приращеніе курса для данной страны вслѣдствіе искаженія ея монеты или чрезмѣрнаго выпуска билетовъ. Такимъ образомъ курсъ служитъ прямымъ указателемъ относительной цѣнности единицъ монеты между двумя государствами; онъ подводитъ постоянно уравненіе между единицами, номинальная величина которыхъ можетъ быть измѣняема постоянно совершенно произвольно, и дѣйствительно на искаженіе монеты и чрезмѣрный выпускъ билетовъ мы можемъ смотрѣть какъ на произвольное увеличеніе номинальной стоимости.

Но хотя бумажные знаки и подчиняются, какъ мы видимъ, совершенно тому же закону въ отношеніи своего курса, какъ и металлическая монета, тѣмъ не менѣе степень паденія курса бумажной единицы вслѣдствіе всякаго новаго прилива знаковъ должна быть отлична отъ степени паденія металлической единицы. Всякій приливъ новаго запаса металла распредѣляется тотчасъ же по всему міровому рынку и потому паденіе курса металлической единицы вслѣдствіе открытія новыхъ розсыпей едвали можетъ быть когда особенно чувствительно. Приращеніе, которое произведетъ новая розсыпь въ количествѣ металла, составитъ всегда ничтожную долю относительно общей массы металла, уже обра-

щающейся; эта доля должна становиться тѣмъ незначительнѣе съ теченіемъ времени, такъ какъ масса добытаго уже металла сохраняется безъ срока. Всякій приливъ бумажныхъ знаковъ разливается только по мѣстному рынку и потому вліяніе такого прилива настолько же больше, насколько количество монеты, обращающейся на мѣстномъ рынкѣ, меньше всего количества монеты, обращающагося на міровомъ. При этомъ нужно замѣтить, прибавляетъ Рикардо, что такой чрезмѣрный приливъ знаковъ дѣйствуетъ только на цѣнность монетной единицы и не распространяется, какъ это иногда думали, на наемную цѣну капиталовъ или уровень процента. Какъ бы ни мѣнялась монетная единица, во всякомъ случаѣ количество продукта, которое можетъ быть куплено за сумму обращающагося номинальнаго денежнаго капитала, или—что́ тоже—величина вещественнаго капитала остается та же, она не увеличивается и не уменьшается, а потому дѣйствительная цѣна вещественнаго капитала не имѣетъ причинъ измѣняться, измѣняется только номинальная цѣна его, а потому и процентъ на капиталъ долженъ остаться тотъ же. Изъ такихъ соображеній я заключаю, пишетъ Рикардо, что высокая цѣна капитала не можетъ быть приписываема пониженію курса или искаженію монеты.

Другое практическое замѣчаніе, которое дѣлаетъ Рикардо, касается изъятія излишнихъ билетовъ изъ обращенія. Быстрое изъятіе банкомъ своихъ билетовъ изъ обращенія въ случаѣ упадка ихъ курса, пишетъ онъ, не можетъ считаться средствомъ, которое бы прямо вело къ цѣли. Еслибы предположить, говоритъ онъ, что въ кассахъ банка заключалось достаточное количество гиней для выпуска билетовъ и банкъ вдругъ открылъ бы размѣнъ, то гинеи немедленно по выходѣ изъ банка отправлялись бы заграницу и исчезали бы изъ внутренняго обращенія. Совершая же изъятіе билетовъ изъ обращенія только постепенно, банкъ могъ бы исправить курсъ безъ чувствительныхъ неудобствъ.

Эти разсужденія касательно денежнаго обращенія имѣютъ уже скорѣе характеръ бѣглыхъ замѣтокъ, чѣмъ подробнаго изслѣдованія вопроса о денежномъ обращеніи. Они не принадлежатъ главному сочиненію Рикардо—его трактату о политической экономіи, а заимствованы изъ статей, написанныхъ Рикардо по поводу современнаго ему денежнаго кризиса въ Англіи. Тѣмъ не менѣе они представляютъ рядъ простыхъ и ясныхъ мыслей, на которыя мы сочли нужнымъ обратить тѣмъ болѣе вниманія, что гораздо позже, чѣмъ онѣ были написаны, въ финансовой практикѣ отдѣльныхъ странъ дѣлались все-таки ошибки, прямо предусмотрѣнныя въ означенныхъ разсужденіяхъ.

На этомъ закончимъ обзоръ теоріи цѣнности, предложенной Рикар-

до, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сущности мыслей, которыя онъ старался внести вообще въ экономическую литературу. Мысли эти, какъ мы можемъ видѣть теперь, представляютъ не только опредѣленную въ общихъ основаніяхъ теорію цѣнности, но и заключали вмѣстѣ съ тѣмъ довольно систематическій отвѣтъ на вопросъ распредѣленія, которымъ Рикардо мотивировалъ съ самаго начала все изслѣдованіе. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что отвѣтъ этотъ можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ отвѣтомъ лишь настолько, насколько подъ распредѣленіемъ мы будемъ разумѣть передѣлъ отдѣльныхъ частей продукта между тремя элементами цѣны—рентой, трудомъ прошлымъ и трудомъ текущимъ въ смыслѣ элементовъ цѣны. Въ эти предѣлы мы должны замкнуть всѣ положенія Рикардо, потому что только въ такихъ предѣлахъ эти положенія являются вполнѣ точными и отдѣльныя величины ренты и платы за трудъ, т. е. за капиталъ и трудъ текущій опредѣляются сами собой изъ цѣны вещей. Цѣна эта опредѣляется по послѣдней стоимости производства вещи въ работѣ, и такъ какъ эта стоимость можетъ быть различна для отдѣльныхъ производствъ, то является рядъ натуральныхъ цѣнъ для каждаго продукта, изъ которыхъ послѣдняя или самая дорогая обращается въ мѣновую цѣну вещи. Изъ этой послѣдней цѣны разность между нею и отдѣльными натуральными цѣнами обращается въ ренту, а отдѣльныя натуральныя цѣны опредѣляютъ долю продукта, поступающую на вознагражденіе капиталиста и работника; величина этой доли различна, число работниковъ, на которыхъ она распредѣляется, также различно, но величина вознагражденія каждаго работника въ продуктѣ одинакова, кромѣ того она почти постоянна и неизмѣнна въ среднемъ счетѣ, а потому доля вознагражденія, остающаяся капиталисту или вѣрнѣе доля вознагражденія за трудъ, собранный въ капиталѣ, подлежитъ постепенному сокращенію. Этимъ путемъ производительность должна стремиться въ предѣлѣ къ такому положенію вещей, въ которомъ капитализація не представляетъ никакой выгоды, и только постояннымъ удешевленіемъ производства, постояннымъ усовершенствованіемъ способовъ производства производительность удерживается отъ приближенія къ такому предѣлу въ дѣйствительности. Въ среднемъ результатѣ — постоянное возрастаніе ренты, упадокъ процента и status quo рабочей платы, чѣмъ не устраняется однако возможность частныхъ колебаній въ положеніи каждаго изъ трехъ только-что перечисленныхъ элементовъ вслѣдствіе различныхъ причинъ.

Но если мы будемъ разумѣть подъ распредѣленіемъ распредѣленіе отдѣльныхъ достатковъ въ обществѣ, то всѣ эти положенія могутъ

соотвѣтствовать вопросу, насколько мы вправѣ подставить на мѣсто отдѣльныхъ элементовъ цѣны отдѣльныя сословія. Въ строгомъ смыслѣ мы этого сдѣлать не можемъ, ибо рентьеръ точно также можетъ быть въ одно и тоже время капиталистомъ, какъ капиталистъ работникомъ или рентьеромъ,—такъ что подъ работникомъ, рентьеромъ и капиталистомъ мы всегда будемъ разумѣть болѣе или менѣе отвлеченныя, фиктивныя лица.

Такое замѣчаніе не только не наноситъ никакого ущерба самой постановкѣ, какая дана вопросу о распредѣленіи Рикардо, но указываетъ напротивъ того, на теоретическій, философскій характеръ этой постановки, обезпечивающей за выводами Рикардо, въ случаѣ ихъ вѣрности, характеръ общихъ законовъ. Противъ вѣрности этихъ законовъ можно конечно спорить, но у нихъ нельзя отнять послѣдовательности. Что касается затѣмъ самой теоріи цѣнности, которая положена Рикардо въ основаніи распредѣленія, то эта теорія дана имъ конечно только въ однихъ общихъ чертахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничивается одними довольно неопредѣленными намеками. Самое построеніе этой теоріи не можетъ быть названо иначе какъ гипотетическимъ, такъ что все зданіе, построенное Рикардо, является конечно только гипотезой, нерѣдко недосказанной, недовершенной. Этотъ гипотетическій характеръ она должна была сохранить и въ нашемъ изложеніи, но я старался, насколько это было возможно въ видахъ большей опредѣленности, въ своемъ изложеніи не только повторить сказанное у самого Рикардо, но и представить читателю непосредственные результаты системы. Въ этихъ видахъ я долженъ былъ вводить въ изложеніе иногда довольно пространные примѣры и дѣлать частыя отступленія отъ буквальнаго изложенія текста. Въ этихъ же видахъ и еще болѣе въ видахъ того важнаго значенія, которое имѣетъ во всемъ направленіи экономистовъ теорія цѣнности Рикардо, я счелъ нужнымъ придать ея положеніямъ, гдѣ это было возможно, аналитическое выраженіе. Читатель, не довольный такимъ пріемомъ, пусть постарается составить себѣ ясное понятіе о предметѣ, не останавливаясь надъ математическими выраженіями. Читателю же болѣе терпѣливому я долженъ сказать, что формулы, имъ встрѣченныя, должны составлять только точныя выраженія главнѣйшихъ положеній самого Рикардо, вѣрность которыхъ остается на его отвѣтственности, выраженія, построенныя большей частью на основаніи данныхъ имъ же самимъ численныхъ примѣровъ. На приведенные же мною лично разсчеты въ подтвержденіе соображеній, вытекающихъ изъ основныхъ положеній системы, онъ долженъ смотрѣть какъ на разсчеты чисто примѣрные.

ГЛАВА VIII.

Жанъ-Батистъ Сэ.

Теорія цѣнности Рикардо была не болѣе какъ гипотезой. Въ теченіе ея изложенія достаточно сказался абстрактный методъ ея построенія, который въ первый разъ внесенъ былъ въ экономическую науку трудами Рикардо. Трудами его предшественниковъ собранъ извѣстный матеріалъ фактовъ, наблюденій и практическихъ и историческихъ замѣчаній и обобщеній, которые были переработаны Смитомъ и имъ приведены къ тѣмъ общимъ положеніямъ, которыя Рикардо взялъ за основаніе для того, чтобы обработать ихъ въ логическую систему, въ теоретическое цѣлое. Рикардо былъ, словомъ, философомъ того самаго направленія, котораго другіе были наблюдателями и художниками. Мы не замѣчаемъ у него ни особенной наблюдательности, ни богатства историческихъ и мѣстныхъ свѣдѣній, ни искусства непосредственно, такъ сказать инстинктивно подмѣчать новыя стороны явленій. Логическій выводъ составляетъ всѣ его средства и всю его силу.

Сэ по своей природѣ былъ человѣкомъ совершенно иного склада. Философская сила ума въ немъ была развита слабо, онъ не имѣлъ никакой наклонности къ отвлеченнымъ построеніямъ и строгой логичности въ выводахъ, и потому ставитъ въ упрекъ Рикардо и самой наукѣ тотъ философскій путь, котораго держится послѣдній, — не оговаривая впрочемъ почему: потому ли, что считаетъ его преждевременнымъ, или безусловно безплоднымъ. Онъ утверждалъ, что хочетъ держаться на положительной почвѣ фактовъ, продолжая такимъ образомъ слѣдовать общему первоначальному способу разработки всякой науки. Никакая гипотеза— писалъ онъ—не въ состояніи взять заранѣе въ соображеніе всѣхъ условій, дѣйствіе которыхъ можетъ явиться въ дѣйствительности, и потому всякая гипотеза должна привести къ выводамъ ложнымъ. Изъ этихъ объясненій можно видѣть, что Сэ не совсѣмъ ясно понималъ значеніе выводнаго метода. Оставаясь, по его выраженію, на почвѣ фактовъ, онъ могъ конечно принести свою пользу наукѣ, тѣмъ болѣе цѣнную, что эта почва требуетъ своихъ особенныхъ дарованій, своихъ особенныхъ личныхъ свойствъ. Но если отъ человѣка зависитъ выбрать тотъ или другой способъ отношенія къ предмету изслѣдованія, то не отъ него

зависитъ проявить ту силу дарованія, которой требуетъ самъ по себѣ предметъ изслѣдованія. Правда, способности къ тому роду изслѣдованія, котораго хотѣлъ держаться Сэ, встрѣчаются чаще, чѣмъ тѣ, которыхъ требуетъ философскій способъ, избранный Рикардо, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки не столь общи, чтобы встрѣчаться сплошь и рядомъ. Сэ поступилъ съ тактомъ, избирая болѣе легкій родъ изслѣдованія, но онъ поступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстно или по крайней мѣрѣ близоруко, стараясь въ тоже время унизить по-возможности способъ изслѣдованія Рикардо, отбросить его не какъ слишкомъ трудный и недоступный его личнымъ способностямъ, а какъ несоотвѣтствовавшій требованію науки. До Рикардо въ политической экономіи не существовало вопроса о методѣ. Рикардо своимъ строгимъ спекулятивнымъ умомъ, своей абстрактной теоріей возбудилъ этотъ вопросъ. Его способъ былъ строго научный, но эта-то научность его испугала французскихъ изслѣдователей. Сэ объявилъ его несоотвѣтствующимъ наукѣ. Но, становясь на почву наблюденія, онъ не обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ способностями первоклассныхъ наблюдателей, въ родѣ Смита, въ его лицѣ самый наблюдательный способъ долженъ былъ пріобрѣсти легковѣсность и поверхностность, нисколько несоотвѣтствующую уже требованіямъ науки, но зато весьма приходящійся по сердцу для читателя, ищущаго въ наукѣ легкаго и занимательнаго чтенія. Еслибы популярность, которою онъ пользовался, вполнѣ соотвѣтствовала достоинству его произведеній, то онъ остался бы навсегда второкласснымъ писателемъ, который бы имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мало вліянія на направленіе науки. Но вмѣстѣ съ отсутствіемъ первоклассныхъ внутреннихъ достоинствъ, Сэ въ значительной степени обладалъ тѣми внѣшними качествами, которыя дѣлаютъ писателя привлекательнымъ для читающаго большинства. Легкій слогъ, поверхностное изложеніе предмета, отсутствіе всякой потребности вдумываться въ глубину вещей и вопросовъ и готовность всегда замѣнить фразой дѣло тамъ, гдѣ разсмотрѣніе самаго дѣла повело бы къ трудностямъ, все это весьма приходится по сердцу читателю, который видитъ возможность знакомиться съ наукой на довольно льготныхъ условіяхъ. Все это и сдѣлало изъ Сэ того милаго свѣтскаго, прекраснаго человѣка, котораго всякій встрѣчаетъ съ радушной улыбкой и всякій же готовъ превозносить какъ человѣка, въ которомъ каждая черта характера льститъ нашимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Сэ сталъ такимъ образомъ популяризаторомъ экономическаго направленія, онъ сдѣлалъ изъ экономической науки науку гостинную, свѣтскую. Въ то время какъ большинство образованныхъ людей не преодолѣетъ изъ Рикардо трехъ страницъ сряду, почти нѣтъ свѣтскаго полуобразованнаго франта,

который не прочелъ бы Сэ, не отрываясь и подъ-рядъ, который не вынесъ бы изъ него, правда, поверхностныхъ, но ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы. Такіе люди обыкновенно рѣдко въ состояніи сосредоточиться на какомъ-либо спеціальномъ вопросѣ и изслѣдовать его до глубины. Они большей частью собираютъ медъ изъ чужихъ ульевъ. У нихъ все закругленно и изящно, всему придана пріятная цѣлостность. Сэ написалъ полный трактатъ о политической экономіи и еще полный курсъ той же науки, которыя и стали настольными книгами.

Оба сочиненія представляютъ сами по себѣ весьма полезный сводъ воззрѣній экономическаго направленія, въ которомъ нашли свое дополнительное разсмотрѣніе тѣ болѣе уже частныя, хотя не менѣе любопытныя части экономической науки, которыя оставлены были или совершенно въ сторонѣ въ трудахъ такихъ спеціальныхъ изслѣдователей, какъ Рикардо и Мальтусъ, или о которыхъ было упомянуто только вскользь. Поэтому, разсмотрѣніемъ этихъ трудовъ лучше всего закончить изложеніе воззрѣній школы экономистовъ. И если отбросить отъ этихъ трудовъ чрезмѣрную притязательность, которую они имѣли на то, чтобы составить школу въ наукѣ, не по своему содержанію, а по своей формѣ, то сама наука не могла бы ничего произнести на счетъ Сэ, кромѣ благодарности. Но Сэ не только былъ притязателенъ, а притязательность его была удовлетворена какъ нельзя лучше. Внѣшнія достоинства его изложенія стали предметомъ подражанія и цѣлью послѣдующихъ писателей, обратились въ манеру. Такъ что скоро отъ всего этого направленія не осталось ничего кромѣ одной манеры. Еслибы Сэ дѣйствительно хотѣлъ оставаться на почвѣ фактовъ, какъ онъ писалъ, то онъ долженъ былъ повышать, а не понижать уровень фактическаго изслѣдованія противъ той степени строгости, до которой онъ доведенъ былъ въ трудахъ Смита и др.

Экономическому направленію пролегалъ прямой, но трудный путь вступить на почву статистическихъ и техническихъ фактовъ. Но Сэ, подъ предлогомъ необходимости очертить точный кругъ науки, провелъ передъ ней заколдованный кругъ, оправдывая ее въ незнаніи всего, что лежитъ за предѣлами этого круга. Политическая экономія, пишетъ онъ, занимается только вопросомъ о богатствѣ, ей принадлежатъ только высшія соображенія и она не должна заниматься разборомъ техническихъ способовъ. Но изъ того, что не ея дѣло придумывать лучшіе способы дубить кожи или удобрять землю — слѣдуетъ ли, что она можетъ рѣшить въ послѣдней инстанціи такіе вопросы, какъ вопросъ объ успѣхахъ производительности въ сравненіи съ успѣхами населенія, не зная, сколько лишнихъ мѣшковъ хлѣба можетъ подарить странѣ или подарить

человѣчеству тотъ или другой усовершенствованный способъ производства, сколько лишнихъ дней труда сократилъ тотъ или другой.

Каждая наука имѣетъ свой спеціальный кругъ предметовъ и вопросовъ, и конечно не дѣло одной науки рѣшать вопросы другой. Но иное дѣло рѣшать чужіе вопросы, и иное дѣло отправляться за свѣдѣніями въ чужую науку для рѣшенія своихъ собственныхъ. Не дѣло экономіи учить дубить кожи; но чье же дѣло знать экономическую часть всѣхъ производствъ, какъ не той же экономіи? И трудно даже себѣ представить, какъ можетъ обойтись безъ такого знанія часть знанія, спеціально предназначенная управлять государственнымъ хозяйствомъ. Не потому ли эта экономическая часть отдѣльныхъ производствъ остается до сихъ поръ тайной, за которую не хотѣла взяться ни одна наука, что экономическое направленіе отклоняло отъ себя свою прямую задачу? Въ лицѣ Сэ оно прямо освобождало себя отъ всякаго спеціальнаго труда. Оно хотѣло стать философіей вещей, которыя ей были неизвѣстны въ сущности и отъ изученія которыхъ она отказывалась; но то, что у Сэ имѣло свою мѣру, свой страхъ божій, у его послѣдователей вошло въ систему, доведенную до послѣдней крайности. За изгнаніемъ съ одной стороны абстракцій, съ другой—фактовъ, подъ предлогомъ ихъ излишней спеціальности, направленіе, говорившее о фактической почвѣ, въ концѣ концовъ осталось безъ всякаго содержанія при одной внѣшней привлекательности изложенія и фразѣ. Послѣ Сэ оно произвело много болтуновъ и писателей, но не произвело уже надолго ничего такого, что хотя бы на шагъ подвинуло экономическое направленіе далѣе тѣхъ предѣловъ, на которыхъ оставили это направленіе писатели, разсмотрѣніемъ которыхъ мы ограничимся.

Самъ Сэ въ сущности не принесъ ничего новаго своей школѣ; онъ не произвелъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ ея положеніяхъ. Вся оригинальная часть его дѣятельности ограничилась только рядомъ поправокъ и добавленій къ мыслямъ предшественниковъ, а потому отъ самаго изложенія ряда этихъ поправокъ, которыми мы должны будемъ здѣсь ограничиться, читатель пусть не ждетъ чего-либо цѣльнаго, выработаннаго въ оригинальную систему.

Съ внѣшней стороны нѣтъ ничего шире плана, который очерчиваетъ Сэ своему изслѣдованію. Человѣкъ въ своей жизни нуждается въ извѣстныхъ вещахъ, которыя вслѣдствіе этого получаютъ для него цѣнность, составляютъ богатство. Такимъ образомъ цѣнность вещей для человѣка, по понятію Сэ, опредѣляется ихъ полезностью.

Общество занимается производствомъ, распредѣленіемъ и потребле-

ніемъ цѣнностей. Политическая экономія, какъ наука объ общихъ условіяхъ богатства, должна разсмотрѣть каждый изъ этихъ трехъ моментовъ экономическаго процесса, представляющаго замкнутый кругъ. Итакъ начнемъ съ производства. Наблюдая человѣческое производство, мы убѣждаемся, что человѣкъ въ собственномъ смыслѣ не производитъ новыхъ вещей, а только занимается перемѣщеніемъ и комбинированіемъ существующихъ, данныхъ природой, и потому подъ производствомъ въ экономическомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть производство вещей въ этомъ условномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ всякое перемѣщеніе вещей, полезное человѣку, можетъ быть названо частью производства и притомъ производительною. Замѣчаніе это дѣлаетъ Сэ въ виду тѣхъ сомнѣній, которыя были возбуждены на счетъ такихъ участниковъ экономическаго производства, участіе которыхъ не выражалось измѣненіемъ внѣшняго вида вещей. Такъ, съ внѣшней стороны, въ самомъ общемъ видѣ процессъ производства можетъ разсматриваться какъ слагающійся изъ трехъ частей, или отдѣльныхъ производствъ. Мы производимъ прежде всего сырой продуктъ (земледѣльческое производство), затѣмъ этотъ продуктъ обработывается до той формы, въ которой онъ подлежитъ прямому потребленію (мануфактурное производство), и наконецъ распредѣляется по отдѣльнымъ пунктамъ, въ которыхъ онъ становится доступнымъ потребленію по мѣсту своего нахожденія (коммерческое производство). Сомнѣніе, возбужденное на счетъ того, можно ли считать коммерческое производство за дѣйствительное производство, и заставило Сэ указать на ту мысль, что собственно все производство заключается въ перемѣщеніи вещей и въ этомъ отношеніи коммерческая дѣятельность ничѣмъ не отличается въ существѣ отъ прочихъ частей производства, никѣмъ не оспариваемыхъ какъ дѣйствительныхъ частей производства.

Возьмите для примѣра, пишетъ Сэ, горное производство: металлъ и каменный уголь находятся въ землѣ совершенно готовыми для употребленія. Тѣмъ не менѣе онъ не составляетъ цѣнности, пока онъ не вынутъ изъ земли. Тоже мы должны сказать о рыбѣ, которую ловитъ рыбакъ. Наконецъ тоже можно сказать и о всякой вещи, какъ бы она ни была полезна сама по себѣ; но пока она не доступна, по мѣсту своего положенія, человѣку, до тѣхъ поръ она не имѣетъ и цѣнности. Итакъ всякое полезное перемѣщеніе, по мнѣнію Сэ, составляетъ часть производства вещи въ экономическомъ смыслѣ, имѣющую свою цѣнность.

Но не всѣ производства могутъ быть сведены къ такому матеріальному представленію: есть цѣлый рядъ производствъ, не связанныхъ

въ результатѣ никакимъ матеріальнымъ перемѣщеніемъ вещей и которыхъ тѣмъ не менѣе не можетъ оставить безъ вниманія политическая экономія. Таковы профессіи адвоката, доктора, чиновника. Имѣя въ виду нематеріальность этихъ профессій, Смитъ отказался назвать ихъ производительными, между тѣмъ онѣ несомнѣнно полезны, и мы должны ихъ разсматривать также какъ производительныя. Сэ присвоиваетъ имъ особое названіе—производствъ моральныхъ; но, собственно говоря, это даже совершенно излишне. Мы должны ихъ разсматривать какъ отдѣльные моменты въ общемъ процессѣ производительности, и такъ какъ онѣ въ послѣднемъ счетѣ все-таки служатъ производству, возникшему въ матеріальной формѣ, то онѣ и входятъ сами собою въ составъ производствъ.

Опредѣливъ понятіе производства, политическая экономія должна разсмотрѣть и опредѣлить общественныя условія наивыгоднѣйшаго производства, и эти условія составляютъ главный предметъ отдѣла о производствѣ у Сэ.

Въ цѣлесообразныхъ перемѣщеніяхъ вещества, изъ которыхъ слагается производство, участвуютъ троякаго рода силы,—если разсматривать ихъ конечно съ экономической точки зрѣнія: силы природы, трудъ человѣка непосредственный, и искусственныя орудія, или трудъ человѣка и силъ природы капитализированный. Каждый изъ этихъ факторовъ имѣетъ свою цѣнность въ производствѣ, а слѣдовательно и придаетъ извѣстную цѣнность вещи. Между тѣмъ Адамъ Смитъ, Рикардо, а за ними и другіе экономисты, замѣчаетъ Сэ, разсматривали цѣнность какъ исключительный результатъ исключительно человѣческой работы, отбрасывая всякое прямое вліяніе на цѣнность другаго рода силъ—силъ природы.

Природа, продолжаетъ Сэ, постоянно работаетъ наряду и совмѣстно съ человѣкомъ и весь успѣхъ человѣка въ производствѣ заключается въ томъ, чтобы обратить возможно большую часть своего труда въ работу силъ природы.

Смитъ приписываетъ, — пишетъ Сэ, — едва ли не весь успѣхъ въ производительности труда его раздѣленію; но хотя вліяніе раздѣленія труда неоспоримо, тѣмъ не менѣе оно, по мнѣнію Сэ, слишкомъ возвеличено Смитомъ, на счетъ главныхъ причинъ успѣха, возрастающаго подчиненія человѣческому распоряженію силъ природы вмѣстѣ съ успѣхами знанія. Сэ обращаетъ вниманіе на то, что раздѣленіе труда предполагаетъ непремѣнно производство въ большихъ размѣрахъ и весьма значительный вывозъ даннаго продукта и примѣнимо только въ этомъ случаѣ; кромѣ того въ моральномъ отношеніи оно дѣйствуетъ слишкомъ угне-

тающимъ образомъ на умственныя силы рабочаго и связываетъ его въ экономическомъ отношеніи. Человѣкъ, который носитъ при себѣ цѣлое ремесло, конечно скорѣе можетъ найти себѣ обезпеченіе, чѣмъ человѣкъ, который выучился, хотя и въ совершенствѣ, но только точить одни иголки.

Наконецъ къ земледѣльческому производству оно почти вовсе не примѣнимо по самому характеру земледѣльческихъ работъ.

Общимъ и главнымъ источникомъ усовершенствованій были всегда внѣшнія силы природы, на которыя человѣкъ переводилъ большую часть работы, а средствомъ такого обращенія работы на силы природы служилъ капиталъ. Такъ что настоящимъ орудіемъ усовершенствованія мы должны признать капиталъ. Капиталъ есть продуктъ сбереженій, но тотъ ошибся бы, замѣчаетъ Сэ, кто бы сталъ думать, что онъ образуется на счетъ излишка производимыхъ обществомъ вещей. Сберегаютъ дѣйствительно люди, владѣющіе излишками, но въ относительномъ, а не общемъ смыслѣ. Для людей сберегающихъ пишетъ Сэ — сберегаемыя доли составляютъ дѣйствительные излишки, но въ смыслѣ общества они не составляютъ излишковъ, потому что въ тоже самое время извѣстная доля лишаетъ себя необходимаго. Такимъ образомъ сбереженія въ послѣднемъ счетѣ всегда образуются на счетъ необходимаго, а не на счетъ излишковъ, и ростъ капитала въ обществѣ, а слѣдовательно и ростъ производства сопровождается рядомъ лишеній.

Вопросъ о наивыгоднѣйшихъ условіяхъ производства ставится такимъ образомъ прежде всего въ зависимость отъ наивыгоднѣйшихъ условій составленія сбереженій. Главной общественной гарантіей успѣшнаго составленія сбереженій служитъ обезпеченіе за пріобрѣтателемъ плодовъ пріобрѣтенія или сбереженія, т. е. собственность. Политическая экономія, говоритъ Сэ, должна разсматривать ее въ этомъ ея существенномъ смыслѣ, не касаясь остальныхъ ея сторонъ. Все, что нарушаетъ такое обезпеченіе, нарушаетъ неминуемо и успѣхъ сбереженій. Въ обществѣ должно быть безусловно устранено всякое нарушеніе ея со стороны частныхъ лицъ. Но такое же дурное вліяніе можетъ имѣть и нарушеніе ея со стороны правительствъ. Тѣмъ не менѣе есть случаи, говоритъ онъ, въ которыхъ нельзя обойтись абсолютно безъ правительственнаго вмѣшательства въ частную собственность. Къ такимъ онъ относитъ случаи вмѣшательства въ распоряженіе чужимъ трудомъ въ мѣстахъ, гдѣ этотъ трудъ поставленъ въ рабское или крѣпостное положеніе,—случаи экспропріаціи имущества въ видахъ государственныхъ и ограниченія въ распоряженіи лѣсами, копями и рудниками въ тѣхъ же общихъ видахъ. Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ, нужно

помнить, что нарушеніе остается нарушеніемъ и въ этомъ случаѣ, а потому все это можетъ допускаться только въ крайнихъ случаяхъ. Подъ собственностью мы должны разумѣть не одни матеріальныя вещи, а все вообще, что намъ принадлежитъ—наши знанія, способности, таланты; кромѣ того, съ понятіемъ собственности неразрывно связано предоставленіе свободнаго распоряженія тѣмъ, что намъ принадлежитъ. Вмѣшательство можетъ касаться не только права собственности, но и права распоряженія и пользованія, а потому политическая экономія должна разсмотрѣть точно также этотъ вопросъ и опредѣлить предѣлы такого вмѣшательства. Разсмотрѣніе этого вопроса тѣмъ болѣе важно, что въ этомъ отношеніи правительственное вмѣшательство проявлялось и защищалось весьма часто не какъ исключеніе, а какъ общее правило. Вмѣшательство это, говоритъ Сэ, можетъ быть двоякаго рода. Оно можетъ имѣть своею цѣлью направленіе и поощреніе производства, и указаніе самыхъ способовъ производства. Сэ и разсматриваетъ его въ этихъ двухъ видахъ.

Направленіе производительности, о которомъ идетъ рѣчь, заключается или въ прямомъ запрещеніи, или въ приказаніи данныхъ производствъ, или въ поощреніи однихъ на счетъ другихъ, или наконецъ въ предоставленіи монополій, или запрещеніи отдѣльныхъ производствъ тѣмъ или другимъ лицамъ.

Такого рода вмѣшательства весьма часты въ экономической исторіи отдѣльныхъ государствъ. Такъ въ 1737 году во Франціи повелѣніемъ короля приказано было всякому, кто желалъ садить виноградники, получать предварительно на этотъ предметъ разрѣшеніе мѣстныхъ властей. Въ 1794 г. были лица во Франціи, подвергнувшіяся преслѣдованію и смертной казни за обращеніе пахотныхъ полей въ искусственные луга. Нечего говорить, что такого рода прямыя вмѣшательства представляютъ, по мнѣнію Сэ, самый неразумный его видъ, который долженъ подвергнуться безусловному осужденію. Но вмѣшательство принимало часто болѣе тонкія формы, которыя удержались частью и до настоящаго времени и которыя поэтому требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Однимъ изъ такихъ видовъ вмѣшательства было регулированіе коммерческаго баланса посредствомъ запрещенія ввоза или вывоза тѣхъ или другихъ продуктовъ, и такое запрещеніе прежде всего касалось вывоза цѣнныхъ металловъ.

Сэ съ особенной любовью останавливается надъ этимъ вопросомъ, болѣе ясно разработаннымъ изъ всѣхъ экономическимъ направленіемъ со времени Смита. Драгоцѣнный металлъ, по его мнѣнію, мы должны

разсматривать какъ всякій другой продуктъ,— только продуктъ, имѣющій два назначенія: онъ служитъ съ одной стороны матеріаломъ для производства вещей, съ другой орудіемъ обмѣна. Мы должны допустить, что въ томъ и другомъ смыслѣ потребность данной страны въ количествѣ металла имѣетъ свою норму. Ежедневно во Франціи совершается покупокъ на такую и такую-то сумму, и этимъ опредѣляется норма потребности Франціи въ металлѣ какъ монетѣ. Точно также потребленіе предъявляетъ спросъ и на опредѣленную сумму всякаго другаго продукта: если произведено больше чѣмъ требуется, то излишекъ продукта можетъ быть вывезенъ,—иначе цѣна его понизится и часть продукта, смотря по роду его, можетъ остаться вовсе непотребленной. Очевидно, что для страны выгоднѣе вывезти этотъ излишекъ въ обмѣнъ какого-либо продукта, въ которомъ она въ тоже время нуждается, чѣмъ дать ему сгнить дома или обмѣняться дешевле, чѣмъ онъ можетъ обмѣниться заграницей, или наконецъ — чѣмъ обмѣнять его заграницей на металлъ, въ которомъ страна не чувствуетъ недостатка. Тоже, что справедливо для всякаго продукта, справедливо и для металла: заставляя его ввозить, или запрещая его вывозъ, мы дѣлаемъ тоже, что дѣлали бы заставляя ввозить, въ обмѣнъ на туземныя произведенія, какой-либо другой опредѣленный товаръ, напр. кареты, или запрещая продавать на-сторону кареты, которыхъ бы у насъ было больше чѣмъ нужно, не смотря на то, что въ то же время мы терпѣли бы нужду въ другомъ товарѣ. Если металлъ вывозится, то это уже служитъ доказательствомъ того, что его выгодно вывозить, что онъ можетъ продаться заграницей выгоднѣе, обмѣняться дороже, чѣмъ дома; всякое запрещеніе только мѣшаетъ такому выгодному обмѣну и клонится къ тому, чтобы выгодный обмѣнъ замѣнить невыгоднымъ. Если страна при этомъ нуждается въ чужомъ продуктѣ, то, не имѣя возможности заплатить за него золотомъ или серебромъ, она принуждена будетъ заплатить какимъ-либо другимъ товаромъ, на который другое государство представляетъ менѣе спроса и который оно цѣнитъ поэтому дешевле чѣмъ металлъ. Очевидно, что такого рода вмѣшательства клонятся только къ тому, чтобы замѣнить болѣе выгодный обмѣнъ менѣе выгоднымъ.

Тѣ же самыя разсужденія примѣняются и къ другому виду вмѣшательства—запрещенію или налогу пошлинъ на ввозъ даннаго продукта въ видахъ поощренія туземныхъ производителей. Нужно принять общимъ правиломъ, что и тутъ дѣло клонится въ сущности къ замѣненію болѣе выгоднаго обмѣна менѣе выгоднымъ,—къ тому, чтобы заставить потребителя платить за ту же вещь дороже, чѣмъ онъ могъ

бы имѣть ее при несуществованіи этихъ условій, и доставить выгоду нѣсколькимъ монополистамъ; и тоже нужно сказать о всякихъ преміяхъ, — тѣмъ болѣе, что онѣ достаются обыкновенно не людямъ самымъ способнымъ и достойнымъ, а самымъ способнымъ ихъ выпрашивать.

Итакъ полная свобода обмѣновъ,—таково общее правило экономистовъ въ отношеніи къ торговлѣ.

Тѣмъ не менѣе уже Смитъ допустилъ два исключенія въ пользу запретительной и поощрительной политики: первое въ томъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы поддержать въ странѣ какое-либо производство, необходимое для внѣшней обороны въ военное время. Таково напр. производство пороха, оружія и т. д. Второе — когда какое-либо внутреннее производство обложено пошлинами для внутреннихъ потребностей производства: тогда обложеніе равносильными пошлинами ввоза того же товара извнѣ представляется прямымъ требованіемъ выгоды и справедливости.

За этими исключеніями Смитъ полагаетъ, что личные интересы производителей и сами торговцы лучше всего должны знать, какой обмѣнъ выгоденъ для страны и какой — нѣтъ. «Нѣтъ того поощренія, пишетъ онъ, которое могло бы повысить производство страны противъ того уровня, который опредѣляется ея капиталомъ. Оно можетъ отнять только капиталъ у одной отрасли и направить его къ другой, и весьма сомнительно, чтобы это форсированное производство представлялось выгоднѣе того, которое изберетъ производительность сама собою.» Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Сэ, нужно сознаться, что не всѣ націи одинаково и достаточно развиты, чтобы къ нимъ могли быть примѣнены вполнѣ слова Смита. Есть случаи, гдѣ только одна дѣятельность правительства можетъ побѣдить предразсудки и разъ принятую рутину, и такія состоянія въ развитіи общества, въ которыхъ духъ предпріимчивости и нововведеній слишкомъ слабъ, чтобы обезпечивать наивыгоднѣйшее направленіе производительности. Въ такихъ случаяхъ искусственное привитіе даннаго промысла, хотя бы и цѣною пожертвованій и на счетъ самаго населенія, не представляетъ, по мнѣнію Сэ, ничего неразумнаго.

Часто правительства не ограничивались однако однимъ направленіемъ производства, а вмѣшивались въ самые способы производства. Когда такое вмѣшательство касалось земледѣльческаго производства, оно почти всегда было благотворно, пишетъ Сэ, и между прочимъ потому, что здѣсь это вмѣшательство не могло заходить слишкомъ далеко и ограничивалось учрежденіемъ премій, образцовыхъ заведеній, разведеніемъ образцовыхъ породъ и пр. Но чаще это вмѣшательство касалось

мануфактурнаго производства и здѣсь достигало такихъ стѣсненій свободы промысловъ, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано. Все, что можно допустить въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Сэ, это—такого рода регламентацію, которая предупреждала бы обманъ и поддѣлку, не стѣсняя самой техники производства. Въ этомъ смыслѣ онъ оправдываетъ тотъ контроль, которому подчиняются извѣстныя профессіи, требующія особыхъ знаній, какъ-то профессіи медиковъ, адвокатовъ и пр.

Къ этому же виду вмѣшательства Сэ относитъ и привилегіи, выдаваемыя изобрѣтателямъ на исключительное пользованіе придуманными ими способами, на опредѣленное время, и пока онѣ выдаются на время; Сэ не находитъ въ нихъ ничего противнаго здравому взгляду на вещи.

Наконецъ къ вмѣшательству должны быть отнесены привилегіи производить тотъ или другой промыселъ или торговлю, выдаваемыя коммерческимъ компаніямъ. Сэ отрицаетъ пользу такихъ привилегій, развѣ когда онѣ служатъ для начала и привитія въ странѣ какого-либо новаго промысла. По его мнѣнію, такія привилегіи даются столь легко потому, что выгоды, которыя онѣ приносятъ правительствамъ, сосчитываются весьма легко и просто, между тѣмъ какъ убытки, которые онѣ причиняютъ въ тоже время, труднѣе переводятся въ цифры. Но онъ указываетъ случай, въ которомъ польза компаній можетъ быть, по его мнѣнію, несомнѣнна. Разсматривая, по этому случаю, одинъ вопросъ первостепенной важности—вопросъ о снабженіи хлѣбомъ населенія въ голодные годы, — урожай пищи, разсуждаетъ онъ, можетъ колебаться между двумя смежными годами на $^1/_5$ и $^1/_4$, между тѣмъ какъ повышеніе или пониженіе населенія на такую же часть должно сопровождаться чрезвычайными бѣдствіями. Отсюда является прямая необходимость обезпечивать населеніе противъ голодныхъ годовъ сбереженіями въ годы урожайные. Но рождается вопросъ, кто же будетъ дѣлать эти сбереженія? Положиться на частную предпріимчивость и частную самодѣятельность очевидно невозможно; забота эта очевидно падаетъ на правительство. Но правительству всякія вообще коммерческія дѣла и операціи обходятся крайне дорого, по крайней мѣрѣ дороже, чѣмъ частнымъ предпринимателямъ. Въ крайнемъ случаѣ всякая покупка хлѣба для него должна стоить дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ, и закупать хлѣбъ офиціальнымъ путемъ въ голодные года — вещь крайне убыточная.

Сэ полагаетъ, что такого рода обезпеченіе можетъ быть возложено всего удобнѣе на большія торговыя компаніи, которыя бы исполняли,

какъ нужно думать, роль страховыхъ компаній по отношенію къ средствамъ пропитанія.

Вообще хлѣбный вопросъ, по мнѣнію Сэ, представляетъ слишкомъ серьезный вопросъ, чтобы, по отношенію къ нему, можно было принимать къ руководству какія-либо односторонніе теоріи и безусловно рекомендовать невмѣшательство. Защищая свободу торговли или ввоза относительно всякихъ другихъ товаровъ, нельзя, по мнѣнію Сэ, не остановиться на томъ вопросѣ, который имѣлъ мѣсто относительно Англіи и подалъ поводъ къ большимъ преніямъ. Если мѣстный производитель можетъ производить хлѣбъ только по цѣнѣ высшей, чѣмъ онъ можетъ быть доставленъ иностранными рынками, то спрашивается: нужно ли предоставить мѣстному земледѣлію быть подавленнымъ вовсе иностраннымъ ввозомъ хлѣба, или нужно признать такую политику слишкомъ опасною и облагать ввозимый хлѣбъ пошлиной до уровня стоимости его мѣстному производителю Сэ склоняется самъ въ пользу этого послѣдняго мнѣнія.

Таковъ взглядъ на правительственное вмѣшательство, высказываемый однимъ изъ самыхъ популярныхъ представителей идей экономической школы и принципа свободнаго обмѣна. Читатель можетъ видѣть, что взглядъ этотъ не столь исключителенъ, какъ онъ, можетъ быть, привыкъ думать, и для него можетъ быть совершенной новостью умѣренность и терпимость, которую выказываетъ эта школа въ лицѣ Сэ по отношенію къ вмѣшательству. Но такіе сюрпризы весьма обыкновенны въ тѣхъ случаяхъ, когда, зная людей только по наслышкѣ, изъ чужихъ мнѣній и словъ, мы знакомимся съ ними лично и въ подлинникѣ. Чортъ далеко не такъ страшенъ, какимъ его малюютъ. Сэ во всемъ приведенномъ является человѣкомъ весьма разсудительнымъ; онъ прекрасно мотивируетъ невозможность установить общихъ предѣловъ вмѣшательства, указывая на силу инерціи, присущую массамъ. Личная выгода есть дѣйствительно стимулъ естественный, лежащій въ природѣ человѣка, но интенсивность его дѣйствія имѣетъ свои различныя степени, которыя различны смотря по степени развитія общества.

Вообще говоря, этотъ стимулъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе развито самое общество, чѣмъ болѣе оно дѣятельно и чѣмъ болѣе понимаетъ свои личные интересы. Напротивъ, чѣмъ менѣе оно развито, чѣмъ оно дичѣе, тѣмъ оно инертнѣе и тѣмъ болѣе предпочитаетъ рутину и лѣнь всякой предпріимчивости, даже въ виду прямой выгоды. Поэтому и принципъ самодѣятельности и невмѣшательства можетъ быть у мѣста въ обществахъ, въ которыхъ развитіе успѣло ослабить естественное влеченіе инерціи. Опытъ показываетъ, что человѣку

нужно много платиться, много страдать и учиться, прежде чѣмъ выучиться предпочитать полезное дѣйствіе привычному бездѣйствію, или что онъ сплошь и рядомъ предпочитаетъ привычное лишеніе непривычному пользованію. Въ Англіи, странѣ болѣе развитой предпріимчивости, естественно встрѣтить между экономистами и болѣе крайнюю защиту исключительной самодѣятельности. Для Сэ, имѣвшаго передъ глазами менѣе развитую въ массѣ Франціи самодѣятельность, естественно было держаться болѣе умѣренныхъ мнѣній въ этомъ отношеніи.

Итакъ, теорія невмѣшательства экономистовъ съ этой стороны не представляетъ ничего рѣзкаго, исключительнаго и устрашающаго; границы ея совершенно разсудительны.

Что касается отдѣльныхъ, частныхъ ея положеній у Сэ, то эти ея положенія выходятъ частными мнѣніями, противъ которыхъ всегда можно спорить и которыя можно видоизмѣнять именно потому, что онѣ основаны на слишкомъ общихъ соображеніяхъ и не подтверждены никакими точными фактами. Возможность застрахованія отъ голода, обложенія пошлинами земледѣльческаго ввоза, и вообще балансъ экономическихъ потерь и выгодъ отъ какого-либо установленія,—все это такіе вопросы, которые очевидно могутъ быть рѣшены точно и безапелляціонно только точнымъ разсчетомъ, или могутъ длиться безъ конца. Поставьте передъ людьми на разстояніи два предмета, да еще на дальнемъ разстояніи, и заставьте рѣшить, который изъ нихъ легче или тяжелѣе другаго, вы получите безконечную серію противорѣчивыхъ рѣшеній, основанныхъ на соображеніяхъ глазомѣра. Дайте имъ даже въ руки эти два предмета и вы увидите, что и тутъ будетъ тоже, если различіе въ вѣсѣ между обоими предметами не слишкомъ велико. Вы получите въ концѣ столѣтія отъ постановки вопроса цѣлую литературу вопроса, которая мало подвинетъ впередъ рѣшеніе дѣла. Между тѣмъ вопросъ рѣшается весьма просто: стоитъ только взвѣсить предметъ. Политическая экономія своими спорами и вопросами, своей манерой трактованія предметовъ сильно напоминаетъ приведенный примѣръ. Если мы имѣемъ однако страховыя общества отъ огня, общества застрахованія товаровъ и пожизненныхъ доходовъ, то это не потому, что политическая экономія какой-нибудь изъ своихъ школъ, экономической или соціалистической, убѣдила въ возможности такихъ застрахованій. Такія застрахованія родились совершенно помимо нея, основаны съ одной стороны на собранныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, давшихъ возможность составить таблицы смертности или опредѣлить среднюю величину пожарныхъ убытковъ и кораблекрушеній; вовторыхъ, они основаны на помощи математическаго анализа, давшаго возможность

разсчитать и опредѣлить условія, при которыхъ застрахованіе выполнимо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при помощи тѣхъ же самыхъ средствъ можно сказать что-нибудь рѣшительное и о такихъ вещахъ, какъ застрахованіе противъ голода, о выгодѣ или невыгодѣ тѣхъ или другихъ пошлинъ, и точно также сказать что нибудь рѣшительное въ свое время относительно пошлинъ на предметы первой необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что лишеніе страны земледѣлія представляется фактомъ устрашающимъ, но нѣтъ сомнѣнія, что повышеніе на $^1/_3$ постоянной платы потребителя за пищу, какъ это допускалъ Сэ относительно Англіи, составляетъ также фактъ, надъ которымъ можно призадуматься. Еслибы политическая экономія могла въ точности сосчитать въ свое время потери и выгоды и доказывать и разсуждать надъ вопросомъ цифрами, а не словами, то она давно должна была бы придти къ тому рѣшенію, которое подтвердилъ непосредственный опытъ, и предупредила бы всѣ споры по вопросамъ, которые теперь могли длиться безъ конца, и вѣроятно не кончились бы до сихъ поръ, еслибы вопроса не рѣшилъ опытъ. Англійскіе хлѣбные законы были отмѣнены, а между тѣмъ англійское земледѣліе не только не исчезло съ тѣхъ поръ, но процвѣло. Не говоритъ ли это достаточно о слишкомъ большой поверхностности соображеній, основанныхъ на глазомѣрѣ, для того чтобы они могли служить основаніемъ въ рѣшеніи точныхъ вопросовъ, о томъ, что спорные пункты, на которыхъ мы строимъ эти соображенія, слишкомъ не выработаны, поверхностны, не достаточны для того, чтобы можно было имъ довѣряться; и если опытъ можетъ давать такія торжественныя опроверженія столь очевиднымъ повидимому соображеніямъ какъ въ настоящемъ случаѣ, то это можетъ значить, что вообще наука, построенная на общихъ соображеніяхъ незаслуживаетъ достаточнаго авторитета.

Наконецъ, правительство можетъ быть само производителемъ. И въ этомъ отношеніи мнѣнія Сэ отличаются большей терпимостью въ сравненіи со взглядами Смита. Если правительство, вообще говоря,—плохой и не искусный купецъ и мануфактуристъ, то есть предпріятія, въ которыхъ иниціатива его приноситъ по мнѣнію Сэ несомнѣнную пользу. Къ его сферѣ относятся предпріятія и учрежденія, косвеннымъ образомъ, но въ высшей степени способствующія производительности; къ числу такихъ относятся устройство путей сообщенія, академій, библіотекъ, школъ и т. д., устройства, которыхъ общество могло бы долго ожидать, еслибы оно захотѣло положиться на свою личную предпріимчивость. Въ этомъ смыслѣ къ дѣлу правительства относятся и нѣкоторые промыслы въ

тѣсномъ смыслѣ, какъ-то производство пороха, строеніе кораблей и военнаго оружія. Опытъ показываетъ однако, что и эти предпріятія могутъ быть предоставляемы частной предпріимчивости безъ ущерба дѣлу. Такъ въ Англіи всѣ эти производства находятся въ частныхъ рукахъ.

Вообще и тутъ, по мнѣнію Сэ, нельзя установить общихъ теоретическихъ границъ, а мѣра вмѣшательства должна зависѣть отъ степени развитія общественной предпріимчивости. Итакъ общее правило, вытекающее изъ всѣхъ предыдущихъ соображеній, по отношенію къ вмѣшательству то, что мѣра вмѣшательства должна зависѣть отъ историческаго развитія народа, вмѣшательство должно быть функціей этого развитія и измѣняться обратно пропорціонально такому развитію. Но это—только первое общее положеніе, къ которому приводятъ первыя разсмотрѣнія вопроса о вмѣшательствѣ, положеніе, отправляясь отъ котораго собственно говоря только и должна была начаться разработка вопроса, дальнѣйшее развитіе котораго въ подробности представило бы существенный интересъ. Но въ томъ-то и состоитъ недостатокъ экономистовъ, что у нихъ такія общія соображенія служатъ не началомъ, а концомъ или завершеніемъ изслѣдованія, которое у Сэ и не простирается далѣе изложенныхъ соображеній. У Смита это разсмотрѣніе болѣе доходило до подробностей предмета, а потому настолько же представлялось глубже, серьёзнѣе и любопытнѣе, хотя Смитъ исходилъ изъ взгляда на предметъ болѣе исключительнаго, чѣмъ Сэ. Только углубляясь въ самыя подробности вопросовъ политическая экономія можетъ стать дѣйствительной наукой администраторовъ и замѣнить точнымъ разсчетомъ то, что́ теперь отдается на отвѣтственность личнаго искусства или мертвой рутины. Но для этого всѣ ея части должны быть болѣе разработаны, чѣмъ теперь. Должны быть опредѣлены отношенія между отдѣльными производствами и взаимная зависимость между ними, величина наличныхъ капиталовъ и ихъ распредѣленіе; а пока наука будетъ разсуждать надъ хозяйствомъ страны, не зная ни величины капиталовъ, надъ которыми она разсуждаетъ, ни ихъ распредѣленія по отдѣльнымъ производствамъ, ни даже величины капитала, требуемой тѣмъ или другимъ производствомъ, и тѣмъ менѣе нравственныхъ силъ страны, и не установивъ даже способовъ измѣренія такихъ элементовъ, словомъ, не зная въ точности тѣхъ производительныхъ средствъ, надъ которыми она разсуждаетъ, и пока администрація будетъ находиться въ томъ же положеніи по отношенію къ такимъ свѣдѣніямъ,—до тѣхъ поръ и самое распредѣленіе функцій между правительствомъ и обществомъ можетъ быть указываемо ею только лишь съ самыхъ грубыхъ и ничего въ точности не опредѣляющихъ чертахъ. Въ этомъ смыслѣ и об-

щій выводъ, который могъ сдѣлать Сэ, долженъ былъ ограничиться слѣдующимъ положеніемъ: есть одна несомнѣнная функція, которая принадлежитъ правительству въ дѣлѣ производства, это—гарантія спокойствія и охраненіе порядка, безъ которыхъ невозможно производство; что же касается другихъ, то вмѣшательство его въ этомъ случаѣ должно зависѣть отъ степени развитія, котораго достигла страна въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и быть тѣмъ меньше, чѣмъ выше это развитіе.

Въ каждомъ сколько-нибудь развитомъ обществѣ существуетъ раздѣленіе труда, каждое лицо или семейство не производитъ все разнообразіе предметовъ, которые они потребляютъ, а часто всего одинъ какой-нибудь продуктъ, въ обмѣнъ на который получаетъ предметы, служащіе его потребленію. Словомъ, изъ количества производимаго продукта только доля остается въ хозяйствѣ, которое его производитъ, а остальная обмѣнивается. Доля эта можетъ быть однако болѣе или менѣе значительна, и величина ея не есть случайная и опредѣляется для каждаго производства мѣрой единичнаго или семейнаго потребленія даннаго продукта. Чѣмъ большей частью производимый продуктъ входитъ въ потребленіе каждаго, тѣмъ и большая доля его остается въ хозяйствѣ. Такъ производитель хлѣба долженъ потреблять и оставлять въ хозяйствѣ значительную часть своего производства, между тѣмъ какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ можетъ неудерживать въ свое личное потребленіе ни одного грамма золота въ издѣліи. Сэ совершенно справедливо говоритъ поэтому, что въ обществѣ извѣстная часть вещей подлежитъ неизбѣжному обмѣну; но онъ идетъ слишкомъ далеко, когда говоритъ, что эта часть значительно превышаетъ часть, потребляемую на мѣстѣ. Это справедливо для нѣкоторыхъ производствъ, взятыхъ въ отдѣльности, но это несправедливо какъ общее правило для цѣлаго производства отдѣльныхъ странъ. Напротивъ того, такой перевѣсъ обмѣна можетъ явиться только какъ исключеніе, вообще же обмѣнъ падаетъ только на ограниченную часть производства и тѣмъ болѣе ограниченную, чѣмъ болѣе предметы производства страны относятся къ предметамъ общаго потребленія и входятъ въ это потребленіе болѣе крупной долей.

Тѣмъ не менѣе часть продукта подлежитъ все-таки обмѣну; но прямой обмѣнъ продукта на продуктъ представлялъ бы большія и слишкомъ очевидныя неудобства и затрудненія, поэтому явилась потребность въ такомъ продуктѣ, который бы, сохраняя постоянную и однообразную цѣну, могъ быть легко сохраняемъ и перемѣщаемъ и представлялъ бы по всеобщей потребности въ немъ постоянную возможность обмѣняться на всякій другой продуктъ. Такой продуктъ служилъ

бы, такъ сказать, въ рукахъ производителя постояннымъ представителемъ цѣнности поставленнаго имъ на рынокъ продукта, или орудіемъ, при посредствѣ котораго онъ могъ бы во всякое время получить въ обмѣнъ на доставленный имъ продуктъ тѣ разнообразныя вещи, которыя пожелаетъ. Такимъ продуктомъ или орудіемъ можетъ быть съ большимъ или меньшимъ удобствомъ всякій сохраняющійся и движимый продуктъ; но въ большей степени этими качествами обладаютъ драгоцѣнные металлы, и потому они стали орудіемъ обмѣна по преимуществу. Обработка этого продукта въ монету, или приданіе ему вида, соотвѣтствующаго удобству обмѣна, можетъ быть производима какъ частными лицами, такъ и правительствами, но обыкновенно эту обработку правительства удерживаютъ за собой, и хотя такая монополія вела иногда къ злоупотребленіямъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Сэ, злоупотребленія эти могли бы быть еще значительнѣе въ частныхъ рукахъ. Правительство можетъ или взимать на монетѣ стоимость чекана или оцѣнивать монету въ уровень со слитками и принимать стоимость чекана на счетъ государства. Но въ послѣднемъ случаѣ, замѣчаетъ Сэ, въ случаѣ вывоза монеты за границу, государство, чеканящее монету, будетъ оплачивать безвозмездно удобства другаго государства, которое будетъ пользоваться монетой, фабрикація которой ему обходится даромъ. Что касается цѣнности монеты, то цѣнность эта опредѣляется стоимостью производства металла въ связи съ его избыткомъ или отношеніемъ потребности къ предложенію.

Такъ какъ оба эти условія могутъ колебаться, то и цѣнность монеты точно также, и такъ какъ стоимость производства металловъ различныхъ можетъ быть различна, то понятно, что цѣнность металлической монеты изъ двухъ различныхъ металловъ не можетъ сохранять постояннаго отношенія. По словамъ Гумбольдта, пишетъ Сэ, количества золота и серебра, доставленныя всѣми рудниками обоихъ полушарій, относятся какъ 1 къ 45, между тѣмъ золото только въ 15 разъ дороже серебра, такъ что для того, чтобы отношеніе $^1/_{45}$ обратилось въ $^1/_{15}$, нужно предположить потребность въ серебрѣ превышающею потребность въ золотѣ извѣстное число разъ, которое найдется изъ уравненія $\frac{a}{45}=\frac{1}{15}$, т. е. $a=\frac{45}{15}=3$.

Словомъ, всякій приливъ и отливъ монеты, всякое возвышеніе и пониженіе на нее требованія измѣняетъ ея курсъ точно также, какъ и курсъ всякаго другаго товара.

Изъ такихъ объясненій должно слѣдовать, что всякое измѣненіе содержанія монеты цѣннымъ металломъ должно точно также повышать и понижать ее въ курсѣ сообразно такому содержанію и что какой бы мы ни на-

значили номинальный курсъ монеты, какую бы цѣнность ни вычеканили на ней, въ дѣйствительности она будетъ цѣниться и обмѣниваться не по этой цѣнѣ, которая можетъ быть назначена совершенно произвольно, а по своему внутреннему содержанію. Несмотря на это, правительства постоянно пробовали повышать номинальную цѣнность монеты, или иначе уменьшать ея содержаніе цѣннымъ металломъ, оставляя за ней ту же номинальную цѣнность. Каждое такое пониженіе внутренняго достоинства обращалось въ невыгоду всѣхъ кредиторовъ и въ выгоду всѣхъ должниковъ, ибо оно очевидно должно было сокращать всѣ существующіе долги на сумму, пропорціональную пониженному курсу монеты. Слѣдуя этому разсужденію, можно было бы думать, что, продолжая разъ начатое уменьшеніе внутренняго содержанія монеты до конца, мы должны были бы довести ея курсъ до нуля. Опытъ показываетъ однако противное. Понижая постепенно внутреннее содержаніе монеты мы придемъ къ такъ-называемой монетѣ изъ бумаги, которая, несмотря на отсутствіе всякаго внутренняго достоинства, будетъ имѣть свой курсъ. Отчего зависитъ такая аномалія? Сэ принимаетъ слѣдующее объясненіе: увеличивая число знаковъ низшей пробы, пуская въ обращеніе большее ихъ число, чѣмъ нужно для существующей суммы обмѣновъ, мы тѣмъ самымъ понижаемъ ихъ цѣнность дважды: какъ представителя извѣстной суммы металла и какъ орудій обмѣна. Цѣнность ихъ понижается во первыхъ потому, что каждый знакъ содержитъ теперь меньшее количество металла, и цѣнность каждаго же знака понижается еще потому, что предложеніе на знаки какъ знаки начинаетъ превышать спросъ. Итакъ, цѣнность знака должна пасть ниже его внутренняго содержанія металломъ и потому вмѣстѣ съ тѣмъ должна явиться выгода переливать монету въ слитки и вывозить его заграницу, какъ это объяснялъ и Рикардо. Вмѣстѣ съ такимъ вывозомъ уменьшается конечно количество обращающихся знаковъ, и если мы предположимъ даже, что всѣ металлическіе знаки будутъ вывезены и останутся одни бумажные, то потребность въ орудіяхъ обмѣна удержитъ за ними извѣстный курсъ, извѣстную цѣнность какъ за вещью, которая точно такъ же можетъ удовлетворить этой потребности, какъ и металлъ. Послѣ этого курсъ бумажныхъ знаковъ будетъ опредѣляться уже очевидно не ихъ внутреннимъ достоинствомъ, а отношеніемъ между величиной потребности на эти знаки и числомъ ихъ, пущеннымъ въ обращеніе. Замѣтимъ, прибавляетъ Сэ, что такой курсъ поддерживается вовсе не разсчетомъ на возможность обмѣна бумажныхъ знаковъ на металлы, потому что такого размѣна не существуетъ, а просто всеобщею потребностью въ знакахъ обмѣна, кото-

рая очевидно можетъ быть удовлетворена независимо отъ внутренней цѣнности знака по тому матеріалу, изъ котораго онъ приготовленъ.

На этомъ основаніи нужно думать, что цѣнность или курсъ бумажныхъ денегъ какъ орудій обмѣна долженъ исключительно зависѣть отъ отношенія между ихъ потребностью и числомъ и быть совершенно независимымъ отъ цѣнности матеріала, изъ котораго онѣ приготовлены, и обыкновенное зло ихъ заключается вовсе не въ ничтожности ихъ матеріала, а въ возможности безгранично увеличивать ихъ число.

Поэтому точно также, пишетъ Сэ, мы не имѣемъ права разематривать бумажную монету ни какъ мѣру, ни какъ знакъ. Знакъ долженъ представлять опредѣленный предметъ и имѣть цѣнность этого опредѣленнаго предмета. Билетъ банка есть знакъ, потому что онъ представляетъ извѣстную опредѣленную сумму монеты, которую на этотъ билетъ можно получить въ банкѣ, тогда какъ бумажная монета, которая намъ выдается изъ государственной кассы, не даетъ намъ никакого права на полученіе чего-либо въ обмѣнъ; это есть такая же вещь какъ и всякая другая, которую вы можете только вынесть на рынокъ и обмѣнять на то, что вамъ дастъ за нее рынокъ.

Взглядъ на бумажныя деньги какъ на знаки ведетъ къ другому заблужденію, пишетъ Сэ. Изъ того предположенія, что монета есть знакъ вещей, выводится, что сумма обращающейся монеты должна представлять сумму остальныхъ вещей и цѣнностей въ странѣ. Между тѣмъ цѣнность всей обращающейся монеты, если придать къ ней даже цѣнность всѣхъ драгоцѣнныхъ металловъ въ ней существующихъ, представляетъ весьма ничтожную долю сравнительно съ суммою существующихъ въ странѣ цѣнностей въ вещахъ.

Тоже самое нужно сказать о монетѣ и какъ о мѣрѣ цѣнности. Мѣра должна представлять нѣчто постоянное, цѣнность въ монетѣ постоянно измѣняется, а потому она, по мнѣнію Сэ, и не можетъ быть разсматриваема какъ мѣра вещей. Адамъ Смитъ предлагаетъ брать трудъ за мѣру цѣнности; но изъ всѣхъ цѣнностей трудъ есть едвали не самая колеблющаяся какъ въ зависимости отъ спроса и предложенія, такъ и въ зависимости отъ своего качества,—такая цѣнность, которая въ одномъ случаѣ тщетно ищетъ помѣщенія, тогда какъ въ другомъ оплачивается весьма дорого.

Поэтому, не имѣя строгой мѣры, мы должны довольствоваться вообще однимъ лишь приблизительнымъ измѣреніемъ сравнительныхъ цѣнностей. Отъискавъ для двухъ эпохъ или странъ какой-либо товаръ, стоимость производства котораго и требованіе должны быть приблизительно одинаковы въ обоихъ мѣстахъ или въ обѣ эпохи, можемъ за-

тѣмъ сравнивать съ этимъ товаромъ остальные и судить объ ихъ относительной цѣнности. Такимъ товаромъ для двухъ различныхъ эпохъ скорѣе всего, по мнѣнію Сэ, можетъ служить хлѣбъ. Способы производства его измѣняются медленно, потребность въ немъ еще постояннѣе.

Что же касается до сравненія цѣнностей двухъ странъ, хотя бы и современныхъ, но пища которыхъ и условія ея производства различны, то здѣсь затрудненія еще значительнѣе. На практикѣ затрудненія эти устраняются тѣмъ, что здѣсь обыкновенно сравниваютъ цѣны для одного и того же рынка. Здѣсь измѣреніе это дѣлается слѣдующимъ путемъ. Европейскій купецъ, посылая свой товаръ, знаетъ цѣну его на европейскій счетъ, за него онъ получаетъ положимъ извѣстное количество чая, цѣна котораго въ Европѣ ему также извѣстна, такъ что онъ разсчитываетъ свои выгоды сравнивая собственно начальный и конечный исходъ своей операціи или цѣну двухъ товаровъ для одного и того же европейскаго рынка.

Для примѣра историческихъ сравненій цѣнностей Сэ беретъ слѣдующій случай: жители Эгины назначали одному медику изъ Кротоны, по 1 таланту въ годъ содержанія. Для того, чтобы судить о щедрости такого содержанія, говоритъ Сэ, нужно перевести цѣнность таланта на хлѣбъ. 1 медимнъ хлѣба, по словамъ Демосѳена, стоилъ въ обыкновенное время 5 драхмъ. Такъ какъ талантъ аттическій равнялся 6,000 драхмъ, то пенсія медика равнялась $\frac{6,000}{5} = 1,200$ мед. хлѣба. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что каждый медимнъ равнялся 52 литрамъ или приблизительно $^1/_2$ гектолитра и 1,200 мед.=600 гектол., что при текущей цѣнѣ по 19 фр. за гектол. должно составить 11,400 фр.

Итакъ, монета не есть ни мѣра, ни знакъ, по объясненію Сэ; это такая же цѣнность какъ и всякая другая, величина которой, какъ монеты, опредѣляется потребностью обмѣна, и вовсе не то, что вексель или кредитный банковый билетъ.

Этимъ ограничиваются всѣ поясненія, данныя Сэ относительно производства.

Намъ остается разсмотрѣть точно также прибавленное имъ къ установившимся уже понятіямъ о распредѣленіи.

Такъ какъ въ существѣ распредѣленіе основывается на цѣнности вещей, то мы и разсмотримъ теперь, что прибавилъ Сэ къ этому любопытному вопросу самостоятельнаго.

Всѣ вещи, по мнѣнію Сэ, получаютъ начало своей цѣнности для насъ въ ихъ полезности, и вещь, намъ не нужная, не имѣетъ никакой ровно и цѣнности. Сказать же: полезность вещи и потребность вещи—одно и

тоже, а потому потребность есть первое условіе, которое должно опредѣлять для насъ и относительную цѣнность вещей. Величина потребности на данную вещь не есть величина неограниченная или неизмѣримая, и хотя она можетъ измѣняться отъ индивидуума къ индивидууму, тѣмъ не менѣе измѣненіе это имѣетъ свои предѣлы, полагаемые естественной природой человѣка. Поэтому, и сумма требованія общества на вещи, въ томъ предположеніи даже, что вещи могли бы намъ доставаться даромъ, даваться непосредственно, была бы всегда величиной опредѣленной. Но нужныя намъ вещи могутъ нами быть пріобрѣтены вообще не иначе какъ въ обмѣнъ на другія, столь же цѣнныя вещи, и потому сумма нашихъ требованій на вещи опредѣляется только съ одной этой стороны; величиной нашей потребности въ данной вещи — величиной потребности опредѣляется только наибольшій предѣлъ нашего требованія на вещь; другой же предѣлъ нашего спроса на вещь, наименьшій, опредѣляется суммой вещей, имѣющихся уже въ распоряженіи каждаго,—величиной покупательной силы, которая находится въ распоряженіи каждаго. Эта послѣдняя, или величина достатковъ распредѣлена въ обществѣ различно. Каждое семейство владѣетъ различной покупательной силой, различной суммой вещей или имуществомъ и различнымъ доходомъ въ общей величинѣ общественнаго спроса, которыхъ не можетъ превысить сумма его требованій на другія вещи и величиной которыхъ поэтому опредѣляется въ собственномъ смыслѣ сумма его дѣйствительныхъ требованій. Какъ бы вамъ ни нужна была вещь, но если вамъ нечѣмъ заплатить за нее, вы не можете простирать на нее вашего требованія. Но каждое семейство распредѣляетъ общую сумму своего требованія на вещи по отдѣльнымъ вещамъ, соображаясь съ большей или меньшей потребностью для себя тѣхъ или другихъ вещей. Такъ что требованіе на данный предметъ оказывается не только тѣмъ меньше чѣмъ дороже этотъ предметъ и чѣмъ меньше въ немъ потребность, но и чѣмъ выше цѣна предметовъ болѣе важной необходимости. Поэтому и цѣна вещей, по мнѣнію Сэ, не можетъ опредѣляться исключительно стоимостью ихъ производства и должна зависѣть отъ величины предложенія и спроса, и та и другая причина могутъ производить повышенія и пониженія въ цѣнѣ; но послѣдствія пониженій цѣны въ томъ и другомъ случаѣ различны для общества. Если цѣна понижается или повышается вслѣдствіе колебанія спроса, то при этомъ сумма общественнаго богатства нисколько не измѣняется, и такое колебаніе разрѣшается выгодой для однихъ лицъ и такой же одновременной потерей для другихъ, словомъ перемѣщеніемъ достатковъ. Сумма народнаго производства не измѣняется, а только доли продукта размѣщаются нѣ-

сколько иначе между потребителями, чѣмъ при прежней цѣнѣ. Если возвышается цѣна на сукно, то производители сукна получаютъ за свой товаръ больше другихъ товаровъ, чѣмъ прежде.

Если цѣна измѣняется вслѣдствіе удешевленія самой стоимости производства даннаго предмета, то увеличивается или уменьшается самая сумма народнаго производства на величину эквивалентную такому возвышенію или пониженію стоимости его производства.

Если сукно понижается въ цѣнѣ, потому, что стоимость его производства уменьшилась на половину, то общество или можетъ получить вдвое болѣе сукна, чѣмъ прежде, при тѣхъ же тратахъ на прочее производство, или прежнее количество сукна, сохраняя свободными для всякаго другаго производства то число дней и капиталовъ, которое употребляло прежде на производство сукна. Если одновременно съ сукномъ точно также удешевится производство сахара, то общество пріобрѣтаетъ въ свою пользу число дней, эквивалентное удешевленію производства сахара и т. д. Словомъ, пониженіе стоимости производства производитъ всегда приращеніе богатства, пропорціональное такому пониженію, такъ что число доходовъ данной величины остается одинаково.

Такова разница, которую довольно ясно устанавливаетъ Сэ между измѣненіями въ цѣнѣ, происходящими вслѣдствіе измѣненія спроса, и вслѣдствіе измѣненія стоимости производства. Одно беретъ свое начало въ существѣ вещей, другое обусловливается распредѣленіемъ покупательной силы и будетъ различно смотря по различному порядку распредѣленія такой силы. Сэ не входитъ однако въ разсмотрѣніе такого вліянія въ зависимости отъ различныхъ порядковъ распредѣленія.

Если такимъ образомъ Сэ оставилъ вопросъ о вліяніи спроса вовсе неразработаннымъ въ его подробностяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ еще одну мысль, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Онъ замѣтилъ выше, что такъ какъ въ производствѣ участвуютъ кромѣ труда и капитала точно также силы природы, то онѣ должны входить точно также въ цѣну вещи, какъ и оба другіе фактора. Укажемъ теперь разницу для потребителя между измѣненіями цѣны вслѣдствіе измѣненія стоимости производства и вслѣдствіе измѣненія отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Онъ потрудился развить первую мысль по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ не оставить читателя въ заблужденіи на счетъ того, какъ должна цѣниться по мнѣнію Сэ работа природы. Если понимать эту мысль совершенно буквально, то она должна вести къ взгляду о вліяніи ренты на цѣнность совершенно иному, чѣмъ тотъ, котораго держится Рикардо. Не такъ разумѣлъ ее однако Сэ. Разсматривая вопросъ о вліяніи спроса, онъ старался вмѣстѣ съ тѣмъ пока-

зать, что самое понятіе натуральной цѣны должно быть вовсе очищено отъ участія въ производствѣ природы и что явленіе ренты, обусловливаемое работой силъ природы, должно быть отнесено къ категоріи измѣненій въ цѣнѣ, обусловлимаемыхъ ничѣмъ инымъ какъ вліяніемъ спроса.

Этимъ Сэ не высказываетъ ничего расходящагося въ сущности со взглядомъ Рикардо и все измѣненіе касалось только способа выраженія самаго взгляда, чѣмъ измѣненія его существа.

Рикардо утверждалъ, что рента есть результатъ обработки участковъ низшаго достоинства. Но что заставляетъ прибѣгать къ такой обработкѣ, спрашиваетъ Сэ, какъ не усиливающійся спросъ? Не справедливѣе ли поэтому, говоритъ онъ, назвать ренту результатомъ измѣняющагося отношенія между спросомъ и предложеніемъ? И дѣйствительно, мы имѣемъ полное право разсматривать ее такимъ образомъ съ точки зрѣнія Рикардо, въ томъ смыслѣ, что величина спроса опредѣляетъ тутъ рядъ натуральныхъ цѣнъ на хлѣбъ, изъ которыхъ одна обращается въ мѣновую. Въ этомъ отношеніи Сэ только въ болѣе общемъ видѣ формулируетъ тотъ же взглядъ на ренту Рикардо. Но зато формулировка Рикардо имѣетъ то преимущество, что указываетъ и самый способъ опредѣленія величины ренты, въ то время какъ Сэ ограничивается смутными указаніями на спросъ, вліяніе котораго должно приводить затѣмъ къ тѣмъ же величинамъ ренты, какія должны слѣдовать по теоріи Рикардо. Природа, говоритъ Сэ, производитъ свою работу наряду съ работою человѣка; изъ этого однако не слѣдуетъ для самого Сэ, что работа природы должна входить въ цѣну вещи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и работа человѣка. Тамъ, гдѣ работа природы совершается сама собой, она не входитъ вовсе въ цѣну вещи. Но въ дѣлѣ ренты или земледѣльческаго производства работа природы осуществляется не сама собою. Опытъ показываетъ, говоритъ Сэ, что земля обработывается только тогда, когда земледѣлецъ можетъ считать обработываемый клочекъ обезпеченнымъ за собою, и что народы, у которыхъ не существуетъ поземельной собственности, стоятъ обыкновенно ниже земледѣльческой ступени развитія быта. Такое обезпеченіе въ высшемъ смыслѣ даетъ учрежденіе частной собственности. Въ цѣну поземельнаго продукта, по объясненію Сэ, входитъ не цѣнность самой работы природы, а цѣнность той работы или услуги, которую оказываетъ самое учрежденіе собственности, т. е. цѣнность права. Такимъ сложнымъ путемъ Сэ приходитъ къ тому же въ сущности взгляду о вліяніи ренты на цѣнность, какой у Рикардо вытекаетъ изъ самаго ея опредѣленія.

Далѣе этихъ замѣчаній не идутъ разслѣдованія Сэ по вопросу о спросѣ. И если мы приведемъ еще одну выдержку, относящуюся къ

цѣнности, то это потому, что она можетъ имѣть совершенно особый интересъ.

Сэ останавливается довольно подробно на уясненіи способовъ сравненія натуральныхъ цѣнъ для опредѣленія относительной дороговизны товаровъ. Такъ какъ наши измѣренія цѣнъ дѣлаются обыкновенно на деньги или серебро и золото, а эта единица цѣнности есть измѣняющаяся, какъ и всякій товаръ, то для того, чтобы дѣлать при ея посредствѣ измѣренія не стѣсняясь временемъ, нужно опредѣлить колебаніе цѣнности самой этой единицы, опредѣлить исторію этихъ колебаній. Но относительно какой постоянной единицы опредѣлять эти колебанія? Сэ довольно справедливо полагаетъ, что изъ всѣхъ товаровъ хлѣбъ былъ тѣмъ, стоимость производства котораго оставалась наиболѣе постоянной. Поэтому Сэ полагаетъ возможнымъ начертать исторію цѣнности денегъ въ Европѣ сравнивая мѣновую цѣнность послѣднихъ съ цѣнностью хлѣба.

Серебро и золото со времени древней исторіи, пишетъ онъ, потерпѣло такія пониженія цѣнности, которыя измѣрить весьма любопытно. Мы уже видѣли выше, что въ древней Аттикѣ гектолитръ хлѣба стоилъ на вѣсъ серебра 303 грана. Во времена Цезаря въ Римѣ тотъ же гектолитръ стоилъ на $^1/_7$ менѣе, т. е. 270 грам. Поэтому вообще для древне-историческаго періода Сэ полагаетъ возможнымъ принять стоимость 1 гектолитра въ

$$\frac{273 + 303}{2} = 289 \text{ гр.}$$

Во время Карла Великаго	245 грам.
700 лѣтъ спустя, при Карлѣ VII. . .	219

Итакъ со временъ процвѣтанія Греціи деньги повидимому все возвышались въ цѣнѣ, потому что за гектолитръ пшеницы давалось все менѣе и менѣе денегъ.

Но вотъ въ 1492 году была открыта Америка и цѣны на пшеницу послѣ этого были:

Въ 1514 г.	333	гр.	за гектол.
— 1536 г., при Францискѣ I. . .	731	»	»
— 1610 г., годъ смерти Генриха IV.	1130	»	»
— 1640 г.	1280	»	»
— 1789 г.	1342	»	»
— 1820 г.	1610	»	»

Если взять среднюю величину всѣхъ цѣнъ серебра до открытія Америки и сравнить ее съ настоящей его цѣнностью, то окажется, что

цѣнность его понизилась съ тѣхъ поръ въ отношеніи $1 : {}^{1}/_{6}$. Это должно доказывать, по мнѣнію Сэ, не то, что количество серебра увеличилось въ 6 разъ, а то, что стоимость производства серебра уменьшилась въ 6 разъ. По взгляду же Рикардо, такое пониженіе должно быть отнесено къ увеличенію количества серебра въ 6 разъ, а по мнѣнію Гумбольдта всѣ рудники земнаго шара доставляютъ ежегодно 19,126 кил. зол. и 869,960 кил. сер. или всего на сумму 259,202,888 фр. Если положить, что черезъ употребленіе уничтожается ежегодно даже 59 милліоновъ, то при этомъ ежегодный приростъ серебра и золота на рынкахъ долженъ равняться 200,000,000 фр., и такъ какъ такой приливъ заставилъ падать серебро и золото въ цѣнѣ, то нужно думать, что приливъ этотъ превышалъ потребность и что развитіе оборотовъ и обмѣновъ совершалось и совершается медленнѣе, чѣмъ наростаетъ количество денегъ.

Что касается отношенія серебра къ золоту, то цѣнность ихъ въ этомъ отношеніи осталась такою же, какою была съиздавна, т. е. цѣнность серебра относится къ цѣнности золота какъ 1:15.

Мы исчерпали почти все, что пытался прибавить Сэ къ извѣстнымъ уже намъ взглядамъ экономической школы. Эти прибавки имѣютъ вполнѣ характеръ частныхъ замѣчаній на отдѣльныя общія положенія и не представляютъ никакого самостоятельнаго цѣлаго. Мы привели ихъ здѣсь потому, что многія изъ нихъ дѣйствительно клонились къ усовершенствованію формальной стороны ученія, выработаннаго предшественниками Сэ, придавши ему круглоту и изящество. Но Сэ не разработалъ ни одного вопроса далѣе своихъ предшественниковъ и даже въ вопросѣ о вліяніи спроса на цѣнность, которому онъ старался придать возможно наибольшее значеніе, онъ не пытался уяснить себѣ какихъ-либо общихъ правилъ, по которымъ происходитъ измѣненіе натуральной цѣны подъ вліяніемъ спроса и предложенія.

Въ концѣ концовъ онъ былъ согласенъ со всѣми тремя представителями школы: Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Онъ смягчилъ только нѣкоторыя положенія Смита относительно вмѣшательства, и перефразировалъ взгляды Рикардо на цѣнность. Экономическая наука въ этомъ направленіи была такимъ образомъ, въ лицѣ трехъ главнѣйшихъ своихъ представителей, наукой чисто англійской. Сэ же былъ собственно только насадителемъ или популяризаторомъ ея на французской почвѣ, почему ему и дано было названіе французскаго Смита. Но если экономическая наука въ лицѣ Сэ пріобрѣла мало оригинальнаго, но еще менѣе оригинальнаго представляютъ другіе французскіе подражатели этого направленія и еще менѣе можетъ быть германскіе; поэтому

я и не буду болѣе останавливаться на этихъ собственно поддражателяхъ англійской школы.

ГЛАВА IX.

Общее значеніе школы экономистовъ. Внѣшнее развитіе экономическихъ началъ въ Англіи.

Такова была эта первоначальная школа экономистовъ, насколько она успѣла выработаться въ первыя десятилѣтія текущаго столѣтія. Если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія исторической, то она представляла тотъ успѣхъ, что отъ апріорическихъ и умозрительныхъ философствованій надъ обществомъ она обращалась къ изученію этого общества въ его матеріальныхъ подробностяхъ. Отъ рѣшенія сложнѣйшихъ нравственныхъ вопросовъ и умозрительной общественной догматики обращалась къ предварительному изученію простѣйшихъ вопросовъ, гдѣ самыя явленія были нагляднѣе, осязательнѣе и связь ихъ очевиднѣе, измѣримѣе и проще. Въ прежней общественной философіи, искавшей въ чистомъ разумѣ раціональныхъ основъ общежитія, и самой дѣйствительностью существовалъ громадный пробѣлъ, цѣлый міръ, цѣлое темное царство, въ которомъ скрывалась совершенно неразслѣдованная связь между нравственнымъ человѣкомъ и физическимъ. Старая философія видѣла крайнія точки предмета, она видѣла съ одной стороны матеріальную природу, съ другой внѣшнюю послѣднюю оболочку общежитія, юридическія и политическія формы; но весь процессъ, которымъ начало вязалось съ концомъ, оставался для нея совершенно неизвѣстнымъ. Природа для нея была—самое большее—только внѣшнимъ фономъ, на которомъ рисовались отвлеченные образы нравственнаго бытія, отдѣльныя формы правленій, общественныхъ учрежденій и пр. рисовались независимо отъ этого фона. Отъ человѣческаго произвола и духа зависѣло, по ея понятію, нарисовать на этомъ фонѣ ту или другую фигуру, и она искала въ этомъ духѣ той фигуры, которая, какъ кабалистическій знакъ, выразила бы идеалъ человѣческаго благополучія. Эта природа не была для нея той почвой, въ которой скрывались корни тѣхъ формъ, которыя выросталі на поверхности. Экономія изучала тотъ именно рядъ явленій, которыми опредѣлялась связь между физическимъ человѣкомъ и нравственнымъ,

тотъ именно процессъ, которому приведенныя формы служили только внѣшнимъ выраженіемъ, и первымъ результатомъ такого изученія было то убѣжденіе, что на нравственномъ полѣ человѣческій духъ рисуетъ не произвольные образы, а то, что обусловливается внѣшними причинами. Прямой философскій выводъ отсюда былъ тотъ, что и причины несовершенства нравственныхъ формъ и явленій нужно искать не въ человѣческомъ произволѣ, не въ ошибкахъ человѣческаго духа, а въ развившихся ранѣе духа и даже ранѣе физическаго человѣка условіяхъ внѣшней природы. Еслибы только этимъ должно было ограничиться все дѣло, то все нравственное бытіе человѣка должно было бы быть сведено на главное выраженіе внѣшнихъ условій. И тогда весь вопросъ нравственной философіи заключался бы только въ томъ, чтобы опредѣлить въ точности эти условія и тотъ результатъ, къ которому онъ долженъ вести въ нравственныхъ явленіяхъ. Этотъ результатъ, былъ ли бы онъ хорошъ или дуренъ, пріятенъ или непріятенъ, и былъ бы естественнымъ закономъ и порядкомъ общежитія; но этимъ дѣло не ограничивается. Всякая новая форма бытія даже въ ряду чисто матеріальныхъ явленій, несмотря на всю свою зависимость отъ окружающаго, имѣетъ свои предѣлы индивидуальной самостоятельности, въ которыхъ она можетъ вести борьбу съ окружающимъ и подчинять себѣ это окружающее, въ которыхъ она сильнѣе этого окружающаго. Каждый атомъ въ природѣ имѣетъ свою сферу, внутри которой онъ имѣетъ возможность бороться и защищать свою самостоятельность отъ окружающаго, и это только и даетъ ему возможность существовать особо. Точно также и человѣкъ имѣетъ свои предѣлы, внутри которыхъ онъ точно также властенъ подчинять себѣ природу; и въ такомъ случаѣ вопросъ заключается въ томъ, какъ далеко идутъ эти предѣлы. Послѣ этого для нравственной философіи, которая отказалась отъ всякой мысли о совершенной независимости нравственнаго порядка отъ физическихъ условій, основной вопросъ, подлежащій ея рѣшенію, разбивается на нѣсколько тезисовъ.

1) Суть ли внѣшнія условія—единственныя, опредѣляющія нравственное бытіе человѣка, силы, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ существуетъ совершенно пассивно и относится къ нимъ какъ совершенно неупругая масса, безъ всякаго на нихъ воздѣйствія?

2) Какого рода нравственный порядокъ должны установить и вызвать эти условія, взятыя сами по себѣ, безъ всякой возможности, со стороны человѣка, противодѣйствія имъ?

3) Если человѣкъ имѣетъ возможность противодѣйствовать если онъ самъ представляетъ извѣстный центръ силъ, столь же естествен-

ныхъ, какъ и его окружающія, то какъ велики эти силы и каковы предѣлы ихъ вліянія на внѣшнія условія.

То или другое рѣшеніе этихъ тезисовъ приведетъ къ различному догматизму въ нравственной философіи, и окончательное и полное рѣшеніе этихъ тезисовъ возможно только при точнѣйшемъ изученіи какъ внѣшней природы, такъ и природы самого человѣка. Но ничто не мѣшало человѣку и ранѣе такого полнаго изученія строить свои предположенія насчетъ такихъ рѣшеній и произносить ихъ на глазомѣръ.

Дѣйствительно, едва наука стала разсуждать о явленіяхъ нравственныхъ, какъ соприкасающихся съ физическими на экономической или хозяйственной почвѣ,—какъ она стала произносить свои рѣшенія. Два изъ такихъ рѣшеній составили школу. Оба были смѣшаннаго характера; оба признавали за человѣкомъ извѣстную самостоятельность, хотя въ различныхъ предѣлахъ, но оба не возникли и не развились одновременно, а каждое возникало и обработывалось, видоизмѣняясь сообразно съ положеніемъ и развитіемъ точныхъ знаній, которыя служили главной точкой опоры и для конечныхъ выводовъ нравственной философіи.

Ранѣе всего, еще древняя умозрительная философія, вовсе незнакомая съ физическимъ міромъ и для которой, слѣдовательно, вліяніе человѣка на окружающій міръ не имѣло предѣловъ, установила тотъ догматъ, что всѣ несовершенства и совершенства нравственнаго порядка должны быть отнесены къ винѣ человѣка, такъ какъ въ его власти установить тѣ или другія учрежденія и получить или общественный рай, или общественное несчастіе.

Такого рода воззрѣнія должны были быть весьма вкоренены въ эпоху устройства греческихъ республикъ, и самый почетъ и значеніе, которыя эти республики приписывали своимъ законодателямъ, должны показывать, какъ сильны должны были бы быть убѣжденія во всесиліи законодательства.

Когда въ наукѣ обращено было большее вниманіе на зависимость человѣческаго бытія отъ внѣшнихъ условій, тогда не было ничего легче какъ согласить и это первое рѣшеніе съ такими условіями. Для этого нужно было только допустить, что эти внѣшнія условія, эта матеріальная природа не заключаетъ въ себѣ ничего, что бы противорѣчило полному общественному блаженству,—что эти условія вполнѣ цѣлесообразны съ цѣлями человѣка. Правда, что это-то и нужно было предварительно доказать, но философія удовольствовалась апріорическимъ признаніемъ такого положенія, и оно-то составило основной догматъ, на которомъ основано было все направленіе коммунистическихъ и соціалистическихъ школъ. Такимъ образомъ эти школы были явленіемъ весьма раннимъ

въ исторіи общественной мысли и въ реальное направленіе знанія были занесены изъ умозрительнаго періода философіи. Отъ Платона до Томаса Мора и Кампанеллы всѣ они относили всѣ невзгоды общежитія къ одному общественному учрежденію частной собственности. Это условіе мѣшало по ихъ убѣжденію осуществиться той солидарности, которая существовала между условіями природы и потребностями человѣка. Въ этомъ учрежденіи лежалъ для нихъ не только внѣшній признакъ всѣхъ золъ, но самая его причина. Но не было ли это учрежденіе только внѣшнимъ признакомъ и естественнымъ результатомъ какъ внѣшнихъ условій, такъ и самой природы человѣка? Такъ глубоко не шла соціалистическая философія. Для нея между внѣшней природой и природой самаго человѣка существовала полная цѣлесообразность. Организмъ человѣка не развился для борьбы за существованіе съ внѣшней природой, не былъ міромъ, отвоеваннымъ у остальной природы, и всѣ цѣли его не были для соціалистовъ осуществимыми только путемъ такой же борьбы, упорной и медленной, совершающейся по тѣмъ же законамъ, по которымъ совершается обособленіе каждаго самостоятельнаго бытія, каждой новой его формы, и которые предсуществуютъ въ самыхъ условіяхъ природы. Природа съ ихъ точки зрѣнія была та благодѣтельная мать, которая родила человѣка для наслажденія и дала къ тому всѣ средства; но человѣческія учрежденія все это исказили, и потому-то, говорила эта школа, они должны быть исправлены. Основной тезисъ былъ, словомъ, рѣшенъ соціалистами въ опредѣленномъ смыслѣ, и это рѣшеніе предопредѣляло все остальное.

Но чѣмъ больше человѣкъ изучалъ эту внѣшнюю природу, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ убѣждаться, что всякое новое бытіе есть вычетъ изъ бытія остальной природы, вычетъ, совершающійся путемъ постоянной борьбы, среди которой успѣхъ пропорціоналенъ той пріобрѣтенной уже силѣ, съ которой ведется борьба, а не величинѣ требованій, что та цѣлесообразность, о которой естественно мечтать, вовсе не въ природѣ природы и что всякій шагъ впередъ въ бытіи вообще есть дѣло медленнаго завоеванія и усвоенія внѣшней живой силы, — завоеванія, которое сверхъ того всегда имѣетъ свои предѣлы.

Экономическое направленіе было выраженіемъ этого болѣе уже опытнаго и умудреннаго взгляда на отношенія между природой и человѣкомъ. Для него основной тезисъ рѣшался не въ смыслѣ безграничности власти человѣка надъ природой, а въ смыслѣ ея ограниченности. Самое расширеніе этой власти должно было имѣть свои предѣлы, хотя и эластическіе, но поставленные въ зависимость отъ развитія человѣчества.

Между природой и человѣкомъ не было той солидарности интересовъ, и не было той цѣлесообразности во внѣшней природѣ съ цѣлями человѣка, которая одна могла обусловить возможность на землѣ непосредственнаго общественнаго блаженства. Отсюда—то первое положеніе Мальтуса, что средства жизни не согласуются съ потребностями, а изъ этого перваго положенія сами собою слѣдуютъ всѣ остальныя.

Экономическая школа, съ философской стороны, была выраженіемъ болѣе вѣрнаго взгляда на природу. Можно говорить о томъ, что положеніями ея пользовались для того, чтобы проповѣдовать угнетеніе и оправдывать вообще зло. Но никакое орудіе въ мірѣ нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за то употребленіе, которое можетъ изъ него быть сдѣлано. Хорошо или дурно это орудіе, включаетъ ли оно въ себѣ ложь или истину,—люди всегда могутъ найти ему дурное употребленіе. Самыя гуманныя теоріи служили такимъ же средствомъ эксплуатаціи людей, какъ и самыя суровыя.

Но потому-то именно, что экономическое ученіе болѣе проникало въ природу вещей, его роль не осталась чисто теоретической. Мы видѣли его теоретическое развитіе,—теперь остановимся еще на практической судьбѣ.

Англія, будучи мѣстомъ теоретическаго развитія этого ученія, была въ тоже время и главнымъ мѣстомъ осуществленія его началъ, и вотъ почему мы и на этотъ разъ остановимся спеціально на экономической исторіи Англіи.

Въ теченіе этого сочиненія я имѣлъ случай упомянуть о томъ значеніи, какое имѣла для политической исторіи Европы вообще исторія ея изобрѣтеній; мы должны будемъ теперь нѣсколько глубже вникнуть въ этотъ вопросъ для того, чтобы показать все значеніе въ исторіи вообще экономическаго тезиса и экономической исторіи. Съ точки зрѣнія исторической литературы вообще жизнь каждаго народа разбивалась на нѣсколько отдѣльныхъ исторій—исторію политическую, юридическую, исторію науки и пр., на нѣсколько, словомъ, отдѣльныхъ самостоятельныхъ функцій, между которыми не было установлено естественной связи, между тѣмъ какъ онѣ въ самой дѣйствительности могли быть только отдѣльными отправленіями цѣлаго естественнаго процесса, на столько же нравственнаго, насколько матеріальнаго.

Пока эти части, т. е. нравственная и матеріальная стороны въ существованіи человѣка, не вязались въ представленіи знанія никакою прямой, естественной связью, и все представленіе объ отношеніяхъ между внѣшней природой и нравственнымъ человѣкомъ ограничивалось изученіемъ одного вліянія расъ, климатовъ и мѣстоположеній, до тѣхъ

поръ въ этихъ причинахъ съ трудомъ могла быть отыскана и причина, обращающая нравственную исторію человѣка въ естественную исторію. Экономическая литература обратила вниманіе преимущественно на разрядъ явленій, находившійся прежде едвали не въ самомъ большомъ пренебреженіи, но который въ самой жизни наполнялъ пробѣлъ, гдѣ нравственное существованіе человѣка прямо сталкивалось съ матеріальными условіями, — разрядъ явленій, въ которомъ обѣ природы реагировали другъ на друга. Экономическая литература указала въ этихъ явленіяхъ то естественное начало, которымъ связывались между собою отдѣльныя части бытовой исторіи, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, и вмѣстѣ тѣмъ дала возможность разсматривать самую исторію народа какъ естественно-историческое цѣлое, а болѣе совершенный взглядъ на законы самой внѣшней природы, развитый физическимъ знаніемъ, помогъ уяснить себѣ многія темныя стороны историческаго вопроса, какъ вопроса естественно-историческаго.

Съ общей философской стороны человѣкъ не представляется ни существомъ, совершенно независимымъ отъ внѣшней природы, ни совершенно ей подчиненнымъ, а имѣющимъ свою самостоятельную жизнь, рядъ самостоятельныхъ потребностей, сперва физическихъ, а потомъ нравственныхъ, удовлетвореніе которыхъ наполняетъ его личную и бытовую жизнь, но степень удовлетворенія которыхъ ростетъ не иначе какъ на счетъ учета природы. Этотъ учетъ не есть дѣло простаго ариѳметическаго вычитанія, а дѣло упорной борьбы за существованіе, въ которой окружающая природа точно также защищаетъ свою самостоятельность, борьбы, которая составляетъ общій естественный законъ въ природѣ. Самый успѣхъ не есть безпредѣльный, а точно также имѣетъ свои предѣлы, съ одной стороны абсолютные, а съ другой относительные. Въ абсолютномъ смыслѣ этотъ успѣхъ ограниченъ самымъ капиталомъ силъ, которыя находятся въ распоряженіи внѣшней природы. Въ относительномъ—степенью развитія тѣхъ средствъ самого человѣка, при помощи которыхъ производится борьба.

Этихъ средствъ у человѣка два: это—его личная физическая сила и его умственная сила. Первая сама по себѣ ограниченна, другая и есть то разростающееся орудіе, которое обусловливаетъ успѣхъ, расширяетъ предѣлы власти человѣка надъ природой, расширяетъ самую рамку человѣческаго существованія. Безъ послѣдняго человѣкъ есть не болѣе какъ обыкновенное животное. Эта другая сила есть то орудіе, которое обращаетъ его въ того царя природы, какимъ онъ давно себя назвалъ, но предѣловъ царства котораго мы не должны все-таки преувеличивать, потому

что они ограниченны. Что касается самаго порядка полезнаго дѣйствія этого орудія, то мы можемъ выразить это дѣйствіе сказавъ, что все оно состоитъ въ увеличеніи работы или живой силы въ механическомъ смыслѣ, находящейся въ распоряженіи человѣка. Политическая экономія обратила точно также вниманіе на то, что вся производительная дѣятельность человѣка заключается въ измѣненіи пространственныхъ отношеній между отдѣльными частями вещества, въ перемѣщеніи матеріи. При первомъ разсужденіи надъ предметомъ не трудно было убѣдиться въ томъ, что человѣкъ не можетъ создать ни одной частицы вещества и вся его дѣятельность ограничена только механическими перестановками и измѣненіями формы вещества. Съ другой стороны можно считать точно также почти доказанной ту физическую теорему, по которой всѣ процессы и превращенія въ жизни матеріи, совершающіеся независимо отъ человѣческаго участія, сводятся къ такимъ же механическимъ измѣненіямъ въ положеніи ея составныхъ частей, и, слѣдовательно, съ этой стороны, дѣятельность человѣка и дѣятельность природы являются совершенно однородными по отношенію къ производству новыхъ формъ бытія, новыхъ вещей. Какъ дѣятельность чисто механическая, дѣятельность и природы и человѣка не можетъ производить своихъ перемѣщеній иначе, какъ тратя на такое перемѣщеніе извѣстную долю работы, величина которой всегда сочтена, всегда эквивалентна самому дѣйствію; и вотъ почему вопросъ о двигательной механической силѣ, вопросъ о работѣ, о живой силѣ, вопросъ экономическій, явился такимъ первымъ существеннымъ вопросомъ въ судьбѣ человѣка. Этотъ вопросъ помимо всякихъ другихъ условій кровнымъ образомъ связываетъ человѣка остальной природой и краснорѣчивѣе всякихъ другихъ указываетъ въ съ немъ плоть отъ ея плоти и кость отъ ея костей. Это—то родимое пятно, которымъ даетъ себя знать и всегда дастъ знать себя въ человѣкѣ остальная природа, какъ бы онъ надъ ней ни возвысился.

Но въ жизни природы эта механическая работа разбивается на множество отдѣльныхъ формъ. Она точно такъ же движетъ и переставляетъ отдѣльные атомы, миріады которыхъ едва уловимы для нашего вооруженнаго глаза, какъ и тѣ небесныя громады, величину которыхъ отказывается себѣ ясно представить наше воображеніе. Сила, которая производитъ все это, во всѣхъ случаяхъ должна быть одна и та же, но способы примѣненія ея различны и требуютъ различныхъ формъ этой силы. Та сила, которая роститъ хлѣбное зерно, есть та же, которая потомъ его смелетъ; это — таже механическая сила, но тѣ перемѣщенія матеріи, которыя даютъ въ своемъ результатѣ пшеничный ко-

лосъ, неизмѣримо сложнѣе того, которое нужно для простаго его размельченія. Въ данномъ случаѣ для производства данной вещи недостаточно располагать одной соотвѣтствующей механической силой, а нужно знать не только сумму, но и порядокъ тѣхъ перемѣщеній, которыя должны быть произведены для достиженія данной цѣли, и такимъ-то образомъ знаніе природы является тѣмъ первымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго дѣятельность человѣка направляется цѣлесообразнымъ образомъ. Но всѣ естественные процессы, относящіеся къ производству органическихъ формъ, отличаются такой особенной сложностью и разнообразіемъ совершающагося въ нихъ перемѣщенія вещества, и этотъ-то фактъ, какъ увидимъ, имѣетъ громадное вліяніе на судьбу и исторію человѣчества.

Еслибы человѣкъ могъ видѣть въ подробности молекулярный процессъ, совершающійся при производствѣ растительной клѣтки, съ такой же ясностью непосредственнымъ глазомъ, съ какой онъ можетъ наблюдать паденіе камня; еслибы съ другой стороны онъ владѣлъ непосредственно орудіями, соотвѣтствующими перемѣщенію молекулярныхъ массъ, то весь вопросъ производства органическихъ веществъ для него сводился бы на вопросъ механической силы, необходимой для такихъ перемѣщеній. Но природа не дала ему для этого ни зрѣнія, ни вообще достаточно тонкихъ чувствъ и орудій; она въ этомъ случаѣ прежде всего не сообразила его средствъ съ потребностями; его чувства и орудія грубѣе тѣхъ формъ жизни, съ которыми ему приходится однако имѣть дѣло и отъ которыхъ зависитъ его существованіе, его зрѣніе ограничено извѣстными размѣрами, его орудія годны для операцій надъ такимъ же болѣе грубыми размѣрами вещества,—и вотъ ему приходится вооружить свои чувства для того, чтобы хотя сколько-нибудь проникнуть глубже взглядомъ въ жизнь вещества и затѣмъ окольными путями, ощупью, въ совершенныхъ потемкахъ, искать того знанія, отъ котораго такъ много зависитъ его существованіе. Кто же можетъ не знать въ самомъ дѣлѣ, что мы должны ежегодно производить для нашего существованія, для поддержанія нашей животной жизни, цѣлыя массы сложнѣйшихъ органическихъ веществъ. Черезъ это самыя простыя, самыя низкія отправленія въ нашемъ существованіи поставлены въ зависимость отъ самыхъ трудныхъ и недоступныхъ намъ по выполненію задачъ. Между тѣмъ какъ болѣе высшія отправленія жизни, удобства и наслажденія болѣе человѣческія, составляющія въ нашихъ глазахъ роскошь и цвѣтъ жизни, достигаются несравненно болѣе простыми и доступными для насъ средствами.

О какомъ же можно было послѣ этого говорить предвидѣніи и цѣлесообразности въ природѣ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не натурально ли послѣ этого, что самое человѣческое знаніе и техника должны были остаться надолго наименѣе совершенными, отсталыми и безсильными относительно производства органическихъ вещей, составляющихъ для насъ предметъ первой необходимости, и должны были оказаться гораздо болѣе производительными въ созданіи дальнѣйшихъ украшеній жизни, требующихъ менѣе глубокихъ знаній и менѣе тонкихъ орудій, чѣмъ пища? Вотъ почему наша жизнь, т. е. жизнь человѣческихъ обществъ вообще, оказалась скоро такъ богата роскошью, нападать на которую стало модным словомъ, и такъ бѣдна предметами первой потребности; вотъ почему наша механика давно дѣлала успѣхи въ производствѣ предметовъ индустріи, въ то время какъ нашъ способъ производства пищи остался тотъ же, который намъ передали наши арійскіе прабтцы изъ глубины Азіи, сами богъ-вѣсть когда и отъ кого его получившіе по наслѣдству. Вотъ почему самый первый вопросъ въ жизни человѣка, вопросъ о первыхъ потребностяхъ, остался такимъ вопросомъ, который если только когда-нибудь будетъ рѣшенъ, то будетъ рѣшенъ послѣднимъ; и почему исторія человѣческихъ обществъ, несмотря ни на какія демократическія формы и стремленія, несмотря на вѣковой прорывающійся въ ней голосъ человѣка, безвинно оскорбленнаго у самой колыбели природой, должна была быть и осталась до сихъ поръ аристократической исторіей. Не вправѣ ли мы сказать послѣ этого, что аристократическій характеръ нашего политическаго и общественнаго устройства, нашей культуры, былъ предопредѣленъ нашей физіологической организаціей, тѣми тѣсными предѣлами, въ которыхъ были совершенны наши чувства, какъ средства знанія, и той зависимостью нашихъ, самыхъ грубыхъ потребностей отъ самыхъ сложныхъ органическихъ формъ для своего удовлетворенія. Какъ видите, точное знаніе можетъ весьма многое объяснить въ нашемъ нравственномъ мірѣ весьма простыми причинами; мнѣ не нужно говорить послѣ этого о той важности, которую долженъ былъ пріобрѣсть вопросъ о почвѣ, и о томъ направленіи, которое должно было получить внутреннее устройство цивилизаціи и культуры отдѣльныхъ обществъ.

Вслѣдствіе изложенныхъ условій, искусство человѣка должно было имѣть весьма мало вліянія на земледѣльческое производство и на производство пищи; это производство поставлено въ наибольшую зависимость отъ непосредственныхъ силъ природы, въ числѣ которыхъ почва играл первую роль; и если земледѣльческая техника, по самому существу своа

ему, могла дѣлать весьма мало успѣховъ, то понятно, что производительность человѣческой работы, въ этомъ отношеніи, должна была падать по мѣрѣ прироста населенія съ одной стороны и выпахиванія почвы съ другой. Послѣ этого понятно, что въ каждомъ обществѣ почва должна была пріобрѣтать тѣмъ болѣе значенія, чѣмъ больше населялась страна, а отсюда стремленіе укрѣпить ее за собою въ частную собственность, появляющееся тѣмъ ранѣе въ каждомъ обществѣ, чѣмъ ограниченнѣе его территорія,—затѣмъ появленіе ренты, которая растетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе растетъ населеніе и чѣмъ бѣднѣе почва. Но этого мало: тоже земледѣльческое производство или тотъ же способъ производства пищи обусловливаетъ еще болѣе подробности внутренняго устройства страны. Вызывая съ одной стороны осѣдлость, онъ вызываетъ съ другой разселеніе людей на большихъ пространствахъ, вызываетъ разрозненную жизнь деревень, малое общеніе между людьми, малый обмѣнъ матеріальный и нравственный и корпоративное безсиліе. Это разселеніе опять тѣмъ шире, чѣмъ бѣднѣе почва; а слѣдовательно, чѣмъ бѣднѣе почва, тѣмъ болѣе ослабленъ корпоративный духъ, и наоборотъ, всякое улучшеніе въ пищепроизводительной техникѣ, всякая возможность пропитать на томъ же клочкѣ лишнее лицо, есть шагъ къ меньшему разселенію. Если мы разширимъ еще болѣе историческую рамку вопроса о пищѣ, если мы возьмемъ его не только внутри земледѣльческаго быта, а разсмотримъ еще болѣе ранніе его періоды, то мы убѣдимся, что всѣ послѣдовательныя улучшенія въ исторіи производства пищи не только опредѣляли послѣдовательныя ступени цивилизаціи: бытъ рыболовный, охотничій, кочевой и наконецъ земледѣльческій; но въ тоже время каждая новая ступень цивилизаціи отличалась отъ предыдущей болѣе производительнымъ пользованіемъ землей, такимъ улучшеніемъ способа производства пищи, которое давало возможность содержаться на томъ же пространствѣ большему населенію и слѣдовательно допускало бо́льшую густоту заселенія. Въ этомъ сокращеніи территоріальной единицы, взятой въ экономическомъ смыслѣ, заключается общій внѣшній признакъ всѣхъ историческихъ улучшеній въ техникѣ пищепроизводства. Но чѣмъ больше бытъ былъ подавленъ разрозненностью, тѣмъ менѣе онъ имѣлъ и средствъ въ своемъ распоряженіи для такихъ успѣховъ, которые болѣе доступны были человѣку по самой его организаціи. Эти успѣхи, каковы бы они ни были, требовали съ одной стороны нарощенія знанія, съ другой — нарощенія механическаго труда, доступнаго распоряженію человѣка. Но первые способы того и другаго нарощенія заключаются въ ассоціаціи или суммованіи человѣческаго труда какъ умственнаго, такъ и

физическаго: человѣкъ давно зналъ, что сила его обратно пропорціональна разрозненности, что самъ по себѣ онъ крайне слабъ передъ своими нуждами и что онъ силенъ только при коллективной дѣятельности. Умственное развитіе требуетъ общенія мыслей, матеріальное — общенія труда. Насчетъ такихъ двухъ общеній совершались вообще и всѣ первые успѣхи цивилизаціи и первыя нарощенія механической силы, какія пріобрѣтало общество. Но умственное общеніе все-таки медленно ведетъ къ знанію, а потому первыя приращенія механической силы въ обществѣ мало имѣли выборовъ для своего направленія или примѣненія. Первымъ примѣненіемъ ея было поэтому самое непосредственное примѣненіе, которое можетъ сдѣлать человѣкъ изъ своего прироста механической силы — военное дѣло, а первыми производительными коллективными единицами, первыми представителями того индустріальнаго развитія, которое было открыто человѣку, — военныя дружины. Дальнѣйшій успѣхъ знанія открывалъ другіе виды примѣненія и коллективной дѣятельности и силамъ природы, капитализируемымъ человѣкомъ, и тогда военное направленіе живой силы, которую собирало общество, обращалось въ индустріальное ея примѣненіе. Мы рано видимъ государства, дѣятельность которыхъ избирала то или другое направленіе; въ одномъ случаѣ они въ случаѣ успѣха завоевывали міръ своимъ оружіемъ, въ другомъ—своей торговлей, рѣдко то и другое соединялось вмѣстѣ. Но оба направленія дѣятельности, и военное и индустріальное, принадлежали къ одному общему типу. Два пути дѣятельности было открыто съ самаго начала для человѣка, два вида производства различные по своимъ условіямъ и результатамъ—индустріальный и земледѣльческій, изъ которыхъ въ одномъ только направленіи дѣятельность человѣка могла идти ускорительнымъ шагомъ, тогда какъ въ другомъ она должна была быть скорѣе замедляющейся, чѣмъ ускоряющейся. Одна вела къ развитію роскоши и болѣе вторичныхъ удобствъ жизни, другая еслибы она была столь же открыта какъ первая, вела бы къ развитію первыхъ удобствъ жизни и равномѣрному развитію благополучія въ человѣческомъ родѣ; но въ то время какъ первая была открыта, другая была затруднена отъ самой природы, а потому понятно, что классы общества, съ самаго начала избравшіе первую дѣятельность, скоро оказались сильнѣе и богаче занятыхъ постоянно техническимъ разрѣшеніемъ насущнаго для общества вопроса о пищѣ, и подчинили себѣ послѣдніе. И военная и коммерческая индустріи обѣ относились къ этому облегченному для человѣка типу дѣятельности, отличаясь между собой только степенью совершенства примѣненія нарощаемой силы къ выгодамъ об-

щества, и потому естественно должны были слѣдовать другъ за другомъ въ исторіи обществъ, какъ двѣ ступени въ развитіи цивилизаціи. Такъ проявились они по крайней мѣрѣ въ исторіи европейскихъ обществъ.

Мы не будемъ удивляться теперь ни тому, что исторія Европы имѣла характеръ аристократическій, ни тому, что аристократизмъ ея былъ сперва военнымъ и потомъ сталъ въ чистомъ смыслѣ индустріальнымъ, ни тому, что въ исторіи ея цивилизаціи мы встрѣчаемъ рядомъ два такія изобрѣтенія, какъ порохъ и книгопечатаніе, ни возникновенію городскихъ корпорацій и цеховъ, и одновременному ослабленію феодальнаго начала и старой военной аристократіи, и переходу ея въ аристократію капитала. Смитъ, разсуждавшій надъ такимъ возвышеніемъ городскихъ сословій и приниженіемъ сословій земледѣльческихъ, приписалъ ихъ ложному направленію политики правительствъ, которыя ничего не дѣлали для улучшенія земледѣлія и возвышенія земледѣльческихъ сословій. Но мы не будемъ болѣе повторять этихъ упрековъ, потому что имѣемъ болѣе существенныя причины для объясненія себѣ возвышенія промышленныхъ классовъ въ неизбѣжно индустріальномъ характерѣ, который должна была принять цивилизація въ силу того анализа и сопоставленія человѣческихъ способностей съ одной стороны и потребностей съ другой, который мы теперь сдѣлали. Для насъ индустріальный характеръ цивилизаціи составляетъ историческій законъ въ развитіи общества и такой же законъ его успѣха въ механическомъ направленіи, которому произносится столько удивленій и похвалъ съ одной стороны и столько упрековъ съ другой. Это механическое направленіе цивилизаціи не есть для насъ ни случайность, ни ошибка, ни произвольный выборъ, а такой же фактъ, естественно историческій законъ, за какой мы считаемъ факты физической природы. Для насъ важнѣе замѣтить, что оба направленія въ этомъ развитіи, феодальное и промышленное, каждое требовало для своего успѣха различнаго характера учрежденій и отношеній промышленныхъ классовъ къ политической власти по крайней мѣрѣ въ фискальномъ отношеніи. Феодальное направленіе, какъ основанное прежде всего на дисциплинѣ, само собою согласовалось съ абсолютизмомъ и въ немъ черпало не малымъ образомъ свою силу. Оно образовало цѣлый рядъ поколѣній, цѣлое преданіе, справедливо привыкшее видѣть въ самомъ абсолютизмѣ причину всего прошлаго государственнаго величія и потому точно также переносившее то же воззрѣніе на будущее. Но съ другой стороны индустріальное развитіе образовало точно также свой классъ людей, ясно сознававшій по опыту тѣ и другія требованія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ промышленности, сознавав-

шій, что то, что̀ можетъ служить успѣху военнаго начала, можетъ служить стѣсненіемъ для другаго начала. Успѣхъ индустріи, основанный главнымъ образомъ на развитіи знанія, требуетъ и тѣхъ условій, которыя бы поощряли также развитіе той свободы мнѣнія и преподаванія, къ которымъ вовсе не привыкло военное начало. Этотъ успѣхъ требуетъ точно также имущественной независимости и вообще наибольшаго простора и разнообразія личной дѣятельности и иниціативы, условій, которыя необходимы для успѣшнаго развитія промышленной цивилизаціи, но которыя вовсе лишнія для успѣшнаго развитія военной силы.

Собравъ вмѣстѣ указанныя темы, — свобода мнѣнія, свобода профессіи, неприкосновенность лица и имущества, мы и получимъ символъ вѣры конституціонной политики. Вотъ почему перевѣсъ конституціоннаго начала въ политикѣ долженъ былъ естественно совпасть съ рѣшительнымъ перевѣсомъ индустріальнаго начала, и почему партія успѣха, партія того естественнаго прогресса, который вытекалъ изъ природы вещей, въ началѣ текущаго столѣтія для Англіи должна была въ одно и тоже время явиться союзницей промышленнаго успѣха и конституціонныхъ идей.

Такою-то партіей и была въ Англіи партія *виговъ* и напротивъ такой же представительницей отжившихъ военныхъ началъ была партія абсолютизма, партія *тори*. Если мы послѣ такихъ разсужденій обратимся къ тому экономическому направленію въ литературѣ, которое мы изложили, то мы найдемъ, что оно въ свою очередь было ничѣмъ инымъ, какъ нравственной философіей времени, для котораго индустріальное развитіе составляло вопросъ дня, историческую задачу эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и философіей тѣхъ конституціонныхъ началъ въ политикѣ, которыхъ требовало развитіе капитала. А слѣдовательно, неудивительно послѣ этого, если экономическая литература этого направленія и стала символомъ вѣры и руководительницей всей политики, всѣхъ стремленій той же индустріальной, прогрессивной партіи.

Это былъ, словомъ, цѣлый союзъ историческаго закона, науки и интересовъ людей, противъ котораго не могъ устоять никакой капризъ, и потому-то все должно было смолкнуть передъ началомъ капитала.

Мы свели теперь къ одному цѣлому всѣ разносторонніе элементы, привели къ одному знаменателю даже такія явленія, которыя могли бы быть названы капризами исторіи, и можемъ видѣть, почему ученіе, дѣйствительно отвѣчающее духу эпохи, не могло быть демократическимъ ученіемъ, почему партія, стремленія которой должны были восторжествовать, не могла быть демократической партіей, а только

той либеральной, конституціонной партіей, которая оправдывала торжество либеральныхъ началъ лишь на столько, на сколько они были дѣйствительно подъ силу той власти надъ природой, которой достигъ человѣческій умъ. Можетъ быть человѣческому знанію суждено когда-нибудь поднять эту власть на ту высоту, на которой для человѣческаго производства болѣе настоятельныя задачи станутъ столь же легки, какъ теперь болѣе легки вторичныя. Но объ этомъ отдаленномъ времени совершенно было бы не у мѣста разсуждать въ настоящую пору.

Послѣ этого, неудивительно, если экономическое ученіе съ его индустріальнымъ характеромъ было не только ученіемъ, записаннымъ въ книги, но было ученіемъ самой практики вещей, было практической философіей нашего времени.

Намъ остается разсказать теперь внѣшнюю судьбу тѣхъ же идей экономическаго ученія въ самой политической исторіи, какъ идей, руководившихъ законодательствомъ партій текущаго вѣка.

Мы не должны думать однако, что эта внѣшняя исторія будетъ состоять изъ ряда реформъ въ духѣ экономической свободы, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ по мѣрѣ развитія самаго ученія. Оставляя совершенно въ сторонѣ внѣшнюю, чисто политическую часть вопроса и ограничиваясь одной экономической, намъ предстоитъ разсказать скорѣе исторію тѣхъ затрудненій, которыя встрѣтили экономическіе взгляды въ своемъ примѣненіи къ дѣйствительности, чѣмъ исторію ихъ побѣдъ. Мы теперь не можемъ болѣе удивляться, почему между земледѣльческимъ и остальными промыслами въ экономической исторіи человѣчества существовало всегда рѣзкое разграниченіе, выразившееся въ самыхъ мѣрахъ, установленіяхъ и политикѣ правительствъ относительно этихъ двухъ промысловъ. Это различіе сказалось и тутъ, и мы увидимъ, что примѣненіе либеральныхъ экономическихъ началъ оказалось на дѣлѣ гораздо легче въ индустріальныхъ промыслахъ, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Разсказывая внѣшнюю исторію развитія экономической свободы въ странѣ, создавшей науку этой свободы, мы должны будемъ раздѣлять отчасти исторію одного промысла отъ другаго.

Что касается торговли и индустріи вообще, то начало XIX-го вѣка въ Англіи можетъ считаться временемъ послѣдовательнаго осуществленія мыслей національныхъ экономистовъ; что касается земледѣльческаго промысла, то здѣсь вещи принимаютъ съ самаго начала какъ бы совершенно обратный порядокъ. Въ то время, когда Адамъ Смитъ писалъ свои мысли о свободѣ торговли, основаніемъ англійской торговой политики служилъ извѣстный *навигаціонный* актъ. Созданный Кромвелемъ въ 1651 г.

(9 октября), онъ имѣлъ задачей создать для Англіи сильный торговый флотъ, передать въ руки Англіи міровую торговлю, служить ей точкой опоры въ ея соперничествѣ съ Голландіей. Отмѣненный при Стюартахъ, онъ снова былъ возобновленъ въ 1660 г. и несмотря на измѣненія въ частностяхъ, оставался въ существѣ непоколебимымъ въ теченіе полутора столѣтія. На основаніи его всякій провозъ товаровъ, какъ между англійскими портами, такъ и между англійскими портами и колоніями могъ происходить только на англійскихъ корабляхъ. Что касается иностранной торговли, то она дѣлилась на двѣ части: на европейскую и остальную. Европейскіе продукты, по крайней мѣрѣ извѣстнаго рода, могли привозиться только или на корабляхъ страны, которой они принадлежали, или на корабляхъ англійскихъ. Никакой третій флагъ не могъ совершать ввоза въ Англію постороннихъ продуктовъ. Черезъ это исключалась всякая возможность для какого-либо третьяго флота овладѣть монополіей европейской торговли съ Англіей, и то, что уступала въ этомъ случаѣ Англія инымъ державамъ, распредѣлялось поневолѣ на нѣсколько флотовъ; сверхъ того торговля со всѣми государствами, не имѣвшими торговаго флота, доставалась при этомъ само собою англійскимъ кораблямъ. Что касается затѣмъ азіатской, африканской и американской торговли, то она должна была совершаться на англійскихъ корабляхъ; при этомъ опредѣлялось, что̀ слѣдовало признавать англійскимъ кораблемъ, и что національнымъ кораблемъ, имѣющимъ право на ввозъ туземныхъ продуктовъ. Для того, чтобы считаться англійскимъ или туземнымъ кораблемъ, нужно было, чтобы корабль былъ выстроенъ въ Англіи, или той странѣ, которой онъ принадлежитъ, и чтобы капитанъ и $^2/_3$ экипажа были изъ англичанъ или туземцевъ.

Вотъ тотъ несложный рычагъ, опираясь на который англійская торговля выросла до тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ ее застало начало текущаго столѣтія. Въ 1792 г. Питтъ заявилъ о превышеніи доходовъ фиска надъ расходами и о возможности обѣщать пониженіе налоговъ, тяготѣвшихъ на недостаточныхъ классахъ. Но наступившая война, вмѣсто ихъ пониженія, привела къ ихъ возвышенію. Въ теченіе ея иностранные товары были обложены кромѣ нормальной таксы еще двумя чрезвычайными по случаю войны, несмотря на доходы торговые съ 1793 до 1814 года возросли съ 100 мил. фр. до 310 мил. фр.

Можно было думать, что съ наступившимъ миромъ наступитъ и время иной политики. Несмотря на то 1814 годъ—годъ кары Европы надъ Франціей, оказался годомъ такихъ новыхъ стѣсненій промысла въ Англіи, которыя превышали собой все предыдущее. Въ то время, какъ

навигаціонный актъ утверждалъ своими стѣсненіями торговое могущество Англіи, ввозъ хлѣба, совершенно свободный въ теченіе пяти вѣковъ отъ завоеванія Англіи норманнами, также подвергся съ 1690 г. извѣстнымъ пошлинамъ въ томъ случаѣ, когда цѣна хлѣба падала ниже опредѣленной цѣны. Въ это время самый ввозъ хлѣба въ Англію былъ совершенно ничтоженъ, а она напротивъ его вывозила. Въ 1773 году вздорожаніе хлѣба заставило измѣнить политику, затруднявшую вывозъ, и облегчить ввозъ. Несмотря на то, наступившее военное положеніе, затрудняя внѣшній привозъ, должно было по неволѣ усилить въ значительной степени земледѣльческое производство. Съ наступленіемъ мира земледѣльческая промышленность нашла поводъ утверждать, что она будетъ разорена ввозомъ иностраннаго хлѣба и результатомъ этихъ утвержденій былъ законъ 1815 г., по которому 34 фр. 40 сант. за гектолитръ были признаны за законную цѣну хлѣба, ниже которой запрещенъ его ввозъ. Десять перовъ палаты лордовъ протестовали противъ постановленія, которое по ихъ словамъ было *закономъ голода*, тѣмъ не менѣе оно сохраняло свое дѣйствіе до 1846 г.

Съ 1820 года начинается поступленіе просьбъ въ парламентъ со стороны купечества объ измѣненіи торговой системы въ смыслѣ свободы торговли. Самая замѣчательная изъ нихъ представлена была городомъ Лондономъ, редактированная негоціантомъ и авторомъ «Исторіи цѣнъ» Томомъ Токомъ. Просьба эта была краткимъ выраженіемъ взгляда на торговлю Смита и экономической школы. «Имѣя въ виду,—говорилось здѣсь, — что иностранная торговля составляетъ громадный источникъ обогащенія для страны; что уничтоженіе всякихъ стѣсненій должно значительно расширить ея предѣлы; что правило покупать вещь тамъ, гдѣ она можетъ быть куплена всего дешевле, и продавать, гдѣ она можетъ быть продана всего дороже, есть единственное правило всякой торговли; что торговая политика, основанная на началахъ свободы, должна была бы сдѣлать изъ торговли взаимный обмѣнъ услугъ, одинаково выгодный для всѣхъ; что, къ несчастью, до сихъ поръ политика Англіи была совершенно иная и всякое покровительство тѣмъ вреднѣе, что оно даетъ поводъ всѣмъ промысламъ домогаться такого же покровительства,—лондонское купечество, не надѣясь на отмѣну такихъ стѣсненій, которыя въ то же время служили ресурсомъ значительнаго таможеннаго дохода, просило отмѣнить, по крайней мѣрѣ, такія, которыя не имѣютъ этого значенія.»

Въ тоже время явились попытки поколебать хлѣбный законъ, но попытки эти не привели ни къ какому результату, и если мы упоми-

наемъ объ нихъ, то потому только, что по поводу ихъ Рикардо написалъ свою монографію «о покровительствѣ земледѣлію», въ которой доказывалъ всю неосновательность такого покровительства. «Естественное теченіе вещей, писалъ онъ, само собою направлено къ постоянному возвышенію ренты. Но, искусственно возвышая цѣну на хлѣбъ хлѣбными законами, правительство, по его мнѣнію, создавало нарочно новыя затрудненія тамъ, гдѣ и безъ того ихъ создала достаточно сама природа; оно отнимало возможность у собственной страны пользоваться тѣми облегченіями въ вопросѣ прокормленія, которыя давали ей въ руки ея развитіе и обстоятельства. Зло это обрушалось не только на потребителя вообще, но дороговизна хлѣба вообще возвышала рабочую плату и потому сокращала всѣ прибыли.» Онъ полагалъ справедливымъ удержать всѣ хлѣбныя пошлины лишь настолько, насколько онѣ были необходимы для вознагражденія земледѣльцевъ за тѣ особые налоги, которые лежали на земледѣльческой промышленности, какъ-то за таксу на бѣдныхъ и пр. Въ 1826 г. министерство должно было за собственной отвѣтственностью разрѣшить временный впускъ хлѣба и доказать такимъ образомъ практическую невыполнимость въ строгомъ видѣ хлѣбнаго закона. Вслѣдствіе невзгодъ 1826 г., въ теченіе двухъ сессій 1827 и 1828 г. хлѣбный законъ сталъ предметомъ новыхъ состязаній. Противъ него составились на этотъ разъ сильныя коалиціи общественнаго мнѣнія, литературы и правительства. По всѣмъ главнымъ городамъ собирались митинги съ цѣлью вотировать просьбу парламенту объ отмѣнѣ ненавистнаго закона. «*Westminster Review*», «*Edinburgh Review*» и «*Quarterly Review*», первая радикальная, вторая органъ виговъ, третья органъ министерства, каждая въ своихъ предѣлахъ требовали измѣненія закона. Экономистъ Мак-Куллохъ въ «*Эдинбургскомъ обозрѣніи*» разсчитывалъ въ 20 милл. ф. стерл. (500 милл. фр.) ежегодныя потери, которыя хлѣбный законъ заставлялъ нести потребителей; изъ нихъ сами земледѣльцы должны были терять 15 милл. ф. стерл. вслѣдствіе вздорожанія рабочихъ рукъ, такъ что въ существѣ дѣла выгода ихъ состояла въ 5 милл. ф. стерл., и эта выгода еще была сомнительна, такъ какъ постоянное колебаніе цѣнъ ставило фермеровъ въ невозможность регулярно уплачивать усиленныя ренты.

Между Гускиссономъ, лордомъ Ливерпулемъ и Каннингомъ были установлены начала новаго закона, который долженъ былъ замѣнить хлѣбный законъ подвижной таксой. Каннингъ долженъ былъ внести его въ палату общинъ, а Ливерпуль въ тоже время въ палату лордовъ. Но въ самую критическую минуту съ лордомъ Ливерпулемъ сдѣлался ударъ.

Гускиссонъ заболѣлъ воспаленіемъ, а Каннингъ лихорадкой. Послѣдній однако оправился и началъ успѣшно свое дѣло въ палатѣ общинъ. Но судьба не благопріятствовала новому закону. Ливерпуля въ палатѣ лордовъ заступилъ лордъ Веллингтонъ, онъ имѣлъ подробныя наставленія по предмету моціи отъ Каннинга, но въ самомъ засѣданіи спуталъ вещи и потребовалъ вовсе не того, чего долженъ былъ бы требовать по назиданію Каннинга, а потомъ не хотѣлъ взять своего требованія обратно. Вслѣдствіе того Каннингъ немедленно взялъ свой проектъ обратно. При такихъ неудачахъ относительно хлѣбнаго закона, законодательство успѣло въ тоже время сдѣлать нѣсколько частныхъ, но опредѣленныхъ шаговъ впередъ относительно другихъ частей. 1820 годъ ничего не принесъ хлѣбному закону, кромѣ пониженія законной цѣны съ 80 шилл. на 70 шилл. Между тѣмъ въ это время навигаціонный актъ потерпѣлъ существенныя измѣненія; ввозъ различныхъ предметовъ былъ облегченъ къ неудовольствію отдѣльныхъ промышленниковъ. Такимъ образомъ, хотя партія тори, 50 лѣтъ сряду управляя страной, и ничего не успѣла сдѣлать рѣшительно въ смыслѣ новыхъ началъ, хотя въ ея управленіе возникло новое стѣсненіе въ видѣ хлѣбнаго закона, съ которымъ она не успѣла раздѣлаться: но и того, что она сдѣлала и что стремилась сдѣлать, уже достаточно было, чтобы судить о томъ, какое вліяніе духъ времени начиналъ оказывать на самую эту партію и на вещи вообще. Послѣднее ея министерство Веллингтона не даромъ называлось министерствомъ тори, управляющимъ на-манеръ виговъ; вскорѣ власть должна была перейти, въ прямомъ смыслѣ, въ руки виговъ. Ихъ управленіе началось министерствомъ Грея и первымъ его замѣчательнымъ актомъ была парламентская реформа 1832 года, давно ждавшая своего осуществленія; уничтожившая значеніе и власть, такъ-называемыхъ, гнилыхъ мѣстечекъ и открывшая доступъ въ парламентъ болѣе живымъ и свѣжимъ силамъ націи. Лордъ Грей называлъ эту реформу только *средствомъ, ведущимъ къ цѣли*; вигамъ не суждено было однако достичь цѣли, и десять лѣтъ спустя они должны были сдать власть партіи тори въ лицѣ Пиля, въ то время, когда вопросъ о свободѣ торговли оставался все-таки въ подготовительномъ положеніи. Собственно говоря, взгляды обѣихъ партій теперь не были настолько несогласны между собою въ этомъ вопросѣ, чтобы каждая не могла дѣйствовать извѣстнымъ образомъ въ смыслѣ успѣховъ этой свободы.

Одинъ вопросъ покровительства земледѣлію былъ вопросомъ, въ которомъ партія тори была связана, во всѣхъ остальныхъ она могла дѣйствовать столь же свободно въ либеральномъ смыслѣ, какъ и партія

виговъ. Министерство тори началось теперь министерствомъ Пиля. Министерство это съ самаго начала уже не защищало покровительства земледѣлію, какъ прерогативы аристократіи. Пиль объяснялъ, что онъ защищаетъ хлѣбные законы лишь настолько, насколько они гарантируютъ самостоятельность и интересы страны и обезпечиваютъ ее отъ случайностей вздорожанія иностраннаго хлѣба. Между тѣмъ идея свободы торговли дѣлала свое дѣло въ обществѣ, распространяемая путемъ печати, имѣя за себя классъ мануфактуристовъ, гораздо болѣе многочисленный, чѣмъ классъ землевладѣльцевъ. Она становилась съ каждымъ днемъ все болѣе популярною, и подъ ея знаменемъ должно было вскорѣ сплотиться цѣлое общественное движеніе, направленное въ защиту этой свободы.

Графство Ланкастеръ, самое промышленное изъ всѣхъ графствъ Англіи, стало колыбелью этого движенія. Первымъ актомъ такого движенія было обращеніе къ манчестерской торговой камерѣ съ проэктомъ прошенія парламенту о немедленной *отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ*. Проэктъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ шагомъ Кобдена на томъ поприщѣ, на которомъ ему пришлось играть столь дѣятельную и столь извѣстную роль. Вскорѣ это движеніе сплотилось въ формальный союзъ противъ хлѣбныхъ законовъ, получившій названіе Anti-corn-law League. Главный совѣтъ союза долженъ былъ находиться въ Манчестерѣ и каждый мануфактурный округъ долженъ былъ составить свою особую ассоціацію, подчиненную главному совѣту. Все это совершилось ранѣе послѣдняго вступленія министерства тори. Но настоящая роль лиги начинается не ранѣе вступленія Пиля въ министерство. Къ этому времени она пріобрѣла настоящій фондъ для своей дѣятельности, и раздача брошюръ, митинги и вліяніе на парламентъ стали тѣми тремя средствами, которыми она повела непрерывную атаку противъ хлѣбныхъ законовъ.

Подъ вліяніемъ расположенія къ началамъ свободной торговли, которое все съ большей и большей очевидностью утверждалось въ общественномъ мнѣніи, подъ вліяніемъ угрожающаго положенія, которое принимало состояніе рабочихъ классовъ, никакое толковое министерство, сколько бы оно ни было консервативно, не могло безполезно продолжать защиты хлѣбныхъ законовъ, и такимъ образомъ министерство тори въ лицѣ своего толковаго министра Пиля должно было стать на сторону реформъ.

Въ 1845 г. въ Ирландіи открылась болѣзнь картофеля, и Пиль явился уже нѣсколько менѣе рѣшительнымъ заступникомъ протекціо-

низма. Онъ предложилъ министерству или немедленно созвать палаты, или прекратить собственною властью дѣйствіе хлѣбныхъ законовъ на время предстоящаго голода. Онъ не нашелъ сочувствія въ министерствѣ и подалъ въ отставку. Но новое министерство, которое поручено было составить лорду Джону Росселю, не состоялось, и Пиль долженъ былъ взять свою отставку назадъ. Теперь онъ могъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и министерство должно было согласиться на временное прекращеніе дѣйствія хлѣбныхъ законовъ. Сессія 1846 года началась прямымъ признаніемъ со стороны Пиля въ своемъ обращеніи: «Опытъ заставилъ меня видѣть вещи въ иномъ видѣ, чѣмъ онѣ мнѣ представлялись прежде, и въ такомъ сознаніи мною ничто не руководитъ кромѣ желанія пользы странѣ... Я слышу постоянныя угрозы, что то вліяніе, которое дало мнѣ въ руки власть, въ состояніи точно также и отнять ее. Я служилъ тремъ царствованіямъ въ трудныя минуты и не искалъ за это никакихъ наградъ, кромѣ признанія, что я служилъ честно. Власть въ моихъ глазахъ не имѣетъ другой цѣны кромѣ той, что даетъ возможность принести пользу. Я и дорожу поэтому званіемъ перваго министра Англіи; но пока я имъ буду, я не приму на себя роли прислужника и сохраню за собой свободу дѣйствій.» Въ отвѣтъ на такое признаніе, Пиль былъ названъ предателемъ. Впрочемъ все это служило только вступленіемъ къ настоящему дѣлу и къ тѣмъ предложеніямъ, которыя готовилъ сдѣлать на этотъ разъ Пиль.

Обращаясь прежде всего къ мануфактуристамъ, онъ сказалъ, что такъ какъ они первые высказались въ пользу свободы торговли, то они первые и должны подать примѣръ такой свободы, вотируя за пониженіе пошлины на такіе продукты, которые составляютъ предметъ потребленія массъ, т. е. пошлины на ткани, идущія на одежду. Сверхъ того слѣдовало предположеніе понизить пошлину на рядъ другихъ продуктовъ: сало, строевой лѣсъ и под.

Переходя къ предметамъ пищи, онъ предложилъ понизить на половину пошлину на сыръ и масло, уничтожить ее вовсе на мясо; относительно же хлѣба принять слѣдующія мѣры.

Въ виду огражденія интересовъ землевладѣльцевъ сохранить покровительство на три года въ видѣ подвижной таксы, понизивъ впрочемъ ея размѣры. Срокъ дѣйствія этой таксы долженъ былъ истечь 1 февр. 1849 г. и затѣмъ эта такса должна была замѣниться постоянной однообразной пошлиной въ размѣрѣ 1 фр.

Взамѣнъ такихъ перемѣнъ Пиль обѣщалъ землевладѣльцамъ существенныя льготы, состоявшія въ суммахъ, назначенныхъ правитель-

ствомъ на введеніе земледѣльческихъ улучшеній, въ сложеніи съ землевладѣльцевъ извѣстныхъ обязательствъ по содержанію бѣдныхъ и пр.

Предложеніе Пиля было принято какъ въ палатѣ общинъ, такъ и въ палатѣ лордовъ. Но министерство пало. Когда Пиль выходилъ изъ парламента послѣ принятія билля, густая толпа народа обнажила головы и провожала его до дому.

Такъ кончило свое дѣйствіе одно изъ существеннѣйшихъ торговыхъ стѣсненій. Но этимъ не окончилась еще исторія протекціонизма. Министерству виговъ предстояло сдѣлать слѣдующій рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи окончательной реформой навигаціоннаго акта, и оно это исполнило, поддерживаемое въ этомъ настолько же общественнымъ мнѣніемъ страны, насколько либеральными завѣреніями другихъ правительствъ. Свобода торговли, не смотря на всю склонность политики отдѣльныхъ націй къ исключительности, была той струей свѣжаго воздуха, значеніе которой одинаково чувствовали для себя отдѣльныя національности, а потому и вліяніе англійскихъ торговыхъ реформъ въ смыслѣ либеральной политики не осталось безъ послѣдствій не только въ самой Англіи, но и внѣ ея. Въ двадцатыхъ годахъ внѣшнее торговое движеніе Англіи выражалось 4-мя милл. тоннъ, распредѣлявшихся равномѣрно между привозомъ и вывозомъ. Къ 1849 году среди разгара борьбы за свободу торговли оно возросло до 14. Четыре года спустя послѣ послѣдней реформы навигаціоннаго акта оно достигло 18 милл.

Сумма торговаго оборота распредѣлялась между ввозомъ и вывозомъ по годамъ слѣдующимъ образомъ:

	Ввозъ:	Вывозъ:
1821	775 милл. фр.	1025 милл. фр.
1831	1250 » »	1525 » »
1841	1600 » »	2550 » »
1851	2762½ » »	4762 » »

Сумма торговаго оборота возростала такимъ образомъ ускореннымъ образомъ съ развитіемъ либеральной политики, и это ускореніе доставалось на долю, какъ англійской, такъ и иностранной торговли, — польза была такимъ образомъ обоюдная. Въ частности средній ежегодный ввозъ хлѣба въ теченіе періодовъ

1840 — 1845 равнялся 7,900,000 гектол.
1845 — 1851 » 23,900,000 »

Для страны, населеніе которой между селомъ и городомъ распредѣ-

ляется приблизительно по ровну и городское населеніе которой растетъ быстрѣе сельскаго (въ теченіе настоящаго вѣка первое возросло на 189 %, второе на 71 %), свобода торговли представляетъ дотого очевидный интересъ, что можно только удивляться той медленности и тѣмъ затрудненіямъ, которыхъ стоило ея введеніе. Наука, которая умѣла въ этомъ случаѣ предугадать истинные интересы страны и указать правило дѣйствія гораздо ранѣе, чѣмъ оно было сознано практикой,—которая должна была бороться въ этомъ отношеніи не съ одними человѣческими страстями, но и предразсудками, могла уже гордиться и сказать, что она достаточно возмужала, чтобы руководить въ извѣстныхъ случаяхъ политикой народовъ, а направленіе, придерживаясь котораго она пріобрѣла такую возможность, могло считаться имѣющимъ будущность. Но было бы еще несправедливо ограничивать всю пользу, принесенную ученіемъ свободы торговли, предѣлами одной какой-либо страны. Принципъ свободы торговли, какъ его проповѣдывала экономическая школа, былъ принципомъ всеобщимъ.

Сношеніе странъ создаетъ цѣнности, — таково совершенно вѣрное положеніе, на которомъ опирается все ученіе. Производства двухъ странъ, сложенныя вмѣстѣ, въ случаѣ замкнутости обѣихъ странъ, не равны суммѣ ихъ производствъ въ случаѣ ихъ торговаго объединенія. Торговля обращаетъ потенціальныя и мертвыя цѣнности, которыя существуютъ въ каждой странѣ, въ цѣнности живыя. Потребленіе каждой страны возрастаетъ, руки находятъ работу, а капиталы—приложеніе. Словомъ, двѣ территоріальныя единицы, сложенныя между собою въ смыслѣ производства, не равны двумъ, а болѣе чѣмъ двумъ, и чѣмъ больше такихъ единицъ будетъ сложено вмѣстѣ, чѣмъ больше торговыхъ сношеній, тѣмъ больше сумма производства и потребленія каждой, тѣмъ болѣе утилизируются человѣчествомъ природныя богатства каждой страны. Въ предѣлѣ слѣдовательно при наибольшемъ числѣ странъ, находящихся между собою въ сношеніи, торговля должна уравнивать природныя особенности каждой и доставлять каждой странѣ сумму необходимыхъ ей продуктовъ по самой дешевой цѣнѣ, какая только мыслима. Можно ли что-нибудь сказать противъ принципа свободы торговли послѣ той очевидной силы, которая въ немъ скрыта, можно ли не признать ее за аксіому, которой несомнѣнно принадлежитъ дальнѣйшее развитіе человѣчества.

Но этого мало, вліяніе торговли или сношенія странъ не ограничивается возвышеніемъ матеріальнаго уровня странъ. Кромѣ матеріальныхъ цѣнностей, каждая цивилизованная страна представляетъ

цѣнности нравственныя, заключающіяся въ ея культурѣ, знаніи, полезныхъ учрежденіяхъ. Сношеніе даетъ возможность одной странѣ знакомиться съ опытомъ и знаніями другой, и эти знанія переносятся въ отечество въ видѣ придатка къ матеріальной выгодѣ, доставляемой торговлею. Это условіе конечно еще болѣе возвышаетъ значеніе свободы торговли.

А между тѣмъ эта свобода задерживалась не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ, и никогда не была полной. Протекціонизмъ всегда находилъ своихъ защитниковъ не только между классами, лично въ немъ заинтересованными, но и между людьми, которые по личному своему положенію могли относиться къ вопросу совершенно безпристрастно. Поддержка мѣстнаго производства была главнымъ его основаніемъ. Защита мѣстныхъ производителей отъ разоренія,—вотъ тотъ главный аргументъ, въ силу котораго протекціонизмъ постоянно поддерживался политикой отдѣльныхъ странъ. Если свобода торговли можетъ быть безусловно выгодна въ интересахъ общечеловѣческихъ, то въ смыслѣ національной политики отдѣльныхъ странъ она могла быть связана съ потерями, которыя всегда обрушаются на страну менѣе развитую, и дѣло можетъ кончиться для такой страны совершенной эксплуатаціей и низведеніемъ на степень колоніи страною болѣе развитой.

Положеніе это остается совершенно вѣрнымъ, но только съ извѣстными ограниченіями и при извѣстныхъ условіяхъ. Непосредственныя матеріальныя выгоды, извлекаемыя страной менѣе развитой изъ сношенія съ страной болѣе развитой, могутъ быть ниже непосредственныхъ торговыхъ барышей, получаемыхъ страною болѣе развитой; но выгодъ, получаемыхъ первой страной изъ такого сношенія, мы не можемъ измѣрять исключительно одними коммерческими барышами, а должны принять въ разсчетъ все, что можетъ извлечь такая страна изъ подобнаго сношенія въ смыслѣ ея цивилизаціи. Если послѣдняя представляетъ извѣстную цѣнность, то она не можетъ доставаться ей даромъ, какъ всякая цѣнность, и она должна болѣе или менѣе дорого платить за такое пріобрѣтеніе, и естественно платить тѣмъ дороже, чѣмъ она сама менѣе развита. Но торгующая страна можетъ пользоваться цѣнностями послѣдняго рода, и въ такомъ случаѣ развитіе ея приходитъ мало по малу къ уровню другой страны, такъ что наконецъ выгоды ихъ становятся одинаковы и она можетъ оставлять совершенно втунѣ все, чѣмъ можетъ воспользоваться изъ сношенія съ другой страной, кромѣ обмѣна, въ тѣсномъ смыслѣ, своихъ произведеній на посторон-

нія. Обмѣнъ дастъ ей во всякомъ случаѣ извѣстную матеріальную прибыль. Эту прибыль страна можетъ употребить производительно и непроизводительно. Она можетъ сберечь ее, употребить какъ капиталъ на основаніе своего собственнаго производства, на полезныя учрежденія; и она можетъ прямо проживать эту прибыль. Въ послѣднемъ случаѣ торговля станетъ для нея конечно только источникомъ увеличенія роскоши, которая не принесетъ странѣ пользы. Но кто же виноватъ въ этомъ? Обыкновенно случается такъ, что чѣмъ менѣе развита страна, тѣмъ менѣе она цѣнитъ пользу сбереженій и цивилизаціи, и поэтому-то торговля ничего не приноситъ такимъ странамъ кромѣ эксплуатаціи и упадка. Все будетъ зависѣть, словомъ, отъ внутренней національной политики страны, открывающей безпошлинный ввозъ, и смотря по направленію послѣдней торговля можетъ стать полезной или вредной. Различіе въ степени цивилизаціи двухъ странъ не уничтожаетъ слѣдовательно выгодности для обѣихъ принципа торговли, но однако принципъ свободы торговли, сколько бы онъ ни былъ выгоденъ самъ по себѣ, не можетъ еще сдѣлать всего. Упуская изъ виду это-то условіе, обрушаютъ обыкновенно на свободу торговли тѣ послѣдствія, въ которыхъ она собственно вовсе бываетъ невиновата. Этимъ разъясняется главное опасеніе, связываемое съ принципомъ свободы торговли. Другое, болѣе частное, заключается въ томъ, что она мѣшаетъ развитію мѣстныхъ мануфактуръ и производствъ. Но тутъ экономическое ученіе приглашало различать два случая. Или эти производства могутъ существовать, но ихъ нѣтъ, потому что самое начало производства, когда нужно еще пріобрѣтать потребителей, стоитъ обыкновенно дороже, чѣмъ его продолженіе, когда потребители уже пріобрѣтены и сбытъ обезпеченъ. Или производство не можетъ существовать, потому что не можетъ безусловно поставить вещей такъ дешево, какъ могутъ онѣ быть получены изъ-за границы. Въ первомъ случаѣ никто не станетъ отрицать пользы покровительства, какъ временной мѣры; во второмъ оно представляетъ очевидный убытокъ для страны, который протекціонизмъ ее заставляетъ нести обыкновенно въ видахъ различныхъ соображеній и болѣе всего въ видахъ обезпеченія на случай войны. Но, во первыхъ, слѣдуя этимъ соображеніямъ, страна для самыхъ своихъ военныхъ нуждъ будетъ производить издѣлья низшаго качества, какія обыкновенно вызываетъ искусственное покровительство, тогда какъ дѣйствуя съ извѣстной предусмотрительностью она могла бы имѣть запасы иностранныхъ издѣлій высшаго качества. Издѣлья низшаго качества заставляютъ ее весьма часто разочаровываться слищ-

комъ поздно въ своемъ достоинствѣ. Во вторыхъ, обезпеченіе на случай войны, которое признается за мѣстнымъ производствомъ, съ другой стороны располагаетъ къ болѣе частымъ и продолжительнымъ войнамъ. Нельзя кажется сомнѣваться въ умиротворяющемъ дѣйствіи торговли, въ томъ, что чѣмъ болѣе страны будутъ связаны между собою взаимными интересами, тѣмъ менѣе онѣ будутъ воевать другъ съ другомъ.

Итакъ, принципъ свободы торговли остается принципомъ, въ высшей степени цивилизующимъ и способствующимъ къ развитію не только матеріальнаго, но и нравственнаго положенія общества. И если бы экономическое направленіе не принесло никакихъ другихъ истинъ наукѣ, то этой одной было бы достаточно, чтобы всегда отнестись къ нему съ сочувствіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ:

Страница 332, строка 7 снизу напечатано:

$$R=\frac{b}{a}\int_0^p \sqrt{\frac{p\,(a-p)}{a^2-(a^2-p)^2}}\,dp=\frac{pb}{a}\sqrt{a-(a-p)^2}-\frac{b}{a}\int_0^p \sqrt{a-(a-p)^2}.$$

Должно быть:

$$R=\frac{b}{a}\int_0^p \sqrt{\frac{p\,(a-p)}{a^2-(a^2-p)^2}}\,dp=\frac{pb}{a}\sqrt{a^2-(a-p)^2}-\frac{b}{a}\int_0^p \sqrt{a^2-(a-p)^2}.$$

Страница 332, строка 1 снизу напечатано:

$$R=\frac{pb}{}\sqrt{a^2-(a-p)^2}-$$

Должно быть: $$R=\frac{pb}{a}\sqrt{a^2-(a-p)^2}-$$

Страница 346, строка 4 сверху напечатано:

$$\frac{\mathrm{E}^0x_0}{x_n}\int_0^x dx=\frac{\mathrm{E}_0x^0}{x_n}\int_0^{x_n} dx+\frac{\mathrm{E}^0x_0}{x_0}\int_{x_n}^x dx,$$

Должно быть: $$\frac{\mathrm{E}^0x_0}{x_n}\int_0^x dx=\frac{\mathrm{E}_0x^0}{x_n}\int_0^{x_n} dx+\frac{\mathrm{E}^0x_0}{x_n}\int_{x_n}^x dx,$$

Страница 348, строка 9 снизу напечатано:

$$R=\mathrm{E}_0x_0\int_{x=a}^x\frac{dx}{x}=\mathrm{E}\,x^0l\frac{x}{a}$$

Должно быть: $$R=\mathrm{E}_0x_0\int_{x=a}^x\frac{dx}{x}=\mathrm{E}_0\,x_0l\frac{x}{a}$$

Страница 348, строка 1 снизу напечатано:

$$R_p=\frac{R}{\mathrm{E}}=xl\frac{x}{a}=l\left(\frac{x}{a}\right)^x=\frac{R}{\mathrm{E}_0x_0}al^{\frac{R}{\mathrm{E}_0x_0}}$$

Должно быть: $$R_p=\frac{R}{\mathrm{E}}=xl\frac{x}{a}=l\left(\frac{x}{a}\right)^x=\frac{R}{\mathrm{E}_0x_0}ae^{\frac{R}{\mathrm{E}_0x_0}}.$$

2014150102